PG 3337
.P8 B5

1863

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

5325

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

А. А. ПОТѢХИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Potekhin, Aleksei Antipovich

Biednye dvoriane

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

А. А. Потѣхина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

PG 3337
.P8 B5
1863

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 Сентября 1863 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ID Jan. 18 - 1974

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Раннія весеннія сумерки давно наступили. Сквозь маленькія окна крестьянскихъ избушекъ деревни Мѣшкова замелькали огоньки отъ зажженной лучины. Въ одной отдѣльно стоящей и такъ называемой сиротской избушкѣ, маленькой, уютной, также свѣтился огонекъ, но не отъ лучины, а отъ тонкой сальной свѣчи, воткнутой въ изломанный мѣдный подсвѣчникъ. Огонекъ этотъ, слабо освѣщая внутренность избы, давалъ возможность замѣтить, что здѣсь обитало не простое крестьянское семейство: стѣны избушки были оклеены внутри бумажными обоями, правда, очень дешевыми, и разнаго рода и рисунка, какъ-бы собранными изъ остатковъ, оказавшихся лишними при оклейкѣ комнатъ какого либо другаго дома; поперегъ избы шла перегородка, отдѣляя обыкновенную русскую печь съ большимъ устьемъ и придѣланнымъ къ ней голбцемъ; въ переднемъ углу на тяблѣ стояло нѣсколько иконъ: одна изъ нихъ—въ серебряной ризѣ, и была украшена цвѣтами бархатцовъ, которые въ настоящее время повяли и вполовину облетѣли. Тутъ же на тяблѣ предъ образами стояла изъ синяго стекла лампада, зажигаемая, вѣроятно, наканунѣ большихъ праздниковъ. Въ переднемъ углу помѣщался столъ, выкрашенный красной краской, постертой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отъ частаго мытья и вытиранья. На одной стѣнѣ между окошками висѣло крошечное зеркальце.

лавки по стѣнамъ, и два стула съ высокими спинками, изъ точеныхъ столбиковъ, съ соломеннымъ сидѣньемъ, выкрашенные черною краскою, дополняли убранство небогатаго жилища, отличавшагося во всемъ какою-то изысканною чистотою и опрятностію, доходившею почти до чопорности, такъ что и полъ, и потолокъ, и лавки, казалось, блестѣли и были вылощены У стола сидѣли двѣ женщины. Одной было лѣтъ подъ пятьдесятъ; другой около 20; обѣ онѣ были одѣты не по-крестьянски: на старшей—поношенный ситцевый теплый капотъ, голова повязана темнымъ бумажнымъ платкомъ. Младшая—съ открытою головою, и волосами, заплетенными въ одну косу, распущенную по спинѣ, была одѣта въ клѣтчатое холстинковое платье. Это были мать и дочь, единственныя обитательницы описаннаго жилища. Мать пряла пряжу, медленно и старательно выводя тонкую нитку, которую она потомъ съ какой-то любовью и заботливостью навивала на веретено. Дочь плела кружева, весело побрякивая коклюшками. Тонкія черты лица старушки, привѣтливое, хотя въ то же время и, нѣсколько лукавое выраженіе ея лица, какая-то степенность, и даже нѣкоторая важность въ ея манерахъ, съ перваго взгляда могли расположить къ ней всякаго, и ясно говорили, что это была въ свое время женщина красивая, умная, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, и, какъ говорится, себѣ на-умѣ. Дочь казалась совершенно не похожею на нее,—гораздо больше ростомъ, гораздо мужественнѣе, и вообще какъ-то грубоватѣе матери, но что называется дѣвушка кровь съ молокомъ. По бѣлизнѣ ея рукъ и свѣжему цвѣту лица безошибочно можно было заключить, что дѣвушка росла если не нѣженкой, то любимой матушкиной дочкою, которая не знала ни большой нужды, ни заботы, и не изнурялась непосильнымъ трудомъ.

Прасковья Федоровна—такъ звали мать—была вольноотпущенная отъ помѣщицы деревни Мѣшкова, ея бывшая фаворитка, горничная, потомъ довѣренная ключница и наперсница. Нѣсколько времени назадъ барыня отпустила ее на волю, за ея продолжительную и вѣрную службу, и отпустила не коё-какъ, не съ пустыми руками: своимъ барщиннымъ мужикамъ приказала она срубить для нея даромъ, безплатно, избушку, на которую пожаловала тридцать бревешекъ, изъ собственныхъ дачъ; дочери дала изъ собственнаго гардероба два поношенныхъ ситцевыхъ и одно почти новенькое шерстяное платье; на разживу и засвидѣтельствованіе въ судѣ отпускной дала синенькую бумажку, и впредь

приказала обращаться къ себѣ со всякой нуждою, обѣщаясь ни въ чемъ не оставить. И, надо правду сказать, дѣйствительно не оставляла: оклеивали въ господскомъ домѣ стѣны—барыня всѣ обрѣзки отъ шпалеръ приказала отдать Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, перекладывали въ домѣ печь—всѣ негодные изразцы и годные еще обломки кирпича были отосланы къ ней же, чтобы и у Прасковьи Ѳедоровны была изразцовая лежанка; сломается ли старый мѣдный подсвѣчникъ, отобъется ли горлышко у чайника, или ручка у чашки, или край у тарелки, однимъ словомъ, какъ только вещь сдѣлается негодною для господскаго употребленія,—тотчасъ же она отсылалась во владѣніе Прасковьи Ѳедоровны. И какъ дорого цѣнила, какъ искренно была благодарна она за всѣ эти барскіе подарки! «Какой бы другой господинъ, говорила она, сталъ помнить да думать о вольномъ человѣкѣ? Другой бы сказалъ: будь доволенъ и тѣмъ, что на волю-то отпустили; а у меня, по милости госпожи моей, что ни есть въ домѣ, все не купленное, развѣ только что самоваръ купила, да что̀ поцѣннѣе, подороже, а то все—господское: всякій послѣдній пустякъ.»

И барыня съ своей стороны тоже была довольна своей бывшей ключницей. «За то люблю, Параню, говаривала она, что чувствуетъ. Что—что она теперь вольная,—она и теперь готова служить мнѣ, какъ своя раба крѣпостная: только пошли, да позови, такъ что угодно, на все готова. А пожалуешь что , такъ свой крѣпостной не станетъ такъ благодарить да превозносить , какъ она... Вотъ какихъ я люблю , такимъ мнѣ не жалко ничего и дать, потому—вижу, что чувствуетъ человѣкъ,—понимаетъ. Вотъ еще жениха буду пріискивать хорошаго ея Катеринѣ; а замужъ будетъ выходить, свое старое шелковое платье дамъ въ приданое, непремѣнно пожалую, хорошее платье подарю.

Прасковья Ѳедоровна даже сначала огорчилась и нѣсколько обидѣлась когда барыня объявила ей, что намѣрена дать ей вольную.

— Чтой-то, матушка, не угодна, чтоли, я вамъ стала? говорила она со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, Параня, ты мнѣ угодна,—я твоей службой довольна, — за то тебя и хочу наградить.

— Матушка, — я и безъ того вами много довольна, и безъ того всѣмъ награждена.

— Знаю я, что тебѣ, можетъ быть, вольной и не надо, тебѣ и безъ нея у меня хорошо, да я даю тебѣ вольную для примѣ-

ра другимъ: другому бы и хотѣлось получить, да не получитъ, потому не стоитъ; не умѣлъ еще заслужить,—такъ пусть поучится... И опять: для тебя не нужна вольная,—такъ дочь за нее спасибо скажетъ.

И Прасковья Өедоровна приняла вольную только ради дочери. Само собою разумѣется, она очень хорошо понимала, что какъ ни хорошо ей у барыни, а на волѣ будетъ лучше,—ужъ тѣмъ однимъ лучше, что она сама себѣ будетъ барыня, сама себѣ и слуга, а, вѣдь «барская милость до порога»—говоритъ старинная пословица. Да и какъ можно: то ли дѣло вольный человѣкъ? что захотѣлъ съѣлъ, куда захотѣлъ пошелъ, нужно—работай, а захочешь—и отдышку себѣ можно дать. Конечно, все это очень хорошо, понимала Прасковья Өедоровна; но, получая изъ рукъ барыни отпускную и прощаясь съ нею, горько плакала, и дочери наказывала, чтобъ и она тоже плакала, какъ можно больше убивалась.

— Мнѣ, матушка, говорила она, стоя передъ барыней, не снести этого, что вы такъ-таки и прогоняете меня отъ себя. Куда я дѣнусь? куда приткнусь? Была я вашей рабою и хочу служить вамъ во вѣки вѣковъ моей жизни.

Вотъ тогда-то, за эти самыя умныя рѣчи, и приказала барыня дать Прасковьѣ Өедоровнѣ тридцать бревешекъ и срубить ей избушку въ самой деревнѣ поближе къ господскому дому.

Прасковья Өедоровна, будучи и крѣпостной, была почти постоянно въ милости у барыни: находясь почти съ самаго дѣтства при госпожѣ, она успѣла хорошо изучить ея характеръ, — и постоянно во всемъ ей угождала. Одинъ разъ только во всю свою жизнь она находилась, нѣкоторое время, подъ гнѣвомъ у своей барыни, по поводу рожденія дочки. Прасковья Өедоровна была, и до сихъ поръ оставалась, дѣвицей;—посвятивши жизнь свою ухаживанью за барыней, она умѣла уклоняться отъ всѣхъ соблазновъ, которымъ часто подвергали её молодость и красота, — и только на 28 году своей жизни не выдержала—и увлеклась нѣжными чувствами, плодомъ которыхъ и была дочь Катерина. Въ то время Прасковья Өедоровна была уже ключницей,—слѣдовательно, на такомъ почетномъ и солидномъ мѣстѣ, которое предполагаетъ въ человѣкѣ, его занимающемъ, отсутствіе всѣхъ подобныхъ слабостей, и потому беременность ея еще болѣе огорчила и удивила барыню; но, какъ добрая и благоразумная женщина, она разсудила снисходительно и благоразумно.

— Я на тебя гнѣвалась, Парасковья, больше для вида, и для примѣра другимъ, говорила ей барыня, прощая ее: потому ты ключница... Будь ты простая горничная дѣвка, твой проступокъ былъ бы простительнѣе. Но я знаю, что ты для моего угожденія не пошла замужъ и осталась въ дѣвкахъ, а потому тебя и прощаю. Другой на твоемъ мѣстѣ я бы не простила.

Кто былъ виновникомъ жизни Катерины,—осталось тайною для всѣхъ.

Прасковья Ѳедоровна никогда никому объ этомъ не говорила, хотя нерѣдко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и намекала, что, можетъ быть, и въ ея Катеринѣ течетъ не одна рабская кровь, а можетъ статься есть и барская.

Прасковья Ѳедоровна никогда не забывала, что она была служанкою своей барыни, и даже находила какое-то особенное удовольствіе, или, можетъ быть, выгоду, называть себя предъ нею рабою и подданною.

— Мы, матушка, всегда должны помнить, изъ какого мы корени выросли, какой мы яблони-яблочки, а особливо передъ своими коренными господами. Ужъ можно ли намъ свой родъ съ вашимъ на рядъ поставить. Вы и Богу-то угоднѣе нашего; — чай и святыхъ-то больше изъ вашего рода, чѣмъ изъ нашего,—потому вы и молиться ему, Господу, знаете какъ—обучены;—и милостыню сотворить, и въ церковь подать вамъ есть изъ чего;—и священникамъ больше нашего подадите; они за васъ и Бога больше помолятъ. А нашъ родъ что̀? что живемъ? Въ церковь сходилъ бы,—такъ иной разъ нѣкогда, за нашими дѣлами; хоть-бы помянуть когда велѣлъ предъ Всевышнимъ, или молебенъ отслужилъ, — такъ и заплатить-то иной разъ нечѣмъ, а другой разъ навернется гривенникъ-то, такъ и тотъ на грѣхъ изведешь: платчишко, или фартучишко купишь понаряднѣе,—тоже не хочется себя уронить предъ людьми;—али на другой какой грѣхъ денежки-то ухлопаешь: брюхо-то глупо,—сладенькаго проситъ,—такъ посмотришь, посмотришь, да калачика, али орѣшковъ, и купишь. Что̀ ужъ мы, такъ вѣкъ-отъ мотаемся,—какъ намъ можно себя къ господамъ прировнять!

— Ахъ, Ѳедоровна, обыкновенно возражаетъ, бывало, на это барыня, за то какой и отвѣтъ-то мы, господа, за васъ, рабовъ, должны отдать на томъ свѣтѣ. Вѣдь вы—всё равно что дѣти наши: съ насъ вѣдь Богъ-отъ взыщетъ за васъ.

— Ахъ, матушка, да какъ бы мы,—хоть умѣли служить-то—да покоряться,—а то мы и этого-то не умѣемъ. Чѣмъ бы намъ смолчать, да перенести на себѣ, да еще стараться больше и больше служить,—коли господа тобою недовольны, мы не снесемъ; да хоть не въ глаза сгрубишь, — такъ за глаза поропщешь;—вотъ все спасеніе-то предъ Господомъ Богомъ и потерялъ.

Какъ было барынѣ не любить Прасковьи Ѳедоровны; такъ благоразумно и рабски разсуждавшей!...

Съ другой стороны, умная Прасковья Ѳедоровна, умѣла жить въ ладу и съ дворней, и съ крестьянами, особливо съ тѣхъ поръ, какъ стала вольною. «Конечно барскія милости ко мнѣ велики, разсуждала она сама про себя, и велики, и лестны, и дороги, а все мнѣ вѣкъ-отъ жить не съ барыней, а со своимъ братомъ,—за что же я стану съ нимъ ссориться.?»И, въ слѣдствіе такого разсужденія, она не только не позволяла себѣ наушничества или сплетней относительно своего брата, но даже, по возможности, и безъ вреда самой себѣ, старалась защищать его. Если барыня, бывало, на кого прогнѣвается, и съ негодованіемъ и раздраженіемъ разсказываетъ о винѣ лакея, дѣвки или мужика,—Прасковья Ѳедоровна, видя, что прямою защитою можетъ повредить и самой себѣ во мнѣніи барыни, только, бывало, отмалчивается, или съ осужденіемъ покачиваетъ головою и вздыхаетъ, приговаривая:

— Ахъ глупые, глупые!

Барыня очень любила, чтобы всѣ ея подданные любили и хвалили ее за доброту, милосердіе и снисходительность; и когда, бывало, дойдетъ до нея слухъ, что барщина, забывая великія милости, ропщетъ на неё за какую нибудь излишнюю работу, или не съ полною готовностію и радостью старается исполнить ея приказаніе, — госпожа очень этимъ огорчалась, и горько жаловалась Ѳедоровнѣ на неблагодарность людей.

— Я ли имъ не мать? я ли не баловница? Ты сама знаешь, Ѳедоровна, такъ ли у меня какъ у другихъ господъ:—не бывало ни зажину ни застѣва, чтобъ я не поднесла имъ водки; помолотуха одна—такъ мнѣ каждый годъ двадцать пять рублей стоитъ;—такъ должны бы они все это цѣнить, а они что же этта сдѣлали?—Выхожу я сама погулять на поле,—вижу, половина поля яроваго сжата; другая стоитъ не тронута; а время уходитъ,—скоро Ивана Постнаго,—я и говорю:—ну, ребятушки,

прошу я васъ, потрудитесь, ужъ дожните мнѣ все яровое заразъ; вамъ всего тутъ работы дня на три на четыре; а я вамъ послѣ за это цѣлый день свой отдамъ. Такъ что же ты думаешь? не то чтобы сказать: «слушаемъ-де матушка, какъ можно господскую работу безъ конца бросить;» что ты думаешь...? хоть бы слово кто сказалъ, а Васька—грубіянъ, знаешь, горѣлый? я давно до него добираюсь,—«у насъ, говоритъ, матушка, у самихъ еще рожь не дожата , все яровое стоитъ не тронуто, а ячмень давно ушелъ.» А? какъ тебѣ нравится? у него ячмень ушелъ! у него ячменя-то посѣяно какой-нибудь мѣшокъ,—а тутъ барскаго добра на тысячу пропадетъ. Вотъ ты, Өедоровна, всегда еще ихъ защищаешь,—ну-ка скажи: есть какая-нибудь благодарность въ этомъ народѣ?...

— Я ихъ, матушка, не защищаю, а только докладывала вамъ и опять доложу, что нашъ народъ—робкій и покорный. Можетъ кто что съ глупа да съ сердца и сболтнулъ ; чего не слыхала, не могу завѣрять. А это могу завѣрить, какъ благодарны вами мужички , какъ хвалятъ и превозносятъ васъ , такъ ужъ это сама слышала, и не разъ и не два, а можетъ каждый часъ слышу. Вотъ что я вамъ доложу!.....

— Такъ зачѣмъ же они это говорятъ, коли благодарны мною? Когда я человѣкомъ благодарна , такъ я стараюсь больше и больше ему услужить, а ужъ не стану позорить, да ругать.

— Эхъ, матушка, захотѣли вы себя прировнять къ мужику? Вы, господа, имѣете надъ нами власть : что прикажете , такъ должны исполнять , а у мужика-то только и есть, какъ что не по немъ , такъ побормочетъ за глаза. А ужъ что любятъ васъ мужички—такъ любятъ...

— Я терпѣть не могу, какъ про меня кто за глаза говоритъ, мнѣ лучше прямо скажи, мнѣ пріятнѣй. Ну, и какъ же ты говоришь: «всѣ довольны и благодарны»,—а какъ же Васька-то Горѣлый, мнѣ прямо въ глаза грубіянилъ?

— Такъ, матушка, сердечная барыня, развѣ на всѣхъ угодишь? Вѣдь великъ Богъ на небѣ , а царь на землѣ , такъ и тѣ на всѣхъ-то не могутъ угодить; и царя за глаза-то ругаютъ, а и у Бога-то одинъ проситъ дождя , другой вѣтра, да вѣдь Господь-то насъ грѣшныхъ за это прощаетъ: знаетъ онъ, Великій Создатель, какіе мы ненасытные грѣшники... и вы, матушка простите!

Такъ жила и уживалась со своей барынею Прасковья Өедоровна. Но прошло нѣсколько лѣтъ;—не стало и барыни, которая, впрочемъ, и передъ смертью не забыла своей вѣрной служанки и наперсницы, и отказала ей, на поминъ души своей, двадцати-пяти-рублевую бумажку. Прасковья Өедоровна окончательно утвердилась въ Мѣшковѣ. Дочь ея подрастала и становилась невѣстой, и невѣстой по деревнѣ весьма замѣтной, потому что всѣ предполагали у Прасковьи Өедоровны не малыя денежки. И деньжонки дѣйствительно водились у нея; большія или малыя —этого никто не зналъ навѣрное, кромѣ самой хозяйки; но всѣ видѣли, что приданое у Катерины, какъ деревенской невѣсты, было на славу. Даже дочери богатыхъ мужичковъ не были одѣты наряднѣе ея. Но Прасковья Өедоровна не торопилась выдать дочку замужъ, и не искала жениховъ. «За судьбой не угоняешься, и отъ судьбы не убѣжишь,»—говаривала она обыкновенно.

Прасковья Өедоровна жила съ дочерью тихо и уединенно; въ гости выходила рѣдко, и то, большею частію, съ разными поздравленіями къ сосѣдямъ помѣщикамъ, старымъ пріятелямъ ея барыни, куда постоянно брала съ собою и дочь. Такъ прожили они до той поры, какъ Катерина подвигалась уже къ 25 годамъ; отсюда начинается и нашъ разсказъ.

Въ настоящій вечеръ мать и дочь сидѣли за работою, почти молча, изрѣдка лишь перекидываясь незначительными фразами. Вдругъ подъ среднимъ окномъ избушки кто-то постучался.

— Кто тутъ? спросила Прасковья Өедоровна, высунувши голову за окно.

— Богомолка, родимая, проходящая: пустите, Христа-ради, переночевать,—укройте отъ темной ночи.

— Да откудова Богъ несетъ?

— Я-то откудова?

— Да.

— Дальная, родимая: слыхала ли Старое Воскресенье?—такъ изъ подъ него.

— А куда ходила на богомолье-то?

— А ходила ко Владимірскимъ угодникамъ... такъ пусти, родимая, Христа-ради.

— Да что же это ты, тетушка, у сиротской избы стучишь-

ся? тебѣ бы вотъ въ большихъ-то домахъ попроситься переночевать: тамоди, чай, и простора побольше.

— Эхъ, родимая, въ сиротскую-то келью скорѣе достучишься; сиротинушка-то скорѣе пуститъ—да привѣтитъ.

— Ну, войди съ Богомъ!

— Ну, спаси Христосъ.

Въ пзбу вошла высокая, худощавая, пожилая женщана, въ мѣховомъ тулупѣ, покрытомъ синею нанкою; голова и лицо ея наглухо были увязаны большимъ платкомъ, такъ что оставались незакрытыми почти одни только глаза. Помолившись иконамъ, поздоровавшись съ хозяйками, богомолка попросила позволенія лечь на полатки и, не дождавшись отвѣта, полѣзла на нихъ. Улегшись на нихъ, она свѣсила внизъ голову, и стала смотрѣть на хозяйку, а преимущественно на дочь ея.

— Эки стужи становятся: смерть-озябла.

— Да что больно поздно на богомолье то пошла: что бы лѣтомъ? замѣтила Прасковья Өедоровна.

— Да лѣтомъ-то все не угодила никакъ: работы замяли. Сами-то вы господскія?

— Были, сударыня моя, и господскія,—а теперь стали Боговы да государевы.

— Что-же, за большую службу вашу отпустили господа на волю?

— Ужъ не знаю, велика-ли была моя служба, да видно госпожа почтила за большое.

— Ну спаси ее Христосъ; а умерла,—такъ царство ей небесное.... Какъ же теперь, такъ и живете въ сиротствѣ?

— Да, вотъ и живемъ по милости Господней, — да хлѣбъ жуемъ.

— А при какой должности на барскомъ-то дворѣ находилась?

— Да я при всѣхъ должностяхъ была:—никакая отъ моихъ рукъ не отходила. Съ ребячьихъ лѣтъ все около барыни,—съ четырнадцати лѣтъ ключничать пошла.

— Ну такъ чай съ денежками отошла отъ господъ-то, не съ пустыми руками....

Прасковья Өедоровна пристально посмотрѣла на богомолку.

— Какія деньги у двороваго человѣка? Коли служить господамъ да воровать, такъ ничего не заслужишь, и на волю не выпустятъ. Господа честность да правду любятъ, ретиваго

да вѣрнаго раба около себя держатъ; — а я со своей барыней 30-ть лѣтъ жила, голубушка моя, какъ сестра родная.

— Ну такъ, чай, потому и отличка тебѣ была, все рубль-отъ, скорѣй дастъ тебѣ, чѣмъ кому другому... я вотъ про что говорю, матушка, а не на счетъ какого воровства. Что ужъ, воровствомъ много-ли наживешь... а чай господамъ не стыдно и обжаловать вѣрнаго человѣка.

— Конечно, и я не могу пожаловаться на свою барыню: много была ея милостями взыскана... А все дворовый человѣкъ у господъ на службѣ капитала не наживетъ, — потому и господамъ деньги раздавать своимъ слугамъ не приходится... А сытъ человѣкъ, одѣтъ, да заработалъ себѣ въ праздникъ гривенничекъ, на мяконькое, да на сладенькое,—вотъ онъ и долженъ быть доволенъ, и отъ господъ ему больше нечего ждать... Вотъ что моя любезная!

— Это такъ, матушка... ну а-вотъ какъ же, тоже въ мiру говорятъ,—мы хоть не господскія; а тоже слышимъ... что у господъ только и житья и наживы, что старостѣ, ключнику да ключницѣ...

— Ну, да вѣдь, это вольному—воля...

— Это ужъ такъ, матушка, такъ.. Ну, вѣдь тоже, я думаю, работамъ разнымъ обучены; а живете,—оброка теперь не платите: можете себѣ заработать и на хлѣбъ на соль, и доченькѣ въ приданство что отложить... Это доченька, чай, твоя?...

— Нешто.

— Славная какая красавица. Вѣдь, вотъ, чай, замужъ тоже отдавать надо, женишка прiискивать......

— Искать я не стану. Судьба придетъ-сама найдетъ.

— Да это ужъ такое дѣло, матушка. А все, чай, ужъ въ дѣвкахъ не оставишь сидѣть. Поди-ка чай, приданаго-то что наклала...

— Что есть все у ней будетъ...

— Жениховъ-то поди не мало тоже забѣгало...

— Были, слава Богу, да не тороплюсь: замужемъ еще будетъ,—пускай въ дѣвкахъ поживетъ.

— Нешто, — а все надо дѣвку пристроить: молодая кровь, матушка, всяко бываетъ... Что дѣвку держать? не въ соли ее солить. Развѣ только, что женихи-то все нестоющiе. Экую кра-

савицу надо за хорошаго человѣка отдать, а не за кое — какого...

— Бывали всякіе, сударыня моя... Да дочь то одна—такъ и жалко разставаться...

— Замужъ выдать, — что за разставанье? былъ бы только зять хорошій да добрый человѣкъ,—такъ тещѣ у него завсегда первое мѣсто.

— Ну ужъ, матушка, все не то... На зятевы хлѣбы я не пойду; своимъ кускомъ, какъ нибудь, проживу; а выдать дочку замужъ, — все ужъ отрѣзанный ломоть будетъ... все ужь ровно не твое, а мужняя жена... Да и кто его узнаетъ—каковъ онъ человѣкъ... Женихомъ-то смирный, да ласковый, а тутъ смотришь, съ женой-то ровно звѣрь станетъ. Теперь она у меня живетъ хоть въ сиротствѣ, да ничѣмъ отъ матери не оставлена; поработала сколь силъ стало — да и не знай ни о чемъ заботушки. А замужъ-то выйдетъ—натерпится и нужды, и горя... Вотъ что, моя милая... такъ и жалко отдать, а этого товара—жениховъ—гдѣ бы не найти!

— Ну да вѣдь тоже, чай, вольные люди! за крѣпостнаго-то не отдашь;—хоть бы какой ни былъ?

— Нѣтъ ужъ, это сказать, что не отдамъ... это что говорить... и крѣпостной человѣкъ иной лучше вольнаго, — а все не отдамъ. Коли Господь привелъ тебѣ быть въ крѣпости,—живи терпи и не сѣтуй: будетъ тебѣ хорошо, какой бы ни былъ господинъ, служи ему только со всѣмъ усердіемъ... А избавилъ отъ этого Господь,—такъ благодари Его, Создателя, а нечего опять себя завязывать,—коли развязана.

— Умныя твои рѣчи, родимая моя... Наградилъ тебя Всевышній разумомъ. У эдакой родительницы и доченькѣ есть чему набраться... Да, ей надобно женишка хорошаго... Вотъ бы я посватала;—около насъ есть молодецъ-то: вотъ бы парочка-то была! Благородный, дворянинъ столбовой.

Прасковья Ѳедоровна усмѣхнулась.

— Эхъ, матушка, гдѣ ужъ намъ объ этихъ женихахъ думать: такой женихъ и посмотрѣть-то на насъ не захочетъ...

— Полно, родимая, посмотритъ. Онъ, вѣдь хоть и дворянинъ, да душъ-то у него нѣтъ.

— Такъ, — какой же онъ дворянинъ, коли душъ, у него нѣтъ...

— А ужъ точно дворянинъ, старинный, столбовой...... только

что души-то они всѣ свои поистеряли,—еще и у дѣдушки-то душъ не было,—а что дворянинъ—такъ это точно... и усадьба и земля своя есть... Ну, правда, небогато живутъ, да вѣдь, матушка, что нынче въ богатствѣ-то?... Деньги дѣло наживное, былъ бы человѣкъ-отъ хорошъ. А ужъ этотъ парень знатной, доброй, смиренной, что твоя красная дѣвка, хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, этого зелья табака—и духа нѣтъ... Ну да и то сказать,—хоть не богаты, а все есть: и домикъ свой, и лошадка, и корова, ну—и земля своя, и подати никакой не платитъ, есть съ чего разживаться. Право... хошь ли сватать стану?

— Очень тебѣ благодарна, любезная моя... только какъ же это?—ни мы его не знаемъ, да и ты насъ впервые видишь... не знаешь, что мы за люди, а хочешь сватать...

— Эхъ, матушка, да развѣ не видно человѣка-то съ перваго взгляда? Хоть все-то на тебя смотри, такъ то же увидишь: женщина ты умная, разсудительная, христіанка; дочка то у тебя—видно, что въ страхѣ Божіемъ воспитана: вотъ сидитъ — не больно вертится; а что руки-то золотые,—такъ тоже видно: вишь какъ клюшки-то перекидываетъ,—любо смотрѣть......

— Да ужъ на счетъ этого—она у меня къ работѣ привычна,—никакое дѣло изъ рукъ не вывалится... Это что говорить. Да вѣдь, сударыня моя, надо и жениха знать... хоть мы люди и не большіе, маленькіе,—а тоже и я свою дочь не захочу побропскомъ бросить... Точно что ты говоришь, что хорошій человѣкъ, расхваливаешь его, да вѣдь, милая моя, прости ты меня: я тебя не знаю,—а какъ на чужое слово положиться?.. Свой глазокъ—смотрокъ; а особливо материнское дѣло... сама вѣдаешь.....

— Опять-таки умныя твои рѣчи... Да вѣдь дѣло то у насъ не къ вѣнцу, а къ одной разговоркѣ. Намѣреніе твое будетъ—такъ мудрено ли парня посмотрѣть. Да, хочешь—такъ дѣло сдѣлаю, что сюда пріѣдетъ, — только бы знать мнѣ что сказать: велико ли приданство-то за доченькой твоей... Вѣдь тоже, матушка, и они къ пустому мѣсту не поѣдутъ... хоть небогаты, а тоже знаютъ, что дворяне, съ пустыми-то руками не захочется взять.

— А вотъ что у меня за ней приданство: что у меня есть—все ее; у меня она одна, мнѣ некому отдавать.

— Ну и изъ денежекъ, можетъ, дашь что?

— А вотъ, я тебѣ скажу, моя любезная: много ли, мало ли есть у меня денегъ,—коли зять будетъ человѣкъ стоющій, всѣ у дочери будутъ, мнѣ не надо... а только жениху въ руки денегъ не дамъ, потому ты сама знаешь: въ нашихъ мѣстахъ еще отцу съ матерью за невѣсту кладутъ... Ну, мнѣ этого не надо, только бы и отъ меня ужь не ждали... А будутъ жить хорошо,—будетъ зять почитать меня старуху,—ни въ чемъ не оставлю Да полно-ка,—что мы съ тобой, точно и въ правду у насъ сватовство идетъ... Давай-ка лучше, Катерина, ужинать.

— Да видно ужь быть дѣлу такъ...

— Полно-ка, родимая, отъ разговорки до дѣла дологъ путь. Слѣзай-ка да поужинай съ нами, чѣмъ Богъ послалъ.

Катерина проворно разослала на столѣ толстую бѣлую скатерть, поставила солонку, положила коровай хлѣба и деревянныя ложки, вынула изъ печи горшокъ съ варевомъ, и хозяева вмѣстѣ съ богоданной гостьей принялись ужинать. Прасковья Ѳедоровна подробно распрашивала богомолку объ ней самой: та назвалась государственною крестьянкою. Хозяйка усердно угощала ее, была ласкова и привѣтлива: очевидно, что мысль выдать дочь за столбоваго дворянина очень ей полюбилось, и она старалась задобрить будущую сваху. Когда послѣдняя, послѣ ужина, улегшись на полати, опять завела объ этомъ рѣчь, Прасковья Ѳедоровна подробно разспрашивала объ женихѣ, и хотя старалась сохранить прежнiй тонъ равнодушiя, но не разъ высказала желанiе посмотрѣть на жениха , подъ тѣмъ предлогомъ, что хорошаго человѣка всегда лестно видѣть.

Богомолка съ своей стороны распросила Прасковью Ѳедоровну: кто у нея родные, нѣтъ ли богатыхъ мужиковъ между ними, сколько у Катерины носильныхъ платьевъ , какое у ней приданое, знаетъ ли она полевую работу и проч. и проч.

На другой день, чѣмъ свѣтъ, богомолка проснулась и ушла, повторивши на прощаньѣ, что она непремѣнно покажетъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ своего жениха.

II.

Прошло нѣсколько дней. Прасковья Ѳедоровна совсѣмъ было позабыла о посѣтительницѣ и перестала думать о женихѣ-дворянинѣ, какъ вдругъ, въ одинъ праздничный день, когда она только что воротилась отъ обѣдни , къ избушкѣ ея подъѣхали сани, запряженные въ одну лошадь.

Прасковья Θедоровна выглянула въ окно.

Въ саняхъ сидѣли молодой парень и пожилая женщина. Въ послѣдней она тотчасъ же узнала богомолку, въ первомъ отгадала жениха. Быстро откинувшись отъ окна, она оглядѣла Катерину съ ногъ до головы, и велѣла ей уйти въ чуланъ, и не выходить оттуда, пока она не позоветъ, а между тѣмъ надѣть другое платье, еще понаряднѣе. Катерина, тоже успѣвшая взглянуть въ окно, и догадавшаяся кто пріѣхалъ, проворно ушла изъ избы.

Подъ окномъ постучали кнутовищемъ.

— Кто тута? спросила Прасковья Θедоровна.

— Дома ли хозяюшка? послышался знакомый голосъ.

— Да кого вамъ надобно?

— Прасковью Θедоровну, хозяюшку.

— Да кто вы такіе?

— Али не узнала, матка? старая знакомая: помнишь-богомолка-то была. Да вотъ ѣздила съ бариномъ въ село на базаръ,—да иззябли больно,—такъ дай, думаю, заѣду къ Прасковьѣ Θедоровнѣ: неужто не обогрѣетъ?.. Позволь взойти?..

— Милости просимъ,—милости просимъ.

Вмѣстѣ съ богомолкой вошелъ въ избу парень лѣтъ 22-хъ, бѣлокурый съ прорыжью, остриженный въ скобку, съ лицомъ добродушнымъ и глуповатымъ. На немъ была грубаго синяго сукна поддёвка, съ борами, толсто стеганная на ватѣ, шея повязана цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ. Неуклюже переваливаясь, вошелъ онъ вслѣдъ за своей провожатой, и, помолившись по ея примѣру образамъ, молча поклонился хозяйкѣ.

— Просимъ покорнѣйше садиться, дорогіе гости! привѣтливо проговорила Прасковья Θедоровна, осматривая гостя, и опоражнивая для него мѣсто въ переднемъ углу.

— Вотъ сюда садитесь: къ столу-то поближе! сказала она молодому парню, который было уже усѣлся на лавкѣ недалеко отъ дверей.

— Да ничего все едино! отвѣчалъ тотъ, лѣниво приподнимаясь съ занятаго мѣста, и перешелъ на указанное.

— Какими это судьбами Богъ принесъ? обратилась хозяйка къ гостьѣ, усаживая ее рядомъ съ бариномъ.

— А вотъ поѣхали на базарѣ погулять, на людей посмотрѣть и себя показать—да и заѣхали къ вамъ.

— Доброе дѣло... покорнѣйше благодаримъ... Ну чѣмъ же до-

рогихъ гостей потчивать? можетъ водочки прикажете? обратилась она къ барину.

— Нѣту, напрасно, не пью.

— Не употребляетъ, Прасковья Ѳедоровна. Нечего тѣмъ и подчивать къ чему, привычки не имѣетъ.

— Ну такъ инъ-развѣ чайку?

— Вотъ это другое дѣло, — это по намъ.

— А вотъ сейчасъ велю дочкѣ поставить самоварчикъ. Чай-то, да сахаръ есть: этотъ запасъ держу. — Я тотчасъ... Прасковья Ѳедоровна вышла...

Воспользовавшись отсутствіемъ хозяйка, богомолка обратилась къ своему спутнику:

— А ты, Никеша, смотри, говори, да оглядывайся: вишь она какая баба воръ: сейчасъ на счетъ водочки подпустила. А будетъ про что спрашивать, не мнись, отвѣчай попроворнѣй, да обдумавшись.

Прасковья Ѳедоровна, выйдя изъ избы вошла прямо въ чуланъ и осмотрѣла дочь, которая уже успѣла переодѣться,—осталась довольна, и велѣла ей поскорѣе согрѣть самоваръ.

— А поспѣетъто, такъ внеси, поставь на столъ, да и отойди въ сторонку—сядь да на нихъ не больно смотри, точно не твое дѣло. Посиди, эдакъ маленько, да опять уйди, — хоть къ дядѣ Василью,—тамъ и будь покамѣстъ они сидятъ у насъ».

Сдѣлавши такое распоряженіе, Прасковья Ѳедоровна опять возвратилась въ избу и подсѣла къ барину.

— Такъ разгуляться вздумали? обратилась она къ нему.

— Да, погулять захотѣлось.

— Въ своей собственной усадьбѣ жительство имѣете?

— Въ своей живемъ.

— А какъ прозывается?

— Охлопки.

— Это далеко ли отселѣ будетъ?

— Такъ... верстъ съ двадцать.

— Нѣту, меньше будетъ... Меньше, чай, пятнадцати, замѣтила гостья.

— Охлопки! Не слыхала эдакой усадьбы.

— Такъ у насъ называется.

— Потому можетъ невдомекъ, Прасковья Ѳедоровна, что вѣдь ее больше по деревнѣ называютъ: тутъ чрезъ рѣчку деревня Стройки, — такъ по ней больше и называютъ. Вѣдь ихній

родъ прежде богатый былъ, и не свѣдомо, сколько деревень их-нихъ было, и Стройки-то ихнія были,—такъ теперь и усадьбу-то по деревнѣ больше зовутъ. Вѣдь прадѣдушки ихъ всѣ свои души поистеряли.

— А большое ваше семейство?

— Батюшка есть, братъ Иванъ, да вотъ тетушка съ нами живетъ... и Никеша указалъ на богомолку.

— Какъ, развѣ тетушка придетесь?

— Ну ужъ проговорился, такъ нечего таить, Прасковья Ѳедоровна. Родная тетка я ему. Никаноръ Александрычъ на моихъ рукахъ выросъ, почитай и моимъ сыном ъзовется: отецъ-то мало въ него и вступается.

— Вотъ какая хитрая и не сказалась... Наталья... какъ по батюшкѣ-то?.,.

— Наталья Никитишна.

— Наталья Никнтишна! и не сказалась...

— Ну ужъ все равно, Ѳедоровна, не теперь—такъ послѣ бы спознала.

— Такъ вотъ какъ, это тетушка ваша!... ну... хитрая же у васъ... тетушка...

— Что такъ?

— Ну ужъ я знаю что!... а грамотѣ-то поучены?

— Нѣтъ, грамотѣ не ученъ, Прасковья Ѳедоровна, отвѣчала тетка. Это надо правду говорить!.. жилъ-то онъ на моихъ рукахъ; я то неграмотная , а отецъ у него грамотный: и часовникъ, и псалтирь знаетъ... Ну, а дядюшка у него... такъ тотъ въ службѣ офицеромъ,—то же грамотный... только что вѣстей отъ него давно нѣтъ; не знаемъ ужъ и живъ ли.,. Ну, а его Богъ не привелъ; этому его не поучили, ужъ не его вина... этого Богъ лишилъ. За то ужъ скажу: на счетъ работы, ужъ нѣтъ такого парня. Вотъ хоть и родной, а не стыдно сказать,—не хвастаю. Вотъ другой братъ—хоть и грамотѣ маленько поученъ, а эдакой работникъ не будетъ,—въ половину нѣтъ.

— А... это жалко, баринокъ: грамота свѣтъ дастъ человѣку, понятіе всякое.

— Не обученъ.

— Да ужъ это не его вина, нашъ грѣхъ. Эхъ, Прасковья Ѳедоровна, конечно, грамота хорошо, да, вѣдь, и безъ грамоты люди живутъ, а иной и грамотный да воръ, либо пьяница, или буянъ какой. Грамотный-то скорѣй изъ послушанья-то выйдетъ.

— Да, это конечно такъ простому человѣку, мужику; а барину все ужъ грамота — первое дѣло.

— Ну ужъ чего нѣтъ, такъ негдѣ взять, Прасковья Ѳедоровна. Дѣти будутъ, дѣтей станетъ учить, а самъ ужъ какъ нибудь и безъ грамоты вѣкъ доживетъ. А вѣдь и то сказать, захочетъ—такъ, можетъ, и теперь выучится...

— А знакомые-то есть ли кто у васъ изъ господъ-то? спросила Ѳедоровна, обращаясь къ жениху.

— Нѣтутка... никакъ нѣтъ...

— Эхъ, Прасковья Ѳедоровна, гдѣ намъ съ нашими достатками знакомство водить... На то нужны деньги, особливо же съ господами. Кабы у насъ были свои души, хоть мало мальски было бы отъ кого отойти, а то всякую работу сами справляемъ: досугъ ли тутъ по гостямъ ѣздить... Хоша мы и знаемъ свой родъ, что онъ коренной, столбовой дворянскій, да кто захочетъ изъ господъ, по нашей бѣдности, знакомство съ нами вести?... Нѣтъ, ужъ мы такъ и отошли отъ своего брата,—совсѣмъ отстали отъ господъ... Что ужъ!..

— Напрасно вы это дѣлаете... Конечно, хоть бы настоящій богатый баринъ его вровень съ собою не поставитъ, но все не сравняетъ супротивъ мужика; все попомнитъ, что онъ свой братъ, дворянинъ, особливо, если онъ во всемъ манеру будетъ брать съ господъ... да еще и не оставитъ своего брата, коли онъ въ бѣдности,—и поможетъ. А женится,—теперь дѣти пойдутъ,—такъ кто ему поможетъ дѣтей обучить и къ мѣсту ихъ пристроить? вѣдь, чай, не въ мужики же ихъ прочить: родъ свой надо помнить... Коли Богъ обидѣлъ, — родителя грамоты лишилъ,—надо хоть дѣтямъ счастіе предоставить... Какъ вы объ этомъ полагаете, Никаноръ Александровичъ?

— Точно такъ. Оченно желательно въ господскую компанію войти, отвѣчалъ женихъ. Потомъ взглянулъ на тетку и прибавилъ: это какъ тетинькѣ будетъ угодно, потому я имъ долженъ во всемъ повиноваться, такъ какъ онѣ меня на своихъ рукахъ выводили...

— Онъ, вѣдь, у меня восковой, поспѣшила прибавить Наталья Никитишна: изъ него, какъ изъ воска, что хошь лѣпи... Ужь эдакова послушанія , эдакова смиренства — поискать. Вотъ за глаза и въ глаза скажу...

Хитрая Наталья Никитишна еще дома научила Никешу говорить почаще, что онъ во всемъ слушается тетки и изъ послу-

шанія никогда не выходитъ, такъ какъ она ему вмѣсто матери

— Вотъ такихъ молодыхъ людей люблю, которые помнятъ кто имъ дѣлалъ добро, и старшихъ почитаютъ... сказала Прасковья Ѳедоровна... За это невидимо Богъ подастъ...

— Да что же ты, Прасковья Ѳедоровна, доченьки-то своей не покажешь? гдѣ она у тебя? спросила Наталья Никитишна.

— Поди чай въ свѣтелкѣ сидитъ, либо къ роднымъ ушла. Она, вѣдь, у меня, матушка, не больно къ чужимъ-то людямъ выскакиваетъ. Слава Богу, не вертлява дѣвка... не тому отъ матери учена... она у меня никуда съ моего глаза: на улицу одна не пойдетъ, развѣ вотъ къ дядѣ, по сосѣдству... Нѣтъ, нечего сказать, должна Бога благодарить: не срамитъ мать... степенна...

— Это ужъ на что лучше, тѣмъ дѣвушка и красна, коли стыдлива, да не по сторонамъ, а въ землю смотритъ... Да покажи, матка... вели взойти-то...

— Да вѣдь не скоро уломаешь и взойти-то, коли чужой мужчина въ дому: ужъ очень она у меня на счетъ этаго осторожна... Вотъ погодите—велю самоваръ подать—чай ужъ поспѣлъ.

Прасковья Ѳедоровна вышла и велѣла дочери подавать самоваръ, при чемъ подтвердила опять, чтобы она въ избѣ долго не оставалась, а пуще всего на жениха бы прямо не смотрѣла, а развѣ взглянула бы какъ нибудь бочкомъ, или изъ подлобья, чтобы ни онъ, ни тетка того не замѣтили. Въ то же время Наталья Никитишна внушала племяннику, чтобъ онъ высматривалъ невѣсту хорошенько, да помнилъ бы, что ему другой такой не найти, и всѣми мѣрами старался бы понравиться матери, какъ она его учила и дома. Потомъ она провела рукою по лоснящимся отъ скоромнаго масла волосамъ жениха, выправила изъ подъ кафтана концы бумажнаго цвѣтнаго платка, которымъ повязана была его шея и, подтолкнувши въ бокъ, велѣла сидѣть попрямѣе, и веселѣе смотрѣть. Вслѣдъ за тѣмъ въ избу вошла Катерина, неся за ручки ярко вычищенный, хотя старый и помятый, самоваръ.

— Вотъ и дочка моя! сказала Прасковья Ѳедоровна, слѣдуя за ней.

— Здравствуй, моя красавица, проговорила Наталья Никитишна, вставая и цѣлуясь съ нею. Узнала ли меня? Помнишь богомолку—та: приходила опомнясь?

— Очень помню-съ? отвѣчала Катерина, не поднимая глазъ.

— А вотъ теперь я къ вамъ въ гости пріѣхала, да еще и съ

бариномъ... Кланяйся Никеша! прибавила она, обратясь къ племяннику, который смотрѣлъ, выпуча глаза на невѣсту. Никаноръ привсталъ и не ловко, какъ медвѣдь, поклонился, и потомъ опять сѣлъ, повернулъ шеей, какъ будто для того, чтобы обратить вниманіе на свой красный шейный платокъ, и съ самодовольной улыбкой уперся руками въ колѣна. По осклабленному лицу его можно было видѣть, что невѣста ему понравилась. Катерина, молча и не поднимая глазъ, отвѣтила на поклонъ Никеши и невольно покраснѣла.

— Ну, ужъ и зардѣлась! со смѣхомъ проговорила Наталья Никитишна, торопливо и въ ласку потолкнувши въ плечо Катерину. Ахъ вы, дѣвки, дѣвки молодыя!..

Катерина отошла и сѣла въ сторонку, откуда успѣла однакожъ взглянуть на жениха и тотчасъ же отвернулась къ окну.

— А вы сами-то вдова или дѣвица? спросила Прасковья Ѳедоровна, чтобы что нибудь говорить.

— Дѣвка, матушка, съизмальства дѣвка... отвѣчала тетка и дѣтей ненашивала, хотѣла было она прибавить, но остановилась, смекнувши, что эти слова могли обидѣть хозяйку. Вотъ только и далъ Богъ дитятко! сказала она указывая на Никешу: мать-то, какъ умирала, мнѣ на руки отдала...

Катерина, взглянувши еще разъ на жениха, встала и ушла вонъ изъ избы, слѣдуя наставленію матери.

— Ну, вота, ужь и ушла: и наглядѣться на себя не дала! замѣтила Никитишна. Ну-ка, Прасковья Ѳедоровна, давай говорить дѣломъ: ужь нечего намъ другъ передъ другомъ лясы точить...

— Да объ какомъ же это дѣлѣ, Наталья Никитишна?... кажется, у насъ ничего нѣтъ .. Вотъ не угодно ли чайку? кушайте-ка.

— Ну что, матка, привередничать? Ужь пойдемъ на чистоту. У тебя товаръ — у меня купецъ, коли мой купецъ тебѣ не противенъ, а нашъ товаръ вамъ надобенъ, и по мысли, и по сердцу.

— Я вамъ на это, Наталья Никитишна, ничего не скажу: первое, что я ничего не слыхала отъ ихняго родителя и даже вида его не видала.

— На счетъ этого не безпокойся: отецъ противъ меня не пойдетъ. Я въ Никешѣ полная хозяйка: я ему замѣсто матери родной... Я его выпоила, выкормила, я его и женить хочу.

— Погодите, Наталья Никитишна. Второе дѣло: вы люди бла-

городные, а въ благородныхъ домахъ ведется, чтобы самъ женихъ себѣ невѣсту выбиралъ, по своему по сердцу и по вкусу; ваше дѣло—не мужицкое, что нашелъ отецъ или мать дѣвку работящую , говоритъ сыну: женись, потому работница въ дому нужна;—онъ и женится... Ваше дѣло другое... А я еще отъ Никанора Александрыча ничего не слыхала... Можетъ быть, они и не захотятъ взять невѣсту изъ такого низкаго рода... А я не хочу послѣ слышать этакого упрека отъ жениха , чтобы онъ мнѣ могъ сказать, что его женили на моей дочери поневолѣ... Какъ вы полагаете, Никаноръ Александрычъ, дѣло я говорю?

— Отвѣчай, Никеша.

— Это, какъ тетенькѣ угодно , потому я завсегда долженъ повиноваться, такъ какъ она мнѣ вмѣсто матери родной...

— Да это все очень прекрасно, что вы говорите, да есть ли на то ваше-то собственное желаніе?

— Ну говори, Никеша, по сердцу ли тебѣ невѣста, желаешь ли ты ее?... Кланяйся. да попроси.

— Не оставьте.. Очень желаю... проговорилъ женихъ, вставая и кланяясь.

— Очень вамъ благодарна за вашу честь... Теперь я слышала отъ васъ ваше желаніе и, можно сказать, просьбу, и опять-таки я вамъ ничего не могу отвѣтить.

— Что же, матка, Парасковья Ѳедоровна, напрасно ты насъ ужь такъ ни во что полагаешь... Неужели ужь этакой парень въ самомъ дѣлѣ послѣдній, что не стоитъ онъ твоего отвѣта?...

— Погодите, Наталья Никитишна, вы этими моими словами не обижайтесь. И не такія дѣла такъ не дѣлаются: всякое дѣло требуетъ разсужденія, а особливо этакое. Опять таки разсудите сами, Наталья Никитишна: пріѣхали вы ко мнѣ , что говорится, съ оника... не знаю я ни вашего жительства, ни всего семейства вашего... конечно, я вижу Никанора Александровича и не могу ничего сказать противъ нихъ, потому сейчасъ могу видѣть, что человѣкъ скромный , степенный, почтительный, ну, еще неопытенъ, да это придетъ съ лѣтами, и коли будетъ жить промежъ хорошими людьми... Да вѣдь, нужно же мнѣ посмотрѣть хоть въ какомъ домѣ будетъ жить моя дочь... и съ кѣмъ...

— Да я вотъ что тебѣ скажу: она ни съ кѣмъ не будетъ жить, окромя меня да мужа, потому какъ Никеша женится, такъ отецъ долженъ его отдѣлить, потому я свою часть возьму что мнѣ слѣдуетъ изъ имѣнія, выстроимъ мы домъ и станемъ жить

особливо, а хотите—пожалуй и вы—милости просимъ къ намъ жить...

— Ну , Наталья Никитишна , у меня на это есть пословица: на чужой каравай рта не разѣвай. Я изъ своего угла не уйду... ужь свою печь сама дотоплю, въ чужія руки не отдамъ.

Это ужь точно — что твое дѣло, только теперь-то дай намъ свое согласіе, чтобы намъ въ спокоѣ ѣхать!.. Сдѣлай парня-то счастливымъ: Не срами ты его, что самъ ѣздилъ, да ни съ чѣмъ пріѣхалъ... Неужто ужь мы такіе и въ самомъ дѣлѣ нестоющіе... Богъ съ тобой.

— Что же вы, Наталья Никитишна, хотите, ровно какъ ужь дочь-то мнѣ ни почемъ: какъ пріѣхали да слово сказали , такъ взяла да съ руками и отдала... У меня тоже сродственники есть: надобно и съ ними посовѣтоваться.

— Эка, да развѣ я ужь такъ прошу, чтобы и къ вѣнцу ихъ вести?... Вѣдь не къ вѣнцу еще... А я тебя только прошу: облагонадежь ты насъ , чтобы ужь мы были спокойны.

— Ай да чтой-то ужь вы меня хотите обвертѣть;—дайте хошь подумать-то. Вѣдь, это не вокругъ пальца повернуть: надо обо всемъ обсудить, подумать.

— Да вотъ что: вѣдь, родные твои здѣсь. Ну, сходи за ними, позови ихъ сюда: пусть жениха посмотрятъ; потолкуемъ вмѣстѣ; тамъ и видѣнъ будетъ весь резонъ и тебѣ, безъ сумнѣнія.

— Погодите ужь и есть, хоть за родными-то схожу.

— Сходи, сходи.

— Ну ужь ты, Наталья Никитишка, — бѣдовая, я вижу: съ тобой не сговоришь... Не знаю какъ про тебя и подумать-то... замѣтила Ѳедоровна.

— Что тутъ про меня думать-то! Узнаешь меня хорошенько, такъ души во мнѣ не будешь слышать; такая я дѣвка... Вотъ что...

— Ужь вижу, вижу, что бѣдовая! повторила Прасковья Ѳедоровна, выходя изъ избы.

Между крестьянами деревни Прасковья Ѳедоровна имѣла одного близкаго родственника, Прохора Андреяныча. Мужичекъ этотъ не былъ ни особенно уменъ, ни зажиточенъ, и отличался только необыкновеннымъ добродушіемъ ; но Праковья Ѳедоровна никогда не рѣшалась ни на что важное безъ его совѣта;— не потому, чтобы вѣрила въ его мудрость и разумъ; напротивъ, она очень хорошо понимала и чувствовала , что сама была го-

раздо умнѣе его; но какъ же не посовѣтоваться съ родственникомъ, и притомъ еще единственнымъ. Какъ бы то ни было онъ все-таки мужчина, а она женщина, да еще и сирота. Въ настоящемъ случаѣ она еще тѣмъ болѣе считала себя обязанной узнать мнѣніе Прохора Андреяныча, что онъ былъ крестнымъ отцемъ Катерины. Когда Ѳедоровна вошла въ его избу, онъ, по случаю праздника, лежалъ безъ дѣла на полатяхъ.

— Прохоръ Андреянычъ, слѣзь-ка сюда, сказала ему Прасковья Ѳедоровна.

— Что надо? что надо? Начто слѣзь? отозвался Прохоръ.

— Да сойди, говорятъ: нужно поскорѣе.

— Что за нужда? Что нужно? Вотъ погоди слѣзу... Что ты, Богъ съ тобой! Съ послѣдней фразой Прохоръ обратился къ полѣну, которое лежало на печи и упало съ нея, столкнутое имъ. Прохоръ былъ высокій, худощавый мужикъ лѣтъ пятидесяти, живой, проворный, подвижной не по лѣтамъ, онъ не говорилъ, а бормоталъ и разговаривать любилъ страстно.

— Ну вотъ слѣзъ... Что сдѣлалось, что надо?

— У меня дѣльце затѣвается, сказала Прасковья Ѳедоровна таинственно.

— Какое дѣльцо? Что такое?

— Гдѣ тетка-то Секлетея?

— Гдѣ она? Не знаю гдѣ. Секлетея, а Секлетея! Надо быть въ сѣнникѣ, гдѣ больше-то быть... Вотъ, погоди, кликну.

Вошла Секлетея, жена Прохора Андреяныча, такая же высокая, такая же подвижная, добродушная и говорунья, какъ и мужъ. Они жили душа въ душу, наперекоръ мнѣнію, что одинаковые характеры не уживаются вмѣстѣ.

— Что Ѳедоровна, что матушка?

— А я къ вамъ.... У меня дѣльцо затѣвается.

— Что, али женихъ Катюхѣ? Ну, въ добрый часъ.... Кто такой?... спросила Секлетея.

— Коли женихъ, да хорошій.... на что лучше?... прибавилъ Прохоръ.

— Женихъ-то, женихъ, да не знаю, что дѣлать-то: вотъ пришла съ вами посовѣтоваться.... Какъ посудите....

— Да кто такой онъ-то? спросили въ одинъ голосъ мужъ и жена.

— Да онъ благородный, баринъ....

— Баринъ? Какой баринъ?

— Такъ, баринъ настоящій, столбовой дворянинъ, только что душъ нѣтъ, а есть и земля, и усадьба своя ...

— Да откуда онъ?

— Да есть тутъ гдѣ-то, верстъ за пятнадцать, деревня Стройки....

— Ну, Стройки.... Знаю Стройки.... Какъ не знать Стройки. Я очень знаю Стройки. Какъ не знать!

— Такъ тутъ, чу, и ихная усадьба: Охлопки прозывается....

— Такъ, такъ, есть точно черезъ рѣку.... Знаю.... Ну, такъ они, вѣдь, все равно—что мужики: и пашутъ сами, и бороду носятъ.... Знаю я....

— Ну, а вѣдь они все, чай, подани никакой не платятъ?

— Ну какая тебѣ подань.... Что за подань.... Слышь ты, такъ живутъ,—только что землю сами пашутъ.

— Такъ вотъ, теперь женихъ-то съ теткой и пріѣхали: у меня сидятъ. Тетка-то проситъ рѣшенья. Такъ я къ вамъ нарочно и прибѣжала: сходите—посмотрите, да что ужь вы мнѣ присовѣтуете, такъ и стану думать.... Женихъ-отъ мнѣ по мысли.... такой смирный.... Ну, извѣстно, этакой смѣлости, али повадки барской—этого нѣтъ....

— Ну, да, ужь нѣтъ, этаго нѣтъ, этаго нѣтъ.... и я говорю, что нѣтъ.... Гдѣ ужь и быть.... Они, вѣдь, все равно, что мужики....

— Вотъ я и не знаю, что дѣлать-то....

— Что дѣлать? А что дѣлать: отдавай, право, отдавай.... примолвилъ Прохоръ.

— Отдавай, сестрица, отдавай съ Богомъ, матушка! подтвердила Секлетея.

— А!... Да вы приходите, посмотрите на жениха-то....

— Да это придти надо.... какъ не придти.... отчего не придти.... А ты отдавай.... Говорятъ тебѣ одно: подани нѣтъ на нихъ, въ рекруты не отдадутъ.... Слышишь ты это.... Ни царскаго, ни барскаго....

— Да это-то я понимаю....

— Ну такъ нече и думать.... что нече думать....

— Такъ приходите же, а я коли пойду домой....

— Поди, поди.... И мы тотчасъ за тобой....

Прохоръ и Секлетея явились почти вслѣдъ за Ѳедоровной. Оба они пріодѣлись по праздничному: въ синее и красное, и старались придать лицамъ своимъ выраженіе спокойствія, даже нѣ-

которой важности, какъ прилично родственникамъ невѣсты, пришедшимъ судить достоинства жениха и отъ слова которыхъ зависитъ отчасти судьба его.

Наталья Никитишна не дала долго разсматривать своего Никешу, но съ первыхъ почти словъ стала просить родственниковъ, чтобы они посовѣтовали Прасковьѣ Ѳедоровнѣ не ломаться долго, а ударить скорѣе по рукамъ. Прохоръ тоже хотѣлъ было въ свою очередь поломаться и сталъ было говорить въ томъ смыслѣ, что, дескать, такія дѣла скоро не дѣлаются, что у нихъ невѣста не такая, чтобы, ничего не разсудивши, такъ и спихнуть ее съ рукъ.

— Ну что ты говоришь, почтенный человѣкъ, что невѣста не такая, возразила ему на это, даже съ нѣкоторою запалчивостію, Наталья Никитишна; кабы мы не знали какова она, мы бы и свататься не поѣхали... Ну, невѣста хороша, слова нѣтъ,—такъ развѣ и женихъ-то ей не пара?... За мужика что ли за какого богатаго думаешь отдать? Такъ самый-то богатый, пожалуй, еще возьметъ, али нѣтъ, а средственный-то, такъ онъ сегодня богатъ, а завтра нѣтъ. Самъ ты вѣдаешь, самъ крестьянинъ: сегодня ты торговлей занялся, а завтра тебя на барщину, либо лобъ забрили; а въ рекруты не хочешь—такъ поди къ начальству—откупись, либо наймиста купи за себя, а тутъ тебѣ и разоренье. А тутъ, по крайности, хоть, пущай, и не больно богато, да ужь и заботы нѣтъ: все самъ себѣ господинъ,—баринъ каковъ ни есть: подани онъ не платитъ, въ солдаты его не забрѣютъ, тронуть его никто пальцемъ не смѣетъ.... все ужь дворянская кровь, благородная.... Опять же земля у него своя, отнять никто не можетъ: родовое; изба-то своя же; только бы далъ Богъ здоровья, да была бы голова да руки, а то можно хозяйничать и денежку наживать.... Ну-ка скажи-ка ты мнѣ: правду ли я говорю, али нѣтъ?...

— Да, это правда... Какъ не правда!... Что ужь наше крестьянское дѣло.... Что и говорить....

— Ну, такъ то-то и есть;—такъ нечего вамъ и насъ браковать.... А помолитесь-ка лучше Богу, да и милости просимъ къ намъ: посмотрѣть на наше житье-бытье....

Послѣдовало еще нѣсколько возраженій со стороны Прасковьи Ѳедоровны, но кончилось дѣло тѣмъ, что она дала свое согласіе. Всѣ вмѣстѣ помолились Богу. Прасковья Ѳедоровна и Наталья Никитишна подали другъ другу руки, а Прохоръ роз-

нялъ. Затѣмъ гости поѣхали домой. Нареченная сваханька обѣщала пріѣхать къ нимъ въ скорости, чтобы переговорить обо всемъ обстоятельно.

Проводивши гостей, Прасковья Ѳедоровна обняла дочь и заплакала.

— Ну вотъ, доченька, и судьба новая къ тебѣ пришла, говорила она. Не знаю ужь, что Господь сдѣлаетъ: на хорошее ли, на худо ли я тебя отдаю; добромъ ли ты мать помянешь, али плакаться будешь на нее.

— Полно-ка, полно.... возражалъ Прохоръ. Вотъ плакаться.... Что плакаться.... Лучше не найдешь; что и есть: на барщину не ходитъ, подани не платитъ, лобъ не забрѣютъ.... Чего еще.... Что ты, Господь съ тобой, куда дѣвалась?... Вотъ гдѣ лежитъ, окаянная.... продолжалъ онъ, отыскивая шапку.

— Только тѣмъ себя и бодрю, что за дворянскую кровь тебя отдаю, не за какую нибудь.... Все будешь барыня, дворянка.... То лестно.... А тамъ Божія воля: что Господь сдѣлаетъ....

— Знамое дѣло, сестрица.... На что этого лучше, говорила Секлетея.

— Да что тутъ калякать-то.... Чего ужь этого лучше.... Я говорю, что ужь чего этого лучше.... Ни царскаго, ни барскаго.... Надо Бога благодарить.... Нуте-ка прощайте.... говорилъ Прохоръ, надѣвая шапку и отворяя дверь.... Да что ты не отворяешься.... Ну-ка, Господь съ тобой.... кончилъ онъ, обращаясь уже къ двери.

Между тѣмъ Наталья Никитишна ѣхала домой, веселая, довольная и спрашивала племянника:

— Ну что, дурачекъ, какову я тебѣ невѣсту высватала? а? По мысли ли тебѣ: сказывай. Теперь ужь дѣло вершеное.

— Очення, тетушка, по мысли. Этакая ражая дѣвка.

— Еще бы была она тебѣ не по мысли: дала бы я тебѣ звонаря. А ты не то говори, дурачекъ, что ражая: съ ражей-то не разживешься, будь хошь вдвое толще; а ты то помни, что у старухи-то говорятъ, больше тысячи денегъ.... А ей нѣкуда ихъ дѣвать-то, не въ гробъ съ собой класть: дочь-то одна, всѣ ваши будутъ.... Ты вотъ про что смекай.

— А тысяча рублей—много денегъ?

— Для кого другаго не много, а намъ съ тобой и половину бы, такъ слава Богу: отъ батьки-то не много получишь, не много про васъ скопилъ. Только то я вижу: крѣпка, надо быть,

старуха, у нея не скоро эти деньги выцарапаешь. Ну да, вѣдь, и то сказать: дочь, вѣдь.... не чужая.... Своей-то не пожалѣетъ: не кому другому.... Ну Никаноръ, долженъ ты меня всю жизнь благодарить, да покоить....

III.

На низменномъ, безлѣсномъ, неприглядномъ берегу небольшой рѣчки уединенно стоитъ крестьянская изба съ дворомъ, крытая соломой. Передъ домомъ до самой рѣчки тянется огородъ, въ которомъ кромѣ грядокъ, нѣтъ ничего: ни куста, ни деревца. Сзади дома гумно, на немъ овинъ, полуразвалившійся кормовой сарай и маленькій амбаръ. Это усадьба Охлопки, принадлежащая, можетъ быть, знаменитому или богатому некогда а теперь упавшему и обнищавшему роду, дворянъ Осташковыхъ. Противъ этой усадьбы, по ту сторону рѣчки, тянется деревня Стройки. Каждый изъ крестьянскихъ домовъ этой деревни смотритъ веселѣе и наряднѣе господской усадьбы, а нѣкоторые говорятъ очень ясно объ изобиліи и даже богатствѣ хозяевъ: тесовыя крыши, створчатыя рамы въ окнахъ, рѣзныя украшенія по крышѣ и на воротахъ. И дѣйствительно, большая часть крестьянъ стройковскихъ зажиточны, нѣкоторые слывутъ богачами; да и не мудрено: угодьевъ у нихъ много, помѣщикъ живетъ далеко, оброкъ платятъ умѣренный, въѣздъ въ лѣса свободный, безъ запрета, о лѣсныхъ сторожахъ и помина нѣтъ, народъ все работящій, заботливый, промышленный. И какъ-то уныло и мрачно, изъ подъ почернѣвшей соломенной крыши, своими тремя маленькими окнами смотритъ на эту веселую деревню господская усадьба съ противоположнаго берега. То ли бывало прежде! Можетъ быть, и вѣроятно, на одномъ берегу рѣчки красовалися большія барскія хоромы, съ пристройками, флигелями, службами, конюшнями, псарней, за домомъ тянулся садъ на нѣсколькихъ десятинахъ, а тамъ—сплошныя, неоглядныя господскія поля, не разбитыя, какъ теперь, на мелкіе крестьянскіе участки; а на томъ берегу, лѣпясь одинъ къ другому, стояли крестьянскія лачужки, едва прикрытыя соломой отъ ненастья, едва освѣщенныя маленькими окошечками, сквозь которыя съ трудомъ проходитъ голова человѣка. Можетъ быть, мужички этой деревни каждый день, кромѣ воскресенья, ходили на барщину къ счастливымъ владѣльцамъ богатой усадьбы, обливали потомъ своимъ и своихъ изнуренныхъ лошаденокъ не-

оглядныя господскія поля, подчищали дорожки въ саду, мели просторный красный дворъ, съ завистью посматривая на лѣнивую, безъ дѣла шляющуюся тутъ же дворню, на псарей, бьющихъ собакъ, на конюховъ, приготовлявшихъ лошадей для барской охоты, и на самихъ господъ, послѣ бездѣйствія отдыхавшихъ въ прохладѣ.... Все это могло быть и, вѣроятно, было; по крайней мѣрѣ таковы фамильныя преданія семейства Осташковыхъ. И не даромъ господскій домъ усадьбы Охлопки, въ настоящемъ его видѣ, такъ уныло и мрачно смотритъ на измѣнившіяся и какъ будто дерзко и нахально подбоченившіяся, а на самомъ дѣлѣ только веселыя Стройки.

Впрочемъ надобно сказать, что настоящіе обитатели Охлопковъ только лишь смутно помнили и изрѣдка разсказывали преданіе о былой судьбѣ Охлопковъ и Стройковъ, и не страдали отъ сожалѣнія о невозвратно потерянномъ, очень миролюбиво смотрѣли на тесовыя крыши нарядныхъ домовъ, и даже заискивали въ ихъ счастливыхъ обитателяхъ. А Стройки—такъ даже и совсѣмъ забыли о быломъ своемъ горѣ, радостно тѣшились настоящимъ благомъ,—и стройковскіе крестьяне, сходясь на сосѣднихъ полосахъ съ охлопковскимъ бариномъ, выѣхавшимъ, какъ они, пахать свой участокъ, дружелюбно, не скидая шапки, кивали ему головой, и миролюбиво разговаривали о всякомъ крестьянскомъ дѣлѣ.

Семейство Осташковыхъ жило совершенно покрестьянски, безъ всякихъ барскихъ претензій и интересовъ; и хотя сосѣдніе мужички и называли владѣтеля Охлопковъ бариномъ, но онъ даже и по наружному виду своему не отличался отъ крестьянина, а необходимость личнаго труда, работа плечо о плечо съ простымъ мужикомъ, и недостатки всякаго рода сближали его съ крестьянскимъ бытомъ, между тѣмъ какъ всѣ возможныя связи съ своимъ сословіемъ были потеряны и забыты. Осташковы желали бы одного: матеріальнаго благосостоянія, обилія плодовъ земныхъ, но его-то имъ и не доставало. Оставаясь бариномъ только по названію, однодворецъ не умѣлъ быть и порядочнымъ крестьяниномъ. Александръ Никитичъ Осташковъ, глава семейства, былъ еще не старъ и въ полной силѣ; два его сына, молодые ребята въ самой порѣ, всѣ трое могли бы быть хорошими работниками; сестра Александра Никитича, женщина умная, хлопотливая и заботливая, была у нихъ хозяйкой; такое семейство въ крестьянскомъ быту, при тридцати десяти-

нахъ собственной земли, принадлежавшей еще къ Охлопкамъ, жило бы въ полномъ довольствѣ, безъ нужды и недостатковъ; а Осташковы во всемъ нуждались, и если не бѣдствовали, то, какъ говорится, едва-едва тянулись. Земля обработывалась безъ толка и небрежно, родила плохо, такъ, что хлѣба иногда не ставало и на собственное прокормленіе; остатокъ барской лѣни и безпечности помѣшали выучиться какому нибудь ремеслу; зимой нечего было дѣлать и вся семья цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ отдыхала отъ лѣтнихъ трудовъ. О томъ, чтобы наняться на зиму въ работники, или взять на себя какой нибудь трудъ по найму, никому и въ голову не приходило, не потому, чтобы такого рода работа считалась унизительною для дворянской чести, или гордости, а просто такъ, по привычкѣ: ни при дѣдушкѣ, ни при прадѣдушкѣ этого не дѣлалось. Когда были дѣти малы, Александръ Никитичъ по необходимости самъ обработывалъ поле, когда же подросли, онъ ихъ сталъ посылать работать вмѣсто себя, а самъ отдыхалъ; но гдѣ нужна была конная работа, тамъ одинъ изъ братьевъ тоже отдыхалъ, потому что лошадь была одна. Зимой, когда придетъ такъ туго, что не на что соли купить, Александръ Никитичъ пошлетъ одного изъ сыновей продать мѣшокъ овса, а лошадь постоитъ и на одномъ сѣнѣ, либо нарубитъ возъ дровъ и продастъ ихъ въ городѣ. Нѣтъ ни овса, ни чего другаго на продажу — пойдетъ къ богатому мужику, выпроситъ, выкланяетъ чего нужно въ займы, а на другой годъ уплачиваетъ хлѣбомъ же, или сѣномъ. Много помогала этой семьѣ неутомимая дѣятельность Натальи Никитишны, которая работала какъ муравей: и пряла, и ткала, чтобы одѣть семью, и на продажу. Принявши на свое воспитаніе Никанора, она и ему не давала сидѣть безъ дѣла и пріучала къ труду; но этимъ пользовался другой братъ, чтобы ничего не дѣлать. Лѣтомъ, обыкновенно, одинъ Никаноръ запашетъ и заборонитъ поле, а Иванъ развѣ только поможетъ жать да косить. Зимой Никанора тетка заставляли прясть, но Иванъ подъ безмолвнымъ покровительствомъ отца, умѣлъ уклоняться отъ этой скучной работы, ссылаясь на то, что надобно же кому нибудь и лошадь накормить, и дровъ наколоть, и воды наносить. Иванъ былъ любимецъ Александра Никитича, на Никанора же онъ смотрѣлъ почти какъ на чужаго: отчасти потому, что Иванъ былъ боекъ, краснобай, плутоватъ и хотя лѣнивъ въ отца, но вообще парень молодцоватый, а Никаноръ тихъ, боязливъ и послушенъ,

хотя и не очень уменъ; а еще болѣе отъ того, что имъ совершенно овладѣла Наталья Никитишна, любила его, учила по своему, и оказывала явное нерасположеніе къ другому племяннику. Что нравилось отцу въ Иванѣ, за то ненавидѣла его тетка, и на оборотъ: за что расхваливала Наталья Никитишна своего Никанора, тому отецъ не давалъ никакой цѣны.

— Посмотри-ка ты, онъ у меня цѣлый день слова не скажетъ! говоритъ бывало Наталья Никитишна, указывая на Никанора.

— Эка корысть.... отвѣчаетъ отецъ: дуракъ, такъ и не говоритъ. О чемъ онъ станетъ говорить-то?

— Ну да, онъ дуракъ, да дѣло дѣлаетъ, а твой-то Ванька только зубы скалитъ, да головѣсничаетъ.

— Онъ въ меня: я самъ этакой же веселый съ молоду былъ, а твой—потихоня, бабій выводокъ.

— Ну, наплачешься ты съ этимъ молодцомъ, погоди вотъ, сдѣлается пьяницей, либо воромъ.

— Не будетъ.... Въ молодости не повеселиться, такъ подъ старость нечѣмъ вспомянуть; а въ тихомъ омутѣ черти-то водятся.... Ванюшка будетъ мой кормилецъ и поилецъ, а на этого мнѣ нечего надѣяться: этотъ бабій прихвостень.

— Ну такъ коли и не надѣйся: онъ моего добра не забудетъ, меня, старухой буду, не оставитъ.

Таково было семейство, въ которое Прасковья Ѳедороана хотѣла отдать свою дочь. Наталья Никитишна, пріѣхавши отъ нея, съ восторгомъ разсказывала брату объ успѣхѣ сватовства.

— Теперь намъ надо только стараться, чтобы ей понравиться, какъ пріѣдетъ, чтобы у насъ дѣло не расклеилось.... А тутъ ужь я скоро сватьбой поверну! говорила она.

— Да это все хорошо. А на что станемъ сватьбу-то играть? У меня денегъ нѣтъ.

— Ну ужь, не былъ ему вѣкъ свой отцомъ, такъ нечего тебѣ и объ этомъ думать: какъ нибудь все схлопочу. Вы у меня только старуху-то какъ не разбейте: она старуха умная, разсудительная. Слава Богу, хоть нынче годъ-отъ хорошъ, да дѣло-то осенью дѣлается: хоть есть что въ амбарѣ-то показать; а кабы весной, такъ, пожалуй бы, пустые сусѣки пришлось показывать.

Все то, что увидѣла Прасковья Ѳедоровна въ Охлопкахъ, пріѣхавши туда, не совсѣмъ ей понравилось, но ей такъ хотѣлось

видѣть свою Катерину за бариномъ, что она рѣшилась не измѣнять данному слову. Притомъ за ней такъ ухаживали, отецъ обѣщалъ въ очень скоромъ времени послѣ сватьбы отдѣлить Никанора, выстроить ему особенный домъ, купить лошадь и корову. О дальнѣйшей судьбѣ зятя и дочери Прасковья Ѳедоровна имѣла свои собственныя соображенія, которыхъ до времени ни кому не высказывала. Такимъ образомъ судьба Катерины была рѣшена. Въ Охлопкахъ снова опять помолились Богу, вновь ударили по рукамъ и назначили день сватьбы.

Устроивъ такимъ образомъ судьбу своей дочери, Прасковья Ѳедоровна очень скоро послѣ сватьбы подробно узнала всю бѣдность, всѣ недостатки дворянской семьи, въ которую отдала свою дочь. Оказалось, что у молодаго даже не было необходимаго платья. Сначала она утѣшала себя надеждой, что отецъ, по условію, выстроитъ особенную избу и отдѣлитъ Никанора, и что съ помощію ея и тетки разживется; но дни шли за днями, прошла зима, наступила весна, а о постройкѣ новой избы не было и помина. Прасковья Ѳедоровна нѣсколько разъ начинала объ этомъ рѣчь съ отцомъ и теткой, но подъ разными неубѣдительными предлогами дѣло откладывалось. Вся семья была очень довольна Катериной, какъ неутомимой и послушной работницей; Наталья Никитишна ни минуты не давала ей сидѣть безъ дѣла. Зимою бездѣйствіе мужчинъ не было очень замѣтно, но когда пришли полевыя работы и Прасковья Ѳедоровна увидѣла, что всю работу свалили на ея дочь и зятя, а отецъ и младшій сынъ изъ-за нихъ ничего не дѣлали, ей стало больно и обидно: она рѣшилась настоятельно переговорить со старикомъ.

— Что же, сватушка, подумываете ли вы объ отдѣлѣ-то? спросила она однажды.

— Когда тутъ теперь думать объ этомъ, Ѳедоровна, сама видишь—лѣтнее время: работа горячая, а я буду думать объ отдѣлѣ.... Вотъ зима придетъ, тамъ видно будетъ.

— Да что вамъ объ работѣ-то думать: у васъ все Никаноръ Александрычъ съ Катериной сдѣлаютъ, возразила она съ горечью. И Иванъ-то изъ-за него только шаты продаетъ, Никаноръ-отъ за всѣхъ за васъ одинъ работаетъ.

— Не грѣхъ ему и поработать за отца — старика, не за чужаго.

— Да я не къ тому и говорю: пускай его работаетъ; что молодому парню и дѣлать, какъ не работать, не зубоскалить же

цѣлый день, какъ вашъ Иванъ.... А вотъ вы бы объ немъ и подумали... Ну, пускай, домъ—до зимы, а теперь хоть бы лошадку, да коровку ему купили, теперь не кормомъ ихъ кормитъ, въ стадѣ сыты будутъ, а все бы у него была своя собинка.... И вамъ бы легче: не все вдругъ заводить.

— Какое ужь дѣло теперь скотину покупать; теперь лошадь-то вдвое заплатишь, по осени дешевле.

— Да, вѣдь, ужь осень прошла и зима прошла, не купили: говорили, что корма не станетъ, кормить не чѣмъ; вѣдь, и на эту зиму тоже будетъ. А вы какъ бы купили ему теперь лошадь-то, такъ онъ хоть бы паровое-то про себя вспахалъ. Отдаете же въ кортому за безцѣнокъ. Да у васъ земли сколько впустѣ лежитъ, а вѣдь, вы отъ земли кормитесь. Вѣдь, ужь у Никанора Александрыча теперь своя семья завелась, надо ему и про себя промышлять.

— Да что онъ теперь станетъ паровое-то пахать безъ навоза? У насъ земли не такія; безъ навоза ничего не родится, только сѣмена погубишь.

— Новь-то бы поднялъ, такъ можетъ бы и безъ навоза родилось.

— Пошибетъ все травой.

— Ну да не стану съ вами спорить въ этомъ, мое дѣло женское. Ну такъ на своей-то бы лошади онъ хоть бревна бы сталъ пока возить, какъ бы вы ему на стройку лѣсу купили, а на вашей-то Иванъ все бы полевое-то обдѣлалъ, чѣмъ шататься-то.

— Такъ, такъ все вдругъ: и лошадь купить, и корову, и бревенъ; очень ужь жирно будетъ.

— Такъ какъ же, Александръ Никитичъ, вѣдь надобно же вамъ и объ немъ подумать: вѣдь не вѣкъ же ему съ женой жить работниками про вашего Ивана.

— Да что вамъ дался Иванъ?... На Ивана-то только у меня и надежды.... Онъ захочетъ, вдвое сдѣлаетъ противъ Никанора-то, даромъ что тотъ—бабій хвостъ. Да и то сказать: мнѣ до Никанора и дѣла нѣтъ, онъ отданъ теткѣ на руки; сама она его взяла, своимъ выводкомъ считаетъ, сама она его женила, она съ вами дѣло дѣлала, — съ нея и спрашивай. А мнѣ про Никанора негдѣ взять, вотъ вамъ и сказъ.

— Такъ неужто ужь онъ не сынъ тебѣ, неужто вѣкъ-отъ свой ничего не заслужилъ, не заработалъ?

— Не дологъ еще его вѣкъ, немного я отъ него службы видѣлъ, а ужь въ отдѣлъ захотѣлъ.

— Да, вѣдь, это ваше обѣщаніе было, Александръ Никитичъ...

— Не мое, а теткино: она къ тебѣ ѣздила, она тебѣ наобѣщала, съ нея и спрашивай. Хочетъ жить у меня—такъ пожалуй, живи: я съ своего хлѣба не гоню, а не хочетъ—ступай на всѣ четыре стороны, обѣими руками благословлю, только не жди отъ меня ничего, да и дать мнѣ нечего. Вотъ и разговорка вся....

Сказавши это, Александръ Никитичъ всталъ и вышелъ изъ избы, крѣпко хлопнувши дверью.

— Такъ что же это такое, Наталья Никитишна, на что же это похоже? спрашивала Прасковья Өедоровна, обращаясь къ теткѣ. Что вы изъ дочки-то изъ моей хотите сдѣлать: въ батрачки что ли я вамъ ее отдала? Какъ же это, что она угла своего не будетъ имѣть, вѣкъ свой у Ивана подъ началомъ будетъ, а еще тотъ женится, такъ на жену его рубашки стирать что ли будетъ? Что мнѣ въ томъ, что вы дворяне-то?.... Можетъ быть, въ ней въ самой не рабская кровь течетъ, а такая же благородная. Да развѣ я на то ее къ вамъ отдала? Да и отдала ли бы я ее, какъ бы ты не наобѣщала съ три короба?

— Ахъ, Өедоровна, да отстань ты, отстань: развѣ я сама-то рада, да что мнѣ дѣлать съ батюшкой-то? Видишь ты, какой онъ.... Ужь нечего плакаться-то, нечего другъ отъ друга и таиться.... Поговоримъ-ка лучше дѣломъ-то.... На отца-то ужь видно нечего надѣяться. Земли, что слѣдуетъ Никешѣ и на мою долю, онъ не можетъ не дать: это наше родовое, сами возьмемъ, а ужь больше отъ него нечего и ждать. Намъ съ тобой, видно, сообща надо обдумывать объ нихъ: у тебя дочь, у меня племянникъ. Что мое, то все его: я давно тебѣ сказала, только, матушка моя, насчетъ стройки и всего обзаведенія, мнѣ одной не сбиться; нечего видно пустаго и обѣщать. Есть у меня рублишковъ двадцать пять, скопила—эти всѣ деньги я на нихъ изведу, а больше у меня ничего нѣтъ. Рада бы радостью, да нѣтъ, такъ негдѣ взять. Помогай ужь ты изъ своихъ, а намъ только какую бы ни на есть избушку выстроить, мы бы и ушли отъ нихъ жить, тотчасъ бы ушли.... Вотъ что. А и тебѣ нечего жалѣть: не про кого, про своихъ же истратишься.

— Эхъ, не того мнѣ жалко!... А чего смотрѣли мои старые глаза, не видѣли, куда отдавали дитятко родное: вотъ что мнѣ

горько.... Эхъ вы, дворяне, дворяне.... бездушные, бездушные и есть!... Кажись бы лучше она у меня за простымъ мужикомъ была.

— Ну, полно, Өедоровна, бранью горю не поможешь.... Ужь нечего тебѣ и нашъ родъ срамить: твоя дочь въ немъ. Что видно, сдѣлано, того не передѣлаешь. Прасковья Өедоровна, сорвавши сердце, увидѣла необходимость устраивать зятя и дочь на собственныя средства—и покорилась этой необходимости: вскрыла свой завѣтный сундукъ, вынула оттуда по копѣечкамъ и по гривнамъ скопленныя сотенки; съ сокрушеніемъ сердечнымъ тратила ихъ, но за то имѣла удовольстіе зимою, въ самый Николинъ день, праздновать у зятя и дочери новоселье. Наталья Никитишна не осталась у брата, но къ великому его неудовольствію, перешла жить къ племяннику. Подъ ея руководствомъ и съ помощію Прасковьи Өедоровны, маленькое хозяйство закипѣло. Катерина была бабенка смышленая, заботливая и дѣятельная; Никеша не выходилъ изъ повиновенія тетки и трудился сколько могъ и умѣлъ: всѣ они зажили припѣваючи. Прасковья Өедоровна не разсталась съ своей печкой, съ своей кельей, но приходила часто къ зятю и гостила у него по-долгу, особенно въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда Богъ далъ ей внучка.

IV.

Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Никеша поселился въ новомъ домѣ. Новое хозяйство шло отлично: хлѣбъ у Никеши родился лучше, нежели у отца; во время посѣянное, во время убранное, ничто не пропадало въ полѣ; тетка и жена, постоянной, усиленной работой, не мало доставляли денегъ, которыя употреблялись съ толкомъ и на дѣло. На дворѣ стояла лошадь, три коровы и нѣсколько овецъ, въ прикуткѣ хрюкали свиньи. Прасковьѣ Өедоровнѣ оставалось только радоваться, смотря на житье-бытье своихъ дѣтокъ. И она дѣйствительно радовалась, тѣмъ болѣе, что и сама пользовалась отъ нихъ полнымъ уваженіемъ. Одно только не нравилось ей, что Никеша живетъ и держитъ себя по-мужицки, и что знакомство у него—съ одними только мужиками. И чѣмъ болѣе замѣчала она въ домѣ зятя довольства и избытка, тѣмъ болѣе сознавала необходимость просвѣтить его и сдѣлать хоть сколько нибудь похожимъ на барина, если не для него самаго, такъ хоть для дѣтей, чтобы они по-

слѣ не стыдились, смотря на отца. Послѣднихъ Прасковья Ѳедоровна непремѣнно хотѣла воспитать по-дворянски и, качая въ колыбели новорожденнаго внука, уже теперь же мечтала какъ онъ будетъ служить въ полку, и даже приговаривая пузатенькаго ребенка, вслухъ разсказывала ему, какой онъ будетъ хорошій въ мундирѣ и при эполетахъ: о возможности оставить внучатъ въ томъ состояніи, въ какомъ находился ихъ отецъ, она и представить себѣ не могла.

— Это, чтобы мой Колинька, самъ пахалъ да боронилъ, самъ за собой ходилъ, чтобы онъ мужикомъ былъ, — нѣтъ, быть этого не можетъ. Нѣтъ, Никаноръ Александрычъ, коли твои родители согрѣшили, оставили тебя темнымъ человѣкомъ, — ну, суди ихъ Богъ, а самъ ты этого и грѣха на душу не бери. Вотъ тебѣ мой зарокъ. Какъ Колинька подростетъ, такъ и отдай его въ ученье, а послѣ въ полкъ. Онъ у меня офицеръ будетъ, въ эполетахъ будетъ ходить, по гостинымъ танцовать, на него барышни будутъ заглядываться.... А тутъ невѣсту себѣ богатую выберетъ, на богатой женится, души у него свои будутъ.... Агу, Колинька, женишься, на богатой, агу, души возьмешь! агу!... батюшка мой! А то землю пахать! Станетъ ли онъ землю пахать!... Пожалуй ее паши, отъ нея, матушки, немного разживешься. Вонъ мужики вѣкъ свой пашутъ, да богаты ли живутъ, а въ службѣ-то будешь, жалованье станешь получать, доходы будутъ.

— Ну, когда-то еще что будетъ, а ты бы шелъ, Никеша, нарубилъ бы дровъ, примолвитъ бывало Наталья Никитишна.

— Нѣтъ, а надо ему сходить со мной къ которымъ дворянамъ, безпремѣнно надо: давно я собираюсь взять его съ собой. Пусть бы хоть посмотрѣлъ да научился, какъ своя кровь живетъ.

Наконецъ однажды, зимою, наканунѣ праздника, Прасковья Ѳедоровна, придя къ зятю, объявила ему, что она была у одного барина, старшинаго пріятеля ея барыни, у Николая Петровича Паленова, просила позволенія привести къ нему зятя, и тотъ приказалъ завтра приходить, и что завтра имъ непремѣнно нужно къ нему отправиться.

— Да вотъ что, Никеша, спрашивала я его о твоемъ дворянствѣ, разсказывала ему какія у васъ были души и какія большія вотчины, и спрашивала я его: нельзя ли какъ хошь какую небольшую деревеньку вамъ назадъ изъ чужихъ рукъ выхлопотать, такъ этого, говоритъ, никакъ нельзя. А, есть ли, гово-

ритъ, у твоего зятя какія бумаги и записанъ ли, говоритъ, его родъ въ книгу, и имѣетъ ли онъ грамоту дворянскую? нынче говоритъ, вышелъ указъ, чтобы всѣ эти бумаги у бѣдныхъ дворянъ разсмотрѣть, и если кто своего дворянства не докажетъ, такъ тѣхъ дворянъ записать въ подушную и дворянами они не будутъ. Есть ли у отца-то какія бумаги-то?

— Не знаю, матушка. Кажись, есть у него грамотки-то какія-то. Ужъ не знаю только пойдутъ ли онѣ къ дѣлу-то.

— То-то вотъ и есть: какой вы народецъ-то. Безъ меня вы, пожалуй, и дворянство-то свое потеряли бы. Надо сходить къ отцу-то переговорить съ нимъ, да взять бумаги-то съ собой, показать Николаю Петровичу; можетъ быть, я попрошу, такъ онъ и похлопочетъ объ васъ: онъ къ дворянамъ радѣленъ.

Прасковья Ѳедоровна отправилась къ Александру Никитичу, съ которымъ весьма рѣдко видалась и была не въ ладахъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Никеша отдѣлился отъ отца. Сначала Александръ Никитичъ очень сердился на сына, почти не хотѣлъ его видѣть и говорить съ нимъ, но благосостояніе Никеши видимо возрастало, а Александръ Никитичъ жилъ, по прежнему, въ недостаткахъ; Иванъ по прежнему мало дѣлалъ и точилъ лясы, хотя отецъ и женилъ его на какой-то бѣдной солдаткѣ. Къ кому было ближе обратиться со всякою нуждою, какъ не къ сыну—сосѣду? Никеша иногда удовлетворялъ требованія отца, и это обстоятельство нѣсколько мирило ихъ и поддерживало родственныя отношенія. Но Прасковью Ѳедоровну Александръ Никитичъ ненавидѣлъ: хотя онъ и понималъ, что сынъ всѣмъ ей обязанъ, но онъ видѣлъ въ ней только хитрую женщину, которая отняла у него сына—работника, а съ нимъ и часть земли, слѣдовательно разорила его. Каждый разъ, какъ Никеша отказывалъ ему въ какой нибудь просьбѣ, онъ попрекалъ его свекровью—холопкой, которая внушаетъ сыну неповиновеніе къ отцу, бранился и грозилъ лишить родительскаго благословенія. Прасковья Ѳедоровна знала это, но не задумалась идти къ Александру Никитичу, предполагая, что онъ долженъ благодарить ее за заботливость объ его собственномъ дѣлѣ.

— А я къ вамъ, сказала она, входя въ избу старшаго Осташкова.

— Милости просимъ. Ради дорогимъ гостямъ. Съ чѣмъ пожаловала?

— А вотъ съ чѣмъ, сватушка любезный: была я у Николая Петровича Палёнова. Знаете, чай?...

— Знать—не знаю, а слыхать—слыхалъ.

— Кажется, стоющій баринъ!... и я, благодареніе Богу, привѣчена отъ него довольно.

— Ну что же, дай Богъ вамъ въ радость и въ корысть.

— Корысти мнѣ тутъ нѣтъ никакой, а за честь себѣ поставляю его ласки, за большую... Такъ вотъ онъ-то мнѣ и сказалъ, что вышелъ такой указъ, чтобы у всѣхъ дворянъ разсбрать бумаги, и кто, то есть, своего дворянства по бумагамъ не докажетъ—такъ тѣхъ бы дворянъ приписать въ подушное. Такъ какъ вы объ этомъ полагаете?

— Такъ что же? Судъ и разберетъ у кого какія есть бумаги.

— А дали бы вы мнѣ свои-то бумаги, коли есть у васъ какія.

— Да тебѣ-то на-что? Читать, что ли, ты ихъ будешь?

— Нѣтъ, мнѣ гдѣ ужь читать: я человѣкъ темный. А вотъ что, Александръ Никитичъ, шутки-то шутить нечего, надо дѣло говорить. Вы, вѣдь, сами за себя хлопотать не будете, а я бы ихъ показала Николаю Петровичу, да попросила похлопотать, коли чего тутъ недостаетъ, али что не такъ писано. Вы, вѣдь, по судамъ-то не хаживали, даромъ что давно на свѣтѣ живете, а мнѣ вотъ пришлось разъ только вольную явить,—такъ я и знаю каковы эти суды-то. Тутъ, коли есть у тебя человѣчикъ который, сильный, чтобы словечко за тебя замолвить, такъ и все по твоему сдѣлается, а то, пожалуй, и все бы чисто да исправно, а тебѣ такой крючекъ ввернутъ, что вѣкъ свой охать будешь, да ужь поздно. Вотъ что, сватушко любезный!

— Ай, свахонька, больно ужь ты умна, да все знаешь... Это можетъ быть, чтобы я, вѣкъ свой дворянинъ, и родъ мой весь дворянскій, и дѣдушка и прадѣдушки мои всѣ во дворянствѣ перемерли, а меня бы вдругъ дворянства лишили!... Это ты Никешѣ разсказывай.

— Да, вѣдь, это не я говорю, Александръ Никитичъ, а говорятъ такіе люди, которые побольше насъ съ вами знаютъ... Съ ихъ словъ я вамъ и перевожу, что все по бумагамъ будутъ разбирать...

— Ну пусть и разбираютъ...

— И я, вѣдь, для васъ же хотѣла хлопотать, потому Нико-

лай Петровичъ ко мнѣ милостивъ, изволитъ меня жаловать. Вотъ и Никешу приказалъ привести къ себѣ, съ нимъ хочетъ познакомиться...

— Ну, и веди его туда... Пускай онъ тамъ въ лакейской костей погложетъ, да тарелки полижетъ, а я еще не пойду: мнѣ не за-чѣмъ.

— Это ваша воля—родъ свой такъ срамить, что ему въ лакейской только мѣсто и угощенія только, чтобы кости глодать... Можетъ быть, добрые люди хоть не для вашего рода, а для меня, и повыше посадятъ... А васъ я и не зову, а только бумагъ у васъ попросила, чтобы показать.

— Нечего тебѣ ихъ и показывать: покажу ли, нѣтъ ли, я самъ.

— Ну смотрите, чтобы послѣ не каяться. Вѣдь, какъ что не въ исправности, да выпишутъ изъ дворянъ-то, такъ сыновьямъ-то не далеко будетъ и до солдатской шапки.

— Такъ коли и такъ-то: Ивана-то не отдамъ: онъ меня кормитъ, а Никешѣ-то вашему туда и дорога за непочтеніе къ отцу.

— Ужь, кажется, онъ вамъ непочтенія не оказываетъ: нерѣдко къ нему то за тѣмъ, то за другимъ ходите, а вѣдь награжденія-то отъ васъ онъ немного получилъ: моимъ живетъ, не вашимъ.

— А чья его земля-то кормитъ? Ужь и земля-то, полно, не твоя ли?

— Ну, это у него родовое: вѣдь, и вы землю-то не купили... Да, видно, мы до добра не договоримся; а толку своими рѣчами не сдѣлаемъ. Господь инъ съ вами. Не хотѣли моей послуги—какъ хотите... Была бы честь приложена, убытка Богъ избавилъ. Прощайте-ка, Христа ради.

— На доброе здоровье. На предки милости просимъ... хм...

— Ну... у меня до васъ нужды-то не большія... Вы къ намъ жалуйте...

Прасковья Ѳедоровна пришла къ зятю совершенно разстроенная.

— Экой родитель! говорила она, пересказавъ весь свой разговоръ. Ужь нечего сказать, наградилъ тебя Богъ, Никеша, родителемъ. И за что онъ на меня злится? Что я ему сдѣлала? Кажется бы, ему не то—что злиться на меня, а за все, что я для его сына сдѣлала, надо бы ноги-то у меня мыть и да во-

ду-то пить. Ну, пожалуюсь я на него завтра Николаю Петровичу;—все перескажу: пусть же онъ знаетъ, каковы есть родители на свѣтѣ и каково тебѣ жить горемычному.

— У, да вѣдь! онъ какой старикъ... язва! отозвалась Наталья Никитишна. Какъ я перешла къ Никешѣ-то жить, такъ и со мной-то цѣлыя полгода единаго слова не сказалъ, и не смотрѣлъ, а иду мимо, али гдѣ встрѣтимся,—такъ отворачивался, а заговорю,—такъ только осмѣетъ... И Ванюшка-то весь въ него. Бывало мимо иду, тетка старуха, онъ и шапки не ломитъ, а начну ругать, такъ только зубы скалитъ... Да что кабы у меня этакой Никеша былъ, да чтобы я... я бы до смерти убила!... А вотъ нужда-то стала къ намъ загонять, такъ и получше было стали... Да вишь завистъ-то ихъ больно доѣдаетъ, что зачѣмъ у насъ все лучше ихнаго... Вотъ кабы мы въ бѣдности жили, въ разореньи, вотъ бы ужъ имъ любо!... Ахъ люди, люди... человѣки!...

Но Александръ Никитичъ одумался: отдѣлавши ненавистную ему Прасковью Ѳедоровну, онъ былъ доволенъ собою и разсудилъ, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ выйдутъ какія хлопоты изъ-за бумагъ и ему еще, пожалуй, придется ходить да кланяться;—такъ не лучше ли свалить все дѣло на сына, а самому валяться спокойно на печи. Разсудивши такимъ образомъ, онъ вынулъ всѣ документы, которые перешли къ нему отъ отца вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, и лежали, связанные, въ коробкѣ, и которыхъ ему и въ голову никогда не приходило пересматривать. И теперь онъ только пересчиталъ отдѣльные листы и тетради, позвалъ Никешу и счетомъ отдалъ ихъ ему, настрого наказавъ показать ихъ кому хочетъ, и счетомъ же возвратить опять ему.

— Ну вотъ отдалъ же, вѣдь, бумаги-то, говорила Прасковья Ѳедоровна. Это только хотѣлось мнѣ въ пику сдѣлать. Правда, что язвительный человѣкъ! Ну, да Богъ съ нимъ! Хоть руки-то намъ развязалъ теперь. Какъ нибудь станемъ сами объ себѣ промышлять. Ну, Никаноръ Александрычъ, завтра благословясь и поѣдемъ къ Николаю Петровичу... Эко горе сюртука-то у тебя нѣтъ...

V.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, начались заботливые сборы въ гости. Никаноръ нарядился въ самое лучшее свое

платье. Его оглядывали и осматривали всей семьей, точно собирали невѣсту подъ вѣнецъ. Тетка собственноручно и щедро намазала ему голову скоромнымъ масломъ и причесала волосы. На шею повязала женинъ красный шелковый платокъ, другой бумажный положила въ карманъ со строгимъ наказомъ, не больно пачкать. Никеша готовился выступить въ свѣтъ.

— Ахъ больно ты у насъ неуклюжъ, Никаноръ Александрычъ, не великатенъ, замѣтила Прасковья Ѳедоровна.

— Ну, вотъ, что за неуклюжъ! возражала Наталья Никитишна. Смотри-ка ты на него: обрядился-то , такъ чѣмъ сталъ не парень?

— Эхъ, Наталья Никитишна, не знаешь ты, матушка, настоящей-то господской повадки: иной войдетъ да посмотритъ на тебя, такъ точно рублемъ подаритъ.

— Ну , а ты его не больно обезкураживай. Погоди , и онъ на господъ-то посмотритъ, такъ все съ нихъ перейметъ.

— Я къ тому и говорю, чтобы онъ перенималъ. А главное, чтобы слушалъ , да ума набирался , а ужъ отъ этого барина, отъ Николая Петровича, есть чему научиться: ужъ только его слушай, да слова запоминай,—заговоритъ. Этакаго ума, этакихъ рѣчей... я вотъ ужъ много господъ видала, а такого—нѣтъ, не знаю. Онъ будетъ тебѣ цѣлый день говорить, все бы его слушалъ: хоть много чего не понимаешь, а слушать хочется: вѣдь, говоритъ—точно бисеромъ нижетъ, словно медяная рѣка льется.

— Ужь я не знаю , матушка , больно меня робость беретъ, оченно ужь я боюсь... хоть бы ужъ и не ѣхать, такъ впору.

— Ну, вотъ и глупо опять говоришь , Никаноръ Александрычъ. Чѣмъ бы тебѣ радоваться, что приводитъ Господь съ своимъ братомъ сойтися, не съ мужикомъ-вахлакомъ , ты бояться вздумалъ. Ну чего ты боишься? Онъ тебя не прибьетъ, не обидитъ, а развѣ только ласку да милость какую увидишь, да уму поучишься.

— Да, пожалуй, на смѣхъ подыметъ.

— Ну, не полагаю, не такой баринъ; этотъ господинъ серьезный. А хоть бы такъ сказать: пускай и посмѣется надъ твоимъ необразованьемъ. Что же за бѣда такая: ты человѣкъ бѣдный, ты это долженъ перенести, черезъ это свое смиреніе ты можешь показать и милость особливую получить. Ты бойся только одного , чтобы на тебя не прогнѣвались , да не прогнали отъ себя, что значитъ—ты ненужный человѣкъ. А чѣмъ бы ни

чѣмъ—да въ ласку войти. Будь ты почтителенъ, завсегда старайся услужить, подъ веселый часъ попался, и самъ будь веселъ и шутки шути; подъ досадный часъ—коли что и не ласковое скажутъ—перенеси на себѣ, а не обижайся, этой фанеберіи не бери на себя—вотъ и будутъ тебя господа и любить и не оставлять. Ужъ повѣрь ты мнѣ: я къ господамъ-то присмотрѣлась, знаю ихъ вдоль и поперегъ. Говорятъ есть злые господа, мучители: пустякъ, это самъ человѣкъ виноватъ, не умѣлъ услужить. Давай мнѣ какого хочешь господина—для меня всякій будетъ добрый, только надо умѣть на него потрафить. Поѣдемъ-ка, однако, собирайся, пора ужь.

Тетка и жена напутствовали Никешу благословеніями и разными пожеланіями. Дорогой Прасковья Өедоровна продолжала наставлять его какъ слѣдуетъ держать себя съ господами.

Вдали показалась усадьба Палёнова. Большой каменный домъ, съ красной крышей, гордо высился на пригоркѣ, посторонясь отъ низенькихъ сѣренькихъ крестьянскихъ избушекъ, поставленныхъ рядомъ по прямой линіи, какъ стоятъ солдаты въ строю передъ своимъ командиромъ.

— Смотри-ка, Никаноръ Александрычъ, въ какія палаты я везу тебя. Подумай-ка, можетъ и твои прапрадѣдушки жили въ этакихъ же хоромахъ. А можетъ,—какъ знать волю Божью?—и твои дѣтки, какъ пойдутъ служить да наживутъ денежекъ, въ этакихъ же домахъ будутъ жить.

— Гдѣ ужь, матушка!

— А почемъ знать. Конечно, какъ не будешь ты ихъ учить, да не опредѣлишь на службу, а будутъ они жить около тебя да пахать землю, такъ только и будетъ... А ученье, да служба до всего, мой другъ, доводятъ человѣка. Не даромъ, пословица говоритъ: ученье свѣтъ, а неученье тьма, а служба и того больше. Посмотри-ка, нынче каждый писарь — и тотъ умѣетъ домикъ себѣ нажить, а секретари-то, али судьи и сподрядъ деревни покупаютъ.

Они подъѣзжали къ воротамъ.

— Ну смотри же, Никеша, помни все, что я тебѣ говорила; такъ и поступай.

Николай Петровичъ Палёновъ считалъ себя знаменитостью между дворянами не только своего уѣзда, но и цѣлой губерніи. Онъ видѣлъ въ себѣ передоваго человѣка по образованію, по знаніямъ, по разумной дѣятельности, по умѣнью честнымъ обра-

зомъ наживать деньги, по современному взгляду на жизнь, на людей, однимъ словомъ—по всему. Въ уѣздѣ на него смотрѣли различно: одни—видѣли въ немъ счастливаго человѣка, которому удалось очень быстро разбогатѣть, а какимъ образомъ,—это все равно, и за богатство уважали его; другіе—считали его хлопотуномъ, безпокойнымъ человѣкомъ, непосѣдой, которому до всего есть дѣло, говоруномъ и даже вралемъ; и въ тихомолку надъ нимъ посмѣивались, хотя и оказывали ему достодолжное почтеніе, какъ человѣку богатому и къ тому еще безпокойному; молча слушали и старались какъ бы отдѣлаться поскорѣе, иные—видѣли въ немъ чуть-чуть не то, чѣмъ онъ самъ себя считалъ, смотрѣли на него почти съ благоговѣніемъ, слушали со вниманіемъ, вѣрили всему, что онъ ни говорилъ. На самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ не глупый, но не разумный, одержимый болѣзненной подвижностью, заставлявшей его бросаться на все, капризный и избалованный удачами, не совсѣмъ прямой и, что говорится, себѣ на умѣ въ дѣлѣ матеріальнаго благопріобрѣтенія; но неподкупно-честный и безкорыстный на словахъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему ни терять, ни пріобрѣтать было нечего. Самообольщеніе этого человѣка, взлелѣянное удачами, доходило до крайности, до смѣшнаго, до невѣроятнаго: разсказывая о чемъ бы то ни было, касавшемся его особы, онъ часто лгалъ торжественно вещи невѣроятныя, дикія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ. Человѣкъ весьма ограниченнаго образованія, онъ безпрестанно читалъ, и читалъ все, что только попадалось подъ руку, даже спеціально-ученыя, даже философскія книги; схватывалъ вершки, заучивалъ фразы,—и самоувѣренно трактовалъ о всѣхъ возможныхъ вопросахъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Въ этомъ случаѣ ему было раздолье въ провинціи: его слушали, разиня ротъ, или мигая глазами, чтобы не вздремнуть. Онъ былъ добръ отъ природы, но болѣзненно вспыльчивъ; а привычка повелѣвать и видѣть безпрекословное повиновеніе сначала въ военной службѣ, а потомъ въ деревнѣ, сдѣлали его деспотомъ и мелочнымъ формалистомъ. Поселяясь въ деревнѣ, онъ имѣлъ не болѣе 200 душъ, а лѣтъ черезъ десять довелъ этотъ счетъ до 1000. Дѣло сдѣлалось просто: онъ купилъ небольшое имѣніе, въ которомъ было нѣсколько богачей крестьянъ. Разными ухищреніями онъ заставилъ ихъ выкупиться на волю за большія деньги. За тѣмъ выгодная продажа лѣса, дешевая покупка имѣній на аукціонныхъ торгахъ, которые онъ

постоянно посѣщалъ, и гдѣ не стыдился весьма часто брать *отступное*, помогли ему округлить желанную и привлекательную для самолюбія помѣщика цифру душъ—тысяча. Палёновъ любилъ хвалиться любовью и близостью къ простолюдину, считалъ и выдавалъ себя благодѣтельнымъ помѣщикомъ, не гнушающимся сближенія съ крестьянами, входящимъ во всѣ нужды его, знающимъ его бытъ. И дѣйствительно, онъ часто и по-долгу толковалъ съ мужичками, входилъ въ ихъ бытъ, и увеличивалъ оброкъ по мѣрѣ обогащенія мужика, билъ и сѣкъ за малѣйшее уклоненіе отъ его приказаній, хотя бы отъ недосмотра или отъ безтолковости и за просрочку въ платежѣ оброка. Билъ иногда и просто, не разобравши дѣла, вслѣдствіе безумной вспыльчивости; но, въ такихъ случаяхъ, всегда давалъ безвинно прибитому двугривенный и болѣе. Не смотря на такую любовь и близость къ простонародію, не смотря на то, что, по собственнымъ его словамъ, онъ былъ врагъ сословныхъ предразсудковъ, Палёновъ являлся всегда строгимъ охранителемъ своихъ дворянскихъ привилегій, гордился именемъ дворянина, и любилъ когда ему выражали почтеніе и давали дорогу, какъ члену извѣстнаго привилегированнаго сословія: онъ даже долго не пускалъ на глаза дьякона, который, по ошибкѣ, въ церкви подалъ просфору сначала какой-то купчихѣ, а потомъ, оторопѣвъ, бросился съ извиненіями, что не досмотрѣлъ его высокоблагородіе; другой разъ онъ привезъ связаннымъ въ городъ и требовалъ, чтобы наказали мужика, который ѣхалъ съ возомъ и, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, не хотѣлъ своротить въ сугробъ. Въ то же время Николай Петровичъ былъ очень милостивъ, ласковъ и любезенъ съ тѣми, кто умѣлъ ему льстить и кланяться.

Съ такимъ-то господиномъ слѣдовало познакомиться Никешѣ и съ этого знакомства начать свое вступленіе въ свѣтъ. Привязавши лошадь у сарая, Прасковья Ѳедоровна, вмѣстѣ съ зятемъ, черезъ заднее крыльцо, пробралась въ дѣвичью. Здѣсь она очень дружелюбно и ласково поздоровалась со всѣми горничными, которыя съ любопытствомъ оглядывали Никешу.

— Зятекъ, что ли, это вашъ, Прасковья Ѳедоровна? спрашивали нѣкоторыя изъ нихъ.

— Нечто, нечто, голубки; зять.

— Вѣдь они, кажись, господа?

— Какъ же, милыя, баринъ, дворянинъ природный.

Дѣвки лукаво и съ улыбками переглянулись между собою.

— А вотъ что бѣдность-то значитъ и въ ихномъ-то званіи, замѣтила Прасковья Ѳедоровна, и въ дворянскомъ-то: вотъ черезъ заднее крылечко тихохонько, да смирнехонько пробрались сюда, не смѣло; а будь-ка богаты, такъ, можетъ, и мой бы Никаноръ Александрычъ на троечкѣ подкатилъ прямо къ переднему крыльцу. А что Николай Петровичъ дѣлаютъ? можно имъ доложить объ насъ, али нѣтъ?

— Отчего, чай, нельзя? можно! Вотъ только Абраму сказать: онъ доложитъ.

— Такъ, милая моя, Лизаветушка, не потрудишься ли ты Абрама-то Григорьича позвать сюда: я бы его сама попросила, какъ доложить-то обо мнѣ.

— Сейчасъ, позову.

Камердинеръ Николая Петровича, Абрамъ, съ краснымъ заспаннымъ лицомъ и черными усами, въ довольно засаленомъ сюртукѣ, вошелъ въ дѣвичью.

— Здравствуй, Ѳедоровна! сказалъ онъ, входя и тотчасъ садясь на стулъ.

— Здравствуйте, Абрамъ Григорьичъ. Доложите, пожалуста, барину, что дворянинъ Осташковъ, что они приказывали придти, такъ пришолъ, молъ, съ тещей.

— Это зять твой? спросилъ Абрамъ, потягиваясь.

— Да, Абрамъ Григорьичъ!

— Здравствуйте, баринъ! продолжалъ онъ, протягивая грязную руку Никешѣ.

Тотъ робко и почтительно подалъ свою.

— Что же, это вы, въ бабьи партаменты? А вы бы къ намъ!

— Да ужъ такъ онъ со мной: я провела сюда. А что, можно доложить-то? Встали, чай, Николай Петровичъ?

— О-о! съ самой зари ругается... Ахъ, дѣвки, какъ дрыхнуть хочется! просто смерть. Хошь издохнуть! Подняла его сегодня нелегкая со свѣтомъ вдругъ, сталъ письма писать, хватился бумаги какой-то: я говоритъ, третьяго дня на столѣ оставилъ;—заревѣлъ, загорланилъ; стали искать—лежитъ на этажеркѣ; самъ засунетъ, да и спрашиваетъ послѣ.

— То-то онъ давеча очень кричалъ! замѣтила одна изъ дѣвокъ.

— Нѣтъ, это въ другой разъ: тогда-то еще вы, поди, чертовки, дрыхнули, какъ мы съ нимъ вожжались. А это онъ павловскаго старосту каталъ,—шибко каталъ!

— За что?

— Кто его знаетъ! Дѣвка, что ли, какая-то хромая у нихъ въ вотчинѣ до 18 лѣтъ не замужемъ сидитъ, а двое жениховъ невѣстъ просятъ... Такъ зачѣмъ даетъ въ дѣвкахъ засиживаться, отчего не принуждаетъ замужъ, коли женихи есть...

— Коли хромая, такъ кто ее возметъ?

— Ну, а ты поди съ нимъ: я, говоритъ, этого знать не хочу... Коли она дѣвка, такъ и слѣдуетъ, говоритъ, ее замужъ выдать. А васъ вотъ, стервы, не выдаетъ... А-а-а... сладко зѣвнулъ Абрамъ и потомъ всталъ.

— Сейчасъ доложу! промолвилъ онъ, потягиваясь и вышелъ изъ дѣвичьей.

Черезъ нѣсколько минутъ Прасковью Ѳедоровну и Никешу позвали въ кабинетъ Николая Петровича.

Высокій, плотный, осанистый мужчина, съ полной грудью, быстрыми, но не блестящими глазами, и съ хохломъ на головѣ, важно сидѣлъ въ волтеровскихъ креслахъ.

Прасковья Ѳедоровна униженно и раболѣпно подошла и поцѣловала у него руку.

— Здравствуйте, батюшка, Николай Петровичъ! Вотъ, батюшка, мой зять: не оставьте его своими великими милостями.

Никеша, помня наказъ тещи слѣдовать во всемъ ея совѣту, также хотѣлъ поцѣловать руку Николая Петровича, но тотъ не позволилъ.

— Что ты... что вы, любезный! Какъ это можно!...

— Позвольте ему, батюшка, Николай Петровичъ... Онъ долженъ за счастіе почитать.

— Что ты, старушка, Богъ съ тобой... Онъ долженъ помнить, что онъ дворянинъ. Онъ можетъ быть бѣденъ, можетъ быть богатъ, но долженъ помнить свое дворянское достоинство... Уваженіе свое ко мнѣ или къ другому человѣку ты можешь выразить почтительностію, вѣжливостью, вниманіемъ къ моимъ словамъ...

— Не оставьте его, батюшка, вашими наставленіями: еще молодъ, неопытенъ... Гдѣ же ему и уму научиться, какъ не у васъ... Онъ ваши слова долженъ, какъ золото собирать, и завсегда содержать въ своей памяти... Наставьте его на умъ, окажите свои великія милости...

Прасковья Ѳедоровна, въ порывѣ доброжелательства зятю, поклонилась Николаю Петровичу въ ноги.

— Полно, милая, полно; къ чему эти поклоны и просьбы? говорилъ Николай Петровичъ, очевидно довольный поведеніемъ зятя и тещи. Это наша дворянская обязанность—помогать другъ другу и словомъ и дѣломъ. У насъ многіе дворянскіе роды упали, затерялись въ массѣ, но мы должны ихъ поднимать, возвышать... Что же ты стоишь, мой другъ? Садись...

— Много ужь вашего вниманія, батюшка, Николай Петровичъ; не стоитъ онъ этого; передъ вами ему можно и постоять. Ужь онъ, пожалуй, возмечтаетъ о себѣ...

Николай Петровичъ улыбнулся.

— А ты мнѣ, милая, не возражай. Я знаю что говорю и дѣлаю. Ты меня просишь быть наставникомъ и руководителемъ твоего зятя: я одобряю твое усердіе къ его пользѣ, но ты не можешь понимать всѣхъ мотивовъ, руководствующихъ меня. Если бы я посадилъ тебя, это я сдѣлалъ бы только изъ уваженія къ твоимъ лѣтамъ, а его я желаю облагородить, возвысить въ собственныхъ его глазахъ, чтобы онъ помнилъ, что онъ дворянинъ. Сажая его рядомъ съ собой, я уважаю въ немъ не его самаго, не его личныя достоинства, а только то, что онъ дворянинъ.

— Дай вамъ Богъ здоровья, батюшка, Николай Петровичъ... Не оставьте его, дѣлайте съ нимъ что вамъ угодно, а онъ долженъ помнить и чувствовать ваши благодѣянія и наставленія. Я ему давно говорю, что этакого другаго благодѣтеля, какъ вы, ему нигдѣ не найти.

— Я лучше не дамъ хода, унижу гордость этихъ parvenus, продолжалъ Николай Петровичъ, этихъ выходцевъ изъ всѣхъ низшихъ сословій, которые лѣзутъ въ дворянство и силятся заслонить старые роды; но я всегда буду стараться вытаскивать изъ грязи и возвышать забытые остатки нашихъ древнихъ дворянскихъ родовъ.

— Вотъ, батюшка, и я, по своему глупому разуму, всегда ему твержу, чтобы онъ всячески старался опредѣлить дѣтей на службу, какъ Богъ дастъ подростутъ. Ну, ужь онъ—человѣкъ темный, отъ родителей ученья не получилъ, ужь ему эта дорога закрыта, такъ хоть бы для дѣтей ее старался открыть.

— Да, это правда: служба—настоящее назначеніе дворянина... А что же, принесли вы бумаги свои?..

— Принесли, батюшка, Николай Петровичъ... На силу у отца то выпросили,—показать-то вамъ.

— Отчего же это?

— А такъ, дикій человѣкъ, не понимающій... Живетъ съ мужиками, отъ своего дворянскаго рода отсталъ: кто его можетъ просвѣтить? Ну, и одичалъ. Никакихъ резоновъ не понимаетъ. И этотъ бы, вѣдь, также погибъ, и мой-то, какъ бы вы не изволили удостоить его своей ласки, да не были такой благодѣтель.

— Дай-ка, посмотрѣть: что это за документы... А... купчая крѣпость... Гм... Стрѣлецкій... Голова Осташковъ... Думный дьякъ Осташковъ... Въ 1581 году... О, братецъ, Осташковъ, поздравляю тебя, твой родъ очень древній: по этимъ документамъ видно, что твой родъ восходилъ до 16 столѣтія—это, вѣдь триста лѣтъ! Немногіе могутъ похвалиться такою древностію происхожденія. И предки твои занимали не маловажныя должности: были воинами и мужами совѣта.

— Вотъ, Никаноръ Александрычь, радуйся... благодари Николая Петровича, что онъ тебѣ сказываетъ... А... Боже мой истинный: что Господь-то дѣлаетъ: какіе люди были, а правнуки-то до чего дошли!.. Велика воля Господня!

Прасковья Ѳедоровна прослезилась.

— А вотчины-то какія были, Николай Петровичъ! весь, чу, околотокъ ихній былъ... Этого не знать по бумагамъ-то?..

— Я ихъ разсмотрю когда нибудь на досугѣ: это акты старинные, ихъ очень трудно читать... Здѣсь кромѣ меня никто и не умѣлъ бы... А знаете-ли, почему нашъ родъ называется Палёновымъ? прибавилъ Николай Петровичь, обращаясь къ Никешѣ, и къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ.

— Ну гдѣ ужъ намъ, батюшко, знать, отвѣчала послѣдняя потупляя глаза.

— Очень просто, продолжалъ Палёновъ. Одинъ изъ моихъ предковъ былъ знатнымъ бояриномъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и носилъ другую фамилію; но царь однажды, желая испытать его вѣрность, собственноручно опалилъ ему свѣчою всю бороду. Предокъ мой не моргнулъ глазомъ, не пошевелился и съ благодарностію поцѣловалъ руку царя. Тогда Грозный обнялъ его, подарилъ ему соболью шубу съ своего плеча и въ память потомкамъ приказалъ называться паленымъ. Съ тѣхъ поръ наша фамилія и стала Палёновы...

— Да, вотъ какую муку перенесъ. Твердый же былъ, стало быть, человѣкъ...

— Твердость воли особенность всего нашего рода. Когда я былъ еще школьникомъ, то позволялъ своимъ товарищамъ нарочно для пробы сѣчь себя розгами, драть за волосы, колоть булавками и переносилъ всѣ истязанія нетолько не крича, даже не морщась. Бывши уже въ полку, я бился на пари съ товарищами—офицерами, что зимою, въ трескучій морозъ, схожу пѣшкомъ въ уѣздный городъ за 20 верстъ и назадъ безъ шинели, въ одномъ холодномъ сюртукѣ и холодной фуражкѣ. И дѣйствительно сходилъ! Правда, я едва не отморозилъ себѣ уши и носъ, но слово свое исполнилъ.

— Эка, батюшка, мой родной, была же вамъ охотка тѣшить дружковъ, а себя этакъ мучить...

— Ты не понимаешь этого, старуха. Такими опытами закаляется характеръ человѣка И, признаюсь безъ хвастовства, мнѣ въ жизни удавалось совершать много такого, о чемъ другой человѣкъ болѣе меня славолюбивый кричалъ бы на каждомъ шагу и заслужилъ бы общую извѣстность. Силой собственнаго характера разъ мнѣ удалось спасти отъ пожара цѣлую деревню, въ которой я квартировалъ со своей ротой. Случился пожаръ въ крайнемъ домѣ, вѣтеръ дулъ на деревню; вдругъ обхватило огнемъ три дома; казалось, не было спасенія; мужики не думали тушить огонь и таскали пожитки; но я влѣзъ на крышу той избы, которая стояла рядомъ съ горѣвшей и закричалъ своимъ солдатамъ, которые любили меня страстно: ребята, если вы любите своего начальника, то спасите его; я сгорю съ этимъ домомъ, но не сойду съ крыши, пока вы не погасите огонь! Они бросились и съ неимовѣрными усиліями потушили пожаръ. Когда я сошелъ съ крыши, тогда только увидѣлъ вмѣстѣ съ другими, что волосы, брови и усы были у меня опалены, лицо и руки обожжены, и платье истлѣло. Послѣ того я былъ отчаянно боленъ нѣсколько мѣсяцевъ, но былъ утѣшенъ признательностію мужиковъ: все это время, пока я былъ боленъ, они толпились у дверей и оконъ моей квартиры, узнавали о моемъ здоровьѣ, служили обо мнѣ молебны, а когда я выздоровѣлъ и вышелъ къ нимъ, то вся деревня бросилась цѣловать мои руки, ноги, плакали и благодарили меня.

— Ахъ ты, батюшка нашъ! Экая въ тебѣ добродѣтель! говорила Прасковья Ѳедоровна, прослезившись, и цѣлуя Николая Петровича въ плечико и отъ избытка чувствъ дѣлаясь даже фа-

мильярною. Вотъ, Никаноръ Александрычъ, учись добродѣтелямъ-то.

— Ну, братецъ Осташковъ, обратился Палёновъ собственно ужъ къ Никешѣ, твои бумаги скоро, вѣроятно, потребуютъ въ депутатское собраніе, потому что приказано пересмотрѣть всѣ дворянскія родословныя. Нѣтъ сомнѣнія, что твой родъ внесутъ въ шестую часть и выдадутъ тебѣ дворянскую грамоту. Я, впрочемъ, попрошу за тебя предводителя и представлю тебя ему. Ну, что же еще я могу для тебя сдѣлать?...

— Батюшка, и то много вашихъ милостей... Не оставьте только его своей лаской и наставленіями.

— Наставленія мои ему вотъ какія: помни, что ты дворянинъ, не водись съ мужиками: они не твое общество, а главное—не ходи въ кабакъ. Если мужикъ хоть одинъ разъ увидитъ тебя къ кабакѣ,—онъ забудетъ, что ты дворянинъ, и толкнетъ тебя, и обругаетъ; а я тебѣ уже сказалъ, что дворянину надо больше всего беречь честь свою. Ну, я позволяю тебѣ бывать у меня. Ты, къ несчастію, неграмотенъ; по крайней мѣрѣ слушай что здѣсь говорится, перенимай манеры. Надобно тебя облагородить. Что это на тебѣ за чепанъ? Тебѣ надобно быть въ сертукѣ. Погоди вотъ я сейчасъ прикажу тебѣ дать кое-что изъ своего платья.

Палёновъ позвонилъ. Прасковья Ѳедоровна бросилась цѣловать ручку его. Никеша всталъ и кланялся.

— Ну, полноте, полноте. Не стоитъ.—Вошелъ Абрамъ.

— Послушай, сказалъ ему Палёновъ: отдай вотъ господину Осташкову мой лѣтній сюртукъ, тотъ, ластиковый, и жилетку пестрицькую, ту... понимаешь?

— Слушаю.

— Да не переври... Принеси сюда, покажи мнѣ... Не кланяйтесь, не благодарите... я не люблю этого... я хочу, чтобы ты былъ похожъ на дворянина по крайней мѣрѣ по наружности... пока не образовался нравственно...

Абрамъ принесъ сюртукъ и жилетъ, и очень недоброжелательно посмотрѣлъ на гостя, когда баринъ отдалъ ему эти вещи. Конечно, онъ съ досадою подумалъ, что Никеша получаетъ то, что по всѣмъ правамъ слѣдовало бы ему. Но Никеша былъ совершенно счастливъ и доволенъ незавиднымъ подаркомъ.

— Сюртукъ, можетъ быть, будетъ тебѣ нѣсколько широкъ и

длиненъ. Ну, ты тамъ перешьешь его, сказалъ Николай Петровичъ.

— Перешьемъ, батюшка, перешьемъ, отвѣчала Прасковья Ѳедоровна, увязывая въ платокъ подарокъ. Ему будетъ то дорого, что съ вашего-то плечика будетъ носить.

— Перешьемъ-съ, повторилъ Никеша, въ первый разъ открывшій ротъ.

— А въ этомъ зипунѣ, братецъ, пожалуйста, не являйся. Неприлично. И этихъ красныхъ платковъ на шеѣ не носи. Кто тебя не знаетъ, и увидитъ въ этомъ костюмѣ, не повѣритъ, что ты дворянинъ...

Въ эту минуту Абрамъ доложилъ, что пріѣхалъ Иванъ Александрычъ Неводовъ. Палёновъ велѣлъ просить его въ кабинетъ. Прасковья Ѳедоровна засуетилась, стала прощаться съ хозяиномъ и давала знаки зятю, чтобы и онъ дѣлалъ тоже.

— Нѣтъ, милая, ты поди туда въ дѣвичью и тамъ пообѣдаешь, а онъ пусть останется здѣсь и обѣдаетъ съ нами.

Прасковья Ѳедоровна съ удовольствіемъ поблагодарила и ушла. Въ тоже время въ другія двери кабинета входилъ молодой человѣкъ женоподобной наружности , одѣтый очень щеголевато, въ перчаткахъ съ иголочки. Онъ держалъ голову нѣсколько назадъ и набокъ, а руки—такъ, какъ держатъ ученыя собачки свои переднія лапки, когда ихъ заставляютъ служить на заднихъ; ходилъ въ припрыжку, говорилъ нараспѣвъ. Онъ видимо старался придать лицу своему презрительное и насмѣшливое выраженіе, щурилъ глаза и искривлялъ ротъ въ двусмысленную улыбку. Послѣ первыхъ привѣтствій съ Палёновымъ, онъ придалъ своему лицу насмѣшливое выраженіе, оглядывая съ ногъ до головы Никешу, который давно уже стоялъ и кланялся, ожидая, что гость протянетъ ему руку и онъ подастъ свою, какъ училъ его Палёновъ.

— Ахъ, позвольте вамъ представить, сказалъ Николай Петровичъ, указывая на Никешу, который снова сталъ кланяться. Мнѣ, право, самою судьбою предназначено открывать въ нашемъ краю разныя знаменитости: лѣтъ пять назадъ я открылъ будущаго великаго живописца въ простомъ семинаристѣ; прошлаго года—мужика механика, а нынче—потомка древняго знаменитаго рода бояръ Осташковыхъ, предки которыхъ, вѣроятно, были даже князья Осташковскіе, затерявшіеся въ исторіи. Вотъ онъ—дворянинъ Осташковъ.

— C'est un однодворецъ.

— Oui! но вы посмотрите что̀ это за родъ, и скажите, по совѣсти, зналъ ли кто изъ васъ, господа, объ его существованіи. Вотъ его документы: вотъ купчая крѣпость 1581 года, вотъ запись... запись... чрезвычайно трудно разбирать: здѣсь никто не могъ бы разобрать этихъ хартій, кромѣ меня.... Это должно быть кабала на какого-то холопа.... Кромѣ всего, эти акты вѣдь замѣчательные историческіе памятники... Надобно заняться ихъ подробнымъ разборомъ... Посмотрите, все 16 и 17 столѣтія. И какія должности занимали его предки: думный дьякъ Осташковъ, стрѣлецкій голова Осташковъ... Вѣдь, это государственные люди!...

— А теперь вы гдѣ служите? спросилъ Неводовъ, обращаясь къ Никешѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ; проживаю дома, въ своей усадьбѣ...

— А-а... чѣмъ же вы занимаетесь?

— Теперича, по зимѣ, около дома хожу...

— Какъ? только и дѣла, что около дома ходите? спросилъ Неводовъ съ своей насмѣшливой улыбкой.

— Точно такъ-съ.

— Это славное занятіе... Зачѣмъ же это вы все около дома ходите?...

— Какъ зачѣмъ-съ?... Убираться надо...

— Какъ, убираться надо? спросилъ Неводовъ съ громкимъ смѣхомъ. Палёновъ тоже улыбался.

— Куда убираться?

— Около дома убираться! отвѣчалъ смущенный Никеша, то улыбаясь, то вопросительно, робко посматривая на хозяина.

— Что же вы убираете около дома?

— Какъ что-съ? Тоже лошадь есть, коровки....

— Такъ вы ихъ убираете?

— Точно такъ-съ.

— Куда же вы ихъ убираете?

Никеша не зналъ, что отвѣчать и тупо, боязливо смотрѣлъ на наряднаго гостя. Палёновъ тихо, сдержанно смѣялся.

— Что же вы мнѣ не хотите сказать: зачѣмъ вы это все ходите около дома и куда убираете лошадь и корову?...

— Я ужь, право, не знаю-съ что и сказать-съ... Вѣдь, я грамотѣ не былъ обученъ отъ родителей, темный человѣкъ! отвѣчалъ Никеша сквозь слезы.

И хозяинъ и гость захохотали, къ ужасу Никеши.

— Но вашъ потомокъ знаменитыхъ государственныхъ людей, мнѣ кажется, очень глупъ! сказалъ Неводовъ пофранцузски.

— Необразованъ, дикъ, воспитанъ помужицки! возразилъ Палёновъ. Но такое паденіе, измельчаніе родовъ дворянскихъ, согласитесь, можетъ быть только въ Россіи, при нашей пагубной системѣ раздробленія имѣній. Посмотрите на англійскую аристократію, съ ея правомъ первородства... Другая причина этого паденія состоитъ, кажется, въ томъ, что у насъ нѣтъ этой сосредоточенности и исключительности сословной, при которой каждый членъ извѣстнаго сословія смотритъ на другаго, какъ на своего собрата, и подаетъ ему руку помощи, когда онъ падаетъ, поддерживаетъ его и спасаетъ, и при которой это сословіе также разборчиво принимаетъ въ себя все пришлое, чужое. Мы очень равнодушно смотримъ когда гибнетъ членъ нашего сословія, и съ радостію принимаемъ въ свое общество всякаго дослужившагося до дворянства поповича. Я давно говорю, что въ насъ нѣтъ сословной благородной гордости,—есть только сословные предразсудки, ничего цѣльнаго, общаго, опредѣленнаго. Я не проповѣдую исключительности, я близокъ къ народу, я по крайней мѣрѣ о своихъ крестьянахъ могу сказать, что я ихъ знаю и они меня знаютъ... но это совсѣмъ не то: я сближаюсь, но помню градаціи; вхожу въ интересы мужика, но грудью готовъ защищать свои дворянскіе интересы. И мнѣ кажется, что дѣло нашей чести дворянской—поддержать и, по возможности, облагородить этого несчастнаго собрата нашего.

— Я нахожу, что онъ даже отчасти интересенъ, имъ можно заняться отъ скуки! отвѣчалъ Неводовъ по французски.

— Мосье Осташковъ, продолжалъ онъ, вы понимаете, что вы нашъ собратъ по крови, что въ васъ течетъ старинная дворянская кровь, такая же, какъ въ насъ. Вы знаете это?

— Очень знаю-съ...

— Такъ позвольте съ вами познакомиться. Знаете что: пріѣзжайте ко мнѣ когда нибудь. Или вотъ что: я лучше самъ пришлю за вами лошадей. Что, вы пріѣдете ко мнѣ?

— Не знаю-съ...

— Чего же вы не знаете?

— Какъ тетенька... тоже дѣла дома.

— А! вы тетеньки боитесь... Скажите: до сихъ поръ тетеньки боится!... Какой срамъ? Да вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пять—шестой...

— Ну, вотъ видите, двадцать пять—шестой... а вы боитесь тетеньки. Это не хорошо!... Что же вы боитесь вашей тетеньки?

— Я ее не боюсь, а долженъ повиноваться, потому она меня воспитала...

— Ну вы ее за это уважайте, почитайте, а бояться тетеньки не надо... не стыдите своихъ знаменитыхъ предковъ. Вотъ слышите, вѣдь они были у васъ, кажется, стрѣльцы и люди, вѣроятно, храбрые, а вы, потомокъ такихъ храбрыхъ людей, тетеньки боитесь... ахъ, какой срамъ!...

— Да полноте, уморили вы меня! сказалъ Палёновъ. А ты что, братецъ Осташковъ, струсилъ? ты будь бойчѣе, видишь съ тобой Иванъ Александрычъ шутитъ.

— Нѣтъ, Николай Петровичъ, я серьезно ему внушаю: какъ можно въ такомъ возрастѣ бояться тетеньки. Это ни на что не похоже! Вѣдь, она васъ не сѣчетъ—или случается?...

— Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчалъ Никеша съ улыбкой, ободрившись по приказанію.

— Ну, вотъ видите, такъ нечего и бояться ее. Пріѣзжайте же ко мнѣ, когда я пришлю за вами лошадей.

— Не оставьте своими милостями! сказалъ Никеша, подражая тещѣ.

— Не оставлю, не оставлю, даже невѣсту сыщу, если хотите.

— Да ужъ я въ законѣ...

— Въ законѣ! Ахъ, жалко!

— Онъ женатъ на дочери одной вольно-отпущенной женщины, которую женѣ хотѣлось было нанять въ няньки и барыню которой я хорошо зналъ. Этимъ-то путемъ я съ нимъ и познакомился.

— Ну, значитъ, древняя дворянская кровь немножко помутится въ потомствѣ отъ чуждой примѣси... А что ваша Ольга Ивановна?

— Она здорова. Пойдемте къ ней. А ты братецъ, Осташковъ, побудь здѣсь. Какъ станемъ садиться обѣдать, я пришлю за тобой. Въ женскомъ обществѣ ты будешь еще стѣсняться съ непривычки, прибавилъ Палёновъ, съ улыбкою смотря на Неводова.

— Да и Ольга Ивановна, неприготовленная, можетъ смутиться

отъ неожиданнаго появленія такого дорогаго гостя! сказалъ Неводовъ въ томъ же тонѣ.

И оба со смѣхомъ вышли изъ кабинета.

Никеша остался одинъ. Долго онъ сначала сидѣлъ неподвижно, осматриваясь кругомъ съ любопытствомъ: все въ этомъ кабинетѣ было для него ново и удивительно: и мягкія кресла и диваны, и большіе шкафы со стеклами, за которыми виднѣлись позолоченые корешки книжныхъ переплетовъ, и письменный столъ съ большой бронзовой чернилицей, изображавшей Эсмеральду и съ разными прессъ-папье, и зеркало, въ которомъ Осташковъ видѣлъ себя всего, съ ногъ до головы. Наконецъ онъ осмѣлился, всталъ и началъ ходить отъ одной вещи къ другой, каждую внимательно разсматривая. Въ этомъ занятіи нашелъ его Абрамъ, вошедшій въ кабинетъ.

— Ты, баринъ, руками тутъ ничего не трогай, сказалъ онъ Никешѣ недружелюбно,—вѣдь, онъ помнитъ какая вещь у него какъ лежитъ; ты переложишь, а мнѣ послѣ достанется за тебя.

— Я ничего не трогаю-съ! отвѣчалъ оробѣвшій Никеша.

— Ну, и не трогай.

Никеша неподвижно сѣлъ на прежнее мѣсто. Абрамъ подошелъ къ зеркалу и сталъ барской гребенкой причесывать свои волосы, какъ будто желая показать, что вотъ, молъ, тебѣ не позволяю трогать ничего, а самъ могу. Потомъ онъ сѣлъ въ волтеровы кресла на барское мѣсто.

— На что, баринъ, сертукъ-то выпросилъ? Не стыдно? холопское платье хочешь носить: что холопу слѣдуетъ послѣ господъ, то ты выпросилъ... А еще баринъ!...

— Да я не просилъ: они сами-съ дали...

— Да я бы на твоемъ мѣстѣ не взялъ, коли ты чувствуешь, что ты есть баринъ... А ты и радъ...

Никеша смутился, опустилъ глаза въ землю и не зналъ что говорить.

— Э-эхъ! произнесъ Абрамъ презрительно и съ упрекомъ, всталъ и ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ заглянула Прасковья Өедоровна и, видя тамъ одного Никешу, осторожно вошла.

— Ну, что ты сидишь посиживаешь? спросила она его съ любовью. Велѣли на столъ накрывать, скоро и тебя туда позовутъ. Ну, что вы, о чемъ поговорили?

Никеша разсказалъ ей, что пріѣзжій гость сначала посмѣялся

надъ нимъ, а послѣ звалъ къ себѣ и лошадей хотѣлъ прислать, передалъ съ великимъ огорченiемъ и разговоръ свой съ Абрамомъ.

— Ты вотъ этому-то радуйся, что баринъ—отъ тебя въ гости звалъ; а на халуя-то наплюй. Халуй, халуй и есть. Вотъ какъ въ другой разъ придешь, такъ дай ему гривенникъ и лучше его для тебя не будетъ. Извѣстно имъ чего надо, Хамову отродью.

Прасковья Ѳедоровна въ припадкѣ негодованiя позабывала собственное свое происхожденiе.

— Очень ужь мнѣ, тетинька, стыдно... Ничего я не знаю, что говорить, что дѣлать... Такъ индо въ жаръ бросаетъ, проговорилъ Никеша...

— Ну, ничего, перейменшь, привыкнешь. И пословица говоритъ стерпится, слюбится... А на халуевъ не смотри... Развѣ онъ можетъ это понять, что ты, и при бѣдности своей, а все-таки баринъ и знатнаго рода? Вонъ настоящiе-то господа, такъ и понимаютъ это, и честятъ тебя, чего ты стоишь. Слышалъ, что давеча Николай-то Петровичъ говорилъ про тебя, что онъ какъ тебя уважаетъ. Небось я и постарше тебя, да не больно меня посадилъ, а тебя посадилъ. Такъ это все званiе твое дѣлаетъ. Вотъ что, милый-ты мой другъ! Ну теперь сиди же дожидайся какъ кушать позовутъ. А придешь, увидишь барыню, подойди ручку поцѣлуй, также и у барышень; а будешь сидѣть за столомъ, смотри на господъ, старайся перенимать какъ они кушаютъ; что они будутъ дѣлать, то и ты дѣлай... Ну, Господь же съ тобой...

Прасковья Ѳедоровна ушла, а Никеша опять остался одинъ, начиналъ чувствовать сильный голодъ и ожидалъ поздняго барскаго обѣда съ нетерпѣнiемъ. Наконецъ вдругъ двери кабинета прiотворились и въ нихъ показался лакей Паленова.

— Подите обѣдать, сказалъ онъ, да скорѣе: господа дожидаются.

Никеша, вслѣдъ за слугою, вошелъ въ столовую. Въ ней стоялъ накрытый для обѣда круглый столъ, около котораго суетилась прислуга, но господъ еще никого не было. Впрочемъ черезъ нѣсколько минутъ вошла высокая важная барыня, за ней другая, третья, нѣсколько человѣкъ дѣтей и наконецъ самъ баринъ съ гостемъ.

— А, Осташковъ, сказалъ Николай Петровичъ, увидя его:— ты ужь здѣсь. Вотъ, мой другъ, рекомендую тебѣ нашего по-

ваго знакомаго! прибавилъ Палёновъ, обращаясь къ женѣ и придавая послѣднимъ словамъ насмѣшливый тонъ.

Ольга Ивановна молча, едва наклоняя голову, посмотрѣла на Никешу, который спѣшилъ подойти и поцѣловать у нея ручку. Ольга Ивановна подала кончики своихъ пальцевъ. За тѣмъ Никеша счелъ своею обязанностью поцѣловать ручки и у другихъ барынь, пришедшихъ съ хозяйкой. Съ этою цѣлью онъ подошелъ къ одной изъ нихъ, которая, въ это время, стоя къ нему бокомъ и наклонясь къ маленькой дочери Ольги Ивановны, говорила ей что-то потихоньку. Никеша съ протянутой рукой стоялъ около нея, ожидая, чтобы она его увидѣла.

Неводовъ замѣтилъ это движеніе.

— Что же вы?... Возьмите и цѣлуйте ручку скорѣе.

Послушный Никеша хотѣлъ исполнить приказаніе, наклонился и взялъ было руку барыни, готовясь поцѣловать ее...

— Ай, ай... Mein Gott... Was ist das!... ахъ! мужикъ!... визгливо закричала барыня, выдергивая свою руку изъ руки Никеши и отскакивая въ сторону.

Раздался общій громкій хохотъ сзади Никеши: даже слуги зафыркали по примѣру господъ, отворачиваясь и прикрываясь тарелками. Никеша оробѣлъ и стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Вы ее испугали! говорилъ Неводовъ Никешѣ, сдерживая смѣхъ. Что же вы стали? Подойдите опять и попросите опять ручки.

Никеша подошелъ и протянулъ было свою руку, но барыня опять закричала: ахъ! ахъ!... Was ist das?... Пошоль!... краснѣла, сердилась и визжала, какъ умѣютъ краснѣть, сердиться и визжать только нѣмки, особенно тѣ, которыя пріѣзжаютъ въ Россію, не зная ни слова по русски и не имѣя понятія о томъ, какіе шутники русскіе помѣщики.

Новый взрывъ смѣха опять оглушилъ Никешу. Онъ стоялъ передъ нѣмкой неподвижно, съ протянутой рукою, между тѣмъ какъ та пятилась отъ него и, сердито бормоча что-то по своему, прятала за себя свои руки.

— Ахъ, Осташковъ, вы просто прелесть! говорилъ Неводовъ сквозь смѣхъ. Я рѣшительно влюбился въ васъ. Ну, пойдемте обѣдать. Ольга Ивановна, продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ и говоря по-французски: позвольте его посадить рядомъ съ mademoiselle Эмиліей. Это будетъ восхитительно.

— Ахъ, какой вы шалунъ! отвѣчала Ольга Ивановна, лѣниво улыбаясь и покачивая головой. Посадите, если вамъ хочется.

— А вы не бойтесь, Осташковъ, будьте смѣлѣе... Ну, вотъ садитесь тутъ! говорилъ Неводовъ, усаживая Никешу, рядомъ съ нѣмкой. Та отодвигалась отъ него, отворачивалась и сердилась къ общему удовольствію всѣхъ присутствующихъ; смѣялись и дѣти надъ своей наставницей и новымъ гостемъ.

Впродолженіе всего обѣда Никеша и гувернантка были орудіемъ общаго веселья. Замѣтили, что Никеша не умѣетъ обходиться съ нѣкоторыми кушаньями и нарочно учили его прибѣгать къ ножу съ вилкой тамъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать ложкой и наоборотъ. Неводовъ, самъ не зная по нѣмецки, просилъ старшую дочъ Палёновыхъ, дѣвочку лѣтъ 13, увѣрить свою гувернантку, что Никеша сумасшедшій, и чтобы она его не сердила, а то онъ, въ припадкѣ гнѣва, можетъ даже ударить ее ножомъ. Не совсѣмъ толковая нѣмка повѣрила,—можетъ быть отчасти и потому, что оробѣвшій и смущенный Никеша смотрѣлъ дѣйствительно не умно,—стала наблюдать за нимъ уже со страхомъ и вздрагивала при каждомъ его движеніи. Палёновы, мужъ и жена, по свойственной имъ важности, хотя сами и не принимали участія въ шуткахъ Неводова, но добродушно и снисходительно улыбались его затѣямъ и не считали нужнымъ запретить дѣтямъ веселиться вмѣстѣ со старшими, насчетъ слабаго ближняго.

Какъ ни былъ Никеша простъ, какъ ни былъ онъ голоденъ и какъ ни казались ему вкусны кушанья, которыя подавали за обѣдомъ у Палёновыхъ, но ему было тяжело и неловко, онъ радъ былъ, когда кончился обѣдъ, а еще больше, когда вошла Прасковья Ѳедоровна и сказала ему, что пора ѣхать домой и чтобы онъ прощался.

— Ахъ, матушка, вы тетинька, что ли, господина Осташкова? спросилъ ее Неводовъ.

— Нѣтъ, батюшка, теща.

— Такъ у него тамъ есть тетинька, которой онъ боится: попросите ее, чтобы она отпустила ко мнѣ вашего зятя. Я очень его полюбилъ, хочу съ нимъ подружиться и нарочно пришлю за нимъ лошадей. Похлопочите пожалуста, я васъ прошу.

— Помилуйте, батюшка, онъ долженъ за великую честь и счастіе считать ваше приглашеніе. Только вы не погнушайтесь его бѣдностью и его малымъ разумомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ очень пріятно познакомиться... Я поставляю себѣ за особенную честь знакомство съ господиномъ Осташковымъ... Я постараюсь, чтобы ему у меня было весело.

— Не оставьте, батюшка, только вашими милостями, да наставленіями: онъ и тѣмъ будетъ доволенъ, а гдѣ ужь ему объ веселостяхъ думать при его бѣдности... А это осмѣлится ли онъ даже и полагать, чтобы онъ могъ своимъ знакомствомъ честь вамъ доставить.

— Нѣтъ, нѣтъ, именно такъ, только отпустите его, пожалуйста.

— Съ его великимъ удовольствіемъ пріѣдетъ. Покорнѣйше васъ, батюшка, благодаримъ...

Такимъ образомъ началось вступленіе Никеши въ свѣтъ.

— Ну радъ ли ты, Никеша, что съ господами познакомился? спросила его Прасковья Ѳедоровна на обратномъ пути.

— Радъ-то радъ, отвѣчалъ Никеша, да ужь не знаю какъ сказать?

— Что такое?

— Да ужь оченно тяжко быть-то съ ними: очень смѣются, да все смотрятъ на тебя. Не знаешь что и дѣлать.

— Э! это привыкнешь! Стерпится — слюбится! По новости, извѣстно, всегда неловко, а тутъ обзнакомишься, такъ точно въ свой домъ родной будешь ходить. А посмѣяться-то, пускай посмѣются. Что тебѣ отъ этого? А вотъ у тебя теперь и одежка новенькая есть.

— Тотъ баринъ-то тоже обѣщалъ что нибудь подарить.

— Ну вотъ видишь ты! А ты и старайся пользоваться расположеніемъ, да всѣмъ услужить.

Разсказы Никеши о первомъ выѣздѣ его въ свѣтъ и особенно не даромъ, были приняты дома у него съ восторгомъ, и въ общемъ совѣтѣ положено, что надо постараться перешить сюртукъ Палёнова по Никешѣ, чтобы ѣхать къ новому знакомому барину уже въ сюртукѣ, а не въ поддевкѣ, неприличной для столбоваго дворянина, у котораго предки были стрѣльцы, какъ передавалъ Никеша домашнимъ о своемъ родѣ—единственный результатъ изслѣдованій Палёнова, усвоенный Никешею.

VI.

Прасковья Ѳедоровна отыскала какого-то знакомаго портнаго изъ дворовыхъ и отдала ему перешить сюртукъ — подарокъ

Палёнова, перешивать жилетку не нашли нужнымъ. Къ слѣдующему воскресенью сюртукъ былъ принесенъ и Никеша, нарядившись въ него къ общей радости всего семейства, не безъ гордости смотрѣлъ на себя въ маленькое женское зеркальце, передъ которымъ никогда до сихъ поръ такъ долго не останавливался. Въ новомъ платьѣ, не смотря на то, что благодаря искусству портнаго, оно сидѣло на немъ мѣшкомъ и полы расходились врозь—Никеша чувствовалъ себя бариномъ болѣе, нежели прежде и, придя въ немъ въ церковь, безпрестанно охорашивался и съ важностію посматривалъ на мужиковъ. Онъ помнилъ и совѣтъ Палёнова: не сближаться съ крестьянами, о чемъ ему безпрестанно напоминала теща—и учился держать себя съ ними гордо и важно: не отвѣчалъ, когда мужички по старой привычкѣ заговаривали съ нимъ, и едва кивалъ головой въ отвѣтъ на поклоны. Наталья Никитишна между тѣмъ не упускала случая разсказывать каждой знакомой бабѣ, какъ Никеша былъ у барина Палёнова, съ какимъ почетомъ онъ его принялъ, что изъ бумагъ ихнихъ увидѣли изъ какого они старинпаго и знатнаго рода, что всѣ они, мужички по сосѣдству, были ихніе, да только предки ихъ поистеряли, такъ теперь воротить мудрено, а вѣдь, можетъ быть, Богъ да добрые люди и помогутъ, и получатъ они хоть которыя нибудь свои души.

Александръ Никитичъ, которому Никеша, отдавая свои бумаги, тоже разсказывалъ о своей поѣздкѣ къ Палёнову и объ открытіяхъ, которыя тотъ сдѣлалъ изъ бумагъ, и о подаркѣ, и объ обѣщанныхъ милостяхъ и ласкахъ, и о предстоящемъ знакомствѣ съ Неводовымъ, остался совершенно равнодушенъ ко всему этому и сказалъ только: смотри же, Никаноръ, пойдешь теперь по помѣщикамъ, будутъ, можетъ, тебя дарить, не оставлять, пожалуй разбогатѣешь, тогда не будь шельмецомъ, не оставь и отца-старика: я тебя поилъ, кормилъ, одѣвалъ до самаго отдѣла, грѣхъ и тебѣ меня забыть. Бабъ-то своихъ не слушай; отцовское-то благословеніе, чай, тебѣ дорого!

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней: жизнь Никеши, пока, ни въ чемъ не измѣнялась; онъ работалъ и готовъ былъ слушаться тетки по прежнему, но та уже какъ-то совѣстилась по прежнему распоряжаться Никешей и начинала смотрѣть на него съ невольнымъ безсознательнымъ уваженіемъ.

Наконецъ однажды, въ рабочій, будничный день, къ избѣ Никеши подъѣхала лихая тройка съ нарядпымъ кучеромъ. Нево-

довъ исполнилъ слово и прислалъ лошадей за Никешей. Онъ проворно собрался, нарядился въ свой новый сюртукъ и жилетъ, и снова, напутствуемый благословеніями всей семьи, поѣхалъ на новое знакомство.

Робко и стыдливо садясь въ барскія сани, въ своемъ бараньемъ тулупѣ, онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ сзади наряднаго кучера, впрочемъ, не безъ удовольствія и гордости, посматривалъ на встрѣчныхъ знакомыхъ мужиковъ, которые снимая шапки передъ господской тройкой и узнавая въ саняхъ Никешу, долго стояли и смотрѣли вслѣдъ ему.

Неводовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ своего гостя, надъ которымъ надѣялся позабавиться. Иванъ Александрычъ былъ человѣкъ холостой и совершенно праздный. Жилъ въ деревнѣ, когда у него не было денегъ, а при деньгахъ немедленно отправлялся въ губернскій городъ, гдѣ хотѣлъ слыть львомъ. Въ деревнѣ онъ считалъ и выдавалъ себя хозяиномъ, хотя не понималъ и не умѣлъ ничего въ дѣлѣ хозяйства, гнушался всякаго сближенія съ мужиками, выписывалъ разныя машины, которыя обыкновенно оставались безъ употребленія, но которыми онъ любилъ хвалиться, никогда не выѣзжалъ въ поле и, живя въ деревнѣ, безпрестанно разъѣзжалъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, слылъ красавцемъ, заводилъ интриги съ уѣздными барышнями, которыя видѣли въ немъ выгоднаго жениха, постоянно острилъ и былъ счастливъ, когда женщины называли его caustique—титулъ, который Неводовъ старался поддержать всѣми силами. Въ этотъ день къ нему собралось нѣсколько человѣкъ сосѣднихъ помѣщиковъ: Павелъ Петровичъ Рыбинскій, высокій, широкоплечій, весь обросшій волосами мужчина, слывшій въ уѣздѣ за необыкновеннаго силача (и поэта), неглупый отъ природы, много испытавшій въ жизни, но величайшій циникъ въ нравственномъ отношеніи. Про него разсказывали въ уѣздѣ, что онъ былъ нѣкогда гусаромъ, выгнанъ изъ полка за шулерство, увезъ жену отъ живаго мужа, промоталъ съ нею все свое имѣніе, потомъ бросилъ ее, жилъ нѣсколько лѣтъ билліардной игрой, потомъ какими-то судьбами отыскалъ дальняго родственника, бездѣтнаго старика, умѣлъ къ нему поддѣлаться и получилъ въ наслѣдство большое имѣніе, въ которомъ теперь и живетъ пышно и хлѣбосольно, давая обѣды на цѣлый уѣздъ. На послѣднихъ выборахъ онъ былъ избранъ кандидатомъ въ уѣздные предводители дворянства. Другой господинъ съ необыкновенно наглой,

задирающей физіономіей — Иванъ Петровичъ Тархановъ, разорившій свое семейство на аферахъ, доживающій послѣдніе достатки въ надеждѣ вдругъ обогатиться, человѣкъ вздорный, нахальный и хвастунъ величайшій. Въ противоположность ему тутъ же сидѣлъ Семенъ Михайлычъ Топорковъ, холостякъ среднихъ лѣтъ, молчаливый, скромный, добродушный на видъ, но, какъ говорится, кремень и скопидомъ. Около него напрасно увивался Тархановъ, надѣясь позанять денженокъ на новое предпріятіе: Топорковъ оставался упрямой, не сдающейся крѣпостью. Наконецъ четвертое лицо былъ Яковъ Петровичъ Комковъ—нѣженка и лѣнтяй страшный, бѣлый, гладкій, разбухшій отъ неподвижности, но весельчакъ и хохотунъ. Яковъ Петровичъ иногда цѣлые дни проводилъ въ постели, и только развѣ скука могла его выгнать изъ дома; нужда и забота не заставили бы его пошевелиться. Онъ и выѣхалъ впрочемъ только для того, чтобы звать къ себѣ, потому что не смотря на свою лѣнь былъ общителенъ и безъ людей жить не могъ. Когда къ нему кто нибудь пріѣзжалъ, онъ старался задержать гостя какъ можно дольше, упрашивалъ, умолялъ, иногда даже приказывалъ запирать лошадей гостя и силой удерживалъ его на лишній денекъ или часокъ. — Лѣнь помѣшала мнѣ женится, говаривалъ Яковъ Петровичъ, и я остался сиротой: господа, пожалѣйте сироту. Ужь мнѣ недолго лежать на бѣломъ свѣтѣ, скоро лягу для того, чтобы уже никогда не вставать на ноги!... И съ веселымъ смѣхомъ заканчивалъ онъ обыкновенно подобныя рѣчи. Его любили сосѣди за добродушіе и хлѣбосольство.

Когда собрались всѣ эти господа къ Неводову и потолковали о томъ о семъ, хозяинъ вдругъ вспомнилъ объ Осташковѣ.

— Ахъ, господа, я для васъ сегодня устрою великолѣпный спектакль! сказалъ онъ. Слыхали ли вы о потомкѣ древняго рода Осташковыхъ, вѣроятно князей, какъ увѣряетъ Палёновъ?

Затѣмъ Неводовъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Никешей и о намѣреніи послать за нимъ лошадей.

— Мы его встрѣтимъ, господа, какъ слѣдуетъ принять такую знаменитость, будемъ оказывать уваженіе...

— А потомъ напоимъ и заставимъ плясать! Это великолѣпно! Посылайте! вскричалъ Тархановъ.

Всѣ одобрили предположеніе и начали составлять планъ для пріема именитаго гостя.

Бойкая тройка быстро пронеслась пятнадцати-верстное раз-

стояніе и лишь только остановилась у крыльца и Никеша собирался выскочить изъ саней, какъ вдругъ выбѣжали изъ дома два лакея и почтительно подхватили его подъ руки. Никеша оторопѣлъ отъ такой чести.

— Ничего-съ! Я самъ! говорилъ онъ робко.

— Помилуйте, какъ можно: ножку не зашибите! отвѣчалъ одинъ изъ слугъ.

— Намъ отъ господъ такъ приказано: мы знаемъ кто вы такіе есть... прибавилъ другой. И оба лукаво переглянулись съ кучеромъ, который, сидя на козлахъ, посмѣивался и мигалъ на бараній тулупъ гостя.

Сконфуженнаго Никешу подъ руки ввели и на лѣстницу, какъ онъ ни старался освободиться отъ этой чести. Когда въ лакейской сняли съ него шубу, лакей распахнулъ обѣ половинки двери въ залу и громко провозгласилъ: господинъ столбовой дворянинъ Осташковъ!

Въ залѣ уже толпились всѣ гости. Неводовъ съ низкими поклонами подошелъ къ Никешѣ.

— Очень радъ, господинъ Осташковъ, что вы почтили меня своимъ посѣщеніемъ, сказалъ онъ. Я знаю какихъ вы великихъ предковъ потомокъ и считаю за особенное счастіе и честь видѣть васъ въ своемъ домѣ. Позвольте представить вамъ моихъ пріятелей.

Неводовъ взялъ его подъ руку и подвелъ къ гостямъ.

— Господа, имѣю честь представить васъ потомку древняго знаменитаго княжескаго рода Осташковыхъ, которые владѣли всѣмъ нашимъ уѣздомъ. Мы тѣмъ болѣе должны благоговѣть предъ этимъ обломкомъ древняго рода, что всѣ мы владѣемъ имѣніями, которыя достались намъ отъ его предковъ и, по настоящему, должны бы принадлежать господину Осташкову. Господа, вы должны благодарить его за то, чѣмъ владѣете.

— Благодаримъ васъ, господинъ Осташковъ, сказалъ Рыбинскій серьезно, и просимъ позволить намъ владѣть вашимъ наслѣдствомъ.

Никеша стоялъ выпуча глаза, не зная что говорить, что дѣлать. Озадаченный неожиданностію, онъ не могъ даже сообразить, что надъ нимъ издѣваются и безсознательно смотрѣлъ на всѣхъ предстоящихъ.

— Что же, господинъ Осташковъ, неужели вы не будете милостивы, захотите отнять у насъ все наше достояніе и ли-

шите послѣдняго куска хлѣба! проговорилъ Тархановъ. Эка рожа-то глупая! такъ и хочется побить, прибавилъ онъ, наклоняясь къ Комкову, который уже не въ силахъ былъ стоять и сидѣлъ, прячась за Рыбинскаго и стараясь удержать одолѣвавшій его смѣхъ.

Никеша молчалъ и отиралъ рукою потъ, выступавшій у него на всемъ лицѣ отъ внутренняго смущенія.

— Просите, господа, кланяйтесь! говорилъ Неводовъ.

— Не оставьте! не погубите! говорили Рыбинскій и Тархановъ, низко кланяясь. Комковъ не могъ болѣе удерживаться и разразился громкимъ хохотомъ. Никеша, услыша этотъ смѣхъ, сталъ тоже улыбатъся.

— Нѣтъ, господа, видно наши просьбы его не тронутъ. Позвольте я представлю ему мою жену: можетъ быть, женскія слезы скорѣе тронутъ его сердце! проговорилъ Неводовъ, давая минами знать, чтобы Яковъ Петровичъ удержалъ свой смѣхъ.

Они ввели его въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣла разряженная горничная.

— Позвольте вамъ представить жену мою, Маланью Карповну, сказалъ Неводовъ, подводя къ ней Осташкова.

— Очепно рада познакомиться, сказала горничная, представляя барыню. Прошу покорнѣйше садиться.

Осташковъ поцѣловалъ у нея руку къ новому удовольствію всѣхъ зрителей и самой горничной, которая, ухмыляясь, лукаво смотрѣла на господъ, въ то время какъ Никеша наклонился къ ея рукѣ, но по знаку Неводова снова приняла серьезный видъ.

Поцѣловавши ручку хозяйки, Никеша хотѣлъ было отойти и сѣсть гдѣ нибудь въ уголокъ но Неводовъ остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Осташковъ, прошу васъ покорнѣйше сѣсть рядомъ съ женой на диванѣ.

— Нѣтъ, ужь позвольте: я лучше тамъ сяду, говорилъ Никеша, стараясь пробраться въ уголъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ... Я вамъ сказалъ, что вы у меня самый драгоцѣнный гость... Позволю ли я, чтобы вы сидѣли гдѣ нибудь въ углу. Ваше мѣсто первое.

И онъ почти силою посадилъ Никешу на диванъ, лицомъ ко всѣмъ гостямъ, которые, вмѣстѣ съ хозяиномъ, усѣлись передъ нимъ на креслахъ, въ почтительномъ отдаленіи.

— Маланья Карповна, знаете ли вы, началъ Неводовъ, когда всѣ усѣлись, кто почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ? Понимаете

ли вы, что все, чѣмъ мы владѣемъ: наши крестьяне, наши земли и усадьбы, принадлежатъ господину Осташкову, и что ему стоитъ только предъявить свои документы, чтобы лишить насъ всего...

— Шутки шутить изволите! проговорилъ наконецъ Никеша, поднимая опущенные до сихъ поръ глаза.

— Я шучу! воскликнулъ Неводовъ. Но что же бы намъ за охота была унижаться передъ вами? Правда, Палёновъ хотѣлъ хитрить и скрывать отъ васъ правду, какъ отъ человѣка неграмотнаго, но вѣдь могло же случиться, что вы показали бы свои бумаги какому нибудь знающему человѣку и онъ объяснилъ бы вамъ ваши права; тогда чтобы съ нами стало? Я лучше рѣшился собрать всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые владѣютъ деревнями, принадлежащими вашему роду; мы совѣтовались—что дѣлать, и рѣшились лучше прямо все объявить вамъ и просить вашего великодушія. Конечно, если вы начнете тяжбу, мы вамъ не уступимъ безъ спору, но эта тяжба можетъ разорить насъ, если даже мы ее и выиграемъ. Будьте великодушны, господинъ Осташковъ, пощадите насъ.

— Не погубите! подхватили Рыбинскій и Тархановъ, вставая и кланяясь.

Никеша снова спутался, не умѣвъ уже разобрать: шутятъ ли надъ нимъ, или вправду эти господа бояться потерять свои имѣнія, а онъ можетъ овладѣть ими.

Сомнѣніе и корысть взволновали душу и слабыя мозги Никеши.

—Я ничего не знаю-съ... Я человѣкъ темный, не грамотный! отвѣчалъ онъ. У меня тятенька есть, я не одинъ.

— Вы только дайте намъ клятву, что ничего не скажете вашему отцу: ему самому и въ голову не придетъ хлопотать, если не хлопоталъ до сихъ поръ. Кромѣ этой клятвы вы приложите руку къ бумагѣ, которую мы напишемъ и въ которой вы скажите, что отрекаетесь за себя и за весь родъ вашъ отъ имѣній намъ принадлежащихъ.

— Я не грамотный... Какъ же я могу приложить руку... Я писать не умѣю-съ... говорилъ Никеша, начинавшій въ самомъ дѣлѣ вѣрить въ возможность возвратить собственность своихъ предковъ.

— Это ничего, что не знаете грамотѣ, отвѣчалъ Тархановъ, принимая подобострастный видъ,—фамиліи не надо подписывать.

А вы только потрудитесь намазать руку чернилами и приложить ее къ бумагѣ. Не откажите, господинъ Осташковъ, будьте милостивы.

— Жена, что же ты не просишь господина Осташкова? Отъ него зависитъ участь нашихъ дѣтей. На колѣни! Цѣлуй руки у господина Осташкова, моли его , проси , не отставай , пока не смилуется.

Горничная бросилась на колѣни и ловила руки Никеши, который, считая ее барыней , очень сконфузился, краснѣлъ , пыхтѣлъ, барахтался, поднималъ руки вверхъ и пряталъ за спину.

— Помилуйте! Какъ можно... Не извольте безпокоиться!.. лепеталъ онъ въ смущеніи.

Между тѣмъ горничная кричала съ отчаяніемъ въ голосѣ: батюшка, отецъ родной, благодѣтель , не погубите , не оставьте безъ куска хлѣба, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

Зрители уже не могли болѣе притворяться, и общій единодушный хохотъ, огласившій комнату , окончательно сбилъ съ толку бѣднаго Никешу.

— Экой какой вы Яковъ Петровичъ: это вы невыдержали! говорилъ Неводовъ сквозь смѣхъ.

— Ну, да ужь будетъ: что его мучить... Посмотрите: бѣдный вспотѣлъ, точно изъ бани вышелъ.

— Ну, будетъ и въ самомъ дѣлѣ. Ступай вонъ! сказалъ хозяинъ, обращаясь къ горничной.

— Ну, братъ Осташковъ, спасибо: утѣшилъ! говорилъ Рыбинскій , да ты малый хорошій , съ тобой можно дѣло имѣть: не сердишься.

— Я самъ терпѣть не могу этихъ несчастныхъ, которые служатъ для общаго удовольствія и потомъ вламываются въ претензію, когда пошутишь надъ ними! замѣтилъ Тархановъ.

— Да онъ еще и теперь, кажется, не совсѣмъ образумился и хорошенько не понимаетъ что съ нимъ было! замѣтилъ хозяинъ. — Осташковъ, вы въ самомъ дѣлѣ не подумайте, что эта дама, у которой вы цѣловали ручку, жена моя. Это просто моя горничная дѣвка... Ну, ну, не обижайтесь же: вы насъ позабавили, за это я вамъ приготовилъ хорошій подарочекъ , которымъ вы останетесь довольны.

Неводовъ ударилъ три раза въ ладоши и вскрикнулъ: Эй!

— Вотъ еще! смѣетъ онъ обижаться: за это его можно такъ проучить, что своихъ не узнаетъ! примолвилъ Тархановъ. Великъ онъ баринъ! Ты долженъ помнить, Осташковъ, что, вмѣстѣ съ твоими душами, твой родъ насъ надѣлилъ и рощами... Ты понимаешь... жигъ! жигъ!... И Тархановъ сдѣлалъ извѣстное движеніе рукою.

— Ну, для чего же его стращать такъ, возразилъ молчавшій до сихъ поръ Топорковъ. Это не хорошо: онъ тоже дворянинъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки! согласился Рыбинскій. Мы тебя въ обиду не дадимъ, Осташковъ. Это вздоръ... онъ глупости говоритъ. Ты изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія.

— Я никого не трогаю-съ!... Я бѣдный человѣкъ и долженъ все на себѣ переносить! промолвилъ Никеша сквозь слезы.

— А условіе, Осташковъ, не обижаться! Если не будешь умѣть переносить нашихъ шутокъ съ тобой, тебя не захочетъ никто и знать... А будешь терпѣливъ и уменъ, тебя дворяне никогда не оставятъ... Послушай, обратился Неводовъ къ вошедшему человѣку, тамъ у меня въ кабинетѣ отобрано платье для господина Осташкова; поди, помоги ему въ него одѣться. Подите же, Осташковъ, все, что тамъ на васъ надѣнутъ, будетъ ваше.

Осташковъ повеселѣлъ, улыбнулся и пошелъ за слугою.

— Нѣтъ, господа, его не надо запугивать: онъ малый, правда, глупый, но презабавный и не злой. Онъ можетъ служить отличнымъ шутомъ... говорилъ Рыбинскій и всѣ съ нимъ соглашались.

— Однако, господа, пора, кажется, обѣдать? спросилъ хозяинъ.

— Да ужь давно пора бы, отозвался Комковъ, сегодня мнѣ этотъ Осташковъ доставилъ отличный моціонъ: смерть проголодался. Отобѣдаемъ, а послѣ обѣда, господа, ко мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Рыбинскій, сначала ко мнѣ и ночевать, а послѣ, пожалуй, и къ тебѣ; а то вѣдь отъ тебя, братъ, не скоро вырвешься...

— Такъ ужь я, господа, въ такомъ случаѣ домой, и буду васъ ожидать къ себѣ.

— Вотъ такъ ужь не пущу домой... Полно, братецъ, и то все лежишь: право, ожирѣешь, ударъ сдѣлается... Нѣтъ, тебя надо протрясти хорошенько и разогрѣть твою кровь, а у меня есть чѣмъ. Я вамъ, господа, покажу новую личность у себя: Парашу. Какъ начнетъ плясать цыганскую... Фу, ты чортъ ее возьми, что это будетъ за дѣвка... Огонь!... Хоть сейчасъ въ Москву въ кордебалетъ. Посмотри, Комковъ, она разогрѣетъ твою кровь лучше всякаго перца и водки... И этого гуся, Осташку, возьмемъ съ собой: посмотримъ что съ нимъ будетъ...

— Иванъ Александрычъ, а пока до обѣда не худо бы выпить водочки, замѣтилъ Комковъ.

Хозяинъ пригласилъ въ столовую, и всѣ гости очень единодушно окружили столъ, на которомъ стояли графины съ водкой и солеными закусками.

Въ то время, какъ они пили и закусывали, вошелъ Никеша въ старомъ фракѣ Неводова, который былъ ему узокъ, въ бѣлой манишкѣ съ высокими, туго накрахмаленными воротничками, рѣзавшими ему уши, въ пестрой жилеткѣ и яркихъ пестрыхъ панталонахъ. Въ этомъ новомъ костюмѣ Никеша былъ такъ смѣшонъ, что при появленіи его снова раздался общій оглушительный смѣхъ веселой компаніи.

— Браво, браво! Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! кричалъ Рыбинскій.

— Все это принадлежитъ достойнѣйшему, т. е. вамъ, Осташковъ. Возьмите и носите на благо и счастіе ваше и всего вашего семейства! сказалъ Неводовъ.

— Надо, господа, ему вспрыснуть новое платье! замѣтилъ Тархановъ, налилъ рюмку и поднесъ Осташкову.

— Я не употребляю! отвѣтилъ Никеша.

— Ну, что за не употребляю! пей, братецъ, коли подчуютъ... настаивалъ Тархановъ. А то, вѣдь силой въ ротъ вылью...

— Нѣтъ, погоди, Тархановъ, сначала надо его осеребрить: я ужь очень имъ доволенъ: съ годъ этакъ не смѣялся, какъ сегодня! говорилъ Комковъ, вынимая кошелекъ.

— Да, надо, надо! подтвердилъ Рыбинскій.

Комковъ далъ Осташкову рубль серебромъ, Рыбинскій синенькую, которыя еще тогда были въ ходу, Топорковъ долго рылся въ кошелькѣ и сунулъ въ руку Осташкова гривенникъ, ста-

раясь, чтобы другіе не замѣтили, а Тархановъ сказалъ: считай за мной... со мной денегъ нѣтъ!...

— Да покажи-ка, братъ, покажи! прибавилъ онъ, сколько тебѣ далъ Топорковъ.

Онъ раскрылъ руку Никеши и вынулъ изъ нея гривенникъ.

— Господа, срамъ какой. Топорковъ срамитъ дворянство: богатый дворянинъ даетъ бѣдному гривенникъ. Фи!

— Ну, а вы много ли дали! сказалъ съ досадою Топорковъ.

— Да со мной денегъ нѣтъ... а ужь я, вѣрно, не далъ бы дворянину гривенника. Положи за меня синенькую: я тебѣ буду долженъ!...

— Да, получишь съ тебя! пробормоталъ Топорковъ сквозь зубы.

— Не бери у него, Осташковъ, гривенника, не срами дворянской чести, отдай ему назадъ. Господа, вѣдь меньше цѣлковаго нельзя взять съ Топоркова?

— Разумѣется! подтвердилъ Рыбинскій.

— Ну-ка, братъ, изволь: разкошеливайся, вынимай цѣлковый... Полно, скряга! жалѣетъ цѣлковаго для бѣднаго человѣка.

— Что же? Я и цѣлковый дамъ, а вы ничего не дадите...

— Да, нечего, нечего на другихъ-то указывать... Подавай-ка! Вотъ такъ! принимай, Осташковъ! Браво, наказалъ же Топоркова на рубль серебромъ. Теперь за твое здоровье выпью, Топорковъ!

Никеша, при видѣ денегъ въ своихъ рукахъ, былъ совершенно успокоенъ и утѣшенъ за все предшествовавшее истязаніе, и забылъ о немъ. Кладя деньги въ карманъ, онъ вспомнилъ слова Прасковьи Ѳедоровны: «коли хотятъ господа надъ тобой пошутить—пусть ихъ шутятъ, не обижайся: послѣ ими оставленъ не будешь». И Никеша, когда стали требовать, чтобы онъ выпилъ передъ обѣдомъ, согласился и выпилъ. Не смѣлъ или не хотѣлъ отказываться отъ вина и во время обѣда, охмѣлѣлъ порядкомъ и съ большимъ удовольствіемъ согласился ѣхать въ гости къ Рыбинскому. Хотя день былъ будничный и дома ждала работа, но онъ не хотѣлъ думать объ этомъ отчасти оттого, что ущербъ въ работѣ надѣялся вознаградить господскими милостями, а еще больше потому, что чувствовалъ себя веселымъ и довольнымъ.

*

VII.

Домъ въ усадьбѣ Рыбинскаго былъ старинный барскій домъ; большая съ хорами зала, просторная, глубокая и довольно темная гостиная съ дверью на террасу, выходящую въ садъ, столовая съ большимъ длиннымъ столомъ, съ тяжелыми дубовыми буфетами, нѣсколько внутреннихъ семейныхъ комнатъ съ изразцовыми лежанками,—все это напоминало отжившую старину. Новый хозяинъ, какъ видно, не заботился ни сохранять, ни измѣнять прежній видъ дома; ни снаружи, ни внутри онъ не подвергался никакимъ существеннымъ передѣлкамъ; впрочемъ при первомъ вступленіи въ этотъ старинный домъ можно было отгадать, что здѣсь живетъ холостякъ, который не привыкъ къ порядку семейной жизни и для котораго не существуетъ общественныхъ условій, налагающихъ извѣстные законы даже на обстановку дома. Въ убранствѣ комнатъ была видна здѣсь или случайность, или капризы, или равнодушіе. Въ огромной грязной прихожей, по всѣмъ стѣнамъ которой тянулись широкіе лари, стоялъ круглый столъ, и на немъ, какъ видно, имѣли обыкновеніе спать лакеи, потому-что лежала овчинная шуба и затасканныя ситцевыя подушки. Тутъ же, на стѣнахъ, висѣли холодныя и теплыя лакейскія шинели, сюртуки и даже панталоны. Въ залѣ, рядомъ со старинными стульями, помѣщалось нѣсколько покойныхъ, современной работы, эластическихъ дивановъ, оттомановъ и мягкихъ кресслъ на пружинахъ. Гостиная оставалась со старинною жесткою и неудобной мебелью, но драпировка на окнахъ, большая бронзовая лампа на овальномъ столѣ и двѣ три козетки совершенно нарушали гармонію въ убранствѣ комнаты. Точно также и въ столовой вновь сдѣланный каминъ, передъ которымъ стоялъ легонькій и подвижной диванчикъ, составлялъ рѣзкій контрастъ съ тяжеловѣсными неподвижными буфетами.

Когда Рыбинскій со своими гостями подъѣхалъ къ дому, двое лакеевъ и третій мальчишка казачокъ стремительно выбѣжали встрѣчать барина со свѣчами въ рукахъ. Вслѣдъ за ними сбѣжали съ лѣстницы три огромныхъ страшныхъ собаки и, радостно помахивая хвостами, положили переднія лапы на грудь барина.

— Ахъ, Сбогарушка, Бужоръ, Фани, ахъ, Фанька! ну, ну,

здравствуйте, здравствуйте! привѣтствовалъ ихъ Рыбинскій. Ну, ну, пустите же! Пойдемте въ комнаты...

Собаки весело запрыгали впереди господина.

Взойдя на лѣстницу, Рыбинскій остановился на широкой площадкѣ передъ дверью въ прихожую и оглянулся назадъ.

— Гдѣ же нашъ гость дорогой? Осташка, гдѣ же ты? спросилъ онъ.

— Здѣсь-съ, иду! отвѣчалъ Никеша, слѣдовавшій сзади всѣхъ другихъ гостей.

— Ну, входи, братецъ, скорѣе!

И, какъ только Никеша вслѣдъ за другими ступилъ на площадку, Рыбинскій указалъ на него одной изъ собакъ.

— Сбогаръ, chapeau bas! проговорилъ онъ.

И собака со страшнымъ, грознымъ лаемъ бросилась на Осташкова. Никеша испугался, пронзительно вскрикнулъ, хотѣлъ бѣжать, оступился и полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ. Послушный Сбогаръ, съ тѣмъ же лаемъ его преслѣдовалъ, но осторожно снялъ съ него шапку и принесъ ее во рту къ ногамъ Рыбинскаго. На верху лѣстницы всѣ зрители забавной сцены хохотали, между тѣмъ какъ испуганный, избитый и оглушенный паденіемъ Никеша лежалъ внизу и жалобно стоналъ.

— Что, Осташа, живъ ли? спросилъ его Рыбинскій. Все ли цѣло?

Никеша не отвѣчалъ, продолжая стонать.

— Не выломалъ ли ноги или руки? замѣтилъ Комковъ.

— Нѣтъ, вѣдь лѣстница не крута! возразилъ хозяинъ. Просто, онъ думаетъ что ужь его съѣлъ Сбогаръ и что его на свѣтѣ нѣтъ.

— Велите Сбогару втащить его сюда! совѣтовалъ Тархановъ.

— Осташковъ, вставай, а не то собаки бросятся и разорвутъ тебя. Слышишь ли: вставай, говорятъ.

Но Никеша не смѣлъ пошевелиться отъ страха.

— Поднимите его и поставте на ноги! приказалъ Рыбинскій лакеямъ.

Когда Никешу подняли, онъ былъ блѣденъ и дрожалъ отъ страха.

— Всего бьетъ-съ, какъ въ лихорадкѣ! замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ со смѣхомъ.

— Экой трусъ!

— А еще знаменитыхъ предковъ потомокъ! говорилъ Неводовъ.

— Арапникомъ бы хорошенько: весь бы страхъ какъ рукой сняло! прибавилъ Тархановъ.

— Ну, перестань же бояться, дуралей: неужели я въ самомъ дѣлѣ затравить тебя хотѣлъ. Смотри-ка: у меня собаки то умнѣе тебя: ну, Сбогаръ, va, rend lui le chapeau! Сбогаръ поднялъ шапку и понесъ назадъ къ Осташкову. Тотъ, при видѣ приближающагося врага, опять закричалъ не своимъ голосомъ и спрятался за лакеевъ.

Вверху снова раздался хохотъ.

— А, какова дрессировка, господа? говорилъ Рыбинскій. Ну, Сбогаръ, брось его, дурака, venez—ici... О-охъ, умникъ, умникъ! Ну, милости просимъ, господа... Не бойся же ты полно, никто тебя не тронетъ. И онъ вошелъ въ прихожую, въ сопровожденіи гостей. Слуги, оставя Никешу, побѣжали вслѣдъ за господами снимать шубы.

— Батюшки, погодите! заѣдятъ! упрашивалъ Никеша жалобнымъ голосомъ, торопясь за лакеями и боясь остаться одинъ.

Въ прихожей на столѣ лежали засаленыя истасканыя карты, которыми отъ нечего дѣлать забавлялась безъ барина прислуга Рыбинскаго.

— Вотъ, подлецы, только и дѣла, что въ карты дуются! сказалъ онъ. А что Тальма?

— Все въ одномъ положеніи, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ.

— Нѣтъ лучше?

— Точно какъ будто лучше, а плохъ!

— То-то плохъ: ты смотри у меня. Въ карты дуешься, а объ немъ, чай, забылъ.

— Какъ можно забыть-съ: каждую минуту около него.

— Сѣрныхъ ваннъ, чай, не дѣлалъ безъ меня?

— Какъ можно не дѣлать! И ванны дѣлали, и мушку поставили. Извольте сами посмотрѣть...

— Да, разумѣется, посмотрю... Ахъ, господа, какая жалость: чудный щенокъ у меня зачумѣлъ. И кажется не перенесетъ... Просто не могу видѣть безъ слезъ... Ну, господа, милости прошу безъ церемоніи: по обыкновенію, какъ дома. Приказывайте кому чего угодно: вина, водки, чаю—распоряжайтесь, пожалуйста, сами. А я схожу на минутку. Ну, Яковъ, пойдемъ къ Тальмѣ.

Рыбинскій въ сопровожденіи Якова вошелъ въ кабинетъ. Эта комната при прежнемъ владѣльцѣ была самою любимою и обитаемою, а послѣдніе три года жизни, онъ почти не выходилъ

изъ нея и въ ней умеръ. За то Рыбинскій ненавидѣлъ кабинетъ и со смерти родственника, передавшаго ему свое имѣніе, сдѣлавшаго его изъ нищаго богачомъ, онъ почти никогда не входилъ въ него. Этотъ кабинетъ напоминалъ Рыбинскому самую тяжелую, самую мучительную пору его жизни. Прежній владѣлецъ былъ старый больной холостякъ, брюзга и ко всему этому ханжа и мистикъ. Послѣдніе годы жизни онъ лежалъ разбитый параличемъ въ этомъ самомъ кабинетѣ. Рыбинскій, успѣвшій разжалобить старика вымышленнымъ разсказомъ о разныхъ претерпѣнныхъ имъ въ жизни невзгодахъ, надѣявшійся получить отъ него богатое наслѣдство, цѣлыхъ три года долженъ былъ носить на себѣ маску, прикидываться несчастнымъ, нравственнымъ, религіознымъ человѣкомъ. Долгихъ три года въ этомъ самомъ кабинетѣ томился онъ около постели больнаго, ожидая его смерти, былъ при немъ безсмѣнной сидѣлкой, дышалъ тяжелымъ воздухомъ душной комнаты больнаго, читалъ вслухъ мистическія книги, которыми были полны шкапы этого кабинета, выстаивалъ длинныя всенощныя, которыя часто служились по желанію больнаго, слушавшаго ихъ, сидя въ покойныхъ креслахъ, клалъ на показъ земные поклоны передъ образами, которыми были увѣшаны стѣны кабинета и ко всему этому—что всего ужаснѣе—переносилъ муки неизвѣстности, потому что недовѣрчивый, скупой и подозрительный старикъ только за недѣлю до смерти написалъ завѣщаніе въ пользу Рыбинскаго. Роковой часъ пробилъ, старика не стало, трупъ былъ вынесенъ, кабинетъ освобожденъ отъ всего цѣннаго, дорогаго и запертъ съ своими шкапами , книгами , креслами , въ которыхъ дремалъ больной, съ кушеткой, на которой онъ умеръ, съ иконами, предъ которыми молился... Теперь эта комната была помѣщеніемъ для другаго больнаго, болѣе дорогаго сердцу Рыбинскаго—для его собаки.

— Отчего же здѣсь огня нѣтъ, говорилъ онъ входя, какая скотина!... больная собака лежитъ, а огня нѣтъ: чутье тупое, зрѣніе слабое, она воды не найдетъ въ потемкахъ, либо упадетъ, наткнется на что нибудь.

Собака лежала на той самой кушеткѣ , на которой умеръ благодѣтель Рыбинскаго. Онъ подошелъ къ ней. Тальма полураскрылъ загноившіеся глаза и сдѣлалъ слабое движеніе хвостомъ.

— Милый Тальмушка... Посмотри, Яковъ, вѣдь онъ узналъ меня.

— Узналъ-съ... отвѣчалъ Яковъ жалобнымъ голосомъ.

— Ахъ, ты сокровище мое, дорогой мой!... Нѣтъ, носъ горячъ, глаза гноятся и мутны... А что задомъ слабъ?

— Очень слабъ: стоять не можетъ, такъ изъ стороны въ сторону его и кидаетъ.

— Ну, а эти припадки были: кружится или нѣтъ?

— Были, только много легче и пѣны бьетъ меньше... Этимъ-то лучше.

— Дай Богъ. Да какъ, братецъ, ты здѣсь сѣрой то навонялъ: тяжелой какой воздухъ, точно при покойномъ дядюшкѣ... Хоть бы форточку открылъ.

— Открыть-то бы можно, да какъ бы не простудить хуже..

— И то дѣло... Тальмушка!... милый.. Неужели онъ издохнетъ.

— А Богъ милостивъ: можетъ и оживетъ.

— А какъ похудѣлъ-то?

— Пищи-то ничего нѣтъ, сударь... Ничего не принимаетъ.

— Эка жалость!... Ну, Яковъ, коли выздоровѣетъ Тальма,— пятьдесятъ рублей тебѣ дамъ, а издохнетъ—ну, смотри, на меня не пеняй... Самъ жизни не радъ будешь.

— Да, кажется, ужь старанія моего , такъ право, ровно за роднымъ сыномъ хожу... Ото-всей души стараюсь.

— Стараетесь вы, анафемы!... Знаю я васъ: въ карты играетъ, а огня нѣтъ у больной собаки. Зажги лампу, да покрой его потеплѣе... Нѣтъ, не перенесетъ кажется...

Послѣднія слова Рыбинскій произнесъ съ искреннимъ огорченіемъ, махнулъ рукой и вышелъ изъ кабинета.

Яковъ злобно и презрительно посмотрѣлъ вслѣдъ ему, потомъ съ досадой бросилъ на собаку теплое одѣяло.

— Хоть бы комнату-то другую выбралъ... комната-то покойникомъ пахнетъ.,. проговорилъ онъ про себя, и, не договоривши мысли, боязливо оглянулся вокругъ.

Рыбинскій изъ кабинета прошелъ въ одну изъ отдаленныхъ внутреннихъ комнатъ. Въ ней было нѣсколько красивыхъ горничныхъ дѣвушекъ. Всѣ онѣ, при входѣ барина, бросились къ нему съ выраженіемъ радости.

— Ну, ну, пожалуйста, безъ восторговъ! сказалъ онъ, садясь. Я сегодня разстроенъ... Тальма ужасно плохъ... Параша поди сюда...

Послѣднія слова относились къ черноглазой, бѣленькой, ру-

мяной, свѣжей дѣвочькѣ лѣтъ семнадцати, съ лукавымъ и нѣсколько наглымъ взглядомъ. Она подошла.

— Слушай: ты должна сегодня плясать по цыгански и плязать такъ, чтобы я остался доволенъ. Ко мнѣ пріѣхали гости, я нахвасталъ тобой, смотри же не ударь лицомъ въ грязь... Если удивишь всѣхъ , на платье подарю , а то, смотри , разсержусь... Слышишь?

— Слышу-съ!.. отвѣчала Параша, бойко и прямо смотря въ глаза барину.? Ужь коли нахвастали, такъ покажу себя...

— Молодецъ-дѣвка... Поцѣлуй меня...

Параша страстно обвила руками шею барина и прильнула къ его лицу своими розовыми губами, не переставая смотрѣть ему въ глаза.

— Огонь, шельма... проговорилъ Рыбинскій, улыбаясь... Поди же одѣнься... Да послушай: тутъ у меня есть одинъ дворянинишко: его сейчасъ ты узнаешь, такой изъ-рыжа, харя глупая и одѣтъ скверно... Вскружи ты ему голову, пожалуйста...

— Да, вѣдь, гадкой!... проговорила, Парашу дѣлая гримасу:

— Ахъ ты, мерзавка, да развѣ я для того... сказалъ Рыбинскій, невольно улыбаясь смѣлой дѣвочкѣ... Поди-ка сюда: я тебѣ уши надеру...

— Извольте-съ, отвѣчала Параша съ гримасой и снова бросилась на колѣни къ барину и снова прильнула къ нему въ страстномъ поцѣлуѣ.

— Плутъ ты будешь, Параша... Я тебя въ заперти буду держать.

— Коли вмѣстѣ съ тобой, такъ ничего, еще тѣмъ лучше.

Рыбинскій весело засмѣялся.

— Нѣтъ, одну, да на хлѣбѣ и на водѣ...

— Покорнѣйше васъ благодарю: извините-съ, не согласна, я ужь къ чаю привыкла, да къ сливочкамъ.

— Ну, поди же, поди: мнѣ некогда, гости дожидаются.... Слышишь: мнѣ хочется, чтобы ты этого недоросля раздразнила хорошенько, чтобы онъ сталъ за тобой ухаживать, а тутъ дѣлай съ нимъ что хочешь, хоть прибей... Понимаешь?...

— Давно все поняли-съ... Это наше дѣло-съ: для васъ все можно... И вздрагивая плечами по цыгански, выбивая ногами дробь, Параша вылетѣла изъ комнаты.

— Ахъ, ракалія... Погоди, поди сюда! говорилъ Рыбинскій, смотря вслѣдъ ей загорѣвшимися глазами.

— Извините, некогда: гости ждутъ... отвѣчала Параша изъ-за двери и убѣжала.

— Я тебѣ дамъ! говорилъ Рыбинскій, съ улыбкой грозя ей.

— Ну, а ты, Палагея, прибавилъ онъ уходя и обращаясь къ самой старшей изъ дѣвушекъ: скажи, чтобы весь таборъ приходилъ въ залу и сами одѣньтесь и выходите... Да пѣть хорошенько! Слышите!...

И онъ вышелъ.

— Эту Парашку, просто, извести надо: проговорила одна изъ дѣвушекъ, высокая, смуглая, съ зелеными глазами и тонкими губами, нѣкогда красавица, теперь увядающая.

— И есть извести бы надо, примолвила другая, полная, круглолицая: Мы смотри-ка всѣ обносились, а ей одной только и дѣло: то платье, то платокъ...

— Погоди же она у меня! сказала первая, и черныя густыя брови ея слились въ одну прямую линію, глаза сверкнули, и тонкія губы крѣпко сжались.

— Извините, господа! говорилъ Рыбинскій, возвращаясь къ гостямъ: ходилъ распорядиться, сейчасъ явится хоръ и мой доморощенный балетъ. Вотъ, что значитъ страсть, господа: нарочно держу на свой счетъ цѣлый табаръ цыганъ, чтобы только учили моихъ дураковъ и дуръ пѣть и плясать... Ну, что, Осташковъ, отдохнулъ ли отъ страха?...

— Что, Павелъ Петровичъ, отвѣчалъ Тархановъ, онъ у насъ отъ рукъ отбивается: говоритъ, что поясницу отшибъ и вина не хочетъ пить...

— Э, Осташа, какъ же это можно, моимъ гостепріимствомъ брезгуешь... Нѣтъ братецъ, выпей.

— Ужь я пилъ-съ: больше душа не принимаетъ...

— И, замѣтьте, Рыбинскій: какой онъ странной организаціи: душой пьетъ, а не тѣломъ! острился Неводовъ.

— Да мнѣ, братецъ, чѣмъ хочешь пей, а только пей... Вотъ смотри: сначала я выпью, а потомъ изволь ты, а въ противномъ случаѣ науськаю на тебя всѣхъ трехъ собакъ... Видишь: какіе звѣри лежатъ, съ костями проглотятъ... Не угодно ли? Рыбинскій подалъ Осташкову стаканъ съ виномъ...

— Право-съ, охмѣлѣю, чего бы не сдѣлать, дурости какой...

— Сбогаръ!... Видишь... Значитъ, безъ возраженій!

Осташковъ выпилъ цѣлый стаканъ хереса.

— Ну, спасибо, больше сегодня не заставлю, если самъ не станешь просить...

— Вотъ я тетенькѣ скажу, непремѣнно скажу! говорилъ Неводовъ, грозя Осташкову.

— Не моя воля... И радъ бы не пить, да приказываете, такъ долженъ слушаться...

— Вотъ это умно! замѣтилъ Тархановъ. Всегда такъ говори: и будетъ тебѣ хорошо...

— И не будешь оставленъ! прибавилъ Неводовъ.

— А что Осташковъ, умѣешь ты пѣсни пѣть?

— Да, вѣдь, какія у насъ пѣсни: наши пѣсни мужицкія!... отвѣчалъ хмѣлѣющій Никеша.

— Ну, ничего: что же за бѣда, что мужицкія. Спой, братъ, пока не собрались мои цыгане.

— Извольте, только не забраните.

— Ничего, ничего... Пой!...

— Ужь какъ умѣю... А я, бывало, въ хороводахъ заводилъ пѣсни.

— Ну, ну!...

Никеша откашлялся, подперъ рукою голову и громко, крикливо, раздались подъ потолкомъ залы переливы тоскливой, но любящей просторъ русской пѣсни. Пой эту пѣсню мужикъ и пой онъ ее на открытомъ воздухѣ никто бы изъ этихъ господъ не сталъ смѣяться, или по крайней мѣрѣ никто не обратилъ бы вниманія, но Никеша уже волей-неволей становился шутомъ—и общій хохотъ привѣтствовалъ его пѣніе.

— А ты громче! кричалъ Тархановъ.

И Никеша, зная по опыту, что господскій смѣхъ приноситъ пользу, нарочно усиливалъ голосъ и уже началъ совсѣмъ кричать къ общему удовольствію.

— Ну, будетъ, будетъ, братъ, спасибо: въ ушахъ звенитъ! остановилъ его Рыбинскій.

— Какими васъ Богъ талантами наградилъ! сказалъ Неводовъ.

— А плясать умѣешь? спросилъ Тархановъ.

— Ничего, можно и поплясать! отвѣчалъ Никеша. Что за важность?...

— Ну, погоди вотъ цыгане идутъ. Ужо и тебя заставимъ. Да гдѣ же Комковъ?

— Я здѣсь братъ! отвѣчалъ тотъ съ дивана.

— Ужь ты и лежишь?

— Лежу, братъ.

— Ну, просимъ вставать: собираются мои. Посмотри на Парашу. Ну, Осташковъ, что-то теперь твоя жена подѣлываетъ? А она потеряетъ твое вѣрное сердце.

Въ залу вошло нѣсколько человѣкъ цыганъ и цыганокъ, а вслѣдъ за ними горничныя дѣвушки Рыбинскаго.

— Ну что, черномазые, всѣ ли вы тутъ? спросилъ послѣднiй, подходя къ толпѣ.

— А-а всѣ тутъ, барынъ, всѣ здѣсь... отвѣчалъ цыганъ съ торбаномъ въ рукахъ.

— Ну, ты смотри у меня, Петръ, сегодня отличись... Понимаешь, чтобы кровь ключомъ у всѣхъ забила, чтобы духъ захватывало... Слышишь...

— А знаю, барынъ, знаю... господъ потѣшимъ... Потѣшимъ господъ; вотъ какъ потѣшимъ... отвѣчалъ торбанистъ.

— Дивно пляшетъ, какъ расходится, анаѳема, замѣтилъ Рыбинскiй. А вотъ вы уже, господа, обратите тоже вниманiе на эту старую хрычовку, продолжалъ онъ, подходя къ одной цыганкѣ, почти старухѣ и кладя ей руку на плечо: вѣдь, я думаю, лѣтъ пятьдесятъ вѣдьмѣ, а начнетъ плясать, да войдетъ въ азартъ... такъ право, поцѣловать хочется... готовъ забыть, что на сушеный грибъ похожа...

— Ахъ, шутникъ, баринъ... счастливый, хорошiй баринъ.

— Она у меня учитъ Парашу... Что хорошо ли пляшетъ Параша-то, скажи-ка господамъ...

— Ахъ, хорошо, баринъ... какъ хорошо!... А еще поучу... будетъ такъ плясать барину... Будетъ баринъ дѣвкой доволенъ... Слуга будетъ дѣвка...

— Да что же она долго не идетъ?

— Не знаемъ, что она долго прохлаждается... отвѣчала смуглая, зеленоглазая горничная: мы ужь давно готовы, а она все нарядится...

— А дай, баринъ, дѣвкѣ принарядиться, говорила старая цыганка... Дѣвка любитъ наряжаться... Дѣвка знаетъ какъ себя надо показать, чтобы любо было на дѣвку смотрѣть... А пускай ее, баринъ, нохорошится... а мы покамѣсь бы господъ позабавили: пѣсенку спѣли...

— Ну и то дѣло... Начинайте... А ты, Алена, попляши съ Петромъ.

— Ге, становись... закричалъ торбанистъ. Какую, баринъ?

— Какую хочешь, только веселую... Живо...

Цыгане вполголоса перекинулись нѣсколькими словами, потомъ Петръ вышелъ впередъ, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, приподнялъ въ рукахъ торбанъ, махнулъ имъ и затянулъ какую-то русскую пѣсню, исковерканную, передѣланную на цыганскій ладъ. Голосъ запѣвалы былъ подхваченъ другими: дикіе, оглушительные, визгливые звуки полетѣли стремительнымъ потокомъ, затопали ноги, задергались плечи, фальшивымъ искуственнымъ огнемъ восторга загорѣлись глаза цыганъ. Алена и Петръ вышли на средину залы, встали другъ противъ друга и закружились въ неистовой пляскѣ. Старуха въ самомъ дѣлѣ какъ будто вдругъ помолодѣла: подпершись руками въ бока, или поднимая ихъ вверхъ, она взвизгивала, вздрагивала всѣмъ тѣломъ, трепетала какъ въ лихорадкѣ, выбивала ногами дробь и вихремъ кружилась по залѣ.

— Браво, браво... Живо, Алена, живо!... кричалъ воодушевившійся Рыбинскій. Ахъ, анафема... Что если бы была помоложе и получше рожей... Господа, хотите вина?... Эй, вина!... Осташковъ, пей... Пей.. приказываютъ...

Вдругъ въ самомъ разгарѣ пѣсни и пляски въ залу вошла Параша. Она одѣта была въ особенный оригинальный костюмъ, придуманный для нея самимъ Рыбинскимъ и почему-то названный имъ цыганскимъ. Длинные черные волосы ея были заплетены въ нѣсколько косъ и распущены по спинѣ; пунцовый вѣнокъ сдерживалъ волосы на лбу. Яркій красный платокъ, распущенный во всю свою длину былъ надѣтъ на одно плечо и подвязанъ подъ другимъ. Плечи и руки была совершенно обнажены.

— Вотъ она, вотъ она! закричалъ Рыбинскій, увидя Парашу. Браво, Алена, браво! Довольно... Пусти: Параша станетъ вмѣсто тебя... Эй вы, веселѣе... Ну, Параша, отличись. А, какова прелесть, господа... Осташковъ, какова эта штучка, а?.. Не уступать же Аленѣ... Слышишь...

Параша медленно, какъ бы нехотя вышла на средину залы, остановилась, обвела своими бойкими глазами всѣхъ присутствующихъ, лѣниво потянулась, какъ бы расправляя уставшіе члены и вдругъ вскрикнула, быстро приподняла руки, откинувши на спину платокъ и задрожала, какъ бы пораженная электрическимъ ударомъ. Потомъ, какъ бы увлекаемая вихремъ, она начала кружится по комнатѣ, по временамъ сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, глаза ея метали искры, вся она казалась одержимою

неистовой, бѣшеной страстью, всякое движеніе выражало и возбуждало сладострастіе. Молодость и красота довершала впечатлѣніе. Пьяные гости сошли съума отъ восторга: начали подкрикивать, подпѣвать цыганамъ, топали ногами, даже Комковъ сидѣлъ не покойно, какъ на иголкахъ. Осташковъ пѣлъ во все горло и подплясывалъ, сидя на мѣстѣ.

— Что, Осташковъ? спросилъ его Рыбинскій.

— Что? Будь тысяча рублей—не пожалѣлъ бы—сейчасъ купилъ... отвѣчалъ пьяный Никеша.

Въ это время Параша подлетѣла къ Осташкову съ такимъ движеніемъ какъ будто хотѣла обнять его, онъ протянулъ было руки, но она ускользнула и съ самыми сладострастными жестами отступала передъ нимъ, выбивая ногами дробь по цыгански.

— Ну, дѣвка, ужъ купилъ бы я тебя... говорилъ Никеша, пожирая глазами плясунью...

— А жена-то? сказалъ Рыбинскій.

— А тетенька-то высѣчетъ... прибавилъ Неводовъ.

— Вотъ!... отвѣчалъ Никеша съ презрѣніемъ, не сводя глазъ съ Параши, которая кружилась передъ нимъ, изрѣдка дотрогиваясь до него руками и каждый разъ ускользая отъ его объятій.

Никеша наконецъ былъ взволнованъ и раздраженъ до послѣдней степени: бросился и схватилъ въ охапку Парашу, намѣреваясь поцѣловать ее. Параша быстро взглянула на Рыбинскаго, тотъ далъ знакъ—и громозвучная пощечина раздалась по залѣ, рѣзко прозвучавъ среди веселаго пѣнія, какъ фальшивая нота. Общій хохотъ заглушилъ и остановилъ пѣніе; Осташковъ пошелъ на свое мѣсто, опустя голову и отирая ладонью горячую щеку. Параша спряталась въ толпѣ.

— Что, братъ, Осташковъ? Каково? По дѣломъ... На чужой каравай ротъ не разѣвай...

— А я еще тетенькѣ скажу, мусье Осташковъ: въ какой вы впадаете развратъ... поддразнивалъ Неводовъ.

— Нѣтъ, какова дѣвка-то, господа? а?...

— Чудо!

— Огонь, страсть, югъ!...

— А, вѣдь, русачокъ чистый? спросилъ Тархановъ.

— Чистѣйшій!... скотникова дочь!... отвѣчалъ Рыбинскій. Ну, полно обтираться, Осташковъ: вѣдь, я думаю, не больно: не мужицкая рука... Ничего, заживетъ... Эй, дайте ему вина...

— Да, вѣдь, ему не больно; только, я полагаю, для дворянской его чести обидно... Сами разсудите: потомокъ такихъ знаменитыхъ предковъ!... говорилъ Неводовъ. Обидно Осташковъ?

— Прискорбно!... отвѣчалъ Никеша, тряся головой.

— Э, братецъ, вѣдь, это женская рука: ничего... А тебѣ, кажется очень досадно, что не удалось поцѣловать ее. Ну я тебя сейчасъ утѣшу... Эй, Алена, поди сюда, поцѣлуй барина...

— А изволь, баринъ, съ радостью... Поцѣлуемся... отвѣчала цыганка и протянула руки къ Никешѣ...

— Пошла ты, старый чортъ, стану я съ тобой цѣловаться... говорилъ совершенно пьяный уже Осташковъ... Мнѣ бы вонъ ту поймать, такъ я бы зналъ что съ ней дѣлать...

— Э, господа, да онъ молодецъ! Надо его наградить за храбрость... Эй вы дѣвки: Палагея, Наталья, Федора, Глафира... Подите, цѣлуйте Осташкова...

Покорныя приказанію своего барина дѣвушки подошли къ Осташкову, смѣясь и поталкивая другъ друга.

— Не надо, не желаю! говорилъ Никеша, махая руками и тряся головой.

— Вотъ еще какой!.. Ломается... Дѣвки возьмите его: цѣлуйте! сказалъ Рыбинскій, могучей рукой приподнялъ его и бросилъ въ толпу дѣвокъ.

Почувствовавъ прикосновеніе женщинъ Никеша, самъ, какъ голодный волкъ на овецъ, бросился на нихъ. Поднялся визгъ, пискъ, хохотъ... Отбиваясь отъ ласкъ Никеши и увлекшись общимъ удовольствіемъ, дѣвки начали толкать, тормошить, бить бѣднаго Осташкова и кончилось дѣло тѣмъ, что новый фракъ его — подарокъ Неводова, остался безъ фалдъ и лацкановъ. Услыша трескъ раздираемаго платья, Никеша пришелъ въ совершенное неистовство и началъ дѣйствовать кулаками. Рыбинскій приказалъ лакеямъ взять его и положить спать—и Никешу увели, не смотря на сопротивленіе. Пѣсни и пляска возобновились и продолжались почти до самаго разсвѣта. Параша часто являлась на сцену, каждый разъ производя сильный эффектъ. Бѣшеная оргія кончилась тѣмъ, что Комковъ и Топорковъ уснули сидя на мѣстѣ, а хозяинъ и прочіе гости были подъ руки отведены къ своимъ постелямъ. Цыгане и прислуга допивали послѣ господъ вино, оставшееся въ бутылкахъ: и пьяные разстянулись на полу въ залѣ и прихожей.

VIII.

На другой день Никеша проснулся рано утромъ: голова у него трещала, на сердцѣ было тяжело, точно камень лежалъ на немъ, дрожь пробѣгала по тѣлу. Долго не могъ онъ придти въ себя и понять, что съ нимъ случилось наканунѣ. Тупыми, красными глазами осматривался онъ вокругъ себя и увидѣлъ, что лежитъ на полу-изломанномъ диванѣ въ какой-то пустой, холодной и сырой комнатѣ, куда онъ былъ отведенъ вчера лакеями пьяный. Слуги въ господскихъ домахъ всегда питаютъ какую-то безпричинную, инстинктивную ненависть ко всѣмъ бѣднымъ, малоуважаемымъ гостямъ своего барина; всякій, кто позволяетъ барину посмѣяться, пошутить на свой счетъ, подвергается злобному гоненію слуги. Подъ вліяніемъ этого чувства лакеи Рыбинскаго отвели вчера бѣднаго и пьянаго Никешу въ пустую нежилую, и вслѣдствіе этого нетопленную комнату, и нераздѣтаго бросили на диванъ, безъ подушки и одѣяла.

Смутно припоминая вчерашній день, Осташковъ взглянулъ на свой фракъ, въ которомъ спалъ, и кровью облилось его сердце: чуть не плакалъ онъ, смотря на лоскутки, которые висѣли на немъ вмѣсто нараднаго платья. Вдругъ должно быть что нибудь страшное пришло ему въ голову: лицо его изобразило испугъ, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и торопливо опустилъ руку въ боковый карманъ растерзаннаго фрака: страшное предчувствіе не обмануло бѣдняка: въ карманѣ не было ден гъ, которые надавали ему господа у Неводова. Искренняя тяжелая тоска изобразилась на лицѣ, въ глазахъ, во всей особѣ Никеши; онъ даже вскрикнулъ отъ отчаянія. Грозный, сердитый лай собакъ глухо раздался по безмолвному спящему дому въ отвѣтъ на этотъ вопль отчаянія. Никеша вспомнилъ о страшномъ Сбогарѣ и притаилъ дыханіе, не смѣлъ пошевелиться, прилегъ на диванъ и старался опять заснуть, чтобы забыться отъ тоски и страха, но напрасно: его мучила жажда, било, какъ въ лихорадкѣ, отъ холода, и сердце давило тоскою, точно у него на совѣсти лежало какое нибудь страшное преступленіе. Въ домѣ все безмолвствовало, и напрасно Никеша прислушивался: не пройдетъ ли кто мимо дверей его комнаты; всѣ отдыхали сладкимъ сномъ послѣ вчерашняго пиршества, бодрствовалъ и страдалъ только онъ одинъ—герой и жертва минувшаго пира. Два часа провелъ Никеша въ самомъ мучительномъ положеніи. Но вотъ уже совсѣмъ

разсвѣло, пробило девять часовъ: въ домѣ послышались чьи-то шаги, до ушей страдальца начали долетать отрывочныя фразы сердитыхъ, хриплыхъ голосовъ, кто-то тяжелыми шагами прошелъ мимо самыхъ дверей его темницы и черезъ нѣсколько секундъ гдѣ-то не подалеку съ шумомъ бросилъ на полъ охапку дровъ. Никеша осмѣлился, подошелъ къ дверямъ и пріотворилъ ихъ, ожидая, не пройдетъ ли кто нибудь. Черезъ минуту послышались тѣже тяжелые шаги и Никеша увидѣлъ мужика въ полушубкѣ съ веревкою въ рукахъ.

— Почтенный, нельзя ли бы какъ тулупчишко мой достать? робко спросилъ Никеша.

— Чего?

— Тулупъ бы, молъ, мой нельзя ли принести.

— Тулупъ?

— Да...

— Да гдѣ же онъ у тебя?

— Тамъ, въ лакейской-то прихожей.

— Да ты кто такой? спросилъ мужикъ, съ любопытствомъ осматривая измятый и изорванный нарядъ Никеши.

— Я то кто?.. Я... баринъ...

— Баринъ!.. врешь!..

— Право, ей Богу, баринъ!...

— Нѣтъ, баре-то у насъ не спятъ въ холодныхъ горницахъ, мы здѣсь и печь-то черезъ сутки топимъ...

— Право, баринъ, ей Богу, другъ, баринъ... только что я захмѣлѣлъ вчера, такъ ужь не знаю какъ и попалъ сюда... Смерть иззябъ здѣсь: хоть бы погрѣлся въ тулупѣ-то...

— Баринъ, недовѣрчиво и съ усмѣшкой проговорилъ мужикъ. Такъ коли вы баринъ. такъ кликните: лакейства-то тамъ много—подадутъ... Они къ тому приставлены, а намъ нѣту ходу въ тѣ покои...

И мужикъ пошелъ прочь, повторяя съ усмѣшкой: баринъ!.. хватъ какой!... баринъ!..

— Эй, любезный, послушай! Пожалуйста, послушай! жалобно звалъ его Никеша.

— Ну что еще надо? спросилъ грубо мужикъ, пріостанавливаясь и оглядываясь на Никешу черезъ плечо.

— Я бы и самъ пошелъ туда, да собакъ вашихъ боюсь...

— Ничего, поди, собаки не тронутъ.

— Да гдѣ идти-то я не знаю: хоть укажи...

— Гдѣ идти?.. Баринъ, а въ покои дороги не знаешь... Хм... Проказникъ ты... Баринъ!.. Отстань-ка, мнѣ не коли съ тобой калякать-то: печи топить надо...

И надежда Никеши скрылась вмѣсти съ полушубкомъ, веревкой и тяжелыми сапогами.

— Господи, да неужто ужь мнѣ такъ здѣсь смерть получить? Вѣдь, это смерть, чистая смерть! думалъ Никеша. Вѣдь, не съѣдятъ же меня и самъ-дѣлѣ собаки середь бѣлаго дня. Все равно здѣсь замерзнешь же, отъ холода издохнешь.

Разсудивши такимъ образомъ онъ наконецъ собрался съ духомъ и рѣшился выдти изъ своей засады. Дверь выходила въ длинный темный коридоръ. Робко пройдя его, Никеша вошелъ въ большую комнату, гдѣ стоялъ билліардъ. Въ билліардной было двѣ двери: за одной изъ нихъ слышались голоса. Никеша отворилъ ее и къ великой своей радости увидѣлъ лакейскую, гдѣ долженъ былъ находиться его тулупъ. Двое лакеевъ; проснувшись, лежали еще въ растяжку одинъ на полу, другой на столѣ и потягиваясь разговаривали между собою. Третій сидѣлъ на ларѣ, опустя голову на руки...

— Ахъ, щипаный гусь, ты уже всталъ! сказалъ одинъ изъ лакеевъ, увидя Никешу.

— Смотри-ка какъ дѣвки-то его изполосовали, замѣтилъ другой: изъ фрака-то что сдѣлали... хи! хи!

— Гдѣ, господа, мой тулупъ?

— На что тебѣ его? спросилъ тотъ, который лежалъ на полу.

— Надѣть хочу: очень ужь озябъ...

— А... нѣмецкая горячка прохватила... Да гдѣ онъ? Посмотри: тутъ гдѣ нибудь...

— Вотъ лежитъ... сказалъ сидѣвшій на ларѣ... Я озябъ ночью, такъ бралъ обыгаться... Возьми вотъ его...

Никеша молча взялъ и поспѣшилъ надѣть...

— Да узелокъ еще былъ со мной: сертукъ тутъ у меня...

— Ну вотъ погоди... Гдѣ тутъ его найдешь: вишь сколько господской одежи... Кто за тобой станетъ прибирать... Возилъ бы коли свою прислугу...

— Да у него, парень, одна своя душа: вся и прислуга тутъ... Мнѣ неводовскій Ванюха сказывалъ... Правда ли, баринъ...

— Что дѣлать-то, господа... бѣдность одолѣла... кабы не бѣдность и у меня бы свое лакейство было...

— Купи меня, баринъ, у господина-то: онъ, можетъ, про-

дастъ... А я бы тебѣ вотъ какъ служилъ... каждый бы день вмѣстѣ пьяны напивались... Такой бы у насъ съ тобой былъ совѣтъ да любовь... А? Право, покупай меня, баринъ...

— Нѣтъ, братцы, гдѣ ужь мнѣ людей покупать... хоть самаго-то бы себя съ семьей прокормить и то впору... Вотъ не видалъ ли кто, не въ домекъ ли: я вчера деньги... обронилъ надо быть... али какъ... ужь не знаю...

— Какія, чай, у тебя деньги: два двугривенныхъ чтоли?

— Нѣтъ синенькая бумажка да два цѣлковыхъ...

— Такъ гдѣ же они у тебя?...

— Да не знаю: какъ нибудь выронилъ что ли, либо какъ...

— Поди, чай, цыгане вчера вытащили, какъ таскали-то его... сказалъ сидѣвшій на ларѣ. Смотри: ты на насъ не всклепли...

— Что мнѣ на васъ... Я не видалъ, не помню... только спрашиваю: не въ домекъ ли кому...

— То-то смотри... а то въ другой разъ, пьяный напьешься,—еще не туда посадимъ... Ахъ ты, смерть моя, головушка треснутъ хочетъ!..

— Да, парень, опохмѣлиться бы надо...

— Развѣ сходить: попросить у Прокофьевны?..

— Не дастъ...

— Вотъ не дастъ... дастъ!

— Пра, не дастъ...

— Да что не дать-то?.. Что у насъ, считаное что ли?.. Кто ее учтетъ: вышло да и все тутъ...

— А поди, попробуй попроси... Ни за что не выпросишь...

— Баринъ, хошь опохмѣлиться?...

— Нѣту, не желаю...

— А что? Вѣдь, чай, болитъ голова-то?

— Болитъ, да нѣтъ, не желаю...

— Что не желаю: выпьешь, сейчасъ и голова заживетъ и на сердцѣ легче станетъ... Ну, попроси, баринъ, мы тебѣ послужимъ за это...

— Да что вамъ во мнѣ-то, господа: вы, пожалуй, пейте, а мнѣ не требуется......

— Да ты, пожалуй, не пей, только вина-то потребуй, а мы за твое здоровье выпьемъ... Видишь: у насъ экономка скупая: коли для себя намъ просить, ничего не дастъ... А отъ барина намъ приказъ такой данъ, чтобы чего бы гость не потребовалъ, сейчасъ подавать... Ну, а ты все едино, что гость... Слышь,

баринъ, уважь же насъ: мы на тебя потребуемъ, а ты, пожалуй, не пей... Ты насъ уважишь и мы тебѣ послужимъ, ужь въ холодную-то не положимъ.

— Смотрите, ребята, не остаться бы мнѣ въ какомъ стыду передъ господиномъ-то: я этого не желаю...

— Эхъ, отстань-ка, ничего!.. Что за бѣда что водки спросишь... У насъ гость чего хочетъ спрашивай, хоть птичьяго молока.-. у насъ баринъ еще это любитъ, какъ гости сами распоряжаются... Я пойду сейчасъ промыслю... Вретъ же Прокофьевна, дастъ водки... Еще закуски ребята, вытребую...

— Ступай, ступай, проворнѣй! понукалъ другой лакей, поднимаясь съ полу и подтягивая штаны, въ которыхъ спалъ не раздѣваясь послѣ вечерней попойки. А ты, баринъ, не равно придетъ сама Прокофьевна спрашивать тебя: держи свою фантазію, что, молъ, жалаю водки опохмѣлить себя, да и шабашъ... Это она должна исполнить, потому у насъ отъ барина такое приказаніе дано. Вѣдь, у насъ баринъ добрый на счетъ этого, самый безхитростный баринъ, да она больно скупа, дьяволъ: гнилаго яица не выпросишь... Лучше подъ угоръ вывалитъ, а человѣку не дастъ; такой аспидъ-алкатель!.. Ты поди, баринъ, покудова посиди въ залѣ: ровно гость и будешь, а то здѣсь тебѣ нейдетъ... Гдѣ у меня Гришка?.. Балуетъ, чай, подлецъ, а сапоги у господъ не чищены... Битва̀ съ этими ребятишками... Вихо̀рь надо надрать анафемѣ.

— Вихорь надрать!.. Ты бы вздулъ его хорошенько, либо зубы выколотилъ: вотъ бы онъ и помнилъ свое дѣло!... отозвался лакей, сидѣвшій на ларѣ съ опущеной на руки головою, которую онъ не приподнималъ. Экое похмѣлье окаянное: всю голову разломило! Поди же, баринъ, отселѣ...

— Вотъ бы мнѣ только узелокъ-отъ.. Я бы сюртукъ надѣлъ, а фракъ—отъ больно изорвали...

— Поищи тутъ, Михайло: гдѣ онъ засунулся.

— Погоди, баринъ, сейчасъ найду, а водки намъ предоставишь—и фракъ зачиню твой... Изволь: удружу.

Скоро узелокъ Никеши былъ найденъ и лохмотья фрака замѣнены сюртукомъ. Никеша чуть не заплакалъ, снимая лоскутки своей одежды и увидя, что фракъ былъ разорванъ сзади почти пополамъ.

— Э, баринъ, да у тебѣ двѣ одежи вышло вмѣсто одной... Что дѣвки-то сработали! говорилъ Михайло, посмѣиваясь и пе-

реворачивая фракъ то на ту, то на другую сторону. Ну, да ничего. Говорятъ, заштопаю, коли выхлопочешь намъ водки!

Никеша грустный вышелъ въ билліардную.

Маневръ лакеевъ отлично удался: ключница безъ дальнѣйшей повѣрки исполнила требованіе, и отпустила графинъ водки и закусокъ. Яковъ, собачій староста, какъ его на-смѣхъ прозвала дворня за то, что на него возложена была обязанность ухаживатъ за господскими собаками, съ торжествующимъ видомъ внесъ въ билліардную подносъ съ графиномъ, икрой и колбасой.

Поставивши все это на столъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ Никеши, проворно выпилъ двѣ рюмки одну за другою и потомъ пошелъ звать товарищей. Тѣ немедленно вошли.

— Надо, чтобы баринъ выпилъ, хоть рюмку! замѣтилъ смышленый Михайло. Выпей баринъ, право, выпей; и голова заживетъ, и согрѣешься, и на сердцѣ сдѣлается веселѣе, а то смотри-ка какой ходишь: точно тебя всего изломало... Нашъ баринъ этакихъ гостей не любитъ: онъ любитъ, чтобы у него весело смотрѣли... Право, выпей!..

— А что и самъ-дѣлѣ, отчего не выпить? подумалъ Никеша: можетъ и легче будетъ. И онъ выпилъ: ему понравилось, предложили выпить другую—не отказался,—сытно закусилъ и повеселѣлъ совершенно. Онъ не отказался бы, можетъ быть, и отъ третьей, но водки уже не было: попеременно сторожа у дверей, чтобы не вошелъ кто лишній, лакеи, живо опустошили графинъ, поѣли закуски и вышли, какъ ни въ чемъ не бывало. Никеша былъ пьянъ и веселъ, забылъ о потерѣ денегъ, объ изорванномъ фракѣ, оставилъ намѣреніе проситься у Рыбинскаго домой—и смѣло, свободно похаживалъ по билліардной, ухмыляясь лакеямъ, проходившимъ мимо, и весело подмигивавшимъ ему на опустошенный графинъ. Часа черезъ два послѣ этого проснулся Рыбинскій, поднялися прочіе гости, Никеша былъ позванъ къ нимъ, ему подали горячаго чаю съ мягкими булками, съ вкусными сухарями—и Никеша блаженствовалъ, забывши совершенно о домѣ и ожидавшей его работѣ. Рыбинскій упросилъ своихъ гостей остаться еще на день, а Никеша даже и не заикнулся о томъ, что ему пора бы домой. Онъ былъ окончательно успокоенъ и утѣшенъ за будущее, когда Рыбинскій приказалъ дать ему изъ своего гардероба цѣлую пару платья въ замѣнъ изорваннаго фрака. Никешѣ было приказано немедленно нарядиться въ новое платье и въ немъ оста-

ваться. Сюртукъ Рыбинскаго надѣтый на Никешу, былъ такъ длиненъ ему, что полы почти таскались по землѣ; каждое движеніе Никеши въ этомъ новомъ костюмѣ возбуждало общій смѣхъ, но онъ уже не боялся и не стѣснялся отъ этого смѣха, а напротивъ старался даже поддерживать его. Однимъ словомъ учился быть шутомъ.

Послѣ утренняго чаю, тотчасъ же началась карточная игра и продолжалась до вечера. Въ продолженіи ея Никеша былъ забытъ, но онъ старался напоминать о себѣ разными услугами, привыкая къ новой роли: служить на посылкахъ, къ чему оказывался очень способнымъ къ удовольствію лакеевъ, которыхъ онъ своимъ присутствіемъ при господахъ, избавлялъ отъ необходимости торчать у притолоки, въ ожиданіи господскихъ приказаній. Никешѣ не скучно было сидѣть около карточнаго стола, потому что онъ видѣлъ себя въ господской компаніи, а въ другой комнатѣ стояла сытная закуска, къ которой сначала робко и рѣдко, а потомъ смѣлѣе и чаще онъ навѣдывался, видя, что на это никто не обращаетъ вниманія.

Вечеромъ опять явились на сцену цыгане и Параша. Началось пѣніе и пляска, въ которой по общему требованію и къ общему удовольствію принималъ участіе и Никеша. День заключился такой же оргіею, какъ и наканунѣ. Осташковъ былъ пьянъ вмѣстѣ съ другими, но уже умѣлъ повести себя такъ, что не былъ выведенъ насильно, и находясь уже въ дружественныхъ отношеніяхъ съ лакеями, былъ положенъ на ночь въ теплой комнатѣ и даже снабженъ подушкой и одѣяломъ. Отсюда онъ могъ вывести для себя новое правило, что въ господскихъ домахъ нужно расположеніе не однихъ господъ, но и лакеевъ, и что, услуживая господамъ, не мѣшаетъ искать пріязни и покровительства у прислуги. Впослѣдствіи онъ убѣдился въ этомъ совершенно и постоянно руководствовался этимъ мудрымъ правиломъ.

IX.

Пропировавши у Рыбинскаго три дня, пріятели согласились ѣхать къ Комкову, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ этого лежебока, какъ называли они его въ шутку. Обязавши всѣхъ честнымъ словомъ не измѣнить обѣщанію пріѣхать къ нему, Комковъ откровенно высказалъ необходимость отправиться домой прежде гостей.

— Вѣдь, вы знаете, господа, какой у меня въ домѣ порядокъ. Живу я сиротой, хозяйки у меня нѣтъ, присмотрѣть не кому, самому лѣнь: надо поѣхать распорядиться, чтобы было чѣмъ гостей попотчивать.... Пять дней меня дома не было: я думаю, и народъ-то не скоро соберу. Отпустите-ка, господа, со мной Осташкова: онъ малый услужливый, поможетъ мнѣ въ чемъ нибудь. Вслѣдствіе этого Осташковъ былъ командированъ съ Комковымъ.

Лежа около дремавшаго Комкова въ просторныхъ саняхъ, на мягкой перинѣ, Никеша весело посматривалъ на дорогу. Хорошо было у него на душѣ; нравилась ему новая открывшаяся для него жизнь въ господскихъ домахъ, жизнь веселая, привольная, сытная, на даровыхъ хлѣбахъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Какая разница съ той однообразной, скучной, трудовой жизнью дома, гдѣ заботливая тетка не даетъ отдохнуть минуты лишней, вѣчно понукаетъ, вѣчно находитъ новую работу. Здѣсь, въ господскихъ домахъ, только и заботы--какъ бы поѣсть послаще, выспаться покрѣпче, да забаву выдумать повеселѣе, а тамъ, дома, только глаза продралъ, еще и не проспался хорошенько, поди на работу, гни спину, ворочайся цѣлый день, какъ лошадь, а обѣдать сядешь, такъ подадутъ тебѣ щей да хлѣба—и за то Бога благодари. Здѣсь и работать не заставляютъ, и напоятъ и накормятъ даромъ, да еще и подарятъ, коли мало-мальски услужишь, али посмѣшишь, а дома-то и въ недѣлю того не выработаешь, что здѣсь однимъ часомъ получишь. Нѣтъ, дай Богъ здоровья матушкѣ—тещѣ: показала она мнѣ свѣтъ, что познакомила съ господами! Всю она мнѣ истинную правду говорила. Теперь только старайся господамъ услуживать, будешь и сытъ, и одѣтъ, и деньги заведутся,—и безъ работы. И то сказать: понимаютъ, что своя кровь, что не слѣдъ мнѣ ломаться, какъ мужику простому, вотъ и хотятъ поддержать. А, можетъ, и самъ-дѣлѣ, чувствуютъ, что нашимъ имѣніемъ пользуются, такъ совѣсть зазритъ и хотятъ заслужить передо мной.... Да нѣтъ, вѣдь, если случай такой выйдетъ, что можно будетъ черезъ какого человѣка за дѣло взяться, я, вѣдь, всѣ вотчины свои съ нихъ вытребую.... Конечно, я темный человѣкъ, мнѣ до этого не дойти, а вотъ, Богъ дастъ, сынъ подростетъ, да пойдетъ въ науку.... чего еще не будетъ!... А теперь буду пока служить господамъ, да ума набираться....

Такъ думалъ и мечталъ Никеша, между тѣмъ, какъ мимо его

мелькали снѣжныя искрящіяся поля, опушенныя серебристымъ инеемъ березовыя рощи, зарывшіяся въ снѣжныхъ сугробахъ деревнюшки. Тихой, ровной рысцой бѣжали крупныя кормныя лошади Комкова; мѣрно и не звучно побрякивалъ колокольчикъ; сгорбившись, опустя голову, какъ будто задумавшись, сидѣлъ на козлахъ кучеръ, изрѣдка, лѣниво и безмолвно подергивая возжами; баринъ спалъ крѣпкимъ сномъ, убаюканный покойной ѣздою. Какъ видно, никто не торопился домой: ни господинъ, ни кучеръ, ни лошади. Но наконецъ вдали показалась и деревня Комкова. На гладкомъ неоглядномъ, теперь бѣломъ отъ снѣга полѣ стояла она вмѣстѣ съ господской усадьбой. Не было кругомъ ни деревца, ни кустика, только за барскимъ домомъ торчала небольшая рощица. Деревня была расположена безъ всякаго порядка, случайно, какъ попало. Тутъ два три дома столпились въ кучу и только что не лѣзли одинъ на другимъ, тамъ дрянная избенка выбѣжала впередъ всѣхъ и остановилась середь дороги, точно совѣстно стало, что выскочила, не знаемо зачѣмъ, впередъ другихъ, а здѣсь цѣлый рядъ домовъ повернулся задомъ къ другимъ, оборотясь лицомъ въ чистое поле и подставивши свои подслѣповатыя окна прямо подъ вѣтеръ и всякую лихую непогоду. Господская усадьба отдѣлялась отъ деревни пустыремъ и тоже, какъ видно, выстроилась не по плану разсчетливаго и предусмотрительнаго хозяина, а такъ себѣ, какъ случилось, какъ Богъ привелъ. Рядомъ съ барскимъ домомъ стояла конюшня и баня, а до кухни было добрыхъ четверть версты; за то кладовая и сушилка, изъ которыхъ, въ лѣтніе жаркіе дни, по старинному русскому обычаю, вытаскивалась и развѣшивалась для просушки всякая дрянь, красовались прямо передъ окнами гостиной и залы. Домъ былъ большой, одноэтажный и низенькій, какъ видно, давно не видавшій на себѣ заботливой руки хозяина; крыльцо пошатнулось, у иныхъ оконъ ставней совсѣмъ не было, у другихъ оставалось по одному ставню, но и тѣ были не подперты, а стучали по волѣ вѣтра то въ оконную раму, то въ стѣну, жалобно скрыпя на заржавленныхъ петляхъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ вмѣсто стеколъ виднѣлась даже синяя сахарная бумага. Въ перилахъ на террасѣ половины балясинъ вовсе не было, да и самыя перилы покачнулись. Все это, бывало, замѣтитъ Комковъ, пріѣзжая изъ гостей и случайно взглянувши на домъ, позоветъ прикащика и скажетъ ему:

— Что это, братецъ, все у насъ развалилось, все покривилось, даже стекла не вставлены.... Совсѣмъ ты не занимаешься дѣломъ.... Исправить все....

— Слушаю-съ! отвѣтитъ прикащикъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

А Комкову скучно и говорить объ этомъ въ другой разъ, особливо, если присмотрится, только развѣ подумаетъ: экой мошенникъ, вѣдь, вотъ ничего не исправилъ, а сказалъ: слушаю-съ!

— Пріѣхали!... Извольте выходить... сказалъ кучеръ Комкова, остановившись у крыльца и медленно слѣзая съ козелъ.

— Яковъ Петровичъ!... пріѣхали... Вылѣзайте... повторилъ онъ, стоя около спящаго барина.

— А!... пріѣхали!... Ну, вынимай... отозвался Комковъ, протягивая руку, за которую кучеръ и началъ тянуть его изъ саней.

Никеша поспѣшилъ выскочить и подхватилъ Комкова подъ другую руку.

— А! вотъ спасибо, братъ!... Я и забылъ, что ты со мной! сказалъ Комковъ, увидя Никешу. Ну, что, ты вздремнулъ ли дорогой?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Что же ты дѣлалъ?

— А такъ ничего... Все на дорогу смотрѣлъ.

— А я такъ, братъ, славно всхрапнулъ, говорилъ Комковъ, поднимаясь на крыльцо, даже сонъ приснился... и какъ ты думаешь: Парашу видѣлъ во снѣ... будто бы... Этакая гадость!... Каковы скоты, никто и не встрѣтитъ!... Вѣрно ни одного человѣка нѣтъ въ комнатахъ... Онъ не ошибся. Никеша отворилъ дверь въ прихожую, онъ же долженъ былъ снимать шубу съ Комкова, потому-что прихожая была пуста.

— Эй, есть ли кто тамъ! Люди! кричалъ Комковъ, но отвѣта не было. Каковъ народецъ, Осташковъ! Во всемъ домѣ ни одного человѣка нѣтъ!

— Да ужь это на что хуже... Какъ можно пустой домъ покидать: долго ли худому человѣку зайти...

— Канальи народъ! совсѣмъ избаловались... Попрошу Тарханова, чтобы всѣхъ переколотилъ: онъ мастеръ на это. Пойдемъ, братецъ, въ кабинетъ: тамъ потеплѣе.

Когда Комковъ оставался въ домѣ одинъ, онъ почти не выходилъ изъ кабинета: въ немъ лежалъ цѣлый день, обѣдалъ,

ужиналъ, читалъ и спалъ ночью. Это была большая комната. Въ ней у двухъ стѣнъ стояли просторные мягкіе диваны: на одномъ изъ нихъ Комковъ проводилъ день; другой диванъ, на которомъ былъ положенъ пуховикъ и нѣсколько подушекъ, служилъ ночнымъ ложемъ Комкова. Передъ диваномъ стоялъ раскрытый ломберный столъ; нѣсколько креселъ, письменный столъ съ чернильницей безъ чернилъ и разбросанными безпорядочно газетами, шкафъ для платья, которое впрочемъ никогда въ него не вѣшалось, а лежало по стульямъ и столамъ, довершали убранство комнаты.

Войдя въ кабинетъ, Комковъ тотчасъ же легъ на диванъ.

— Дай-ка, братъ, подушечку оттудова, съ того дивана! сказалъ онъ Осташкову, да поищи, пожалуйста, не найдешь ли тамъ кого изъ этихъ мерзавцевъ. Вотъ, братецъ, и много прислуги, да никого нѣтъ... Этакія шельмы...

Въ эту минуту въ кабинетъ вбѣжалъ слуга Комкова и вслѣдъ за нимъ другой.

— Гдѣ вы живете, скоты этакіе? Баринъ пріѣхалъ, некому встрѣтить, домъ пустой, во всемъ домѣ никого нѣтъ. Гдѣ вы были?

— Обѣдали-съ!

— Обѣдали... такъ, я думаю, можно бы кому нибудь остаться, не всѣмъ вдругъ уходить?...

— Да позвали обѣдать, такъ мы и пошли...

— А домъ пустой и оставили... Ну, вы выведете меня изъ терпѣнія: ужь я васъ поверну... я васъ всѣхъ въ солдаты отдамъ, всѣхъ передеру, мерзавцы, всѣхъ на поселеніе сошлю... Ну, что стали... Подите вонъ... Эй, погодите... Позови ко мнѣ Марфу... А ты подай трубку... Нѣтъ, ужь я васъ распустилъ, надо за васъ приняться... Погодите вы у меня...

Въ кабинетъ вошла женщина лѣтъ 45-ти, въ ситцевомъ платьѣ, затасканномъ и засаленномъ, застегнутомъ только на два крючка, за отсутствіемъ прочихъ, чрезъ что образовалась прорѣха, сквозь которую виднѣлась грязная рубашка. Голова ея была повязана большимъ шерстянымъ платкомъ, концы котораго обмотаны вокругъ шеи и завязаны сзади. На добродушномъ, но блѣдномъ и худомъ лицѣ смотрѣли большіе впалые глаза какъ-то тускло и робко; грязныя, грубыя руки держала она неловко, локти врозь, точно не знала куда ихъ дѣвать, и безпрестанно подергивала пальцы. Это была ключница и домоправительница Комкова, старшая женщина въ домѣ.

— Что это, Марфа, совсѣмъ ты людей избаловала, съ упрекомъ сказалъ Комковъ. Какъ это можно: пріѣхалъ я, ни одного человѣка нѣтъ въ комнатахъ, встрѣтить было не кому... На что это похоже...

— Да обѣдать ходили! отвѣчала Марфа, перебирая пальцы.

— Да что изъ этого, что обѣдать ходили, все-таки не слѣдуетъ дома пустаго оставлять...

— Да я въ комнатахъ оставалась...

— Такъ хоть бы ты насъ встрѣтила...

— Я думала, что тамоди выбѣжалъ кто изъ кухни: вѣдь, видятъ, что баринъ пріѣхалъ...

— Ну, вотъ видишь, а между тѣмъ никто не выбѣжалъ... Да и тебя не было... Я кричалъ, никто не отозвался...

— Нѣтъ, я точно была... да увидѣла, что вы пріѣхали, такъ побѣжала кликнуть людей-то...

— Ну вотъ видишь: сама побѣжала, точно не кого было послать...

— Да и то никого не было... Всѣ разбѣжались...

— Видишь, ты какъ всѣхъ избаловала: сама должна домъ сторожить, сама за людьми по кухнямъ бѣгать... Ничего тебя не боятся... Зачѣмъ ты ихъ балуешь...

— Да ужь воля ваша, Яковъ Петровичъ, я ужь и сама не знаю что мнѣ и дѣлать: совсѣмъ народъ избаловался... Ничего не слушаются... Говорю, говорю, а они не слушаютъ, и вниманія не берутъ...

— Да кто не слушается? ты только мнѣ скажи...

— Да кто? Всѣ не слушаются...

— Какъ это можно, чтобы всѣ не слушались... Оттого и не слушаются, что ты сама не умѣешь распорядиться... коли кто не послушался, ты бы прикащику сказала...

— Да и то ужь говорила... Наговоришься ли каждый разъ... Вотъ пыль въ комнатахъ, такъ и ту всякій день сама сметаю: никто не хочетъ половъ вымести...

— Ну такъ вотъ видишь: не сама ли ты виновата?... Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что ты только заставляй, а сама не дѣлай... Ахъ, дура какая!

— Ужь я не знаю, что мнѣ и дѣлать... кажется, старанія моего довольно: изъ послѣднихъ силъ бьюся...

И Марфа, доставши конецъ платка, которымъ повязана была ея голова, вытерла навернувшіяся на глазахъ слезы.

— Ну, вотъ заплакала... да развѣ я тебѣ про то говорю, что ты не стараешься... Эхъ, надоѣла... Ну, отстань плакать... Скажи-ка лучше: есть ли у насъ какіе припасы: ко мнѣ гости сегодня пріѣдутъ...

— Да какіе припасы... Безъ васъ-то я ни зачѣмъ не посылала... птица есть... яица, правда, всѣ вышли... Ну да это съ бабъ сейчасъ можно собрать: еще не со всѣхъ получила...

Комковъ расхохотался.

— Вотъ у меня хозяйство какое: надо обѣдать готовить, а мы яица по деревнѣ собирать станемъ... Ахъ, Марфа!...

— Солонина есть! спѣшила прибавить Марфа, какъ бы въ свое оправданіе.

Комковъ хохоталъ.

— Да не про то я тебя спрашиваю: есть ли вина, сыръ, икра, колбаса... вотъ изъ этого...

— Да этого всего есть...

— Всего есть!... А послѣ подашь, какъ помнишь въ тотъ разъ, такой колбасы, что топоромъ надо рубить, либо сыра гнилаго... Вѣдь, чай, давно куплено, давно бережешь?...

— Да не такъ, чтобы очень давно... Вотъ какъ допрежь того покупали...

— Да много ли всего?

— Ну, немного...

— Ну, слѣдовательно сейчасъ надобно послать въ городъ... купить всякой провизіи... пошли сейчасъ прикащика...

— Слушаю... да прикащика-то нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Въ село уѣхалъ.

— Зачѣмъ еще?

— Да дьяконъ звалъ: имянинникъ онъ сегодня, а прикащикъ-то ему кумъ, такъ и звалъ...

— Ну, вотъ еще! пьянъ, я думаю... Ахъ ты, Боже мой!.. Ну пошли тамъ кого нибудь...

— Такъ кого же прикажете?

— Ну, кого хочешь... Вотъ, Марфа: вѣдь, это надобно все бы заблаговременно закупать... Вотъ меня не было, что бы съѣздить?...

— Да я подумала такъ, что есть всего, такъ что, молъ, зачѣмъ деньги-то изводить даромъ.

— Да, вѣдь, мало говоришь всего...

— Ну, маленько...

— Слѣдоватально и надо было купить...

— Вѣдь, не знала, Яковъ Петровичъ, что гости-то будутъ... Ну, и пожалѣлось денегъ-то...

— Да не жалѣй ты, пожалуйста, никогда... только, чтобы было все... Брось ты эту бережливость, ради Христа...

— Кто же станетъ беречь-то, Яковъ Петровичъ, и то всѣ тащатъ... проговорила Марфа даже съ сердцемъ...

— Ну, ступай... Съ тобой не столкуешь...

— По мнѣ какъ угодно: я, пожалуй, не стану беречь, такъ кто-же домъ-то соблюдетъ... На кого понадѣяться-то можно?..

— Ну, ну... Поди, посылай же только поскорѣе...

Марфа вышла, бормоча что-то про себя. На добродушномъ лицѣ ея выражалось оскорбленіе. Комковъ смѣялся, смотря вслѣдъ ей.

— Ахъ, Марфа, смѣшная старуха! проговорилъ онъ добродушно, повертываясь и укладываясь на диванѣ попокойнѣе. А дорого бы, кажется, далъ за хорошую экономку! Не знаешь ли Осташковъ гдѣ хорошей экономки?

— Не знаю, батюшка... Вотъ бы вамъ тещеньку мою, только что не пойдетъ развѣ, а та ужь двадцать лѣтъ при ключахъ ходила въ барскомъ домѣ. Развѣ прикажите поговорить: можетъ и пойдетъ?...

— Нѣтъ, братецъ, вѣдь это я такъ только сказалъ... Мнѣ съ своей Марфой не разстаться... Она только одна и бережетъ меня, другая на ея мѣстѣ кругомъ бы меня обворовала... Правда, она тиха, безтолкова, нераспорядительна, за то она никогда ни на кого съ жалобами ко мнѣ не ходитъ; ссоръ я никакихъ не слышу, а если бы у меня завелась какая экономка строгая, да взыскательная, да стала бы съ людьми ссориться, да ко мнѣ жаловаться ходить... я бы просто съ ума сошелъ, либо изъ дома совсѣмъ убѣжалъ... Ну, а теперь по крайней мѣрѣ все тихо и меня ни въ чемъ не безпокоятъ, а мнѣ это дороже всего... Эхъ-ма...

— Добродѣтель-то ваша велика! проговорилъ Никеша, стараясь подражать Прасковьѣ Федоровнѣ, и робѣя при мысли: такъ ли и кстати ли онъ сказалъ эту новую для него фразу.

— Нѣтъ, братъ, не добродѣтель, а лѣнь велика... Мнѣ бы только спалось да ѣлось—вотъ вся моя добродѣтель... А заняться ничѣмъ не хочется, да и не стоитъ, и не для кого... Дѣтей

у меня нѣтъ... Есть, правда, ну да тѣмъ не много нужно... А вотъ что развѣ, Осташковъ, промолвилъ Комковъ съ улыбкою, поворачиваясь на другой бокъ и покряхтывая: посватай-ка ты мнѣ невѣсту...

— Знати-то у меня мало, благодѣтель, а будетъ побольше знати,—не забуду я этого вашего слова... Постараюсь...

— Вотъ, братъ, постарайся: жени меня... Вѣкъ буду благодарить; только чтобы мнѣ самому не ѣздить высматривать невѣсту, а она сама бы пришла ко мнѣ показаться...

— Слушаю! отвѣчалъ Осташковъ серьёзно: ему казалось, что всякое желаніе богатыхъ господъ удобоисполнимо... Ну, а какъ которая не пойдетъ? спросилъ онъ, подумавши.

— Ну, на такой и не женюсь! отвѣчалъ Комковъ со смѣхомъ. А вотъ слушай Осташковъ: у меня 300 душъ, даю тебѣ честное слово, что отдамъ тебѣ 50, если ты мнѣ сосватаешь такую невѣсту... Слышишь?...

— Слышу-съ...

— Только смотри, чтобы благородная была, изъ хорошаго семейства...

— Понимаю, благодѣтель...

— Ей-Богу, дамъ 50 душъ... Вотъ помни это...

— И неужели пожалуете?

— Честное тебѣ дворянское слово даю: только жени меня, тотчасъ запишу на тебя 50 душъ...

— Вотъ бы хорошо-то, думалъ Никеша съ замирающимъ сердцемъ. Надо съ маменькой поговорить...

— Буду стараться, благодѣтель! сказалъ онъ вслухъ.

— Вотъ сцена-то будетъ чудесная, когда барышня придетъ ко мнѣ дѣлать предложеніе! говорилъ Комковъ и хохоталъ отъ всей души.

— Или когда онъ будетъ совѣтовать какой нибудь дамѣ съѣздить посвататься ко мнѣ! прибавилъ онъ мысленно—и снова хохоталъ.

— Да ужь только бы мнѣ встрѣтить этакую подходящую статью, ужь я предоставлю вамъ невѣсту!... говорилъ Никеша, видя, что это предположеніе очень утѣшаетъ его собесѣдника.

— Ну, какъ же: такъ и скажешь: неугодно ли, молъ, ѣхать посвататься, у меня есть женихъ?

— Да что мнѣ? Такъ и скажу!... Она это должна за счастіе почитать...

— Ха, ха, ха!... ха, ха, ха!... Ой, уморилъ Осташковъ... ой!...

— Да, что смотрѣть-то на нихъ... Онѣ женщины... что онѣ значатъ противъ нашего брата, мужчины?... Ничего!...

Никеша нарочно прикидывался непонимающимъ причины смѣха Комкова. Онъ учился хитрить.

Въ это время опять вошла Марфа.

— Ну что? спросилъ Комковъ.

— Да къ вамъ скоро ли гости-то пріѣдутъ?

— А что?

— Да я бы сама въ городъ съѣздила: закупи-то закупить... Кого посылать-то!...

— Что ты врешь, матушка!... Ты уѣдешь, а тутъ безъ тебя пріѣдутъ: кто же насъ кормить-то будетъ... Вѣдь, ключей никому не повѣришь?

— Какъ можно повѣрить... А я то, что можетъ быть, успѣю, молъ, съѣздить-то до гостей... А то... кого пошлешь?...

— Это, значитъ, сомнѣваешься, что посланный на рубль украдетъ... Ну, ничего, только посылай, пожалуйста, поскорѣе...

— Да коли для вѣрности, такъ позвольте я, благодѣтель, съѣзжу: я ужь копѣечкой вашей не попользуюсь... сказалъ Осташковъ.

— Ну вотъ, слышишь, Марфа: баринъ хочетъ съѣздить... Онъ ужь не украдетъ, ты можешь быть покойна...

— Такъ что? На что лучше: съѣздите батюшка...

— Съѣзди, Осташковъ, и въ самомъ дѣлѣ: успокой у меня старуху.

— Съ моимъ полнымъ удовольствіемъ.

— А, можетъ быть, и невѣста мнѣ попадется: поѣзжай-ка, братъ...

— Такъ я инъ съ вами Василья отпущу: онъ выбрать-то умѣетъ, а только деньги-то вы къ себѣ возьмите.

Никеша гордился оказаннымъ ему довѣріемъ и съ важностію сѣлъ въ сани рядомъ съ Васильемъ, чтобы ѣхать въ городъ. Но взглянувши на сосѣда, онъ сконфузился и вся важность его пропала: на лакеѣ была шинель, хоть и поношенная, и затасканная, но суконная, а на немъ, дворянинѣ Осташковѣ, нагольный бараній тулупъ. Эхъ, кабы не этотъ тулупъ, Никеша зналъ бы какъ держать себя, чтобы показать слугѣ, какая разница между нимъ и потомкомъ древняго рода бояръ, а можетъ быть и князей Осташковыхъ!

Но бараній тулупъ испортилъ все дѣло. Никеша присмирѣлъ и старался избѣгать дерзкихъ и насмѣшливыхъ взглядовъ Василья, который по особенному чутью, свойственному людямъ его званія, сейчасъ смекнулъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, тѣмъ болѣе, что успѣлъ уже получить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ кучера, сопровождавшаго Якова Петровича къ Рыбинскому, гдѣ уже Никеша былъ предметомъ разсказовъ и остротъ всей дворни. До города отъ усадьбы Комкова было верстъ 15. Сначала спутники ѣхали молча; но на половинѣ дороги стояло село, въ которомъ былъ кабакъ, гдѣ Василій предполагалъ возможность выпивки. Подъѣзжая къ этому пристанищу, Василій обратился къ Никешѣ съ вопросомъ:

— А что, баринъ, много ли отпустили съ тобой денегъ-то?

— На семьдесятъ рублевъ закупей-то велѣно сдѣлать... отвѣчалъ Никеша.

— Ну, баринъ, магарычи пополамъ.

— Какіе магарычи? Мнѣ никакихъ не надо... Я господскихъ денегъ не возьму.

— Ну такъ и того еще лучше: значитъ всѣ магарычи мои. Ты, баринъ, вынь мнѣ теперь двугривенный: я зайду выпью... сказалъ Василій, рѣшительно останавливая лошадь у кабака. А то, коли хочешь пойдемъ вмѣстѣ выпьемъ.

— Я въ кабаки не хожу-съ!...

— Ну, такъ дай двугривенный...

— Какъ я могу... Я отъ господина вашего не получалъ на это приказанія.

— Да ужь этого никогда не бываетъ, чтобы мы не зашли сюда, какъ въ городъ зачѣмъ посылаютъ... ужь у насъ такое обыкновеніе сдѣлано... И прикащикъ завсегда заходитъ...

— Такъ пейте на свои, коли хотите, а я господскихъ денегъ на это изводить не могу, потому мнѣ они не на то даны.

— Да я у тебя своихъ и требую, не господскихъ... Мнѣ господскихъ денегъ не надо, а подай мой двугривенный...

— Да какой же вашъ, я у васъ никакого двугривеннаго не бралъ...

— Тебѣ толкомъ говорятъ, что магарычи будутъ... Теперь купецъ, въ которой лавкѣ будемъ забирать ужь долженъ мнѣ два двугривенныхъ выдать за то, что въ его лавкѣ забираю, потому всей покупи на семьдесятъ рублей... Ужь у насъ такой уговоръ съ купцами сдѣланъ: и прикащикъ когда ѣздитъ, завсегда

ужь магарычи выверстываетъ... и намъ половину выдаетъ... Ну, что ты, баринъ, споришь, когда нашихъ порядковъ не знаешь...

— Какъ же я теперь долженъ объ этихъ деньгахъ вашему господину доложить...

— Такъ вотъ ты, баринъ, какой: одинъ хочешь получать. Только что въ прикащицкую должность поступилъ, да вдругъ много нажить хочешь...

— Я только объ господскихъ деньгахъ радѣю, а мнѣ ничего не надо... я не на то поѣхалъ... Что вы меня обижаете... я долженъ буду господину на васъ жалобу принести...

— Да ну что затвердилъ: жаловаться станешь... Ну, жалуйся.... Что мнѣ баринъ-то сдѣлаетъ... Станетъ нашъ баринъ въ этакіе пустяки входить... у насъ баринъ не такой, чтобы человѣка обидѣть понапрасну... Что же, дашь ты мнѣ двугривенный, али нѣтъ?...

— Да какъ я могу дать господскихъ денегъ безъ приказа?...

— Ну, такъ ладно же... Смотри, хуже будетъ...

— Я бы вамъ поднесъ на свои, да у меня теперь денегъ нѣтъ...

— А еще баринъ, а денегъ нѣтъ... Своихъ денегъ нѣтъ, такъ ты на счетъ нашего барина хочешь поживиться...

— Нѣтъ, я не на то было шелъ... Кабы меня вашъ баринъ такъ понималъ, онъ бы мнѣ довѣрія не сдѣлалъ, не послалъ бы закупи покупать...

— Дашь ты мнѣ, баринъ, двугривенный, али нѣтъ? Говорятъ тебѣ, своихъ прошу, не господскихъ. . ужо̀ получу отъ купца— отдамъ назадъ.

— Такъ коли ужо̀ отъ купца получите и берите себѣ, мнѣ не надо, а теперь какъ же я могу: можетъ, купецъ и не дастъ, какой же я отвѣтъ барину вашему принесу... Получите ужо́, такъ и выпьете...

— Да мнѣ теперь дорого выпить-то, потому привычка сдѣлана... къ эвтому мѣсту... Говорятъ, отдамъ ужо́, безпремѣнно отдамъ... Не ссорься... Яковъ Петровичъ и не узнаетъ: мы такой счетъ подведемъ... А поссоришься со мной, жалѣть будешь, баринъ... Слышь: тебѣ говорятъ...

— Что дѣлать-то? думалъ Никеша. Извѣстно, не ловко и съ ихъ братомъ ссориться: я человѣкъ бѣдный, захотятъ—найдутъ чѣмъ обидѣть... Отступиться и самъ-дѣлѣ: двугривенный-то ужь куда не шолъ... Можетъ, и не замѣтятъ, что далъ, а замѣтятъ, ужь нечего дѣлать: скажу всю правду.

И Никеша рѣшился удовлетворить требованіе Василья.

— Ну, вотъ спасибо, баринъ: теперь мы съ тобой подружимся! сказалъ Василій получая деньги. Пойдемъ выпьемъ... Выпей и ты... Что!?...

— Нѣтъ, я въ кабакъ не пойду.

— Ну, инъ какъ хочешь... Ломайся... хм... баринъ!

Василій весело пошелъ въ кабакъ и долго тамъ пробылъ, между тѣмъ какъ Никеша, помня наставленіе Паленова, хотѣлъ лучше мерзнуть на морозѣ, нежели унизить свою дворянскую честь. Наконецъ Василій вышелъ изъ кабака, съ трубкой въ рукахъ.

— Ну, вотъ теперь поѣдемъ веселѣй! сказалъ онъ, садясь въ сани и собирая возжи. Ну-ка, ты, маслобойня, поворачивайся! прибавилъ онъ, обращаясь къ лошади и отпуская ей нѣсколько ударовъ кнутомъ...

— Вотъ нашъ баринъ какихъ лошадей держитъ...ословъ. На этихъ бы лошадяхъ воду возить, а не то, что на легкѣ ѣздить... Вонъ у Топоркова, вотъ такъ лашадки — радость!... А эта что? вонъ, кажется, ужь на порядкахъ бокъ-отъ прожарилъ, а много ли ходу-то прибавила... Эхма!... Полѣномъ бы тебя надо, а не то, что кнутомъ .. Ну ты, что ли... И Василій снова началъ бичевать несчастное животное.

— Въ городѣ, баринъ, въ трактирчикъ зайдемъ что ли?

— Нѣту, братъ, я не пойду...

— А какъ же? погрѣться-то... Нѣтъ, ужь зайдемъ, безъ этого нельзя... у насъ такое обыкновеніе сдѣлано: какъ въ городѣ, такъ и въ трактиръ... и тебѣ, вѣдь, тамъ не безчестно: вѣдь, не кабакъ... Я тебѣ всѣ покупки разомъ спроворю, хоть самъ и въ лавку не ходи... Только пришелъ... Алексѣй Герасимычъ, того и того нужно—отпустите: сейчасъ завернетъ, цѣну скажетъ, и сейчасъ почтенія, значитъ, магарычъ положитъ... Потому насъ тамъ знаютъ... Отъ насъ, вѣдь, имъ пожива хорошая: не мало въ годъ-то заберемъ... У насъ, вѣдь, всего много выходитъ годомъ-то... Я тебѣ, баринъ, по душѣ скажу: у насъ житье хорошо... Мы завсегда что баринъ, то и мы ѣдимъ, а водки этой, али вина у насъ безъ переводу, потому у насъ Марфа эта, вѣдь, дура... Только что скупа, да провизію бы до изгною изъ рукъ не выпустить, коли попалась ей въ руки, а у ней подъ носомъ воруй—не увидитъ и догадка не возьметъ... Поваръ теперь у нея на одного барина забираетъ, что пятерыхъ бы прокормить мож-

но... А не дай: сейчасъ все поваръ перепортитъ такъ, что въ ротъ нельзя взять; баринъ станетъ спрашивать: отчего не хорошо? ключница провизіи мало отпускаетъ, да и провизія застоялась—не годится... Ну, вотъ она и въ дуракахъ... А сказать барину боится, либо ужь такъ богобоязлива: никогда ни про кого не скажетъ... Да, пожалуй, и сказывай: у насъ баринъ добрый... Поругается, покричитъ, а никогда не прибьетъ... У насъ жизнь хороша!.. И дворня у насъ хороша: мы всѣ за одно живемъ... Поваръ теперь, Петруха... важный парень... Вина когда отъ кушаньевъ останется, али сахара царапнетъ, да чего ни на есть... всего то есть: пироговъ тамъ напечетъ, али колобковъ — всѣхъ угоститъ... У насъ этимъ хорошо!... А въ трактиръ, баринъ, зайдемъ погрѣться: безъ этого нельзя... И прикащикъ у насъ, все съ нами за одно: онъ съ мужиками тамъ управляйся, бей его, на то онъ прикащикъ, а двороваго пальцемъ тронуть не смѣй, потому я самъ сдачи дамъ... Я ему не подначаленъ: у меня баринъ есть... Мужику до барина далеко идти, да и мы не допустимъ, а я завсегда при баринѣ... Тронька онъ меня: я самъ знаю, какъ онъ хлѣбъ-отъ барскій воруетъ... И изъ прикащиковъ улетитъ... Ну и живемъ за-одно... У насъ жизнь хороша!... На-ка, баринъ, правь, а я трубочку закурю... Ты думалъ Василій-то разбойникъ... Нѣтъ, ты Василья-то узнай, ты съ Васильемъ-то подружись: я тебя всему научу... Ты къ нашему барину чаще ходи, онъ добрый... У насъ жить хорошо!... А то давеча вздумалъ въ двугривенномъ упираться... Надобно тебѣ отчетъ отдать!?... Ну, кто станетъ съ тебя отчета требовать?... Баринъ-то этого званія не возьметъ, чтобы усчитывать человѣка, а Марфа-то у насъ безсчетная: вели смекнуть сколько въ двухъ гривнахъ пятаковъ — не смекнетъ, ни за что не смекнетъ... Вотъ что, другъ любезный... Ты узнай Василья-то... что онъ есть за человѣкъ...

Никеша слушалъ Василья и думалъ самъ про себя: какъ же это? Неужто и самъ-дѣлѣ Яковъ Петровичъ ни отъ кого въ своихъ деньгахъ отчета не требуетъ?... Вѣдь, этакъ иной и не согрѣшилъ бы, да видитъ, что учета на него нѣтъ, такъ захочетъ попользоваться; все равно кто нибудь другой за него возьметъ же... Какъ же это такъ?... А и то сказать: дѣло большое, богатое, и не бережетъ, не дорожитъ своимъ добромъ, да и одинокій же... что ему?... Хм... такъ живетъ, безъ всякаго учета!... А ты до послѣдней копѣйки доходишь, да всякую въ

рукахъ-то подержишь, да подумаешь: изводить, али нѣтъ?... Вотъ оно что значитъ настоящее-то дворянское житье—лежи себѣ, заботушки не имѣй; знаешь, что всего не проживешь, денегъ изводи — не считай... Коли и украдутъ, такъ свои же крѣпостные; значитъ, все своимъ же попало... За то и тебя похвалятъ, и жизнью у тебя не посѣтуютъ... Вотъ бы хорошо какъ пожить... Да изъ-за чего и станетъ себя Яковъ Петровичъ безпокоить?... Все, чего ни пожелаетъ, всего у него довольно, недостатка ни въ чемъ не видитъ; лежи знай, да полеживай... И я, какъ бы мнѣ этакія души... развѣ бы я сталъ себя чѣмъ безпокоить... А хорошо около этакого господина держаться.... хошь бы и нашему брату, бѣдному человѣку..., Отъ него скорѣе что получишь... онъ скорѣе другаго не оставитъ... еще и предоставитъ что, пожалуй, подъ добрый часъ...

Въ городѣ Василій прямо подъѣхалъ къ знакомой лавкѣ.

— Вотъ гдѣ, баринъ, будемъ провизію закупать: тутъ самый знатный товаръ и купецъ намъ пріятель большой... значитъ, Алексѣй Герасимычъ... У него и погребокъ есть: и вина у него забираемъ... Пойдемъ.

Василій вошелъ въ лавку, какъ въ домъ какого пріятеля. Дружески поздоровался онъ съ купцомъ, хотя чисто русскимъ, но очень похожимъ на жидка. Низкопоклонный, привѣтливый и льстивый Алексѣй Герасимычъ, умѣлъ услужить всякому покупателю, если не товаромъ, то ласковымъ словомъ, шуточкой, прибауточкой, уваженіемъ и почтеніемъ. Онъ умѣлъ привлекать въ свою лавку покупателей изо-всѣхъ сословій. У него покупалъ и разсчетливый чиновникъ, которому онъ уступалъ товаръ за свою цѣну, «только для васъ, и подъ секретомъ, чтобы цѣны никому не сказывалъ»; и купецъ, для котораго были у него чаи лянсины, какіе угодно, съ самымъ душистымъ букетомъ и вина первѣйшихъ сортовъ, прямо изъ Москвы, неподдѣльныя, съ золотыми ерлыками, и которому все продавалось съ большою уступкою, потому: «съ кого другаго, а съ своего брата грѣшно большіе барыши брать.» Забѣгала къ нему и мѣщанка за фунтикомъ сахарка и осьмушкой чайку и удовлетворялась безъ задержанія, потому «для меня всякій покупатель дорогъ, говорилъ Алексѣй Герасимычъ, и большой и малый: всѣ покупатели меня оставь, меня одни мѣщане прокормятъ, даромъ, что забираютъ по малости: курочка по зернушку клюетъ, да сыта бываетъ...» Заѣзжалъ къ нему или засылалъ человѣка за покуп-

ками и помѣщикъ, которому все отпускалось безъ запроса и, пожалуй, въ долгъ сколько угодно: «запрашивать съ господъ нечего, они торговаться съ нашимъ братомъ не станутъ, это не кто другой: бери купецъ барыши, разумѣется, по божески, да только отпускай мнѣ товаръ, чтобы былъ хорошъ, потому у господина вкусъ не у кого другаго прочаго: дряни какой употреблять не захочетъ...»

Алексѣй Герасимычъ былъ монополистъ въ городѣ: онъ торговалъ всѣмъ и никому изъ своихъ собратьевъ не давалъ хода. Владѣя порядочнымъ капиталомъ, онъ не боялся понести временный убытокъ, лишь бы подорвать низкой цѣной на товаръ начинающаго и малосильнаго соперника.

— Ахъ, наше почтеніе, Василій Иванычъ, сказалъ купецъ, дружелюбно пожимая руку лакея. Что, за заборомъ, али такъ для другаго чего?... Все равно, милости просимъ.

— За заборомъ! отвѣчалъ Василій. Вотъ, баринъ, ты только скажи чего тебѣ велѣно купить, ужь Алексѣй Герасимычъ отпуститъ, и отвѣситъ, и завернетъ... А мы покамѣсь пойдемъ въ трактиръ: чаю напьемся...

— Нѣтъ, какъ же можно... Я долженъ все при себѣ принять... отвѣчалъ Никеша.

— Да вашей милости чего угодно?

— Да видишь ты, Алексѣй Герасимычъ, отвѣчалъ Василій за Никешу;—намъ отъ Якова Петровича приказано накупить разныхъ разностей... Ну, онъ какъ вновѣ... нашихъ порядковъ не знаетъ... Ну, вѣдь, я тебѣ, баринъ, толковалъ дорогой обо-всемъ... чего же тебѣ еще сомнѣваться?...

— Да это кто же такой? спросилъ Алексѣй Герасимычъ, отводя Василья въ сторону.

— Да онъ баринъ, то есть, считается... А какой баринъ: такъ, шамша... Къ нашему барину на проживку пріѣхалъ, ну и выпросился въ городъ... Ты на него не смотри: какой онъ баринъ... Ужь самый таковскій, бѣдность значитъ...

— Какъ въ пѣснѣ говорится: баринъ-дворянинъ самъ и пашетъ и оретъ, и съ крестьянъ оброкъ беретъ...

— То самое и есть... Только что оброка-то, кажись, не съ кого брать: бездушной, знашь... Ты, Алексѣй Герасимычъ, на него не смотри, ты знай меня: дай мнѣ два двугривенничка, да и пиши что тебѣ надо; только провизіи получше отпускай, чтобы безъ обмана... А забору на семьдесятъ рублевъ...

— Ужъ на этотъ счетъ сумнѣнія нѣтъ никакого... кажется, никогда васъ не обманывалъ... Съ тѣмъ отпускаемъ...

— Ну, ты мнѣ дай же два двугривенныхъ...

— Да это можно, ничего... Для друга можно...

— Семенъ, отпускай ихной милости что потребуется, да смотри изъ господскихъ сортовъ!—сказалъ Алексѣй Герасимычъ прикащику, вынимая деньги и отдавая Василью...

— Ну, Алексѣй Герасимычъ, еще ты меня уважь: четверочку табачку снабди...

— Не довольно ли будетъ?..

— Говорю тебѣ, ничего... Не сумнѣвайся...

И это требованіе Василья было исполнено.

— Ну, баринъ, коли не хочешь идти со мной — оставайся здѣсь, выбирай, а я пойду: надо чайку напиться, безъ этого нельзя...

— Да какъ же вы пойдете; вѣдь, вамъ велѣно выбрать?...

— Нечего тутъ выбирать: Алексѣй Герасимычъ лучше нашего знаетъ въ товарѣ; намъ съ тобой этакъ не выбрать...

— Да не извольте, сударь господинъ, безпокоиться, вмѣшался купецъ: у насъ обмана не бываетъ, мы безъ обмана торгуемъ. Къ намъ господа за сто верстъ присылаютъ, на цѣлый годъ вдругъ провизію забираютъ, и довольны остаются... А эти господа намъ короткіе знакомые, завсегда у насъ покупаютъ, станемъ ли мы ихъ обманывать?...

Никеша ничего не возражалъ, но не рѣшился идти съ Васильемъ.

— Ну, коли такъ, оставайся здѣсь: мнѣ все равно, а я пойду, мнѣ даромъ время проводить нечего!—сказалъ Василій, и вышелъ изъ лавки.

Никешѣ дана была записка о всемъ, что слѣдовало купить въ городѣ, написанная рукою земскаго, который тоже по обычаю, имѣлся при усадьбѣ Комкова, какъ классная должность, установленная по штату барскаго двора; и также велъ книги о посѣвѣ и урожаѣ, приходѣ и расходѣ, хотя этихъ книгъ никто никогда не читалъ и не повѣрялъ. Никеша отдалъ записку купцу. Тотъ тотчасъ же началъ отвѣшивать всего требуемаго, объявляя Никешѣ цѣну; о многомъ, что тутъ было написано, Никеша не имѣлъ никакого понятія и не могъ судить дорого или дешево проситъ продавецъ; но зная свою обязанность охранять интересы своего довѣрителя, находилъ, что объявляемая цѣна

дорога и предлагалъ дешевѣйшую; но на всё получалъ одинъ короткій и непривѣтливый отвѣтъ: мы, господинъ, торгуемъ безъ запросу! Никеша не зналъ что̀ возражать, и по неволѣ молчалъ. Когда такимъ образомъ всё, что нужно, было отвѣшено и завязано, Алексѣй Герасимычъ, называя каждую вещь и указывая на нее пальцомъ одной руки, другою проворно перекидывалъ кости на счетахъ, и подведя итогъ, объявилъ его Никешѣ, который стоялъ совершенно смущенный, и досадовалъ на себя, что взялъ непосильное порученіе: по счету сумма превышала соображенія Марфы.

— Какъ же такъ? Вы много насчитали! проговорилъ Никеша.

— Точно такъ-съ, вѣрно! рѣшительно отвѣчалъ купецъ. Извольте сами прокинуть! прибавилъ онъ, опрокидывая кости и подавая счеты Осташкову. Никеша началъ самъ выкладывать медленно и осторожно, какъ считаютъ мужики, мало привыкшіе къ счетамъ. Купецъ посматривалъ на него изъ подлобья, съ лукавой улыбкой.

— Да вы очень дорого все полагаете...

— У насъ безъ запроса-съ...

— Вотъ Марфа Ивановна говорила, чтобы икры-то взять по шести гривенъ за фунтъ, а вы просите по 75 копѣекъ.

— Можетъ быть, другой сортъ-съ; а этотъ нельзя. Я бы отпустилъ кому другому и въ 60 копѣекъ икру, а сюда по знакомству не могу-съ, потому господа кушать не будутъ, не понравится... Сами не будете довольны.

Какъ ни бился Никеша, какъ ни пыхтѣлъ, но долженъ былъ заплатить требуемыя деньги.

— Да и то сказать, думалъ онъ: объ чемъ я хлопочу-то: вѣдь, повѣрять не будутъ... Лучше бы давеча въ трактиръ идти, да чаю напиться... Однако бы себѣ удовольствіе получилъ, а всё равно ничего же не выторговалъ.

Но это были только мысли, которыя Никеша не рѣшился бы, пока, привести въ дѣйствіе: онъ еще не былъ увѣренъ точно ли его не станутъ повѣрять, и можно ли безъ позволенія тратить на себя чужія деньги, назначенныя для другаго употребленія.

Цѣлый часъ пропадалъ Василій, наконецъ явился, не твердо стоя на ногахъ, съ краснымъ лицомъ и посоловѣвшими глазами.

— Ну готово ли? спросилъ онъ.

— Давно ужь все готово! отвѣчалъ купецъ. И ты, братъ,

видно, тоже готовъ! прибавилъ онъ, съ усмѣшкой, придавая особенный смыслъ послѣднему слову.

— Я, братъ, готовъ, Алексѣй Герасимычъ, совсѣмъ! отвѣчалъ Василій, ухмыляясь и пошатываясь.

— Ну, баринъ, забирай покупи, да поѣдемъ. Прощай, Алексѣй Герасимычъ!... Спасибо, что не дорого отпустилъ... Хи...

— На предки милости просимъ...

— И на предки не оставлю...

Когда поѣхали въ обратный путь, Никеша сказалъ Василью:

— А, кажется, онъ за все лишняго взялъ...

— А ну вотъ бѣда велика... Изойдетъ... Ничего... Я тебѣ все растолковалъ: чего тебѣ еще надо? Не хотѣлъ со мной въ трактиръ идти,—ну, какъ хочешь... Слушай, баринъ, ты теперь дорогу домой знаешь: возьми вожжи—правь, а я покамѣсь сосну... А къ селу подъѣдемъ—ты меня разбуди, безпремѣнно разбуди: потому надо опохмѣлиться... А то, баринъ, пожалуй, замѣтитъ, что былъ пьянъ,—не хорошо... Что не хорошо, такъ не хорошо!... Нечего тутъ, я люблю правду говорить... А ты ничего не моги барину сказать... Слышь: ничего не моги, а то я и на тебя то наскажу, что тебя въ домъ пускать не будутъ... Никакъ не моги!... Ну, правь же, а я усну... Поѣзжай съ Богомъ!...

И Василій чрезъ минуту уже храпѣлъ. Послушный Никеша правилъ лошадью.

— Эко житье этимъ лакеямъ, думалъ Никеша. Лучше моего!. Какъ можно, гораздо лучше!... Я долженъ работать, хлѣбъ себѣ добывать, а у нихъ только и дѣло, что пьютъ да ѣдятъ... И ни о чемъ нѣтъ ни горюшки, ни заботушки: все про все готовое... припасёное... Да, вотъ, холопская кровь какъ живетъ; а я и дворянская кость, да долженъ самъ про себя работать!... А, вѣдь, онъ слуга, а я господинъ... У, кабы у меня были свои слуги... Я бы ужь на нихъ полежалъ... Я бы рукой изъ-за нихъ не переложилъ...

Когда Никеша воротился въ усадьбу Комкова, тамъ были ужь гости. Онъ принесъ Марфѣ свои покупки, и просилъ, чтобы она приняла ихъ отъ него.

— Ну, положите ихъ туто-тка: ужó, вѣдь, надобно же будетъ всего подавать. Я тогда и посмотрю, а теперечка некогда.

— Ну, Марфа Ивановна, денегъ-то я издержалъ больше,

чѣмъ вы велѣли... Торговался, торговался съ купцомъ-то никакъ не уступаетъ...

— Ну, чтó дѣлать-то... батюшка... Ужь какъ быть-то?... Не уступаетъ, такъ нечего дѣлать... Купцы извѣстно народъворы.

— Такъ какъ же бы, Марфа Ивановна, сосчитаться-то намъ?

— Да чего тутъ , батюшка , считаться-то: положите тутъ сдачу-то, я ужо возьму... Чтó считаться: себѣ не возьмете, а которыя деньги извели, тѣхъ ужъ не воротишь... Положь , батюшка, тутъ: больно ужъ мнѣ не слободно... Народецъ-то нашъ божескій... Гости въ домѣ, а ихъ никого не сыщешь: ворочайся одна... Согрѣшила я, грѣшная!... Ужъ такая воля дана, такая воля... ни на что не похоже!... Совсѣмъ распустили дворню... Только отъ грѣха отходишь , что не жалуешься барину... Подь, батюшка, къ гостямъ...

— Ну, значитъ нечего про Василья и говорить, что двугривенный далъ... подумалъ Никеша.

При входѣ въ залу, Осташковъ былъ встрѣченъ общими восклицаніями хозяина и его гостей.

— Ну что, Осташковъ, всего ли ты намъ накупилъ? спрашивалъ Комковъ.

— Всё искупилъ, Яковъ Петровичъ, что приказано.

— Ну, вотъ, братецъ, молодецъ! Спасибо!...

— А много ли укралъ, Осташковъ? спросилъ Тархановъ. Признайся...

— Меня не съ тѣмъ посылали! отвѣчалъ Осташковъ, обидѣвшись. Вы бы меня изволили сосчитать, Яковъ Петровичъ...

— Сосчитать !... Ну , братъ Осташковъ , это не по моей части ! отвѣчалъ Комковъ со смѣхомъ. У меня и экономка такая заведена нарочно, чтобы счета не знала...

— Одначе за чѣмъ же обижать, Яковъ Петровичъ: я этого не желаю...

— А, каковъ господа, Осташковъ, замѣтилъ Рыбинскій: какъ онъ сталъ поговаривать... Каковъ!

— А вы знаете, мосьё Осташковъ, какъ долженъ поступить дворянинъ, если его назоветъ въ лицо воромъ другой дворянинъ?..

— Бѣднаго человѣка можно завсегда обидѣть! уклончиво отвѣчалъ Никеша.

— Нѣтъ! Бѣдный дворянинъ долженъ еще болѣе дорожить своею честью и, если ему нанесли обиду, онъ долженъ её

смыть кровью своего обидчика. И такъ вы, какъ дворянинъ, обязаны вызвать Тарханова на дуэль, то есть: или драться съ нимъ на сабляхъ, шпагахъ, или стрѣляться; въ противномъ случаѣ мы имѣемъ право вѣрить Тарханову и считать васъ воромъ... А въ такомъ случаѣ вы не можете быть въ нашемъ обществѣ...

— Божусь истиннымъ Богомъ, я ни копѣечкой не попользовался, и сдачу Марфѣ Ивановнѣ отдалъ: извольте хоть обыскать меня... Это точно, что Василій... оправдывался Никеша, но Тархановъ прервалъ его.

— Господа, сказалъ онъ, я снова и торжественно объявляю, что Осташковъ укралъ нѣсколько копѣекъ изъ денегъ Комкова и въ доказательство своихъ словъ готовъ принять вызовъ Осташкова, готовъ драться съ нимъ на смерть и на чемъ угодно...

— Слышите, мосьё Осташковъ: вы должны стрѣляться съ Тархановымъ на разстояніи пяти шаговъ: то есть, сначала выстрѣлитъ въ васъ Тархановъ изъ пистолета... или изъ ружья, все равно: пистолетовъ, я думаю, не отыщешь у Комкова... А потомъ, если Тархановъ промахнется и не убьетъ васъ, тогда вы въ него выстрѣлите и убьете его...

— Я на смертоубивство не согласенъ, а извольте сосчитать меня; и если я виноватъ хоть въ копѣйкѣ, прикажите меня наказать, какъ угодно...

— Какъ вамъ не стыдно, мосье Осташковъ! Потомокъ древняго знаменитаго рода бояръ и, вѣроятно, князей Осташковыхъ, такой трусъ. Нѣтъ, вы обязаны стрѣляться съ Тархановымъ, иначе не захочемъ васъ знать; никто изъ насъ не пуститъ васъ въ домъ... Эй, человѣкъ можно, братецъ, достать здѣсь два ружья?

— Очень можно-съ! отвѣчалъ лакей.

— Ну, поди принеси два ружья, пороху и двѣ пули... Мы здѣсь зарядимъ.

— Какъ угодно, я на это не пойду, чтобы въ человѣка стрѣлять... Это я сказываю, что Василій, ихный, Якова Петровича человѣкъ, выпросилъ у меня двугривенный, это я виноватъ—далъ ему, а больше я ни въ одной копѣйкѣ не покаюсь Денежка... какова денежка... и той не покорыствовался...

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, но вы оклеветаны, оскорблены... накажите клеветника, убейте его и кровью омойте обиду... Если бы вы въ самомъ дѣлѣ были воръ, я и го-

ворить бы не сталъ съ вами; но такъ какъ васъ обидѣли, оскорбили,—вы должны отмститъ за себя... омыть свою честь...

— Я лучше согласенъ на себѣ перенести: я человѣкъ бѣдный... Бѣднаго человѣка можно обидѣть...

— Стыдитесь мосье Осташковъ!... вспомните, что ваши предки были стрѣльцы... а вы боитесь стрѣляться!... Фи!... Вы не достойны быть между нами; мы исключимъ, изгонимъ васъ...

Въ это время воротился слуга и принесъ ружья.

— Господа, я объявляю себя секундантомъ Осташкова; кто со стороны Тарханова?

— Я, отвѣчалъ Рыбинскій.

И они стали заряжать ружья.

Никеша думалъ сначала, что надъ нимъ шутятъ, но когда увидѣлъ, что ружья стали заряжать,—онъ испугался и поблѣднѣлъ... Въ страхѣ онъ не замѣтилъ, что пули не были положены въ ружья, а ловко спрятаны секундантами.

— Ну, господа, готово! сказалъ Неводовъ, вставая. Гдѣ вы будете стрѣляться: здѣсь, въ комнатахъ, или на улицѣ?

— Я думаю лучше здѣсь, а то много будетъ постороннихъ зрителей.

— Ну, въ такомъ случаѣ длина этой комнаты пусть будетъ разстояніе между вами... Господинъ Тархановъ, не угодно ли вамъ занимать свое мѣсто...

Тархановъ взялъ ружье и сталъ у стѣны...

— Ну, Осташковъ, становись и стрѣляй, если ты не воръ и не трусъ! сказалъ онъ.

Но Никеша не бралъ въ руки ружья, которое подавалъ ему Неводовъ и не двигался съ мѣста, блѣдный, перепуганный.

— Ну, Осташковъ , что же вы?... Или стрѣляйтесь, или вы трусъ и воръ, и будете съ безчестьемъ изгнаны изъ нашего общества... И я скажу вашей тещѣ, вашей тетенькѣ, разглашу по всему уѣзду, что вы воръ и негодяй, котораго не слѣдуетъ пускать ни въ одинъ порядочный домъ... Становитесь же и стрѣляйте, если не хотите этого сраму...

— Помилуйте... какъ же я могу?... Я не желаю этого... это смертоубивство... За что же-съ?... Я ни въ чемъ не виноватъ... Извольте сосчитать... Чѣмъ я такъ несчастенъ?... лепеталъ растерявшійся Никеша.

— Отойдите, Неводовъ... Все равно—я стрѣляю... Если оста-

нется живъ, онъ можетъ въ меня выстрѣлить... сказалъ Тархановъ, и сталъ медленно прицѣливаться въ Никешу.

Смертная блѣдность разлилась по лицу Никеши, когда онъ увидѣлъ наведенное на него ружейное дуло; онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, ноги его подогнулись и онъ упалъ на колѣни.

— Простите, не погубите... Батюшки... Что это... Чѣмъ я провинился... кричалъ онъ жалобно и со слезами...

— Будетъ бы ужъ... Что его мучить!... проговорилъ молчаливый Топорковъ. Долго ли до бѣды... Но Тархановъ спустилъ курокъ, выстрѣлъ грянулъ, Никеша страшно закричалъ и повалился на полъ... Комната наполнилась дымомъ... Взрослые шалуны весело хохотали; но Никеша лежалъ неподвижно и безмолвно.

— Ну, полно, вставай, трусъ: вѣдь, еще не совсѣмъ убитъ, живъ... говорилъ Тархановъ, подходя и толкая Никешу въ бокъ; но тотъ не шевелился.

Велѣли его поднять: онъ былъ безъ чувствъ.

— Вотъ, я говорилъ, что до бѣды! замѣтилъ Топорковъ.

— Ничего, опомнится, возразилъ Тархановъ: окатите его хорошенько! приказалъ онъ слугамъ.

Никешу вынесли. Нѣсколько ведеръ воды едва могли возвратить его къ сознанію; но бѣднякъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Слуги подсмѣивались надъ его страхомъ и объясняли, что господа, вѣдь, только хотѣли *пошутить* надъ нимъ для забавы, а не для чего другаго.

Нѣсколько оправившись, Никеша вышелъ къ своимъ мучителямъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ проситься домой. Господа играли въ карты, игра шла горячая, а потому на него мало обратили вниманія; только вскользь замѣтили, что онъ трусъ, и велѣли выпить водки, вскользь же поострился и Неводовъ, внушая Никешѣ, что трусость есть величайшій порокъ, а тѣмъ болѣе въ потомкѣ знаменитыхъ предковъ, и что съ нимъ нарочно была давеча сыграна эта шутка, чтобы пріучить его къ мужеству и показать какъ дворянинъ долженъ держать себя, если его обидятъ... Никеша болѣзненно улыбался и, выбравши минутку, намекнулъ Комкову, что ему бы пора домой...

— Н-н, братъ, нѣтъ, и не думай; я тебя раньше недѣли не отпущу... отвѣчалъ Комковъ.

— Да надо бы домой-то... Яковъ Петровичъ...

— Пустяки, тебѣ нечего дома дѣлать...

— Какъ, батюшка, нечего: тоже мной домъ держится... Я одинъ мужчина-то въ дому; безъ меня, чай, все стало..

— Полно врать: и безъ тебя обойдутся...

— Вѣдь, вотъ ужь я цѣлую недѣлю уѣхалъ изъ дому-то: я думаю, сомнѣваются обо мнѣ...

— Да что имъ объ тебѣ сомнѣваться: какъ бы ты былъ боленъ, я бы тебя отправилъ домой; а теперь, слава Богу, ничего... И сомнѣваться нечего... Пустяки, братецъ, пустяки... Хочешь—поди, пожалуй, пѣшкомъ...

— Батюшка, я бы и пѣшкомъ пошелъ, да и дороги-то не знаю отсюда: тоже, вѣдь, верстъ на пятьдесятъ отъ дома-то заѣхалъ...

— Ну, а лошади не дамъ теперь... Еще погости...

— Полно, Осташковъ, что тебѣ дома дѣлать, вмѣшался Тархановъ: на-ка вотъ тебѣ синенькую, на твое счастье сейчасъ большую карту взялъ.

И Тархановъ подалъ Никешѣ ассигнацію: онъ былъ въ большомъ выигрышѣ, Рыбинскій напротивъ проигрывалъ.

— Ставлю и я на счастье Осташки, сказалъ послѣдній. Какой ты король? бубновый! Ва-банкъ!...

Рыбинскій взялъ карту.

— Браво, Осташа! На вотъ тебѣ! И двадцати-пяти рублевая ассигнація, брошенная Рыбинскимъ, упала въ руки Никеши. Глаза его загорѣлись и повеселѣли: онъ съ чувствомъ поцѣловалъ Рыбинскаго въ плечики.

Съ этой карты счастье измѣнило Тарханову: онъ началъ проигрывать и спустилъ всѣ деньги.

— Дай-ка, Осташковъ, мою синюгу, сказалъ онъ ему: не отыграюсь ли на неё.. Ворочу проигрышъ, дамъ десять рублей.

Но черезъ минуту и этой синенькой не стало.

— Чортъ тебя дери: лежалъ бы ты лучше тамъ безъ памяти! съ сердцемъ сказалъ Тархановъ. Дай мнѣ взаймы: что тебѣ далъ Рыбинскій?... Никеша замялся.

— Ну, что ты?... Не отдамъ что ли? Отыграюсь—вдвое получишь.

Никеша не смѣлъ возражать и подалъ деньги дрожащими руками: и бѣленькая бумажка, какъ сонъ, какъ радостное видѣніе мелькнуло въ глазахъ Никеши.

— Ну, нечего дѣлать! Считай за мной! сказалъ Тархановъ.

Слёзы застилали глаза опечаленнаго бѣдняка.

— Что же вы его обобрали?... замѣтилъ Топорковъ.

— Что за обобралъ .. Отдамъ послѣ: не пропадетъ за мной... Обобралъ!... Что за выраженія, Топорковъ... Плюхи тебѣ захотѣлось что ли?...

— Плюхи!?... Я самъ въ долгу не останусь... Я не беру взаймы безъ отдачи!... отвѣчалъ Топорковъ, насупясь и смотря въ землю.

— Что-о? грозно спросилъ Тархановъ, подступая къ Топоркову.

— Что это, господа, не подружески, вмѣшался Комковъ: ссору что ли затѣвать...

— Ну, ну, господа: что за вздоръ! сказалъ Рыбинскій. На вотъ тебѣ возьми! прибавилъ онъ, бросая Никешѣ двадцать пять рублей.

— Это что еще? что за благодѣянія? я самъ отдамъ... Не бери, Осташковъ... горячился Тархановъ.

— Ну, ну, Тархановъ!... Безъ шума!.. Я отъ себя даю!... не за васъ!...

— Да что это такое за повелительный тонъ: ну! ну!... Я самъ такой же дворянинъ, какъ и вы!...

— Можетъ быть!... Только совѣтую со мной не связываться!... спокойно отвѣчалъ Рыбинскій, выразительно смотря на Тарханова, и двумя пальцами согнулъ золотой, который въ это время ставилъ на карту.

— Обидѣть себя я никому не позволю: мнѣ все равно кто бы то ни былъ... Мнѣ никто не смѣй говорить дерзостей... Какъ онъ смѣлъ сказать , что я обираю Осташкова!—говорилъ Тархановъ, отходя отъ карточнаго стола, но ему уже никто не возражалъ, какъ будто не слыхали его послѣднихъ словъ.

Тархановъ видимо боялся Рыбинскаго и говорилъ только для того, чтобы отступить съ меньшимъ стыдомъ. Нѣсколько времени онъ, молча и сердито, походилъ по комнатѣ, потомъ съ мрачнымъ лицомъ подошелъ опять къ играющимъ, а черезъ часъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Никеша не отходилъ отъ Рыбинскаго, и безпрестанно, ощупывалъ карманъ, въ которомъ лежали деньги.

Азартность игроковъ постепенно возрастала: вскорѣ уже не двадцати-пяти рублевыя ассигнаціи, но цѣлыя сотни и тысячи рублей ставились на карту и переходили изъ рукъ въ руки. Самыми упорными и горячими противниками оставались Рыбинскій и Неводовъ. Послѣдній часто выходилъ изъ себя , не умѣлъ скрывать радости, когда выигрывалъ, и досады при проигры-

шѣ; Рыбинскій спокойно удвоивалъ, утроивалъ и безъ того уже крупные куши, равнодушно подвигалъ къ себѣ деньги, когда выигрывалъ, оставался совершенно хладнокровенъ и спокоенъ, когда торжествовалъ противникъ. Никеша съ трепетомъ, съ невольнымъ замираніемъ сердца смотрѣлъ на огромныя, невиданныя имъ дотолѣ, кучи денегъ; иногда у него захватывало духъ въ ожиданіи, на чью сторону упадетъ карта; съ крайнимъ удивленіемъ видѣлъ спокойствіе Рыбинскаго, съ полнымъ искреннимъ сочувствіемъ раздѣлялъ тревожныя душевныя движенія Неводова. Впрочемъ, надобно правду сказать, его болѣе всего привлекала къ карточному столу надежда получить что нибудь отъ играющихъ; но напрасно онъ сидѣлъ два дня и двѣ ночи около игроковъ, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ: его какъ будто забыли; пробовалъ было онъ и предлагать поставить карточку на его счастье, но и это не удалось: Неводовъ послушался было его, проигралъ и съ сердцемъ прогналъ прочь Никешу.

Гости прожили у Комкова три дня и во всё это время непрерывно продолжалась горячая игра; на четвертый день начали разъѣзжаться. Никеша просилъ было, чтобы кто нибудь взялъ его съ собой, чтобы отправить домой, но Комковъ рѣшительно объявилъ, что онъ долженъ погостить у него еще нѣсколько дней. Никеша попробовалъ было возражать на это требованіе, но его не хотѣли слушать—и онъ остался.

Пять дней держалъ его Комковъ у себя. Оставшись съ глаза на глазъ, сначала они бесѣдовали нѣсколько часовъ, но скоро предметы для разговора истощились,—и собесѣдники проводили время молча. Комковъ лежалъ на диванѣ, поворачиваясь съ боку на бокъ, покряхтывая и потягиваясь; а Никеша сидѣлъ около него на стулѣ, смотря во всѣ глаза на хозяина и ожидая, не можетъ ли чѣмъ нибудь услужить ему.

День проходилъ такимъ образомъ: проснувшись поутру, Комковъ тотчасъ же пилъ чай, лежа въ постели, неумытый. Эта операція продолжалась очень долго, такъ что Никеша успѣвалъ въ продолженіи ея вычистить и снова набить отъ 10 до 15 трубокъ табаку, которыя Яковъ Петровичъ и выкуривалъ одну за другою. Затѣмъ онъ умывался и требовалъ завтрака. Завтракъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ,—жирныхъ, масляныхъ, сытныхъ,—такъ что вполнѣ могъ бы замѣнить обѣдъ. Комковъ ѣлъ много и аппетитно; Никеша, у котораго аппетитъ былъ тоже исправный, сначала церемонился ѣсть много, но ко-

гда Комковъ растолковалъ ему, что тотъ, кто мало ѣстъ у него въ гостяхъ, оскорбляетъ его, а, напротивъ, тотъ, кто ѣстъ много, дѣлаетъ ему особенное удовольствіе и даже отчасти одолженіе, возбуждая его собственный аппетитъ,—тогда Никеша пересталъ стѣсняться и кушалъ вдоволь.

Плотно позавтракавши, закуривши трубку, и снова растянувшись на диванѣ, Комковъ обыкновенно предлагалъ такой вопросъ:

— Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать, Осташковъ?

— Что вамъ угодно, батюшка, Яковъ Петровичъ... отвѣчалъ тотъ.—Да ужь нельзя ли бы меня домой отправить?..

— И, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, вздоръ!... не пущу...

— Право, пора бы, благодѣтель: домашніе-то, чай, безпокоятся очень...

— Ну, пріѣдешь, такъ успокоятся...

— Да и дѣло-то, чай, тамъ все стало...

— Ну, какое у тебя тамъ дѣло... Перестань врать... Что, развѣ тебѣ у меня нехорошо, что-ли?

— Какъ это можно, батюшка, Яковъ Петровичъ... Могу ли я только это себѣ въ голову взять... Не то, что нехорошо, а ровно въ царствіи небесномъ...

— Ну, такъ что тебѣ... и погости еще, оставайся...

И Никеша оставался охотно, приговаривая только, приличія ради:—Васъ-то бы какъ не обезпокоить, благодѣтель...

Для сокращенія длинныхъ часовъ между завтракомъ и обѣдомъ, Комковъ взялся было обучить Никешу игрѣ въ бостонъ, но ученикъ оказался рѣшительно неспособнымъ понять её. Банкъ ему скорѣе дался—и Никеша съ удовольствіемъ металъ карты направо и налѣво, между тѣмъ какъ Комковъ ставилъ огромные куши и не лѣнился записывать выигрышъ свой и банкомета. Никеша началъ принимать въ этой игрѣ тѣмъ большее участіе, когда Комковъ обѣщалъ ему уплатить за каждый выигранный имъ рубль одну сотую копѣйки, предоставляя впрочемъ ему самому смекать, сколько придется получить, когда случалось Никешѣ выигрывать. Это бывала для Осташкова самая мучительная, головоломная работа, какой онъ никогда не предавался въ своей жизни. Отъ умственнаго напряженія онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и потъ выступалъ изъ всѣхъ поръ его тѣла; а Комковъ хохоталъ, смотря на мученика любостяжанія.

Послѣ обѣда оба они—и гость и хозяинъ—предавались довольно продолжительному сну, вплоть до самаго вечерняго чая. Ве-

черомъ часто навѣщалъ Якова Петровича священникъ изъ сосѣдняго села, и тогда бесѣда оживлялась.

Посѣщеніе этого священника было единственное обстоятельство, нарушавшее однообразіе тѣхъ пяти дней, которые провелъ Никеша у Комкова послѣ отъѣзда гостей. Эта однообразная, мирная и спокойная жизнь, поглощаемая только ѣдою, питьемъ, спаньемъ и лѣнивыми разговорами , была совершенно по душѣ Осташкова: лучшаго онъ ничего бы не желалъ въ жизни. Природная безпечность, подавленная заботливой теткой, совершенно овладѣла имъ на свободѣ; и онъ послѣдніе два дня пребыванія у Комкова даже и не вспоминалъ о домѣ. Но самъ хозяинъ, наконецъ, соскучился сидѣть дома и надумалъ опять ѣхать въ гости. Объявивши объ этомъ Никешѣ, онъ велѣлъ и ему собираться домой, если хочетъ. По собраннымъ справкамъ оказалось, что Никеша гостилъ отъ дома въ 40 верстахъ. Для него была наряжена нарочная подвода. Комковъ подарилъ ему старый бекешъ свой съ мѣховымъ воротникомъ, и Никеша, облобызавши ручки благодѣтеля, отправился домой, счастливый и довольный, мечтая о томъ, какое онъ произведетъ дома впечатлѣніе подарками и деньгами, которыя везетъ съ собой, и помышляя съ неудовольствіемъ о трудахъ, которые его ожидали и которые представлялись ему очень тягостными послѣ двухъ недѣль праздности, бездѣйствія, обжорства и лѣни.

Никеша дѣйствительно былъ встрѣченъ своими домашними съ распростертыми объятіями, чуть не со слезами: объ немъ такъ сильно безпокоились, что уже собирались ѣхать отыскивать его. Привезенные имъ подарки и деньги дѣйствительно возбудили и удивленіе и радость. Но ужь Никеша былъ не прежній послушный, молчаливый, работящій малый. Онъ началъ посматривать на родныхъ своихъ свысока, потому что и они стали смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ. Въ первый день по пріѣздѣ домой онъ и не подумалъ заняться какой нибудь работой ; на другой день проспалъ дольше обыкновеннаго; и даже ругнулся, когда тетка хотѣла было разбудить его,—чего съ нимъ прежде никогда не бывало. И всѣ слѣдующіе дни Никеша работалъ уже вовсе не такъ, какъ прежде, и то какъ будто изъ снисхожденія или изъ милости къ прочимъ домашнимъ, точно дѣлалъ не для самаго себя и не свое дѣло, а чужое. Тетка не рѣшалась уже по прежнему приказывать и настаивать: она точно стала бояться или совѣститься Никеши, точно вдругъ почувствова-

ла, что онъ глава дома, полный хозяинъ, а сама она живетъ у него на хлѣбахъ. На привезенныя деньги хотѣли было сдѣлать какое-то улучшеніе по хозяйству; но Никеша рѣшительно сказалъ, что на эти деньги нужно купить самоваръ, что онъ необходимо нуженъ, что ему никакъ нельзя жить безъ самовара, что можетъ когда и господа къ нему наѣдутъ, а у него и самовара нѣтъ; а другая нужда не уйдетъ, только съѣздить опять къ господамъ, они опять не оставятъ. Всѣ согласились съ Никешей, и самоваръ былъ купленъ.

Любимымъ занятіемъ Никеши въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду было одѣваться то въ одно, то въ другое платье, подаренное господами, и показываться домашнимъ. Самый торжественный день въ его жизни насталъ, когда въ первое же воскресенье по пріѣздѣ онъ пошелъ въ свою приходскую церковь въ бекешѣ — подаркѣ Комкова. Онъ ногъ не слышалъ подъ собой, стоя въ церкви и безпрестанно оглядывая самаго себя съ ногъ до головы. Гордо посматривалъ онъ на сѣрые армяки и нагольные полушубки, окружавшіе его и столько ему знакомые; а сѣрые армяки лукаво переглядывались съ полушубками и улыбались, потряхивая головами и переминаясь съ ноги на ногу. Отецъ и братъ недоброжелательно и завистливо смотрѣли на Никешу, что впрочемъ Александру Никитичу не помѣшало черезъ нѣсколько времени попросить у сына денегъ, но денегъ уже не было, Никеша отказалъ отцу и тотъ ушелъ отъ него, окончательно озлобленный противъ него. Братъ Иванъ обѣщался даже при случаѣ поколотить Никешу и высказывалъ это намѣреніе вслухъ, на что отецъ только молча улыбался. Но домашніе, любуясь на наряды Никеши, и гордясь его новыми знакомствами, чувствовали, что работы у нихъ прибыло, потому что Никеша, видя возможность и дома полѣниться, предпочиталъ лучше лежать на печи, нежели дѣлать дѣло; а проживши дома недѣли двѣ, соскучился, и вдругъ, заложивши лошадь въ сани, завязавши въ узелокъ все свое хорошее платье, опять уже безъ приглашенія поѣхалъ искать отдыха и денегъ у своихъ новыхъ знакомыхъ благодѣтелей. Домашніе не возражали ему, надѣясь, что онъ опять воротится не съ пустыми руками, и покорно, великодушно приняли на себя исполненіе всѣхъ мужскихъ обязанностей по домашнему хозяйству... А Прасковья Ѳедоровна даже радовалась, что Никеша самъ рвется къ господамъ, въ свою настоящую компанію, и отвыкаетъ отъ мужицкой...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Тихій весенній вечеръ спускался на землю. Послѣ дневной жары въ воздухѣ разливалась отрадная прохлада и вѣяло запахомъ скошеннаго сѣна. Красное солнце только что погасло на небѣ, но огненный слѣдъ его еще горѣлъ вечерней зарею и освѣщалъ землю, обѣщая ей и на завтра вёдреный день. Тихо и безмолвно все было въ природѣ, лишь изрѣдка поскрипывалъ въ травѣ коростель, ожидая своихъ любимыхъ потёмокъ, да стрижъ, рѣзко выкрикивая, стрѣлой разсѣкалъ воздухъ и съ размаха влеталъ подъ застрѣху своего сарая, да лягушки булькали въ водѣ или, выставляя изъ нея свои одутловатыя морды, выпускали отрывочныя трели, точно пробовали голосъ, приготовляясь къ ночному концерту. Молча смотрѣли другъ на друга Стройки и Охлопки, чрезъ раздѣлявшую ихъ рѣчку, и казались совершенно пустыми. Стройковскіе мужики и бабы всѣ были на работѣ: сѣнокосъ стоялъ въ полномъ разгарѣ, и всѣ торопились воспользоваться благопріятной погодой; даже малые ребятишки—и тѣ помогали сгребать сѣно, въ тоже время весело кувыркаясь черезъ душистыя копны. Въ Охлопкахъ главныхъ хозяевъ тоже не было дома: Никеша уѣхалъ къ благодѣтелямъ попросить человѣчка на помочь въ предстоящемъ сѣнокосѣ, а отецъ съ сыномъ Иваномъ ушли въ луга, но не для того, чтобы косить, а чтобы выдѣлить косяки, запроданные еще по зимѣ двумъ стройковскимъ мужикамъ. При этомъ выдѣлѣ перешла въ чужія руки

цѣлая половина изъ Никешиной доли. Послѣдній объ этомъ ничего не зналъ и весело проводилъ время у благодѣтеля, обѣщавшаго дать ему помощника на сѣнокосъ, между тѣмъ какъ чужая коса уже сверкала по его сочной травѣ. Утѣшая себя надеждой, что нынче, по милости благодѣтеля, онъ живо управится съ работой, Никеша не торопился домой. Правда, для сѣнокоса была настоящая пора: у добрыхъ людей гумна давно были подкошены и трава съ нихъ высушена; правда, заботливая Наталья Никитишна не разъ совѣтовала Никешѣ сходить къ отцу, попросить его развести косяки (потому что Никеша и до сихъ поръ не былъ еще совершенно отдѣленъ и земля находилась въ общемъ владѣніи), да и приниматься поскорѣе за сѣнокосъ; и Никеша послушался—ходилъ одинъ разъ, но отецъ на него только прикрикнулъ: — что тебѣ прежде людей надо! что больно прытокъ сталъ? развѣ я не знаю, когда время придетъ косить... успѣешь еще!... Ишь ты!.. Никеша не сталъ возражать и отправился искать помощника къ предстоящему сѣнокосу. Александръ Никитичъ съ Иваномъ, въ дружелюбномъ разговорѣ между собою, до сей поры находили, что время для сѣнокоса еще не ушло.—Вотъ паровое запашешь, да и за сѣнокосъ приниматься надо! поговаривалъ отецъ.—А вотъ запашу... Еще успѣемъ: время-то не ушло... отвѣчалъ сынъ.—Знамо, не ушло! соглашался отецъ.

Заботливое женское поколѣніе семейства Никеши тужило про себя, видя, какъ люди опережаютъ ихъ во всякой работѣ, но помочь дѣлу было нечѣмъ; выйдетъ Наталья Никитишна за водой на рѣчку, посмотритъ на ту сторону: косятъ стройковскіе, косятъ, гумна ужъ докашиваютъ, вотъ и докосили, въ дальніе луга пошли косить... Пора бы косить, пора, ужь какъ пора... А наши—нѣтъ, не косятъ!.. Что ты станешь дѣлать!.. Вздохнетъ старуха, головой покачаетъ, мысленно выбранитъ брата, отчасти и племянника, да и пойдетъ опять домой копошиться что нибудь въ своей избѣ.

И теперь, въ настоящій вечеръ, волей-неволей сидѣла она въ четырехъ стѣнахъ вмѣстѣ съ Катериной и маленькими ребятишками; и пустыми казались снаружи Охлопки. Только двое старшихъ дѣтей Никеши,—мальчикъ лѣтъ девяти и дѣвочка, ему ровестница,—были на волѣ и своимъ присутствіемъ, своимъ веселымъ крикомъ, оживляли пустынный видъ усадьбы. Сначала, подобравши рубашонки, босыми ногами бродили они по рѣкѣ,

потомъ ударились бѣжать въ перегонки одинъ отъ другаго, пробрались на гумно и, забывши строгое запрещеніе мять траву, бросились на нее, какъ на мягкую постель, начали кувыркаться и кататься по ней. За этимъ занятіемъ застали ихъ Александръ Никитичъ съ Иваномъ, возвращавшіеся домой послѣ того, какъ сдали въ чужія руки свои собственные луга.

— Посмотри-ка, батюшка, какъ Никешкины-то пострѣлята мнутъ наше гумно, сказалъ Иванъ. — Вѣдь, это они на зло... Это, вѣдь, ихъ матка подучила: не балуютъ же въ своей сторонѣ, а въ нашей... Погоди-жь, я ихъ...

И Иванъ пошелъ къ дѣтямъ съ угрожающимъ крикомъ и жестомъ. Увидя дядю и отгадавши его намѣреніе, ребятишки вскочили на ноги, закричали, завизжали и ударились бѣжать къ своей избѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ. Но Иванъ скоро догналъ ихъ; далъ хорошую трясоволоску одной, нѣсколько тукманокъ другому. Дѣти заревѣли, завопили несвоимъ голосомъ, точно ихъ хотѣли удавить, и ударились бѣжать еще шибче. Эти отчаянные вопли скоро достигли до слуха и сердца матери и бабушки, и, какъ свирѣпыя тигрицы, выскочили онѣ изъ дома на защиту своихъ дѣтенышей.

— Кто васъ? кто васъ? спрашивали онѣ.

— Да вонъ, дядя Иванъ прибилъ! отвѣчали они оба, всхлипывая.

— За что?

— Такъ... ни за что... Взялъ, да прибилъ.

Въ это время дядя Иванъ подходилъ къ нимъ, весело ухмыляясь. Эта улыбка еще болѣе возбудила гнѣвъ женщинъ.

— Что ты, разбойникъ, разбойничаешь? Что ты, варваръ, дѣтей-то увѣчишь? кричали онѣ.

— Нѣтъ, еще это имъ мало: въ другой разъ не эдакъ отдую... Своихъ не узнаютъ...

— Да что ты, хохотово гнѣздо, разбойный сынъ, суда что-ли на тебя нѣтъ... Убить что-ли ты насъ, перевести весь родъ нашъ хочешь?..

— А вотъ какъ я возьму полѣно, да почну тебя полѣномъ жарить... говорила тетка.

— Ну-ка, ну-ка, возьми, возьми... Попробуй, сунься...

— Такъ что ты со мной драться что-ли будешь?

— Такъ нѣшто тебѣ дамъ драться?... Погодишь, шалишь: зубы не всѣ съѣла...

— Ахъ ты разбойникъ, ахъ ты окаянная сила! Какъ тебя мать сыра-земля на себѣ носитъ!.. Харкъ... тьфу!.. На же вотъ коли тебѣ... Поди, протирай зѣнки-то...

Наталья Никитишна плюнула прямо въ лицо Ивану.

— Ты, слушай, не плюйся... Я те самъ такъ харкну... Всю рожу заслѣплю!.. говорилъ Иванъ, отираясь рукавомъ.

— Еще погоди: Никаноръ Александрычъ пожалуется на васъ производителю, ужъ пожалуется и съ батюшкой-то, потатчикомъ... И батька-то у тебя такой же...

— Что, батька, что такой же? вмѣшался Александръ Никитичъ, подходя къ ссорющимся.

— А вотъ къ производителю пойдемъ на васъ жаловаться.

— Ну, что къ производителю? Что, хамъ, лаешь?.. Ну, кто тебя испугался... Что лаешься-то...

— Не лаюсь я... А намъ житья нѣтъ отъ васъ: онъ моихъ дѣтей убилъ, извести хочетъ... А кто ему далъ волю надъ ними?..

— Полно, холопья кровь, полно зѣвать-то... Не за дѣло что-ли онъ ихъ пощипалъ...

— Что ужь ему ребятъ пощипать: онъ на тетку родную руку хотѣлъ поднять,—говорила Наталья Никитишна.—Выкормилъ сынка... Погоди, самъ заревешь отъ него...

— Что ты меня холопствомъ-то попрекаешь: сами хуже послѣдняго холопа — нищіе... Нашъ же холопской хлѣбъ ѣдите, огрызалась Катерина.

— Да, дамся я тебѣ полѣномъ драться: полѣномъ-то до смерти ушибешь... Я еще не чужой вѣкъ заживаю... говорилъ, въ свою очередь, Иванъ.

Тутъ началась та перебранка, въ которой всѣ говорятъ въ одно время и гдѣ ничего не разберешь: кричала Катерина, бранилась Наталья Никитишна, бранился Александръ Никитичъ, перебранивался Иванъ; подстала къ общей брани жена Ивана, прибѣжавшая на шумъ, и кричала всѣхъ громче, не смотря на то, что не знала даже въ чемъ дѣло... Наконецъ, какъ и слѣдуетъ, не переставая браниться, заплакала Катерина, заголосила Наталья Никитишна и все-таки бранились, захныкали снова ребятишки; имъ отозвались малолѣтки, забытые въ избѣ, вышли изъ себя и стали угрожать кулаками Александръ Никитичъ съ сыномъ... И все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не выбились изъ послѣднихъ силъ и не осипли у всѣхъ голоса... А ночь незамѣтно для воюющихъ спустилась и покрыла землю.

Стройковскіе мужички, воротясь съ работы, столпились на противоположномъ берегу и съ удовольствіемъ прислушивались къ брани, въ которой ничего нельзя было разобрать...

— Ишь ты, какая у нихъ опять перепалка идетъ!... посмѣиваясь, говорили одни.

— Что имъ, парень, дѣлать-то: замѣчали, ухмыляясь, другіе.

Подобныя ссоры бывали нерѣдко. Семейная вражда возрастала съ каждымъ годомъ и перешла въ какую-то тупую ненависть... Первоначальный источникъ этой вражды была зависть. И хотя въ настоящее время дѣла Никеши были вовсе не въ такомъ блестящемъ состояніи, чтобы возбуждать это чувство, но, однажды зародившись, оно во всемъ находило пищу. Завидовали и тому, что Никеша знакомъ съ господами; завидовали, когда видѣли на немъ какой нибудь, невиданный дотолѣ, поношенный сюртукъ, бекешъ съ истертымъ воротникомъ, полуизорванный бархатный картузъ; возмущались, когда на Катеринѣ появилось новое платье; досадовали, что все это доставалось Никешѣ даромъ, думали, что онъ много получаетъ денегъ , и когда видѣли въ чемъ нибудь недостатки — только радовались... А между тѣмъ семья Никеши дѣйствительно терпѣла такіе недостатки, какихъ прежде, въ былое время, когда Никеша не имѣлъ благодѣтелей, оно не испытывало. Никеша, а за нимъ и его семья , мало по малу привыкли располагать свою жизнь въ разсчетѣ на помощь благодѣтелей. Въ этомъ разсчетѣ Никеша часто оставлялъ свое хозяйство для разъѣздовъ по помѣщикамъ; но эти поѣздки уже не приносили прежнихъ выгодъ : благодѣтели перестали быть щедрыми, они присмотрѣлись къ Никешѣ; въ ихъ глазахъ онъ не былъ болѣе интереснымъ шутомъ, но сталъ просто скучнымъ попрошайкой. И дѣйствительно: Осташковъ, видя, что господа уже не забавляются на счетъ его такъ часто, какъ прежде , а не забавляясь забываютъ его и не награждаютъ, обратился къ простѣйшему средству возбуждать щедрость благодѣтелей : къ простому выпрашиванію. Но это средство оказалось весьма неудобнымъ, по крайней мѣрѣ мало прибыльнымъ. Никешѣ давали иногда поношенный сюртукъ, давали четверикъ или два ржи, но денегъ уже онъ не привозилъ домой по прежнему. Между тѣмъ, со времени перваго его выѣзда въ свѣтъ, семья его увеличилась: у него было уже пять человѣкъ дѣтей, нужды стало больше, а хозяйство, часто оставляемое хозяиномъ, шло хуже и меньше приносило выгодъ, между тѣмъ и Никеша вышелъ со-

вершенно изъ-подъ власти Натальи Никитишны, облѣнился, почти совсѣмъ бросилъ работу около дома, сваливши всю ее на жену, и уѣзжалъ изъ дома часто только для того, чтобы ничего не дѣлать, ѣсть и пить сладко. Съ горемъ видѣла эту неожиданную перемѣну Прасковья Ѳедоровна и, сговорясь съ Натальей Никитишной, напускалась иногда на зятя, упрекая его, что онъ не заботится о домѣ и только даромъ шляется, свалилъ всю работу на жену, точно на наемную работницу, а самъ живетъ бариномъ, да еще взыскиваетъ, какъ что не такъ, да претензіи свои показываетъ. Но уже Никеша былъ не прежній: онъ считалъ уже себя главнымъ хозяиномъ въ домѣ и полнымъ господиномъ своей воли, и на упреки старухъ отвѣчалъ иногда такой бранью, что тѣ только отплевывались, да уши затыкали. Въ хорошемъ расположеніи духа, или при сильныхъ доводахъ, когда, напримѣръ, Прасковья Ѳедоровна указывала на то, что беременная Катерина сама должна дрова рубить и въ избу ихъ таскать, что сама она и воду носитъ, и скотину кормитъ, и, со слезами на глазахъ показывая на дочь, говорила бывало:

— Посмотри-тка на Катерину-то: такая ли она стала, какая была, какую ты взялъ ее отъ меня. Смотри-тка, хороша ли стала: высохла, да позеленѣла.

Тогда Никеша въ оправданіе свое приводилъ такіе резоны, противъ которыхъ и сама Прасковья Ѳедоровна не находилась, что возражать:

— Такъ что же мнѣ всю знать свою покинуть, что-ли? говорилъ онъ:—не ѣздить къ господамъ-то, чтобы и совсѣмъ меня позабыли. И теперь-то они ужъ скупы стали, а тогда и вовсе оставятъ... Послѣ къ нимъ и не подступишься... А вотъ дѣти подрастаютъ, Николая-то надо, чай, въ учобу отдавать: сама говорила... А кто ихъ станетъ у меня учить-то, да въ ученьѣ-то содержать, какъ господа-то отъ насъ отступятся?... Что мнѣ дѣтей-то темными людьми что-ли покинуть, какъ самъ вѣкъ живу темнымъ человѣкомъ?.. А какъ я ихъ обучу безъ господской помощи? А самъ не стану къ господамъ ѣздить, такъ они, что-ли, станутъ ходить за мной?... Дожидайся... станутъ...

— Кто тебѣ про то говоритъ... А надо бы и объ женѣ-то подумать...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то?... Работницу, что-ли, изъ-за нея нанять?—такъ не отъ нашихъ капиталовъ.

Не знала, что отвѣчать на это Прасковья Ѳедоровна, и дѣло тѣмъ и кончалось, а Никеша опять продолжалъ свои разъѣзды.

На слѣдующее утро послѣ описанной ссоры, еще до солнца, Иванъ вышелъ съ косою на гумно и началъ косить на половинѣ Никеши. Наталья Никитишна первая это увидѣла и пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

— Что ты дѣлаешь, обидчикъ! закричала она на племянника.

— А что? отвѣчалъ Иванъ, нахально усмѣхаясь.

— Да какъ что? На что ты нашу-то половину косишь?

— А на то и кошу, что ваши ребятишки все гумно у меня перемяли... Такъ мнѣ изъ-за вашихъ пострѣлятъ безъ сѣна что-ли оставаться?...

— Батюшки! что они съ нами, душегубцы, хотятъ дѣлать! раззорить они насъ хотятъ... Катерина, Катерина, поди, матка, посмотри, что батюшка-то съ братцомъ еще выдумали....

Катерина выбѣжала на зовъ Натальи Никитишны, увидала, въ чемъ дѣло, также пришла въ ужасъ и негодованіе, закричала и завопила; но Иванъ, не обращая на нее никакого вниманія, продолжалъ подкашивать густую траву. Надрывалось сердце бѣдныхъ женщинъ отъ обиды и сожалѣнія объ отнимаемой собственности, но нечѣмъ было помочь горю, не къ кому обратиться съ жалобой: хозяина не было дома.

— Гдѣ этотъ Никоноръ Александрычъ! говорили женщины, заливаясь слезами.—Погоди, злодѣй, погоди, вотъ онъ пріѣдетъ!

— А что онъ мнѣ сдѣлаетъ, вашъ-то дуралей Александрычъ! Больно я его боюсь... Захотимъ, такъ и ничего не дадимъ: еще чѣмъ батюшка благословитъ, тѣмъ и владѣть будетъ...

Заливаясь горькими слезами, бѣдныя женщины отступились до времени отъ обидчика и ушли въ избу тужить о своемъ горѣ.

Около полуденъ пріѣхалъ и Никеша, въ сопровожденіи молодаго, высокаго, коренастаго парня съ краснымъ лицемъ и рыжими волосами. Это былъ работникъ Ѳома, данный Никешѣ благодѣтелемъ на помочь къ сѣнокосу. Никеша, правилъ лошадью, лѣпясь на передкѣ, а сзади его, раскинувшись во всю телѣгу и оборотя лицо къ солнцу, лежалъ Ѳома и спалъ крѣпкимъ сномъ.

Лишь только Никеша остановился у воротъ своего дома, къ нему выскочили нетерпѣливо его ожидавшія жена и тетка.

— Гдѣ ты былъ, гдѣ пропадалъ? заговорили онѣ въ одинъ голосъ.

— Гдѣ былъ? Извѣстно, гдѣ былъ... Не на печи около васъ

сидѣлъ... Вотъ работника промыслилъ на сѣнокосъ. . Спасибо, благодѣтель Яковъ Петровичъ пожаловалъ... отвѣчалъ Никеша.— Эй, Ѳома Мосеичъ... а Ѳома Мосеичъ... продолжалъ онъ, обращаясь къ парню, лежавшему въ телѣгѣ.

— Мм... промычалъ Ѳома.

— Вставайте...

— Пошелъ къ чорту... отвѣчалъ Ѳома, отмахиваясь.

— Хорошаго работничка привезъ!... проговорила жена — Да что косить-то будешь?.. Безъ тебя ужъ все давно убрали... Къ пусту мѣсту пріѣхалъ...

— Кто убралъ?..

— Посмотри на гумнѣ-то: много ли осталось травы-то; всю батюшка-то съ братцомъ про себя выкосили...

— Какъ такъ? спросилъ Никеша съ испугомъ и изумленіемъ.

— Да такъ: ты вотъ гулялъ, да работника искалъ къ пусту мѣсту, а они безъ тебя взяли, да и скосили... Да и насъ-то изругали, изсрамили всякимъ гадомъ и ребятишекъ-то искалечили...

— Да что за напасть! какъ, гумно скосили!,.. повторялъ Никеша, какъ бы въ остолбенѣніи.—Покажь-ка...

— Поди, посмотри, батюшка: таково ли тебѣ будетъ сладко, какъ намъ... Поди, порадуйся... повторила жена и тетка, слѣдуя за Никешей, который крупными шагами шелъ на гумно.

— Ахъ!.. вскричалъ только Никеша, увидя подкошенное пространство, и развелъ обѣими руками.

— Да и въ лугахъ-то всю траву-то испродали, Никоноръ Александрычъ: Алешкинскіе мужики ужь и выкосили и увезли... Намъ половины супротивъ лѣтошняго-то не оставили... Вотъ, вѣдь, что сдѣлали...

— Ахъ! повторилъ опять Никеша, стоя на одномъ мѣстѣ неподвижно и разводя руками.

— Да какъ срамились-то, Никоноръ Алексанрычъ: какого только гаду не прибрали... Вѣдь, срамота-то какая... Да, вѣдь, Ванюшка-то чуть не избилъ и насъ-то...

— Ахъ!.. повторилъ Никеша. Что ты станешь дѣлать...

— Какъ что дѣлать... отозвалась Наталья Никитишна... Неужели имъ такъ и позволено разбойничать... Вѣдь, чай, судъ можно найти... Чай, не безсудные... Производителю пожаловаться можно... Неужто ужь такъ въ обиду и дадутъ...

— Вѣстимо, надо пожаловаться... И вправду они здѣсь надъ

нами того и смотри убойство сдѣлаютъ... Вотъ только того и жди... Поди-ка Ванюшка-то вчера, такъ съ кулаками и наскакиваетъ...

— Пожалуюся предводителю, безпремѣнно пожалуюсь... говорилъ Никеша и опять размахнулъ руками и произнесъ отчаяннымъ голосомъ: ахъ, ты Боже мой!..

— Пожалуйся, батюшка, Никоноръ Александрычъ, говорила Катерина, хныкая... Что ужь это на что похоже... Совсѣмъ житья нѣтъ, совсѣмъ заѣли...

— Пожалуюсь, безпременно пожалуюсь... Вотъ въ Петровъ день предводитель велѣлъ къ себѣ пріѣзжать на праздникъ... Вотъ поѣду и пожалуюсь...

— Ну, опять уѣдешь, опять на недѣлю домъ покинешь...

— Такъ не стану ѣздить: кто же въ насъ вступится-то — Что не дѣло-то говоришь... прикрикнулъ Никеша. Теперь нече дѣлать: подемте, отложить лошадь-то да приниматься коситьчто осталось... Ахъ... ма!..

— Хошь бы ты пошелъ, да хошь бы теперь посрамился со своимъ-то братцомъ , говорила Катерина, идя назадъ къ избѣ, вслѣдъ за мужемъ... хошь бы поругался-то... Ну что за напасть, вѣдь, совсѣмъ прохода отъ него никому нѣтъ: вчера... ну, избилъ ребятишекъ, такъ избилъ... всѣхъ извертѣлъ...

Никеша ни слова не отвѣчалъ. Онъ подошелъ къ телѣгѣ своей, гдѣ все еще спалъ Ѳома Моисеичь и началъ снова будить его...

— Ну что же, вставай Ѳома Моисеичь, говорилъ онъ... Вѣдь, ужь давно пріѣхали... Вставайте...

Ѳома , послѣ долгихъ потягиваній , наконецъ открылъ свои заспаные глаза и сѣлъ въ телѣгѣ.

— Ай, парень, на солнышкѣ-то больно сладко спится... проговорилъ онъ, зѣвая и потягиваясь... Ну, что, баринъ, теперь чаемъ что ли станешь угощать, али водкой?..

— Полно-ка, Ѳома Моисеичь, пожалѣй-ка лучше о моемъ горѣ...

— Что за горе такое?..

— А такое горе, что совсѣмъ изобидѣли... И работать, братъ, намъ съ тобой, почитай, нечего: всю траву у меня выкосили:..

— Вона... кто же это!..

Никеша, отпрягая лошадь изъ телѣги, разсказалъ Фомѣ все, подробно.

— Не знаю ужь теперь что и дѣлать! сказалъ онъ въ заключеніе.

— Такъ какъ же они такъ могли... ты, значитъ, баринъ, теперь долженъ это сѣно съ нихъ стребовать...

— Вотъ и хочу идти къ предводителю жаловаться...

— Вотъ, жаловаться... Да гдѣ сѣно-то: убрано съ гумна-то, али нѣтъ еще?..

— Нѣтъ еще на гумнѣ, только на свою половину перевезли...

— Ну такъ что: возьми навей и свое и ихное сѣно-то на телѣгу, да и перевези къ себѣ... Вотъ и шабашъ!.. А то еще жаловаться... Они у тебя скосили, а ты у нихъ возьми кошеное— вотъ и важно будетъ... И дѣло безъ хлопотъ...

— Да, вѣдь, не дадутъ: поди-ка я, вѣдь, вонъ какой, а братъ-отъ безъ-маль не выше ли тебя—убьетъ меня, и живаго мѣста не оставитъ...

— А я-то на-что: обѣщай полштофа водки, такъ я те помогу... Какой бы ни на есть твой братъ, еще помѣряемся... Глянь-ка: вотъ лапа-то... хошь ли: давай полштофа—все дѣло оправлю... какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ...

— А что и есть, Никоноръ Александрычъ,—вмѣшалась Катерина; онъ добрый человѣкъ, дѣло тебѣ совѣтуетъ... Что и есть: не чужое возьмемъ, свое... По крайности, пусть не смѣяться же имъ надъ нами...

— Полноте-ка, поножовщина у васъ только выйдетъ, возразила Наталья Никитишна.

— В—вотъ... поножовщина! отвѣчалъ Ѳома... Моги-ка онъ меня тронуть только... Полно, баринъ, ничего не будетъ, я тебѣ говорю: обѣщай только полштофа—будешь съ сѣномъ.

— Не думай, Никоноръ Александрычъ, поѣзжай; ничего не бойся и есть: свое возьмешь, не чужое.

— Ладно... Выставлю полштофа: поѣдемъ... Бабы, выносите грабли...

— Вотъ люблю!.. Только ты смотряй: не надуй...

— Вотъ тебѣ на...

— То-то... запрягай же опять лошадь-то въ телѣгу, да и поѣдемъ! говорилъ Ѳома, проворно слѣзая съ телѣги. Дай я те помогу. Я этакъ люблю...

— Какъ?

— А силодоромъ-то сдѣлать что нибудь...

— А—а?!

— О, смерть моя... Никому не уступлю, коли на то пойдетъ... Кабы, кажись, мнѣ не во дворѣ жить, а въ разбойники бы идти, что вотъ дядя Никонъ у насъ въ сказкахъ разсказываетъ... бѣда бы какой былъ... Тотчасъ бы въ атаманы посадили... Теперь вотъ когда во дворѣ драча какая, али кондра выйдетъ, я ужь тутъ завсегда первый... Такъ руки и зудятся... Ужь коли что на озарство взять, такъ меня кашей не корми— кликни только...

— О?!..

— Пра!.. я изъ—этого сердцемъ такой вышелъ... Ну, готово, поѣдемъ... Гдѣ хозяйка-то?.. Здѣсь?.. Ну ладно... Подемъте...

Когда Никаноръ, въ сопровожденіи своей партіи, вооруженной граблями, въѣхалъ на гумно, Иванъ, уже былъ тамъ и докашивалъ лоскутокъ луговины. Увидя приближающагося брата, онъ пересталъ косить и смотрѣлъ что будетъ дѣлать Никеша.

— Что вы тутъ дѣлаете? закричалъ онъ, когда увидѣлъ что, телѣга остановилась у первой копны сѣна и ее начали укладывать на телѣгу.

— Это братъ-то твой? спросилъ Ѳома.

— Да...

— Ну, парень, экихъ-то видали...

— Да что вы и самъ дѣлѣ! повторилъ Иванъ подходя къ брату. Ты, Никаноръ, что хочешь дѣлать?..

— Сѣно забрать... нетвердо отвѣчалъ Никеша.

— Да это развѣ твое... Это я накосилъ... Не трожь...

— Ну, и ладно что припасъ... И на томъ спасибо, что накосилъ, а мы увеземъ... отозвался Ѳома...

— А ты что за человѣкъ?..

— А я такой человѣкъ! Вишь какой: не глиняный, а жиляной, да костяной... отвѣчалъ Ѳома; и съ этими словами поднялъ и бросилъ на телѣгу огромную охапку сѣна.

— Да вы что же съ озорствомъ что ли пріѣхали?.. Не трожь, говорятъ... Это сѣно мое...

Тутъ женщины заговорили было обѣ въ одинъ голосъ, но Ѳома остановилъ ихъ: а вы знай, подгребай... Что вамъ тутъ разговаривать!... сказалъ онъ имъ...

— Ну, коли твое, такъ бери! обратился онъ къ Ивану, али бо намъ не давай, а мы вотъ знаемъ, что свое, такъ и беремъ...,

— Да ты что и самъ дѣлѣ? говорилъ Иванъ, разгорячаяся и подступая къ Ѳомѣ.

— А ты что? отвѣчалъ Ѳома и остановился, подпершись въ бока...

— Не трожь, говорятъ, Никоноръ, а то не честью прогоню.

— Ну, подступись... отвѣчалъ Ѳома, не перемѣняя позы.

— Да ты что на глотку-то лѣзешь... Я, вѣдь, и колъ возьму...

— Возьми, чѣмъ мнѣ ходить: на твоей же спинѣ будетъ...

— Охъ ты!.. вскрикнулъ Иванъ и съ поднятымъ кулаломъ бросился на Ѳому.

— Охъ ты!.. вскрикнулъ Ѳома и также съ поднятымъ кулакомъ бросился на встрѣчу Ивана.

Они налетѣли другъ на друга.—Женщины завизжали, но противники не ударили другъ друга, а схватили одинъ другаго за воротъ и въ тоже мгновеніе на обоихъ затрещали рубашки, разорванныя черезъ всю грудь. Противники послѣ того оставались нѣсколько секундъ неподвижными, злобно осматривая одинъ другаго.

— Ну, катай! сказалъ наконецъ Ѳома, откидывая въ сторону кулакъ... И двѣ тяжеловѣсныя зуботычины огласили утренній воздухъ.

Женщины опять завизжали. Ѳома размахнулся было, чтобы повторить ударъ, но Иванъ вдругъ обратился въ бѣгство, потому-ли что почувствовалъ кровь во рту, или увидѣлъ, что противникъ ему не по силамъ, или испугался новаго нападенія со стороны Никанора, который, впрочемъ, бросился къ дерущимся съ тѣмъ, чтобы разнять ихъ, боясь кровопролитія.

— Что, сдрефилъ?... На утекъ? кричалъ вслѣдъ ему Ѳома, отирая щоку, на которой выступило багровое пятно... Я быте далъ... Что бѣжишь да плюешь, али зубы ронишь?.. Многихъ ли нѣтъ... Ну что? говорилъ, что сѣно будетъ наше,—обратился онъ къ Никешѣ. Ну, навивайте же проворнѣй... А ты мнѣ, баринъ, рубаху дай другую... И Ѳома преспокойно разлегся на лугу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ... Нѣтъ еще, жидки кости ему барахтаться со мной: я этакихъ-то четверыхъ уберу...

Между тѣмъ возъ былъ навитъ, но въ ту самую минуту, какъ его утягивали веревкой, чтобы везти, на гумно поспѣшно

пришелъ, въ сопровожденіи Ивана, самъ Александръ Никитичъ. Ѳома, увидя ихъ, тотчасъ поднялся на ноги.

— Вотъ еще другаго ведетъ: какого-то стараго пса... Подходи...

— Никоноръ, ты что разбойничаешь? кричалъ Александръ Никитичъ. Ты что, мерзавецъ, разбойничаешь?

— Да начто же вы, батюшка, сѣно-то мое скосили?..

— Да развѣ твое, развѣ у тебя есть что твое, развѣ не на моей ты землѣ живешь?... Захочу дамъ, не захочу и изъ дома-то вонъ выгоню... Ахъ ты... Сейчасъ свали назадъ сѣно...

Никоноръ стоялъ въ нерѣшимости...

— Вези, баринъ, что его слушать-то... стараго хрыча... говорилъ Ѳома.

Тутъ вступились было женщины съ обычнымъ своимъ крикомъ и визгомъ. Но Александръ Никитичъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Никешка, тебѣ говорятъ: свали, кричалъ старикъ.

— Вези, баринъ! настаивалъ Ѳома, и взялъ лошадь подъ уздцы.

— Никешка, не послушаешься—прокляну, и не будетъ тебѣ моего благословенія ни въ сей вѣкъ ни въ бущій и во вѣки вѣковъ.

— Отступись , плюнь: шеппула Никешѣ Наталья Никитишна. Противъ родителя видно не пойдешь... Отступись: имъ въ прокъ не пойдетъ... За обидимыхъ Богъ накажетъ...

— Ну, такъ сваливайте! проговорилъ, смутившись, Никеша.

— Что? сваливать?... отозвался Ѳома. Не дамъ сваливать: вези домой.

— А ты, молодецъ, не буянь: я еще пойду въ деревню, да попрошу, чтобы тебѣ руки скрутили, да въ судъ представили; чтобы ты не буянилъ, не дрался бы...

— Пожалуй представляй: я господскій человѣкъ, за меня мой господинъ отвѣтитъ...: Ну нечего, баринъ, пустаго-то разговаривать: вези сѣно домой, благо возъ навили...

— Нѣту, Ѳома Мосеичъ, надо, видно, свалить: родитель приказываютъ...

— Такъ сваливать будешь?...

— Надо свалить.

— Такъ тьфу тебѣ... чортово урево... Изъ-за-чего же я хлопоталъ-то... А еще баринъ прозываешься... И плюнувъ чуть не въ лицо несчастному Никешѣ, Ѳома пошелъ прочь, съ самымъ

недовольнымъ видомъ, и, отойдя нѣсколько десятковъ саженъ, легъ на землѣ на самомъ солнечномъ припекѣ. Наскочилъ бы ты на меня еще: я бы те далъ... бормоталъ онъ, злобно посматривая въ ту сторону, гдѣ остались его враги и союзники...

Когда Ѳома ушолъ, и въ то время, пока сваливали возъ съ сѣномъ, Александръ Никитичъ продолжалъ бранить Никешу. Тотъ ничего не возражалъ, но Катерина и Наталья Никитишна отбранивались.

— Да ну, что еще лаешься, сказала наконецъ Наталья Никитишна, когда телѣга была совершенно опростана: вотъ твое сѣно, возьми его, подавись... Развѣ и тебѣ Богъ попуститъ, что обижаешь сына съ внучатами? не попуститъ, небось... Экой отецъ!... И уныло, съ поникшею головою, на пустой телѣгѣ поѣхалъ Никеша обратно къ дому, сопровождаемый смѣхомъ Ивана и бранью и угрозами отца.

— А ты не убивайся, Никешенька: пущай, Богъ съ нимъ, родительская воля... А съ твоего добра онъ не разживется,.. А ты работай-ка по-прежнему, да встань на прежнюю ступень, такъ и будетъ у тебя всего много и безъ отцовскаго.

— Ну, у васъ только и есть, что работай, а много ли сами-то безъ меня работаете... Какъ бы я-то не промышлялъ, такъ немного бы нажила... бормоталъ про себя Никеша.

Они поровнялись съ Ѳомой.

— Ну что, баринъ, все для тебя сдѣлалъ: самъ не умѣлъ получать, на себя и пеняй... А новую рубашку ты мнѣ предоставь, хошь съ себя сними...

— Пойдемте.

— Куда?... завтракать что ль?

— Нѣтъ еще? завракать-то рано, а надо косить приниматься...

Ѳома свиснулъ.

— Нѣтъ, баринъ, шалишь: косить-то ужь я не пойду, сыти... Нѣтъ, вонъ у меня скулы-то какія... За водкой пошли, такъ—такъ, выпить можно...

— Теперя не время... А надо косить: скоро роса подниметея, тогда на косу не пойдетъ...

— Я тебѣ сѣна-то было много накосилъ, да самъ изъ рукъ выпустилъ, такъ наплевать тебѣ... Вотъ рубаху-то новую подай...

— Ну пойдемте.

— Да куда я пойду... пошелъ къ чорту...

— Да что это, батька, вступилась Наталья Никитишна: те-

бя, чай, господинъ-то не на боку лежать прислалъ сюда, а помочь покосить...

— Я вамъ и то помогалъ отъ всей души, а вы вонъ и завтракать-то не даете... Съ голоднымъ-то брюхомъ плоха работа...

— Да дай, батька, управиться-то: всякое тебѣ угощеніе предоставимъ, а теперь какой еще завтракъ: хлѣбца, коли хошь, вынесемъ... Вотъ и поѣшь...

— Спасибо... Ѣшь сама...

— Такъ какъ же это, другъ любезный, вѣдь, не станешь работать, такъ и господину твоему такъ и Никонорушка скажетъ, пожалуется, что ты господскаго приказа не исполнилъ...

— Да ну, отступись: подавай косу... Я те накошу, чертовка этакая... Я те уважу!... бормоталъ онъ... Неси косу... Вишь ты: жаловаться хочешь... Много вашей братьи нищеплетовъ: на каждаго не накосишься...

Принесли Ѳомѣ косу и онъ сталъ рядомъ съ Никешей.

— Ну, смотри же, баринъ, поспѣвай, сказалъ онъ и быстро замахалъ косою, но косилъ такъ неровно и съ такими пропусками, что Никеша рѣшился замѣтить ему.

— Ну какъ же еще косить: вишь, на васъ ничѣмъ не потрафишь... Глаже что ли косить?..

И Ѳома такъ размахнулся косою, что она до половины вошла въ землю—и переломилась.

Обѣ женщины вскрикнули и чуть не заплакали отъ огорченія и досады. Никеша тоже разсердился и огорчился.

— Что же вы это дѣлаете... Это вы напрасно... Это, братецъ, не хорошо... Что вы даромъ только добро мое—косу изгубили, а работы отъ васъ нѣтъ... Это я барину на васъ жалобу долженъ произнести...

— Эхъ, баринъ, поднесъ бы ты мнѣ водки, да далъ бы закусить хорошенько, такъ я бы тебѣ, знаешь... не то что, а весь бы сѣнокосъ одинъ тебѣ управилъ... А то кто на тебя станетъ голодный работать... Пожалуй, жалуйся барину: развѣ онъ тебя похвалитъ, что выпросилъ человѣка работать, да и накормить не хочешь...

— Что вы напрасно говорите... Какъ же можно, чтобы не накормить, а только что еще не управились... Поди, Катерина, сдѣлай хоть яишницу поскорѣе...

— Да водки, баринъ: самъ, купи обѣщалъ, а то и работать не стану... Вотъ тебѣ и весь тутъ сказъ...

— Да, стоишь ты водки... Обидчикъ ты, видно... вмѣшалась разсерженная Катерина... Какъ бы моя была воля, такъ не то, что поить тебя да кормить, а просто напросто: пустила бы я тебя голоднаго домой: ступай, голубчикъ, пришелъ ты не работать, а бражничать... Намъ тебя угощать не изъ-чего... Шелъ бы домой, поперъ бы верстъ-то 30 съ пустымъ-то брюхомъ, такъ и умнѣе бы былъ... Вотъ, право бы сдѣлала...

— Сдѣлай!... Такъ какъ-то онъ, баринъ-то твой, господинъ, къ намъ на дворъ носъ-отъ покажетъ?..

— Ступай, Катерина, въ свое мѣсто: не твое тутъ дѣло, возразилъ Никеша: говорятъ тебѣ—яичнину исжарь, да къ дядѣ Николаю сбѣгай: возьми водки на гривенникъ...

— Вотъ такъ-то лучше... Угостишь — и работать стану, какъ слѣдуетъ! говорилъ Ѳома, развалясь на травѣ.

— Экихъ работничковъ возитъ! бормотала про себя Катерина, съ недовольнымъ лицомъ отправляясь къ избѣ своей.

Никеша, скрѣпя сердцѣ, продолжалъ косить одинъ. Наталья Никитишна ничего не говорила, слушая весь этотъ разговоръ и смотря на все происходящее. Нѣтъ, не тѣ у насъ порядки пошли, не настоящіе, и Никеша сталъ другой... думала она про себя и только неодобрительно покачивала головою.

И угощеніе мало помогло: Ѳома, выпивши водки и порядкомъ закусивши, работалъ лѣниво и Никешу только развлекалъ своими разсказами и разговорами. И вышелъ этотъ работникъ только даровымъ нахлѣбникомъ. Да еще на другой день послѣ сѣнокоса, когда сталъ собираться домой, требовалъ, чтобы его подвезли на лошади, а когда отказали, обругалъ на прощаньи и обѣщалъ, какъ пріѣдетъ Никеша къ его барину, сдѣлать ему какую нибудь пакость... Такъ шло все хозяйство Никеши съ помощію и подъ покровительствомъ благодѣтелей помѣщиковъ. Но чрезъ недѣлю послѣ сѣнокоса Никеша счелъ нужнымъ ѣхать къ предводителю на Петровъ день, а по дорогѣ завернулъ и къ Якову Петровичу Комкову, чтобы поблагодарить его за пожалованнаго работничка. Комковъ полюбопытствовалъ узнать хорошо ли работалъ Ѳома, Никеша слегка на него пожаловался и разсказалъ свои похожденія вмѣстѣ съ Ѳомою за вѣномъ на отцовское гумно: Яковъ Петровичъ очень смѣялся надъ всѣмъ этимъ и, какъ будто, даже остался доволенъ выходками Ѳомы. Нике-

па тоже улыбался, слушая веселый смѣхъ своего благодѣтеля, и радовался, что его разсказы доставляютъ удовольствіе.

II.

Предводителемъ на текущее трехлѣтіе былъ избранъ Рыбинскій, къ великому неудовольствію и оскорбленію Палёнова, который разсчитывалъ-было занять это вожделенное званіе. Но трехлѣтіе приходило къ концу; будущею зимой должны были быть выборы и Рыбинскій старался поддержать расположеніе дворянъ. Образъ жизни его не измѣнился: домъ его, по прежнему, представлялъ нѣчто въ родѣ трактира съ цыганами, хлѣбосольство и расточительность оставались прежнія, но самъ Рыбинскій держалъ себя съ дворянами уже иначе и успѣлъ вооружить противъ себя многихъ изъ нихъ. Почетность и независимость положенія предводителя, раболѣпное низкопоклонство уѣздныхъ чиновниковъ и мелкихъ дворянъ, изъ которыхъ многіе называли его «ваше превосходительство», а иные, въ порывѣ восторга самоуничиженія, цѣловали у него руки, развили въ Рыбинскомъ врожденную наклонность къ самоуправству, доводившему его почти до ребяческаго задора. Онъ какъ будто считалъ своею обязанностію при всякомъ случаѣ дѣлать на зло уѣзднымъ судамъ, умышленно заводилъ ссоры съ губернаторомъ и другими губернскими властями. Хотя все это и нравилось молодымъ людямъ и привлекало ихъ къ Рыбинскому, за то возмущало противъ него людей семейныхъ и солидныхъ, изъ которыхъ Палёновъ умѣлъ составить противъ него оппозиціонную партію. Рыбинскій зналъ это и мало безпокоился: онъ понималъ, что большинство на выборахъ останется на его сторонѣ; онъ зналъ, что разсчетливому и даже скупому Палёнову, притомъ человѣку семейному, домъ котораго придерживался строгаго этикета, не привлечь такого сочувствія дворянства, какое привлекало его хлѣбосольство, его открытый столъ и домъ, отсутствіе всякихъ приличій, простота, а подъ часъ даже и покровительственная грубость обращенія. Онъ понималъ все это, если не по соображенію, то инстинктивно,—и не боялся соперничества Паленова и его оппозицій на выборахъ; но самолюбіе Рыбинскаго уже не удовлетворялось званіемъ уѣзднаго предводителя: онъ мечталъ попасть въ губернскіе. Для этого минувшую зиму онъ провелъ въ губернскомъ городѣ, знакомился съ помѣщиками

другихъ уѣздовъ, задавалъ роскошные обѣды, устроивалъ общественныя удовольствія, за которыя великодушно расплачивался изъ одного своего кошелька, однимъ словомъ,—удивилъ и плѣнилъ почти весь городъ своею расточительностію. Теперь день своего ангела онъ хотѣлъ отпраздновать въ деревнѣ съ особеннымъ великолѣпіемъ, и приглашалъ на него помѣщиковъ даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ, разсылая ко всѣмъ программу предстоящаго праздника, точно афишу на какое нибудь театральное представленіе. И чего-чего не было въ этой программѣ: и театральное представленіе на открытомъ воздухѣ, и балетъ въ естественной рощѣ при искуственномъ освѣщеніи, и балъ съ ужиномъ, и народный праздникъ съ угощеніемъ народа, и кавалькады ночью съ факелами, и ночныя прогулки на лодкахъ по водѣ съ фейерверками, и кулачные бои у простаго народа, и скачка на тройкахъ и пр. и пр., такъ-что одинъ помѣщикъ, прочитавши эту программу, только плечи поднялъ да руками развелъ, примолвя: столпотвореніе вавилонское! Содомъ и Гоморъ да и баста!... а другой лаконически проговорилъ только: раззорится!... лопнетъ!... помяните мое слово—лопнетъ!... Разумѣется, на такой праздникъ нельзя было не ѣхать, хотя бы и за сто верстъ; но долго однакожь въ семейныхъ домахъ разрѣшался сомнительный вопросъ: можно ли ѣхать дамамъ къ холостому человѣку. Впрочемъ, женское любопытство побѣдило излишнюю щекотливость приличій: и за день и наканунѣ Петрова дня на обширный дворъ усадьбы Рыбинскаго безпрестанно въѣзжали разнообразные экипажи, запряженные тройками, четверками, шестериками и наполненные разряженными дамами. Никешина телѣжка также пріютилась гдѣ-то, скромно, въ самомъ дальнемъ уголкѣ. Ему тоже было милостиво приказано явиться на предстоящій праздникъ.

Въ день праздника послѣ обѣдни всѣ гости сошлись въ парадныя пріемныя комнаты хозяина, и тотчасъ же сами собою раздѣлились на групы: тысячедушные до пятисотдушныхъ включительно составили одну групу на самомъ видномъ мѣстѣ около хозяина. Къ этой групѣ примыкали молодые и холостые люди разныхъ состояній, даже стодушные, но побывавшіе хоть разъ въ жизни въ столицахъ. Изъ прочихъ посѣтителей къ этой групѣ подходили иные развѣ только за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе, и тотчасъ же отходили къ своимъ. Примыкая къ этой групѣ, но все-таки отдѣльно, составлялась другая изъ помѣщи-

ковъ, считавшихъ себя людьми не столь богатыми и знатными, но имѣвшими право голоса и шаръ на балотировкѣ. Наконецъ третья группа, помѣщавшаяся бо́льшею частію въ первой залѣ поближе къ входнымъ дверямъ и въ билліардной, образовалась изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и неважныхъ чиновниковъ уѣзда; а важными, какъ извѣстно читателю, считаются въ уѣздѣ городничій, исправникъ, да судья: они принадлежатъ ко второй группѣ, принимаются съ любезною улыбкою и въ первой, и сами съ такой же улыбкою обращаются къ третьей. Всѣ эти группы образовались сами собою, безъ воли и распоряженія хозяина, который старался оказывать особенное вниманіе второй группѣ, какъ самой многочисленной и состоящей изъ людей болѣе для него нужныхъ. Въ первой группѣ шолъ разговоръ солидный, спокойный и внушительный, возникали иногда споры, но и они сопровождались и оканчивались съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ. Во второй группѣ было больше одушевленія и веселости, больше шума, смѣха и споровъ. За то очень скромно, молчаливо и осторожно держала себя братія третьяго кружка: казалось, что тамъ чувствовалась всѣми какая-то неловкость и даже преждевременная скука. Дамы, разумѣется, были всѣ вмѣстѣ, но здѣсь еще скорѣе и рѣзче обозначалось различіе положеній, состоянія и костюмовъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтилось много между собою незнакомыхъ, съѣхавшихся изъ разныхъ сторонъ; и теперь пока, до болѣе подробныхъ изслѣдованій, общественное положеніе и право на уваженіе каждой изъ нихъ опредѣлялось прочими только по одному костюму. Въ дамскомъ кругу чины и состояніе играютъ большую роль и имѣютъ еще болѣе значенія, нежели въ мужскомъ. Женщина никогда не уважаетъ другую женщину за ея личныя достоинства, она даже и себя цѣнитъ не по самой себѣ, но или за мужа, или за родныхъ, или за состояніе и образованіе, которое ей дали.

Рыбинскій старался быть любезнымъ хозяиномъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы сблизить дамъ, но напрасно: они дичились другъ друга, и каждая старалась держаться ближе къ тѣмъ, съ которыми была знакома прежде. Единодушнаго разговора никакъ не возникало; и чѣмъ болѣе Рыбинской старался объ этомъ, тѣмъ выходило хуже, потому что каждая изъ нихъ сердилась на другую, съ которою Рыбинскій заговаривалъ.

Между прочими гостями были и старые наши знакомые: Неводовъ, Комковъ, Тархановъ. Пріѣхалъ и Палёновъ, не желая

обнаруживать своего нерасположенія къ Рыбинскому; но жены съ собою не привезъ. Онъ, разумѣется, фигурировалъ въ первой группѣ и ораторствовалъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ о всевозможныхъ предметахъ.

Между прочимъ, выбравши такую минуту, когда больше было слушателей, онъ обратился къ Рыбинскому:

— Я, Павелъ Петровичъ, давно собираюсь обратиться къ вамъ, какъ предводителю, съ покорнѣйшею просьбой. Я увѣренъ, что вы, какъ истый русскій дворянинъ и дворянинъ нашего уѣзда, исполните мою просьбу, потому что она касается интересовъ одного изъ дворянъ нашего уѣзда. Я говорю о несчастномъ Осташковѣ. Я замѣтилъ, что онъ здѣсь, что вы удостоили и его приглашенія наравнѣ со всѣми нами, но я не знаю, извѣстно ли вамъ въ какой бѣдности, нищетѣ и всякаго рода лишеніяхъ находится его семейство. Но бѣдность и лишенія матеріальныя ничего не значатъ въ сравненіи съ нравственными лишеніями. Я полагаю, вы въ этомъ совершенно со мною согласитесь?

— Можетъ быть.... но въ чемъ же дѣло?...

— У этого несчастнаго Осташкова пять человѣкъ дѣтей тогда, какъ онъ не имѣетъ средствъ даже прокормить ихъ, а не только дать образованіе, которое требуетъ отъ дворянина наше время, нашъ вѣкъ ... А между тѣмъ дѣтямъ надо дать воспитаніе....

— Что же съ этимъ дѣлать? Не нанять ли на общій счетъ гувернантку для его дѣтей: такъ, вѣдь, ни одна не пойдетъ къ нему.... отвѣчалъ Рыбинскій иронически. Эй, Осташковъ, поди сюда! закричалъ онъ ему черезъ всю комнату. Осташковъ поспѣшно бросился на призывъ.

— Какъ ты думаешь: пойдетъ къ тебѣ гувернантка, еслибы мы ее наняли для тебя...,

Осташковъ глупо смотрѣлъ въ глаза и улыбался ничего не отвѣчая и стараясь сообразить, къ чему и о чемъ его спрашиваютъ.

— Слышишь ли? что же не отвѣчаешь, Вотъ Николай Андреичъ предлагаетъ дворянству на общій счетъ нанять для тебя гувернантку, чтобы она обучила тебя грамотѣ и французскому языку вмѣстѣ съ твоими дѣтьми.... Говори: желаешь ли ты этого?....

Всѣ присутствующіе смѣялись. Палёновъ вспыхнулъ.

— Вы шутите, сказалъ онъ, стараясь удержать гнѣвъ, шутите судьбой несчастнаго бѣдняка-дворянина, а я, пользуясь тѣмъ,

что здѣсь собралось дворянство почти всего нашего уѣзда, хотѣлъ обратить общее вниманіе на судьбу этого бѣдняка и думалъ, что вы, какъ предводитель, примете въ немъ участіе и захотите ознаменовать день вашего ангела какимъ нибудь добрымъ дѣломъ....

— Э, полноте, Николай Андреичъ, объ этомъ наговоримся еще на выборахъ: дѣлу время и потѣхѣ часъ, а сегодня я хочу, чтобы всѣ веселились вокругъ меня, чтобы всѣ забыли о своемъ горѣ, чтобы даже Осташковъ забылъ о своей бѣдности и о своей многочисленной семьѣ. Я даже приготовилъ для него особенную роль въ живыхъ картинахъ. Онъ будетъ изображать собою довольство, будетъ сидѣть на кипѣ книгъ, голова, лицо и руки будутъ вымазаны у него скоромнымъ масломъ; передъ нимъ будетъ стоять нѣсколько блюдъ съ кушаньями и корзина съ винами, кругомъ его будутъ стоять мѣшки съ деньгами и одна изъ красивѣйшихъ вакханокъ будетъ возлагать вѣнокъ на его масляную голову. Весь же трудъ твой Осташковъ будетъ состоять только въ томъ, чтобы сидѣть смирно, да смотрѣть на все такими глазами, какъ ты обыкновенно смотришь послѣ сытнаго обѣда, когда тебѣ спать хочется.... Не правда ли: это будетъ чудесная картина?

Всѣ захохотали, иные обидѣлись, а Палёновъ надулся и журавлиными шагами, съ выпученной впередъ грудью, красный какъ ракъ, съ неудовольствіемъ отошелъ отъ Рыбинскаго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подозвалъ къ себѣ Никешу.

— Пока этотъ негодяй будетъ предводителемъ, сказалъ онъ ему — не жди ничего для твоего семейства: онъ нисколько не заботится о дворянствѣ, которое съ дуру избрало его своимъ представителемъ. Это оттого, что онъ самъ парія, самъ случайно—разбогатѣвшій нищій. Но я и одинъ помогу тебѣ: привози ко мнѣ своего сына, я дамъ ему образованіе на свой собственный счетъ... А чтобы ты былъ увѣренъ, что это не одни только слова, что я сказалъ это не на вѣтеръ и не для того только, чтобы похвастаться или потѣшить тебя, ты теперь же можешь разсказать объ этомъ всякому. Я покажу этому выскочкѣ, этой воронѣ въ павлиныхъ перьяхъ, какъ долженъ держать себя дворянинъ съ своими меньшими братьями.

Осташковъ бросился было цѣловать руку Палёнова, но тотъ не допустилъ, и строго замѣтилъ, что какія бы чувства ни волновали душу дворянина, но онъ не долженъ позволять себѣ ни-

какого движенія, которое могло бы унизить его въ глазахъ прочихъ. Этого тебѣ, можетъ быть, не сказалъ бы хозяинъ здѣшняго дома: онъ былъ бы даже очень радъ униженію своего собрата передъ собою, но то онъ, а это говорю я. Надѣюсь, ты самъ знаешь кто изъ насъ имѣетъ болѣе правъ на уваженіе и довѣріе.

Между тѣмъ подали сытный завтракъ, на которомъ такъ много было разныхъ водокъ и винъ, что любители имѣли полную возможность привести себя въ желанное состояніе.

Послѣ завтрака Рыбинскій пригласилъ всѣхъ на простонародный праздникъ. На большомъ господскомъ дворѣ собралось нѣсколько сотъ крестьянъ. Всѣ мужики Рыбинскаго были въ красныхъ рубашкахъ: у кого не было своей, тому была выдана отъ господина. Бабы также были наряжены въ однообразные кокошники. Среди двора возвышалось нѣсколько, гладко выстроганныхъ и намазанныхъ саломъ, столбовъ разной вышины, на вершинѣ которыхъ висѣли кафтаны, шляпы, сапоги, и т. п., предназначенные для искусныхъ, съумѣющихъ влезть на столбъ и снять ихъ оттуда. Нѣсколько качелей, гора для катанья помѣщались по сторонамъ. Среди двора красовалось на возвышеніи нѣсколько бочекъ вина и пива съ разными закусками — самый любопытный предметъ въ глазахъ собравшагося многолюдья.

Народъ давно уже и съ нетерпѣніемъ толпился около бочекъ, столбовъ, качелей, ожидая когда выйдетъ баринъ и дастъ приказаніе начинать.

— А что, Ванюха, станешь ли пить водку-то? слышалось въ толпѣ.

— Какъ, паря, не пить, какъ поднесутъ.

— Да, станутъ ли, парень, водкой-то поить.

— Ну, вота! Такъ не станутъ, что ли?

— А ну, можетъ...

— А что?

— Такъ... Можетъ и не станутъ.

— Ну, такъ и такъ уйдемъ.

— Да нѣтъ, парень, чай, поднесутъ...

— Ну, какъ не поднести: на что же и выставлять, коли подносить не станутъ...

— Знамо дѣло: на что и выставлять...

— Долго баринъ-то не выходитъ...

— Долго-то, долго...

— А что, Петруха, слышалось въ другой сторонѣ, что ты полѣзешь на столбъ, али нѣтъ?

— А что?

— Да такъ: молъ, полѣзешь, али нѣтъ?

— Полѣзу...

— Вѣдь, чай, не достанешь ничего.

— А можетъ...

— Да нѣтъ, не ссяжешь... Тебѣ не ссягчи... Разѣ ужь какъ...

— А можетъ и ссягу?!..

— Да знамо: оно годится, не купленное.

— А что, матка, будемъ ли на качеляхъ-то качаться?

— Знамо, будемъ... И на качеляхъ этихъ и на горѣ вонъ... Вонъ ребятишки поѣхали: не утерпѣли, пострѣлята... Вишь, вишь...

— Да что больно баринъ-то долго не выходитъ... Покатался бы, дѣвка... Чай, вѣдь, страшно.

— Да чего бояться-то: только сиди знай, да крѣпче держись... Долго баринъ-то нейдетъ...

— Долго и есть, дѣвка.

Наконецъ на террасѣ дома, выходившей на дворъ, вмѣстѣ съ гостями показался и Рыбинскій. При видѣ его, вся толпа заревѣла ура! Имянинникъ поклонился и махнулъ въ воздухѣ шляпою. Въ то же мгновеніе сзади народа взлетѣла ракета: бѣлой, едва замѣтной полосой прокатилась она среди дневнаго свѣта, потомъ опрокинулась, устремилась внизъ, и вдругъ, не долетая до земли нѣсколько саженъ, лопнула съ трескомъ надъ головами зрителей. Это былъ сигналъ для открытія праздника. Нѣсколько человѣкъ виночерпіевъ явилось у бочекъ съ виномъ и народъ снова огласилъ воздухъ радостными криками. Въ необыкновенно короткое время весь народъ уже былъ на-веселѣ. Начались хороводы, пѣніе. Образовались отдѣльныя толпы около качелей, горы, столбовъ. Нѣкоторые изъ гостей сошли съ террасы и подошли, чтобы смотрѣть поближе на одного смѣльчака, влѣзавшаго на самый высокій столбъ за плисовой поддевкой и сапогами. Нѣсколько разъ уже онъ обрывался и скользилъ внизъ, возбуждая насмѣшки зрителей, но не терялъ присутствія духа и лѣзъ снова, поднимаясь съ каждымъ разомъ все выше и выше.

— Петруха, опять въ Нижній поѣдешь скоро! кричали смѣльчаку изъ толпы.

— Эй, Петряй, смотри, морду облупишь...

— Столбъ-отъ, столбъ-отъ раздавишь...

— Ребята, сало лижетъ, сало лижетъ... У-у, поѣхалъ! кричалъ народъ, сопровождая смѣхомъ новое паденіе Петра. Но тотъ, опустившись внизъ, только оглянулся сердито, да отеръ потъ съ разгорѣвшагося лица и пошаркалъ руками землю.

— Не все вамъ смѣяться, бормоталъ онъ:—вотъ какъ все сало-то оботру со столба брюхомъ-то, такъ и кафтанъ мой будетъ: тогда и смѣйтесь... И онъ снова полѣзъ и еще съ большею быстротою и ловкостію, чѣмъ сначала. Народъ сначала смѣялся надъ новымъ его покушеніемъ, но когда Петръ поднялся до такой высоты, что оставалось сдѣлать еще послѣднихъ два-три движенія и онъ былъ бы у цѣли, а между тѣмъ онъ видимо ослабѣлъ и какъ бы въ отчаяніи прильнулъ къ столбу, крѣпко охвативши его руками, народъ вдругъ измѣнился: сначала затихъ, потомъ сталъ посылать ему ободрительныя привѣтствія. Долго висѣлъ Петръ въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ быстро рванулся вверхъ, сдѣлалъ смѣлое движеніе въ сторону и схватился руками за крестообразный перекладъ, лежавшій на вершинѣ столба. Но при этомъ ноги его оборвались и онъ повисъ на однѣхъ рукахъ въ вышинѣ семи саженъ надъ землею. Весь народъ застоналъ въ испугѣ, на террасѣ поднялся визгъ и пискъ, съ кѣмъ-то изъ дамъ хотѣло сдѣлаться дурно. Но Петръ уже былъ внѣ опасности: покачавшись нѣсколько секундъ на воздухѣ, онъ быстро взметнулся ногами на ту же перекладину, на которой висѣлъ, и, перевернувшись, сѣлъ на нее верхомъ. Все это было сдѣлано такъ быстро, что народъ не успѣлъ опомниться, но удовольствіе его было полное, неописанное, когда Петруха, сидя тамъ, на верху, взялъ въ обѣ руки поддевку, встряхнулъ ее и надѣлъ на себя, а на голыя ноги свои сталъ примѣривать сапоги. Когда Петруха спустился на землю, толпа съ громкими криками окружила его и увлекла куда-то.

Гости, находившіеся на террасѣ, и особенно дамы, желали видѣть героя, который такъ высоко взобрался по столбу. Рыбинскій послалъ человѣка, чтобы отыскать Петра, но его долго не могли найти, и когда подвели къ балкону, онъ былъ уже совсѣмъ пьянъ. Переваливаясь и глупо ухмыляясь, со шляпою въ рукѣ, подошелъ Петръ къ террасѣ.

— Что, братъ, ужь ты, видно, успѣлъ порядкомъ выпить? спросилъ его Рыбинскій.

— Есть, Павелъ Петровичъ, есть... Было...

— Ну, ничего, ничего для праздника... Да ты мой, или нѣтъ?..

— Какъ же... Твой, Павелъ Петровичъ, твой... Вашей милости... Значитъ, Петруха Назаровъ...

— Ну, братъ, молодецъ ты, Петруха Назаровъ, молодецъ... А я ужь думалъ, что на этотъ столбъ никто не влѣзетъ...

— Гм... Петруха Назаровъ завсегда... для вашей милости... значитъ, должны служить... потому слуга твой... Можно завсегда...

— Спросите его: какъ это онъ могъ сдѣгать, что такъ высоко вгѣзъ... говорила, обращаясь къ Рыбинскому, одна изъ дѣвицъ, очевидно желавшая обратить на себя вниманіе хозяина, для чего умышленно картавила, откидывала назадъ голову, принимала разнообразныя позы и придавала глазамъ то жгучее сладострастное, то мечтательное выраженіе.

— Слышишь: о чемъ спрашиваютъ? спросилъ Рыбинскій.

— Потому... господинъ приказалъ... а мы должны служить Потому господинъ желаетъ: Петруха Назаровъ, значитъ, влѣзь... Петруха Назаровъ долженъ... Вотъ и...

— Какая пхеданность къ вамъ, мсье Рыбинскій... воскликнула та же дѣвица.

— А ты, я вижу, Петруха Назаровъ, большой плутъ... Не только я тебѣ не приказывалъ ничего, я и не зналъ даже до сихъ поръ, что ты живешь на свѣтѣ... Вотъ ихъ преданность!.. заключилъ Рыбинскій, обращаясь къ окружавшимъ его.

— Поставленъ столбъ на произволящаго, для ихъ удовольствія, для забавы, а они считаютъ точно ихъ на барщину выгнали, а на барщину выйдутъ, такъ не работаютъ... Канальи — народъ, плутъ... замѣтилъ высокій, тучный и рябоватый помѣщикъ съ густыми бровями и суровымъ взглядомъ.

— Пока русскій крестьянинъ будетъ работать по приказанію, и праздничать тоже по приказанію, до тѣхъ поръ онъ будетъ считать и всякое гулянье на господскомъ дворѣ за барщину... И это я нахожу справедливымъ съ его стороны!.. возразилъ молодой человѣкъ не изъ богатыхъ, но проживавшій большею частію въ столицахъ, бѣлокурый изъ-рыжа и съ желчнымъ выраженіемъ лица.—

— Но надѣюсь, вы не думаете, что я сгонялъ своихъ мужиковъ палкой на этотъ праздникъ, который устроилъ для нихъ... возразилъ Рыбинскій, недовольный и почти оскорбленный словами молодаго человѣка.

— Помилуйте, я никогда этого не думалъ, я даже увѣренъ, что нынче не у многихъ помѣщиковъ и на барщину палкой выбиваютъ... Кажется, пора убѣдиться, что русскій крестьянинъ и безъ палки способенъ исполнять свои обязанности...

— Охъ, вы, молодые люди, возразилъ угрюмый помѣщикъ;— говорите вы обо всемъ смѣло да рѣшительно, точно все на свѣтѣ испытали... Живете вы въ столицѣ, мужика русскаго совсѣмъ не знаете, а туда же разсуждать беретесь... Ничего, сударь мой, русскій человѣкъ безъ кулака, да безъ палки не сдѣлаетъ... Это ужь какъ вы хотите... Повѣрьте моей опытности...

— Но, вѣдь, и вы русскій человѣкъ: зачѣмъ же вы себя добровольно обрекаете на вѣчные побои и поруганіе...

— Я, молодой человѣкъ,—другое дѣло, и ко мнѣ эти слова относиться не могутъ; вы, милостивый государь, слишкомъ вольнодумствуете: хотите поставить на одну доску меня и простаго мужика... что вы это проповѣдуете?.. а?... Я бы совѣтовалъ вамъ не очень давать волю своему языку... И не знаю, откуда вы набрались такой фанаберіи... Батюшка вашъ былъ человѣкъ смирный: бывало, ходилъ ко мнѣ и за счастіе почиталъ, когда его приглашали отобѣдать въ моемъ домѣ, а когда я упросилъ дворянъ, чтобы его выбрали въ засѣдатели, такъ онъ чуть въ ноги мнѣ не кланялся, руки цѣловалъ: тутъ онъ и состояніе себѣ составилъ... Вотъ что, молодой человѣкъ: вашъ родитель былъ человѣкъ смирный, почтительный: за то его и любили... Вотъ бы и вамъ съ кого примѣръ брать.

Молодой человѣкъ позеленѣлъ отъ стыда и злости , у него засохло въ горлѣ и горѣли глаза.

— Я жалѣю своего отца... Я стыжусь за него... Я никогда бы... никогда не знался съ такими людьми , какъ... говорилъ молодой человѣкъ прерывающимся и глухимъ голосомъ.

И Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ разговоръ, еслибы не вмѣшался въ него Палёновъ: желая пріобрѣсти еще новаго партизана, онъ надумалъ вступиться за молодаго человѣка.

— Позвольте мнѣ по этому поводу выразить свое мнѣніе,—заговорилъ онъ;—вѣкъ, къ которому принадлежалъ батюшка господина Кирѣева, былъ не тотъ, къ которому принадлежитъ онъ самъ. То былъ вѣкъ низкопоклонства, смиренномудрія, вѣкъ меценатства и кліентства; тогда не стыдились просьбы и поклона, великодушно оказывали благодѣяніе и безъ гордости протягивали руку помощи неимущему... Теперь насталъ вѣкъ личной

самостоятельности, вѣкъ энергической дѣятельности, сознаніе собственнаго достоинства развилось...

— Ну, понесъ... проговорилъ вполголоса и со смѣхомъ Рыбинскій.—Эй, Осташковъ, поди, скажи тамъ бурмистру, чтобы высылалъ гоняться въ запуски... Да, если хочешь запустись и самъ...

Осташковъ, который стоялъ внизу у террасы, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Многіе изъ окружавшихъ засмѣялись при словахъ Рыбинскаго.

— Что такое будетъ? Что такое будетъ теперь? спрашивали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Будутъ бѣгать въ запуски и побѣдитель получитъ одинъ изъ этихъ подарковъ, которые, видите, висятъ на аркѣ! отвѣчалъ Рыбинскій.

Близь террасы была поставлена деревянная арка, на которой висѣло нарядное крестьянское платье. Тотъ, кто первый возвратится къ аркѣ, пробѣжавъ извѣстное разстояніе, получитъ это платье, какъ призъ.

Палёновъ взялъ подъ руку Кирѣева и отвелъ въ сторону.

— Да, вотъ видите, чѣмъ занимается представитель привилегированнаго сословія и чѣмъ тѣшитъ и надѣется пріобрѣсти расположеніе своихъ избирателей... То любовался какъ пьяный дуракъ лазилъ на столбъ и чуть не сломилъ себѣ шеи, а теперь предлагаетъ посмотрѣть: кто изъ его пьяницъ скорѣе бѣгаетъ въ запуски... Ну, что это такое? скажите пожалуйста... И не забудьте, что этимъ занимается представитель дворянства... А настоящимъ своимъ дѣломъ, настоящими своими обязанностями не хочетъ заняться... Подобныя ребячьи забавы важнѣе для него дворянскихъ интересовъ...

— Признаюсь, я сначала думалъ, что Рыбинскій умнѣе и дѣльнѣе, нежели какъ выходитъ на самомъ дѣлѣ! отвѣчалъ желчный молодой человѣкъ.

— Рыбинскій умный и дѣльный человѣкъ! Помилуйте, что вы... Нѣтъ человѣка пустѣе его... Вѣдь, это только наше дворянство рѣшается выбирать такихъ людей въ предводители. Я не говорю уже о его развратной жизни... Но эта небрежность, невнимательность, даже какое-то обидное презрѣніе къ дворянству и его интересамъ!.. Конечно, можетъ быть, и потому, что онъ и самъ parvenu въ нашемъ сословіи и какимъ-то двусмысленнымъ способомъ получилъ это состояніе... И, представьте,

этотъ-то человѣкъ, говорятъ, рѣшается балотироваться въ губернскіе и надѣется быть избраннымъ...

— Ну, въ губернскіе-то прокатятъ...

— Ужь, признаюсь вамъ, если наше дворянство осрамится этимъ выборомъ, въ такомъ случаѣ лучше не числиться дворяниномъ нашей губерніи... Я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что вы, какъ современный и развитый человѣкъ, не положите свой шаръ на-право этому господину...

— Я полагаю... отвѣчалъ желчный молодой человѣкъ.

Между тѣмъ нѣсколько молодыхъ ребятъ, совершенно одинаково одѣтыхъ, въ красныхъ рубахахъ и легкихъ полосатыхъ шароварахъ, выстроились въ рядъ у арки.

— Ну, смотрите, ребята, говорилъ Рыбинскій, какъ ударю въ ладоши три раза, такъ и бѣжать. Ну, слушайте: разъ...

— А ты, Андрюха, не порывайся: что ногу-то выставилъ...

— Гдѣ выставилъ?... что тебя тутъ... А ты знай свое дѣло: мотри, не зѣвай...

— Не прозѣваемъ мы... А ты впередъ-отъ не забирай... Держи линію...

— Ну, молчите же, ребята... слушайте... Осташковъ, командуй же, коли самъ не хочешь бѣжать...

— Сейчасъ-съ, Павелъ Петровичъ... Я ихъ уставлю... Ну, ребята, р-а-азъ, два-а... Стойте, стойте... Вѣдь, еще не сказалъ три, такъ чего бѣжишь...

— Да вонъ все Андрюха рвется... Его коли пнъ изъ кона вонъ...

— Да что все Андрюха у васъ... Васька, чай, первый принялъ...

— Ну, стойте же, братцы, пожалуста, стойте... Вотъ какъ скажу три, такъ и бѣгите... распоряжался Осташковъ. Ну... Разъ, два, три...

Закинувши головы назадъ, выпуча грудь и животъ и размахивая руками ударились бѣжать состязающіеся.

Въ этомъ зрѣлищѣ, по правдѣ сказать, не было ничего интереснаго, но большинство гостей, находящихся на террасѣ, принимало повидимому большое участіе, кто кого опередитъ изъ этихъ бѣгуновъ. Но всѣ они бѣжали тихо и тяжело. Вдругъ изъ-за одного надворнаго строенія, съ которымъ только что поровнялись они, выскочилъ невысокій ростомъ, худощавый, растрепанный мужичонка, босой, въ клѣтчатой затасканой ру-

бахѣ. Онъ въ нѣсколько прыжковъ опередилъ бѣгущихъ и въ одно мгновеніе оставилъ ихъ за собою. До цѣли, отъ которой бѣгуны должны были возвращаться назадъ, онъ добѣжалъ задолго прежде всѣхъ прочихъ, перекувырнулся нѣсколько разъ черезъ голову и сѣлъ на землѣ въ ожиданіи бѣгущихъ. Вся толпа народа пришла въ движеніе, при появленіи этого новаго лица.

— А, Кутруга бѣжитъ, Кутруга бѣжитъ, кричали многіе. Вотъ бы кому бѣжать-то надо. Ужь этого бы никто не выперелилъ... Гдѣ его выпередить... Ловокъ больно, чортъ, бѣгать-то... Мотри-ка, мотри, что дѣлаетъ... Что дѣлаетъ-то, ребята... Ахъ ты, рви тебя горой... что дѣлаетъ...

Появленіе Кутруги оживило всѣхъ мужиковъ. Въ толпѣ поднялся шумъ, смѣхъ, гвалтъ. Между тѣмъ присяжные бѣгуны, добѣжавши до меты, спокойно поворотили назадъ и, несчитая Кутругу своимъ соперникомъ, заботились только, чтобы не отстать другъ отъ друга. Кутруга опять далъ имъ убѣжать впередъ себя на нѣсколько десятковъ сажень, потомъ вскочилъ, сразу обогналъ ихъ, и не добѣгая до террасы, вдругъ всталъ на руки, прошелъ на нихъ нѣсколько шаговъ, къ общему удовольствію, прокатился колесомъ мимо террасы, почти черезъ весь дворъ, и при громкомъ восторженномъ крикѣ народа, скрылся въ толпѣ и исчезъ. Никто уже не хотѣлъ и смотрѣть на остальныхъ бѣгуновъ, никто не замѣтилъ когда и кто первый изъ всѣхъ сталъ подъ аркою.

Рыбинскій пришелъ въ совершенный энтузіазмъ, забылъ о гостяхъ и объ искусственной солидности, которую накинулъ на себя ради важности и предводительскаго своего достоинства.

— Поймайте мнѣ его, приведите сюда... Я хочу видѣть его поближе! кричалъ онъ. Это замѣчательное явленіе... необыкновенная личность!... Ребята, да кто онъ, откуда?..

— Да это нашъ, батюшка, пастушонка, вотъ изъ деревни Нефедовки, такъ мужичонка ледащій, а смотри-ка ты, что дѣлаетъ... отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Что же мнѣ давно про него не сказали?..

— Странный человѣкъ, Павелъ Петровичъ, говорилъ Палёновъ, съ ироническою улыбкою, стоя въ другой сторонѣ террасы: отъ какихъ пустяковъ воодушевляется, приходитъ въ совершенно дѣтскій восторгъ!...

— Вотъ онъ, вотъ!... ведутъ, наконецъ! говорилъ Рыбинскій,

увидя, что двое мужиковъ вели Кутругу, который упирался, пріостанавливался, шолъ робко и нехотя...

— Поди сюда, поди сюда, Кутруга... Молодецъ, братъ, молодецъ... Не бойся же, поди сюда... Вотъ возьми себѣ все это платье, что виситъ тутъ: и кафтанъ и сапоги и шляпу, все возьми: ты это выигралъ...

Щедушное крошечное лицо Кутруги, похожее на засохшій лимонъ, съежилось еще больше, лукавые глаза запрыгали отъ радости; но онъ только посматривалъ на нарядное платье и не бралъ его, какъ бы опасаясь не смѣются ли надъ нимъ...

— Возьми же Кутруга: что-жь ты не берешь?... Эй, отдайте ему все, что есть на аркѣ... Поди же нарядись во все это и приходи сюда скорѣе... Я хочу, чтобы ты еще прошелъ колесомъ, какъ давеча... Поди же, переодѣнься поскорѣе...

Кутруга взялъ платье, поклонился въ ноги Рыбинскому, и, засмѣявшись громко, дѣтскимъ смѣхомъ, бросился бѣжать, точно боялся, какъ бы у него опять не отняли подарка.

— Ну, а вы, ребята, всѣ осрамились передъ нимъ! продолжая Рыбинскій, обращаясь къ гонявшимся: награда принадлежить по всѣмъ правамъ ему. На—те вотъ вамъ цѣлковый: подите выпейте...

Пристыженные, съ опущенными головами, пошли они къ толпѣ, ругая Кутругу, и бранясь между собою.

Кутруга явился одѣтый въ новое нарядное платье, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ.

— Ну, Кутруга, поди прежде всего выпей водки, сказалъ ему Рыбинскій. Ты, вѣдь, любишь водку?..

— Хе, хе, хе! засмѣялся Кутруга дребезжащимъ смѣхомъ. Какъ можно не любить водочку...

— Ну, такъ поди выпей, и потомъ потѣшь насъ: пройдись колесомъ... Кутруга живо исполнилъ приказаніе: выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ и прокатился вокругъ всего двора. Народъ оставилъ свои пѣсни и хороводы, чтобы посмотрѣть на этого доморощеннаго акробата.

— Не правда ли, господа, это замѣчательный господинъ? обратился Рыбинскій къ гостямъ.

— Да-съ, удивительный! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Меня просто приводитъ въ негодованіе этотъ восторгъ: вотъ чѣмъ занимается нашъ предводитель! пожимая плечами, вполголоса говорилъ Палёновъ.

Между тѣмъ объявили, что готово кушанье. За столомъ гости сами собою, безъ указанія хозяина и безъ предварительнаго, совѣщанія, разсѣлись по достоинству. Хотя большинство изъ гостей съ презрѣніемъ отозвалось бы объ этомъ, вышедшемъ изъ моды, несовремеменномъ размѣщеніи гостей по чинамъ, хотя самъ хозяинъ казался либераломъ; но тѣмъ не менѣе это размѣщеніе совершилось само собою: все ничтожное, мелкое, все, что́ составляло третью группу общества, по какой-то особенной силѣ тяготѣнія потянуло къ нижему концу стола, напротивъ все значительное, тяжеловѣсное, самоувѣренно размѣстилось около хозяина, на верхнемъ концѣ стола. Но, къ величайшей обидѣ этого верхняго конца, и особенно одного генерала, бывшаго въ числѣ гостей, а также и Палёнова, считавшаго себя тоже на правахъ генерала, Рыбинскій посадилъ рядомъ съ собою, по правую руку, и просилъ быть хозяйкою, постороннюю, мало извѣстную даму,—и пускай бы еще изъ важныхъ, а то изъ очень *среднихъ* по понятіямъ общества: жену лѣсничаго, у котораго Рыбинскій обыкновенно останавливался, когда бывалъ въ городѣ. Здѣсь слѣдуетъ оговорка: въ уѣздахъ, богатыхъ лѣсами, и производящихъ лѣсную торговлю, должность лѣсничаго вовсе не маловажная и личность его довольно значительна: тамъ онъ живетъ иногда очень роскошно, нанимаетъ на зиму въ городѣ прекрасную квартиру, держитъ лошадей и экипажи, знакомъ со всѣмъ околоткомъ, даетъ вечера и обѣды, на которыхъ шампанское иногда льется рѣкою. Если бы лѣсничій, женѣ котораго Рыбинскій сдѣлалъ такой преферансъ, принадлежалъ къ описанному сорту лѣсничихъ—ну, пусть бы еще такъ: общество могло бы оправдать Рыбинскаго; но въ настоящемъ случаѣ и этого оправданія не существовало: количество казенныхъ лѣсовъ въ уѣздѣ было самое незначительное, лѣсной торговли не производилось, а вслѣдствіе этого и самая личность лѣсничаго считалась весьма незначительною. Общество было возмущено и скандализировано крайнимъ образомъ. Генералъ, помѣстившійся за столомъ по лѣвую руку хозяина, пыхтѣлъ и краснѣлъ отъ неудовольствія; Палёновъ двусмысленно улыбнулся и что - то съ жаромъ нашептывалъ своему сосѣду, кидая презрительные взгляды на хозяина и жену лѣсничаго; маменьки невѣстъ вдругъ почувствовали ненависть и, даже, какое-то омерзѣніе къ Рыбинскому: онѣ снова разочаровались въ его нравственности, особенно когда нѣкоторыя изъ нихъ припомнили, что Рыбинскій, бы-

вая въ городѣ, останавливается у лѣсничаго. Разумѣется, всѣ эти ощущенія были скрыты съ тонкимъ приличіемъ; но все, однако, обѣдъ начался какъ-то невесело и молчаливо,—болѣе молчаливо, нежели начинаются вообще всякіе обѣды. Впрочемъ, роскошь кушаньевъ и изобиліе вина скоро развязали языки на нижнемъ концѣ стола; верхній конецъ, хотя не скоро, но тоже разговорился, и къ концу обѣда уже все общество единодушно и шумно бесѣдовало: и негодованіе общества какъ будто совершенно изгладилось или затихло... Но общество не знало, что въ этой самой залѣ, гдѣ оно обѣдало, находилось одно существо, никѣмъ не замѣченное, не многимъ и знакомое, въ душѣ котораго кипѣла ключемъ злоба противъ лѣсничихи... На хорахъ залы находились музыканты, которые должны были услаждать слухъ гостей, въ то время, какъ насыщались ихъ желудки. Среди нихъ за колоною скрывалось одно лицо, которое не сводило глазъ съ Рыбинскаго и его сосѣдки. Это была старая наша знакомая Параша, смотрѣвшая уже теперь не ребенкомъ-баловнемъ, но совершенно сформировавшейся женщиной. Съ лѣтами Параша стала хуже: черты лица ея сдѣлались очень рѣзки, а выраженіе глазъ сурово. Страсть и въ тоже время какая-то сдержанная, замкнутая злоба свѣтилась въ этихъ черныхъ глазахъ, когда они устремлялись на Рыбинскаго и лѣсничиху. Параша нѣкоторое время пользовалась большимъ расположеніемъ своего барина: одѣвалась франтовски, ѣла съ барскаго стола, имѣла особенную комнату и величалась во дворнѣ уже не Парашей, а Прасковьей Игнатьевной; даже начинала пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе на Рыбинскаго; какъ вдругъ знакомство его съ женой лѣсничаго совершенно охладило его къ Парашѣ. Хотя она пользовалась еще прежними преимуществами и удобствами, но Павелъ Петровичъ почти не обращалъ на нее вниманія, а вслѣдъ за бариномъ и догадливая на этотъ счетъ дворня начала выражать покинутой фавориткѣ свое недоброжелательство. Все это чрезвычайно оскорбляло страстную и самолюбивую натуру Параши; она догадывалась кто былъ причиною ея страданій и сегодня нарочно пришла посмотрѣть на свою соперницу. Жена лѣсничаго была маленькая, очень веселая и живая женщина, съ выпуклыми влажными губками, бойкими черными глазами и необыкновенно свѣжимъ цвѣтомъ лица. По мнѣнію Параши, она не имѣла въ себѣ ничего особеннаго и не заслуживала предпочтенія, какое оказывалъ ей ея баринъ: тѣмъ обиднѣе и больнѣе было для нея

это предпочтеніе. Не спуская глазъ, смотрѣла она на свою разлучницу, блѣднѣла, вздрагивала и придумывала мщеніе.

Между тѣмъ къ концу обѣда гости повеселѣли и разговорились; — даже Палёновъ забылъ, повидимому, и свое недоброжелательство къ хозяину, и свои цѣли, сдѣлался веселъ, любезенъ и многорѣчивъ.

Этотъ легкій обмѣнъ колкостей не остался незамѣченнымъ и обнаружилъ двѣ партіи: все молодое поколѣніе, къ которому, впрочемъ, относили себя и нѣкоторые очень пожилые и даже женатые люди, втихомолку посмѣивались надъ Паленовымъ и готовы были рукоплескать Рыбинскому; за то дамы и всѣ степенные, солидные люди, оскорбленные предпочтеніемъ, оказаннымъ лѣсничихѣ, были на сторонѣ Палёнова

Соперники замѣчали впечатлѣніе, производимое ихъ разговоромъ, и, конечно, онъ на этомъ не кончился бы, но въ это время налито было шампанское и музыка заиграла тушъ: гости поднялись съ бокалами въ рукахъ, чтобы принести поздравленіе имяниннику. Лишь только позатихъ шумъ отъ двигавшихся стульевъ и шаркавшихъ ногъ и всѣ гости заняли снова свои мѣста, какъ вдругъ поднялся, съ бокаломъ въ рукахъ, какой-то черный, грязный и растрепанный господинъ. Это былъ помѣщпкъ 60 душъ, Кочешковъ, присяжный уѣздный поэтъ, воспѣвавшій всевозможныя событія уѣздной жизни, одержимый бѣсомъ стихописанія къ великому огорченію супруги своей, женщины съ болѣзненнымъ плаксивымъ лицомъ, которая жаловалась каждому встрѣчному, что мужъ у нея напогибель ей данъ: навелъ дѣтей цѣлый домъ, а ни о семействѣ, ни о хозяйствѣ, ни о чемъ не хочетъ подумать; въ службу не идетъ, а только пьетъ цѣлый день для какого-то вдохновенія, да бумагу переводитъ. Имѣніе все разстроено, ничѣмъ заняться не хочетъ, де еще чѣмъ жену успокоиваетъ: вотъ, говоритъ, я скоро умру отъ душевныхъ какихъ-то страданій; тогда всѣ мои стихи отпечатаютъ и будутъ продавать дорогой цѣной, и ты разбогатѣешь. А какія страданія! весь жиромъ облился, никогда боленъ не бывалъ, поясница отъ роду не баливала, да еще увѣряетъ, что я, больная женщина, здоровѣе его, что я только тѣломъ страдаю, а онъ духомъ, что онъ нарочно отъ Бога созданъ такимъ непохожимъ человѣкомъ въ отличку отъ другихъ людей, что съ виду здоровъ, и толстъ, а всегда будто бы страдаетъ и мучится... и житъ ему недолго... Не умоется, не

причешется никогда: красота, говоритъ, моя внутри... Такъ, блажитъ весь вѣкъ, дуритъ, да еще меня же упрекаетъ, что у него возвышенная душа, а у меня не возвышенная... Да и не желаю я этакой возвышенной души... Погубилъ онъ меня съ ней...

— Позвольте васъ привѣтствовать, дорогой имянинникъ, отъ лица музъ, языкомъ поэта! сказалъ Кочешковъ, обращаясь къ хозяину.

— Ахъ, очень пріятно! Благодарю поэта за честь, которой онъ хочетъ меня удостоить... отвѣчалъ хозяинъ. Поднявши надъ головою бокалъ съ шампанскимъ, Кочешковъ началъ декламировать:

Ты предводитель нашъ любимый,
Избранникъ нашихъ всѣхъ сердецъ,
Отъ дворянства всего чтимый,
Добрый какъ дѣтьми отецъ...
Прими, руками музъ сплетенный
Тебѣ, хвалебный сей вѣнецъ!..

Далѣе слѣдовало воспѣваніе разныхъ добродѣтелей имянинника. За тѣмъ выражались желанія благодарныхъ сердецъ всѣхъ дворянъ уѣзда. По мѣрѣ чтенія поэтъ одушевлялся, и наконецъ пришелъ въ такой экстазъ, такъ замахалъ руками, что облилъ шампанскимъ и себя и сосѣдей.

Теперь, поэтомъ увѣнчанный,
Ты смѣло совершай свой путь.
Вѣнецъ отъ музъ, поэтомъ данный,
Славнѣй наградъ всѣхъ—не забудь!..
И какъ ты счастливъ въ день сей славный
Такъ и всю жизнь ты счастливъ будь...

— Браво! ура! Ура! съ одушевленіемъ закричало нѣсколько человѣкъ, для которыхъ всякая рифмованная галиматья кажется верхомъ мудрости, которые способны увлекаться и приходить въ одушевленіе отъ всякаго вздора, лишь бы онъ былъ высказанъ торжественно и съ азартомъ. Иные смѣялись втихомолку, другіе хохотали не стѣсняясь, но всѣхъ громче, всѣхъ откровеннѣе раздавался хохотъ нашего стараго знакомаго, добряка Комкова, такъ что заглушилъ и говоръ, и крики и обратилъ на себя общее вниманіе. Упершись руками въ бока, закинувши голову назадъ, раскрывши ротъ, покачиваясь и колеблясь тучнымъ туловищемъ, хохоталъ Комковъ до слезъ, до удушья.

— Да что съ вами? да что съ нимъ? спрашивали гости, смотря на Комкова и невольно улыбаясь.

Кочешковъ, не смотря на всю свою самоувѣренность и самообольщеніе, принялъ этотъ смѣхъ на свой счетъ и обидѣлся.

— Какъ бы ни было дурно поэтическое произведеніе, сказалъ онъ, но такое глумленіе во всякомъ случаѣ неприлично и доказываетъ только грубость душевную... Надъ произведеніемъ чувства и вдохновенія посмѣются развѣ только невѣжды...

— Охъ!.. охъ!.. отстань... не надъ тобой... едва въ силахъ былъ выговорить Комковъ, и съ новой силой залился тѣмъ же неудержимымъ хохотомъ.

— Да, что съ тобой, Яковъ Петровичъ?.. Что ты, братецъ, съ тобой истерика, сказалъ хозяинъ. Хоть скажи надъ чѣмъ хохочешь...

— Не... не... не могу... Охъ!.. ха, ха, ха!..

— Это однако же обидно... Что это такое!.. Въ такую торжественную минуту... бормоталъ Кочешковъ.

— Да отстань, не надъ тобой... Вотъ надъ кѣмъ!.. проговорилъ Комковъ, указалъ на Осташкова, и снова залился смѣхомъ.

Глаза всѣхъ съ любопытствомъ обратились на Осташкова, и онъ, бѣдный, то со смущеніемъ осматривалъ самого себя, то нерѣшительно, робко и вопросительно обводилъ глазами окружающихъ.

На силу, на силу, Комковъ прохохотался и могъ объяснить въ чемъ дѣло.

— Когда Кузьма Иванычъ читалъ свои вирши, я взглянулъ нечаянно на Осташкова... и если бы вы видѣли, господа, какая у него была рожа... ха, ха, ха!.. Онъ не зналъ, что ему нужно дѣлать при такомъ обстоятельствѣ: плакать ли, смѣяться ли; посмотритъ на всѣхъ—видитъ, что всѣ слушаютъ; и онъ уши наставитъ, слушаетъ, а видно, что ничего не понимаетъ... рожу старается сдѣлать плаксивую... Охъ, охъ!.. И вспомнилось мнѣ, какъ онъ только-что вступалъ въ свѣтъ, какъ мы у Неводова упрашивали его, чтобы онъ имѣній насъ не лишилъ... и какъ Параша у тебя его прельщала, а потомъ плюху дала... Вспомнилъ все это, да какъ взгляну на него... Ну не могу видѣть: смѣхъ такъ и одолѣваетъ... Ухъ, уморилъ!..

Комковъ вытеръ слезы на глазахъ.

— Что вспомнили! проговорилъ Осташковъ.

— Да, Осташковъ, давно это было, а вотъ—вспомнилось... Помнишь какъ ты хотѣлъ поцѣловать Парашу, а она тебѣ дала туза... Помнишь?..

— Ну, что вспоминать старое... Яковъ Петровичъ... Помоложе былъ... неопытнѣй, отвѣчалъ Осташковъ, застыдившись.

— Что это за Параша? спросила лѣсничиха съ коварной улыбкой.

— Это дѣвка у меня, которая отлично плясала по-цыгански.

— А теперь гдѣ же она?

— И теперь у меня.

— Я бы хотѣла посмотрѣть какъ она пляшетъ... Можно заставить?..

— Можно... Завтра во время спектакля она будетъ плясать...

— Пожалуйста... Ахъ какъ мнѣ хочется видѣть... Хорошо она пляшетъ?...

— Удивительно... когда воодушевится...

— А кто же этотъ Осташковъ? Онъ дворянинъ?...

— Да... однодворецъ...

— Что это значитъ?

— Дворянинъ безъ крестьянъ.

— Значитъ онъ очень бѣдный...

— Совсѣмъ нищій...

— Чѣмъ же онъ живетъ?

— Работаетъ, землю пашетъ... Да онъ-то прожилъ бы хорошо: онъ таскается отъ помѣщика къ помѣщику, его кормятъ, одѣваютъ, денегъ даютъ... А вотъ семья его несчастная, такъ нуждается...

— А у него и семья есть?

— Большое семейство... кажется, пять или шесть человѣкъ... Ахъ знаете что пришло мнѣ въ голову... У васъ нѣтъ дѣтей... возьмите у него дочь къ себѣ на воспитаніе...

— Ахъ... что же... это чудесно... Я съ радостью возьму, особенно если хорошенькій ребенокъ... Ну вотъ если какой нибудь больной или безобразный... ужь не люблю... А здороваго, хорошенькаго ребенка съ радостью возьму...

— Непремѣнно возьмите, продолжалъ Рыбинскій очень тихо и наклонился къ лѣсничихѣ. Это будетъ очень полезно для насъ. Во первыхъ придастъ смыслъ нашимъ отношеніямъ и дастъ намъ возможность чаще видаться... Ребенокъ будетъ на моемъ содержаніи, но мнѣ нельзя взять къ себѣ въ домъ дѣвочку: я холостой человѣкъ... у меня не кому присмотрѣть... и потому я прошу васъ заняться ея воспитаніемъ... Вы понимаете?... Во вторыхъ: для насъ очень можетъ быть полезенъ самъ этотъ ду-

ракъ Осташковъ... Онъ, какъ отецъ, можетъ часто бывать у васъ... и черезъ него, въ случаѣ надобности, вы безопасно можете передать ко мнѣ все, что будетъ нужно... А главное, меня утѣшаетъ то, что вы пристыдите всѣхъ этихъ нашихъ уѣздныхъ дуръ тѣмъ, что прежде всѣхъ ихъ вызоветесь сдѣлать доброе дѣло для одного изъ дворянъ нашего уѣзда... Такъ вы согласны?...

— Совершенно...

— Отлично... Послѣ обѣда же и объявите Осташкову... Ну, а потомъ, вѣдь, если надоѣстъ ребенокъ, отъ него отдѣлаться недолго: отдали въ пансіонъ—и дѣло съ концомъ... Ну, а это помните же: содержаніе ребенка на мой счетъ...

— Да это все равно... Объ этомъ не стоитъ говорить...

— Само собою разумѣется это останется между нами: я не хочу оглашать такихъ пустяковъ... Но мужъ вашъ на всякій случай долженъ знать объ этомъ... Вы понимаете—на всякій случай...

— Ахъ, тонкій политикъ! съ улыбкой проговорила лѣсничиха.

— Я не люблю компрометировать женщину... и дѣлать ее жертвою сплетенъ...

— А что, Параша будетъ плясать?..

— Непремѣнно...

— Что, она хорошенькая?

— Была...

— Была?... А теперь? и по лицу лѣсничихи опять скользнула лукавая улыбка.

— Теперь подурнѣла.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть поскорѣе!

— Увидите.

— А сегодня нельзя?... Послушайте: велите ей быть моей горничной, пока я здѣсь, у васъ...

— Что за фантазія... Однако мы такъ долго шепчемся, что обратимъ на себя общее вниманіе... Вашъ благовѣрный ужь, кажется, дуется...

Рыбинскій мелькомъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ лѣсничій, бѣлокурый, еще молодой человѣкъ, но уже съ истощеннымъ, осунувшимся лицомъ и впалыми щеками. Воспаленныя покраснѣвшіе глаза и зарумянившійся носъ его доказывали, что лѣсничій покутилъ-таки на своемъ вѣку. Онъ, дѣй-

ствительно, смотрѣлъ на Рыбинскаго и жену, но полузакрытые глаза его выражали скорѣе усталость, нежели досаду или ревность.

— Ему просто спать хочется! проговорила жена его въ полголоса и съ улыбкой.

Обѣдъ кончился. Рыбинскій поднялся съ своего мѣста и съ поклономъ пожалъ руку лѣсничихи, благодаря ее, какъ хозяйку. Затѣмъ уже обратился къ прочимъ дамамъ. Молодые люди, слѣдуя примѣру Рыбинскаго съ любезностями окружили временную хозяйку. Гости-тузы не хотѣли признать ее и, раскланявшись съ хозяиномъ, неловко отворачивались отъ жены лѣсничаго и уходили прочь. Незнакомыя съ нею, особенно богатыя дамы окидывали ее гордымъ, презрительнымъ взглядомъ и проходили мимо; но знакомыя и принадлежавшія къ тому уѣзду, котораго Рыбинскій былъ предводителемъ, не выдержали, и, побѣдивши внутреннее неудовольствіе, съ улыбками и привѣтствіями подавали руку ненавистной лѣсничихѣ; нѣкоторыя даже, не будучи знакомы, заговаривали и просили позволенія познакомиться.

— Mesdames, сказалъ Рыбинскій, умышленно громко, ведя подъ руку Осташкова, который былъ въ смущеніи отъ такой чести и безпрестанно цѣловалъ предводителя въ плечико. Сегодня за обѣдомъ Юлія Васильевна, объявила мнѣ свое намѣреніе сдѣлать доброе дѣло для одного изъ нашихъ дворянъ, именно вотъ для монсеньора Осташкова: она хочетъ взять на воспитаніе къ себѣ его дочь. Не правда ли, что это доброе дѣло? Она меня даже сконфузила, когда я вспомнилъ, что я ничего еще не успѣлъ сдѣлать для его семьи. Юлія Васильевна, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ лѣсничаго, вотъ рекомендую вамъ тотъ господинъ Осташковъ, многочисленность семейства котораго такъ тронула ваше доброе сердце.

Юлія Васильевна нѣсколько сконфузилась.

— Но зачѣмъ же вы объявляете объ этомъ съ такой помпой! сказала она съ легкимъ упрекомъ.

Осташковъ, немного навеселѣ, скоро разчувствовался, и со слезами на глазахъ, поцѣловалъ ручку Юліи Васильевны.

— Не оставьте вашими милостями. Заставьте за себя вѣчно Бога молить. Покорнѣйше васъ благодарю за ваше такое неоставленіе... Богъ васъ наградитъ, что не оставляете бѣднаго человѣка... говорилъ онъ, отирая глаза.

— Ахъ, господинъ Осташковъ, мнѣ, право, совѣстно... Пойдемте отсюда куда нибудь... Мы поговаримъ съ вами наединѣ... И она ушла съ Осташковымъ въ другія комнаты.

— Юлія Васильевна, кажется, разсердилась на меня, что я объявилъ объ ея намѣреніи; но доброта ея сердца привела меня въ восторгъ, и я, какъ предводитель, счелъ себя обязаннымъ торжественно высказать ей благодарность за одного изъ нашихъ дворянъ. Вѣдь никому же изъ насъ, господа, не пришло въ голову сдѣлать что нибудь для дѣтей Осташкова... На будущихъ выборахъ, господа, нужно пристроить котораго нибудь изъ его сыновей.

— Конечно, конечно! послышалось нѣсколько голосовъ.

— Я еще утромъ сегодня имѣлъ честь говорить вамъ объ этомъ,—замѣтилъ Палёновъ, съ горькою улыбкой; но вамъ не угодно было обратить вниманія на мои слова... И я объявилъ тогда же Осташкову, что такъ какъ дворянство не желаетъ обратить вниманія на его бѣдственное положеніе, то я одинъ беру на себя воспитаніе и образованіе его сына. Еще давеча утромъ объявилъ я ему объ этомъ.

— Я этого всегда ожидалъ отъ васъ, Николай Андреичъ, отвѣчалъ Рыбинскій, я это предвидѣлъ — и потому не торопился говорить объ этомъ. Я убѣжденъ, что все наше дворянство всегда считало васъ способнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло, если бы вы даже и не изволили объявить о вашемъ намѣреніи облагодѣтельствовать Осташкова... Но тѣмъ лучше: теперь судьба двоихъ изъ его дѣтей устроена: намъ надобно будетъ подумать на выборахъ куда бы помѣстить другаго его сына... Однако, господа, до выборовъ еще долго... Пойдемте курить.

И гости шумною толпою двинулись влѣдъ за хозяиномъ на террасу.

III.

— Ну, такъ какъ же, господинъ Осташковъ, вы отдадите мнѣ вашу дочь?... спрашивала Юлія Васильевна Осташкова въ другой комнатѣ... Да какъ васъ зовутъ?

— Такъ точно-съ: то самое прозваніе... Осташковъ... прозываюсь... отъ своего рода.

— Нѣтъ ваше имя?

— Никаноръ-съ...

— А отчество?

— Александрычъ...

— Ну-съ, Никаноръ Александрычъ, такъ вы отдадите мнѣ вашу дочь?

— Какъ же я могу это сдѣлать, чтобы не отдать... Я долженъ это за великое счастіе почитать... Вы хотите мнѣ этакую добродѣтель сдѣлать, а я бы сталъ еще ломаться...

— И вамъ не жалко будетъ?

— Эхъ, матушка, ихъ у меня много... конечно, какъ своего дѣтища не жалко; да, вѣдь, я ее не на бездолье отдамъ, для ея же счастья. А у меня-то, при моей бѣдности, чтобы она увидѣла... Какое бы я ей могъ образованье, или ученье предоставить...

— Я ее буду держать какъ барышню, учить по-французски, на фортепьянахъ... Вы рады будете?...

— Какъ же не радоваться... что же ужь этого лучше...

— А у васъ много дѣтей?

— Да не много не мало: шестеро, да седьмой скоро будетъ. Три сына да три дочери... Это добро, матушка, скоро копится... не что другое... У меня жена, слава Богу: что ни годъ, то и ребенокъ...

Юлія Васильевна засмѣялась и закрылась платкомъ. Осташковъ тоже засмѣялся...

— Да что дѣлать-то, сударыня... люди мы еще молодые...

Юлія Васильевна засмѣялась еще громче.

— Ахъ, что онъ говоритъ...

— Вы на меня, матушка, не прогнѣвайтесь: я человѣкъ не ученый, темный... Можетъ, что и не такъ скажу: не осудите...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Вы очень любите вашу жену?...

— Какъ же не любить жены... Кого же и любить, коли не жену...

— Ужь будто и нельзя нелюбить жену...

— Да какъ же это можно... Зачѣмъ же и жена, коли ее не любить...

— О, хитрите!... А какъ же давеча разсказывали, что вы хотѣли поцѣловать какую-то Парашу...

— Ну да что это... это ничего больше, какъ одно шаловство было... Да, вѣдь, ужь это давно же и было... Молодъ тогда еще былъ, неопытенъ...

— А что это за Параша такая?..

— Такъ дѣвчонка въ то время была у Павла Петровича... на счетъ танціевъ.

— Хорошенькая?

— Ну ужь знатная дѣвка, писанная... да и воръ же была...

— А теперь гдѣ же она?

— И теперь при здѣшнемъ домѣ находится... Ну, да теперь совсѣмъ не то стала...

— Что же, подурнѣла?

— Нѣтъ, она и теперь еще изъ лица-то авантажна... Ну, ужь извѣстно все не то, что прежде... А то, что гораздо степеннѣе стала... Тоже годы... Опять же и дѣтная стала...

— Какъ дѣтная? что это значитъ?

— А такъ... значитъ, своими дѣтями обзавелась... Вотъ и присмирѣла... Дѣти-то, вѣдь, матушка... они... ой, ой, ой! сколько заботы-то прибавляютъ...

— Развѣ она за-мужемъ?

— Нѣтъ, какое же за-мужемъ... Она такъ то есть въ комнатахъ... Осташковъ подмигнулъ. Что дѣлать-то, сударыня!... Это ужь этакое дѣло. Безъ этого мужчинѣ нельзя, хоть весь бѣлый свѣтъ изойди... Баринъ тоже холостой, молодой... не на сторонѣ же искать.. Извѣстно, какъ бы женатъ былъ, такъ объ этомъ бы не думалъ: свой бы законъ былъ... Да вотъ нѣтъ, не женится... Видно, по сердцу не находитъ...

Юлія Васильевна молчала и сидѣла задумчивая и сердитая, нахмуривши брови и надувши губки.

— Что вы, матушка, не на меня ли за что прогнѣвались... не сказалъ ли чего въ обиду?

— Нѣтъ... такъ... голова что-то болитъ... Что же эта Прасковья здѣсь какъ хозяйка, какъ барыня?...

— Э, полноте-ка, матушка. Развѣ Павелъ Петровичъ такого ума человѣкъ, чтобы далъ холопской крови властвовать... Нѣтъ, вѣдь, онъ изъ умныхъ умный: сами изволите знать... Это дѣло такое... Вѣдь, не холопъ и самъ дѣлѣ... Извѣстно, русская пословица говорится: полежала кость на столѣ, пока не оглодали... а оглодали — и подъ лавкой наваляется... Была и Парасковья Игнатьевна въ чести, а все полной хозяйкой не была... А теперь, вотъ ужь съ годъ.... кажись, и совсѣмъ ея честь отошла... Кажись, ужь совсѣмъ ее отставилъ отъ себя... Нѣтъ, вѣдь, это такое дѣло: потѣшился, надоѣла... Ну, и пошла прочь...

Юлія Васильевна повеселѣла.

— Ну, такъ привозите же, Осташковъ, вашу дочку... Вы мнѣ которую же отдадите?...

— А вотъ, матушка, позвольте... тоже съ женой надо переговорить... Надо полагать ужь станемъ просить васъ взять старшенькую.,.

— А что она хорошенькая?...

— Ну, ужь знатная дѣвочка... Такая дѣвчонка... веселая да вострая... Ужь откуда бы ни пріѣхалъ: тятька гостинку подай... затормошитъ... Кажись, кабы не наша бѣдность не разстался бы съ ней ни за что... Да что дѣлать, сударыня... бѣдность!... И жаль да отдашь...

— Ну, такъ привозите же!... проговорила Юлія Васильевна, вставая.

— Такъ позвольте же матушка... Вѣдь, я вотъ говорилъ съ вами, и дочку отдать хочу... какъ по Павлу Петровичу... А вѣдь ни имени вашего, ни отчества не знаю... Извините, матушка.

— Меня зовутъ Юлія Васильевна Кастрицкая... Мужъ мой лѣсничимъ въ здѣшнемъ городѣ.

— Ну, матушка... буду помнить... Позвольте же ручку вашу поцѣловать... Покорнѣйше васъ благодарю. . Такое вы милосердіе дѣлаете, что... ужь зрѣть не можно...

Осташковъ старательно теръ платкомъ глаза, ожидая, что изъ нихъ польются слезы.

Юлія Васильевна пошла отыскивать своего мужа. Она отыскала его въ сторонѣ на террасѣ, дремлющимъ, съ полузакрытыми глазами. Въ одной рукѣ онъ держалъ трубку, а въ другой карту.

— Пройдемся со мной по саду: мнѣ надобно поговорить...

— Нѣтъ, матушка, не могу: глаза слипаются, спать хочется... А вотъ еще карту всучили: играть надобно... Да говори: здѣсь никто не услышитъ...

— Ты знаешь, mon cher, сказала Юлія Васильевна, я беру къ себѣ пріемыша...

— Слышалъ, матушка, что-то такое, да не понялъ хорошенько... Какого пріемыша!... Что ты тутъ еще затѣяла...

— Тутъ есть дворянинъ Осташковъ, очень бѣдный человѣкъ, а у него большое семейство, такъ я хочу взять у него дочь на воспитаніе.

Лѣсничій захохоталъ.

— Чего не выдумаетъ... Да за чѣмъ она тебѣ... что ты съ ней будешь дѣлать?...

— У насъ нѣтъ своихъ дѣтей: она будетъ у насъ вмѣсто дочки...

— Очень нужно... навязать себѣ на шею какого-нибудь пострѣленка...

— Что же, она будетъ занимать меня; служить мнѣ развлеченіемъ...

— Чортъ знаетъ что такое!... Чего женщинамъ не придетъ въ голову...

— При томъ она намъ ничего не будетъ стоить... Все содержаніе ея Павелъ Петровичъ беретъ на себя...

— Иванъ Михайловичъ, пойдемте... Пора!... позвалъ лѣсничаго одинъ изъ его партнёровъ, показывая ему издали карту.

— Иду, иду, отвѣчалъ лѣсничій, поспѣшно поднимаясь со своего мѣста... Ну, какъ знаешь, матушка... Это не мое дѣло... проговорилъ онъ наскоро, уходя отъ жены.

IV.

Вскорѣ послѣ обѣда нѣкоторые изъ гостей, впрочемъ весьма немногіе, и въ томъ числѣ Палёновъ, уѣхали домой: Рыбинскій не сказалъ ни одного слова, чтобы остановить ихъ: хотя такой скорый отъѣздъ и не былъ для него пріятенъ, но онъ зналъ, что уѣзжаютъ его недоброжелатели. Прочіе гости также мало по малу разбрелись: иные, по привычкѣ, соснутъ послѣ обѣда, многіе сѣли играть въ карты, другіе пошли шляться по саду, любители вмѣшались въ толпы гуляющаго народа, гдѣ много алѣло красныхъ платковъ и передниковъ, дамы разошлись по отведеннымъ для нихъ комнатамъ, чтобы приготовиться къ предстоящему балу, который назначенъ былъ въ 9 часовъ вечера. Осташковъ, полусонный, съ мигающими, едва смотрящими на свѣтъ Божій глазами, въ надеждѣ будущихъ благъ, помѣстился возлѣ карточныхъ столовъ, съ полнымъ самоотверженіемъ предназначая себя на закуриваніе трубокъ, подаваніе огня и т. п. услуги играющимъ. Рыбинскій отказался играть въ карты подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно осмотрѣть приготовленія къ предстоящему вечеру. Онъ вышелъ въ садъ, мимоходомъ заглянулъ въ павильонъ, гдѣ сегодня долженъ быть балъ, а завтра балетъ и спектакль, поглядѣлъ на

приготовленія къ фейерверку, и потомъ углубился въ отдаленную и запущенную часть сада. Эта часть сада составляла совершенный контрастъ съ другою его половиной, прилежащей къ дому, вычищенной, подстриженной, прибранной. Здѣсь вѣковыя угрюмыя сосны, кудрявыя веселыя березы, роскошныя липы росли безпорядочно, но во всей безъискусственной красѣ своей. То сбивались они въ сплошную непроникаемую для солнечныхъ лучей чащу, въ которой свѣтлозеленая листва и бѣлый стволъ березъ ярко оттѣнялись на темной зелени сосны и липы; здѣсь и днемъ царствовалъ полумракъ, сюда никогда не проникали солнечные лучи и грудь жадно вдыхала сырой, напитанный древеснымъ дыханіемъ, воздухъ. То вдругъ, какъ бы съ умысломъ, деревья разступались, оставляя среди себя всю освѣщенную солнцемъ, всю радостно сіяющую, луговину. Рыбинскій вышелъ на просѣку, раздѣлявшую этотъ паркъ, сквозь которую съ одной стороны виднѣлся его домъ, и остановился здѣсь. Онъ видимо кого-то ожидалъ, потому что оглядывался въ ту и другую сторону, прислушивался и ходилъ нетерпѣливо взадъ и впередъ. Мѣсто это казалось очень уединенно и пустынно, особенно послѣ того шума и движенія, который остался назади и гулъ отъ котораго долеталъ даже сюда. Съ четверть часа ходилъ Рыбинскій такимъ образомъ, наконецъ ему; какъ видно, надоѣло это ожиданіе; онъ легъ въ тѣни и довольно равнодушно закурилъ сигару. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени вдали отъ дома показалась женская фигура; Рыбинскій замѣтилъ ее, бросилъ сигару и пошелъ къ ней на встрѣчу. Это была Юлія Васильевна.

— Юлія, ангелъ мой, что ты такъ долго, говорилъ Рыбинскій, встрѣтясь съ нею и протягивая руку.

— Я не хотѣла было совсѣмъ идти! сухо отвѣчала она.

— Отчего это? Посмотри какъ здѣсь хорошо: прохладно и уединенно. Здѣсь насъ никто не увидитъ. Я нарочно выбралъ это время, послѣ обѣда: теперь никому не придетъ охоты идти сюда: всѣ либо отдыхаютъ, либо играютъ въ карты, а ваша братья, барыни, погружены въ осматриванье и приготовленіе своихъ тряпокъ къ вечеру. Слѣдовательно, эти минуты принадлежатъ намъ, это наше время.

Изъ просѣки они повернули въ чащу, и при послѣднихъ словахъ Рыбинскій хотѣлъ обнять Юлію Васильевну.

— Оставьте меня, сказала она, уклоняясь отъ него.

— Что это значитъ? спросилъ Рыбинскій съ удивленіемъ.

— Я досадую на себя, что рѣшилась исполнить свое обѣщаніе и пошла сюда; этого мало сказать, что досадую,—я презираю себя.

— Юлія, да что съ тобой? Это не ты, это не твои слова, не твое лицо! Зачѣмъ эти сердитые взгляды, эти надутыя губки... Ты шалишь, шутишь?...

— Да... А вотъ эти слова, такъ похожи на васъ: вы думаете, что женщина всегда должна быть весела, мила, забавна, потому что она служитъ игрушкою для васъ: даже иногда можетъ казаться и сердитою, огорченною, несчастливой, но только ради шутки, для того, чтобы заинтересовать васъ новостью, разнообразіемъ.

— Послушайте, Юлія Васильевна: это становится наконецъ скучно. Вы или объясните мнѣ въ чемъ дѣло, или лучше прекратите нашу прогулку. Я васъ ожидалъ вовсе не для того, чтобы видѣть васъ въ дурномъ расположеніи духа. Вы знаете, что я люблю васъ вовсе не такою, какою вижу васъ теперь.

— Вы любите! съ горькой усмѣшкой проговорила Юлія Васильевна. Какъ вы рѣшаетесь повторять эти слова, когда я знаю, что вы находились, а можетъ быть, и теперь еще находитесь въ связи съ одной женщиной...

Рыбинскій засмѣялся.

— Это было бы очень смѣшно и наивно, еслибъ я сталъ увѣрять васъ, что до 30 слишкомъ лѣтъ (Рыбинскій не хотѣлъ сказать, что ему минуло 40) я не зналъ женщинъ,—и вы были первая, съ которою я сблизился.

— Но вы увѣряли меня, что любите; вы клялись, что не любите ни одну женщину такъ какъ меня.

— Да, это правда...

— Правда... Какая же правда, когда вы держите около себя другую женщину, которую любите!...

— Да про кого вы говорите? растолкуйте мнѣ, ради Бога!

— А, вы не знаете... А Параша?..

Рыбинскій захохоталъ.

— Ну, послушайте, Юлія, какъ вамъ не стыдно: къ кому ты меня ревнуешь, съ кѣмъ ставишь себя на одну доску?... Съ дѣвкой, съ горничной...

— Но, вѣдь, ты любилъ же ее?..

— Да развѣ ты не понимаешь какая это любовь?.. Это такая

же любовь, какъ напримѣръ любовь къ рюмкѣ водки, которую пьешь до обѣда, къ сигарѣ, которую любишь выкурить послѣ обѣда, это одно физическое, такъ сказать, ощущеніе... о которомъ даже и говорить совѣстно. Притомъ, если бы и можно было, положимъ, назвать любовью то, что я чувствовалъ къ Парашѣ, такъ я уже не люблю ее теперь, съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ тебя...

— Вотъ, можетъ быть, придетъ время когда и обо мнѣ ты тоже скажешь, что любилъ меня такою... Теперь я увѣрена, что ты и меня бросишь впослѣдствіи, какъ игрушку, которая тебѣ надоѣла... А прежде я думала, я мечтала было, что ты никогда меня не разлюбишь, никогда не бросишь... Скажи, Поль, это можетъ случиться, или нѣтъ?..

— Эхъ, какъ я не люблю обращаться съ вопросами къ будущему, или вспоминать и думать о прошедшемъ... По моему, человѣкъ долженъ жить только въ настоящемъ, потому что только о настоящей минутѣ онъ можетъ сказать, что она ему принадлежитъ... Мнѣ кажется, всѣ эти ваши думы, мечты и ожиданія только мѣшаютъ вамъ жить: зачѣмъ я буду вспоминать печальное прошедшее, когда такъ хорошо настоящее, зачѣмъ мнѣ отравлять это настоящее ожиданіемъ худаго въ будущемъ, или тѣшить себя, можетъ быть, несбыточными мечтами о будущемъ счастіи, тогда какъ оно подъ руками... И кто можетъ поручиться за будущее? Думала ли ты, выходя за-мужъ, что эти цѣпи, которыя ты добровольно надѣвала, будутъ тяготить тебя; что этотъ господинъ, твой супругъ, который казался тебѣ въ то время совершенствомъ, образцомъ всѣхъ мужчинъ, сдѣлается въ твоихъ же глазахъ, такимъ пошлымъ, ничтожнымъ существомъ...

Въ это время чаща лѣса, которою они шли, вдругъ раздвинулась и зеленой, непрерывной рамкой окружила большой широкій прудъ. Свѣтлый, прозрачный и неподвижный, сверкая солнечными лучами, отражая въ себѣ небо и прибрежныя деревья, блестѣлъ онъ, точно огромное зеркало, положенное здѣсь въ густотѣ лѣса для того, чтобы въ него могли смотрѣться съ вершинъ деревъ лѣсныя нимфы.

— Ахъ, посмотри, какъ здѣсь хорошо! Вотъ сядемъ здѣсь... говорилъ Рыбинскій, опускаясь на траву и привлекая къ себѣ Юлію Васильевну. Ну, подумай, продолжалъ онъ, было ли бы это хорошо или умно, еслибъ теперь вотъ, въ настоящую минуту, когда на душѣ у меня такъ весело, когда я чувствую,

что люблю тебя и когда мнѣ хочется выражать тебѣ эту любовь, я вдругъ сталъ бы смущать себя вопросами: а что, Юлія, всегда ли ты будешь любить меня... И зачѣмъ мнѣ объ этомъ думать, когда я знаю, что моя Юлія любитъ меня, что отъ меня зависитъ, чтобы она любила меня всегда...

— Ахъ, какой самоувѣренный... А почемъ вы знаете: можетъ быть, я не люблю васъ...

— Потому что меня не можетъ не любить та, которую я люблю... отвѣчалъ Рыбинскій, крѣпко обнимая и цѣлуя Юлію...

— Гадкій... Онъ всегда дѣлаетъ изъ меня все, что хочетъ... лепетала она, страстно обвивая руками его шею...

Вдругъ что-то невдалекѣ отъ нихъ съ шумомъ упало въ воду. Наши влюбленные встрепенулись. Послѣ перваго движенія невольнаго испуга, Рыбинскій скоро пришелъ въ себя и потихоньку приподнялся надъ берегомъ пруда, чтобы разсмотрѣть въ чемъ дѣло. Юлія Васильевна, напротивъ, какъ бы замерла на мѣстѣ. Это былъ Осташковъ. Безплодно просидѣвъ часа два около карточнаго стола, онъ наконецъ чувствовалъ, что не въ силахъ болѣе одолѣвать сонъ и надумалъ, для ободренія себя, выкупаться; но такъ какъ около ближайшихъ прудовъ былъ постоянно народъ, поэтому онъ и разсудилъ отправиться въ такъ называемый лѣсной прудъ, уединенность котораго ему была извѣстна.

Когда Рыбинскій объяснилъ Юліи причину ихъ успуга, она всплеснула руками и закрыла лицо.

— Ахъ, какой срамъ, онъ вѣроятно все видѣлъ и разскажетъ по всему уѣзду... Я убѣдилась, что онъ страшный болтушка: онъ, вѣдь, мнѣ и про тебя и Парашу все разсказалъ. Ахъ, какой срамъ, Господи!

— Что онъ насъ не видалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, иначе онъ не осмѣлился бы купаться такъ близко отъ насъ. Впрочемъ я это сейчасъ узнаю... Ты поди впередъ, а я пойду къ нему и поговорю съ нимъ: я тотчасъ узнаю по его лицу и словамъ, видѣлъ онъ насъ или нѣтъ... Въ просѣкѣ ты подожди меня: я тебя нагоню вмѣстѣ съ нимъ и покажу видъ какъ будто нечаянно встрѣтились.

Юлія Васильевна мигомъ прянула въ лѣсъ; но лишь только она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ лѣсу, какъ лицомъ къ лицу очутилась передъ незнакомой ей женщиной, которая стояла неподвижно на дорогѣ. Черные глаза ея, прямо устремленные на лѣсничиху, сверкали зловѣщимъ огнемъ, блѣдное суровое лицо

выражало ненависть и злобу. При взглядѣ на нее Юлія Васильевна задрожала и чуть не вздрогнула отъ испуга. Мгновенно, по инстинкту, она отгадала, что это была Параша.

— Что вы, барыня, али заблудились? спросила она ее, злобно усмѣхаясь.

— Нѣтъ... я не заблудилась... чуть слышно пролепетала сконфуженная Кастрицкая.

— Такъ какъ же вы сюда зашли: въ этакую глушь и даль...

— Такъ... я гуляла... отвѣчала Юлія Васильевна, стараясь пройдти мимо Параши.

— Неужто вы здѣся одни... гуляли-то... безъ кавалера? продолжала Параша, слѣдя за нею.

— Одна... машинально отвѣчала Юлія Васильевна.

— Какъ же вы это такъ одни?... этакъ вы еще напугаетесь чего... Вы бы хоть вотъ Павла Петровича попросили проводить... Онъ вотъ тутъ не подалеку... прошелъ съ какой-то барыней...

При послѣднихъ словахъ Параша насмѣшливо улыбнулась, стараясь заглянуть въ лицо Кастрицкой.

— Вы не видали его?... приставала она.

— Нѣтъ... не видала...

Параша злобно усмѣхнулась.

— Не видали... Мудреное это дѣло, какъ это вы съ нимъ не встрѣтились..! Онъ тутъ близехонько сидѣлъ съ одной барыней... И барыня-то эта больно на васъ похожа... Ну, какъ есть одно лицо съ вами... Мм... не видали...

Юлія Васильевна совершенно растерялась и шла молча, стараясь уйти отъ своей преслѣдовательницы; но Параша замѣтила смущеніе ея и съ злою радостью тѣшилась имъ.

— Такъ не видали, барыня?... спрашивала она, опять заглядывая въ лицо соперницы... А я видѣла... И барыню-то знаю... Замужняя, вѣдь... А отъ живаго мужа съ чужимъ мущиной въ лѣсу гуляетъ... Ай да барыня!... Вотъ бы мужу-то сказать... Пускай бы поучилъ хорошенько... Да и на что только баринъ польстился, какъ я посмотрѣла: ни чѣмъ, ничего въ ней нѣтъ хорошаго... Такъ, ровно бѣлка... выжига какая-то.

Юлія Васильевна увидѣла наконецъ, что ей не уйти отъ преслѣдованія этой женщины, она поняла, что Параша замѣтила ихъ свиданіе и говорила прямо на ея счетъ и съ намѣреніемъ оскорбить ее. Смущеніе и страхъ мало по малу уступили въ душѣ ея

мѣсто досадѣ. Она вдругъ остановилась, и сердито проговорила Парашѣ:

— Послушай, что ты пристала ко мнѣ?... Я съ тобой не говорила и не хочу говорить... Какъ это ты смѣешь безпокоить меня?... Поди прочь!...

— Барыня, да намъ дорога-то одна... Я только васъ провожаю, чтобы съ вами кто не встрѣтился, да не подумалъ бы про васъ чего, что вы такъ далеко гуляете... Вотъ, вѣдь, я только для чего...

— Поди... я не прошу тебя... Мнѣ не нужно, чтобъ ты меня провожала...

— Что же? Али Павла Петровича будете дожидаться? спросила Параша и захохотала...

— Да, его дожидаюсь: и когда онъ придетъ, я нажалуюсь на тебя, мерзкая, чтобъ ты не смѣла говорить дерзости... И не смѣла подсматривать... И какъ ты смѣешь со мной говорить...

— Параша вся побѣлѣла отъ злости и ни мало не испугалась угрозъ Кастрицкой. Она, какъ будто, только того иждала, чтобы раздразнить ее, вывести изъ себя и развязать свой языкъ, до сихъ поръ стѣсняемый невольнымъ чувствомъ, если не уваженія, то осторожности передъ барыней. Теперь гнѣвъ вполнѣ овладѣлъ ею и она даже не хотѣла скрывать его.

— Да что мнѣ не говорить-то съ тобой! отвѣчала она на то. Что ты лучше что ли меня, хоть и барыня называешься... Ты такая же любовница барина какъ и я, только еще послѣ меня... Я по прежде тебя была у него... Вотъ что... Да еще видно и почестнѣе тебя буду, я дѣвка; ни кѣмъ не обвязана, а ты отъ мужа гуляешь... Слышала?... Такъ нечего тебѣ стращать меня бариномъ... Я его знала по прежде тебя: ничего онъ не посмѣетъ со мной сдѣлать: у насъ дѣти есть... Вы думали уворовать ся отъ меня?... Нѣтъ, не уворуетесь... Вездѣ найду... Ты думаешь я не догадалась зачѣмъ онъ тебѣ эту угольную комнату отвелъ и ходъ особливый... Нѣтъ, голубушка, не дамъ я тебѣ отовладѣть его у меня... И не думай... Пусть лучше жизни своей лишусь, пусть онъ меня разобьетъ, а ужь не дамъ вамъ надругаться надо мной... Вотъ возьму, да такъ глаза и выцарапаю, всѣ волосы твои растреплю...

И Параша съ угрожающимъ жестомъ подняла руку. Юлія Васильевна оледенѣла отъ ужаса, и, ни слова не говоря, ни смѣя пошевелиться, смотрѣла на нее: Параша была выше цѣлой голо-

вой, а угрюмое лицо, искаженное бѣшенствомъ, и мрачные, сверкающіе глаза, были дѣйствительно страшны.

Между тѣмъ Рыбинскій, оставшись одинъ, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купался Осташковъ. Тотъ, увидавши его, удивился и сконфузился: глупо ухмыляясь, онъ присѣлъ въ воду по горлышко, чтобы не показать предводительскимъ очамъ своего обнаженнаго тѣла.

— Эй, Осташковъ, что это тебѣ вздумалось здѣсь купаться?.. Ну, еслибы кто изъ дамъ вздумалъ придти сюда гулять, и застали бы тебя въ такомъ видѣ...

— Виноватъ, батюшка, Павелъ Петровичъ... А я такъ думалъ, что сюда никто не зайдетъ: мѣсто глухое... А въ дому-то больно вспотѣлось... Виноватъ, извините...

— Да хорошо, что никто не пришелъ, а я давеча говорилъ барынямъ про этотъ прудъ и онѣ хотѣли придти посмотрѣть на него...

— Ужь такъ я глупо сдѣлалъ, вижу, что сглупилъ... Простите, батюшка, Павелъ Петровичъ.

Рыбинскій ясно видѣлъ, что Осташковъ ихъ не замѣтилъ.

— Ну, да чтожь ты не выходишь: выходи скорѣе... Мнѣ нужно еще съ тобой поговорить...

— Вы только позвольте... поотойдите... А то мнѣ зазорно при васъ нагишомъ-то... Кажется, и не выдти...

— Рыбинскій захохоталъ.

— Вотъ еще какой стыдливый... Ну, пошелъ, пошелъ, выходи скорѣе... Мнѣ некогда тутъ тебя дожидаться...

— Ахъ, вотъ грѣха-то надѣлалъ... Вотъ дурость-то что значитъ... Батюшка Павелъ Петровичъ, не обезсудьте... И Осташковъ козломъ выпрыгулъ изъ воды, и сталъ торопливо одѣваться.

— Послушай, Осташковъ,—началъ Рыбинскій, когда Никеша совершенно одѣлся и цѣловалъ его въ плечико, снова извиняясь въ томъ, что осмѣлился здѣсь выкупаться;—послушай, сначала я тебѣ объясню, что я для тебя дѣлаю. Ты долженъ знать, но не смѣй только никому сказывать: я тебѣ такъ приказываю!... Дочь твою я беру на свое содержаніе, но такъ какъ я мужчина, то и отдаю ее къ Юліи Васильевнѣ. А деньги за ея ученье и содержаніе буду платить я... Слышишь?... Потомъ на выборахъ я непремѣнно пристрою твоего сына... Цѣловать рукъ нечего...

Ты долженъ только знать и чувствовать, что предводитель о тебѣ заботится. А ты чѣмъ ему платишь!... а?....

— Что такое, батюшка, Павелъ Петровичъ? Ужь кажется, я ли не цѣню и не чувствую всѣхъ вашихъ великихъ милостей... Ужь кажется, мнѣ зрить не можно...

— То-то зрить не можно! Какъ это ты смѣлъ разсказывать про меня, что я живу съ Парашкой, что она моя любовница? а? Ты думалъ, что я объ этомъ не узнаю? Нѣтъ, голубчикъ, я знаю все, что ты дѣлаешь, что говоришь, даже знаю что думаешь... Я слѣжу за каждымъ твоимъ шагомъ... И про кого же это ты смѣлъ говорить? Про своего предводителя, про благодѣтеля своего, отъ котораго зависитъ все твое благополучіе... А?

— Батюшка, Павелъ Петровичъ, почтенный благодѣтель, не гнѣвайтесь, простите... Все отъ глупости, отъ необразованія своего сболтнулъ... Не изъ чего... Окажите вы мнѣ такую милость: простите меня, дурака... Не буду, ни впредь, никогда...

Осташковъ плакалъ и хваталъ руку Рыбинскаго, чтобъ поцѣловать.

— Ну если ты, дуракъ, и сдѣлалъ это отъ глупости, такъ слушай же, что я тебѣ скажу. Слушай, да заруби мои слова у себя на носу... Если ты когда нибудь осмѣлишься хоть что нибудь говорить про меня, что ты видѣлъ или слышалъ, такъ знай, что я тебя уничтожу со всѣмъ твоимъ семействомъ... послѣдняго куска хлѣба лишу, нищимъ сдѣлаю... Туда упеку, гдѣ ты и свѣту Божьему не радъ будешь.., Слышишь?..: Ты вонъ жаловался мнѣ и просилъ помощи, что отецъ тебя обижаетъ, земли тебѣ мало даетъ, и я за это сдѣлаю такъ, что ты клочка земли не получишь... Слышишь?... Какъ это смѣть говорить дурное, сплетничать, про своего предводителя... Да ты знаешь: мнѣ чортъ не братъ, меня и губернаторъ боится... А не буду я предводителемъ, такъ за это я просто тебя убью... изъ своихъ рукъ убью... Ты знаешь меня, или нѣтъ?... Это онъ предводителя своего срамитъ, разныя гадости про него разсказываетъ... Каково! Да если бы ты, что такое услышалъ что другіе про меня говорятъ, такъ долженъ бы за меня вступиться, а не то, что самому разсказывать...

— Батюшка, Павелъ Петровичъ, простите же вы меня, темнаго, неученаго человѣка... Вотъ вы мнѣ теперь дали науку, такъ не то, что про васъ... да ни про кого у меня ротъ не раскроется... Не будетъ этого никогда, ни впредь, ни послѣ...

— Ну, смотри же... Помни... Я для тебя все сдѣлаю, и ты долженъ быть мнѣ вѣрнымъ слугой, а не то, что сплетникомъ на меня... Что бы ты ни узналъ, что бы ты ни увидѣлъ, что до меня касается... и рта не разѣвать... Ну, Богъ съ тобой, на первый разъ прощаю... А то берегись... Ну, пойдемъ...

Рыбинскій спѣшилъ нагнать и успокоить Юлію Васильевну. Онъ увидѣлъ ее вдали именно въ ту минуту, когда Параша подняла надъ нею свои руки. Рибынскій подбѣжалъ къ нимъ. Юлія Васильевна, увидя его, бросилась къ нему съ крикомъ и со слезами.

— Что съ вами, что съ вами? спрашивалъ Рыбинскій, поддерживая ее трепещущую, едва держащуюся на ногахъ.

— Ахъ, Павелъ Петровичъ, спасите меня отъ этой женщины: она хотѣла убить меня... она наговорила мнѣ Богъ знаетъ какихъ дерзостей.

Рыбинскій грозно взглянулъ на Прасковью, велѣлъ Осташкову остаться около Кастрицкой, а самъ подошелъ къ Парашѣ, которая стояла неподвижно, какъ статуя, съ опущенными руками; глаза ея горѣли прежнимъ бѣшенствомъ, и она прямо и безстрашно смотрѣла ими на Рыбинскаго.

— Ты зачѣмъ здѣсь? Ты что это надѣлала?... Ты знаешь, что я съ тобой сдѣлаю за это?... говорилъ онъ, сдерживая гнѣвъ, задыхающимся голосомъ.

— Что вы мнѣ сдѣлаете? Бейте меня, рвите... Я не боюсь... И то ужь все мое сердце разорвалось, вся душа моя надсѣлась... Зачѣмъ вы меня къ себѣ приворожили?... Зачѣмъ бросили?... Чѣмъ я хуже этой выдры, этой кошки ободр...

— Молчать! заревѣлъ Рыбинскій и ударилъ Парашу.

Она покатилась на землю, точно дерево, у котораго подрубили корень:

— Ахъ, вы убили ее! запищала Юлія Васильевна.

— Нѣтъ, не бойтесь: опомнится, встанетъ... Пойдемте, Юлія, а ты, Осташковъ, останься здѣсь, около этой твари, и когда она придетъ въ себя, посмотри, что будетъ дѣлать, и потомъ приди сказать мнѣ.

— А какъ она, батюшка, Павелъ Петровичъ...

— Что еще?

— Какъ она ужь... чего Боже избави, можетъ, побывшилась...

— Э, говорятъ тебѣ, нѣтъ... Вѣдь, я знаю, какъ ударилъ ее.

— Ну, а если меня кто увидитъ, да подумаютъ, что это я ее..

— Ну, такъ спрячься гдѣ нибудь, да смотри издали... Ну, останься же... Пойдемъ, Юлія.

Они пошли по направленію къ дому, а бѣдный Осташковъ не посмѣлъ ослушаться и остался.

— Ахъ, какая она злая... Что она говорила, еслибъ вы слышали... А она все видѣла, она подсматривала за нами... Ахъ, какой срамъ... Пожалуй, теперь всѣ узнаютъ...

— Никто ничего не узнаетъ, а я приму мѣры, чтобы ея завтра же не было въ домѣ.

— Куда же вы ее дѣваете?

— Ужъ я найду ей мѣсто: велю отвезти въ дальнюю деревню и выдать за́мужъ за мужика.

— А ну, если ты ее убилъ...

— Не можетъ быть... А если и такъ—что же дѣлать... Надо какъ нибудь выпутываться изъ бѣды...

— Ахъ, Paul, кажется, я тогда не въ силахъ буду любить тебя: тогда ты будешь убійца... Охъ, какъ страшно!..

— Убійца... изъ-за тебя же, вѣдь... Ты должна будешь любить еще больше...

— Ахъ, избави Богъ, чтобы этого не случилось... Какъ мнѣ тошно и страшно, еслибъ ты зналъ... Что она мнѣ говорила... Какъ унижала меня...

— Ну, полно, мой ангелъ, стоитъ ли обращать вниманіе на сумасшедшую женщину... Забудь всю эту исторію...

— Нѣтъ, это мудрено забыть... И въ самомъ дѣлѣ, что я дѣлаю?.. У меня есть мужъ, а я...

— Послушайте, Юлія Васильевна, если вы раскаяваетесь, что любите меня и сожалѣете о вашемъ мужѣ, то мы разстанемся сегодня же.. Я не буду дорожить женщиной, которая не дорожитъ моею любовью... Я оставлю васъ, не смотря на то, что послѣ этого случая я чувствую, что люблю васъ еще болѣе прежняго... И вы бы должны были понять, что я все-таки чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ той женщинѣ и принесъ ее въ жертву вамъ. А вы начинаете говорить о вашемъ пьяницѣ и дуракѣ мужѣ... Ну, подите къ нему... Я васъ не держу... Я найду многихъ и кромѣ васъ, которыя будутъ любить меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, Paul, не сердись на меня... Я люблю тебя... Я боюсь только одного...

— Чего?

— Что ты бросишь и меня, какъ эту женщину...

— Я ужь сказалъ тебѣ, что будущаго я не знаю, никогда о немъ не думаю и думать не хочу... Объ этомъ нечего и говорить.

— Боюсь и еще одного..

— Еще чего?

— Ну, если ты ее убилъ... Ты, вѣдь, будешь убійца...

— Настоящая женщина!.. Тебя пугаетъ слово... Но, вѣдь, я не хотѣлъ ее убить, и не могъ же я позволить, чтобы она срамила й оскорбляла тебя... Но объ этомъ тоже не стоитъ говорить, потому что она жива... И я оставилъ Осташкова для того, чтобы она не наложила на себя руку, когда опомнится... Вотъ это дѣло болѣе возможное... А ты лучше позаботься о томъ, чтобы быть на балѣ веселой и спокойной... А теперь пора намъ разстаться... Ты поди въ свою комнату, а я пойду въ садъ...

Оставшись одинъ, Осташковъ не смѣлъ даже и подойти къ Парашѣ, но забился въ кусты неподалеку отъ нея-такъ, чтобы его не было видно, и искоса сталъ посматривать на убитую, по его мнѣнію, женщину. Но Рыбинскій не ошибался: она не была убита, а только оглушена ударомъ, паденіемъ, и обезсилена бѣшенствомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, врядъ ли не къ большему еще страху Никеши, приподнялась на одну руку, осматриваясь во всѣ стороны: лицо ея, блѣдное, осунувшееся, съ багровымъ пятномъ на вискѣ, глаза мутные, почти безумные, наводили на него ужасъ. Онъ сидѣлъ, не смѣя пошевелиться, боясь дохнуть. Осмотрѣвшись кругомъ, Параша какъ будто вдругъ вспомнила все, что съ ней было: дотронулась рукой до багровой щеки, выплюнула изо рта кровь, и вдругъ завыла и заголосила страшнымъ образомъ, бросилась на землю, и начала биться и кататься по ней, рыдая и стона, какъ раненый, дикій звѣрь. Она рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь, царапала лицо и грызла землю... Наконецъ, выбившись изъ силъ, снова затихла и, казалось, лишалась чувствъ. Потомъ вдругъ она поднялась на ноги, съ полнымъ отчаяніемъ во взорѣ и съ сухими глазами, и, ломая руки, скорыми шагами пошла къ пруду, какъ будто съ намѣреніемъ утопиться; но на самомъ берегу его она пріостановилась, взглянула на небо, перекрестилась и вдругъ заплакала обильными, но тихими слезами, и упала на траву въ истерическихъ конвульсіяхъ. Никеша, который было уже совсѣмъ собирался, бѣжать, чтобы объя-

вить, что Параша бросилась въ прудъ и пріостановился только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть—нельзя ли будетъ ему ее вытащить, теперь снова отложилъ свое намѣреніе, и сталъ ждать чтó будетъ, не подходя близко къ Парашѣ. Она долго плакала, потомъ затихла, встала, опять перекрестилась и махнувши съ отчаяніемъ рукою, уныло опустя голову, пошла тихими шагами къ дому. Никеша издали слѣдовалъ за ней. Она ни разу не оглянулась и не замѣтила его присутствія. Съ радостью побѣжалъ Никеша сказать Рыбинскому, что Параша жива и воротилась домой.

V.

Въ назначенный часъ балъ открылся и Кастрицкая явилась на него, по обыкновенію, бойкая и веселая, лишь съ легкою блѣдностью въ лицѣ. Рыбинскій открылъ балъ съ нею. Проходя Польскій онъ сказалъ ей вполголоса: успокойтесь, Парашка жива и въ добромъ здоровьѣ. А завтра ея не будетъ у меня въ домѣ.

— Что же ты съ нею сдѣлаешь?

— Увидимъ.

— Но, вѣдь, у нея есть дѣти...

— Почему же я знаю, чьи это дѣти...

Рыбинскій захохоталъ. Кастрицкая тоже улыбнулась.

Балъ прошелъ своимъ чередомъ: за вальсомъ слѣдовала кадриль, за кадрилью полька и т. д. до мазурки включительно. Дамы или увлекались танцами, или съ наблюдательностію осматривали одна другую, изучая костюмъ до мельчайшихъ подробностей, или прохаживались по залѣ, прохлаждая себя разными питьями и лакомствами, которыя подавались въ избыткѣ. Мужчины или напрягали всѣ свои мыслительныя способности, чтобы развлекатъ дамъ разговорами во время танцевъ, или шептались по угламъ залы маленькими группами, переливая изъ пустаго въ порожнее, или стремительно, съ чувствомъ самоотверженія кидались на средину залы вертѣть засидѣвшихся барынь, или еще съ большимъ самоотверженіемъ обрекали себя на расточеніе любезностей. Словомъ, балъ прошелъ въ настоящемъ порядкѣ. Не было недостатка ни въ чемъ, что составляетъ обыкновенно необходимую принадлежность баловъ. Было нѣсколько сердецъ, загорѣвшихся нѣжною страстью въ продолженіе самого бала за прекрасныя, полуобнаженныя плечи, за пре-

лестную саму по себѣ и прекрасно обутую ножку, за восхитительную талію—съ одной стороны; за необыкновенное искусство и неутомимость въ танцахъ, за неистощимое остроуміе и способность говорить обо всемъ, не говоря ни о чемъ, за насмѣшливый нравъ и умѣнье замѣтить смѣшное въ каждомъ, за дерзость взгляда или наглую лесть—съ другой стороны. Было двѣ пары, признавшихся въ нѣжной симпатіи во время мазурки, была даже одна счастливица, получившая формальное предложеніе. Были дамы счастливыя и довольныя, потому что не просидѣли ни одного танца; были обиженныя и недовольныя, потому-что ихъ рѣдко ангажировали. Словомъ, здѣсь было все то, что бываетъ и на всѣхъ другихъ провинціальныхъ балахъ. Разница состояла только въ томъ, что балъ у Рыбинскаго начался какъ слѣдуетъ, польскимъ въ залѣ, а продолжался въ павильонѣ, нарочно для этого выстроенномъ на берегу пруда. Дорога изъ дома къ павильону была освѣщена горящими смолеными бочками, плошками, иллюминованными щитами съ вензелемъ хозяина. Эта выдумка такъ понравилась гостямъ, что нѣкоторые изъ задорныхъ танцоровъ дорогою вздумали ангажировать дамъ и полькировали на открытомъ воздухѣ до самаго павильона. Въ иныхъ это обстоятельство возбудило особенную веселость, для нѣкоторыхъ показалось весьма неприличнымъ. Ровно въ полночь на берегу пруда былъ сожженъ фейерверкъ.

Нѣкоторые изъ мужчинъ, не принимавшихъ участія въ танцахъ, оставили павильонъ и воротились въ домъ. Кто-то замѣтилъ, что теперь, пользуясь отсутствіемъ дамъ, на свободѣ, хорошо бы послушать цыганскій хоръ. Это замѣчаніе было принято съ восторгомъ и Осташковъ былъ командированъ въ павильонъ къ хозяину, просить на это разрѣшенія. Рыбинскій, который самъ не танцовалъ и которому монотонность и однообразіе бала надоѣли, съ удовольствіемъ согласился на исполненіе этой просьбы и самъ обѣщалъ придти туда. Хоръ въ минуту былъ собранъ, и когда Рыбинскій подходилъ къ дому, до него уже долетали, всегда пріятные для его ушей, гикъ, визжанье и топанье его настоящихъ и искусственныхъ цыганъ. Эти звуки всегда воодушевляли его и возбуждали въ немъ бѣшеные порывы веселья. Онъ весело и быстро вошелъ въ ту комнату, гдѣ пѣли цыгане, подкрикнулъ имъ въ пѣснѣ, что придало еще болѣе энергіи пѣвцамъ, и потребовалъ вина. Скоро вся компанія охмѣлѣла и развеселилась.

— Нѣтъ, братъ, Павелъ Петровичъ, не было и нѣтъ у тебя такой плясуньи, какъ Параша... говорилъ Комковъ. Что ты ее никогда нынче не заставишь поплясать...

— Устарѣла, братъ.

— Такъ неужто она стала старше вонъ этой вѣдьмы цыганки... Неужто она хуже ея пропляшетъ... Пустяки... Ахъ, какъ плясала... Просто, бывало кровь закипитъ, какъ смотришь на нее.

— Нѣтъ, ужь нынче, не то стала: завелись ребятишки—отяжелѣла, опустилать...

— Пустяки, братъ... Не такая она дѣвка... Мнѣ такъ, кажется, ты просто ее ревнуешь и держишь взаперти, никому не показываешь... Вотъ что...

Рыбинскій захохоталъ.

— Перестань врать: она мнѣ и то надоѣла... Не хочешь ли подарю и вмѣстѣ съ ребятишками...

— Нѣтъ, спасибо, а ты лучше вели-ка ей придти да поплясать. Вели, пожалуста... Многіе изъ гостей также присоединили свои просьбы.

— Да по мнѣ пожалуй; только я вамъ говорю, господа, что ужь далеко не то, что была прежде... Эй, Осташковъ, сходи, братъ, къ Парашѣ: скажи ей, чтобы одѣлась по-цыгански и сейчасъ бы шла сюда плясать.

Осташковъ, вспомнивъ какъ недавно еще она лежала безъ памяти, а потомъ металась и видимо страдала, не спѣшилъ исполнить его приказаніе и смотрѣлъ на Рыбинскаго вопросительно и въ недоумѣніемъ.

— Ну, что стоишь? поди, я говорю, и скажи Прасковьѣ моимъ именемъ, чтобы она сейчасъ шла сюда плясать...

— Да, вѣдь, она находится при болѣзни, Павелъ Петровичъ.

— Эхъ, дуралей какой! Да мнѣ-то что до этого за дѣло? Тебѣ говорятъ: поди и пошли ее сюда.

Осташковъ повиновался. Онъ пробрался въ комнату Параши. Она лежала на постели блѣдная, унылая, устремивши неподвижный взглядъ на маленькую дѣвочку, дочь свою, которая сидѣла тутъ же у ней на кровати и играла какими-то тряпочками. Покраснѣвшіе отъ слезъ, но теперь сухіе глаза ея выражали тупое горе и отчаяніе. Услышавши скрипъ отворяющейся двери, Параша быстро перевела глаза съ ребенка на входящаго Осташкова. Взоръ ея опять вдругъ заискрился.

— Здравствуйте, Прасковья Игнатьевна, сказалъ Осташковъ, подходя къ постели. А я къ вамъ-съ...

— Что тебѣ надо, баринъ? спросила его Параша.

— Меня къ вамъ прислали Павелъ Петровичъ...

Параша невольно вздрогнула при этомъ имени.

— Приказали вамъ сказать, чтобы вы приходили туда въ залу, плясатъ... и одѣлись бы по-цыганскому...

— Что?... Онъ меня зоветъ плясать?...

— Точно такъ-съ... Приказали сказать...

— Съ этимъ-то?.. спросила она, указывая на багровое пятно, которое покрывало часть ея лѣвой щеки и високъ,—слѣдствіе удара, который она получила отъ Рыбинскаго. Съ этимъ идти плясать?...

— Я не могу знать... Мнѣ только приказано сказать, чтобы непремѣнно приходили плясать... Я было пыталъ говорить, что вы теперь при болѣзни находитесь, такъ ни на что не взираютъ, а чтобы, чу, непремѣнно явилась...

— Да что ему тварь-то что ли свою, любовницу-то хочется мной потѣшить? Такъ скажи ему, что не пойду, у меня еще ноги не ходятъ, стоять на ногахъ не могу... а не то, что плясать... Скажи-ка ты ему: заставилъ бы лѣсничиху вмѣсто меня плясать .. Такъ и скажи... А я еще не стану...

— Какъ же я могу это имъ сказать, Прасковья Игнатьевна... Они вашъ есть господинъ... Они прогнѣваются на этакія слова...

— Мнѣ все равно... Я ничего не боюсь теперь: видно хорошаго ужь мнѣ ждать нечего...

— Вы бы ужь лучше покорились: шли бы да плясали... исполнили бы его приказъ....

— Это чтобы я пошла тѣшить эту сволочь, его любовницу... Да лучше онъ меня изрѣжь, въ куски изорви, а не дамъ ей надъ собой потѣшаться... Не пойду... Такъ и скажи, что нейдетъ, молъ, не хочетъ...

— Да, вѣдь, ихъ нѣтъ тамъ совсѣмъ...

— Кого нѣтъ?

— А Юліи Васильевны... Одни господа мужчины...

— А ты что у нихъ, баринъ, въ слуги нанялся что ли?

— Напрасно вы это говорите... Напрасно обижаете...

— Что напрасно-то?... Развѣ я не видала, какъ ты давеча кланялся да ручки-то цѣловалъ у нея, а послѣ шептаться пошли...

— Такъ что же?... Она мнѣ благодѣяніе хочетъ сдѣлать: дочку у меня беретъ къ себѣ на воспитаніе...

— Ахъ ты... Кому хочетъ дочку отдать на воспитаніе: что ни на есть самой распутной... Эхъ ты... баринъ!... Чего она у ней насмотрится, чему научится... Еще бариномъ себя называетъ... дворяниномъ... Да я бы близко-то ее не подпустила къ дочери-то...

— Опять же это не ваше дѣло... И вамъ порочить эту госпожу не приходится... Мнѣ ее сами Павелъ Петровичъ рекомендовали и хвалили, такъ я ничьихъ словъ, послѣ ихныхъ, не послушаю... Вотъ что...

— Да какъ ему ее не хвалить, коли она отъ живаго мужа съ нимъ гуляетъ...

— И опять же не за тѣмъ я пришелъ, чтобы это слушать... И вамъ про своего помѣщика такъ говорить не должно... Вы и сами его милостями были взысканы... изъ вашего рабства... Такъ вамъ бы это надо чувствовать... Вотъ что...

— Чувствую, чувствую!... Какъ не чувствовать его благодѣяній: на вѣки осчастливилъ!... Отольются ему, Ироду, мои слезы... кровью отольются...

— Такъ что же вы пойдете, али нѣтъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ, не пойду: вѣдь, ужь я тебѣ сказала одинова... Скажи... что нейдетъ, молъ, силы нѣтъ... Мнѣ не до плясокъ... Меня ноги не держатъ...

— Я такъ и скажу...

— Такъ и скажи... отпраздновала, молъ, она имянины... сыта, довольна, угощена...

Параша истерически захохотала. Осташковъ поспѣшилъ уйти отъ нея. Онъ воротился къ Рыбинскому съ отвѣтомъ, что Параша отказалась плясать, отзывается болѣзнью.

Павелъ Петровичъ разсердился не на шутку: онъ не любилъ противорѣчія.

— Ну, такъ она, видно, ждетъ, чтобы я самъ сходилъ за ней... Ну, хорошо, я схожу... Сейчасъ, господа, явится... проговорилъ онъ, вставая.

Параша не ждала этого посѣщенія. Она обомлѣла и задрожала, когда увидѣла Рыбинскаго въ своей комнатѣ, но не пошевелилась и осталась неподвижною въ томъ положеніи, какъ засталъ онъ ее.

— Я присылалъ за тобой, чтобы ты шла плясать, а ты не

слушаешь моихъ приказаній... проговорилъ Рыбинскій, свирѣпо смотря на Парашу. Это что значитъ?... а?... Ты съ кѣмъ шутишь?

Параша смотрѣла на Рыбинскаго во всѣ глаза, и ничего не могла отвѣчать: страхъ, гнѣвъ, огорченіе сдавили у нея горло такъ, что она не въ силахъ была говорить...

— Что же ты молчишь... Тебя спрашиваютъ: почему ты не послушалась моего приказанія... Что же ты не отвѣчаешь?...

Параша до сихъ поръ неподвижно смотрѣла на Рыбинскаго. Вдругъ ея глаза наполнились слезами, она зарыдала, сползла съ постели на полъ и обхватила руками ноги Рыбинскаго.

— Батюшка... батюшка... Солнышко мое... Золотой мой... за что ты разлюбилъ меня... лепетала она, едва внятно, судорожно обнимая его колѣна и стараясь поймать его руку.

Рыбинскій уже не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей любви, а воспоминаніе прошедшаго не могло тронуть его; притомъ Параша, блѣдная, растрепанная, съ красными заплаканными глазами и синякомъ на щекѣ, показалась ему отвратительна. Онъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ оттолкнулъ ее отъ себя.

— Это что еще за непрошенныя нѣжности... Ты забылась... что съ тобой баринъ говоритъ, а не какой нибудь лакей, съ которымъ ты таскалась... Встань сейчасъ...

— Никого, никого я не знала, кромѣ тебя... Богъ видитъ... Охъ, охъ!...

Параша сидѣла на полу въ самой жалкой позѣ, рыданія захватывали у нея духъ, давили горло; она отчаянно ломала руки и съ невыразимой тоской смотрѣла на него. Ребенокъ, который до сихъ поръ смотрѣлъ на всю эту сцену испуганными глазами, вдругъ тоже заревѣлъ. Это окончательно вывело Рыбинскаго изъ терпѣнія.

— Встань сейчасъ и уйми своего постреленка... вскрикнулъ онъ запальчиво.

— Твой это... Богомъ клянусь, что твоя дочь... Никого я не знала.

— Молчать... закричалъ Рыбинскій такъ грозно, что ребенокъ умолкъ, а Параша невольно наклонила голову, ожидая удара... Но удара не было.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія. Параша приподняла голову.

— Разбей меня, убей до смерти... только полюби попреж-

нему хоть одинъ часочикъ, хоть на минуточку... Сердце во мнѣ все изныло...

— Слушай, Прасковья, если ты еще хоть слово одно скажешь, если не встанешь сейчасъ и не пойдешь плясать, я тебя сейчасъ же велю отвезти въ дальнюю деревню и выдамъ за мужъ за мужика... Слышишь... Встань же сейчасъ и иди плясать...

— Да какая я плясунья... Посмотрите вы на меня...

— Набѣлись и нарумянься... А чтобы тебѣ было веселѣе, такъ я пришлю тебѣ вина... Выпей и приходи... Ну же, не выведи меня изъ терпѣнія... Да плясать хорошенько, какъ прежде бывало...

Рыбинскій вышелъ.

Послѣднія слова его блеснули для Параши лучемъ надежды.

— Попробую плясать хорошенько, думала она. Онъ любилъ меня за то, что я хорошо плясала... Можетъ быть, и теперь... И вдругъ Параша, какъ будто ожила: слезы ея высохли, глаза загорѣлись. Она быстро встала, хотя и дрожала всѣмъ тѣломъ, подошла къ зеркалу и дрожащими руками начала причесывать свои, все еще прекрасные волосы. Въ это время человѣкъ принесъ ей стаканъ вина. Она залпомъ, съ жадностью его выпила. Вино мгновенно ее оживило и ободрило: горе и тоска какъ будто замерли въ сердцѣ, лишь что-то такое дрожало внутри, позывая ее къ истерическому смѣху.

— Скажи барину, что я сейчасъ иду, да пошли къ мнѣ Палашку, чтобы помогла мнѣ одѣться поскорѣе, сказала она слугѣ, почти весело и повелительно.

— Али опять въ барыни наровишь, подумалъ онъ, молча выслушивая ея приказанія.

Параша живо одѣвалась и скоро была готова. Она нарядилась точно такъ, какъ бывало являлась свѣженькая, юная, и улыбающаяся, восхищать и доводить до бѣшенаго восторга и Рыбинскаго и гостей его: руки и плечи ея были обнажены по прежнему, черныя длинныя косы, какъ и прежде ниспадали на красный платокъ, перекинутый черезъ одно плечо и ярко обозначались на немъ своими роскошными прядями, и платье было такое же, и даже больше противъ прежняго оставляло открытыми и плечи и грудь; но сама Параша была уже не прежняя: отъ нея не вѣяло уже обаяніемъ молодой, цвѣтущей жизни, улыбка ея не дышала беззаботной веселостью юности, взглядъ

ея уже не говорилъ о внутреннемъ счастьи, о полномъ самодовольствѣ безпечной несознанной жизни, и развившійся станъ ея не былъ уже такъ гибокъ и эластиченъ какъ прежде. Но она все еще была хороша красотою другаго рода. Ея лицо получило больше смысла и опредѣленности, ея черные глаза, окруженные легкой тѣнью—слѣдъ годовъ, любви и горя—были выразительны и горѣли жгучимъ огнемъ знойной страсти, горячій румянецъ на похудѣвшихъ щекахъ, полная грудь и округленный роскошный станъ дышалъ сладострастьемъ. Синякъ на вискѣ былъ ловко прикрытъ волосами и низко опущенные для этого на щеку волосы придали лицу особенную рѣзкость и выразительность.

— Можетъ быть, и полюбитъ опять! думала Параша, смотря на себя въ зеркало.

Появленіе ея въ залѣ было встрѣчено шумными кликами нѣсколько опьянѣвшихъ уже гостей. Всѣ окружили ее одни съ вопросами, другіе съ привѣтствіями, иные подошли только для того, чтобы поближе разсмотрѣть хваленую плясунью. Никто не стѣснялся вслухъ высказывать о ней свое мнѣніе, только одни выражали свой образъ мыслей пофранцузски, другіе порусски. Большинство голосовъ было въ пользу красоты Параши: не многіе открывали въ ней признаки увяданія. Впрочемъ Рыбинскій поспѣшилъ прекратить этотъ осмотръ: онъ боялся какъ бы не былъ открытъ знакъ, наложенный на нее его мощной десницей. Онъ налилъ стаканъ шампанскаго и изъ своихъ рукъ подалъ его Парашѣ. Она взглянула на него взглядомъ, полнымъ безпредѣльной любви и благодарности, и выпила шампанское. Рыбинскій просилъ гостей садиться и приказалъ начинать пѣсню, подъ которую Параша должна была плясать.

Разгоряченная виномъ, возбужденная надеждою на возможность возвратить потерянное счастіе, трепещущая отъ страстныхъ ощущеній, Параша превзошла самую-себя въ этой пляскѣ, исполненной одними сладострастными движеніями. Весь пылъ и зной, всю нѣгу и упоеніе страсти умѣла она передать своей безъискусственной мимикой, бывали мгновенія, когда казалась она упадетъ и задохнется подъ вліяніемъ передаваемаемаго ею ощущенія, глаза ея горѣли и метали искры, она дрожала какъ листъ, изгибалась и трепетала, какъ гибкая ива, подъ дуновеніемъ вѣтра. Каждый нервъ, каждая фибра ея тѣла, казалось, говоріли какое чувство клокочетъ въ этой крови, чѣмъ полно

или чего требуетъ это сердце. У многихъ зрителей захватывало духъ отъ восторга, нѣкоторые не въ силахъ были сидѣть и вскакивали съ своихъ мѣстъ; одинъ только человѣкъ оставался холоденъ и спокоенъ, хотя и смотрѣлъ на плясунью съ довольной улыбкой. И это былъ тотъ, кто зажегъ, или, по крайней мѣрѣ, раздулъ этотъ огонь, кѣмъ была возбуждена и кому принадлежала эта страсть, для кого она только и выражалась. Онъ былъ пресыщенъ этою красотою и этою страстью. Онъ ничего уже не находилъ въ нихъ новаго и привлекательнаго: онѣ надоѣли ему. Въ иныя минуты казалось, что одушевленіе Параши сообщалось ему: глаза его загорались и лицо оживлялось, но онъ ни единымъ движеніемъ не позволялъ выразиться своему восторгу: на днѣ души его лежало какое-то отвращеніе къ несчастной женщинѣ и какъ будто боязнь снова увлечься ею.

Вдругъ Рыбинскій что-то вспомнилъ, подозвалъ къ себѣ Осташкова и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Тотъ проворно вышелъ вонъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая Юлію Васильевну, которая сѣла рядомъ съ Рыбинскимъ.

— Я вспомнилъ, что вамъ хотѣлось посмотрѣть какъ пляшетъ Параша и нарочно послалъ за вами, сказалъ онъ ей. Видите: она не только жива, но еще вонъ съ какимъ увлеченіемъ дѣйствуетъ.... Эта порода живуща.... А не правда ли, вѣдь, славно пляшетъ?...

— Отлично.... Только....

— Что?

— Сказать правду?

— О, сколько угодно....

— Не хороши манеры и самая пляска не совсѣмъ прилична.... Очень ужь выразительна.... Совѣстно смотрѣть....

— Она, бѣдная, употребляетъ сегодня всѣ свои силы, чтобы отличиться.... Чувствуетъ ли она, что пляшетъ въ послѣдній разъ передо мною и въ моемъ домѣ?... Сегодня въ ночь ее уже не будетъ здѣсь....

— Не смотря даже на то, что она такъ хорошо пляшетъ?...

— Я не хочу, чтобы одно маленькое сердечко, очень дорогое для меня, страдало отъ ревности, хоть и по напрасну. Я рѣшился устранить мнимую соперницу....

Юлія Васильевна презрительно улыбнулась и взглянула на Парашу.

— Куда же ты дѣнешь ее....

Въ эту минуту Параша, до сихъ поръ увлеченная пляскою и не замѣчавшая присутствія Юліи Васильевны, вдругъ увидѣла её возлѣ своего господина. Она увидѣла какъ они ласково, дружелюбно разговаривали между собою, замѣтила, что Рыбинскій не обращалъ не нее вниманія, а Юлія Васильевна съ презрѣніемъ смотрѣла на нее. Все очарованіе, весь экстазъ, всѣ надежды въ одно мгновеніе потухли въ душѣ Параши. Она поблѣднѣла, какъ полотно, и вдругъ неподвижно остановилась, среди самаго разгара пѣсни и пляски. Зрителей удивила эта неожиданная остановка, эта блѣдность.

— Что же ты, Параша?... Пляши!... приказывалъ Рыбинскій.

— Погодите: ей надо дать отдохнуть: она устала.... Посмотрите какъ поблѣднѣла.... говорилъ кто-то изъ гостей.

— А, устала!... Ну, такъ дайте ей шампанскаго.... Она выпьетъ, и опять соберется съ силами.... Э, Прасковья, устарѣла: стала уставать!... сказалъ Рыбинскій.

Слуга подалъ Парашѣ стаканъ шампанскаго, но она не приняла его.

— Что же ты не пьешь, Параша, выпей милая.... Это тебя освѣжитъ!... говорили ей съ разныхъ сторонъ. Но она ни кого не слушала, никому не отвѣчала. Пѣніе прекратилось само собою.

— Она увидѣла меня и не хочетъ болѣе плясать.... сказала Кастрицкая Рыбинскому.

— Ну, что же вы стали? Пойте.... Прасковья, пляши же.... приказывалъ онъ, возвышая голосъ.

Пѣсенники снова затянули пѣсню, но Параша, какъ статуя, стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ, не спуская глазъ съ Кастрицкой. Рыбинскій подошелъ къ ней.

— Послушай: станешь ты плясать, или нѣтъ? спросилъ онъ ее грознымъ полушопотомъ.

— Не стану.... не могу!... отвѣчала Параша съ тяжелымъ вздохомъ, близкимъ къ стону. Нѣтъ, не могу я плясать для нея....

— Такъ помни же ты, что я сказалъ тебѣ давеча.... Пошла вонъ отсюда.... Не жди же отъ меня никакой милости....

Параша готова была упасть и зарыдать. Рыбинскій замѣтилъ это.

— Эй,—вскричалъ онъ людямъ,—выведите ее, съ ней дурно сейчасъ сдѣлается....

Измученную, усталую, убитую, ее вынесли почти на рукахъ.

— Ну, цыгане, плясать: эй Петръ, Дуняша, ну-те-ка вы....

Пѣсня снова потянулась, цыгане начали пляску, гости нѣсколько времени поговорили о Парашѣ, потомъ занялись новыми плясунами,—и никто не догадался какая страшная драма совершилась на ихъ глазахъ, никто не пожалѣлъ бѣдной Параши.

Рыбинскій предложилъ Юліи Васильевнѣ проводить ее до павильона, гдѣ танцовали....

Въ ту же ночь на разсвѣтѣ Парашу, вмѣстѣ съ обѣими ея дѣтьми, посадили въ телѣгу и увезли, по приказанію барина, въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ деревень его.

VII.

Цѣлую недѣлю продолжались увеселенія въ усадьбѣ Рыбинскаго. Наконецъ гости разъѣхались, чтобы разносить по губерніи, по своимъ угламъ и закоулкамъ, славу или безславіе хозяина, чтобы хвалить его, злословить, насмѣхаться и удивляться его гостепріимству, хлѣбосольству, роскоши или мотовству, чтобы разсуждать и оцѣнивать: достоинъ или недостоинъ онъ званія губернскаго предводителя.

Осташковъ собрался послѣднимъ. Предъ отъѣздомъ онъ съ подобострастнымъ видомъ подошелъ къ Рыбинскому.

— Какъ же, батюшка Павелъ Петровичъ, сказалъ Осташковъ, я хочу вамъ жалобу произнести.... милости вашей просить....

— На кого это?...

— На родителя своего и на братца роднаго.... Большія обиды дѣлаютъ, Павелъ Петровичъ.... Все сѣно у меня скосили и жену съ тетенькой избранили такъ.... срамно избранили, батюшка Павелъ Петровичъ.... Защитите.... Теперича мнѣ даже не чѣмъ лошадку прокормить.... Совсѣмъ обидѣли.... А братецъ, Павелъ Петровичъ, еще похваляется избить меня.... Изобью, говоритъ, какъ собаку....

— А ты не поддавайся....

— Да какъ же не поддаться-то, батюшка Павелъ Петровичъ... Онъ вонъ какой: въ косую сажень.... а я великъ ли человѣкъ... Много ли мнѣ надо.... Изломаетъ меня совсѣмъ....

— Развѣ очень силенъ?

— Да какъ же не быть сильному, Павелъ Петровичъ.... Человѣкъ онъ не ломаный.... Не оставьте.... защитите....

— Да чего же тебѣ хочется?

— Хоть бы сѣно-то отдали.... Али бы деньгами, что ли... Да и то боюсь, Павелъ Петровичъ, родителя-то прогнѣвать: пожалуй и усадьбу-то продастъ, а я, вѣдь, еще не отдѣленъ.... Безъ куска хлѣба останешься....

— Ну вотъ то-то и есть.. . Ты самъ не знаешь, чего тебѣ хочется....

— Хошь бы ужь онъ отдѣлилъ меня что ли по настоящему, бумагой....

— Ну, хорошо, я когда нибудь вызову его къ себѣ и поговорю съ нимъ....

— Не оставьте... Будь отецъ и благодѣтель, батюшка Павелъ Петровичъ....

Осташковъ поклонился въ ноги Рыбинскому.

— Такъ ужь какъ же, Павелъ Петровичъ, я коли ужь привезу дочёнку-то.... Юлія Васильевна приказали черезъ недѣлю...

— Ну, да, и привози....

— Только не знаю какъ: больно ужь она у меня не нарядна.... и везти-то зазорно.... А понашить одеженки не-на что....

— Тамъ, привезешь—всего нашьютъ....

— Да привезти-то не въ чемъ, Павелъ Петровичъ....

— Хорошъ отецъ!... Что же ты ихъ нагишомъ водишь?...

— Какъ можно нагишомъ-... Да, вѣдь, какая наша одежда...

— Ну, ну отстань: понимаю къ чему подбираешься... На, вотъ тебѣ пять цѣлковыхъ....

— Я, батюшка, благодѣтель, не къ тому.... Ужь и безъ того вашимъ милостямъ нѣсть числа.... Зрить мнѣ не можно на васъ....

— А ты, Осташковъ, очень образовался, какъ я на тебя посмотрю.... Попрошайка сталъ отличный....

— Бѣдность заѣла, Павелъ Петровичъ....

— Полно, лѣнтяй.... Дома бы больше сидѣлъ, да работалъ... А то только таскаешься по гостямъ.... Ну, поѣзжай же домой... Вотъ жалуешься, что отецъ всё сѣно скосилъ.... Поневолѣ скоситъ, коли дома не живешь....

— Напрасно, Павелъ Петровичъ....

— Ну, ужь какое напрасно....

— Прощайте, батюшка Павелъ Петровичъ.... Давно бы и есть ужь пора домой-то....

— То-то и есть,... А лѣнь работать-то.... Вотъ и шляешься....

— Нѣтъ, батюшка.... Я работать, кажется, за всякъ часъ готовъ.... А и ѣзжу, для семьи же хлопочу.... Коли ѣздить не стану по благодѣтелямъ, и они меня забудутъ.... А я вашими благодѣяніями и на свѣтѣ-то живъ.... Гдѣ ужь мнѣ этакую семью одной своей работой прокормить.... Съ голоду бы померли безъ благодѣтелей....

— Ну, ну, пошелъ же.... Надоѣлъ....

Осташковъ привыкъ уже къ подобнымъ замѣчаніямъ: онъ зналъ, что благодѣтели всячески надъ нимъ тѣшатся и что побранивши его за бездомство и попрошайство, они въ другой разъ опять его позовутъ къ себѣ и если имъ вздумается, продержатъ у себя цѣлую недѣлю и не отпустятъ домой хоть бы и просился... И потому онъ не обратилъ особеннаго вниманія на слова предводителя, а объяснилъ ихъ тѣмъ, что онъ въ дурномъ духѣ и уѣхалъ съ радостнымъ сознаніемъ, что у него пять цѣлковыхъ въ карманѣ.

Онъ поѣхалъ не домой, а къ Палёнову. Здѣсь онъ засталъ того генерала , который былъ у Рыбинскаго и больше всѣхъ обидѣлся , что хозяинъ посадилъ рядомъ съ собой и по правую руку маленькую лѣсничиху , а не его, единственнаго въ околоткѣ генерала. Это былъ полный, но маленькій господинъ, съ большими, впрочемъ, бакенбардами, который, какъ видно, очень былъ недоволенъ судьбой за то , что она обидѣла его ростомъ, и постоянно держалъ себя прямо и закидывалъ назадъ голову, чтобы казаться хоть немножко повыше. Не смотря на свой малый ростъ, генералъ смотрѣлъ на весь родъ человѣческій съ высока, и оцѣнивалъ людей по тому, на сколько они подвинулись по чиновной лѣстницѣ къ вожделѣнному титлу его превосходительства. Вообще онъ держалъ себя очень важно и величаво, говорилъ тономъ человѣка, рѣшающаго окончательно вопросъ и не ожидающаго возраженій. При встрѣчѣ съ людьми ничтожными по его понятіямъ, вслѣдствіе малаго чина или небольшаго состоянія, онъ ломался и гримасничалъ невѣроятно : кряхтѣлъ, пыхтѣлъ, выпячивалъ впередъ грудь, хмурилъ или приподнималъ брови, жевалъ губами, многозначительно и тяжело вздыхалъ, зѣвалъ во весь ротъ, съ усталостью потиралъ рукою

подъ ложечкой, вытягивалъ во всю длину свои коротенькія ножки,—вообще становился какъ-то особенно безпокоенъ, какъ будто воздухъ, которымъ онъ дышалъ, былъ отравленъ присутствіемъ какой нибудь нечистой твари. Генерала не любили за его преувеличенную гордость и чванство и въ тихомолку посмѣивались надъ нимъ, но въ лицо оказывали уваженіе, потому что онъ былъ не только генералъ, но сверхъ того имѣлъ и довольно значительное состояніе.

Появленіе Осташкова напомнило и генералу и Палёнову оскорбленіе, которое они получили на имянинахъ у Рыбинскаго.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ Осташкова Палёновъ.

— А все у Павла Петровича пировали!... отвѣчалъ Осташковъ, осклабляясь.

— Пировали!... Хорошъ, я воображаю, былъ этотъ пиръ.... особенно, когда мы уѣхали.... замѣтилъ презрительно Палёновъ.

— Воображаю!... сказалъ генералъ и вздохнулъ съ напряженіемъ.

— Кто же тамъ оставался?

— Да почитай всѣ.... Только вчера стали поразъѣзжаться....

— Однако, ваше превосходительство, наше дворянство удивительно мало себя цѣнитъ.... Скажите, пожалуйста: человѣкъ торжественно насъ унижаетъ, оказываетъ намъ явное пренебреженіе, а мы гостимъ у него цѣлую недѣлю, ѣдимъ его хлѣбъ, сами великодушно подвергаемъ себя оскорбленіямъ невѣжи.... и для чего?.... чтобы забавляться его глупыми выдумками, которыхъ можно досыта насмотрѣться на любой ярмаркѣ.... И наши дамы охотно компрометируютъ себя этимъ обществомъ, этимъ знакомствомъ съ особой подозрительной нравственности.... Это для меня непостижимо!...

— Признаюсь!... произнесъ генералъ, приподнялъ брови и отдулся.

— Ну, а что эта лѣсничиха и теперь еще тамъ?

— Нѣтъ, уѣхала еще вчера... всѣ ужь разъѣхались... Я уже былъ останный...

— Ну, да тебѣ-то еще простительно: тебѣ все въ невидаль... Ну, а что же ты отдаешь свою дочь этой... какъ ее зовутъ?...

— Юлія Васильевна... что ли?

— Ну, да... все равно...

— Да, нечего дѣлать, хочу отдать, батюшка Николай Андреичъ...

— Что же ты думаешь: она можетъ воспитать ее, какъ слѣдуетъ, принести ей пользу?...

— Ужь это какъ Богъ дастъ, Николай Андреичъ... Что дѣлать?... Бѣдность наша!... По крайности-то буду знать, что при мѣстѣ, и въ домѣ ни въ какомъ нибудь, а все въ благородномъ.

— Въ благородномъ!.. повторилъ генералъ съ презрительной улыбкой и, откинувши назадъ голову, зѣвнулъ, крякнулъ и отворотился отъ Осташкова.

— Жалко мнѣ твоего ребенка, братецъ Осташковъ... Жалко, признаюсь!...

— Что же дѣлать-то, благодѣтель... И самому жалко: тоже дочь... Да нечего дѣлать-то... У меня бы, при моей бѣдности, и того бы хуже было...

— Бѣдность!... Давно бы грамотѣ выучился: въ службу бы шолъ... проговорилъ генералъ, закрывая глаза.

— Года мои ушли для этого... Хоть бы ужь дѣтей-то, Богъ привелъ...

— Что за вздоръ... года ушли... Дѣйствительно, мысль его превосходительства прекрасная. Если бы у меня было время, я бы самъ занялся съ тобою, и увѣренъ: въ три—четыре недѣли ты выучился бы у меня читать и писать... Больше для тебя ничего не нужно... Тогда мы могли бы выбалтировать тебя въ какую нибудь должность... Я считаю это мнѣніе—что человѣкъ бываетъ особенно способенъ къ ученью только въ дѣтствѣ—совершенно нелѣпымъ, и могу доказать фактически противное... Когда я былъ ротнымъ командиромъ, ваше превосходительство, у меня почти всѣ солдаты знали грамотѣ и я всѣхъ ихъ самъ обучилъ... Для этого у меня была изобрѣтена особенная система, и солдаты послѣ каждаго урока грамотѣ получали отъ меня винную порцію, что очень ихъ поощряло...

— Я не любилъ грамотныхъ солдатъ, замѣтилъ генералъ: для солдата грамота совершенно лишнее... Онъ долженъ знать свое ружье и аммуницію, ему некогда да и не зачѣмъ заниматься чтеніемъ... Фельдфебель—дѣло другое...

— Признаюсь, ваше превосходительство, что распространеніе грамотности и образованія составляетъ мою болѣзнь, мою постоянную idée fixe... я даже много терпѣлъ за это на службѣ. Однажды дивизіонный, по жалобѣ полковаго командира, распекалъ меня передъ всѣмъ полкомъ за то, что я избаловалъ солдатъ, обучая ихъ грамотѣ; что я распространяю такимъ обра-

зомъ въ солдатахъ духъ вольности и неповиновенія; ослабляю дисциплину и отвлекаю солдата отъ его настоящихъ обязанностей... Конечно, можетъ быть, я былъ и дѣйствительно виноватъ... Но что же вы хотите?... повторяю: это моя страсть, моя болѣзнь... Въ этомъ отношеніи я не только не отсталъ отъ своего вѣка, я опередилъ его... И ваша мысль, ваше превосходительство, о необходимости Осташкову учиться грамотѣ, меня восхитила, привела въ восторгъ...

— Нѣтъ, вѣдь, я это только къ тому, что, умѣя читать, онъ скорѣе бы могъ получить какое нибудь мѣсто, а впрочемъ...

— Но помимо этого, ваше превосходительстко, умѣнье читать дало бы ему возможность дальнѣйшаго образованія, помогло бы ему сознать свое дворянское достоинство, развило бы его мышленіе, облагородило сердце...

— Гдѣ ужь мнѣ, батюшка, Николай Андреичъ, все это произойти, вмѣшался Осташковъ, испуганный предстоящими ему трудами: человѣкъ я не такъ, чтобы молодой, имѣю при себѣ семейство, да и понятія у меня тупыя... Гдѣ ужь мнѣ... Вотъ сынка-то не оставьте своими великими милостями... Ему еще спонадобится грамота... А я ужь что... какой я грамотѣй...

Генералъ запыхтѣлъ, заворочался на креслѣ и кинувши на Осташкова взглядъ полный презрѣнія и недоумѣнія, отвернулся отъ него и сталъ смотрѣть въ окно: онъ еще могъ снизойти до того, чтобы разсуждать объ Осташковѣ съ подобнымъ себѣ человѣкомъ, но не могъ же онъ выносить равнодушно, чтобы какой нибудь Осташковъ осмѣлился вмѣшиваться въ ихъ разговоръ и выражать свое собственное мнѣніе... хотя бы и о самомъ себѣ...

— Какъ вы можете думать, что эти люди способны на что нибудь... сказалъ онъ, обращаясь къ Палёнову, и съ пренебреженіемъ указывая глазами на Осташкова.

— Да, къ сожалѣнію: наши дворянскія доблести вырождаются съ вѣками... Повѣрите ли, генералъ, что этотъ Осташковъ — потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Россіи... Грустно, грустно, Осташковъ, что ты дошолъ до такого, такъ сказать, нравственнаго убожества... Нынче простой мужикъ начинаетъ сознавать пользу знанія грамоты, а ты... потомокъ древнихъ русскихъ сановниковъ... постоянно вращающійся въ нашемъ образованномъ кругу, ты не умѣешь понять того, что въ настоящее время безграмотный дворянинъ... ну, просто немыслимъ... Я начинаю опасаться, что твой родъ окончательно

утратилъ всѣ интеллектуальныя способности... Вотъ ты просишь объ образованіи твоего сына... Но будетъ ли онъ уважать науку, если онъ услышитъ отъ тебя такое пренебреженіе къ ней?...

— Что вы, батюшка, благодѣтель, Николай Андреичъ, да я, кажется, велю ему умереть на ученьѣ... Какъ же ему не чувствовать, что ему дѣлаютъ этакое милосердіе: хотятъ сдѣлать человѣкомъ... Вѣдь, и я бы не то, чтобы не хотѣлъ ученья... Какъ это можно... Всякому хочется хорошенькаго получить... Да только что докладываю вашей милости, что года мои ушли для того, понятій ужь нѣтъ такихъ... А сынку, какъ ему не учиться: онъ еще ребенокъ, и понятія у него дѣтскія; по своимъ дѣтскимъ годамъ долженъ все понимать и во вниманіе себѣ брать... А то бы и я... будь я помоложе... неужто бы я не захотѣлъ себѣ хорошенькаго... Сталъ бы учиться не хуже кого другаго... Да то страшно: года мои ушли...

— Учиться никогда не поздно...

— Семейство меня смяло, Николай Андреичъ... Его покинуть никакъ нельзя...

— Да зачѣмъ его покидать: въ два—три мѣсяца ты выучишься грамотѣ и если что упустишь въ хозяйствѣ, такъ впослѣдствіи вознаградишь свое семейство въ десятеро...

— Неужели это, батюшка, Николай Андреичъ, возможно, чтобы въ два мѣсяца грамоту всю произойти...

— Да, читать и писать научишься: я тебѣ въ этомъ отвѣчаю...

— Такъ этакъ-то бы я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... Два мѣсяца не Богъ знаетъ что...

— Ну, такъ слушай: сына ты своего привози въ городъ: я его отдамъ въ уѣздное училище... А на счетъ тебя я попрошу Аркадія Степаныча Карѣева: онъ такъ любитъ образованіе, что съ удовольствіемъ возьмется выучить тебя грамотѣ.

— Дай вамъ Господи... Ужь я не знаю батюшка, Николай Андреичъ, какъ мнѣ и благодарить-то васъ, истинный мой благодѣтель... Осташковъ бросился цѣловать руку Палёнова.

— Ну, полно, полно...

— Когда же прикажите привозить мальчишку-то?..

— Да привози ровно черезъ четыре недѣли... Теперь въ училищѣ вакація... А съ того времени начнутся классы...

— А нельзя теперь привезти?... потому мнѣ за одно: дочку повезу, такъ и его бы захватилъ...

— Какой ты глупый братецъ... Что же онъ будетъ дѣлать теперь?.. Говорятъ тебѣ—ученья у нихъ нѣтъ... Ну, что за дуралей!..

— Слышу, слышу, батюшка... Виноватъ: я такъ только... спросить...

— Откуда у этихъ людей берется смѣлось и дерзость, какъ только немножко позволишь имъ передъ собою забыться... замѣтилъ генералъ, надуваясь больше обыкновеннаго и всей маленькой особой своей выражая чувство оскорбленнаго достоинства...

Палёновъ, напротивъ, старался рисоваться предъ генераломъ своею доступностью, своею любовью къ ближнему и образованію. Онъ зналъ, что генералъ будетъ разсказывать объ этомъ,—можетъ быть, даже, съ негодованіемъ, но слушатели генерала конечно съумѣютъ понять настоящій смыслъ его поступковъ и оцѣнятъ все величіе и благородство его души...

— Ну, послушай: я вотъ что еще могу для тебя сдѣлать: привози сына ко мнѣ, я прикажу его пока поучить земскому, займусь и самъ...

— Много ужь очень вамъ безпокойства, батюшка Николай Андреичъ... Не стоимъ мы этого...

— Ну, мой другъ, я не люблю дѣлать дѣло вполовину... Я тебѣ сказалъ, что твоего мальчика беру на свое попеченіе... Тебѣ не надо будетъ о немъ заботиться... Я его накормлю, и одѣну, и квартиру для него найду, однимъ словомъ—сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, а тебя избавлю отъ всякихъ хлопотъ и заботъ о немъ.

По мѣрѣ того, какъ Палёновъ высказывалъ свои обѣщанія, лицо Осташкова морщилось и все болѣе и болѣе принимало плаксивое выраженіе: онъ спѣшилъ вытирать рукавомъ глаза еще прежде, нежели показались на нихъ слёзы; а при послѣднихъ словахъ Палёнова, громко хныкая и дѣйствительно прослезившись, бросился въ ноги своему благодѣтелю.

— Ну, вотъ Осташковъ, сколько же разъ говорить, чтобы ты держалъ себя какъ прилично дворянину и такъ не унижался... замѣтилъ Палёновъ.

— Батюшка... Отцовское дѣло!... Я знаю передъ кѣмъ мнѣ слѣдно себя понизить...

— Ну, поди, братецъ... Поди съ Богомъ!... Меня это возмущаетъ до глубины души .. сказалъ Палёновъ, обращаясь къ генералу.

— А мнѣ —такъ, напротивъ, нравится эта чувствительность и благодарность его... Это меня миритъ съ нимъ... Значитъ, онъ понимаетъ свое положеніе и чувствуетъ, что для него дѣлаютъ... Поди сюда, братецъ...

Осташковъ смиренно приблизился. Генералъ вынулъ бумажникъ и началъ рыться въ немъ. У Осташкова замирло сердце отъ ожиданія. Генералъ вынулъ пятирублевую ассигнацію.

— На вотъ, братецъ, тебѣ; и помни, что если ты всегда будешь чувствовать благодѣянія, которыя для тебя сдѣлаютъ, и понимать, что хотя ты и дворянинъ, но такъ бѣденъ и ничтоженъ, нигдѣ не служилъ и не имѣешь даже никакого чина,—слѣдовательно, долженъ держать себя съ полною скромностью, даже съ униженіемъ передъ людьми заслуженными; если ты будешь такъ поступать, то, повѣрь мнѣ, ты никогда не будешь оставленъ... Я люблю говорить откровенно и прямо: не перенимай у этихъ нынѣшнихъ нахаловъ, у которыхъ еще усъ не пробивался, которые еще только понюхали службы, а ужь думаютъ о себѣ Богъ знаетъ что и знать никого не хотятъ... Не бойся, что ты унизишь себя тѣмъ, что поцѣлуешь руку или поклонишься въ ноги...

— Наша бѣдность это позволяетъ, ваше превосходительство...

— И бѣдность твоя... и твое ничтожество... все позволяетъ... Да, никогда не умничай, самъ не разсуждай, и не перебивай, когда говоритъ съ тобою старшій... старайся только слушать и понимать... Это тоже возьми себѣ за правило... и сыну своему тоже толкуй... И кто бы тебя ни училъ другому—не слущай и не вѣрь... А помни, что тебѣ генералъ говорилъ... Будутъ смѣяться, осуждать: не обращай вниманія; скажи: меня такъ генералъ училъ, онъ мнѣ такъ совѣтовалъ... Ну, на, возьми... Съ этими словами генералъ отдалъ Осташкову деньги, которыя до сихъ поръ держалъ въ рукѣ и для большаго назиданія только помахивалъ ими передъ носомъ Осташкова.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство на вашихъ наставленіяхъ и милостяхъ! говорилъ Осташковъ, принимая деньги и подобострашно цѣлуя руку генерала, которую тотъ и не думалъ отнимать, но спокойно принималъ воздаваемую ему честь.

— Я бы далъ тебѣ и больше, но знаю, что пять рублей для бѣднаго человѣка значительныя деньги и онъ можетъ на нихъ пріобрѣсти много полезнаго и необходимаго... А дать тебѣ больше — ты либо пропьешь, либо пролакимишь... А будешь вести себя такъ, какъ я говорю, и придетъ нужда—обращайся ко мнѣ: я тебя не оставлю...

Осташковъ опять поцѣловалъ десницу его превосходительства, и невольно взглянулъ на Палёнова, который внушалъ ему совсѣмъ иныя правила, но теперь молчалъ, изъ уваженія къ генералу.

— Ну, Осташковъ, теперь поѣзжай домой, а послѣ мы еще съ тобой потолкуемъ, сказалъ Палёновъ... Если хочешь, спроси тамъ себѣ поѣсть.

Прощаясь, Осташковъ опять поцѣловалъ ручку генерала, а Палёнова поцѣловалъ въ плечико, потому что онъ не допустилъ приложиться къ своей рукѣ.

— Балуете вы его, портите!... замѣтилъ по этому случаю генералъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство!... но я имѣю свои убѣжденія... возразилъ Палёновъ, пожимая плечами.

—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прасковья Өедоровна была въ совершенномъ восторгѣ, когда узнала, что двое изъ ея внучатъ пристроены. Она отдавала должную справедливость успѣхамъ зятя на житейскомъ поприщѣ, хвалила его, что онъ умѣлъ такъ расположить къ себѣ дворянство, но тѣмъ не менѣе главною виновницею всей этой благодати внутренно считала только себя одну.

— Кто его на путь наставилъ? думала она. Кто его въ люди пустилъ? Кто его въ господскую компанію ввелъ? Что бы онъ былъ безъ меня?... Жилъ бы себѣ весь вѣкъ мужикомъ необразованнымъ, да землю пахалъ, и дворянство-то бы свое растерялъ...

— Говорила ли я, продолжала она вслухъ, что мой Колинька офицеромъ будетъ, въ эполетахъ... И вотъ все такъ и будетъ, какъ я говорила: попомните мои слова, и офицеромъ будетъ, и женится на барышнѣ, и дýши у него будутъ свои.... А ужь я поѣду съ тобой, Никоноръ Александрычъ, отдавать дѣтей, ужь какъ ты хочешь... А особливо Сашеньку... Пусть мать ѣдетъ, ей нельзя не проводить, матери; надобно и съ благодѣтельницей своей познакомиться, а ужь и я поѣду... Я хоть и

старуха... и не дворянскаго рода, а дворянскіе порядки всѣ знаю; скорѣе, можетъ, вашего все разсмотрю.

— Такъ какъ же, матушка, ужь которой нибудь одной ѣхать! коли ты поѣдешь, такъ видно Катеринѣ надо остаться... А то больно въ телѣгѣ-то ужь у насъ утѣсненіе большое будетъ, да и лошади-то тяжело...

— Нѣтъ, мать пусть ѣдетъ: ей не ѣхать нельзя... А ужь и меня, старуху, вы не покидайте: дайте внучаткамъ послужить, можетъ, ужь останныя... Ну какъ быть, что тѣсненько будетъ... Вѣдь не въ гости поѣдемъ. Да и много ли я, старуха, мѣста займу?... Меня хоть въ передокъ ткните, да возьмите съ собой... Право, можетъ, пригожусь... А она, моя голубушка, хоть вспомянетъ послѣ, что старая бабушка ее провожала въ чужіе люди... Прасковья Өедоровна отерла слезы на глазахъ.

Цѣлую недѣлю вся семья была занята обмундированіемъ молодыхъ новобранцевъ. И мать, и бабушка, и тётка цѣлые дни, съ утра до вечера, усердно вымѣривали, кроили, шили, вязали; но все, что онѣ ни мастерили, все, что ни дѣлали для дѣтей, казалось имъ мало и недостаточно. Одинъ Никаноръ Александрычъ, руководствуясь здравымъ мужскимъ смысломъ, находилъ, что бабы хлопочутъ изъ пустяковъ, что всѣ ихъ труды ни къ чему не послужатъ, и не давалъ денегъ на ихъ затѣи, тѣмъ болѣе, что самъ задумывалъ сшить себѣ новый сюртукъ.

— Ну что вы тутъ попусту хлопочете? говорилъ онъ. Неужто вы думаете, что ваша работа пойдетъ въ дѣло?.. Вѣдь, ни къ чему не послужитъ... Ну, еще Николя и такъ и сякъ—мальчишка: ему что не сошьете, все истаскаетъ. А неужто вы думаете, Юлія Васильевна дастъ Сашенькѣ носить ваши тряпки: она, чай, въ дочки ее беретъ, такъ одѣнетъ ее, какъ барышню... для себя... Погодите, еще какъ разодѣнетъ-то... А ваше тряпье покидаетъ все въ печку...

— Ахъ, Никоноръ Александрычъ,—возражали ему,—такъ неужто ужь такъ и отпустить ребятишекъ-то, и босо и голо... Вѣдь, тоже, чай, стыдно: каковы мы ни есть бѣдны, а тоже, чай, родители, изъ родиаго дома отпущаемъ...

— Ну и то сказать: какъ хотите, а у меня денегъ про васъ нѣтъ...

Переглядывались между собою бѣдныя женщины, припоминали, что Никоша то и дѣло покупаетъ для стола говядину, да пшеничную муку на пироги и пьетъ чай разъ по пяти въ сут-

ки; переглядывались, но молчали, зная, что бранью да ссорой ничего не возьмешь съ хозяиномъ, и молча рѣзали еще одно послѣднее материно или бабушкино платье на платьеце да на фартучки маленькой Сашѣ, или на рубашки Николинькѣ.

Въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было отвезти сначала дочь, такъ какъ назначенъ былъ Юліею Васильевною день для этого, а сына свезти къ Палёнову по возвращеніи изъ города. Наконецъ день отъѣзда насталъ. Наталья Никитишна съ пѣтуховъ принялась за стряпню, чтобы досыта накормить отъѣзжающихъ и отпустить побольше всякой всячины имъ на дорогу, хотя дорога была и недальняя.

Когда всѣ сборы были кончены: сашенькино убогое приданое завязано въ узелокъ, а колобки, кокуры и пироги дорожные въ другой, и когда все это было уложено въ телѣгу, а дѣтямъ—и разстающейся съ роднымъ домомъ Сашѣ, и остающимся еще дома—дано, для утѣшенія, по кокурѣ въ руки, Прасковья Ѳедоровна замѣтила, что слѣдовало бы сходить къ дѣдушкѣ, Александру Никитичу, и попросить его благословенія внучкѣ.

— Каковъ онъ ни есть, а все дѣдушка и тебѣ отецъ, Никаноръ Александрычъ...

— Пусть онъ тебя обижаетъ, пускай онъ можетъ и къ сердцу этого не приметъ, что его внучка въ чужіе люди идетъ, а ты все свое справь, почтеніе родителю отдай! говорила Прасковья Ѳедоровна наставительнымъ тономъ. Пускай же ему будетъ стыдно, а не тебѣ...

Противъ этого предложенія сдѣлали было нѣсколько замѣчаній Катерина и Наталья Никитишны, но Никаноръ Александрычъ, молча, согласился съ совѣтомъ тещи и пошелъ звать отца на проводы внучки.

Въ Александрѣ Никитичѣ еще не остыло неудовольствіе на сына, по поводу исторіи съ сѣномъ, и онъ встрѣтилъ его враждебно.

— Что, барскій угодникъ, зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ онъ его. Али предводителю жаловался, такъ съ судомъ на меня пришелъ...

— Никакъ нѣтъ, батюшка; напрасно обижаете только меня завсегда. А пришелъ я вотъ за какимъ случаемъ: одна барыня дѣлаетъ намъ добродѣтель: беретъ мою Сашеньку себѣ въ дочки... Такъ пришелъ: пожалуйте къ намъ, да благословите внучку-то... Тоже ваша внучка, а въ чужіе люди идетъ...

— Такъ что мнѣ?... Отецъ съ матерью отдаютъ, такъ мнѣ-то что?...

— А можетъ не дашь ли чего?... вмѣшался Иванъ, который лежалъ въ то время на полатяхъ и не былъ замѣченъ Никешей.—Они привыкли чужимъ-то хлѣбомъ жить, вотъ и дѣтей къ тому же пріучать хотятъ... Такъ, можетъ, молъ, дѣдушка-то не раздобрится ли: не дастъ ли чего...

— Полно ты, братецъ, грѣшить-то...

— Что грѣшить! и къ намъ приходилъ разбоемъ, да еще хотѣлъ предводителю жаловаться: землю обѣщалъ у родителя-то отнять. Такъ что не отнимаешь?.. Отнималъ бы...

— Полно, я говорю, братецъ, полно... Ваши же обиды были—не мои... Не просить я чего у родителя пришелъ, ничего мнѣ не надо, самъ собой проживу... А хотѣлъ только его родительскаго благословенія...

— Полно казанской-то сиротой прикидываться... Наши обиды... Точно не онъ разбойника того подкупилъ сѣно-то у насъ отнять, да избили тогда меня... Небось, не ты... Тебѣ споласгоря жить-то: у тебя все даровое, незаработанное, чужой хлѣбъ въ зубахъ не вязнетъ...

— Да что ты и вправду меня чужимъ-то хлѣбомъ коришь... Твой что ли я ѣмъ?... Кто больше земли-то владѣетъ: я, али ты?..

— Не я владѣю, а батюшка...

— Ну, да и то сказать: вѣдь, я не ругаться съ тобой пришолъ... Что же, батюшка, придешь ко мнѣ, али нѣтъ?...

— Нѣтъ, нѣту, нечего мнѣ дѣлать... Ты въ дворянскую компанію пошелъ не черезъ меня, дочку отдалъ тоже не съ моего совѣта, такъ на что меня и теперь... Ты, вѣдь, черезъ холопство къ господамъ-то пошелъ... Такъ, чай, лакейство то все у тебя... благословятъ и безъ меня...

— Только на что я приходилъ-то къ вамъ... Отъ васъ однѣ обиды кровныя только и получишь... Прощай, батюшка...

— Прощай, сынокъ... И дѣло: зачѣмъ тебѣ отецъ... Тебя напоятъ, накормятъ, одѣнутъ и безъ отца... И дѣтей вонъ воспитываютъ все добрые люди... Да дѣтямъ-то твоимъ и весь слѣдъ чужія тарелки лизать: кровь-то, вѣдь, у нихъ не все твоя дворянская, вѣдь холопской-то крови, чай, еще больше ..

Никеша ничего не нашелся сказать, только крякнулъ, да, уходя, съ досады, крѣпко хлопнулъ дверью. Изъ избы провожалъ

его громкій смѣхъ Ивана и его жены. Пришелъ онъ домой совсѣмъ пасмурный.

— Что, не пошелъ аспидъ старый? спросила его Прасковья Ѳедоровна.

— Да, пойдетъ, дожидайся... Ходить-то къ нему, только обиды слышать... А все ты, матушка, мудришь...

— Ну, ничего, Никаноръ Александрычъ: отъ отца и стерпѣть, не отъ кого другаго, а ты по крайности...

— Такъ тобой же попрекаетъ, твоей кровью...

Прасковья Ѳедоровна ничего не отвѣчала, только зажевала губами, да старческое лицо ея вдругъ еще больше сморщилось и вся она какъ будто съежилась.

— Ну, собирайтесь: ѣхать пора, сказалъ наконецъ Никеша.

Наталья Никитишна при этихъ словахъ бросилась къ Сашѣ, обняла ее, посадила къ себѣ на колѣни и начала плакать и приговаривать надъ нею:

— Матушка ты моя, сердечная моя, родное мое дитятко, увижу ли я тебя опять когда... Будешь ты жить въ чужихъ людяхъ, будутъ ли тебя ласкать, миловать... Сашенька, милая, станешь ли вспоминать-то меня... Али будешь барышня умная, ученая, нарядная и забудешь свою бабку, дуру глупую...

Саша, веселый, рѣзвый ребенокъ, съ бойкими, беззаботными глазками, вдругъ какъ будто смутилась и задумалась. Дѣтское личико ея сдѣлалось серьёзно и грустно, потомъ вдругъ она заплакала и прижалась лицомъ къ груди ласкавшей ее бабушки. Прочія дѣти, не выпуская изъ рукъ кокуръ, которыя они ѣли, съ полными ртами и беззаботно-любопытными лицами, окружали бабушку и смотрѣли на нее и сестру Сашу. Много причитала Наталья Никитишна надъ своей любимой внучкой и долго бы она не кончила, еслибы не остановилъ ее Никеша.

— Да что, батька, больно торопишься: еще успѣешь съ рукъ-то сбыть... съ невольной досадой проговорила Наталья Никитишна и сама спохватилась, что сказала неладно.

— Что это ты говоришь, Наталья Никитишна!... замѣтила Прасковья Ѳедоровна.

— И то, матка... сама не знаю, что говорю съ горя... отвѣчала Наталья Никитишна.

— Ну, надо присѣсть, да Богу помолиться... сказала она, привставая и снова садясь на лавку.

Всѣ прочіе также присѣли, приказали усѣсться и дѣтямъ. За-

тѣмъ начались общія слезы надъ головой Сашеньки, которая наконецъ тоже расплакалась. Осташковъ, благословивши и поцѣловавши дочь, вышелъ къ лошади и вывелъ ее подъ уздцы за ворота. Въ ожиданіи своихъ спутницъ, онъ не разъ поправилъ хомутъ на своемъ буркѣ и осмотрѣлъ самаго себя спереди и по возможности сзади. Наконецъ постучалъ въ окно кнутовищемъ и велѣлъ выходить поскорѣе.

Наконецъ женщины показались въ сопрожденіи дѣтей, которые бѣжали вслѣдъ за ними, заглядывая въ заплаканныя лица матери и бабушекъ. Растрепанная и вся красная отъ слезъ, Наталья Никитишна вынесла Сашу на рукахъ и сама посадила ее въ телѣгу возлѣ Прасковьи Ѳедоровны, которая больше всѣхъ сохраняла присутствіе духа и даже выражала на лицѣ своемъ какую-то особенную важность и торжественность.

— Прощай, моя ласточка, прощай, мой соколикъ, прощай!... твердила Наталья Никитишна, слѣдуя за тронувшейся телѣгой и принаравливаясь — какъ бы еще разокъ поцѣловать уѣзжающую Сашу.

Но Никеша взмахнулъ кнутомъ, бурка побѣжалъ рысью и Наталья Никитишна оторвалась отъ телѣги. Грустно, сквозь слезы, смотрѣла она вслѣдъ уѣзжающей внучкѣ, потомъ подперла рукою щеку, покачала головой и грустно проговорила: — что-то будетъ съ тобой, мое солнышко!...

II.

Наканунѣ прибытія Осташкова Рыбинскій тоже пріѣхалъ въ городъ и остановился, по обыкновенію, у лѣсничаго. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ. Пріѣздъ Павла Петровича, постоянно проигрывавшаго Кострицкому въ карты, всегда былъ праздникомъ для лѣсничаго. Избалованный вкусъ богатаго Рыбинскаго не переносилъ винъ, продававшихся въ мѣстномъ погребкѣ; онъ постоянно выписывалъ вина изъ Петербурга или Риги, и потому, пріѣзжая въ городъ, онъ привозилъ съ собою по нѣскольку дюжинъ бутылокъ, которыя или выпивались имъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, или оставлялись въ распоряженіе послѣдняго, если гость уѣзжалъ, не истребивши всего запаса. По должности предводителя, Рыбинскому нужно было часто пріѣзжать въ городъ, и, чтобы не стѣснить своего небогатаго хозяина, онъ привозилъ съ собою повара и закупалъ провизію всякаго рода на цѣлые мѣся-

цы, хотя оставался иногда въ гостяхъ не болѣе недѣли: вѣдь, не везти же ему все это въ деревню; и лѣсничій, ничего не покупая, имѣлъ постоянно изобильное продовольствіе. Каждый разъ, съ пріѣздомъ Рыбинскаго, у лѣсничаго шолъ пиръ горой; все уѣздное общество собиралось у него, карточная игра почти не прерывалась; всѣ, начиная съ хозяина до послѣдняго гостя, были веселы и пьяны; хозяинъ постоянно выигрывалъ, а Рыбинскому не везло въ картахъ до такой степени, что иногда онъ даже сердился и, проигравши значительный кушъ, бросалъ карты и уходилъ спать раньше всѣхъ, оставляя хозяина съ прочими гостями сражаться всю ночь до самаго свѣта. Такая постоянная, неугомонная кутерьма въ домѣ утомляла Юлію Васильевну, и когда не было у нея въ гостяхъ дамъ, она тоже очень рано уходила спать. Она даже нѣсколько разъ замѣчала мужу, что ей не нравятся эти частыя посѣщенія Рыбинскаго и сопровождающіе ихъ кутежи; но Иванъ Михайлычъ отвѣчалъ на это съ улыбкой беззаботности, что онъ очень любитъ Рыбинскаго, а кого любитъ мужъ, того должна любить и жена. Юлія Васильевна на это иногда возражала слегка, а иногда и вовсе ничего не возражала. Понималъ или нѣтъ Иванъ Михайлычъ настоящія отношенія своей жены къ Рыбинскому—нельзя было сказать навѣрное, но вѣроятнѣе всего, что онъ объ этомъ вовсе не думалъ и не хотѣлъ думать: съ нѣкотораго времени вино и карты составляли для него главный интересъ въ жизни, гораздо болѣе важный, нежели вѣрность жены.

Юлія Васильевна была дочь петербургскаго чиновника, отца многочисленнаго семейства. Чиновникъ жилъ хорошо, даже роскошно, далъ дочерямъ приличное, въ извѣстномъ смыслѣ, воспитаніе, т. е. научилъ ихъ говорить по-французски, даже по-нѣмецки, играть на фортепьянахъ и держать себя въ обществѣ свободно, и даже самоувѣренно. Затѣмъ онъ не могъ дать имъ ничего болѣе, потому что лишнихъ денегъ у него не водилось: онъ проживалъ все, что получалъ. Дочерямъ, со дня ихъ выѣзда въ свѣтъ, внушалось, что онѣ бесприданницы и что первое счастіе дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы выйти замужъ. Вслѣдствіе этого, когда дочери подросли, домъ чиновника постоянно наполнялся холостыми мужчинами, и дѣвицамъ дозволялось возможно свободное обращеніе съ ними, лишь бы не нарушались приличія. Иванъ Михайлычъ Кострицкій познакомился съ домомъ Печальникова (такова была фамилія чиновника), еще бывши кадетомъ лѣснаго курпуса, впро-

чемъ не задолго до выпуска изъ него, и, какъ слѣдуетъ, почелъ долгомъ влюбиться въ одну изъ знакомыхъ дѣвицъ. Выборъ его палъ на Юлію Васильевну. Онъ былъ мальчикъ красивый, бойкій и беззаботно веселый. Юлія Васильевна, въ силу даннаго позволенія, тоже поспѣшила влюбиться въ молодаго человѣка. Сначала они пожимали другъ другу руки, потомъ объяснились въ танцахъ, затѣмъ стали, неизвѣстно для чего, пересылаться записочками, хотя могли видаться каждый день, потомъ дали другъ другу клятву въ вѣчной вѣрности и, сидя въ полутемномъ уголкѣ залы, начали мечтать о счастіи супружеской жизни и о томъ, какъ онъ, по окончаніи курса, сдѣлаетъ предложеніе, а она дастъ свое согласіе: и будутъ они счастливые мужъ и жена. Правда, что они въ разлукѣ другъ съ другомъ не тосковали, но свиданія ожидали съ нетерпѣніемъ, письма писали другъ къ другу охотно, цѣловались въ тихомолку съ необыкновеннымъ сердечнымъ замираніемъ, и думали, что жить одинъ безъ другаго рѣшительно не могутъ. Вѣрный своему слову и своимъ чувствамъ, Иванъ Михайлычъ, въ первый же день выпуска, прицѣпивши совершенно новенькіе и блестящіе эполеты, явился къ родителямъ Юліи Васильевны съ предложеніемъ, напередъ предвкушая блаженство счастливаго жениха. Юлія Васильевна увѣряла его, что препятствія со стороны родителей быть не можетъ; но, сверхъ ожиданія, родители имѣли свои соображенія: ихъ безпокоила молодость жениха, незначительность его чина, а главное — неизвѣстность его состоянія; ему не отказали рѣшительно, но просили подождать, подъ предлогомъ молодости его собственной и его невѣсты; впрочемъ убѣждали надѣяться, не прекращать знакомства, и поспѣшили навести справки о его состояніи. Это неожиданное препятствіе усилило страсть влюбленныхъ, но Иванъ Михайлычъ былъ сынъ очень небогатыхъ родителей и, конечно, не смотря на постоянство своей любви, не получилъ бы руки Юліи Васильевны, еслибы на его счастіе или несчастіе не умерла у него какая-то тетка, которая оставила ему 15 тысячъ серебромъ наслѣдства. Извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи пришло въ самыя горькія минуты для Ивана Михайлыча: онъ получилъ назначеніе въ очень малолѣсную, слѣдственно дурную губернію, потому что за молодаго человѣка некому было замолвить слово; съ другой стороны и родители Юліи получили достовѣрное извѣстіе о бѣдности молодаго человѣка. Принимая все это въ соображеніе, т. е. и дурное назна-

ченіе и скудость собственныхъ средствъ, родители Юліи на вновь повторенное предложеніе молодаго человѣка, въ виду предстоящаго отъѣзда, сдѣлали ему рѣшительный и безцеремонный отказъ, объяснивши, что дочь ихъ привыкла къ роскоши и что его средства не позволятъ ему сохранять всѣ привычки Юліи, а они не могли бы вынести, что ихъ милая дочь будетъ терпѣть лишенія и даже бѣдность. Иванъ Михайлычъ сначала хотѣлъ было застрѣлиться, о чемъ объявилъ съ упрекомъ и родителямъ Юліи, но, пріѣхавши прямо отъ нихъ въ гостинный дворъ,—гдѣ намѣревался купить нѣкоторыя необходимыя для дальней дороги вещи, а въ томъ числѣ и пистолетъ для самоубійства,—дорожнія вещи купилъ, а пистолетъ какъ-то позабылъ, и чрезъ то спасъ свою жизнь. Но тѣмъ не менѣе онъ ужасно убивался, писалъ по нѣскольку записокъ въ сутки къ своей возлюбленной, умолялъ ее бѣжать съ нимъ и выйти на тайное послѣднее свиданіе. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта трогательная исторія, еслибъ не роковое извѣстіе о наслѣдствѣ. Получивши его, Иванъ Михайлычъ тотчасъ же поспѣшилъ въ домъ своего будущаго тестя, и, показывая документы на 15 тысячъ, опять просилъ руки безцѣнной Юліи, безъ которой для него жизнь не нужна. Теперь Иванъ Михайлычъ недолго долженъ былъ вымаливать согласіе. Сметливый родитель Юліи Васильевны объяснилъ молодому человѣку, что, видя его истинную любовь, онъ готовъ отдать ему руку дочери, но чтобы онъ не соблазнялся надеждами на изобильную жизнь съ этими деньгами, что 15 тысячъ проживутся скоро и что молодому человѣку необходимо позаботиться о болѣе прочныхъ источникахъ дохода, т. е. похлопотать о полученіи болѣе выгоднаго мѣста.

— Чтобы получить болѣе выгодное мѣсто,—говорилъ г. Печальниковъ,—по моимъ соображеніямъ, достаточно 5 тысячъ серебромъ, но нужно, чтобы этими деньгами распоряжался опытный человѣкъ. Сами вы не съумѣете этого сдѣлать... Хотите ли вы мнѣ довѣрить эти 5 тысячъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ получить такое мѣсто, которое будетъ давать вамъ ежегодно по 10 тысячъ?...

Иванъ Михайлычъ, разумѣется, поспѣшилъ вручить будущему тестю требуемую сумму безъ всякихъ возраженій, а тотъ ему отдалъ со слезами на глазахъ руку своей дочери и умолялъ беречь это сокровище, которое должно составить счастіе каждаго смертнаго, кому бы оно ни досталось. И вотъ Иванъ Михайлычъ—

счастливый мужъ, Юлія Васильевна—счастливая супруга. Въ неистощимыхъ нѣжностяхъ и ласкахъ, въ нескончаемыхъ поцѣлуяхъ провели они первыя двѣ недѣли своего супружества, а съ третьей принялись за радикальное проматываніе 10 тысячъ, посланныхъ судьбою на счастіе юной четы. (Юлія Васильевна, кромѣ воспитанія, платьевъ и благословенія съ горькими слезами, ничего не получила отъ своихъ родителей.) Это проматываніе молодые люди совершали съ такой любовью, съ такимъ увлеченіемъ, что удивили весь уѣздъ, въ который былъ посланъ Кострицкій на службу, и умѣли повести дѣло такъ, что къ концу года у нихъ не оставалось ничего отъ 10 тысячъ. Въ теченіи этого года страсть супруговъ охладѣла и перешла въ такъ называемую тихую дружбу: возможность удовлетворять малѣйшія прихоти поддерживала эту тихую дружбу, но явившаяся вдругъ неожиданно въ концѣ года нужда сильно ее поколебала: посыпались съ обѣихъ сторонъ требованія и упреки, взаимное неудовольствіе и скука. Но г. Печальниковъ, вѣрный своему слову, успѣлъ выхлопотать перемѣщеніе зятя на выгодное мѣсто. Здѣсь деньги снова появились въ рукахъ Кострицкаго, и тихая дружба снова могла возстановиться: и она дѣйствительно пришла, но уже не по прежнему невозмутимая и безоблачная. Хотя денегъ было опять много, но Иванъ Михайлычъ уже успѣлъ понять, что деньги вещь непрочная, что ихъ можно прожить; прежде онъ вынималъ ихъ только изъ бумажника и не зналъ, что нужно нѣкоторое усиліе, чтобы снова заманить ихъ туда; теперь, напротивъ, онъ видѣлъ, что пріобрѣтеніе денегъ все-таки стоитъ ему нѣкоторыхъ заботъ, трудовъ, что онъ долженъ ради ихъ часто рисковать своею безопасностью, подвергать себя отвѣтственности... Тихая дружба не помѣшала ему также замѣтить, что вкладчикомъ въ кошелекъ остается все онъ одинъ, а расходчиками не только онъ, но и жена его; вслѣдствіе этого, естественно, онъ заботился больше всего объ удовлетвореніи собственныхъ желаній, предоставляя женѣ пользоваться только остатками средствъ, хотя, по беззаботности и легкости характера, не хотѣлъ ни въ чемъ стѣснять ее опредѣленно. Само собою разумѣется, что и жена, съ своей стороны, спѣшила точно также захватить средства въ свои руки. Вслѣдствіе этого деньги проживались скорѣе, нежели получались. Въ характерѣ Ивана Михайлыча вдругъ развился какой-то задоръ мотовства, супруга не считала нужнымъ уступать ему и въ этомъ. Между тѣмъ сно-

шенія съ лѣсопромышленниками, сдѣлки и стачки, требовавшія иногда большой смѣлости и риска, пугавшія даже беззаботность Кострицкаго, пріучили его къ употребленію возбудительныхъ средствъ. Смышлёные лѣсопромышленники, смекнувшіе, что лѣсничій подъ веселый часъ, подъ куражемъ, способенъ согласиться на все, старались какъ можно чаще его куражить и втянули его въ это дѣло такъ, что онъ почти не выходилъ изъ полупьянаго состоянія. Въ этомъ состояніи онъ сталъ дѣлать такія дѣла по своему лѣсничеству, что начальство испугалось и поспѣшило перевести его на болѣе скромный постъ. Тутъ вдругъ Иванъ Михайлычъ и его супруга увидѣли себя въ новомъ, весьма непріятномъ положеніи: привычки развились разнообразныя, потребности въ жизни широкія, а денегъ нѣтъ и взять ихъ негдѣ. Иванъ Михайлычъ, съ отчаянія, поставилъ послѣдній рубль на карту — хорошо!... хоть непрочно, и не всегда и вѣрно, за то жутко... Къ тому же всегда сытъ и пьянъ и всегда на людяхъ... хорошо! Юлія Васильевна уже очень давно охладѣла къ своему супругу, но когда пьяный и картежникъ мужъ началъ оставлять ее часто не только безъ денегъ, но даже безъ чаю и сахара, когда она открыла, что онъ носитъ съ собою какой-то особенный, непріятный для обонянія, спиртуозный запахъ,—она оправдала въ глубинѣ души свое равнодушіе къ нему и сочла себя въ полномъ правѣ открыть давно пустое сердце для новыхъ ощущеній. Тогда тихая дружба снова и окончательно возвратилась и воцарилась между счастливыми супругами. Въ такую-то пору познакомился Рыбинскій съ лѣсничимъ и его женой, все еще молоденькой и хорошенькой: мудрено ли, что онъ такъ сблизился и подружился съ этимъ семействомъ!

III.

Рыбинскій, по обыкновенію, остановился у лѣсничаго и, по обыкновенію, въ первый же день его пріѣзда, была попойка и картежная игра. На слѣдующій день пріѣхалъ Осташковъ. Цѣлый день тащился онъ на своемъ буркѣ до города. Въ продолженіе всей дороги Прасковья Ѳедоровна внушала Сашѣ, что она ѣдетъ къ новой богатой маменькѣ, что она должна любить ее, уважать и во всемъ слушаться, что за это она будетъ барышня, ученая и нарядная. Подъѣзжая къ городу, Осташковъ выразилъ недоумѣніе, гдѣ остановится; на постояломъ дворѣ съ

этакой семьей дорого, а прямо ѣхать къ Кострицкому онъ не рѣшался. Прасковья Ѳедоровна настоятельно совѣтовала въѣхать прямо къ лѣсничихѣ.

— Она беретъ у тебя дочь на все свое содержаніе и воспитаніе: вотъ какую тебѣ дѣлаютъ благодѣтель... Такъ неужто ужь ей жаль будетъ дать намъ уголокъ и покормить насъ? Полно-ка, это въ господскихъ домахъ ни во что считается. Неужто ты еще не привыкъ?.. Чтобы въ господскомъ домѣ вольготнѣй было, надо больше въ низкихъ людяхъ искать: они, вѣдь, господъ больше всего наущаютъ, они захотятъ, и въ ласку введутъ... Нѣтъ, не бойся ничего, поѣзжай прямо... Ну, а тамъ видно будетъ, коли не по мысли, что пріѣхали: тогда можно, вѣдь, и въ другое мѣсто уѣхать.

Осташковъ согласился. Они въѣхали на дворъ квартиры лѣсничаго часу въ восьмомъ утра. Въ домѣ всѣ еще спали, на дворѣ лѣниво ворочались около каретнаго сарая и конюшни кучера Рыбинскаго и лѣсничаго. Они оставили свое дѣло и съ любопытствомъ смотрѣли какъ въѣзжала на дворъ телѣга съ семействомъ Осташкова.

— Кто это? съ недоумѣніемъ спросилъ кучеръ Кострицкаго.

— Кто? Развѣ ты его не знаешь... Это, братецъ ты мой, знай ты его... Мы его отъ скуки иной разъ собаками травимъ.

Кучеръ лѣсничаго захохоталъ.

— Видно, что баринъ значительный...

Осташковъ подъѣхалъ и поклонился знакомому кучеру Рыбинскаго. Тотъ небрежно подвинулъ на головѣ шапку и запихалъ руки въ карманы.

— А Павелъ Петровичъ ужь, видно, здѣсь? спросилъ Осташковъ заискивающимъ голосомъ.

— Здѣсь.

— Давно ли?

— Вчера.

— Ну вотъ какъ... Можно тутъ мнѣ лошаденку привязать? обратился Никеша къ другому кучеру.

— Привязывай, пожалуй... Ничего.

— Вы здѣшние кучера?

— Здѣшний.

— Юліи Васильевны?

— Ну нечто... Юліи Васильевны, Ивана Михайлыча...

— Наятые?

— Собственный свой...

— Не знаете, еще не встали господа?

— Гдѣ еще встать... чай и лакейство-то еще дрыхнетъ... И кучеръ съ пренебреженіемъ отвернулся, зѣвнулъ, вскинувши руки къ верху, и, отойдя въ сторону, облокотился на бочку съ водой, стоявшую тутъ же не подалеку.

Осташковъ съ недоумѣніемъ обратился къ своимъ.

— Ну, такъ что дѣлать-то?.. Подождать надо... спокойно проговорила Прасковья Өедоровна.

— Да вотъ бурка-то проголодался: ѣсть хочетъ.

— Такъ попроси у кучеровъ-то: можетъ дадутъ сѣна-то.

Осташковъ подошелъ къ кучеру лѣсничаго.

— А что нельзя ли одолжить маненько сѣнца лошаденкѣ?..

— Сѣнца?..

— Да-съ...

Кучеръ, не перемѣняя позы, какъ будто немного подумалъ...

— Возьми-вонъ, пожалуй, тамъ на сѣновалѣ...

— Покорнѣйше благодарю...

Осташковъ полѣзъ на сѣновалъ.

— А что любезненькій, есть у вашей барыни этакая старшая женщина? обратилась Прасковья Өедоровна къ кучеру лѣсничаго.

— Чего?

— Этакая женщина постарше другихъ, значитъ поопытнѣе: тамъ ключница, али экономка, есть при вашей госпожѣ?..

— Изъ кого выбирать-то: Машка да Ульяшка... Всего-то у насъ двѣ...

— А наша-то? замѣтилъ кучеръ Рыбинскаго.

— Ну, что ваша... Это особъ-статья...

— Что же ваша женщина въ услуженіи находится при барынѣ въ горничныхъ, или для ключей?.. По какой части?..

— По всѣмъ частямъ... проговорилъ кучеръ лѣсничаго и съ лукавой улыбкой взглянулъ на другаго кучера. Оба фыркнули.

— Экой нынче народъ сталъ грубый, необходительный... подумала про себя Прасковья Өедоровна.

— А какъ ихъ зовутъ? спросила она.

— Зовутъ зовулькой, а прозываютъ рогулькой... проговорилъ со смѣхомъ кучеръ Рыбинскаго и пошелъ къ конюшнѣ. Кучеръ лѣсничаго пошолъ вслѣдъ за нимъ и, отойдя уже далеко, необорачиваясь, вдругъ крикнулъ, въ отвѣтъ Прасковьѣ Өедоровнѣ: Афанасья Ивановна...

— Экой, экой нынче народъ сталъ!... говорила вслухъ Прасковья Θедоровна, покачивая головой. Примѣнить нельзя къ прежнимъ: и впрямь, что послѣдніе времена пришли... Между тѣмъ Осташковъ вынесъ сѣна, разсупонилъ лошадь и далъ ей корму. Кучера вышли изъ конюшни, ведя лошадей на водопой.

— Да вамъ зачѣмъ Афанасью-то Ивановну? спросилъ кучеръ Рыбинскаго, останавливаясь съ лошадьми, которыхъ обѣими руками держалъ сзади себя.

— Такъ я спросила: изъ одного любопытства.

— Да вы къ кому: къ Павлу Петровичу или къ здѣшней барынѣ?

— Да и къ Павлу Петровичу и къ здѣшней барынѣ.

— Ну, такъ подождите: еще не встали... И онъ повелъ лошадей далѣе. Кучеръ лѣсничаго послѣдовалъ за нимъ.

— А зачѣмъ больше? вдругъ опять спросилъ онъ, почти выходя уже изъ воротъ, какъ будто вспомня, что не спросилъ о самомъ главномъ.

— Такъ... дѣло есть у насъ... вотъ насчетъ дѣвочки. По ихнему приказу пріѣхали...

— А-а... Подождите... Вотъ встанутъ...

— Да вы бы хоть въ кухню шли покуда, прибавилъ кучеръ лѣсничаго. Подите... Ничего...

— Собакъ-то съ нами нѣтъ, баринъ... небойся... кричалъ кучеръ Рыбинскаго уже съ улицы.

— Цѣлый часъ дожидалась семья Осташкова, когда проснутся въ домѣ. Наконецъ выбѣжала съ крыльца дѣвочка съ заспанымъ лицомъ и начала плескаться водой изъ повѣшеннаго у кухни умывальника. Прасковья Θедоровна подошла къ ней.

— Тебя какъ зовутъ, миленькая? спросила она.

— Ульяшкой.

— Ты въ горницахъ?

— Да-съ...

— Юліи Васильевны?

— Да-съ.

— Встали онѣ, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще не встали.

— И никто изъ господъ не всталъ?

— Гдѣ еще встать: только что мы подымаемся.

— А Афанасья Ивановна... проснулась, или нѣтъ?

— Нѣтъ... Она иной разъ дольше господъ спитъ...

— Что она у васъ строгая, взыскательная?..

— Нѣту, веселая... Рѣдко когда толкнетъ развѣ только, а не дерется...

— Вѣдь, у васъ барыня-то, Юлія-то Васильевна, очень добры...

— Ну, барыня-то скорѣй разсердится... Да вы отъ кого? Что вамъ надобно?..

— Я миленькая сама отъ себя... къ вашей барынѣ, да вотъ и Афанасью-то Ивановну мнѣ бы повидать нужно. Какъ проснутся, такъ прибѣги мнѣ сказать, радость... Я тебѣ колобокъ дамъ за это. Прибѣжишь?

— Отчего не прибѣжать... Да погодите: я сбѣгаю, посмотрю... Коли проснулась, такъ я и прибѣгу: скажу вамъ...

— Ну это еще, слава Богу, что старшая-то не сердита, подумала Прасковья Ѳедоровна. Для чужаго ребенка нѣтъ того хуже зла на свѣтѣ, какъ бываетъ отъ нашего брата, коли золъ да сварливъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась Ульяшка на всѣхъ рысяхъ съ извѣстіемъ, что Афанасья Ивановна проснулась, получила обѣщанный колобокъ и осталась очень довольна. Глодая его она съ любопытствомъ посматривала на Катерину, на Осташкова и особенно на маленькую Сашу.

— Ну, Ульяша, а ты меня проводи же теперь къ Афанасьѣ Ивановнѣ, да какъ нибудь съ задняго крыльца, чтобы господъ какъ не обезпокоить.

— Пойдемте... Я васъ въ дѣвичью провожу, а тутъ рядомъ и Афанасья Ивановна спитъ. Пойдемте.—Прасковья Ѳедоровна послѣдовала за Ульяной.

— Да вы, маменька, что же хотите дѣлать? спросилъ ее вполголоса Осташковъ.

— Ужъ пусти же ты меня, Никоноръ Александровичъ... Ужъ повѣрь ты мнѣ! я знаю всѣ эти порядки. Ничего къ худому не сдѣлаю, небойся...

— То-то, смотрите... чтобы послѣ какъ до господъ чего не дошло...

— Ужъ будь ты покоенъ... Неужто ужъ такъ таки я совсѣмъ изъ ума выжила... Ахъ, батюшки мои... говорю—небезпокойся... Пойдемъ, Ульяша.

— Пойдемте... Ничего... Она у насъ веселая... Ничего...

— Да она у васъ за барыней что ли ходитъ, или при ключахъ?..

Дѣвочка на минуту какъ будто задумалась.

— Да она завсегда съ барыней... И одѣваетъ ужь всегда она.

— Ну, а насчетъ кладовой, кто же у васъ? Тамъ выдать что, принять?.. Она же, Афанасья Ивановна, али сама барыня?..

— Да когда Маша, когда и Афонасья Ивановна ходитъ .. А то поваръ...

— Ну, ужь это порядка не много... подумала Прасковья Ѳедоровна... Эхъ, лѣта мои ушли! послужила бы я здѣсь... А можетъ и возьметъ... На такой порядокъ не мудрено потрафить...

Въ это время Ульяша ввела ее въ дѣвичью, гдѣ Маша, горьничная лѣтъ 20 ти съ глуповатымъ лицомъ, гладила юбки.

— Ну гдѣ пострѣлъ бѣгаешь, барынины воротнички до сей поры не подсинены... Я что ли все буду за тебя дѣлать?.. Вотъ надеру вихоръ, пострѣлъ этакой... такими словами встрѣтила Марья дѣвочку.

— Да вотъ къ Афанасьѣ Ивановнѣ отвѣчала она. Я сейчасъ подсиню, мнѣ не долго.

— Здравствуйте, Марья... Не имѣю чести знать, какъ по отчеству...

— Здравствуйте... На что вамъ Афонасью Ивановну?.. Знакомая, что ли?

— Нѣтъ еще не знакома, а желаю получить ихное знакомство, также и ваше...

— Да Афонасья-то Ивановна спитъ еще, кажись.

— Нѣтъ, не спитъ. Я заглядывала: такъ лежитъ... вмѣшалась Ульяша.

— Да вы кто такіе?...

— Да я ваша же сестра была, изъ дворовыхъ, да только что Господь за простоту видно превознесъ: госпожа отпустила на волю, а дочку Богъ привелъ выдать за дворянина, за благороднаго, помѣщика.

— Ну вотъ-съ. Такъ поди скажи—коли, Ульяшка, Афонасьѣ-го Ивановнѣ, да приходи, пострѣлъ, чисти воротнички.

Ульяшка бросилась было исполнять приказаніе, но дверь въ каморку Афанасьи Ивановны отворилась, и сама она выглянула изъ нея. Услыша чужой голосъ и свое имя, она встала съ постели въ чемъ была, чтобы посмотрѣть на незнакомое лицо.

Прасковья Ѳедоровна ей поклонилась.

— Здравствуйте, Афанасія Ивановна... Позвольте съ вами познакомиться... сказала Прасковья Өедоровна, раскланиваясь.

— Извините, я еще не одѣмшись... Да ничего... войдите... Ужь не обезсудьте: въ чемъ застали.

— Э, полноте, матушка... Мы старые люди, не взыскательны... Желала очень найти ваше знакомство, Афанасья Ивановна.

— Очень пріятно... Уляшка, Уляшка, а ты приготовь мнѣ умыться-то, да самоваръ поставь.

— А я къ вамъ, Афанасья Ивановна... Не лишите вашего пріятнаго расположенія... такъ какъ вы теперь находитесь при Юліи Васильевнѣ и много отъ васъ будетъ зависѣть... Вы, можетъ, слыхали о дворянинѣ Осташковѣ... Я теща ему буду.

— Какъ же, мнѣ говорила Юлія Васильевна. . Она вашу внучку беретъ къ себѣ въ дочки, такъ вы, вѣрно, по этому случаю...

— Именно... точно-такъ .. Прошу васъ: не оставьте и вы своими ласками дѣвчонку... Что еще она?.. прыщикъ, ничего не понимаетъ... Ей нужно доброе наставленіе...

— Ну, ужь, матушка, я съ ребятишками возиться не люблю, и не умѣю: въ няньки я не гожусь... Я и барынѣ такъ сказала...

— Да гдѣ ужь вамъ возиться... Я не къ тому и говорю... А какъ наслышана о вашемъ добромъ сердцѣ, такъ прошу только не оставить ребенка, и чтобы обиженъ не былъ, потому добраго человѣка найти днемъ съ огнемъ, а злыхъ сердцовъ нѣсть числа...

— Я, матушка, такой характеръ имѣю: никого не трону, только меня не троньте... У меня характеръ веселый: у меня, чтобы все пѣло да плясало вокругъ—вотъ у меня какой характеръ... Да здѣсь скучно... Вотъ у нашего барина, такъ этимъ весело... Право, у меня такой характеръ... А чтобы обидѣть человѣка изнапрасна—этого у меня нѣтъ...

— Это и всего лучше, Афанасья Ивановна: за это васъ Господь не оставитъ...

— Ну, ужь оставитъ ли, нѣтъ ли, а только у меня характеръ такой... Кабы мнѣ жить въ большомъ городу, да на своей волѣ, да при деньгахъ, я бы, кажется, все пиры сводила... Право... Прасковья Өедоровна подобострастно улыбнулась.

— Годы это все дѣлаютъ, Афанасья Ивановна, молодые годы!..

— Полноте-ка, какіе ужь годы: мнѣ вѣдь, ужь за тридцать много перевалило... Нѣтъ, а такъ, ужь такой характеръ...

— Что же, это счастливый характеръ... Афанасья Ивановна...

— Ну, ужь не знаю какъ вамъ сказать... Не взыщите: я умываться стану...

— Умывайтесь, матушка, умывайтесь.

Разговоръ на время прекратился. Прасковья Өедоровна внимательно смотрѣла на Афанасью Ивановну. Природа, какъ видно, одарила послѣднюю не только веселымъ характеромъ, но и здоровымъ тѣлосложеніемъ. Здоровье такъ и прыскало съ ея румяныхъ щекъ, полныхъ плечь и круглыхъ мускулистыхъ рукъ. Въ глазахъ ея свѣтилось добродушіе, но въ тѣхъ же глазахъ, а особенно въ улыбкѣ, ухваткахъ, во всей фигурѣ проглядывало какое-то нахальство и безпутство. Видно было сверхъ того, что она никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась, ничего не принимала близко къ сердцу, а жила такъ себѣ беззаботно, руководствуясь только побужденіями своей плоти; была весела, потому что не могла и не умѣла скучать; не дѣлала зла, потому что природа дала ей доброе, беззаботное сердце. Любовныя похожденія были ея конькомъ, ея страстію: она никогда не задумывалась удовлетворять всѣмъ своимъ сердечнымъ ощущеніямъ, знала какъ это пріятно и потому была всегда готова покровительствовать другимъ въ ихъ любовныхъ шашняхъ. Лѣнивая отъ природы, она не затруднилась бы просидѣть цѣлую ночь, сторожа спокойствіе счастливыхъ любовниковъ и внутренно сочувствуя ихъ счастію. Чѣмъ дольше жила она, чѣмъ спокойнѣе становилось ея собственное сердце, тѣмъ болѣе возрастала ея готовность служить на пользу любящихся. Рыбинскій, подъ предлогомъ недостатка и неопытности двухъ горничныхъ Юліи Васильевны, предложилъ ее въ услуженіе. Выборъ этотъ былъ очень удаченъ: ею оставались довольны всѣ—и лѣсничиха и Рыбинскій, и даже самъ лѣсничій. Прошедшее Афанасьи Ивановны разсказывалось нѣсколькими словами: она была дочь дворовой женщины стараго барина, подарившаго Рыбинскому имѣніе. Павелъ Петровичъ сблизился съ нею еще при жизни покойнаго владѣльца, когда услаждалъ душеспасительною бесѣдою его послѣдніе минуты,—сблизился очень скоро, но скоро и оставилъ, безъ горя для себя, не огорчивши и возлюбленную. Она не только не огорчилась, но когда Рыбинскій сдѣлался ея господиномъ, то воспользовалась первымъ же случаемъ, чтобы быть ему полезною. Такое благодушіе и безкорыстіе понравились Рыбинскому и онъ далъ ей очень почетное положеніе въ своей дворнѣ. Афанасья Ивановна, пила, ѣла и дѣлала что хотѣла, не

давая никому отчета въ своихъ поступкахъ и пользовалась совершенною свободою до тѣхъ поръ, пока не представлялась нужда въ ея услугахъ. Въ дворнѣ Рыбинскаго Афанасья Ивановна была общій другъ, никто не завидовалъ ея льготамъ и всѣ въ одинъ голосъ называли ее: веселая дѣвка. У Юліи Васильевны Афанасья пользовалась почти такой же совершенно свободой: она только дѣлала видъ, что ходитъ за барыней, а на самомъ дѣлѣ у нея были другія обязанности, которыя никому не должны быть извѣстны и которыя она сохраняла въ большой тайнѣ.

— Для чего держитъ Юлія Васильевна такую дѣвку? думала про себя Прасковья Өедоровна. Кажись, не надо быть ей больно-то ручной къ дѣлу, а, вѣдь, веселье-то ея не больно кому нужно...

— Ну-съ... какъ васъ звать-то? спросила Афанасья Ивановна, умывшись и помолившись на образъ.

— Прасковья Өедоровна...

— Ну, Прасковья Өедоровна, теперь чайку попьемъ что ли?..

— Очень благодарна, Афанасья Ивановна, только не было бы какого неудовольствія послѣ отъ господъ...

— Изъ-за чего это? Изъ-за чаю-то?... Чтой-то Господи помилуй... да у насъ объ этомъ и въ голову-то никому не придетъ подумать...

— Хорошо же васъ Юлія Васильевна содержатъ, благородно...

— Я и у своего барина такъ привыкла: мнѣ вездѣ хорошо... Я своими господами довольна... Ну, Ульяшка, подавай самоваръ проворнѣе...

— Да вонъ, Афанасья Ивановна, Маша все бранится, что воротничекъ барынѣ не вычистила...

— Такъ что же ты, пострѣленокъ, и самъ дѣлѣ не вычистила... Ну подавай скорѣе самоваръ-отъ, да и Машу сюда позови: она тоже изопьетъ чайку-то... съ нами... И ругаться не станетъ...

Черезъ нѣсколько минутъ самоваръ кипѣлъ на столѣ. Явилась и Маша. Это была глупая и вздорная дѣвка, но работала, какъ машина, безсознательно, безъ любви и безъ скуки. Она исполняла свои обязанности аккуратно и только ея машинальная дѣятельность спасала гардеробъ беззаботной Юліи Васильевны отъ совершеннаго безпорядка.

— Попей-ка съ нами чайку, Маша: полно тебѣ тамъ руки-то мозолить...

— Давайте... Да вотъ Ульяшка у меня отъ рукъ отбивается... До сей поры ничего барынѣ не приготовила, а она, чай, скоро встанетъ...

— Нѣтъ, еще долго не встанетъ... утвердительно сказала Афанасья.

— Да, вѣдь, вчера рано легла...

— Легла-то рано, да ночь-то не спокойно спала: зубами билась, я часа два около нея сидѣла.

— А я и не слыхала...

— Да я нарочно тебя не будила: что, молъ, пускай ее спитъ: завтра ей рано вставать...

— А Ульяшку не будили?

— Нѣтъ... Ну что ее... ребенокъ!.. Что она поможетъ...

— Вотъ, вѣдь, пострѣлъ, никогда не услышитъ... Все бы, однако, посидѣла... Нѣтъ, вы напрасно ее балуете, Афанасья Ивановна... Послѣ съ ней не сладишь... Вчера говорю: слушай, Ульяшка, встань завтра раньше и чтобы до моего вставанья все у тебя было готово... Что же? Сегодня встаю, а она еще изволитъ нѣжиться, протяня ножки... Ну, ужь я ей хорошаго же пинка дала: вскочила у меня, какъ встрепанная... Терпѣть не могу...

— Молоденька еще: заботки-то мало... Постарше будетъ, станетъ больше заботиться... замѣтила Прасковья Ѳедоровна не безъ умысла:

— Да, вѣдь, несъ она этакой: ей ужь вѣдь пятнадцатой годъ... Вотъ, подите-ка, чай, какъ теперь машетъ: все кое-какъ, все кое-какъ, чтобы только съ рукъ свалить, а ужо подастъ барынѣ рукава—синьку не отмочитъ, либо гладить будетъ—припалитъ... Мнѣ же достанется, я же отвѣчай за нее...

— Вотъ не могу надивиться этакимъ характерамъ, какъ Маша... Цѣлый день она возится: что нибудь дѣлаетъ... Ни поговорить, ни погулять ей не хочется... Да не то, что свое только дѣло справила—ну и шабашъ, молъ, гуляй теперь... знать ничего не хочу... Нѣтъ, она смотритъ, чтобъ и дѣвчонка, и та, чтобы безъ дѣла не шаталась...

— Терпѣть не могу..

— Это правда, что все отъ характера, замѣтила Прасковья Ѳедоровна... Одинъ человѣкъ веселости любитъ, другой безъ дѣла умретъ... Это человѣкомъ... А эта подѣльнѣй будетъ,

чѣмъ та... подумала про себя Прасковья Өедоровна, да и позубастѣй. Надо эту больше просить на счетъ Сашеньки.

— Вотъ, матушка, Марья... все по отчеству то васъ не знаю...

— Марья Алексѣевна...

— Вотъ, Марья Алексѣевна, не оставьте моей внучки вашими наставленіями... Вѣдь, вы, чай, наслышаны, что Юлія Васильевна, мою внучку беретъ къ себѣ въ дочки...

— Нѣтъ, не слыхала ничего...

— Какъ же, матушка... Я вотъ сюда и ребенка-то привезла...

— Да что ей это вздумалось: сама молода, еще народитъ...

— Ну, такое ужь ихъ разсужденіе: значитъ хотѣли добро бѣднымъ людямъ сдѣлать, а можетъ и для того, что говорятъ: коли своихъ дѣтей нѣтъ, да чужаго возьмешь, такъ и свои начнутъ родиться... Юлія-то Васильевна сколько лѣтъ замужемъ?

— Да ужь лѣтъ восемь, а, можетъ, и всѣ девять есть...

— А дѣточекъ, вѣдь, не было своихъ?

— Нѣтъ, не было...

— Ну, такъ вотъ видите: можетъ для этого самаго и берутъ, что бы свои дѣти пошли... Такъ вотъ, матушка, ужь вы мою Сашеньку не оставьте... Конечно, она хоть и отъ бѣдности, а все благородное дворянское дитя, отъ нея того не спросится, что съ нашей сестры... а все когда и остановите въ чемъ, по ея глупости, когда и за работку какую легонькую посадите... Ужь не оставьте... прошу я васъ... Васъ Богъ за это наградитъ... Вѣдь, хоть Юлія Васильевна и въ дочки ее изволитъ брать, да гдѣ же ей каждую минуту ребенкомъ заниматься... Извѣстно, что часто и въ дѣтской, али тамъ въ какой своей комнаткѣ будетъ... Тоже когда въ гости уѣдутъ, или къ самимъ когда гости пріѣдутъ... Вотъ тогда ужь вы ее и научите... завсегда вамъ буду за это благодарна...

— Извольте, что же... Я ужь баловаться не дамъ... Терпѣть не могу...

— Ну, ужь она теперь вашей внучкѣ пошевелиться не дастъ... Заморитъ за работой, сказала Афанасья Ивановна смѣяся.

— Ну да еще теперь какая она работница... Я только прошу, чтобы не больно баловался ребенокъ, такъ ему дать когда что въ руки, замѣсто игрушки, чтобы хоть къ иголкѣ-то пріучилась. А то гдѣ еще: какая съ нея работа...

— Ну, напилася, сказала Маша, опрокидывая пятую чашку. Теперь пойду посмотрю что мой пострѣлъ дѣлаетъ...

— Надо и мнѣ навѣдаться къ своимъ: чай, дожидаются-поди меня... прибавила съ своей стороны Прасковья Өедоровна, приподнимаясь... Прощайте покудова, Афанасья Ивановна... Покорнѣйше благодарю за ваше угощеніе и пріятное знакомство... Пришлите сказать какъ Юлія-то Васильевна проснутся, да и ихъ-то повѣстите, что, молъ, дворянинъ Осташковъ дочку привезъ.

— Хорошо, хорошо... Да вы гдѣ же дожидаетесь-то?

— Да тутъ у васъ, на дворѣ...

— Ахъ такъ какъ же это: вы хоть сюда бы вошли, въ дѣвичью...

— Очень бы хорошо, Афанасья Ивановна... Со мной и дочка... Да какъ бы господъ-то не прогнѣвить... Имъ-то не сдѣлать противность...

— Нѣтъ, ничего, приходите... Что за бѣда такая—вы шумѣть не станете, не разбудите никого...

— Такъ очень хорошо-съ: мы сейчасъ придемъ...

— Ну, а я коли покудова одѣваться стану: чай и барыня скоро встанетъ.

Прасковья Өедоровна, возвратившись къ зятю и дочери, нашла ихъ въ бесѣдѣ съ кучерами, которые подтрунивали надъ Осташковымъ, къ большому огорченію и безпокойству Катерины, не видавшей еще какъ холопы тѣхъ господъ, къ которымъ ея глава ѣздитъ въ гости, обращаются съ нимъ. Она и не подозрѣвала, что Никеша очень привыкъ къ этимъ непріятностямъ и что отъ самыхъ господъ онъ слышитъ и переноситъ и не такіе рѣчи, когда они развеселятся и захотятъ потѣшиться на счетъ своего бѣднаго собрата.

Прасковья Өедоровна, по сконфуженному виду зятя и безпокойному лицу дочери, а еще больше по оскаленнымъ зубамъ кучеровъ, отгадала положеніе своихъ присныхъ и, желая сдѣлать приличное внушеніе невѣжамъ, торжественно объявила, что она познакомилась съ Афанасьей Ивановной, что та, вѣроятно съ приказанія господъ, напоила ее чаемъ и что ихъ просятъ въ домъ: пока господа почиваютъ, такъ въ дѣвичьей подождать...

— Ну, ты баринъ, тамъ дѣвкамъ-то спуску не давай!.. сказалъ кучеръ Рыбинскаго. Ты за Афанасьей-то Ивановной тамъ примахнись...

— Какъ вамъ не стыдно, возразила съ упрекомъ Прасковья Өедоровна: какія вы рѣчи говорите женатому человѣку, да еще и при женѣ его...

— Что же не говорить-то: онъ по этой части ходокъ... Къ намъ пріѣдетъ когда, дѣвки не знаютъ куда отъ него прятаться...

— Ну ужъ это вы напрасно... говорилъ Никеша, тряся головой и видимо обиженный...

— Какъ вамъ не стыдно: ахъ, я, право, удивляюсь,—говорила Прасковья Өедоровна.—Нѣтъ, въ наше время деликатнѣе были люди... Что онъ бѣдный человѣкъ, такъ и надобно его обижать: однако же, вѣдь, онъ хоть какъ ни бѣденъ, а все-таки дворянинъ, благородный... Вашъ господинъ имъ не гнушается— въ гости къ себѣ принимаетъ... А вы такъ его обижаете кровно...

— Да чѣмъ я его обижаю... отвѣчалъ нѣсколько смущенный кучеръ. Вотъ еще какая!.. Откуда пожаловала, изъ какой столицеи!.. обратился онъ со смѣхомъ къ другому кучеру.

— Не говори, парень... Фу ты, ну ты, шире грязь, навозъ ѣдетъ...

— Да не хорошо, не хорошо, господа, продолжала оскорбленная Прасковья Өедоровна, не обращая вниманія на оробѣвшаго Никешу, который дергалъ ее за рукавъ, чтобы прекратить дальнѣйшую ссору: онъ зналъ по опыту какъ непріятны бываютъ для него послѣдствія подобныхъ столкновеній.

— Перестаньте маменька, пойдемте! твердилъ онъ, переминаясь на мѣстѣ.

— Кого хотите спросите, господа кучера, никто васъ за это не похвалитъ, продолжала Прасковья Өедоровна. И опять вы порочите такую уважительную женщину, Афанасью Ивановну... Неужто она станетъ этакими пустяками...

Оба кучера вдругъ громко захохотали.

— Тутъ смѣяться нечему, а совѣститься слѣдуетъ, что этакую мораль нехорошую на добрыхъ людей пущаете. Вотъ я бы пошла да разсказала Афанасьѣ-то Ивановнѣ, что вы про нее говорите; не больно бы, чай, она спасибо вамъ сказала... Тоже при барынѣ находится: худую-то славу про нее распускать по одному этому такъ не слѣдуетъ...

— Да, что ты разносилась больно, знаемъ мы Афанасью-то Ивановну, по прежде чай твоего... Полно фуфыриться-то... Ишь, ты!.. Сбирушы какіе пріѣхали, да еще ломаются... Знаемъ мы вашу братью... Ишь ты... чванство какое показываютъ... Видали мы, насъ не испугаешь...

— Маменька, да пойдемте... отстаньте.

— Только, что не приходится мнѣ, старухѣ, съ тобой, мой

любезнинькій, говоритъ-то, да и некогда, а то бы я съ тобой поговорила. Пойдемте-ка: насъ, чай, тамъ дожидаются...

— Подите-ка!... говорили вслѣдъ ей со смѣхомъ кучера. Ишь ты, распустила какія извѣстія. Извольте чувствовать... А вотъ не дамъ клячонкѣ-то ни сѣна, ни овса, какъ пріѣдетъ къ намъ баринъ-то большой, такъ и будетъ знать... Всякая тоже сволочь уваженія требуетъ... Голыдьба этакая...

— Напрасно вы это, маменька, связались... говорилъ съ упрекомъ Никеша.

— Не все, вѣдь, имъ уважать надо, Никоноръ Александрычъ, иной разъ слѣдуетъ и себя показать... Хамы вѣдь, они... чего отъ нихъ ждать...

Прасковья Өедоровна ввела Осташкова съ дочерью въ дѣвичью. Здѣсь они застали Машу, которая, держа въ одной рукѣ кисейный рукавъ, а въ другой ухо Ульяши, съ большою горячностію дѣлала ей какія-то замѣчанія.

— Это чисто? Это называется чисто? Это?.. Этакъ ты чистишь?.. Этакіе ты рукавчики барынѣ приготивила? Этакіе?.. спрашивала она, потрясая рукавомъ, и послѣ каждаго вопроса дергая Ульяшу за ухо, вслѣдствіе чего Ульяша послѣ каждаго вопроса присѣдала, морщилась, вытягивала впередъ шею и поднимала обѣ руки, къ верху. Осташковы въ молчаніи остановились передъ это сценой.

— Я тебѣ дамъ, пострѣлъ... Погоди ты у меня... сказала Маша, замѣтивши постороннихъ и оставляя ухо своей жертвы.

— Али провинилась дѣвочка? заискивающимъ голосомъ спросила Прасковья Өедоровна.

— Надоѣла окаянная... Каждый день съ ней у меня битва!..

— А ты бы, дѣвочка, старалась, не доводила бы себя до этого... вотъ тебѣ и было бы хорошо... Вотъ это моя дочка, Марья Александровна, а это вотъ внучка... барышня наша... вонъ еще какой птенчикъ...

— Ну вотъ ты у меня, барышня, смотри же не шали, не перенимай съ Ульяшки, а то и тебѣ этакъ же будетъ... Видѣла какъ кто шалитъ-то?...

— Зачѣмъ же?... Она себя до этого не будетъ доводить... возразила нѣсколько обиженная Прасковья Өедоровна. Она должна помнить, что она барышня.—Станетъ ли она брать примѣръ съ горничной дѣвочки. А что, Марья Александровна, барыня еще не изволили вставать?..

Въ эту минуту послышался изъ сосѣднихъ комнатъ звонокъ.

— А вотъ звонитъ, значитъ проснулась... Ну, Ульяшка, коли барыня будетъ что говорить, право засѣку, вотъ те Христосъ... Приготовила ли, пострѣлъ, воды-то умываться?.. Съ этими словами Маша ушла изъ дѣвичей.

— Чортъ, дьяволъ этакой, только и знаетъ, что дерется... бормотала про себя Ульяша.

— Что̀ али Марья-то Алексѣевна не въ Афанасью Ивановну?— взыскательна, сердита?...

— Куда ей равняться съ Афанасьей Ивановной, дьяволу этакому... Отъ нея только и жди, что развѣ обругаетъ да прибьетъ...

— Сама, душенька, видно себя до того доводишь... наставительно сказала Прасковья Ѳедоровна.

— Какъ же?... Да съ кѣмъ она не ругается?... Со всѣми... Не бось, какъ съ поваромъ, съ Даниломъ, всѣ ночи напролетъ гуляетъ, такъ съ тѣмъ не ругается, не смѣетъ... Тотъ и самъ прибьетъ...

— Ахъ, ахъ, дѣвочка, развѣ тебѣ можно это говорить... По дѣломъ, видно, тебя и наказываютъ... Развѣ ты это должна знать и понимать... а?... А — ахъ!... не хорошо, дѣвочка, не хорошо!...

— Чего не хорошо-то... Какъ мнѣ не знать: она сама когда меня за нимъ посылаетъ сказать, что господа улеглись, чтобы приходилъ... И Афанасья Ивановна сколько разъ видала...

— Перестань, дѣвочка, перестань... Не твое это дѣло... Тебѣ и говоритъ объ этомъ нейдетъ... говорила Прасковья Ѳедоровна, сердито потрясая головой.

— Однако какъ дворня-то распущена, думала она между тѣмъ: вотъ что, значитъ, старшаго-то человѣка не было... Ну ужь будь я здѣсь: у меня бы въ дѣвичью мужчина не пришелъ ночевать... Послѣ надо будетъ, познакомившись, и объ этомъ внушить Юліи Васильевнѣ. Ей, чай, этого и въ воображеніе не приходитъ... Пожалуй, этакъ и ребенокъ того насмотрится... Долго ли... Нѣтъ, надо будетъ сказать... Афанасья Ивановна пріотворила дверь въ дѣвичью и велѣла подавать умываться барынѣ...

— Про васъ я говорилъ, что вы пріѣхали, сказала она, обращаясь къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Подождите: вотъ сейчасъ одѣнется и позоветъ васъ.

Но Осташковымъ пришлось еще долго дожидаться; одѣванье Юліи Васильевны продолжалось часа два. Прасковья Ѳедоровна и Катерина, съ Сашей на колѣняхъ, скромно и терпѣливо сидѣли въ уголку, потихоньку разговаривая между собою, и торопливо останавливали и приказывали молчать Сашенькѣ, когда она, по неопытности ребенка, раскрывала ротъ, чтобы спросить о чемъ нибудь мать или бабушку. Осташковъ, наскуча сидѣть, ходилъ по дѣвичей тихими и неровными шагами, каждый разъ останавливаясь и оглядываясь, когда, бормоча себѣ что-то подъ носъ, съ недовольнымъ видомъ, входила Маша, брала какую нибудь принадлежность туалета барыни и снова уходила, или стремглавъ пробѣгала чрезъ дѣвичью Ульяша. Въ эти минуты и Прасковья Ѳедоровна съ Катериной прекращали свою бесѣду, ожидая, что позовутъ ихъ къ барынѣ, взглядывали на Сашу и охорашивали ее.

— Какъ еще онѣ дѣло-то дѣлаютъ, какъ еще онѣ служатъ-то!... говорила Прасковья Ѳедоровна дочери, смотря на суетню горничныхъ. Старшаго человѣка въ домѣ нѣтъ!...

Наконецъ Афанасья Ивановна позвала ихъ и велѣла идти за собою.

IV.

Вслѣдствіе своихъ роскошныхъ привычекъ, а отчасти по безтолковости и беззаботности характера, Кострицкіе, пріѣхавши въ городокъ, гдѣ застаетъ ихъ наша исторія, наняли самую большую квартиру, какая только была въ городѣ, не смотря на то, что новое мѣсто было невыгодное и не могло дать прежнихъ средствъ для жизни. До самаго знакомства съ Рыбинскимъ половина комнатъ въ этой квартирѣ стояла пустая, безъ всякой мебели, но съ тѣхъ поръ, какъ предводитель сталъ останавливается у лѣсничаго, вся квартира мало по малу наполнилась мебелью и приняла очень приличный видъ. Юлія Васильевна имѣла свой особенный будуаръ, въ которомъ разыгрывая роль великосвѣтской барыни, совершала свой туалетъ съ помощью Афанасьи Ивановны, Машки и Ульяшки. Она еще была въ утреннемъ пеньюарѣ, когда къ ней ввели Осташкова съ дочерью, женой и тещей. Никеша подошелъ къ ручкѣ.

— Здравствуйте... Покажите-ка мнѣ мою будущую дочку...

— Вотъ, матушка, Юлія Васильевна, отдаемъ въ полное ваше покровительство: не оставьте...

— А, да она прехорошенькая... Ну, поди сюда, поди ко мнѣ... Какъ ее зовутъ?

— Сашенька... Александра...

— Саша!.. Ну, поди ко мнѣ, Саша.

Сашенька почему-то оробѣла и упѣпилась рученками за платье матери.

— Поди же, глупенькая, поди къ своей маменькѣ. Цѣлуй у нея ручку... говорила Прасковья Ѳедоровна, подводя Сашу къ Юліи Васильевнѣ.

Саша подходила бокомъ и недовѣрчиво, искоса посматривая на названную маменьку и держа палецъ во рту.

— Зачѣмъ же палецъ-то въ ротъ запихала? говорила бабушка. Вынь пальчикъ, опусти ручку... Экая глупенькая... Глупа еще, матушка... Ничего не видала.

— Да вы ее не троньте... Право, прехорошенькая будетъ... Какіе глазки у ней славные, веселые... Атонази, (такъ звала Юлія Васильевна Афанасью Ивановну) посмотри—вѣдь, право, прехорошенькій ребенокъ... Только какъ она смѣшно у васъ одѣта... Ха, ха, ха! Что это. развѣ можно такъ одѣвать ребенка! Ха, ха, ха... Платье съ глухимъ воротомъ, съ длинными рукавами, длинное до самыхъ подошвъ... Бѣдненькая...

— Ну, матушка, извините: мы, вѣдь, въ деревнѣ модъ-то не видимъ... оправдывалась Прасковья Ѳедоровна.

— И какъ она запылилась, бѣдная, отъ дороги, и голова какъ намазана... Фи! масломъ... Нѣтъ, Атонази, ее надо вымыть, причесать, напомадить... Прикажи Машѣ. Да сейчасъ же сшить ей платье, и панталончики... Ее надо привести въ порядокъ... Она будетъ славная дѣвочка... Саша, хочешь ко мнѣ въ дочки?...

— А?

— Хочешь быть настоящей барышней? Хочешь, чтобы я тебѣ сшила платье, хорошее платье, не этакое... а хорошее, нарядное... ахъ, какое!... Хочешь?...

— Хочу...

— Хочешь... Ну, и хорошо... Мсье Осташковъ, что же вы меня не знакомите: кто же это, вѣрно ваша жена...

— Вотъ это жена-съ... А это ея маменька.

— Ну, очень пріятно...

Катерина поклонилась, подошла и хотѣла поцѣловаться. Юлія Васильевна поняла ея движеніе, но по какому-то барскому высокомѣрію хотѣла притвориться, что не поняла и откинулась въ

сторону; Катерина смутилась и отступила шагъ назадъ. Юлія Васильевна улыбнулась.

— Ахъ... вы хотите поцѣловаться, сказала она. Ну, поцѣлуйте... И она подставила свою щеку, Катерина облобызала ее отъ чистаго сердца.

— Ну, вы отдайте мнѣ вашу дочку... Я у васъ ее отниму... Она мнѣ очень нравится...

— Съ тѣмъ привезли, матушка... Не оставьте, будьте второй матерью... отвѣчала Катерина и отерла выступившія слезы.

— А вы не плачьте... Я хочу, чтобы вы отдали мнѣ ее отъ чистаго сердца, съ радостью, а не со слезами. Я ее буду воспитывать, какъ родную дочь

Катерина не могла удержаться, зарыдала и упала въ ноги Юліи Васильевнѣ.

— Будьте ей, матушка, замѣсто меня... Не оставьте... говорила она, всхлыпывая. Мнѣ ужь такъ не обучить ее...

— Ахъ, что же это вы дѣлаете... Встаньте, пожалуста... Я не могу этого видѣть... Встаньте и не плачьте, ради Бога... Я лучше не возьму совсѣмъ...

Осташковъ и Прасковья Өедоровна пришли въ безпокойство и спѣшили поднять Катерину.

— Нѣтъ, матушка, возьмите... говорила Катерина, силясь остановить слезы... Возьмите. Нельзя же... Жалко... Мать... Осташковъ пожималъ плечами, хмурился и разными движеніями старался показать женѣ свое неудовольствіе.

— Она, сударыня, радуется за ея благополучіе, говорила Прасковья Өедоровна. Какъ ей не радоваться, что дочкѣ счастье выходитъ. Да что дѣлать... материнское сердце: жалко—вотъ разстаться со своимъ роднымъ дитей. Да, вѣдь, вы, можетъ, позволите когда придти и повидаться...

— Ахъ, сколько угодно... Только ужь, разумѣется, чтобы не отучать ее отъ меня и не мѣшать мнѣ воспитывать такъ, какъ я хочу.

— Гдѣ ужь, сударыня, мѣшать... Что же она можетъ, чему ее научитъ супротивъ васъ, хоть и мать родная... Человѣкъ она неученый... Какое она можетъ дать воспитаніе, или ученье?.. Опять какъ же можно и отъ васъ отучать: мы и теперь какъ заслышали, такъ все толковали Сашенькѣ, что она должна васъ любить и почитать больше матери родной, и во всемъ слушаться... Это ужь какъ можно... Это мы очень хорошо понимаемъ.

Въ эту минуту въ будуаръ жены вошолъ Иванъ Михайловичъ, съ красными отъ вчерашней попойки глазами и измятымъ лицомъ.

— Что это, матушка, у тебя?—спросилъ онъ.

— Посмотри, Жанъ, какую хорошенькую дочку намъ Богъ далъ, отвѣчала Юлія Васильевна. Она еще теперь смѣшно одѣта... А когда хорошенько одѣнемъ ее, просто прелесть будетъ...

— Мг...

— Здравствуйте, батюшка, Иванъ Михайловичъ, говорилъ Осташковъ, низко кланяясь.

— А, господинъ дворянинъ... Это ты награждаешь мою жену своей дочкой?..

— Да-съ... Имъ угодно было облагодѣтельствовать... Неоставьте...

— Ну, ну... Это ваше дѣло, не мое... Какъ у меня голова болитъ, просто ужасъ... Пожалуйста, чаю поскорѣе. Павелъ Петровичъ проснулся.

— Ахъ, Атонази, прикажи поскорѣе подавать самоваръ...

— Намъ пришлите въ кабинетъ: мы тамъ будемъ пить, въ халатахъ...

Иванъ Михайловичъ ушолъ, не обративши болѣе никакого вниманія ни на пріемыша, ни на ея мать и бабушку, что нѣсколько озадачило Прасковью Ивановну.

— Конечно, онъ мужчина, думала она... дѣло его мужское... А все бы слѣдовало побольше заняться... Развѣ ему не по мысли, что Юлія Васильевна беретъ Сашеньку?... А можетъ, и то, что гостемъ занятъ, къ нему торопился...

— Ну, такъ оставляйте мнѣ вашу дочку: я ее возьму... Не безпокойтесь: ей жить у меня будетъ хорошо...

Надо, матушка, помолиться, отвѣчала, Прасковья Өедоровна... а тутъ ужь и дѣло дѣлать... Чай, за батюшкой будете посылать?

— За какимъ батюшкой?...

— За отцомъ... священникомъ... чай, молебенъ бы надо отслужить?...

— Ну это вы сами какъ хотите... Мнѣ некогда, я должна одѣваться.

— Все же таки хоть такъ промежду собой, безъ попа, а все надо помолиться, благословить дитю, да и отдать вамъ, а вы примите... Это ужь какъ водится...

— Ну, пожалуй, пожалуй... Только, вѣдь, вы опять плакать будете, а я не могу видѣть слезъ...

— Нѣтъ ужь, Катеринушка, какъ нибудь старайся, воздерживайся, не плачь...

— Да, пожалуста, ради Бога... Мнѣ ужасно дѣлается тошно, когда я вижу слезы... Я лучше нарочно уйду: вы безъ меня плачьте сколько хотите.

— Ну, такъ присядемте всѣ... Катерина, ты возьми къ себѣ Сашеньку-то... командовала Прасковья Ѳедоровна. Всѣ усѣлись. Катерина сдерживала слезы и молча прижимала дочь къ надрывающемуся сердцу.

— Ну, теперь помолитесь, сказала Прасковья Ѳедоровна, глубоко вздохнувши, приподнялась и начала класть земные поклоны. Катерина какъ припала къ землѣ, такъ и не могла приподнять головы: сдержанныя рыданія давили ей грудь, слезъ она не могла удержать: они невольно вырывались изъ глазъ и обливали полъ, къ которому прижалась головою бѣдная Катерина. Юліи Васильевнѣ совѣстно стало сидѣть въ присутствіи такой горячей молитвы, такого непритворнаго горя: она невольно привстала съ креселъ, улыбка сбѣжала съ лица, и рука приподнялась, чтобы осѣнить грѣшное тѣло крестомъ; но въ эту минуту дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и на порогѣ показался Рыбинскій.

— Что вы это такое дѣлаете?—спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

Юлія Васильевна захохотала и упала въ кресла. Прасковья Ѳедоровна остановилась, не окончивши земнаго поклона; Катерина вздрогнула и приподняла изумленное, омоченное слезами лицо.

— Не ходите, не ходите... говорила сквозь смѣхъ Кострицкая, или войдите и не мѣшайте намъ. Мы здѣсь совершаемъ обрядъ усыновленія.

— Вотъ что!... сказалъ Рыбинскій, входя. А я за тѣмъ и шолъ, чтобы посмотрѣть на вашу новую дочку... Продолжайте, продолжайте, матушка... Я вамъ не мѣшаю... обратился онъ къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, проходя мимо ея, и сѣлъ возлѣ Кострицкой.

Прасковья Ѳедоровна и Катерина были смущены этимъ неожиданнымъ приходомъ новаго и незнакомаго лица, и не могли уже продолжать молитвы. Онѣ стояли въ нерѣшительномъ положеніи.

— Ну, что же? продолжайте, пожалуйста, ваше дѣло, говорилъ Рыбинскій. Осташковъ, что же ты, братецъ, сталъ?... дѣйствуй... Я желаю видѣть тебя матерью.. прибавилъ онъ по французски, обращаясь къ Юліи.

— Ну, зачѣмъ ты пришелъ, отвѣчала она, закрывая губы платкомъ... Ты будешь смѣшить меня... А мнѣ слѣдуетъ держать себя солиднѣе: бѣдная мать такъ плачетъ...

— Ахъ, Боже мой, какая жалость! проговорилъ Рыбинскій иронически. Они, я думаю, очень рады, что одного дармоѣда съ хлѣба долой...

— Ну, перестань же, не смѣши... Ну, отдавайте же мнѣ вашу дочь, обратилась она къ Осташкову и Катеринѣ.

Прасковья Өедоровна, которая успѣла оправиться отъ смущенія, очень спокойно и серьёзно сняла съ себя образокъ, подала его Осташкову, и велѣла благословить дочь. Тотъ исполнилъ ея приказаніе. Потомъ Прасковья Өедоровна передала тотъ же образокъ Катеринѣ.

— Ну теперь ты благослови, да и отдай Сашеньку съ рукъ на руки Юліи Васильевнѣ: пусть она будетъ ей мать и благодѣтельница.

У Катерины дрожали руки и тряслась голова, когда она благословляла дочь, изъ глазъ ручьемъ струились слезы.

— Ну, теперь дай сюда образокъ-то, да подведи Сашеньку къ Юліи Васильевнѣ, а вы, матушка, извольте принять образокъ-то да также благословите ребенка.

Юлія Васильевна, сдерживая улыбку и гримасничая, взяла образъ изъ рукъ старухи. Катерина не могла удержаться и вдругъ, обнявши Сашу, зарыдала надъ ней.

— Ахъ, Боже мой, ну что это они со мной дѣлаютъ, у меня право всѣ нервы разстроятся... говорила Юлія Васильевна.

— Ну, перестань же, перестань, Катерина... Ну чтой-то, матка, и самъ дѣлѣ. Время ли теперь плакать... Только господъ безпокоишь... Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ у тебя не силой ребенка берутъ: сама привезла... внушала Прасковья Өедоровна.

— Да что же, Осташковъ, развѣ вамъ не хочется отдать вашу дочь? спросилъ Рыбинскій.

— Какъ, батюшка, Павелъ Петровичъ, да мы за великое счастіе для себя поставляемъ!... Что съ ней сдѣлаешь... Извѣстно, бабья глупость... Перестань же, Катерина... Чтой-то это за проказъ...

— Ну, подводи же, подводи... хлопотала Прасковья Өедоровна.

Катерина повиновалась и снова сдавила въ груди и слезы и рыданія. Юлія Васильевна благословила образомъ Сашу.

— Ну, теперь все? спросила она Прасковью Өедоровну усталымъ голосомъ.

— Все-съ...

— Ну, слава Богу...

— Теперь честь имѣю васъ поздравить съ названной дочкой... Ну, вотъ, Сашенька, твоя новая маменька: люби же ее, уважай, слушайся, старайся учиться... Не оставьте, матушка, ее... Прасковья Өедоровна поклонилась въ ноги. Осташковъ и Катерина послѣдовали ея примѣру. Юлія Васильевна сконфузилась.

— Ахъ, Боже мой, ну что это вы дѣлаете?...

— Ничего, матушка, не важность! отвѣчалъ Осташковъ, поднимаясь и цѣлуя ручку Юліи Васильевны. Онъ подошелъ къ Рыбинскому и также хотѣлъ поцѣловать у него руку, но Рыбинскій руки не далъ и Осташковъ чмокнулъ его въ плечико.

— Не оставь, матушка, кормилица, не оставь мою Сашеньку... съ рыданіями говорила Катерина и ловила руку Юліи Васильевны.

— Ну, что это, ей Богу... Да оставьте же меня: твердила Юлія, защищаясь отъ поцѣлуевъ Катерины.

— Осташковъ, да уйми же жену... Она надоѣла Юліи Васильевнѣ... замѣтилъ Рыбинскій.

— Катерина, отстань... Маменька уйдите съ ней отсюда... говорилъ Осташковъ и вывелъ изъ комнаты жену и тещу.

— Атонази, возьмите и дѣвочку... Вымойте ее тамъ, да напомадьте... Отъ нея страшно воняетъ... говорила Юлія Васильевна. Онѣ меня страшно измучили! сказала она, оставшись наединѣ съ Рыбинскимъ.

— А ты думала, что дѣтей можно родить безъ страданій? съострилъ Рыбинскій.

— Ну, перестань... Какой противный!...

— За то ты теперь послѣ этихъ мукъ стала еще интереснѣе... Впрочемъ меня дожидается твой мужъ...

Онъ быстро поцѣловалъ Юлію и вышелъ изъ будуара. Она позвала Машу и приказала подавать одѣваться.

Осташковыхъ какъ будто совсѣмъ забыли. Они сидѣли въ дѣвичей и ожидали, что ихъ опять позовутъ въ комнаты, но ни-

кто на нихъ не обращалъ вниманія. Катерина давно проплакалась и успокоилась, любуясь на Сашеньку, которую Маша вымыла, причесала и напомадила. Прасковья Ѳедоровна сидѣла унылая: она была недовольна малымъ вниманіемъ Юліи Васильевны къ ней и Катеринѣ: ей казалось, что и Сашенькою мало занялась ея названная мать. Она обдумывала и соображала все, что видѣла, и все ей какъ-то не нравилось; но она ни за что не рѣшилась бы высказать затю, или дочери, свое неудовольствіе и недоумѣніе; она боялась, какъ бы они не отдумали отдавать Сашу Юліи Васильевнѣ. Ужь каково ни будетъ здѣсь Сашенькѣ, думала она, а все лучше, чѣмъ дома; ужь какъ ни какъ, а все она будетъ здѣсь барышней и всю барскую манеру перейметъ, а дома-то чему она научится?... Осташковъ нѣсколько разъ выходилъ навѣдаться къ своей лошади. Стояла она, голубушка, на прежнемъ мѣстѣ, въ хомутѣ и во всей сбруѣ; солнышко ужь высоко взошло, на самый полдень, и крѣпко припекало; мухи стаями со всѣхъ сторонъ осаждали бурку; только головой трясла да хвостомъ помахивала бѣдная скотинка, защищаясь и отъ мухъ и отъ солнечнаго припека. Надо бы отложить лошадку, напоить порядкомъ и въ конюшню поставить; видѣлъ и понималъ это бѣдный Никеша, да не смѣлъ и подумать обратиться къ разсерженнымъ кучерамъ съ какой нибудь просьбой. Увидѣлъ, что не ѣстъ бурка сѣна, слазилъ на сѣноваль, принесъ свѣженькаго и отътого отворачивается, а самъ жалобно смотритъ на Никешу, какъ будто сказать хочетъ: до ѣды ли: пить хочется, въ горлѣ пересохло отъ пыли й отъ жары. Знамо бы надо напоить, да гдѣ воды-то возмешь, на рѣку бы сводить, а ну какъ вдругъ господа спросятъ, а меня нѣтъ, думалъ Никеша. Да ну, потерпишь, не великъ баринъ... У меня у самаго въ горлѣ пересохло... Вошелъ Никеша въ дѣвичью къ своимъ, тѣ все еще сидятъ однѣ, дожидаются, пристали къ нему, заставляютъ спросить барыню: что же она прикажетъ: дожидаться ли имъ, или ѣхать на квартиру, теперь ли оставить Сашеньку или послѣ привести. Помялся Никеша, оглянулся вокругъ, некѣмъ защититься. Афанасья Ивановна куда-то изчезла, Маша не въ духѣ, сердитая, и подойти къ ней страшно, самъ Никеша въ первый разъ,-въ новомъ незнакомомъ домѣ всегда робѣлъ и конфузился, однако дѣлать нечего: осмѣлился, и пошелъ во внутреннія комнаты, отыскивать Юлію Васильевну. Заглянулъ Никеша въ кабинетъ: тамъ Рыбинскій разговаривалъ съ письмо-

водителемъ, который пришолъ къ нему по дѣламъ, а Иванъ Михайловичъ лежалъ на диванѣ и курилъ трубку, отъ времени до времени вмѣшиваясь въ разговоръ Рыбинскаго. Изъ залы услышалъ Никеша голосъ Юліи Васильевны въ гостиной, потоптался на мѣстѣ и рѣшился наконецъ войти въ гостиную. Тамъ Юлія Васильевна, совершенно одѣтая, сидѣла на диванѣ, въ ожиданіи Рыбинскаго; передъ нею стояла Афанасья Ивановна, и онѣ о чемъ-то бесѣдовали. По легкомыслію своему она совсѣмъ забыла и о Сашенькѣ и обо всѣхъ Осташковыхъ. Нерѣшительно остановился Никеша въ дверяхъ гостиной. Юлія Васильевна его замѣтила, и вспомнила о Сашѣ.

— А, м-сье Осташковъ... гдѣ же Саша?

— Она тамъ-съ, въ дѣвичей...

— Что же она тамъ дѣлаетъ?... Приведите ее сюда: мы потолкуемъ съ Атонази объ ея костюмѣ...

— Сейчасъ-съ... Никеша замялся.

— Ну, что же вы?...

— А какъ прикажете... на счетъ маменьки и жены?...

— Что такое?

— Имъ ѣхать... али погодить?...

— Ахъ, какъ хотите... Это совершенно отъ васъ зависитъ: если нужно, такъ поѣзжайте...

— А Сашеньку... какъ же прикажите?...

— Что Сашеньку?...

— Теперь оставить, или послѣ привезти?

— Какъ послѣ привезти?... Какой вы смѣшной: сейчасъ приведите ко мнѣ, сюда...

— Очень хорошо-съ...

— Да что, вамъ нужно ѣхать, что ли, домой?..

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Ну такъ пусть ваши тамъ побудутъ сколько хотятъ... Только, ради Бога, чтобъ ваша жена не плакала: я не могу видѣть и слышать этихъ рыданій...

— Нѣтъ-съ, она не будетъ... не безпокойтесь. А торопиться намъ некуда... И лошадкѣ надо дать отдохнуть...

— Ну, такъ что же? и прекрасно: пусть они тамъ, въ дѣвичей, и отобѣдаютъ у меня... а послѣ обѣда и поѣзжайте... Я вотъ только взгляну на Сашу и опять пришлю ее къ нимъ. . Атонази вотъ покажетъ имъ платья, которыя я велю перешить

для Саши... Пусть онѣ увидятъ какъ она будетъ у меня одѣта... Ну подите же...

Но Никеша все еще мялся и не шолъ.

— Тамъ у меня лошадка... Я на лошадкѣ пріѣхалъ... проговорилъ онъ несмѣло.

— Ну такъ что же?

— Отложить и покормить можно?

— Разумѣется, можно... Скажите тамъ кучеру: онъ все вамъ сдѣлаетъ...

— Нѣтъ, ужь я самъ-съ...

— Ну, какъ хотите: это ваше дѣло...

— Да я только такъ... къ тому... чтобы послѣ чего не вышло... Какихъ непріятностей...

— Какія непріятности?... Ахъ, какой смѣшной Осташковъ... Ну, подите же, подите, приведите Сашу...

Осташковъ спѣшилъ исполнить приказаніе и наскоро передалъ своимъ, что Юлія Васильевна позволяетъ имъ остаться у нея и даже отобѣдать въ дѣвичей; подтвердилъ Катеринѣ, чтобы она не плакала, взялъ Сашу, не велѣлъ ходить за собой прочимъ и повелъ ее въ гостиную. Самолюбіе Прасковьи Өедоровны было очень уколото за дочь: она надѣялась сблизить Катерину черезъ Сашу съ Юліей Васильевной, и съ желаннымъ благороднымъ обществомъ, но должна была разочароваться въ своихъ надеждахъ. Катерина радовалась, что еще нѣсколько часовъ будетъ видѣть свою Сашеньку.

Осташковъ отвелъ дочку къ Юліи Васильевнѣ, оставилъ ее въ гостиной и поспѣшилъ къ своей лошади. Новая маменька потрепала умытую дѣвочку по щекѣ, велѣла подать Афанасьѣ Ивановнѣ духовъ, опрыскала ими ее и, уже душистую, поцѣловала въ пухленькую розовую щечку.

— А, вѣдь, прехорошенькой ребенокъ!—замѣтила она, обращаясь къ Атонази.

— Да, недурненькая...

— Ты не знаешь который ей годъ?

— Не догадалась, не спросила...

— Я сама позабыла спросить... Ты, я думаю, дурочка, вѣдь, не знаешь который тебѣ годъ? обратилась Юлія Васильевна къ Сашѣ... Не знаешь, вѣдь?...

— Знаю: семь годковъ... отвѣчала Саша, помня наставленія бабушки.

— Вотъ какая она... Молодецъ!...

— Она будетъ боецъ! замѣтила Афанасья Ивановна. Смотрите-ка: другую бы на веревкѣ здѣсь не удержалъ въ первый-то разъ, боялась бы всего, да ревѣла... А эта ничего...

— Тѣмъ лучше: я ужасно не люблю этихъ дикарокъ и плаксъ... Да и чтобы я съ ней стала дѣлать, какъ бы она стала плакать... Ну, однако, надо ее, Атоназп, поскорѣе экипировать, а то, вѣдь, этакъ ее никому показать нельзя, да и я не могу ее видѣть въ этомъ балахонѣ.

Тутъ начался довольно продолжительный разговоръ о платьяхъ, которыя можно пожертвовать на то, чтобы изъ нихъ устроить приличный костюмъ для Саши.

— Барыня, вѣдь я все перезабуду, что вы ни говорите, сказала вдругъ Афанасья Ивановна: вы, вѣдь, меня знаете, какая я головушка... Погодите, я лучше позову Машу: вы при ней лучше прикажите. И Афанасья Ивановна, не дожидаясь позволенія, кликнула Машу.

Маша явилась и разговоръ снова сдѣлался серьёзенъ. Саша сначала со вниманіемъ прислушивалась къ этому разговору, потому что онъ касался того предмета, о которомъ ей постоянно толковала Прасковья Ѳедоровна: она понимала, что ее хотятъ сдѣлать нарядной барышней, но подробности разговора скоро утомили ея дѣтское вниманіе. Она стала съ любопытствомъ оглядывать убранство гостиной: особенный интересъ возбудило въ ней большое зеркало, въ которомъ она увидѣла свою особу. Саша сначала испугалась, потомъ удивилась, узнавши себя въ отраженіи зеркала, наконецъ улыбнулась и съ радостью увидѣла, что другая Саша также ей отвѣтила улыбкой. Она сдѣлала гримасу—и двойникъ ей отвѣтилъ тѣмъ же. Саша сдѣлала другую, третью гримасу—и вдругъ разхохоталась звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Чему ты это хохочешь? спросила съ удивленіемъ Юлія Васильевна.

— А вона! отвѣчала Саша, показывая въ зеркало, высунула языкъ и снова залилась тѣмъ же беззаботнымъ смѣхомъ.

— Что ты это орешь, безстыдница, строго замѣтила Маша: развѣ этакъ можно хохотать... А?... И что вертишься: объ ней говорятъ, ей платье хотятъ шить, а она вертится... Терпѣть не могу...

— Марья, что ты! Кто тебѣ далъ право такъ говорить съ

Сашей... и при мнѣ... Ахъ какая дура! сказала Юлія Васильевна...

— Меня, сударыня, баушка ея просила, чтобы я ей не давала баловаться, и останавливала. И пристало ли ей такъ хохотать...

— Да оставь, пожалуста, это не твое дѣло. Во первыхъ, ты должна обращаться съ ней вѣжливо, не говорить ей ты, во вторыхъ, бабушкѣ теперь нѣтъ до нея никакого дѣла, она мнѣ отдана... А я тебѣ не приказываю вмѣшиваться въ мое воспитаніе, и не останавливать Сашу ни въ чемъ, потому что ты совершенная дура и невѣжа... Ты слова не умѣешь сказать...

— Мнѣ, какъ угодно: я пожалуй, ничего не стану говорить: мнѣ не велика корысть...

— Ну, и молчи... Ахъ, какая дура!... Саша, душенька, такъ не должно, хохотать... это стыдно, нехорошо, невѣжливо!... Саша, задумалась.

— Я къ маменькѣ хочу, сказала она вдругъ, почти плаксивымъ голосомъ.

— Ну отведи ее къ матери... Да извольте приняться шить ей платье, а панталончики пусть Ульяна шьетъ...

Маша сердито взяла Сашеньку за руку и вывела изъ гостиной.

— На-те-ка вотъ... ничего не видя за вашу-то меня барыня изругала: на что остановила, что шалитъ тамъ, вертится, ломается, вздумала хохотать на весь домъ... говорила Маша Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и Катеринѣ. Ужъ теперь что хочешь дѣлай, хоть на головѣ ходи—слова не скажу.

— Нѣтъ, вы на это не взирайте; сдѣлайте такое одолженіе: останавливайте... какъ ребенка не остановить, когда шалитъ. Мы завсегда будемъ очень благодарны... отвѣчала Прасковья Ѳедоровна, а сама въ то же время думала: ну слава Богу, видно барыня добрая и Сашеньку въ обиду не дастъ.

— Нѣтъ, матушка, вѣдь, мнѣ корысть-то не велика съ ней тутъ возиться... Я только что терпѣть этого не могу, какъ дѣвчонка балуетъ... Терпѣть не могу... А Юлія Васильевна ее избалуетъ... Ужъ непремѣнно избалуетъ... И Афанасья Ивановна никогда ни въ чемъ не остановитъ. Эта и во вниманіе не возьметъ...

— Нѣтъ, ужъ вы ее не оставьте вашимъ наставленіемъ: кто же ребенка и остановитъ, коли и вы отъ него откажетесь...

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ... Мнѣ коли не велятъ, такъ и не надо... Мнѣ же лучше: заботы меньше... Вотъ платьевъ велѣла ей нашить: нашью какихъ велѣла... Гдѣ у меня эта Ульяшка. Господи, наказаніе мое Божеское, эта Ульяшка... Ну, погодижь ты, дѣвка... Терпѣть этого не могу...

Бабушка и мать поинтересовались узнать какія платья приказано сшить Сашенькѣ. Маша разсказывала имъ все подробно, показывала матеріалы для шитья: въ эти минуты Катерина и Прасковья Ѳедоровна были совершенно счастливы. Между тѣмъ, пришло время обѣда. Самъ Осташковъ допущенъ былъ къ господскому столу; теща, жена и дочь обѣдали въ дѣвичей. Юлія Васильевна не хотѣла вступить въ свои новыя родительскія права и принять на себя новыя обязанности матери, пока дочь не будетъ прилично одѣта.

— Послѣ обѣда Осташковъ пошолъ провѣдать своихъ. Они совѣтовали ему собираться домой и велѣли просить у Юліи Васильевны позволенія проститься съ нею. Осташковъ передалъ просьбу своихъ. Юлія Васильевна въ это время сидѣла наединѣ съ Рыбинскимъ, потому что Иванъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе уснуть послѣ обѣда; она безъ возраженій согласилась отпустить Осташкова домой, относительно же прощанья съ его семействомъ замѣтила, что боится опять новыхъ сценъ, поклоновъ и слезъ, что очень ее разстраиваетъ.

— Нѣтъ, ужъ не безпокойтесь: я скажу, чтобы ужь ничего этого не было...

— Да, пожалуста. Вы собирайтесь: я сейчасъ выйду проститься съ вами.

Черезъ нѣсколько минутъ она дѣйствительно вышла въ дѣвичью.

— Ну, прощайте, прощайте, говорила она, подставляя щеку на лобзаніе Катерины и Прасковьи Ѳедоровны. Атонази, ты возьми пока къ себѣ Сашу... А вотъ какъ она будетъ одѣта совершенно, я тогда буду ее держать постоянно около себя...

— Не оставьте... заговорили было бабушка и мать.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь: ей будетъ у меня хорошо... Вотъ вы пріѣзжайте, пожалуй, мѣсяца чрезъ два, три, вы и не узнаете Сашу... Я ее одѣну, какъ куколку. Ну, прощайте.

И съ этими словами Юлія Васильевна вышла изъ дѣвичей, оставивъ Прасковью Ѳедоровну въ крайнемъ огорченіи, что она не могла ей высказать всего, что намѣревалась сказать.

Осташковъ объяснилъ, что теперь Юліи Васильевнѣ никакъ

нельзя было долго оставаться въ дѣвичей, что у ней сидитъ гость и она должна спѣшить занимать его...

Тутъ начались опять наставленія, благословенія, слезы надъ головой Сашеньки, просьбы къ Машѣ, Афанасьѣ Ивановнѣ, даже къ Ульяшѣ: не оставить ребенка. Саша знала и прежде, но теперь только почувствовала, что должна разстаться съ родными, и плакала горько, ухватившись за мать и бабушку. Ее надобно было оттащить отъ нихъ силой, чтобы дать имъ возможность уйти и потомъ Маша должна была закрыть ей ротъ, чтобы громкія вопли ея не дошли до господскихъ ушей. Афанасья Ивановна, впрочемъ, нашла болѣе дѣйствительное средство остановить эти вопли: она принесла Сашѣ цѣлый передникъ разныхъ лакомствъ и бѣдный ребенокъ проглотилъ вмѣстѣ съ ними и свои слезы. Осташковъ на обратномъ пути былъ веселъ; Прасковья Ѳедоровна, спокойная и довольная за судьбу внучки, оставалась лишь не совсѣмъ довольна пріемомъ; Катерина сидѣла въ телѣгѣ грустная и печальная: ей было жалко разстаться съ дочкой, хоть она и старалась утѣшать себя мыслью, что въ этой разлукѣ ея счастіе.

V

Черезъ недѣлю Осташковъ собрался везти своего сына къ Палёнову. Теперь при разставаньи слезъ большихъ не было, и никто изъ женщинъ не поѣхалъ провожать Николиньку. Вопервыхъ, съ нимъ разставались не на всю жизнь: Палёновъ не въ сыновья его бралъ; во вторыхъ, матери да и всему женскому поколѣнью семьи бываетъ всегда какъ-то легче разстаться съ мальчикомъ, нежели съ дѣвочкой, потому ли что возлагается больше надежды на силы и независимость будущаго мужчины, потому ли что на мальчика семья всегда смотритъ, какъ на перелетную птицу, которая хоть и оставляетъ свое гнѣздо, но, когда придетъ время, снова въ него воротится и по праву займетъ свое мѣсто.

Снова тотъ же бурка и та же телѣга везла Осташкова съ сыномъ, но и дворъ и домъ Палёнова и все его холопство были знакомы Никешѣ и потому онъ здѣсь уже не робѣлъ. Смѣло поставилъ онъ лошадь гдѣ слѣдовало, смѣло задалъ ей сѣна; съ поклономъ, но спокойно попросилъ знакомаго и отчасти пріятеля кучера присмотрѣть за буркой, и прямо повелъ сына въ господскій домъ, впрочемъ, по привычкѣ, черезъ заднее крыльцо; черезъ пе-

реднее онъ до сихъ поръ не осмѣливался еще входить ни въ одинъ помѣщичій домъ.

Абрамъ Григорьевичъ, камердинеръ Палёнова, державшійся при баринѣ какимъ-то чудомъ въ теченіе десяти лѣтъ, не смотря на то, что Палёновъ то и дѣло перемѣнялъ прислугу, привыкъ къ Осташкову, смотрѣлъ на него какъ на неизбѣжное зло въ домѣ, снисходительно подавалъ ему руку и даже иногда въ добрый часъ милостиво и дружелюбно разговаривалъ. Черезъ него Осташковъ тотчасъ же получилъ доступъ въ кабинетъ Палёнова. Абрамъ Григорьевичъ снисходительно выслушалъ просьбу Осташкова: доложить о немъ барину, и другую просьбу: не оставить сына, который, вѣроятно, нѣсколько недѣль проживетъ въ домѣ Палёнова. Камердинеръ глубокомысленно посмотрѣлъ на наслѣдника Осташкова.

— Ишь ты какого лоботряса выростилъ! замѣтилъ онъ и слегка ударилъ Николиньку по затылку. Подите прямо въ кабинетъ: онъ тамъ!...

— Да какъ бы опять не огнѣвался, что безъ доклада... возразилъ Осташковъ.

— Что докладывать-то про тебя: чай, не Богъ знаетъ какіе гости пріѣхали... Что на него смотрѣть-то... Ступай... Ему захочется, такъ и даромъ обругаетъ, ни за что; ему развѣ порядокъ нуженъ, что ли? Взбеленится, вступитъ ему въ башку-то, облаялъ или оттаскалъ человѣка, ну и шабашъ, и правъ... Послѣ самъ себѣ смѣкай: виноватъ, или нѣтъ... Ну его къ чорту. Ступай прямо...

Осташковъ вошолъ въ кабинетъ. Палёновъ заботливо и спѣшно писалъ. На звукъ отворяющейся двери онъ оглянулся. Осташковъ поклонился и хотѣлъ заговорить.

— А, погоди, братецъ, сейчасъ... Нужно дописать... Немѣшай...

И онъ снова началъ строчить. Осташковъ присѣлъ на стулъ, и, погрозивши сыну, чтобы онъ не ворочался, самъ какъ быприросъ къ стулу. Вдругъ Палёновъ сталъ торопливо искать чего-то на письменномъ столѣ. То, чего онъ искалъ, не попадалось подъ руку.

— Эхъ, чортъ тебя дери... вскрикнулъ Палёновъ, мгновенно вскипятясь. Абрамъ, Абрамъ! закричалъ онъ.

Абрамъ вошолъ.

— Чего изволите?

— Гдѣ у меня тутъ... Вѣдомости были на этажеркѣ.

Абрамъ подошелъ къ письменному столу.

— Куда ты идешь?... Тебѣ говорятъ на этажеркѣ.

Абрамъ заикнулся, чтобы отвѣчать что-то.

— Тебѣ, говорятъ, на этажеркѣ вѣдомости были. Ты не слышишь, не понимаешь, что тебѣ говорятъ. Не хочешь понять... На этажеркѣ... Тебѣ говорятъ: на этажеркѣ... На этажеркѣ... Ты не слышишь... Ты пьянъ, анаѳема...

— Да сударь...

— Я тебѣ дамъ, сударь... Я тебѣ дамъ, сударь... Пьяница ты этакая... кричалъ Палёновъ, и вдругъ вскочилъ и сдѣлалъ распоряженіе съ личностью Абрама... Съ утра пьянъ, ракалія... я тебѣ дамъ, анаѳема... продолжалъ Палёновъ, красный какъ ракъ, пыхтя и задыхаясь...

— Абрамъ остался, по видимому, совершенно равнодушенъ къ пощечинамъ, которыя получилъ, точно били не его, а кого-то другаго, совершенно незнакомаго ему человѣка, нисколько не защищался отъ нихъ и только лишь смигивалъ да нѣсколько поворачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону. Увидя, что баринъ наконецъ умаялся и сѣлъ отдыхать, онъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ писалъ Палёновъ, нашолъ газеты почти подъ самымъ носомъ барина, и подалъ ихъ ему.

— Вотъ вѣдомости, проговорилъ онъ лаконически.

— Какъ же онѣ очутились здѣсь? Вѣдь, онѣ были на этажеркѣ... проговорилъ Палёновъ, смягчившись и чувствуя смущеніе, которое желалъ скрыть.

— Были давеча... Вѣдь, сами же взяли читать, какъ чай пили, да и положили сюда... Не разберете дѣломъ, да и деретесь зря...

— Ну, ну... Ты у меня не груби!... вскрикнулъ Палёновъ, готовый вновь вспыхнуть...

Абрамъ повернулся молча и пошелъ вонъ изъ кабинета. Проходя мимо Осташкова, онъ поглядѣлъ на него злобно, даже съ ненавистью и въ тоже время презрительно. Взглядъ его казалось, говорилъ: «вѣдь, вотъ говорилъ, что захочетъ прибить, такъ прибьетъ... Вотъ и прибилъ. А вотъ ты такъ не можешь прибить... А дай-ка мнѣ волю, я бы тебя не прибилъ, что ли? прибилъ бы да еще какъ... Ну что сидишь?...

Никеша предъ этимъ выразительнымъ взглядомъ скромно опустилъ глаза. Маленькій Николинька съ замираніемъ сердца и со

страхомъ смотрѣлъ на грознаго барина, прижался къ отцу и не смѣлъ пошевелиться во все то время, пока писалъ Палёновъ. Наконецъ онъ бросилъ перо и обратился къ Осташкову.

— Ну что, ты привезъ сына?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ Никеша, поспѣшно, приподнимаясь со стула. Вотъ батюшка, Николай Андреевичъ, не оставьте! продолжалъ онъ, подводя сына... Цѣлуй ручку...

— Который годъ?...

— Девять десятый...

— Ну, давно пора учиться... Я въ этомъ возрастѣ уже перечиталъ цѣлую библіотеку своего отца, зналъ исторію и географію... какъ свои пять пальцевъ...

— Гдѣ же, батюшка, Николай Андреичъ, и кому нибудь, а не то, что ему быть противъ васъ... Ужъ не оставьте его хоть грамотѣ-то поучить... чтобы на службу-то поступить могъ...

— Нѣтъ, я хочу, чтобы онъ получилъ полное образованіе... Теперь онъ поучится у меня, потомъ поступитъ въ уѣздное училище, въ гимназію и въ университетъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю... Вы истинный нашъ благодѣтель... Только не много ли будетъ про него, снесетъ ли? Гдѣ ужь ему далеко забираться...

— Ну ты, братецъ, этого ничего не понимаешь. Ужь это мое дѣло...

Палёновъ позвонилъ и велѣлъ позвать своего конторщика, который также носилъ титулъ земскаго. Тотъ тотчасъ же явился, и сталъ у дверей, въ ожиданіи господскихъ приказаній. Съ перваго взгляда было видно, что это былъ величайшій франтъ и любезникъ среди дворовыхъ, и притомъ человѣкъ деликатнаго обращенія и высоко думающій о своихъ нравственныхъ и физическихъ достоинствахъ. Сѣренькій нанковый сюртучекъ его, съ засаленнымъ воротникомъ и протертыми рукавами, совершенно уничтожался и становился незамѣтенъ за ярко-пестрою жилеткою изъ рытаго бархата, правда, полинявшею, но за то сшитою камзоломъ и съ поразительно блестящими металлическими пуговками. Бѣлая манишка была накрахмалена, какъ видно, усердною рукою, потому что топырилась на груди, какъ кора, и даже потрескивала при его движеніяхъ, а отогнутыя a l'enfant воротнички никакъ не прилегали къ шеѣ, и торчали въ разныя стороны, какъ крылья бабочки на лету. Подъ воротничками виднѣлся маленькій шелковый платочекъ, цвѣтъ котораго, за давностію существованія, опредѣлить

было невозможно, но по бахромѣ, которая окружала его и признаки которой уцѣлѣли еще на углахъ платка, безошибочно можно было заключить, что онъ составлялъ нѣкогда принадлежность женскаго туалета, и перешелъ на шею конторщика, какъ даръ нѣжнаго, любящаго сердца. Аристархъ, или, какъ звали его мужики, Старей Николаичъ, былъ бѣлокуръ отъ природы, носилъ длинные, нещадно напомаженные волосы, виски онъ тщательно зачесывалъ напередъ и концы ихъ подвивалъ. Къ этимъ вискамъ онъ чувствовалъ любовь до самоотверженія, и не хотѣлъ ни укоротить, ни спрятать ихъ за уши, не смотря на то, что въ недобрый часъ ему всего больше доставалось отъ барина за эти самые виски, подвитые и напомаженные. Во время разговора, расточая любезности, въ минуты раздумья, недоумѣнія, въ спокойномъ и тревожномъ состояніи духа, однимъ словомъ—безпрестанно онъ поглаживалъ и подвивалъ на указательный палецъ эти завѣтные виски. Послѣ вспышекъ господскаго гнѣва, когда, случалось, что вся его благообразная наружность приходила въ безпорядокъ и разстройство, Аристархъ Николаевичъ прежде всего заботился о приведеніи въ надлежащій приличный видъ свои, больше всего пострадавшіе, виски. Говорилъ онъ нѣсколько нараспѣвъ и до того кудревато и затѣйливо, что иногда прислушиваясь къ своей фразѣ, самъ приходилъ въ сердечное умиленіе; ходилъ тихо, на носочкахъ и въ припрыжку; разговаривая, выставлялъ то ту ногу, то другую, дѣлалъ шагъ или два впередъ и вслѣдъ за тѣмъ столько же назадъ. Передъ бариномъ склонялъ голову на бокъ и придавалъ лицу своему умильно-сентиментальное выраженіе. Къ чистописанію имѣлъ способности необыкновенныя, даже умѣлъ выводить перомъ съ одного почерка разныя фигуры, птицъ, цвѣты, цѣлыя вѣнки и гирлянды, за что и пожалованъ былъ помѣщикомъ въ званіе конторщика. Образованіе онъ получилъ сначала въ приходскомъ, потомъ въ уѣздномъ училищѣ, но такъ скоро оказалъ блестящіе успѣхи въ каллиграфіи, что Палёновъ, который въ то время нуждался въ хорошемъ конторщикѣ, не утерпѣлъ и, не давъ ему окончить курса, изъ втораго класса взялъ его къ себѣ во дворъ для письмоводства. Въ день тезоименитства каждаго изъ членовъ господскаго семейства онъ постоянно подносилъ имянинику или имянинницѣ произведеніе своего искусства: большею частію какую нибудь молитву, написанную различными почерками, начиная отъ самыхъ крупныхъ готическихъ буквъ, до самой мелкой скорописи.

Вообще Аристархъ Николаевичъ былъ человѣкъ искательный и угодительный, и хотя не всегда избѣгалъ господскаго гнѣва и соединеннаго съ нимъ нападенія на виски, но пользовался за свои способности нѣкоторымъ снисхожденіемъ и даже расположеніемъ помѣщика. Николай Андреевичъ Палёновъ, вообще поклонникъ, или лучше сказать, любитель всякаго рода талантливыхъ людей, съ нѣкоторою гордостію показывалъ всякому новому знакомому произведенія своего конторщика и особенно символъ вѣры, уписанный имъ на пространствѣ окружности четвертака; при чемъ часто пояснялъ, что хотя и это замѣчательно, но онъ зналъ одного офицера, который ту же молитву уписывалъ въ окружности пятачка такъ, что прочитать написанное можно было только съ помощію увеличительнаго стекла. Итакъ Аристархъ Николаевичъ тотчасъ явился по призыву барина, и, оправивъ виски, выставилъ правую ногу, и, склонивши на бокъ голову, ожидалъ его приказаній.

— Вотъ, Аристархъ, тебѣ новая обязанность, сказалъ Палёновъ: возьми на свое попеченіе этого мальчика... Я его скоро отдамъ въ уѣздное училище, такъ хочу, чтобы ты пока подготовилъ его читать и писать...

— Съ моею пріятностію...

— Смотри: времени осталось немного: всего какихъ нибудь три или четыре недѣли... Но мнѣ хочется, чтобы ты въ это время выучилъ его читать, хоть по складамъ и писать буквы.

— Это по разсмотрѣнію его понятій и вразумленію его чувствъ...

— Нѣтъ, я бы желалъ, чтобъ ты непремѣнно его выучилъ, чтобъ я могъ похвастать тобой...

— По вашему приказанію, я буду употреблять всю свою усиленность, и даже напряженіе чувствъ сдѣлаю... только была бы его старательность къ принятію преподаванія моего... И также, чтобы не было развлеченія къ шалостямъ и буйственнымъ поступкамъ насчетъ непослушанія и прочихъ качествъ...

— На-счетъ этого Старей Николаичъ не безпокойтесь, отозвался Осташковъ: онъ у меня тихъ, а то и розгой припугнуть можно, въ ученьи безъ этого нельзя...

— Нѣтъ, розогъ быть не должно: я противъ этого... И вообще никакихъ побоевъ, угрозъ и строгостей... Современная педагогика пришла къ убѣжденію, что всѣ такія мѣры строгости болѣе притупляютъ, нежели развиваютъ способности... Нужно

стараться развивать въ ребенкѣ благородное самолюбіе, любовь къ честному труду, объяснить ему пользу образованія, стараться заинтересовать его наукой такъ, чтобы онъ брался за книгу съ радостію, и любовью... Я всегда самъ такъ думалъ и недавно эти мысли выразилъ одинъ знаменитый ученый: я тебѣ дамъ прочесть его статью...

— Для назиданія моэго и руководства считаю даже себя въ необходимости просить о прочтеніи этой знаменитой книги и въ пріятность себѣ поставлю...

— Я самъ теперь пишу статью о воспитаніи; ты будешь ее переписывать и увидишь какъ мы сходимся въ идеяхъ съ этимъ знаменитымъ ученымъ; я даже полагаю, что онъ воспользовался моими мыслями, потому что бывши въ Петербургѣ, я со многими говорилъ объ этомъ предметѣ и даже въ одномъ домѣ спорилъ съ этимъ ученымъ о воспитаніи и доказалъ ему ошибочность нѣкоторыхъ его убѣжденій.

Аристархъ подобострастно улыбнулся, съ умиленіемъ взглянулъ на барина, сдѣлалъ два шага впередъ, потомъ назадъ, и доложилъ:

— Ваша ученость и понятія извѣстны, можно сказать, всему свѣту... и теперича если взять всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, васъ никто не можетъ превзойти... Такъ какъ я, по своей должности, имѣю вниманіе къ переписыванію вашихъ сочиненій, и даже писемъ и бумагъ, то могу судить... И всегда въ большое назиданіе и чувствительность прихожу... И я это очень могу понять, что всякій ученый можетъ большія понятія для своихъ мыслей получить себѣ въ вашихъ разговорахъ и изложеніяхъ...

Палёновъ былъ очень доволенъ и ухмылялся.

— Ну, а по какой методѣ ты думаешь учить? спросилъ онъ.

Аристархъ нѣсколько замялся.

— Метода... конечно... Я долженъ слѣдовать... по самой лучшей методѣ... чтобы метода была самая лучшая... Насчетъ его понятій... чтобы онъ понималъ...

— Ты держись моей методы: не учи какъ учили встарину: азъ, буки, вѣди, а учи: а, бе, ве, ге и т. д... И сначала объясни ему гласныя буквы, а потомъ согласныя... и растолкуй, что согласныя безъ гласныхъ выговаривать нельзя... Тогда онъ скоро пойметъ... Возьми напримѣръ какое нибудь слово... Ну хоть напримѣръ: кулакъ... И разстолкуй ему: вотъ эта гласная, а вотъ эта согласная, (о безгласныхъ говори послѣ)... заставь

его произнести сначала вмѣстѣ съ гласными, а потомъ пусть попробуетъ тоже слово сказать безъ гласныхъ... Онъ тогда тотчасъ пойметъ... и увидитъ какую роль въ этомъ словѣ играютъ гласныя и какую согласныя, и какъ образуется это слово: кулакъ... Когда ты растолкуешь ему посредствомъ такихъ примѣровъ различіе буквъ, тогда пусть онъ учится изображать каждую букву на бумагѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ въ одно и тоже время учиться у тебя и читать и писать... Понялъ?

— Могу всѣ эти примѣры ему преподать, и о всякомъ предметѣ назиданіе сдѣлать... только бы была у него своя собственная желательность къ принятію правилъ моего обученія... Даже могу преподать насчетъ поведенія и благородныхъ манеръ, какъ содержать себя благородному человѣку на своей дистанціи и въ пріятности общественной...

— Ужь не оставьте Старей Николаевичъ, коли батюшка Николай Андреевичъ позволяютъ... Обучите его... мальчишку, хоть бы какъ-то нибудь мараковалъ грамотѣ. А это вы, батюшка, Николай Андреичъ, отмѣните, чтобы мальчишку не сѣчь... Какъ можно, выучишь ли ребенка безъ острастки, только избалуется, совсѣмъ страхъ потеряетъ... Какъ таки ни трясоволоски, ни пинка не дать мальчишкѣ... Да онъ отобьется совсѣмъ... Я бы не совѣтовалъ...

Палёновъ разсердился.

— Послушай, Осташковъ, если я приказываю что нибудь, если я говорю, что это мои убѣжденія, неужели я хуже твоего понимаю, что дѣлаю?.. И можешь ли тутъ разсуждать?.. И что ты можешь разсуждать... Я бы не совѣтовалъ... Ну что ты можешь совѣтовать? и кому же?.. мнѣ... Тебѣ дураку, хотятъ сдѣлать добро, заботятся, разсуждаютъ о твоемъ же сынѣ... Ты долженъ только молчать, слушать, да благодарить... Ахъ какая свинья... неучь... Онъ мнѣ хочетъ совѣтовать... Дуракъ!..

Никеша оробѣлъ. Аристархъ поправлялъ виски.

— Извините, батюшка, благодѣтель... говорилъ робко и тихо Осташковъ... Я только такъ-съ... Не съ тѣмъ-съ... Не къ тому...

— Ну, а къ чему же?.. къ чему?.. Ну говори къ чему.

— Могу ли я говорить противъ васъ, благодѣтель... Извините милостиво...

— А говоритъ... Сужденія свои подаетъ...

— Простите, батюшка, Николай Андреевичъ... По глупости!.. проговорилъ Никеша и поцѣловалъ Палёнова въ плечо.

Паленовъ стихъ.

— То-то по глупости... И надо бы молчать, коли самъ сознаешь, что глупъ... И не только ты, такъ никто изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, которые осмѣливаются считать себя образованными людьми, не въ силахъ возвыситься до тѣхъ современныхъ взглядовъ и убѣжденій, которые я раздѣляю съ передовыми людьми вѣка... Всѣ вы живете подъ вліяніемъ патріархальныхъ началъ, всѣ вы окоченѣли въ своихъ предразсудкахъ... Надо большое умственное развитіе, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и не отставать отъ него. Для этого нужно такъ много читать и размышлять, какъ я, а кто здѣсь читаетъ и размышляетъ?... Во всѣхъ ограниченность, тупость, рутинный взглядъ на вещи... Аристархъ справедливо говоритъ, что здѣсь нѣтъ ни одного помѣщика, который могъ бы спорить со мной...

— Какъ это можно... это всякій можетъ сейчасъ видѣть... подхватилъ Аристрахъ.

— Ну, а ты еще вздумалъ мнѣ совѣтовать, подавать свои мнѣнія... Мг... глупецъ!.. Ну, ну, Богъ проститъ... Такъ примись Аристархъ за этого мальчика: учи его такъ, какъ я тебѣ говорилъ, и не прибѣгай ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ... А вмѣсто этого, заведи тетрадь, въ которой каждый день дѣлай подробную отмѣтку о твоихъ занятіяхъ, объ успѣхахъ и поведеніи ученика, и съ этой отмѣткой приводи его ко мнѣ... Если онъ будетъ учиться и вести себя хорошо, я буду его поощрять, въ противномъ случаѣ—сдѣлаю ему приличное наставленіе... Слышишь мальчикъ... какъ тебя зовутъ?...

— Николаемъ...поспѣшилъ отвѣтить Осташковъ.

— Зачѣмъ ты мѣшаешь ему говорить... Пусть онъ самъ мнѣ отвѣчаетъ... Какъ тебя зовутъ?...

— Николай...

— А по отчеству?...

Мальчикъ молчалъ.

— Фу, ты, Боже мой, какое невѣжество...

— Какъ зовутъ твоего отца?

— Никаноръ Лисандрычь...

— Александрычь, а не Лисандрычь... Ну, такъ какъ же ты будешь по отчеству...

— Не подсказывай, закричалъ, онъ Осташкову, который весь

былъ напряженіе и хотѣлъ бы вскочить въ ротъ сыну. Ну, подумай же... Отца зовутъ Никаноръ, какъ же ты будешь по отчеству?

Николинька молчалъ.

— Ну, говори же... Да говори же, болванъ этакой...

Мальчикъ никакъ не могъ понять о чемъ его спрашиваютъ, да и вовсе не могъ ни о чемъ думать: испугался и задрожалъ, когда закричалъ на него Палёновъ.

— Да онъ глупъ, онъ идіотъ!...Поди сюда ближе... Слушай какъ зовутъ твоего дѣдушку?

— Дѣдушка Лисандра. . отвѣчалъ мальчикъ дрожащимъ голосомъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Говорятъ тебѣ не Лисандръ, а Александръ. Ну, какъ зовутъ отца?

— Никаноръ Лисандрычъ...

— Не смѣй говорить: Лисандрычъ, говори Александрычъ... закричалъ Палёновъ, и затопалъ ногами.

У Николиньки покраснѣли глаза и навернулись слезы.

— Ну, говори сейчасъ: А-ле-ксандрычъ.

У мальчика со страха стѣснило горло и онъ не могъ вымолвить ни слова.

— О, да онъ еще и упрямый... Говори сейчасъ, а то исколочу мерзавца... Говори...

Николинька замигалъ и захлипалъ...

— Ахъ ты щенокъ этакой... Каковъ упрямецъ, каќовъ?... Говори сейчасъ:.. Сейчасъ говори... мерзавецъ... кричалъ Палёновъ, крѣпко сжимая плечо юнаго Осташкова. Мальчика въ это время обуялъ такой страхъ, что онъ уже думалъ только о томъ какъ бы убѣжать и началъ порываться изъ рукъ Палёно́ва.

— А такъ ты вотъ каковъ... Такъ на-жъ тебѣ, на-жъ тебѣ... Ахъ ты, мерзость этакая... Паленовъ отъ всего доброжелательнаго сердца далъ нѣсколько затрещинъ бѣдному мальчугану. Тотъ заревѣлъ на весь домъ.

— Молчать, щенокъ!

— Батюшка, Николай Андреичъ прибавьте ему, шельмецу, прибавьте еще хорошенько... говорилъ Осташковъ...

— Молчи ты, дуракъ, оселъ! закричалъ на Осташкова Палёновъ.

Николинька вопилъ что было мочи. Въ дверяхъ кабинета показалось недовольное и изумленное лицо супруги Палёнова.

— Что это за визгъ?... спрашивала она кислымъ голосомъ.

— Тащите его вонъ, мерзавца... Вытащите его... Выпорите тамъ хорошенько... кричалъ вышедшій изъ себя Палёновъ.

Осташковъ и Аристрахъ спѣшили исполнить его приказанія и Николинька еще громче закричалъ отъ ихъ толчковъ и пинковъ.

— Что это ты за комеражи дѣлаешь... Какъ тебѣ не стыдно... говорила супруга, когда двери въ кабинетъ затворились.

— Отстань, матушка... Убирайся къ чорту... Я жизни не родъ, что связался... Вездѣ непріятности.—Тупость, глупость, идіотизмъ... Чортъ знаетъ что такое...

— Ты, наконецъ, не помнишь, не чувствуешь, что говоришь съ женой, а не съ лакеемъ.

— Ахъ, отстань, говорягъ,... Уйди... Я огорченъ, взбѣшонъ... Мнѣ на каждомъ шагу судьба ставитъ препятствія... Я—несчастный человѣкъ!...

— Я не знаю твоихъ несчастій... Но ты ужасъ что дѣлаешь изъ нашего дома...

— Да, что же, наконецъ, я не хозяинъ, что ли въ своемъ домѣ?.. Я не могу дѣлать, что хочу?.. Ты хочешь меня уничтожить, сдѣлать нулемъ.

— Ты можешь быть чѣмъ тебѣ угодно, но не дѣлай изъ нашего дома Богъ знаетъ чего... и не смѣй оскорблять жены... Я не раба твоя, не подданная, не холопка... Такъ обращаются съ женой только солдаты и мужики... Ты мужикъ... солдатъ...

— Дьяволъ ты этакой... змѣя!... Вонъ или я тебя!...

— Что ты?...

Впрочемъ супруга Палёнова, по опыту знала, что могло слѣдовать за такимъ вопросомъ, и потому при первомъ движеніи мужа быстро вскочила, взвизгнула и скрылась за дверью. Она предвидѣла конецъ этой сцены, но не могла отказать себѣ въ удовольствіи подразнить мужа. Выйдя изъ кабинета, она заплакала и легла въ постель,—съ ней начались истерическіе припадки; нужно было послать въ городъ за докторомъ, весьма опытнымъ, хотя и молодымъ еще человѣкомъ... Такія исторіи въ домѣ Палёнова происходили не рѣдко.

По этому случаю въ дворнѣ только слегка замѣтили: сегодня нашъ-то Пугачевъ на барыню наскочилъ... Да она свое взяла: на постель, да и за лекаремъ!... Оказія!...

VI.

Осташковъ съ Аристархомъ вразумили и успокоили Николиньку вовсе не по тѣмъ началамъ, которыя проповѣдывалъ Палёновъ въ теоріи, согласно съ ученіемъ извѣстнаго ученаго, но старались руководствоваться тѣми пріемами, которые имъ указалъ тотъ же Палёновъ въ практическомъ приложеніи своей теоріи. Вразумивши и успокоивши такимъ образомъ сына, Осташковъ не зналъ, что ему дѣлать: къ Палёнову идти не смѣлъ, и грустный сидѣлъ въ конторѣ у Аристарха, ожидая, когда Николай Андреичъ вспомнитъ его и позоветъ къ себѣ. Аристархъ витійствовалъ передъ мальчикомъ и дѣлалъ ему различныя наставленія о томъ, какъ надо прилежно учиться, какъ должно слушаться и повиноваться учителю, почитатъ старшихъ и проч. однимъ словомъ обо всемъ томъ, что онъ почерпнулъ изъ прописей при частомъ переписываніи ихъ.

— Да, вы этого ему въ голову не давайте забирать, Старей Николаичъ, что его ни сѣчь, ни бить не будутъ... Нѣтъ, батюшка, сѣкитс и бейте его, канальца, коли будетъ того стоить... Мнѣ это ничего, я за этимъ не стою... хоть и дворянская кровь, да ничего... Это заживетъ, а лучше баловать не будетъ... И, что выдумалъ?... Николай Андреичъ имъ занимаются, спрашиваютъ, а онъ не отвѣчаетъ... Какъ за это не выпороть... Это вотъ только послушалъ, что сѣчь не будутъ, сейчасъ и взялъ себѣ въ голову... Какъ ихъ не сѣчь?.. На что же и розги-то сдѣланы, какъ не на ихъ братью? Всѣхъ насъ сѣкли... Не понимаетъ того, что Николай Андреичъ, это только такъ, съ опыта говорятъ: посмотрѣть, что будетъ... А онъ на-ка, не слушаться... Я тебѣ дамъ... Да я попрошу Старея Николаича, чтобы онъ тебя походя билъ да поролъ... Что теперь надѣлалъ?.. Теперь и подойти-то къ Николаю Андреичу нельзя...

— Нѣтъ ничего... его сердце не пространное: онъ удовлетвореніе своимъ чувствамъ для себя сдѣлаетъ, а потомъ опять ничего: впадаетъ въ простоту... возражалъ Аристархъ.

— Ахъ, Николка, Николка, зарѣзалъ ты меня... Чтобы тебѣ отвѣтить-то... Что не отвѣчалъ, пострѣлъ этакой?... Отчего не отвѣчалъ?.. говори...

— Боялся...

— Чего ты боялся?...

— Что прибьетъ...

— Отвѣчалъ бы, такъ не прибилъ бы... А на что же заревѣлъ-то? а? на что заревѣлъ?... Вѣдь, онъ, чай, тебя еще не билъ тогда... а? На что заревѣлъ?... Ну, говори... Что сталъ?.. Говори, отвѣчай...

— Не знаю...

— Пороть тебя надо, мошенника этакаго... Вотъ и будешь знать, не станешь ревѣть зря... Баушки тебя избаловали... Пори его, батюшка, Старей Николаичъ... Не жалѣючи бей и пори... отъ всего сердца прошу... Чтобы онъ зналъ, мошенникъ, какъ надобно съ благодѣтелями своими говорить да угождать, а не то, что упрямство дѣлать... И что выдумалъ, разбойникъ...

— Зачѣмъ же вы этакія слова неудобныя говорите... чрезъ это онъ впадаетъ въ грубость и невѣжество, а его надобно преучать ко всякой деликатной обходительности, такъ какъ вы хотя и въ бѣдности , но должны свою политику соблюдать...

— Да, вѣдь, досадно, батюшка, Старей Николаичъ: ну-ка онъ, что надѣлалъ...

— Однако же можно дитяти другіе резоны и наставленія представлять со всею обходительностію: вотъ какъ я при васъ же излагалъ...

— Вы, батюшка, Старей Николаичъ, учены, а я темный человѣкъ: гдѣ мнѣ этакого ума взять, какъ у васъ...

Старей Николаичъ былъ очень доволенъ этимъ комплиментомъ, и поправилъ виски.

— Мы его обучимъ и всякое обхожденіе покажемъ... только, чтобы чувства ваши были на счеть благодарности... А то, вѣдь, даромъ стараться и себя убивать не приходится.

— Не оставьте, Старей Николаичъ: на васъ моя крѣпкая надежда, а ужь я васъ не оставлю, поблагодарю, чѣмъ сила моя возьметъ... Только пойметъ ли онъ что: времени-то больно мало...

— А мы будемъ стараться вразумленіе ему дѣлать къ назиданію его понятій, чтобы онъ больше къ наукѣ себя употреблялъ, а не къ шалостямъ...

— Не оставьте, Старей Николаичъ...

— А вы мнѣ теперь рубль серебромъ дайте, такъ сказать для ободренія моего къ трудамъ...

— Какъ, теперь, Старей Николаичъ?... За что же?...

— Я вамъ говорю: для ободренія моего къ трудамъ... Да вы изъ чувствительности своей, чтобы я больше старался, должны

принести мнѣ благодарность... А безъ этого какое же могу имѣть стараніе?

— Да вѣдь, какъ же, Старей Николаичъ: это господскій приказъ... Конечно я послѣ, какъ увижу, ваше стараніе... съ моимъ полнымъ удовольствіемъ: мнѣ ничего не жаль, свое родное дѣтище, не чужое...

— Что же мнѣ господскій приказъ?... А можетъ, онъ умственности не имѣетъ, чтобы понимать... Вотъ я и сказалъ барину, что напрасно изволите держать, и никакой надежды въ немъ на-счетъ ученья полагать нельзя... Вотъ и весь приказъ... Вы это должны принять себѣ въ чувствіе. .

— Да какъ же такъ, Старей Николаичъ ужь это будетъ обидно: хоть бы трехъ-гривенничекъ, али полтинничекъ просилъ, а то цѣлковый... У меня и денегъ-то такихъ нѣтъ...

— Какъ у васъ не быть: вы въ своемъ званіи и отъ богатыхъ господъ не оставлены... Вамъ стыдно это и говорить... Я дворовый человѣкъ, да имѣю при себѣ завсегда для своего продовольствія, на счетъ табаку и прочихъ развлеченій, рубль и два серебромъ.

— Вотъ вы какъ, Старей Николаевичъ!... А вѣрите ли Богу: у меня вотъ семья на рукахъ, а иной разъ гривенника во всемъ домѣ не найдешь...

— Ну, что вы напрасно изъясняете... Теперь отъ одной господской добродѣтели вы сколько можете получить...

— Батюшка, Старей Николаичъ, вѣдь, семья. Конечно я благодѣтелями своими доволенъ, кабы не они, такъ я бы давно живъ не былъ... Да, вѣдь, семья, Старей Николаевичъ... Мало ли всего надобно...

— Однако же вы можете вести свою экономію... А я дворовый человѣкъ... Гдѣ мнѣ взять?... Какъ хотите, а рублемъ серебра вы мнѣ должны способствовать... А то и мальчику никакой учености преподавать не буду и вы удовольствія не получите.

— Какъ же, Старей Николаевичъ... Будетъ полтинника... Право, обидно...

— Вы меня обижаете... Что же значитъ все мое ученье, если останусь доволенъ какимъ нибудь полтинникомъ... Я долженъ себя чувствовать... И я чувствую...

Въ это время Осташкова позвали къ Палёнову. Никеша хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, и ускользнуть отъ свое-

корыстнаго, хотя и вѣжливаго конторщика, но тотъ остановилъ его.

— Что же вы не желаете образованности вашему сыну...

— Николай Андреичъ зоветъ, Старей Николаичъ...

— Баринъ безъ меня ничего не можетъ сдѣлать... Давайте цѣлковый, а то я откажусь отъ всякаго старанія по неспособности вашего сына къ понятіямъ.

— Да вотъ погодите, Старей Николаичъ, я вотъ только къ Николаю Андреичу схожу... Я сейчасъ...

Старей Николаичъ разсердился.

— Ну, такъ подижь, попробуй... сказалъ онъ съ негодованіемъ... Посмотрю я, не повезешь ли назадъ своего...

— Да вы не обижайтесь, Старей Николаичъ. Я не то чтобы... Я, вѣдь, не отказываюсь... Съ моимъ удовольствіемъ...

— Поди, поди... Проси барина...

— Да, что жь мнѣ... Я на васъ надѣюсь... Вотъ получите ужь... Такъ и быть... Изъ послѣднихъ.

Осташковъ съ огорченіемъ подалъ деньги: онъ зналъ по опыту, какъ много значитъ дружба и вражда съ дворовыми людьми того господина, отъ котораго онъ надѣялся что нибудь получить — и не смѣлъ не исполнить требованія конторщика.

— Стыдитесь вы это говорить... возразилъ Аристархъ, принимая рубль серебромъ. Неужели вамъ жалко такой ничтожной суммы для образовательности вашего сына...

— Эхъ, Старей Николаичъ, бѣдность моя...

— Спѣшите къ Николаю Андреичу... чтобы опять не ожесточился...

Осташковъ вздрогнулъ, засуетился и побѣжалъ къ Палёнову.

Буря въ душѣ Николая Андреича давно уже прошла и затихла, но онъ чувствовалъ какое-то недовольство собою, какое-то тоскливое расположеніе духа вслѣдствіе столкновенія съ женою. Никто не умѣлъ такъ искусно раздразнить Палёнова и раздразнивши оставить неудовлетвореннымъ и пристыженнымъ, какъ его собственная супруга. Притомъ онъ зналъ хорошо, потому что уже не разъ испытывалъ, что обыкновенно слѣдовало за подобными столкновеніями: непрерывныя въ продолженіе цѣлой недѣли истерики, съ необходимымъ присутствіемъ доктора, которому платились за леченье огромныя деньги, что̀ и само по себѣ было не малою казнію для скупаго Палёнова; за тѣмъ упреки, слезы и оскорбительныя замѣчанія жены при каждой встрѣчѣ съ

мужемъ, или молчаніе въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, или скоропостижный отъѣздъ со всѣмъ семействомъ въ городъ для леченья, что было для Николая Андреича всего хуже, потому что больше всего опустошало его карманъ. Какъ всѣ капризные, избалованные и раздражительные, но слабохарактерные люди, послѣ непріязненной стычки, гдѣ они проигрываютъ поле сраженія, Николай Андреичъ послѣ каждой ссоры съ женой падалъ духомъ, терялъ бодрость, становился вялъ и скученъ, жаловался на нездоровье и искалъ предлога обвинить въ чемъ нибудь свою печальную судьбу. Тогда ему становился нуженъ человѣкъ, предъ которымъ бы онъ могъ ныть и жаловаться. На этотъ разъ Осташковъ какъ будто былъ посланъ въ утѣшеніе Палёнову самою судьбой: никто не могъ быть столько терпѣливымъ и великодушнымъ слушателемъ, какъ онъ; никто, кромѣ его, не въ состояніи бы былъ съ такимъ сочувствіемъ и состраданіемъ выслушивать жалобы барина, только-что приколотившаго своего лакея, на неповиновеніе, неисправность и буйныя наклонности прислуги, не цѣнящей милостей и выводящей изъ себя самое ангельское терпѣніе. Какъ только Палёновъ впалъ въ такое унылое расположеніе духа, онъ вспомнилъ объ Осташковѣ и велѣлъ позвать его къ себѣ. Никеша нашелъ своего благодѣтеля, лежащимъ на диванѣ съ самымъ грустнымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица.

— Что вы, батюшка Николай Андреичъ? спросилъ Осташковъ соболѣзнующимъ голосомъ.

— Что, братъ, Осташковъ, плохо жить на свѣтѣ добрымъ людямъ... Поди сядь сюда поближе... Нездоровится что-то...

— Что съ вами, батюшка?...

— Весь какъ будто разбитъ... и нервы разстроены. Тоска такая... Да и немудрено: тутъ бы никто не сохранилъ здоровья... Бьешься, мучишься, работаешь, какъ волъ, какъ батракъ, жертвуешь своимъ здоровьемъ, а тутъ безпрестанно непріятности... Давеча этотъ пьяница Абрамъ меня разстроилъ... что я не дѣлалъ для этого мерзавца, давно бы его надо было въ скотники прогнать, а я его держу камердинеромъ, одѣваю, кормлю, каждый день чай пьетъ, анаѳема... а онъ вмѣсто благодарности грубитъ... А тутъ еще жена... Это ужасъ: я несчастнѣйшій человѣкъ...

— Не мой ли пострѣлёнокъ, батюшка, васъ растревожилъ?.. Простите, великодушно...

— Нѣтъ, Осташковъ: что твой сынъ!.. ребенокъ... Ну, поупрямился, его наказали — и кончено... Нѣтъ, Осташковъ, для насъ, такъ называемыхъ богатыхъ людей, есть огорченія поглубже, которыхъ ты никогда не испытывалъ и не испытаешь... Ты бѣднякъ, но ты полный хозяинъ, полный господинъ въ своемъ домѣ, никто тебѣ не смѣетъ ни въ чемъ противорѣчить, жена смотритъ въ глаза и поступаетъ во всемъ согласно съ твоей волей... Столкновеній съ людьми, съ этими неблагодарными, вѣчно недовольными тварями, у тебя нѣтъ... Живешь ты скромно, тихо, какъ хочешь, какъ позволяютъ тебѣ твои средства, никому до тебя дѣла нѣтъ, никто тебя не осудитъ... А я... Я вѣчный мученикъ, вѣчный рабъ приличій, общественныхъ условій... Я не могу жить такъ, какъ хочу, какъ того требуетъ мое сердце, мои убѣжденія, мой взглядъ на вещи... Я не принадлежу себѣ, я весь принадлежу людямъ... Тружусь, работаю, добываю... а для кого?.. развѣ для себя?.. Нѣтъ, я знаю, я напередъ увѣренъ, что все, что я скопилъ—пойдетъ прахомъ... Про меня говорятъ, что у меня полторы тысячи душъ, что я богатъ, но если бы кто зналъ чего мнѣ стоитъ это богатство... Какихъ усилій, какихъ трудовъ, какого кроваваго пота стоитъ мнѣ каждый рубль, который я получаю!.. И знаютъ ли, повѣрятъ ли, что я едва свожу концы съ концами?.. что я долженъ дрожать и разчитывать надъ каждой копѣйкою?.. Нѣтъ, этому никто не повѣритъ... И что особенно ужасно: этому не повѣрятъ даже внутри собственной моей семьи, не повѣритъ жена... Это ужасная, невыносимая мысль... Нѣтъ, Осташковъ, ты счастливецъ, въ сравненіи со мной!.. Ты этого не понимаешь...

— Очень понимаю, батюшка, Николай Андреичъ... Какъ можно непонимать... Только одни развѣ безчувственные люди не чувствуютъ вашихъ благодѣяній... А я очень чувствую... Вотъ какъ передъ Богомъ... Осташковъ прослезился отъ искренняго сердца и поцѣловалъ Палёнова въ плечо.

— Спасибо тебѣ, Осташковъ... Я знаю—ты добрый, благородный человѣкъ... Но только ты все-таки меня не понимаешь...

— Нѣтъ, Николай Андреичъ, понимаю, всѣ ваши слова понимаю и къ сердцу беру... Все чувствую, Николай Андреичъ, только выговорить не могу, потому что не ученъ...

— Да ты, можетъ быть, чувствуешь ко мнѣ сожалѣніе, потому-что ты добрый человѣкъ и видишь, что я страдаю... но понять меня ты все-таки не можешь, и именно потому, что не

развитъ, не образованъ... Нѣтъ, Осташковъ, надобно, надобно, учиться...

— Да я ужь такъ надумалъ, батюшка Николай Андреичъ, чтобы просить вашего неоставленія... Ужь хочу попробовать, можетъ, хоть немножко и пойму... Ужь какъ нибудь, батюшка Николай Андреичъ хоть маненичко-то оболваньте...

— Оболваньте!.. Ахъ, ты смѣшной, Осташковъ... сказалъ Палёновъ съ улыбкою...

— Да право!.. Хоть бы крошечку-то... на человѣка былъ похожъ .. сказалъ Осташковъ въ восторгѣ отъ удовольствія, что разсѣялъ тучи на мрачномъ челѣ своего благодѣтеля.

— Я думалъ о тебѣ и говорилъ съ однимъ господиномъ Карѣевымъ... Ты его не знаешь?..

— Видать—видалъ... а знакомства у насъ этакаго нѣтъ, чтобы тамъ милости его были ко мнѣ... и въ дому у нихъ еще не бывалъ...

— Онъ человѣкъ умный и образованный.... Я долженъ это сказать, хоть мы и споримъ съ нимъ постоянно. Правда, есть у него этакія стремленія... бранитъ все... говоритъ иногда о такихъ вещахъ, о которыхъ ему, по молодости лѣтъ, еще и разсуждать бы не слѣдовало... Ну, да это—результатъ современнаго направленія и бредней университетскихъ профессоровъ.— Впрочемъ что я говорю съ тобою объ этомъ... Ты этого не поймешь... Такъ вотъ я его просилъ о тебѣ: онъ тамъ у себя въ деревнѣ учитъ грамотѣ своихъ мальчишекъ и даже дѣвокъ крестьянскихъ... И вообще онъ большой ревнитель просвѣщенія... Онъ съ радостію берется учить тебя... Такъ вотъ поѣзжай къ нему—я тебѣ дамъ письмо. Сегодня ночуй у меня и завтра же утромъ отправляйся къ нему...

— Оченно хорошо-съ, батюшка Николай Андреичъ... Только что, если онъ меня теперь будетъ у себя останавливать: мнѣ, вѣдь, въ теперешнее время несподручно у нихъ остаться... Тоже работишка въ полѣ... Вотъ жнитво идетъ, а у меня и то съ этими разъѣздами да хлопотами вся работа стала: однѣ-то бабы не успѣваютъ поправляться... А вотъ я бы убрался, да ужь тогда...

— Ну, это какъ ужь онъ тамъ тебѣ скажетъ, онъ на зиму въ Москву и Петербургъ сбирается...

— Такъ развѣ можетъ работничка не пожалуютъ ли...

— Ну, ты обо всемъ этомъ переговори съ нимъ... Вотъ я те-

бѣ сейчасъ напишу письмо къ нему... Онъ живетъ тутъ не далеко отъ меня: всего верстъ пятнадцать.

— А ужь вы, батюшка, Николай Андреичъ, будьте отецъ и благодѣтель: малолѣтка моего неоставьте.

— Ну что же ужь тутъ говорить объ одномъ и томъ же десять разъ... отвѣчалъ Палёновъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ... Вѣдь, ужь тебѣ сказано разъ... Мальчикъ отданъ на руки... чегожь тебѣ еще?..

— Слушаю, слушаю, батюшка... Я такъ только. Покорнѣйше васъ благодарю за всѣ ваши милости... Мы не стоимъ того, какъ вы объ насъ радѣете...

Палёновъ принялся сочинять письмо. Писаніе писемъ было страстью Палёнова. Въ жизнь свою онъ никогда ни о чемъ, ни о какомъ ничтожномъ обстоятельствѣ не могъ написать коротенькой записочки, о чемъ бы онъ ни писалъ у него выходили длинныя, плодовитыя посланія. Этою способностію Николай Андреевичъ очень дорожилъ и любилъ ее въ себѣ. Писаніе писемъ — этотъ тяжелый и скучный трудъ для иныхъ, доставляло Палёнову особенное наслажденіе, и потому корреспонденція его была огромная, велась имъ тщательно и аккуратно. Каждое посланіе записывалось имъ въ особенную заведенную для того исходящую и занумеровывалось... Николай Андреевичъ иногда съ внутреннимъ самодовольствіемъ, иногда съ притворной жалобой, разсказывалъ сколько нумеровъ выходитъ у него въ годъ, и въ счастливый часъ эта цифра возрастала на языкѣ его до такихъ громадныхъ размѣровъ, что ей позавидовала бы иная самая дѣятельная канцелярія.

Въ весьма короткое время Палёновъ испестрилъ цѣлый листъ почтовой бумаги, адресованный Карѣеву. Коснувшись пользы образованія вообще, онъ нарисовалъ грустную картину человѣка неграмотнаго, отчужденнаго чрезъ незнаніе грамоты отъ всѣхъ интересовъ мыслящаго міра, осужденнаго, по его словамъ, коснѣть въ сферѣ привычекъ и убѣжденій, давно отжившихъ свой вѣкъ, давно ненужныхъ человѣчеству, лишеннаго возможности воспринимать новые взгляды и слѣдить за вѣкомъ и пр. въ этомъ родѣ. Потомъ замѣтилъ, что положеніе неграмотнаго человѣка становится еще ужаснѣе, когда онъ принадлежитъ къ сословію дворянскому, сословію всегда передовому въ дѣлѣ мысли и умственнаго развитія... Вотъ я вамъ представляю, писалъ Палёновъ, субъекта подобнаго рода. Я наблюдалъ и изучалъ его

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что́ бы могло выдти изъ него, еслибы онъ въ свое время получилъ настоящее и правильное образованіе?—За тѣмъ, увлекшись мыслію о томъ чудотворномъ дѣйствіи, какое должно производить на людей образованіе, онъ нарисовалъ такую картину образованнаго Осташкова, изъ которой слѣдовало заключить, что Никеша одаренъ отъ природы геніальными способностями, остановленными въ своемъ развитіи мракомъ невѣжества, въ которомъ онъ прозябалъ. И кто же, кто этотъ несчастный, лишенный свѣта образованія! восклицалъ Палёновъ. Потомокъ самаго древнѣйшаго дворянскаго рода въ нашей губерніи, рода, который, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ мною документовъ, былъ въ полной уже силѣ еще въ 13-мъ столѣтіи, рода, изъ котораго исходили государственные люди и полководцы, мужи совѣта и брани, честь и краса нашей родины! И вамъ, можетъ быть, предстоитъ поддержать жизнь этого увядающаго дерева, помочь подняться на ноги этой павшей знаменитости... Я съ своей стороны беру на свои руки юную отрасль, сына Осташкова, и намѣренъ вести его самымъ широкимъ путемъ образованія... Но я забылъ, что вы врагъ всѣхъ сословныхъ различій и привилегій, и знатность рода Осташкова не тронетъ васъ. Въ такомъ случаѣ дѣлайте для человѣка, освѣтите мракъ его разумѣнія. По моему мнѣнію, это замѣчательный, необыкновенный фактъ, что человѣкъ, слишкомъ въ тридцать лѣтъ отъ рода начинаетъ чувствовать жажду знанія и рѣшается начать ученье съ азбуки. Я не безъ гордости скажу при этомъ: ктожъ этотъ человѣкъ?.. дворянинъ! Въ какомъ сословіи вращался этотъ человѣкъ, у котораго возникла эта жажда знанія? въ дворянскомъ!.. Помочь такому человѣку, удовлетворитъ его жажду, просвѣтить его, мнѣ кажется, великое государственное дѣло, которымъ вы окажете незабвенную услугу отечеству и человѣству... Этого не въ состояніи сдѣлать какой нибудь Рыбинскій, который тратитъ свои силы на развратъ, и не помнитъ своихъ обязанностей; возложенныхъ на него сословіемъ, избравшимъ его въ свои представители. Кстати этотъ Осташковъ знаетъ въ подробности весь образъ жизни Рыбинскаго; распросите его когда нибудь на досугѣ... Вы ужаснетесь и возмутитесь духомъ... Вы тогда окончательно поймете, что я возстаю противъ этого человѣка не по какимъ либо личнымъ разсчетамъ, но только во имя правды и чести нашего сословія, сдѣлавшаго ошибку и пристыдившаго себя его избра-

ніемъ». Въ заключеніе Палёновъ дѣлалъ множество комплиментовъ самому Карѣеву и выражалъ надежду, что онъ понимаетъ благородство стремленій и цѣлей его, Палёнова.

Кончивши письмо, которое очень понравилось ему самому, Николай Андреевичъ не могъ удержаться, чтобы не прочитать его вслухъ Никешѣ... Тотъ слушалъ съ возможнымъ для него напряженіемъ всей своей мыслительной способности, слушалъ, вздыхалъ и наконецъ пришелъ въ совершенное умиленіе, заморгалъ глазами и прослезился. Когда Палёновъ кончилъ чтеніе, онъ, по своему обыкновенію, приложился къ его плечу и проговорилъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, батюшка, и съ дѣтками вашими... Какъ стараетесь объ насъ... сколько изволили написать. И какъ это все... ахъ Господи!..

— Что хорошо, Осташковъ?.. спросилъ Палёновъ, снисходительно улыбаясь...

— И... Да, кажется... ну, цѣлый вѣкъ сиди: половины... третьей доли не придумаешь, право, не придумаешь...

— Это, мой другъ, все дѣлаетъ образованіе, ученіе...

— Ужь истинно, что ученье надо большое... Какъ это!.. Господи!.. Сколько написали... Да вѣдь, и въ одну минуту... Удивленье!.. Осташковъ съ изумленіемъ потрясалъ головой и разводилъ руками.

— А ты, если когда Карѣевъ будетъ тебя разспрашивать про Рыбинскаго, разскажи ему про его житье все подробно. Мнѣ это нужно...

Осташковъ молчалъ.

— Слышишь?..

— Слышу, батюшка, Николай Андреевичъ... только бы какъ послѣ не дошло до Павла Петровича... Пожалуй, прогнѣваются...

— Дуракъ!.. Что же ты дорожишь своимъ Павломъ Петровичемъ больше, нежели мной?.. Что онъ для тебя больше моего дѣлаетъ?.. Ты на него больше надѣешься...

Бѣдный Осташковъ оробѣлъ и совершенно растерялся: тамъ дочь, тутъ сынъ!.. мелькнуло въ его головѣ, тотъ предводитель, а этотъ... съ этимъ много не наговоришь, какъ разгнѣвается... Что дѣлать?..

— Ну, что же молчишь... Ты его сторону что ли хочешь держать?.. Онъ твой благодѣтель, а не я?.. Онъ тебя въ люди вывелъ, а не я?..

— Батюшка, Николай Андреичъ... Николай Андреичъ... Какъ мнѣ вашихъ милостей не чувствовать... Я не неблагодарный какой... Я, кажется, денно и нощно молюсь за васъ... И дѣтямъ то наказываю... Да и не замолить мнѣ никогда... Могу ли я васъ къ кому приравнять?..

— Ну, такъ чтожъ тебѣ Павелъ Петровичъ?..

— Только что какъ я при своей бѣдности... А они предводители... Все могутъ со мной сдѣлать.

— Ничего онъ не можетъ съ тобой сдѣлать. Ты такой же дворянинъ, какъ и всѣ... Что онъ можетъ тебѣ сдѣлать?.. Надѣйся на меня... Я въ обиду не дамъ... Еще увидимъ.., кто кого. Еще Богъ вѣсть на долго ли онъ и предводителемъ-то останется... Коли на то пойдетъ, я и министру напишу... Меня и министръ лично знаетъ... Еще потягаемся... Что, онъ хорошій человѣкъ, по твоему?.. Хорошій?..

— Я этого не могу знать, Николай Андреичъ...

— Какъ не можешь знать?.. Развѣ ты не гащивалъ у него по цѣлой недѣли, развѣ ты не видалъ, какъ онъ живетъ... Развѣ этакъ живутъ люди съ хорошей нравственностію... Пьянство, карты, развратъ... Развѣ это хорошо, по твоему?.. Ну, говори, хорошо?..

— Что ужь тутъ хорошаго, Николай Андреичъ...

— Такъ чтожь ты юлишь... Что же ты говоришь, что не знаешь?.. Вотъ благодарность!.. Всѣ мнѣ измѣняютъ, всѣ... Ни отъ кого нѣтъ благодарности... Николай Андреичъ вспыхнулъ и вскочилъ съ креселъ.

— Пошелъ же ты къ чорту и съ своимъ мальчишкой... Чтобы твоя нога въ моемъ домѣ не была, коли ты такъ помнишь и цѣнишь мое благодѣяніе...

Палёновъ бросился на диванъ.

— Измѣна, кругомъ измѣна!.. Ни въ комъ человѣческой души, ни отъ кого привязанности, благодарности... Это адъ, а не жизнь... Это вѣчное мученье прежде времени... Для него Рыбинскій дороже меня!.. Пошелъ вонъ... съ глазъ моихъ долой!..

Осташковъ блѣдный, переминался на одномъ мѣстѣ...

— Батюшка, Николай Андреичъ... Да могу ли я... Простите моей глупости... Да я для васъ что угодно... Что прикажете, то и буду дѣлать... лепеталъ онъ со страхомъ и тоскою.

Палёновъ лежалъ на диванѣ и стоналъ...

— Не гнѣвайтесь, батюшка, Николай Андреичъ... Я только къ

тому... такъ по своей глупости. А я по конецъ жизни долженъ чувствовать ваши милости... Я что угодно для васъ, только не гнѣвайтесь...

— Ну, такъ ты выбрось изъ головы своего Рыбинскаго... Не смѣй поминать о немъ при мнѣ... Онъ для тебя ничего не сдѣлалъ, и никогда не сдѣлаетъ... Я твой единственный благодѣтель... Ты мнѣ всѣмъ обязанъ... Я тебя вытащилъ въ люди и сдѣлалъ человѣкомъ... Кто бы здѣсь, кромѣ меня, принялъ въ тебѣ участіе?.. Я съ тобой возился, говорилъ, рекомендовалъ тебя, какъ роднаго сына... А для тебя вдругъ какой нибудь Рыбинскій сталъ дороже меня... Стыдись... Безсовѣстный...

— Нѣтъ, батюшка... ни къ кому я васъ не приравняю... Вы мой истинный благодѣтель... Я это чувствую... А только глупость моя одна говоритъ...

— Ну, такъ исполняй же всѣ мои приказанія. А глупостей не говори... Я тебя ни низости, ни подлости никакой не научу... Я не такой человѣкъ... Я требую только, чтобъ ты говорилъ правду.

— Извольте, батюшка... со всѣмъ усердіемъ готовъ служить вамъ за всѣ ваши милости... Только не оставьте...

Мало по малу Палёновъ успокоился и миръ возстановился. Осташковъ остался ночевать и на другой день, получивши письмо къ Карѣеву и благословивши сына, отправился рекомендоваться будущему своему наставнику. Николинька заревѣлъ было, прощаясь съ отцомъ, но стоило только напомнить ему, что услышитъ Николай Андреичъ, чтобы унять его слезы. Онъ остался подъ покровительствомъ и надзоромъ Старея Николаича.

VII.

Аркадій Степановичъ Карѣевъ былъ тотъ самый молодой человѣкъ, бѣлокурый и съ жолчнымъ выраженіемъ лица, котораго мы въ первый разъ встрѣтили на знаменитомъ имянинномъ пиршествѣ Рыбинскаго. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые считаютъ себя недовольными, которые, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, перешедшихъ въ кровь и плоть человѣка, безпрестанно мѣняютъ свои взгляды, идутъ то за тѣмъ, то за другимъ направленіемъ, но любятъ становится въ оппозицію и даже искуственно развиваютъ въ себѣ недовольство. Эти люди мыкаются по бѣлому свѣту, какъ угорѣлыя, хватаюся то за то дѣло, то за другое, не кончая ни котораго; горячатся,

бранятся, шумятъ для того только, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы о нихъ говорили; страстные теоретики, безъ всякой способности къ практической дѣятельности, они строятъ свои теоріи, не на фактахъ, а только на отрицаніи дѣйствительно существующаго; примѣняя ихъ къ дѣлу и не зная и не понимая жизни, они только путаются и врутъ. Карѣевъ воспитывался въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но былъ исключенъ изъ него прежде окончанія курса за дерзости и оскорбленія, нанесенныя одному профессору и начальнику заведенія. Выйдя изъ заведенія, онъ вздумалъ было поступить въ гражданскую службу, но не прослужилъ и полугода, надоѣлъ и своему столоначальнику и секретарю и даже членамъ того присутственнаго мѣста, въ которое поступилъ, такъ что его убѣдительно просили удалиться. Затѣмъ Аркадій Степановичъ схватился было за литературу, но всѣ его статьи за дикость и безтактность были съ ужасомъ возвращаемы редакторами. Наконецъ Карѣевъ задумалъ поселиться въ деревнѣ съ цѣлію преобразовать бытъ своихъ крестьянъ: научить ихъ правильному хозяйству, облагородить и образовать. Но дѣла съ своими крестьянами для него было мало: онъ хотѣлъ въ этомъ отношеніи вліять на весь свой край. Для этого онъ началъ ѣздить къ помѣщикамъ, разсуждалъ о правахъ крестьянъ на уваженіе и заботливость помѣщика, доказывалъ необходимость учить ихъ грамотѣ и сельскому хозяйству. Наконецъ, чтобы подать примѣръ, онъ открылъ у себя школу, какъ для своихъ, такъ и для чужихъ крестьянъ; но чужіе никто къ нему не шли, а потому онъ долженъ былъ ограничиться своими. Приказано было всѣмъ мальчикамъ отъ 8 до 17 лѣтъ являться въ школу, гдѣ учить брался самъ помѣщикъ лично. Крестьяне, разумѣется, повиновались, и хотя почесывали затылки, и жаловались на новые порядки, отнимавшіе у нихъ надсмотрщиковъ въ работѣ, но дѣтей своихъ высылали на ученье. Школа была открыта, Карѣевъ принялся за обученье съ жаромъ, съ какимъ обыкновенно принимался за всякое новое дѣло, но на бѣду, онъ выдумалъ какую-то новую, мудреную систему обученія грамотѣ, по которой ученики его черезъ мѣсяцъ же должны были свободно читать и писать. Это система была дѣйствительно новая и ни на что не похожая, только мальчики ничего не понимали, мѣсяцъ прошолъ, а они не только не выучились читать, но даже никто изъ нихъ не зналъ азбуки. Такая тупость и неспособность мальчиковъ выводила Ка-

рѣева изъ терпѣнія; онъ уже готовъ былъ остановиться на мысли, что русское простонародье вовсе лишено способности къ развитію. Въ это время онъ гдѣ-то вычиталъ, что между раскольниками грамотность распространяется преимущественно чрезъ женщинъ и особенно старыхъ дѣвокъ. Онъ остановился на этой мысли: и тотчасъ отданъ былъ приказъ по вотчинѣ, чтобы всѣ дѣвки шли къ барину въ ученье. Передъ такимъ приказаніемъ мужики рѣшительно стали въ тупикъ, сходились, толковали между собою, кричали, ругались, спорили, наконецъ положили идти къ господину и просить у него милости: не отмѣнитъ ли дѣвокъ отъ ученья, да уже не порѣшитъ ли и совсѣмъ эту окаянную школу. Согласились, пошли. Снявши шапки столпились у крыльца господскаго дома и послали старосту вызвать барина.

Баринъ вышелъ.

— Что вамъ ребята?..

— Да мы къ вашей милости... отвѣчала вся толпа въ одинъ голосъ.

— Что же нужно?..

— Да вотъ насчетъ твоего-то приказа.

— Насчетъ какого приказа?

— А вотъ насчетъ дѣвокъ-то...

— Ну что же насчетъ дѣвокъ?.. Говорите...

— Да ужъ нельзя ли какъ отмѣнить, кормилецъ... Это ужъ ни на что не похоже... Какое это ужъ дѣло... Это выходитъ совсѣмъ раззоренье... послышалось изъ толпы нѣсколько голосовъ разомъ.

— Да я этакъ ничего не пойму... Говори кто нибудь одинъ за всѣхъ...

— Ну говори ты, дядя Левинъ... Говори ты... у тебя дѣвка...

— Да что мнѣ-то говорить... Я не одинъ, не у одного меня дѣвки-то... Говорите всѣ... отвѣчалъ дядя Левинъ, рыжій, широкоплечій и приземистый мужикъ съ плутоватымъ лицомъ.

— Ну что не одинъ... Знамо, не одинъ... Ужъ говори, значитъ... Мы за тобой... Все единственно, выходитъ... Говори... послышалось изъ толпы опять нѣсколько голосовъ разомъ.

— Мнѣ, коли баринъ прикажетъ, я стану говорить... А то, что мнѣ говорить-то... возражалъ дядя Левинъ...

— Ну, говори, говори хоть ты... Все равно... приказалъ Карѣевъ.

— Мнѣ коли вотъ господинъ позволеніе далъ, я могу гово-

рить... А то какъ я стану говорить безъ господскаго приказа?.. Сами вы, ребята, посудите...

— Ну, такъ говори же... нетерпѣливо повторилъ Карѣевъ.

— Вотъ, что батюшка, Аркадія Степанычъ, доложить не во гнѣвъ твоей милости, началъ Левинъ, запуская большіе пальцы обѣихъ рукъ за кушакъ. Изволилъ твоя милость приказать насчетъ дѣвокъ, чтобы то есть дѣвокъ къ твоей милости въ ученье предоставить... Такъ міръ, значитъ, вотъ всѣ наши ребята, теперича пришли просить твоей милости, нельзя ли какъ это дѣло оставить... Значитъ, отмѣну сдѣлать...

— Да, ужь отмѣни, кормилецъ, подхватилъ сѣдой старикъ изъ толпы.

— Да за чѣмъ же отмѣнить?..

— Нѣтъ ужь отмѣни, кормилецъ, продолжалъ тотъ-же старикъ. Какое ужь это дѣло: дѣвокъ учить... Это дѣло несхоже ..

— Какое ужь это дѣло... Что дѣвка... Что ужь это: дѣвокъ учить... Нѣтъ ужь отмѣни, Аркадія Степанычъ... заголосила толпа...

— Ну опять всѣ закричали... Молчите вы. Говори ты одинъ... какъ тебя, Панфилъ, что ли?..

— Левка, Аркадія Степанычъ...

— Какой Левка... Что за Левка!.. Я этого терпѣть не могу... Какъ твое настоящее имя?.. Левъ, что ли?..

— Да оно точно что Левонтій... Левинъ, батюшка, Аркадій Степанычъ...

— Ну, такъ, такъ и называй себя... Къ чему это униженіе?.. Левка... Этого никогда не смѣй дѣлать... Вы знаете, что я уважаю ваше человѣческое достоинство... А ты самъ себя унижаешь! Левка... Что за Левка...

— Да это намъ ничего, батюшка... Мы передъ твоей господской милостью, за всегда должны трепетъ имѣть...

— И это совсѣмъ лишнее... Всякій человѣкъ долженъ уважать себя, уважать свое человѣческое достоинство... Съ какой стати ты хочешь унижать себя передо мною... Я такой же человѣкъ, какъ и ты...

— Какъ это можно, Аркадія Степанычъ... Можно ли это примѣнить твою милось ко мнѣ, сѣрому мужику...

— Ну, да объ этомъ мы послѣ потолкуемъ... Слушайте, ребята, что я буду спрашивать и говорить... А ты отвѣчай мнѣ за всѣхъ. Вы просите, чтобы я не училъ вашихъ дѣвокъ грамотѣ?

— Да ужь отставь, кормилецъ, отмѣни... грянули мужики хоромъ, съ низкимъ поклономъ.

— Ну молчите же... Отвѣчай мнѣ Леонтій, отчего вамъ не хочется, чтобы я училъ вашихъ дѣвокъ?..

— Да ужь та что міръ, Аркадія Степанычъ, полагаетъ, что ужь это будетъ очинно обидно... Такъ ли ребята?..

— Да ужь какъ не обидно... Ужь очинно обидно... Совсѣмъ раззоренье .. подхватили мужики.

— Да чѣмъ же обидно?.. И какая тутъ обида? Вѣдь, я это дѣлаю для вашей же пользы.—Когда ваши дочери выучатся грамотѣ, онѣ незамѣтно обучатъ своихъ братьевъ, выучатъ своихъ дѣтей, когда сами выйдутъ за мужъ. Конечно, положимъ всѣ тѣ мальчики, которые теперь учатся у меня, будутъ грамотны, но вѣдь, я не могу же цѣлый вѣкъ жить здѣсь: у меня есть другія обязанности. Ну, если я уѣду отсюда, кто же будетъ учить вашихъ дѣтей, вашихъ внуковъ?.. Мужикъ вопервыхъ меньше способенъ къ этому дѣлу, да у него и времени нѣтъ, онъ и дома почти не живетъ... Между тѣмъ назначеніе женщины преимущественно домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Кончивши свою работу по дому, женщина, вмѣсто того, чтобы бѣжать на ваши глупыя посѣдки, или болтать съ сосѣдками всякій вздоръ, садится и учитъ дѣтей грамотѣ... Это, кажется, такъ просто, такъ очевидно... Неужели вы не понимаете своей прямой пользы?.. Ну, что вы мнѣ на это скажете?.. Въ чемъ же тутъ обида?.. Ну растолкуй мнѣ ты, Леонтій...

— А вотъ, батюшка, въ чемъ, Аркадія Степанычъ... какъ мы то есть, по своей глупости, промежду себя, на міру смекали теперича, чѣмъ бы дѣвкѣ идти въ поле жать, али сѣно сгребать да сушить, али тамъ какая другая работа застигнетъ по нашему крестьянству, а она поди въ ученье, да въ книжку смотри, да тверди. А работа-то стала: вомъ мужичку-то и раззоренье... А, вѣдь мы, батюшка, Аркадія Степанычъ, работой живемъ... На то мужицкое дѣло: что поработалъ, то и живъ... Какъ быть-то... Такъ ли, господа міряне, я барину докладываю?..

— Такъ, такъ... Какое ужь это дѣло... Это умрешь... Какъ не умереть, парень: вся работа станетъ... Раззоренье совсѣмъ... Сегодня, смотри-ка, въ полѣ-то все поспѣло... Какъ не поспѣть, парень... Да уйдетъ, весь хлѣбъ уйдетъ... заговорила толпа.

— Погодите, погодите... Не кричите... Поймите вы это: вѣдь,

это дѣлается не навсегда, а только на одинъ, на два мѣсяца... Ну, положимъ, что вотъ это лѣто и трудненько будетъ... Ну, потерпите, поналягьте на работу... Стерпится слюбится, говоритъ русская пословица. Потерпите вы эти мѣсяцы, за то, вѣдь, вы будете счастливы на всю жизнь... Грамотность такое дѣло, которое невидимо принесетъ вамъ такую пользу, какой вы и не ожидали... Неужели же вы не можете потерпѣть для себя же, для своей же пользы...

— Нужда-то наша не терпитъ, Аркадій Степанычъ, нужда-то наша не ждетъ... Тоже казенную подать надо заплатить, вашей милости оброкъ предоставить... Вѣдь, твоя милость, отъ оброка, али отъ барщины, не освободишь...

— Да, вѣдь, вы смѣшной народъ, вы не понимаете ни правъ ни обязанностей человѣческихъ... Съ какой же стати я бы сталъ освобождать васъ отъ оброка или отъ барщины? Вѣдь, я вамъ же хочу добро сдѣлать, для васъ же тружуся... Вѣдь, еслибы вы въ состояніи были понимать свою пользу, вы же бы мнѣ стали платить за то, что я учу вашихъ дѣтей... А, вѣдь, я дѣлаю это даромъ, понимаете—даромъ работаю для васъ... А еще вы же хотите съ меня взять за это... Вотъ, вѣдь, вы какой дикій народъ!... Вѣдь, если ты грамотный, ты скорѣе можешь за всякое дѣло взяться, и торговать начнешь, и разбогатѣешь А безъ грамоты и безъ ученья, куда ты пойдешь?...

— Коли Богъ не взыщетъ, такъ и съ ученьемъ не разбогатѣешь, возразилъ тотъ же сѣдой старикъ, а кого Богъ найдетъ, такъ тотъ и безъ грамоты богатъ будетъ... Мужичку землю пахать указано, ну, и паши, трудись: Богъ труды любитъ... На что нашему брату ученье... И мальчишекъ-то бы надо, баринъ, ослободить: и мальчишка у мужика не даромъ гуляетъ: все гдѣ нибудь поможетъ да подхватитъ... Хоть на грошь сработаетъ, у мужика и грошъ въ счету... Надо бы тебѣ, батюшка, и мальчишекъ-то ослободить: такъ, вѣдь, они только... ничего изъ этого ученья не будетъ... Ну, да ужь мы такъ положили: ну, потерпимъ, коли на то барская воля... Пусть свою охотку тѣшитъ... И не безпокоили твою милость... А ужь дѣвокъ-то учить... Ну, такъ это ужь выходитъ, баринъ... Послушай ты меня старика и не прогнѣвайся: это выходитъ ужь людямъ на смѣхъ... Этого испоконь вѣка не слыхано... Развѣ ужь насъ, своихъ мужиковъ раззорить совсѣмъ хочешь... Вотъ... не про-

гнѣвайся ты на меня старика, а я тебѣ всю правду сказалъ, какъ передъ Богомъ...

— Ну, старикъ, долго я тебя слушалъ: все ждалъ, что ты что нибудь дѣльное скажешь... а вижу, что ты хоть и давно на свѣтѣ живешь, да ума немного накопилъ... Какъ же ты непонимаемъ, того, что я говорю: я вамъ толкую, что я для вашей же пользы стараюсь, а ты говоришь, что я раззорить васъ хочу... Вѣдь, ужь я толковалъ же вамъ кажется, разжевалъ и въ ротъ положилъ почему намѣренъ учить именно дѣвокъ, а ты говоришь, что испоконь вѣка объ этомъ не слыхано, что это людямъ на смѣхъ... Ну, а какъ же у раскольниковъ почти всѣ женщины обучены грамотѣ, и дѣвки, особенно старыя, тѣмъ только и занимаются, что грамотѣ учатъ... Знаешь ли ты это?... А, вѣдь, ужь раскольники старой вѣры держатся и такъ живутъ, какъ наши предки жили... Ну, что скажешь, а?...

— Не знаю, кормилецъ... Я съ раскольниками не знаюсь... Мы, слава Богу, у тебя не раскольники: намъ съ нихъ примѣръ брать не приходится... Да и ты, баринъ, не бери: и ты, чай, въ Бога вѣруешь...

Аркадія Степановича наставительный тонъ старика нѣсколько сердилъ, но онъ, по своимъ принципамъ, не хотѣлъ этого показать, и притворно засмѣялся.

— Ну, старикъ, я вижу ты дуракъ, и съ тобой толковать нечего... сказалъ онъ.

— Да что, батюшка, Аркадія Степанычъ, и толковать твоей милости съ нами, дураками, вмѣшался Левинъ, замѣтивши улыбку на господскихъ устахъ и принимая ее въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Что ужь толковать съ нами... Мы извѣстно народъ глупой, неученой... А вотъ лучше, батюшка, окажи намъ божеское милосердіе, заставь за себя вѣчно Богу молить: наплюй на насъ, дураковъ, да отмѣни все это ученье: и дѣвокъ не трогай, да ужь и ребятишкамъ-то вели по домамъ идти... Что твоей милости съ ними себя только безпокоить... Просите, ребята... Кланяйтесь барину... Онъ у насъ милостивый...

И дядя Левинъ бросился въ ноги. Вся толпа послѣдовала его примѣру.

— Отмѣни, кормилецъ... Ослободи всѣхъ... Будь отецъ... Лучше мы тебѣ гостинчикъ какой съ міру соберемъ да принесемъ... Не дѣлай этого раззоренья... Слышалось изъ толпы, которая послѣ земнаго поклона вся осталась на колѣняхъ, ожидая

милостиваго рѣшенія отъ барина. Аркадій Степанычъ вышелъ изъ себя отъ досады и негодованія.

— Встаньте, встаньте... Дураки этакіе, ослы этакіе... Встаньте, говорятъ вамъ... кричалъ онъ, горячась.

Въ эту минуту въ ворота на господскій дворъ въѣзжалъ Осташковъ на своемъ буркѣ. Увидя цѣлую толпу народа на колѣняхъ передъ бариномъ, стоящимъ на крыльцѣ, онъ по невольному чувству униженія, проникшаго въ его душу, поспѣшилъ снять шапку, и остановилъ лошадь.

Аркадій Степановичъ хотѣлъ говорить, но замѣтивъ его, не узналъ съ перваго взгляда и припоминалъ эту физіономію, которая казалась ему знакомою.

— Встаньте же, повторилъ онъ. Вонъ кто-то пріѣхалъ.

Мужики поднялись и обернули головы къ Никешѣ, который съ открытой головой подходилъ къ Карѣеву и держа въ одной рукѣ шапку, другой торопился достать рекомендательное письмо Палёнова.

— Отъ кого ты? спросилъ онъ Осташкова, когда тотъ подошолъ на близкое разстояніе.

— Отъ Николая Андреича Палёнова, отвѣчалъ Никеша, подавая письмо и кланяясь.

Карѣевъ распечаталъ и сталъ читатъ. Когда онъ дошелъ до фамиліи Осташкова, онъ вспомнилъ лицо его и поспѣшно обратился къ нему.

— Ахъ, здраствуйте: я васъ не узналъ, сказалъ онъ, протягивая руку. Что же это вы стоите безъ шапки... Какъ это можно: накройтесь, пожалуста...

— Ничего-съ...

— Накройтесь, накройтесь... Это про васъ мнѣ пишетъ Николай Андреичъ?

— Точно такъ-съ.

Карѣевъ продолжалъ читать письмо.

— Вы хотите учиться? спросилъ онъ окончивши чтеніе.

— Точно такъ-съ... Имѣю это желаніе...

— Очень радъ, и готовъ вамъ служить...

— Вотъ, скоты, смотрите, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужикамъ. Вотъ сама судьба посылаетъ вамъ доказательство того, что значитъ ученье и какъ люди дорожатъ имъ. Вотъ смотрите: вотъ бѣдный дворянинъ, у котораго большая семья, ему слишкомъ тридцать лѣтъ, и, не смотря на это, онъ пріѣхалъ

ко мнѣ, чтобы учиться грамотѣ, потому что, къ несчастію, онъ не знаетъ ее... Слышите: слишкомъ въ тридцать лѣтъ... Сколько у васъ дѣтей?...

— Пятеро-съ...

— Видите: пятерыхъ дѣтей, жену, свой домъ и хозяйство оставляетъ человѣкъ для того, чтобы учиться; проситъ, какъ милости, чтобы его образовали... А вы что?... Баринъ самъ предлагаетъ вамъ свои услуги, а вы отказываетесь отъ нихъ, просите оставитъ васъ дураками, неучами... А?... Не стыдно вамъ?... Видите: вотъ онъ дворянинъ, какъ ни бѣденъ, а все богаче васъ, человѣкъ совершенно свободный, а видитъ, что безъ грамоты, безъ ученья жить нельзя... Подумайте-ка объ этомъ!... Отчего же вы то такъ упрямитесь... А?...

— Его, кормилецъ, дворянское дѣло, отвѣчалъ старикъ. Коли онъ господинъ, ему ужь безъ грамоты, извѣстно, и жить нельзя... Вашему званью ученье отъ Бога показано, потому такое ваше дѣло... А намъ кормилецъ, по мужицкому нашему роду, и безъ ученья прожитъ можно...

— Да, вѣдь, дуракъ ты этакой, люди-то всѣ одинаковы... Я ужь вамъ десятый разъ это говорю... Пожалуй, всѣмъ можно безъ ученья жить... Было время, что и наши предки такіе же дворяне, какъ и мы, даже познатнѣе насъ, не умѣли читать... Да, вѣдь, почему же нибудь догадались, что надо учиться...

— Ну, да ужь, кормилецъ, коли ужь такая твоя крѣпкая охота, ну ужь Богъ съ тобой учи ребятишекъ, только парней-то, что покрупнѣй, да дѣвокъ-то намъ ослободи... А ужь дѣвокъ учить, какъ ты хошь... Нѣтъ, ужь дѣвокъ учить, какъ ты хошь... Нѣтъ ужь это... въ раззоренье насъ введешь. И славу худую о себѣ пустишь... Вонъ и баринъ-то самъ же пріѣхалъ въ ученье, а не хозяйку же свою прислалъ...

— Ну, старикъ, ты со мной не смѣй никогда говорить: ты меня только сердишь... Я вижу теперь, что вы народъ дикій и тупой... Я хотѣлъ съ вами поступать по-человѣчески, а вы какъ будто хотите меня заставить думать о васъ, какъ и думаютъ иные, что васъ надо учить палкой, а не словами... Слушайте же: я хотѣлъ вамъ пользы, я трудился для васъ безкорыстно, мучился, уча вашихъ глупыхъ ребятишекъ, но вижу, что вы не только неблагодарны мнѣ за это, но думаете, что я хочу притѣснять и раззорять васъ... Наплевать же на васъ, дураки этакіе... Съ сегоднишнаго дня ни дѣвокъ, ни ребятишекъ вашихъ

видѣть не хочу, не посылайте къ мнѣ никого, все ученье кончено... Ослы этакіе... Ступайте домой...

— Дай Богъ тебѣ здоровья, батюшка... Вѣчно будемъ за тебя Бога молить, что оставилъ эту науку...

Нѣкоторые изъ мужиковъ кланялись въ ноги. Лица у всѣхъ повеселѣли.

— Ахъ, дурачье... Дураки этакіе... Ступайте вонъ... Съ глазъ долой... Экой народъ дикій...

Мужики шарахнулись всей массой и пошли домой съ господскаго двора, веселые и довольные. Карѣевъ злобно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, и даже плюнулъ съ досады.

— Каковъ народецъ! а?... обратился онъ къ Осташкову.

— Да-съ!... отвѣчалъ Никеша, качая головой. Какіе непокорные... Имъ только дай потачку...

— Да нѣтъ не то, а пользы своей не понимаютъ... Да, ничего не понимаютъ, хоть ты лобъ взрѣжь, толкуя имъ...

— Помилуйте, да гдѣ же имъ понимать: народъ сѣрой-съ...

— Право, здѣсь доживешь до того, что станешь, пожалуй, раздѣлять убѣжденія Палёнова, проговорилъ Карѣевъ въ раздумьи.

— Пойдемте въ комнаты.

— Вотъ только бы лошаденку прибрать...

— Я прикажу.

— Ну, очень хорошо-съ,.. проговорилъ Никеша и вошелъ въ домъ вслѣдъ за хозяиномъ...

VIII.

Карѣевъ жилъ въ небольшомъ старомъ домѣ, въ которомъ провели всю свою жизнь его отецъ и его мать, экономничая и собирая состояніе для своего единственнаго баловня—сына. Старики считались людьми бѣдными, но отецъ Карѣева много лѣтъ служилъ по выборамъ и, умирая, оставилъ сыну около полутораста душъ крестьянъ, нигдѣ не заложенныхъ.

По необходимости поселившись въ старомъ родительскомъ домѣ, Карѣевъ старался обставить себя на столичный ладъ: выписалъ новую мебель, распустилъ большую часть многочисленной прислуги, оставивъ только крайне необходимую, положилъ всѣмъ оставшимся жалованье съ тѣмъ, чтобы ему не докучали никакими просьбами объ экипировкѣ и т. п., обращался съ ними не грубо, но не дозволялъ ни малѣйшей фамильярности и при-

водилъ всю прислугу въ негодованіе требованіемъ непривычной и непонятной для нея чистоты и аккуратности. Дворня ненавидѣла его за всѣ новые порядки и горевала о старыхъ.

Карѣевъ ввелъ Осташкова въ свой кабинетъ и предложилъ садиться. Осташковъ сѣлъ.

— Ну-съ, такъ вы хотите учиться? спросилъ его хозяинъ.

— Желаю... хоть бы немножко... Не оставьте своими милостями... отвѣчалъ Никеша, привставая и кланяясь.

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ. И зачѣмъ же немножко... Нѣтъ, я займусь съ вами въ плотную... Мнѣ теперь особенно интересно заняться съ вами для того, чтобы убѣдить себя въ одномъ вопросѣ. Я изобрѣлъ свою систему обученія грамотѣ, по моему мнѣнію, весьма упрощенную и приспособленную къ быстрому пониманію. Между тѣмъ деревенскіе мальчишки, которыхъ я училъ, оказались крайне тупы... Я хочу убѣдиться на васъ, неужели въ самомъ дѣлѣ сословныя преимущества вліяютъ нетолько на внѣшнюю сторону человѣка, но даже утончаютъ и усиливаютъ самыя нравственныя способности человѣка: дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ пониманію и вообще развитію. Палёновъ въ этомъ совершенно убѣжденъ, но онъ—человѣкъ стараго вѣка, хотя и корчитъ изъ себя современнаго, притомъ онъ только начитанъ, но странно неразвитъ... По моему мнѣнію, онъ даже не далекъ и не въ состояніи глубоко мыслить... Скажите, пожалуста, Палёнова здѣсь у васъ считаютъ, должно быть, очень умнымъ и ученымъ человѣкомъ?...

— Какъ же можно-съ: Николай Андреичъ у насъ... изъ ума уменъ!... Этакого умнѣющаго человѣка теперь изъ всей нашей округи не найдешь...

— Ну, вамъ простительно еще такъ думать: вы человѣкъ неученый... даже неграмотный. Но скажите, пожалуста, неужели у васъ всѣ такъ думаютъ о немъ?

— Какъ же можно-съ... всѣ такъ полагаютъ насчетъ Николая Андреича... Онъ у насъ на всю губернію...

— Карѣевъ усмѣхнулся.

— Но неужели никто не слышитъ какъ онъ завирается... развѣ истинно умный человѣкъ можетъ такъ врать... Вѣдь, это значитъ во всей вашей губерніи нѣтъ человѣка съ порядочной головой... Ну, какъ этого не понять: умный человѣкъ не можетъ врать и говорить глупостей... Если онъ вретъ и говоритъ

глупости, значитъ онъ дуракъ... Вѣдь, вы слыхали, что Палёновъ завирается?

— Никакъ нѣтъ-съ... Да и какъ я могу объ этомъ понимать: я человѣкъ темный, ученья мнѣ не дано...

— Темный человѣкъ... Это славное выраженіе!.. Но все таки, вѣдь, вы можете же разобрать, когда человѣкъ говоритъ нелѣпости... вздоръ, какой можетъ придти въ голову развѣ сумасшедшему человѣку...

Гдѣ же мнѣ разбирать людей-съ... Моя бѣдность не позволяетъ... Кто ко мнѣ милостивъ, такъ я долженъ эти милости чувствовать... А какъ я могу людей разбирать... особливо которые мои благодѣтели... Николай Андреичъ завсегда были мои благодѣтели, и я завсегда это чувствую...

— О, мой, другъ, какія допотопныя понятія!... Безпристрастіе, правда и свобода мышленія выше всего на свѣтѣ... Если человѣкъ дѣлаетъ вамъ добро, будьте ему за это благодарны, никто вамъ не мѣшаетъ, но правду о немъ говорите, и въ вашемъ образѣ мыслей будьте всегда безпристрастны въ какихъ бы вы ни были отношеніяхъ къ человѣку... Чтобы для васъ ни сдѣлалъ человѣкъ, хоть бы спасъ васъ отъ смерти, но если онъ подлецъ, такъ и говорите: я ему очень благодаренъ за то, что онъ для меня сдѣлалъ, но онъ подлецъ, если онъ дуракъ, такъ и говорите: что онъ дуракъ... Вотъ напримѣръ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Палёновымъ...

— Иони объ васъ завсегда прекрасно отзываются.

— И пускай... Это мнѣ однако не помѣшаетъ говоритъ о немъ-то, что я думаю, потому что это правда... А для меня правда дороже всего на свѣтѣ... И такъ какъ вы пріѣхали ко мнѣ учиться, то, по праву наставника, совѣтую и вамъ такъ же поступать... И сколько бы человѣкъ ни дѣлалъ для васъ добра, не бойтесь судить о немъ безпристрастно, потому что иначе вы будете поступать не добросовѣстно, а по личнымъ своимъ интересамъ. И главное: стѣсните свободу мышленія, а только тотъ человѣкъ и можетъ назваться честнымъ и нравственно—независимымъ, который мыслитъ независимо, независимо даже отъ собственнаго чувства... Вы понимаете меня...

— Гдѣ же мнѣ все понимать-съ... Неученый человѣкъ, темный...

— Ну, я надѣюсь, впослѣдствіи будете понимать... Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать вамъ еще многое такое, чего бы

вы никогда не услышали отъ здѣшнихъ господъ. Только надо учиться, учиться... Сегодня отдохните, а завтра начнемъ.

— Съ тѣмъ пріѣхалъ... Не оставьте... Только я вотъ хотѣлъ васъ безпокоить на счетъ того, когда прикажете придти къ вамъ совсѣмъ... Теперь-то нельзя: у меня здѣсь лошаденка, да тоже иное что надо изъ дома забрать изъ одежи...

— Да, вѣдь, вотъ вамъ надобно будетъ жить у меня... Мнѣ этого въ голову не пришло...

— Не обезпокоить бы какъ васъ-то...

— Нѣтъ, это ничего... Я вотъ думаю только гдѣ васъ помѣстить...

— На счетъ этого... все равно-съ... Мнѣ гдѣ прикажите... Теперь время лѣтнее: я и на сѣновалѣ спать буду-съ... А вотъ не знаю какъ съ работой быть... Тоже меня не будетъ дома, хозяина, работа въ полѣ станетъ...

— Ну, ужь это обдумывайте сами какъ нибудь: это дѣло не мое... Работника наймите что ли какого нибудь...

— Извѣстно бы нанять-то... Да достатки-то мои малые, нанять-то не изъ чего .. Тоже семья, запашка маленькая, своего хлѣба не стаетъ, покупаемъ...

— Ну ужь этого я не знаю... Это ваше дѣло... Мое дѣло только выучить васъ грамотѣ: за это я берусь...

— А осмѣлюсь васъ спросить... Не будетъ ли милости: не пожалуете ли человѣчка ко мнѣ, хоть недѣльки бы на двѣ.... Хоть бы какого нибудь небольно стоющаго... Ненужненькаго бы какого нибудь...

— Ну въ этомъ извините: у меня людей праздношатающихся нѣтъ... Я держу только людей самыхъ необходимыхъ и у всякаго изъ нихъ есть свои обязанности.... Притомъ во всякомъ случаѣ я не считалъ бы себя вправѣ располагать трудомъ человѣка даромъ, и если бы у меня и былъ кто свободенъ, вы должны бы были порядить его и платить ему за работу деньги... Я удивляюсь, что вы просите...

— Извините меня, не прогнѣвайтесь, что попросилъ...

— Нѣтъ, что же, вы передо мной невиноваты ни въ чемъ... Впрочемъ васъ и во всякомъ случаѣ винить нельзя: вы живете между такимъ господами, которые чужой трудъ не цѣнятъ ни во что и которые считаютъ себя въ правѣ располагать личностью человѣка..: Ну, я не таковъ... Надѣюсь, что и вы когда по-

живете со мной—перемѣните свой образъ мыслей и въ этомъ отношеніи...

— Ужъ я не знаю, какъ теперь и быть... Видно, надо отложить ученье... до зимы...

— Къ чему же? нѣтъ... Зимой я уѣду отсюда... Нѣтъ, ужь вы какъ нибудь устраивайтесь.... Не теряйте этого случая.... Послѣ сами жалѣть будете... Ну, что же дѣлать: если ваше хозяйство немножко и пострадаетъ... Образованіе важнѣе вашего поля...

— Нечего дѣлать... Ужь видно такъ положиться на власть Божью... Можетъ, и самъ дѣлѣ какъ выучусь грамотѣ, дворяне не оставятъ и въ должность какую выберутъ...

— Разумѣется...

— Такъ ужь я коли съѣзжу домой, да на той недѣлѣ съ воскресенья и приду.

— Хорошо...

— А ужь сегодня позвольте у васъ пробыть—лошаденька-то очень смучилась...

— Оставайтесь, оставайтесь... Я очень радъ. Мы потолкуемъ.

Никеша остался.

Карѣевъ, какъ всѣ вообще люди самообольщенные и измѣнчивыхъ убѣжденій, любилъ высказываться предъ всякимъ слушателемъ. Подобные господа никогда даже не соображаютъ: способенъ ли собесѣдникъ понять ихъ рѣчи, они говорятъ потому, что имъ нравится говорить о самихъ себѣ, о своей мудрости, и чѣмъ больше слушатель таращитъ глаза отъ изумленія, чѣмъ сильнѣе выражается на его лицѣ тупость и непониманіе, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ прислушиваются они къ собственнымъ рѣчамъ своимъ. Карѣевъ съ великою охотою высказывалъ предъ Никешой новыя, неслыханныя имъ дотолѣ мысли. Многаго Останковъ не понималъ, но все то, что отрывками усвоивала его голова, шло совершенно въ разрѣзъ со всѣми прежними убѣжденіями, чувствами, со всѣмъ обычнымъ ему образомъ мыслей. При иныхъ рѣчахъ Карѣева, Останкову становилось даже страшно и онъ чувствовалъ внутреннее желаніе перекреститься, въ другой разъ, слушая своего наставника, онъ готовъ былъ счесть его за сумасшедшаго, еслибы смѣлъ остановиться на этой дерзкой мысли. Но когда вечеромъ, послѣ этой бесѣды Никеша пошелъ спать, онъ чувствовалъ въ головѣ своей такую путаницу, въ сердцѣ такую тоску, и во всемъ тѣлѣ такую уста-

лость, точно какъ будто сейчасъ только очнулся отъ какого нибудь тяжолаго припадка. Даже ночь спалъ Никеша безпокойно, безпрестанно просыпался, читалъ молитву и набожно крестился.

На другой день Карѣевъ спросилъ Никешу.

— Ну-съ, какое вы вынесли впечатлѣніе отъ нашего вчерашняго разговора?

— Ужъ и не знаю какъ вамъ доложить... Очень ужъ какъ-то страшно сдѣлалось...

— Страшно?... это всегда, мой другъ, такъ: когда открывается истина, которая разрушаетъ всѣ наши прежнія убѣжденія, всегда душа объемлется какимъ-то страхомъ... Человѣку страшно убѣдиться, что все, во имя чего онъ жилъ и дѣйствовалъ до сихъ поръ, было вздоръ и пустяки... Но скажите мнѣ, пожалуйста, по совѣсти: говорили ли вамъ что нибудь подобное эти господа, ваши просвѣтители, эти благодѣтели, какъ вы ихъ называли?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Я въ этомъ вполнѣ увѣренъ... О, конечно, всѣ они проповѣдывали вамъ о возвышенныхъ чувствахъ, о самопожертвованіи, о любви и благодарности... Не вѣрьте, Осташковъ, и помните, что я вамъ говорилъ: все дѣлается и должно дѣлаться только во имя эгоизма, т. е. всякій дѣлаетъ, что нибудь только для себя, и поэтому: чтобы для васъ люди ни дѣлали, не считайте себя имъ обязаннымъ, потому что они это дѣлали не для васъ, а для себя... Ни благодѣтелей, ни благодарности нѣтъ и не должно быть на свѣтѣ... Даже всѣ ваши семейныя отношенія, которыми вы такъ дорожите построены на взаимномъ самолюбіи: вы кормите и воспитываете вашихъ дѣтокъ только потому, что это вамъ пріятно, что вы этого хотите, слѣдовательно, вы это дѣлаете не для нихъ, а для себя... Слѣдовательно и дѣти ничѣмъ не обязаны своимъ родителямъ... Помните это и внушайте вашимъ дѣтямъ...

— Буду помнить-съ... отвѣчалъ Никеша... А ужъ дѣтямъ-то это внушать... я не знаю какъ вамъ сказать: пожалуй, изъ повиновенія выйдутъ, слушаться не станутъ.

— Пускай ихъ выходятъ. Повѣрьте: что для нихъ нужно и полезно, тѣмъ они воспользуются, а не нужное они и послѣ кинутъ, если вы даже заставите ихъ взять насильно... Вы понимаете ли, что своими толкованіями я вамъ облегчаю жизнь: я

избавляю васъ отъ лишнихъ хлопотъ, и заботъ; помните, что всѣ люди живутъ только для себя, и вы живите только для себя одного... не мѣшайте лишь только и другимъ жить такъ, какъ имъ хочется. Понимаете?...

— Да это-то я понимаю-съ...

На возвратномъ пути въ свою усадьбу, Никеша размышлялъ такимъ образомъ, по поводу бесѣды своей съ Карѣевымъ:

— Это онъ дѣло говорилъ, что всѣ мы живемъ только въ свой мамонъ, для своего удовольствія... Это что говорить, это истинно всѣ такъ живутъ... И какіе они мои благодѣтели: насмѣшку только, да обиду всякую оказываютъ... Отъ людей своихъ такъ никогда не оборонятъ: и тѣ наровятъ какъ бы что сорвать или обидѣть бѣднаго человѣка... Какіе ужь благодѣтели: дастъ полтину, а наругается на рубль... Да я имъ, извѣстно, не сталъ бы кланяться. Сталъ что ли бы я кланяться какъ бы у меня что свое было... Ужь нужда моя не позволяетъ, такъ долженъ на себѣ переносить: нечего дѣлать... Бѣдность одолѣла... Какіе ужь благодѣтели!.. Такъ только говорится... знаемъ мы это сами... Тотъ говоритъ: ты меня должен больше всѣхъ благодарить и почитать: я твой благодѣтель, а другой: нѣтъ меня уважай больше всѣхъ, потому я не въ примѣръ больше всѣхъ для тебя сдѣлалъ... Тотъ говоритъ свое, а этотъ свое... Что ужь: какіе это благодѣтели.. Это все онъ правду истинную говоритъ... И вотъ хоть бы теперь родитель: за что меня обижаетъ? а Иванъ у него при всемъ его родительскомъ благословеніи остается... чѣмъ онъ ему больше меня услужилъ?... Такъ-то все на свѣтѣ... Это онъ отъ ума говорилъ... А вотъ ужь что онъ отъ Божественнаго-то говорилъ, и тамъ на счетъ всего прочаго такъ ужь и не знаю какъ это къ мнѣнію принять!.. Надо такъ полагать, что зачитался... Внушай говоритъ, дѣтямъ, чтобы они изъ послушанія вышли... чтобы они уваженіе къ тебѣ потеряли... Да я хочу, чтобы дѣти-то мнѣ поильцы и кормильцы были... А я имъ стану этакое внушать, такъ они послѣ на старости лѣтъ меня изъ дома выгонятъ, да хворость придетъ — испить не дадутъ: скажутъ не хотимъ, намъ это непріятно, да и шабашъ .. Нѣтъ, это онъ въ сторону принялъ, заговорился... Видно, онъ заговаривается, что и нашъ же Николай Андреичъ... Нѣтъ, вѣдь, оно большое-то ученье... Не даромъ пословица говорится: умъ за разумъ зашолъ... Господи помилуй: что онъ иное говоритъ-то... Какихъ рѣчей на свѣтѣ не услышишь... А вотъ

мужика-то поработать не дадъ... Чего жалѣетъ?... Кажись бы, вѣдь, не деньги платитъ свои.... Чтобы дать человѣчка-то.... Ужь не раззорился бы .. Вотъ теперь какъ быть... Ну, да свои управятся, поналягутъ... А я по крайности мѣсяцъ, другой на его харчахъ проживу... Все хлѣбъ-то пойдетъ дома поспорѣе... Троихъ ѣдаковъ-то не будетъ... Хоть малы-малы, а и Николинька, и Сашенька тоже ѣли.... Управятся какъ нибудь и одни... На этотъ разъ Осташковъ пробылъ дома только одинъ день и ни на что не хотѣлъ обратить вниманія относительно своего домашняго хозяйства. На всѣ докучные вопросы и жалобы тетки и жены, онъ отвѣчалъ, что ему теперь ни до чего, чтобы они управлялись сами, какъ знаютъ, а онъ уйдетъ мѣсяца на два въ ученье... А выучится грамотѣ, да пойдетъ въ службу, тогда заживетъ по другому: и женѣ съ теткой работать не придется: либо работниковъ найметъ, а можетъ и мужиковъ своихъ купитъ... Призадумались бѣдныя женщины отъ такого рѣшительнаго отвѣта: хотѣли было возражать что-то, но Никеша только прикрикнулъ, да ругнулся... И тетка, и жена замолчали.

— Не прежній Никешинька... Видно, прибить не дастъ, подумала Наталья Никитишна... И то сказать: самъ отецъ и дому хозяинъ, знаетъ что дѣлаетъ... А не управиться однимъ-то...

— Хоть бы матушка пришла, подумала Катерина...

IX.

Осташковъ отправился къ Карѣеву пѣшкомъ, съ узелкомъ на плечѣ, разсчитывая пробыть въ ученьѣ мѣсяца два; но курсъ его кончился гораздо скорѣе, нежели онъ ожидалъ. Новоизобрѣтенная, упрощенная система Карѣева никакъ не примѣнялась къ пониманію Никеши. Никеша старался изъ всѣхъ силъ, напрягалъ всѣ свои умственныя способности, вслушивался, всматривался, ломалъ голову до поту, до приливовъ крови, но ничего не могъ понять и запомнить. Образованіе слоговъ изъ двухъ отдѣльныхъ звуковъ совершенно ставило его въ тупикъ. Карѣевъ же оказался на бѣду нетерпѣливъ, взыскателенъ, кричалъ и горячился, ожидалъ скорыхъ и блестящихъ успѣховъ отъ своего ученика, а вмѣсто того встрѣчалъ тупоуміе — и выходилъ изъ себя отъ досады и негодованія. Съ каждымъ урокомъ Никеша чувствовалъ сильнѣе отвращеніе и тоску отъ ученья, и страхъ предъ своимъ наставникомъ, а Карѣевъ—озлобленіе и презрѣніе къ нему.

— Вы бы, батюшка, Аркадій Степанычъ, азамъ-то меня поучили: я бы можетъ быть скорѣе понялъ,—осмѣлился однажды проговорить Осташковъ.

— Отстань... дуракъ... азамъ! закричалъ на него Карѣевъ... Съ этакой тупой башкой ничего не сдѣлаешь... Тебя бы палкой учить, такъ скорѣе бы понялъ...

Такого рода грубые отвѣты еще были сносны для Осташкова: онъ ихъ переносилъ великодушно и не обижался. Но Карѣевъ иногда сдерживалъ себя отъ подобныхъ выходокъ и вымещалъ свою досаду язвительными насмѣшками или молчаніемъ въ теченіе цѣлыхъ дней. Этого Никеша не могъ перенести. Онъ ходилъ цѣлые дни, какъ пришибленный, или виноватый въ какомъ нибудь преступленіи. Въ недѣлю ученья онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, видно, года мои ушли, Аркадій Степанычъ... для ученья... говорилъ иногда Осташковъ, доведенный до отчаянія.

— Мг.... Года ушли... Въ тридцать лѣтъ человѣкъ не можетъ понять того, что съ разу понимаютъ пятилѣтніе дѣти... Это надо родиться съ такой умной головой... Мг... потомокъ древняго рода... порода... Вотъ они... Пусть нарадуется Палёновъ... Вотъ онѣ, хваленыя способности... Весь вашъ родъ, Осташковъ, видно, отличался такимъ высокоуміемъ... Недаромъ судьба привела вашъ родъ къ такой бѣдности... Да вы и не стоите ничего лучшаго... И этотъ Палёновъ еще хлопочетъ, чтобы образовать, поднять васъ изъ вашей грязи... Да вы для нея родились... Вамъ, какъ свиньямъ, самой судьбой предназначено валяться весь вѣкъ въ грязи... Это ваше назначеніе... Я бы ни за что и дѣтей-то вашихъ не сталъ учить... По родителю видно какіе и у нихъ должны быть способности. Никеша молчалъ, ежился, не смѣлъ поднять глазъ на своего учителя, и маялся, какъ въ пыткѣ.

Случалось, что Карѣевъ, разсерженный непониманіемъ Осташкова, вдругъ прекращалъ урокъ и выгонялъ его изъ кабинета, въ которомъ происходило ученье и по цѣлому дню не говорилъ и не смотрѣлъ на Осташкова. Бѣднякъ бралъ книгу, садился гдѣ нибудь въ уголку и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, не сходя съ мѣста и не сводя глазъ съ книги, въ которой ничего не понималъ. Въ тихомолку Никеша часто горько плакалъ, билъ себя по головѣ, дралъ за волосы, или усердно молился, прося у Бога разума и помощи въ ученьи. Ни разу не приходило ему въ голову, что виноватъ въ его плохихъ успѣхахъ учитель, а не онъ

самъ. Онъ не смѣлъ даже объ этомъ и подумать. Удивлялся онъ только отчего Аркадій Степанычъ не учитъ его азамъ т. е., азъ, буки, вѣди и проч., какъ слыхалъ онъ, учатъ дьячки мальчишекъ; но, вѣдь, ужь Аркадій Степанычъ самъ ученый человѣкъ, знаетъ какъ надо учить, значитъ, вѣдь, и онъ самъ также учился: и выучился же, вѣдь: и вотъ до какой премудрости дошолъ, что самъ Палёновъ ему нипочемъ. . И того дуракомъ противъ себя считаетъ... Нѣтъ, видно, ужь такъ Богъ меня разумомъ обидѣлъ, не для меня эта наука писана... Видно, и умереть придется безграмотнымъ .. А потерплю еще маненько, погожу: можетъ не прояснитъ ли Господь разумъ... Послѣ стыдобушка будетъ и домой-то, и въ люди-то показаться, какъ ничего не пойму... Нѣтъ, подожду еще, потерплю... что будетъ?... что Богъ дастъ?... И выжидалъ онъ минутки, когда проходилъ гдѣ нибудь Карѣевъ, и робко, какъ провинившійся школьникъ, подходилъ къ нему, просилъ прощенія, обѣщалъ стараться, умолялъ еще маленечько, хоть немножечко поучить его: авось, не пойметъ ли...

И опять начиналась прежняя пытка.

Однажды во время урока пріѣхалъ къ Карѣеву Тархановъ.

Дѣла Тарханова въ настоящее время были очень плохи: аферы его не удавались, долговъ на немъ накопилось много, а новыхъ кредиторовъ не оказывалось; таинственные обороты, которыми существовалъ онъ и до сихъ поръ, становились все мельче и малоприбыльнѣй: послѣднему имѣнію его грозила продажа съ публичнаго торга. Но онъ не унывалъ, по крайней мѣрѣ наружно, и держалъ себя, по обыкновенію, самоувѣренно и почти дерзко. Въ уѣздѣ всѣ болѣе или менѣе знали Тарханова и ему становилось трудно поддѣть кого нибудь на удочку. Карѣевъ былъ новымъ человѣкомъ и Тархановъ рѣшился поискать счастья около него. Нѣсколько разъ уже и прежде онъ пріѣзжалъ къ нему, бойко и съ увѣренностію разсказывалъ о своихъ удачныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, бранилъ помѣщиковъ за ихъ неподвижность, за то, что они какъ будто стыдятся коммерческой дѣятельности, а на самомъ дѣлѣ боятся труда и всѣ—неучи страшные, не умѣютъ ни за что взяться, и безплодно проживаютъ деньги; и всѣми этими разговорами, а особенно своею самостоятельностію, отрицательнымъ взглядомъ на вещи и даже нѣкоторою современностію убѣжденій успѣлъ уже понравиться Карѣеву. Настоящій пріѣздъ его былъ уже съ опредѣленною

цѣлью: или выпросить денегъ у Карѣева, или затянуть его во вновь придуманное предпріятіе, съ тѣмъ чтобы распоряжаться его деньгами.

— Здравствуйте, батюшка, Аркадій Степанычъ...

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ... Со всѣмъ забыли...

— Да все хлопоты... А, Осташковъ! Какими это судьбами... Да и книги, и доска аспидная... Что это вы съ нимъ подѣлывали?...

— А вотъ наложилъ на себя эпитимію: вздумалъ грамотѣ выучить мальчика...

— Ого, Осташковъ!... Вотъ какъ!... Это добрже!... Ну что же, какъ идетъ дѣло?...

Карѣевъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой...

— Что? Плохо?... Тупъ?...

— Ни на что не похоже...

— Этого надобно было ожидать... Вѣдь, лентяй страшный... Гдѣ ему учиться... Ему вотъ шутовскую должность передъ помѣщиками разыгрывать, да на бѣдность сбирать: это его дѣло... Да вы съ нимъ какъ?... Я думаю, вѣдь, деликатничаете... Напрасно... Съ нимъ, вѣдь, нельзя, какъ съ прочими людьми обходиться... Его, какъ лошадь лѣнивую, бить надо: онъ скорѣе пойметъ... Право... Ну, да вотъ я съ нимъ послѣ поговорю... Вы бы пока задали ему урокъ что ли, да выслали его учить... А мнѣ позволили бы потолковать съ вами: я, вѣдь, за дѣломъ къ вамъ пріѣхалъ...

— Какой урокъ... Онъ безъ меня слова не умѣетъ выговорить... Ступайте, Осташковъ...

— Ахъ, изсохшая вѣтвь знаменитаго древа... говорилъ Тархановъ, насмѣшливо смотря на сконфуженнаго, печально уходившаго Никешу.—Нѣтъ, да я вижу вы очень деликатно съ нимъ: уже займусь по своему.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Аркадій Степановичъ, продолжалъ Тархановъ, когда дверь за Никешей затворилась.—Я пріѣхалъ посовѣтываться, потолковать съ вами, какъ съ образованнымъ и ученымъ человѣкомъ, и даже сдѣлать вамъ нѣкоторыя предложенія .. Съ прочими нашими олухами, вѣдь, ничего не сдѣлаешь... Вотъ-съ какая мнѣ пришла мысль... Вы знаете, что всѣ мы, помѣщики, убѣдились наконецъ, что лѣсъ составляетъ основное, такъ сказать, наше богатство и что лѣсъ беречь надо, вслѣдствіе этого мы всѣ стали бережливы относительно лѣсовъ до

такой степени, что готовы собственныхъ печей не топить, лишь бы сохранить лѣса въ цѣлости. Но при этомъ посмотрите до какихъ мы дикихъ вещей доходимъ, и что значитъ недостатокъ въ насъ коммерческой предпріимчивости, о чемъ я вамъ всегда говорилъ... Наши мужики ѣздятъ на Волгу за сорокъ, за пятьдесятъ верстъ, покупать сплавный лѣсъ... Мы имѣемъ по сосѣдству фабрики, на которыя лѣсъ безпрестанно требуется, особенно въ видѣ теса: и всѣ фабриканты тоже покупаютъ лѣсъ съ Волги. Вѣдь они на десятки тысяча покупаютъ каждый годъ одного теса... Теперь разсчитайте: что стоитъ сплавъ и перевозка на 50 верстъ разстоянія. А между тѣмъ у насъ по сосѣдству отъ фабрикъ есть лѣса, помѣщики изъ него продаютъ бревна, которыя купцы иногда дома пилятъ пильщиками и платятъ за это страшныя деньги... И никому изъ насъ до сихъ поръ въ голову не пришло построить лѣсопильной мельницы... Помилуйте: да, вѣдь, если завести такую лѣсопильню, такъ, вѣдь, навѣрно рубль на рубль наживается .. Позвольте карандашика: я вамъ сдѣлаю разсчетъ...

Карѣевъ подалъ карандашъ и бумаги. Тархановъ быстро сдѣлалъ очень убѣдительный разсчетъ, по которому оказалось, что дѣйствительно лѣсопильная мельница приносила бы по крайней мѣрѣ 100 процентовъ на затраченный капиталъ.

— Вы видите, что я не ошибаюсь?... Согласны вы, что разсчетъ мой вѣренъ и не воображаемый, а дѣйствительный?...

— Да... кажется...

— Ну, хорошо, да положимъ, что я ошибся, и уменьшимъ весь доходъ на половину: и тутъ вы получаете 50 процентовъ... Что это, мало?

— Какое же мало?... Помилуйте...

— Да я васъ спрашиваю: какое предпріятіе можетъ принести такой процентъ?... И наши олухи, наши богачи помѣщики, имѣющіе по нѣсколько сотъ десятинъ строеваго лѣса не умѣли до сихъ поръ догадаться объ этомъ... не умѣли объ этомъ подумать...

— Да развѣ они думаютъ о чемъ нибудь, и способны думать? желчно замѣтилъ Карѣевъ.

— Вотъ-съ, вотъ поэтому я не хочу съ ними, скотами, и говорить объ этомъ, не хочу и дѣлиться съ ними этой золотой мыслью... А пріѣхалъ къ вамъ, какъ человѣку, который одинъ только здѣсь и есть, способный говорить о дѣлѣ и понять другаго дѣльнаго человѣка... Вотъ видите ли: по совѣсти вамъ ска-

зать, я какъ человѣкъ, слѣдовательно эгоистъ, можетъ быть, не сказалъ бы и вамъ о своемъ замыслѣ, чтобы одному воспользоваться барышами... Вы не осудите меня за эту откровенность, пожалуйста...

— Напротивъ, еще болѣе уважаю и цѣню васъ... Это совершенно законно и справедливо .. Я, вѣдь, не держусь патріархальныхъ началъ взаимнаго надуванья подъ видомъ самоотверженія...

— Ха, ха, ха... Это славно сказано... Такъ вотъ видите ли, я пріѣхалъ разсказать вамъ объ этомъ замыслѣ только потому что у меня нѣтъ средствъ осуществить его одними моими силами... Я механику-то знаю отлично и построю мельницу безъ помощи всякаго нѣмецкаго мастера, мнѣ стоитъ только съѣздить хоть въ Ярославскую губернію и посмотрѣть тамъ на лѣсопильни... Слѣдовательно вотъ еще сбереженіе расхода: не нужно нанимать мастера... Ну-съ, теперь я вамъ сдѣлаю два предложенія: которое вы изберите?... Я знаю у васъ есть большія лѣсныя дачи и лѣсъ строевой, береженый... Такъ какъ хотите: или продайте мнѣ его, но съ разсрочкой платежа, потому что у меня въ настоящее время не станетъ денегъ для покупки его всего вдругъ, а по частямъ покупать не разсчетъ, или соедините капиталы и уполномочте меня строить мельницу и производить на ней работы изъ вашихъ лѣсовъ, съ тѣмъ, что барыши пополамъ .. Какъ хотите?...

— Дайте немножко подумать: это дѣло такое серьёзное, что вдругъ рѣшиться мудрено...

— Да, конечно: подумать слѣдуетъ... Но вы только меня успокойте въ томъ отношеніи, что вы не послѣдуете конечно примѣру нашихъ мудрыхъ господъ, которые никогда не въ состояніи рѣшиться ни на какое предпріятіе вслѣдствіе своего тупоумія и дурацкой неподвижности... Вы скажите мнѣ только вы пойдете на которое нибудь изъ этихъ предложеній ..

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, не вѣроятно, а навѣрно скажите мнѣ...

— Навѣрно.

— Вы успокойте меня, потому что я медлить не хочу, и если ужь дѣлать дѣло, такъ дѣлать, не откладывая. Вы или дайте мнѣ слово, что пойдете на которое нибудь предложеніе или откажитесь. Въ такомъ случаѣ, я ужь хоть стѣну лбомъ прошибу, а добьюсь себѣ товарища въ комъ нибудь другомъ...

— Я вамъ говорю, что я готовъ на ваше предложеніе только дайте подумать которое выбрать...

— Честное слово?

— Честное слово...

— Ну, вотъ я теперь покоенъ... Вашу руку. Карѣевъ подалъ руку и Тархановъ пожалъ ее отъ чистаго сердца... Онъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ.

— Теперь я вижу, что всѣ здѣшнія головы не стоятъ одного волоска на вашей головѣ, сказалъ Тархановъ въ порывѣ восторга.

— Вотъ видите что: я сейчасъ бы, можетъ быть согласился идти съ вами въ часть, да у меня въ настоящее время денегъ мало...

— Ну, такъ вотъ что можно сдѣлать: продайте нѣсколько десятинъ лѣса на срубъ... Намъ вѣдь нужны деньги теперь только на устройство мельницы всего тысячи четыре... Ну моихъ двѣ, да двѣ вашихъ .. А покупателей я вамъ сейчасъ найду.

— Вотъ это дѣло...

— Такъ значитъ, идетъ?

— Идетъ.

— Браво... Великое счастье имѣть дѣло съ людьми умными и учеными. Извольте-ка столковаться въ нѣсколько-то минутъ съ нашими оболтусами. . Попробуйте... Ахъ ученье, ученье — воистину свѣтъ!... А что, гдѣ нашъ ученый мужъ Осташковъ: что онъ подѣлываетъ?..

— А вотъ пойдемте обѣдать: увидимъ и его... Вотъ батюшка, голова-то: я въ жизнь свою не видалъ человѣка тупѣе его... Рѣшительно ничего не понимаетъ.

— Нѣтъ, послушайте: вы, право, не такъ съ нимъ обращаетесь... Онъ, вѣдь, страшный лентяй и тунеядецъ... Онъ привыкъ ничего не дѣлать, шляться по господскимъ домамъ и ѣсть даромъ чужой хлѣбъ... Вотъ онъ и здѣсь у васъ думаетъ, что пришолъ гостить, а на ученье смотритъ какъ на шутку... Вы же его балуете... Нѣтъ вы мнѣ позвольте только, дайте волю: я его припугну хорошенько... Только не мѣшайте мнѣ... Вы посмотрите, что дѣло пойдетъ гораздо лучше...

— Ничего не будетъ ..

— А вотъ увидите ..

Тархановъ былъ веселъ, въ самомъ хорошемъ расположеніи

духа и за обѣдомъ напалъ на бѣднаго Осташкова съ ожесточеніемъ.

— Что, великій мужъ, какъ твое ученье? спросилъ онъ его.

— Плохо, Иванъ Петровичъ... уныло отвѣчалъ Осташковъ.

— Отчего же это: плохо? Лѣнишься, тунеядничаешь?.. Тебѣ не совѣстно, что Аркадій Степанычъ безпокоится для тебя, занимается съ тобой... Своей пользы не понимаешь?... Добра, которое тебѣ дѣлаютъ, не цѣнишь?...

— Какъ не понимать и не цѣнить, Иванъ Петровичъ... Кажется, отъ стыда сгорѣлъ, глаза бы не глядѣли .. Да что же мнѣ дѣлать, коли понятія нѣтъ... Видно года мои ушли ..

— Врешь: понятія нѣтъ... Небось умѣешь по помѣщикамъ ходить, да милости, подаянія выпрашивать... Это умѣешь, на это станетъ понятія... Какъ бы въ тебѣ совѣсть была, не сталъ бы чужой хлѣбъ есть даромъ... Кусокъ-бы въ горло не пошолъ... А ты видишь какъ уплетаешь... Что добрый человѣкъ нашелся, кормитъ тебя, такъ ты и радъ. Нарочно, чай притворяешся, что не понимаешь, чтобы подольше пожить на хлѣбахъ Аркадія Степаныча... А еще дворянинъ... Э, безсовѣстный...

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, отвѣчалъ Осташковъ съ глазами, полными слезъ,—да, кажется, я на Аркадія-то Степаныча зрить не могу... Ужь до ѣды ли мнѣ... Кажется бы, самаго-то себя куда-бы ни на есть, въ щель какую запихалъ... Да что-же мнѣ съ собой дѣлать, коли Господь обидилъ...

— Полно, полно... Ты передо мной эти лясы не точи...знаю я тебя... Это все отъ того, что Аркадій Степанычъ смотритъ на тебя, какъ на человѣка... какъ на благороднаго въ самомъ дѣлѣ, дворянина... Вотъ ты и прикидываешься дурачкомъ... А вотъ погоди: теперь я тебя въ руки возьму... Мнѣ Аркадій Степанычъ далъ надъ тобой волю. И вотъ тебѣ мое слово: я завтра опять пріѣду сюда и если ты опять не будешь понимать просто выпорю, стащу на конюшню и выдеру... для твоей же пользы выпорю... Слышишь... ты меня знаешь... У меня, братъ, станетъ духу, коли сказалъ... Помни же это... Смотри... Какъ не станешь понимать, такъ и на конюшню... У меня будешь понимать: откуда что возьмется... Помни же. Я попусту говорить не люблю...

Осташковъ зналъ Тарханова за человѣка наглаго, способнаго на всякую дерзость и нисколько не усумнился въ возможности того, чѣмъ онъ угрожалъ ему. Не смѣя возражать, онъ взгля-

нулъ робко на Карѣева, надѣясь на его лицѣ прочитать себѣ защиту, но Карѣевъ сидѣлъ мрачный и сердитый... Сердце у Никеши замерло и сжалось тоскою. Онъ не смѣлъ поднять глазъ и ничего почти не ѣлъ за обѣдомъ. Послѣ обѣда онъ старался скрыться отъ взглядовъ Тарханова. Угроза не выходила изъ его отуманенной головы. Цѣлый день пробродилъ онъ, какъ шальной, и ночью не могъ уснуть. Тоска обуяла его душу. Чѣмъ свѣтъ, назарѣ, когда въ домѣ Карѣева всѣ еще спали, онъ поднялся съ постели и, не зная что дѣлать съ собою, на что рѣшиться, связалъ въ узелокъ все свое платье и тайкомъ, какъ воръ, выбрался изъ дома, изъ усадьбы, за околицу... Тутъ онъ остановился въ нерѣшимости, что дѣлать?... Уйти, не простившись съ хозяиномъ, не поблагодаривши за хлѣбъ-соль, не хорошо... Объявить Карѣеву, что хочетъ уйти домой — пожалуй не отпуститъ, остановитъ; а остаться: видимое дѣло: наука не дастся, пріѣдетъ этотъ разбойникъ Тархановъ, не уйти отъ стыда: высѣчетъ... Что дѣлать?.. И уйдешь... а какъ послѣ покажешься Паленову, что скажешь?... Не повѣритъ, что грамота не далась, скажетъ: лѣнь одолѣла... Пожалуй милостей лишишься... Ахъ, ты Боже мой... Какъ быть... Да нѣтъ, ужь что не будетъ, а ужь лучше уйти отъ бѣды, что виситъ на носу... Вотъ нанесла нелегкая человѣка!... И Никеша поплелся къ дому унылый, разбитый, огорченный, въ самомъ скверномъ, тяжеломъ расположеніи духа...

X.

Въ то время, какъ Никеша жилъ у Карѣева и продолжалъ свой курсъ ученія, однажды, въ праздничный день, къ избѣ старика Осташкова подъѣхала телѣга, парой, и съ колокольчикомъ. Молодцовато съ гикомъ и уханьемъ подъѣхалъ ямщикъ, молодой парень къ самымъ воротамъ и на всемъ скаку остановилъ лошадей. Изъ оконъ избы Александра Никитича и сосѣдней, Никешиной, тотчасъ же высунулось нѣсколько любопытныхъ лицъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ какой-то отставной военный, въ сильно поношенномъ и засаленномъ сюртукѣ безъ эполетъ и въ помятой фуражкѣ. Огромные, черные съ просѣдью и взъерошенные усы и давно небритая борода пріѣзжаго прежде всего бросались въ глаза на его кирпичнаго цвѣта лицѣ.

— Вотъ и пріѣхали, баринъ, сказалъ ямщикъ, обращаясь къ

сѣдоку и завивая вожжи на желѣзную уключину, вбитую въ бесѣдку телѣги. Каково отмахалъ?...

— Хорошо... водки поднесу... не внятно, хриплымъ голосомъ пьянаго отвѣчалъ пріѣзжій. Ну... что-жъ ты... мерзавецъ... вынимай меня... Ска-а-тина... Не знаешь...

— Сейчасъ... ваше благородіе... отвѣчалъ ямщикъ, тоже, видимо, навеселѣ...

— То-то... Долженъ знать...

Ямщикъ спрыгнулъ съ козелъ и, не совсемъ твердо держась на ногахъ, подошолъ и протянулъ руки сѣдоку.

— Не узнали... Не встрѣчаютъ... бормоталъ пріѣзжій, вылезая изъ телѣги... Вотъ удивятся... какъ узнаютъ... Спустившись съ телѣги, онъ, покачиваясь, установился наконецъ на ногахъ, не твердою рукою поправилъ на головѣ фуражку, закрутилъ усы и подпершись фертомъ руками въ бока, съ какою-то неопредѣленной улыбкой смотрѣлъ вокругъ себя. Между тѣмъ изъ избы выбѣжалъ Иванъ, чтобы узнать кто такой пріѣхалъ и зачѣмъ. Онъ подошелъ къ пріѣзжему.

— Кто ты такой?... спросилъ его послѣдній.

— Да вамъ кого надо?

— Кто ты такой?.. Какъ ты прозываешься? прикрикнулъ на него пріѣзжій.

— Осташковъ...

— Гм... Осташковъ.. Какъ твое имя. .

— Иванъ Александрычъ...

— Ванюшка... А отецъ гдѣ?... Живъ али нѣтъ?..

— Какъ же, живъ ..

— Веди меня къ нему...

— Пойдемте... Пожалуйте... отвѣчалъ Иванъ, указывая на избу и отправляясь впередъ.

— Веди меня... олухъ... не знаешь... закричалъ на него незнакомый гость. Подъ руку возьми... Не чувствуешь... Гм... Осташковъ ты, Ванюшка... молокососъ... развѣ этакіе Осташковы бываютъ... Вотъ такъ веди...

Иванъ повиновался, взялъ гостя подъ руку и повелъ въ свою избу.

Вдругъ въ домѣ Никанора Осташкова распахнулись двери изъ сѣней на крыльцо, и изъ нихъ съ крикомъ и воплемъ выскочила Наталья Никитишна...

— Батюшка, Харлашенька!.. Вѣдь, это онъ право, онъ... кричала она, перебѣгая разстояніе отъ своей избы къ братниной... Батюшка... братецъ... Харламній Никитичъ... призналъ, вѣдь...

Пріѣзжій, услыша ея голосъ, остановился и съ улыбкой смотрѣлъ на бѣгущую старуху.

— А, узнала... Неужто сестра Наталья... спрашивалъ онъ.

— Я, батюшка, я... Аха-ха-ха... рыдала Наталья Никитишна, кидаясь на шею къ брату .. Откуда взялся? Солнышко ясное... Родной ты нашъ... И въ живыхъ-то не чаяли... Ну-ка вѣдь, сердце мнѣ сказало... И не признаешь тебя... Похожева нѣтъ... Батюшка ты нашъ... Точно съ того свѣта...

— Ну, да ужь будетъ... Не вой... Не люблю... Пойдемъ къ дому...

— Ахъ, дядинька-съ... говорилъ Иванъ, цѣлуя гостя въ плечо, и стараясь заглянуть ему въ лицо.

— Что, знаешь теперь?.. Узналъ?

— Извините: не зналъ-съ...

— Ну, на, поцѣлуй... продолжалъ тотъ, подавая руку.

Иванъ поцѣловалъ руку дяденьки.

— То-то... долженъ чувствовать... дядя твой... Ну, обними теперь...

Иванъ совсѣмъ усердіемъ обнялъ его.

— Ну, веди...

Но въ это время на шею къ нему бросился самъ Александръ Никитичь, который долго смотрѣлъ изъ окна на пріѣзжаго съ недоумѣніемъ, и ни разу не подумалъ, что это его братъ , о которомъ больше 15 лѣтъ не было слуха и котораго считалъ умершимъ. Когда же сестра, по инстинкту крови или по предчувствію узнала его, онъ также поспѣшилъ на встрѣчу нежданному гостю.

— Братъ... Харлампій... Неужто ты?... Вотъ не ждалъ-то...

— А-а... думалъ пропалъ... Осташковъ не пропадетъ...

— Да пойдемъ... Пойдемъ въ домъ-то...

— Веди... обратился Харлампій Никитичь къ племяннику... Уваженія не оказалъ... Не призналъ... проговорилъ онъ, съ улыбкой кивая на Ивана.

— Гдѣжь ему признать... Его еще и въ живыхъ не было, какъ ты въ службу-то ушелъ...

— А что ты, батюшка, али ножками-то слабъ... болятъ, видно, ноженьки-то? спрашивала Наталья Никитишна, на радостяхъ не замѣтивная, что пріѣзжій братецъ пьянъ и стараясь подхватить его подъ другую руку.

— Раненъ... Контузію получилъ... растяженіе жилъ...

— Ахъ ты старатель нашъ... До чего ты дослужился... Упетали же таки тебя, нехристи окаянные... И здоровенькимъ-то домой не дали воротиться.

Слезы такъ и текли ручьемъ изъ глазъ обрадованной Натальи Никитишны, но она старалась не давать имъ воли послѣ того, какъ братецъ сказалъ, что онъ женскаго вытья не любитъ... Иванъ велъ уже дядю съ нѣкоторой гордостью, и при входѣ въ избу съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на тетку, которая также вошла вслѣдъ за ними. Дядя — офицеръ былъ дорогой гость и выгодный, и желанный. Ему бы не хотѣлось имъ дѣлиться съ семьей брата.

— Вотъ, какъ пріѣхалъ къ намъ дядя, такъ и къ намъ полезли... мелькнуло у него въ головѣ.

— Ну-ка, садись, братъ, садись... говорилъ Александръ Никитичъ... Усталъ, чай, съ дороги-то...

— Усталось, усталось... Три тысячи верстъ, вѣдь, проѣхалъ...

— Ахъ, батюшка ты нашъ... Эко мѣсто проѣхалъ... отозвалась Наталия Никитишна.

— Чѣмъ намъ дорогаго гостя подчивать-то...

— Извѣстно: военными напитками... Самоваръ вели наставить... А между прочимъ водки подай...

Александръ Никитичъ переглянулся съ Иваномъ. На лицахъ ихъ выразилось нѣкоторое замѣшательство.

— За водкой-то я тотчасъ сбѣгаю... сказалъ впрочемъ Иванъ, какъ бы отвѣчая на безмолвный вопросъ отца и что-то быстро сообразивши.

— А самоваръ-отъ у насъ возьмите... вмѣшалась Наталья Никитишна... Скажи, Ванюша, Катеринѣ, чтобы принесла, да приходила бы поскорѣе: дяденька, молъ, изъ полка пріѣхалъ... Да чай-то съ сахаромъ... чай, нѣтъ у васъ... Тоже молви ей, чтобы своего принесла...

— Да чтожь это у васъ... развѣ вы ужь врознь живете?...

— Да, ужь мы подѣлились... Я съ Никешей живу, отвѣчала Наталья Никитишна. Эко горе, Никонора-то Александрыча нѣтъ дома... Помнишь, чай, его братецъ... Махонькій еще былъ, какъ ты отъ насъ въ службу-то поѣхалъ, а ужь теперь у самаго дѣти...

— Мало помню... Такъ вотъ вы какъ... Много же у васъ тутъ перемѣнъ...

— Много всего было... подтвердилъ Александръ Никитичь съ сдержаннымъ неудовольствіемъ.

— Ну, а ты... Ванюшка... Смахай живо за водкой. Чаю потерпѣть можно: время ждетъ... А водки съ устатку требуется.

— Живо, дяденька, тотчасъ...

— Ну, смотри... люблю, чтобы живо было... по военному... Я тебя пріучать буду... Да вотъ что, братъ Александръ... ты отдай моему ямщику за подводу... Я дорогой-то поистратился, всѣ мелкія извелъ... Два съ полтиной отдай...

Александръ Никитичъ замялся.

— Такъ давай: я размѣняю тебѣ... проговорилъ онъ какъ-то нерѣшительно...

— Слышишь ты: въ дорогѣ изхарчился... Всѣ подошли..: Изъ казначейства вотъ надо пенсіонъ получить...

— Такъ... на ассигнаціи два съ полтиной?

— Нѣтъ... нынче все на серебро... серебромъ...

— Такъ какъ же, братецъ, денегъ-то у меня теперь такихъ нѣтъ... Нѣтъ ли у тебя сестра Наталья?..

— Не знаю, есть ли съ естолько-то?... Сбѣгать развѣ поискать... Вотъ грѣхъ какой: Никеши-то нѣтъ... Да я сбѣгаю: поищу... Можетъ наберу...

— Да у васъ какъ не быть деньгамъ: вы люди богатые... сказалъ Александръ Никитичъ съ горечью.

Наталья Никитишна не слыхала этихъ словъ: она уже бѣжала домой, чтобы скорѣе воротиться къ брату.

— Да что развѣ въ скудости живешь? спросилъ Харлампій Никитичъ брата, оставшись съ нимъ наединѣ.

— Да съ чего въ достаткахъ-то жить?... Меня здѣсь сестрица съ старшимъ сынкомъ славно обрѣзали: женила Никанора на холопкѣ на какой-то, отдѣлились, да и земли чуть не половину взяли... Къ богатымъ господамъ поддѣлываются. Тѣ не оставляютъ... Вотъ и живутъ. А я вотъ съ Иваномъ кое-какъ и перебиваюсь на старости... Ужь какіе мои достатки, съ чего тутъ разживаться...

— Какъ же онъ могъ... Никешка?.. Противъ отца?... Его, значитъ, надо въ ежевыя руки взять... Сократить... Вотъ я его...

— Не онъ одинъ... Съ нимъ-то бы я управился... А главное сестра захотѣла...

— Вотъ я ее...

— Да тутъ еще теща его... Такая скверная старушонка..

изъ холоноkъ... Сбили парня... Знать меня теперь не хочетъ .. Никакой помощи отъ него не вижу...

— Вотъ я ихъ всѣхъ... Что? Противъ отца грубіянить?.. У меня всѣ будутъ смирно... по военному... смирно... равняйсь... Не знаютъ они...

— Теперь вотъ только на одного Ивана и надежда...

— Наградить его... Я его награжу... А Никешку смиримъ... Что? Противъ отца? Цыцъ, не смѣть... руки по швамъ... Знай начальство... Эхъ, братъ, службы ты не знаешь... Ослабѣлъ?..

— Много, братецъ, и годовъ то... Ужь вонъ спину горбить стало... Эхе-хе... Да что говорить... Вотъ, слава тебѣ Господи, хоть тебя дождался... Ну-ка, а забылъ насъ совсѣмъ: хоть бы когда написалъ. .

— Некогда... Служба... Долженъ... знаешь... каждую минуту...

— Да гдѣ же ты былъ-то, въ какихъ мѣстахъ?...

— Далеко... на Кавказѣ... Что Ванюшка нейдетъ долго... Усталъ я съ дороги...

— Что, дяденька, живо ли? спросилъ Иванъ, входя въ это время съ полуштофомъ въ рукахъ.

— Ничего... Давай...

— Сейчасъ стаканчикъ...

— Слушай команду: давай... Стаканчикъ послѣ. Ты ее поставь... Мы и по военному можемъ изъ горлышка въ горлышко. А ты свое дѣло правь: стаканъ изготовляй...

И дѣйствительно, пока Иванъ ходилъ за стаканомъ, Харлампій Никитичъ приложилъ горлышко склянницы къ губамъ и, не переводя духа, высосалъ половину принесеннаго вина.

— Это насъ укрѣпляетъ.. проговорилъ онъ, опуская штофъ на столъ.

— Братъ, выпей... продолжалъ онъ, наливая принесенный между тѣмъ стаканъ.

— Кушай, братецъ, самъ-то... Ты съ дороги...

— Ничего... стаканчикъ выпей... А тебѣ, Ванюшка, не дамъ... Первое молодъ... Второе: мало принесъ... Ха, ха, ха!... Сробѣли?... Ну, надо его наградить... за почтеніе отца... Выпей стаканчикъ.

— Да я не желаю, дядинька... Кушайте сами...

— Ну.., Можешь ты?.. знай команду: манерку даютъ, свою порцію прими и отходи прочь.,. Ну...

Харлампій Никитичъ налилъ стаканъ и подалъ Ивану. Тотъ выпилъ.

— А тѣхъ я выправлю... Они не знаютъ .. Ванюшка... У меня будь всегда въ исправности: передо мной, значитъ... Я тебя награжу... А Никешку мы уничтожимъ... Поди принеси еще полштофа... Ямщику надо поднести... Онъ мнѣ пѣсни... Везъ хорошо... значитъ, служилъ .. Ну и надо наградить... Чтожь сталъ, Пошолъ принеси... Я сегодня, значитъ, дома, въ свой домъ пріѣхалъ... Тридцать лѣтъ не былъ... Ну и вы должны меня веселить... А послѣ я васъ стану... Вотъ въ казначейство...

— Пошелъ же Иванъ, промысли еще... приказалъ Александръ Никитичъ, не зная, что думать о братѣ.

Иванъ ушелъ.

— Чинъ-то, братецъ, у тебя какой?...

— Чинъ... Поручикъ...

— Значительный?...

— Значительный...

— И жалованье хорошее?...

— Пансіонъ по чину... Я въ отставку вышелъ...

— Пансіонъ. Такъ великъ ли?

— Говорятъ тебѣ по чину. Служилъ не мало: значитъ выслужилъ...

— Такъ ты, братецъ, теперь, значитъ, со всѣмъ къ намъ пріѣхалъ?

— Совсѣмъ... На вѣчный отдыхъ... Такъ чтожь, ты не радъ что ли?...

— Что ты это... Богъ съ тобой... какое не радъ. Почитай чуть не тридцать лѣтъ брата не видалъ, пріѣхалъ ты человѣкомъ значительнымъ, за всѣхъ за насъ служилъ и выслужился, да еще бы мнѣ не радоваться... Теперь ужь я за тобой буду жить, какъ за каменной стѣной. . Знаю, что не оставишь и въ моихъ недостаткахъ .. Поддержишь брата...

— Поддержу... Это могу... Сказалъ: могу...

— Ужь не оставь, братецъ... Что дѣлать? Бѣдность одолѣла А спина не гнется идти, да побираться по богатымъ господамъ. Свой родъ помню .. А можно бы... Вотъ Никаноръ живетъ... хорошо... А все господскимъ живетъ подаяніемъ. Со мной не дѣлится... Забылъ отцовскую хлѣбъ-соль... Ну, да я и не желаю... Горько только, что почтенія нѣтъ отъ сына... Еще тутъ было вздумалъ землю отнимать... Иванъ сѣна наносилъ, такъ

силой хотѣлъ взять. Подговорилъ какого-то разбойника, да избилъ у меня парня-то... Эхъ, горькое, братецъ, мое житье.., Не оставь хоть ты...

— Сказано: всѣхъ ихъ вытяну... въ струнку поставлю... А Никешку... Гдѣ онъ?... Подавай мнѣ Никешку... Подавай сейчасъ... требую...

— Да его нѣтъ... Ушолъ, чу, опять по господамъ ..

— Послать привести... чтобы явился. . Сказать: поручикъ Осташковъ требуетъ...

Въ эту минуту вошла Наталья Никитишна, въ сопровожденіи Катерины, которая несла самоваръ.

— Вотъ, батюшка, братецъ, вотъ ужь кое какъ набрала денежекъ сколько требовалъ по приказу твоему... Кажись такъ... Изволь ка сосчитать... говорила старуха, развязывая платокъ, въ которомъ завязаны были деньги.

— Положи... сосчитаю... Никешку требую .. подать мнѣ его... Поручикъ Осташковъ требуетъ къ себѣ...

— Батюшка, да онъ бы и самъ давно прибѣжалъ, только на бѣду дома-то его не случилось... Пошолъ къ какому-то господину грамотѣ учиться... Въ службу его хотятъ взять, такъ грамотѣ пошелъ обучиться, потому безъ грамоты въ службѣ нельзя, самъ ты изволишь знать... А то бы, вѣдь, ужь онъ и самъ давно прибѣжалъ, услыхавши, что дяденька пріѣхалъ... А вотъ это его жена, Катерина... Славная бабенка... добрая, работящая. Подь Катерина Ивановна, поцѣлуй у дяденьки ручку.

— Прочь... не допущу... Подать мнѣ Никешку. Какъ смѣлъ онъ неявиться,.. Отыскать мнѣ его... и привести живаго или мертваго... Слышишь .. Вы не знаете...

— Батюшка, сейчасъ бы исполнила твой приказъ: нарокомъ бы Катерина сбѣгала, да не знаемъ, гдѣ онъ пребываетъ-то: у какого-то барина-то незнакомаго... Не растолковалъ онъ намъ.

— А испугался... Прячется... Найду... Самъ найду... и взысканіе сдѣлаю... Противъ отца. Я вамъ дамъ... У меня, чтобы...

Иванъ явился съ новымъ полуштофомъ, а вслѣдъ за Иваномъ вошолъ ямщикъ: поручикъ Осташковъ не договорилъ своей фразы.

— Подай сюда... обратился онъ къ Ивану... Ты кто такой? спросилъ онъ ямщика.

— Али не призналъ, баринъ... Ямщикъ, что те везъ... Ишь ты ужь какъ... на радостяхъ какъ тебя укачало...

— Что ты можешь мнѣ говорить... Ты кто такой?... Незнаешь...

— Да я ничего... Прогоны пожалуйте...

— Сколько тебѣ нужно?

— Знаете сами... за два рубля рядился... Да обѣщали еще прибавить... хорошо везъ...

— Возьми... проговорилъ онъ невнятно, указывая на деньги, лежащія на столѣ...

— Да, вѣдь, тутъ братецъ два съ полтиной а ему слѣдуетъ только два, замѣтила Наталья Никитишна.

— Какъ ты смѣешь мнѣ говорить!.. Двугривенный ему прибавить... А то подай сюда!..

Наталья Никитишна, робко и съ недоумѣніемъ посматривая на братца, исполнила приказаніе. Въ продолженіе разговора съ ямщикомъ онъ почти безпрестанно пилъ водку, стаканъ за стаканомъ, и уже совершенно охмѣлѣлъ; глаза его помутились, и слипались, языкъ начиналъ говорить невнятно, руки дѣлали произвольныя движенія, и сидѣть онъ не могъ уже прямо, не качаясь всѣмъ туловищемъ.

— Водочки еще, баринъ, обѣщалъ поднести, проговорилъ ямщикъ, принимая деньги.

— Что... Пошолъ вонъ... Выгони его вонъ... Подай сдачу... обратился онъ къ Натальѣ Никитишнѣ, протягивая нетвердую руку. Та поспѣшила положить въ неё оставшіеся за разсчетомъ тридцать копѣекъ, которыя намѣревалась-было отнести домой, какъ ненужныя для братца; но братецъ положилъ ихъ въ карманъ. Осташковъ допивалъ остатки водки.

— Чтожь, ваше благородіе, за что огнѣвался?.. Поднести обѣщалъ... настаивалъ ямщикъ. Вѣдь, какъ везъ-то... Скорѣе почтовыхъ...

— Цыцъ... не смѣть. Захочу—поднесу... Не захочу... Кто мнѣ можетъ... Подать мнѣ Никешку... Я его буду обучать... Смирно, руки по швамъ... Веди меня спать. . койку: я раненъ... Послѣднія слова едва можно было разобрать, но вся семья засуетилась, не зная гдѣ и какъ уложить дорогаго гостя. Но пока приставляли лавки одна къ другой и покрывали ихъ разной одёжой, чтобы сдѣлать ложе поручика помягче, онъ уже спалъ, положа голову на столъ.

— Эхъ, баринъ... огасъ!... проговорилъ ямщикъ, съ улыбкой.

Ну ужь и дорогой то не мало же курилъ... Да какой же сердитый... бѣда!..

— Вся семья стояла около спящаго гостя, не зная какъ перенести его на приготовленную постель. Наконецъ Александръ Никитичъ рѣшился взять его подъ руку, Иванъ — подъ другую, и безчувственнаго перетащили его и уложили на лавку.

Наталья Никитишна, съ убитымъ, печальнымъ лицомъ, помогала брату и племяннику, а Катерина въ страхѣ и недоумѣніи стояла надъ закипѣвшимъ уже самоваромъ.

— Ну, хозяева, значитъ, прощайте. Счастливо оставаться, говорилъ ямщикъ, молча, но весело смотрѣвшій до сихъ поръ на всю эту возню.—Али, можетъ, поднесете на радостяхъ, что гостя привезъ... Сродственникъ значитъ, что ли вамъ выходитъ?

— Ну, ступай, ступай, пріятель... отвѣчалъ Александръ Никитичъ сердито. Что тебѣ еще надо?... Раздѣлку получилъ,—ну, и съ Богомъ...

— Да оно извѣстно... мнѣ что... только что вотъ обѣщался водки, говоритъ, поднесу... Да вотъ и не поднесъ... Думалъ что...

— Ну ступай, ступай: говорятъ...

— Да я уйду. Что мнѣ не уйти... Только что вотъ обѣщалъ,— бормоталъ ямщикъ, лѣниво подвигаясь къ двери... Прощайте инъ коли такъ... Тоже, братецъ, видишь ты: господскую фантазію держатъ... Ступай вонъ... Лохмотники...

Послѣднія слова договорилъ онъ, затворяя за собой дверь въ избу.

Наталья Никитишна, какъ опытная женщина, первая спохватилась посмотрѣть: все ли имущество братца вынесли изъ телѣги.

— Неужто у него только и поклажи всей, что этотъ узелокъ... Дай-ка сбѣгаю сама посмотрю въ телѣгѣ.

Ямщикъ собиралъ уже возжи и приготовлялся сѣсть въ телѣгу, чтобы отправиться въ обратный путь, когда выбѣжала изъ избы Наталья Никитишна.

— Неужто, голубчикъ, съ бариномъ-то только и поклажи было, что одинъ узелокъ? спросила она, заглядывая въ телѣгу.

— Али больше? грубо и насмѣшливо отвѣтилъ ямщикъ. Настоящій-то баринъ съ хорошей поклажей къ вамъ бы и не пріѣхалъ...

— Да, что ты, другъ, собачишься, незная людей,.. окрысилась Наталья Никитишна.

— Невидаль... Пусти-ка, баушка... Нечего въ сѣнѣ-то рыться: пустаго-то мѣста, видно, не найдешь... хоть по волосинкѣ его переберн... Вишь ищетъ... Не золото ли разсыпалъ...

Ямщикъ засмѣялся.

— Да это нечего, другъ, зубоскалить-то... Ты насъ не знаешь, и мы тебя не знаемъ. А, можетъ, что осталось въ телѣгѣ: ты увезешь, а послѣ тебя ищи...

— Такъ тащи... Что нашла?..

— Ну нѣтъ, такъ, вѣдь, съ тебя и не спрашиваютъ... А все посмотрѣть надо...

— То-то... надо... Нечего тутъ, коли нѣтъ ничего... вымолвилъ ямщикъ вскакивая въ телѣгу.

— Да ты откудова?

— Оттудова... Ну-ка вы... прикрикнулъ онъ на лошадей... А еще обѣщалъ: водкой, говоритъ, напою... Эй вы, слезы...

И Наталья Никитишна только его и видѣла; а у нея вдругъ родилось было сильное желаніе поразспросить ямщика о томъ, какъ братецъ ѣхалъ, что говорилъ и дѣлалъ дорогой.

Наталья Никитишна была совершенно смущена и разстроена страннымъ поведеніемъ пріѣзжаго, безъ вѣсти пропадавшаго братца. Она сначала, на радостяхъ и не замѣтила, что гость пріѣхалъ въ полпьяна, но теперь видѣла, что онъ напился очень скоро, безъ всякой надобности и одинъ, безъ компаніи: и не знала она, чтó о немъ подумать, а признать его съ перваго раза просто пьяницей, ей было какъ-то больно, да и думать этого нехотѣлось. И откуда онъ пріѣхалъ, и какъ, и почему не привезъ съ собой ничего? Пріѣхалъ, нашумѣлъ, ничего про себя не разсказалъ, взялъ денегъ; напился допьяна и завалился спать... Ничего не могла понять бѣдная старуха, но на сердцѣ у нея сдѣлалась тяжело и тошно, и радость вся прошла, точно солнышко вдругъ спряталося за тучкою. Катерина, которая со времени семейнаго раздора никогда не ходила къ тестю, оставшись теперь одна у него въ избѣ, предъ суровыми взглядами родной, враждебной семьи, напуганная крикомъ и угрозами пьянаго дяди, не могла оставаться долго безъ защиты Натальи Никитишны и поспѣшила выйти вслѣдъ за ней.

— Что за чудо, тетушка, про Никанора-то Александрыча онъ

какъ. . . Неужто ужь они успѣли ему что наговорить на него...

— Видно что... покамѣ я за деньгами-то ходила.

— Да что онъ, тетушка, какой... Видно зашибается хмѣлькомъ?

— Не знаю, Катюша, не знаю, что и подумать. Сердце мое надсѣлось вдругъ... точно что̀ порвалось тамъ...

— Ты, тетушка, развѣ туда?... Я не пойду теперь... Матушка-то одна сидитъ. Я домой пойду...

— Ну, поди, поди... А я войду посижу, посмотрю еще не проснется ли.... чай, не выгонитъ сестру-то родную.

— Да приходи поскорѣе... разскажи что... Возвратившись домой, Катерина разсказала матери, которая въ это время гостила у нея, все подробно о новопріѣзжемъ дяденькѣ.

— Стало быть пьяный человѣкъ... больше ничего!... разсудила Прасковья Өедоровна: либо запойный временемъ, либо кажинный день безъ просыпа... Это бываетъ и въ благородномъ званіи, и въ дворянскомъ. Небольно радость велика, что пріѣхалъ. И слава Богу, что не у васъ остановился... А это конечно, что они успѣли на Никанора Александрыча наговорить... Да что же онъ можетъ ему сдѣлать... Развѣ вотъ только землей обидятъ... Такъ, вѣдь, не потерялъ бы только милости дворянства, совсѣмъ въ обиду не дадутъ... А вотъ, Богъ дастъ, выучится грамотѣ, да на службу поступитъ, такъ ему и о землѣ-то больно горевать нечего... И безъ земли будетъ сытъ.. Только бы грамотѣ-то выучился... Вѣдь, какъ бы онъ былъ умный-то человѣкъ, да меня слушался, такъ давно и грамотѣ зналъ, и въ службѣ бы давно служилъ... И не смотрѣлъ бы ни на кого...

Между тѣмъ Наталья Никитишна сидѣла около спящаго брата и съ грустью посматривала на его измятое багровое лицо, всклокоченные волосы и усы. Онъ спалъ крѣпко, и храпѣлъ на всю избу, изрѣдка простанывая и мыча что-то.

Александръ Никитичъ сидѣлъ тоже призадумавшись, облокотясь на столъ, и отворотясь отъ сестры. Онъ не зналъ радоваться или горевать, что пріѣхалъ нежданный гость.—Коли деньги будетъ получать, да поддерживать меня станетъ на старости лѣтъ, ну, такъ дай Богъ ему здоровья... А какъ онъ только пріѣхалъ на мои хлѣбы, да каждый-то день вотъ этакъ — ну, такъ лучше бы онъ и не пріѣзжалъ... Ну, да тогда можно его къ Никанору спроводить... Лучше земли уступить... Раздѣлить-

ся совсѣмъ... А, можетъ, вѣдь, кто его знаетъ. Можетъ, вѣдь, и жалованье большое получаетъ и мнѣ помогать будетъ.

Иванъ что-то перемигивался съ женой и насмѣшливо посматривалъ на тетку. Молчаніе было прервано Натальей Никитишной.

— Это ты, что ли, братецъ, нажаловался братцу-то Харлампью на Никонара-то, что онъ очень на него въ сердце вошолъ?..

— Что мнѣ жаловаться-то... развѣ отцу на сына приходится жалобу приносить, хоть бы къ кому нинаесть... развѣ есть кто больше отца?

— Ну, да все видно, что недоброе разсказали....

— Что есть, то и разсказалъ...

— Кажется, онъ тебѣ непочтенія не оказываетъ?..,

— Ну, да и уваженія-то не много..

— Ужь это грѣхъ, братецъ, тебѣ говорить: всегда онъ отъ тебя въ обидѣ...

— Въ обидѣ онъ, а кто сѣно-то хотѣлъ силой отнять, да зубы-то мнѣ выколотилъ?... отозвался Иванъ.

— Такъ, вѣдь, ты же у него сѣно скосилъ. Онъ свое хотѣлъ взять, не твое...

— Свое?.. Какое свое?.. Я по батюшкину приказу дѣлаю: чѣмъ онъ меня благословитъ, то и беру... Не мое и не его, а все родительское, пока родители живы...

— Хорошо тебѣ этакъ подмасливать-то, какъ ты при отцѣ живешь, а его обидѣли да обмѣряли во всемъ.

— Такъ онъ радъ отца-то за воротъ взять: дай мнѣ вотъ столько, а не эстолько... Не хочу владать чѣмъ благословилъ, а давай все: самъ безъ куска оставайся...

— Полно... Гдѣ ему за воротъ отца взять... Ты скорѣй возьмешь за воротъ-то какъ нужда придетъ... Онъ вотъ отцу то не больно грубитъ, даромъ, что всѣмъ отъ него обдѣленъ; а ты такъ вотъ теткѣ старухѣ рта не дашь разинуть...

— Да кто его обдѣлилъ?... сердито замѣтилъ Александръ Никитичъ. Кто его отдѣлялъ-то?... Кто съ нимъ дѣлился-то?... развѣ не самъ не захотѣлъ съ отцомъ жить?... Гнали его что ли?...

— Нѣтъ не отъ отца онъ ушолъ и я ушла не отъ тебя, а вотъ отъ кого... Наталья Никитишна указала на Ивана.

— Не приходится старшему брату за меньшаго спину гнуть

да во всемъ ему потрафлять... На тебя-то бы одного онъ угодилъ...

— Полно ты мнѣ... Знаю я васъ... Захотѣлось богатыми быть... Думали: своимъ то домомъ заживете, да по господамъ милостыню сбирать будете, и съ отцомъ старикомъ дѣлиться не станете, такъ гадали разбогатѣть... Нѣтъ, кабы у меня деньги были, вы бы не ушли, небось, отдѣляться бы не вздумали... Вотъ дядя пріѣхалъ... Вотъ напередъ знаю: коли увидите, что есть деньги — станете ухаживать, кланяться, да къ себѣ зазывать, а коли разберете, что отъ него корысти нѣтъ, а еще его же кормить надо, такъ и знать его не захотите... Не такъ, что ли?... Ну-ка ты мнѣ скажи отгадку: вотъ я загадалъ... Покажи-ка себя каковы вы есть...

— Я свое сердце знаю: мнѣ для роднаго своей крови не жалко, а не то что, что... Мы и для чужаго куска-то не жалѣемъ, а не то-что для своей родной крови... Только было бы у насъ...

— Да я знаю, что у васъ какъ себѣ, такъ все есть, а не себѣ, такъ и нѣтъ ничего... Это мнѣ дѣло знакомое... И я, бывало, захаживалъ къ вамъ съ нуждой-то своей, такъ съ пустыми руками уходилъ... Я... отецъ, а не то-что дядя...

— У самихъ нѣтъ, такъ негдѣ взять...

— Нѣтъ у васъ!.. Нѣтъ вы, я думаю, изъ всѣхъ господскихъ кармановъ удите... Остался ли хоть одинъ господскій дворъ, на которомъ бы милостыни-то вамъ не подавали?.. Да вотъ погоди, увидимъ... а я напередъ говорю, коли увидите, что у брата есть деньги, посмотрите какъ станете увиваться да лебезить около него... А нѣтъ, такъ хоть бы его и на свѣтѣ не было...

— Полно, полно, грѣховодникъ...

— Эхъ, да хоть ужь сиди, да не говори со мной: не доводи до грѣха... Ему спокой надо дать... А либо шла бы ужь домой: пока сонный-то, ничего не получишь, не выпросишь...

— Господи, экой языкъ эхидный... Кабы не родное было, неужто бы я стала сидѣть... Богъ инъ съ тобой, я уйду... коли ужь ты этимъ меня попрекаешь... Видно, забылъ и ты мою старую службу... Мало я на тебя работала... Господь тебя суди...

— Прослезившись Наталья Никитишна вышла изъ избы брата. Жена Ивана тотчасъ же развязала тощій узелокъ

съ имуществомъ дяди. Въ узлѣ оказалось двѣ ситцевыхъ поношенныхъ рубашки, да старый, купленный, вѣроятно, нѣкогда у татарина и засаленный до послѣдней возможности, халатъ... больше ничего. И Александръ Никитичъ и Иванъ, вслѣдъ за любопытной женщиной, взглянули на имущество гостя.

— Не много же добра-то привезъ... мелькнуло у всѣхъ у нихъ въ умѣ, но никто другъ другу ничего не сказалъ, только вопросительно всѣ переглянулись.

— Говоритъ жалованье изъ казначейства будетъ получать... сказалъ наконецъ Александръ Никитичъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія.

— Да велико ли? спросилъ Иванъ.

— Говоритъ, велико...

— А какъ онъ да все-то вотъ этакъ будетъ... замѣтила жена Ивана.

Александръ Никитичъ ничего не отвѣтилъ и только посмотрѣлъ на спящаго брата.

— Наталья Никитишна нѣсколько разъ приходила навѣдываться не проснулся ли братецъ, но онъ почивалъ до самаго вечера. Между тѣмъ Иванъ, отправившійся, по обыкновенію, въ Стройки погулять ради праздничнаго дня, нахвасталъ, что къ нимъ пріѣхалъ дяденька офицеръ, въ большихъ чинахъ и жалованье изъ казначейства получаетъ.

Харлампій Никитичъ проснулся уже вечеромъ, потребовалъ квасу, потомъ захотѣлъ ѣсть. Наталья Никитишна стала угощать его чаемъ. Начались разговоры, распросы о прежнемъ житьѣ-бытьѣ. Гость былъ мраченъ и неразговорчивъ: жаловался на усталость и головную боль, держалъ тонъ высокомѣрный и повелительный. О прежней своей жизни объяснилъ, что онъ прошолъ огонь и воду и выстрадалъ всякую муку: 12 лѣтъ былъ юнкеромъ по причинѣ непредставленія документовъ о дворянскомъ происхожденіи, потомъ, вскорѣ послѣ производства, по благородству своихъ чувствъ побилъ товарища офицера, за что былъ разжаловалъ въ солдаты и посланъ на Кавказъ, гдѣ опять выслужился, но сталъ очень тосковать... Начальство нелюбило его за справедливость и строгій нравъ, и онъ рѣшился выйти въ отставку и ѣхать домой...

— Что же это, братецъ, не писалъ то намъ ничего?... спросила Наталья Никитишна.

— Что же вамъ было писать?.. Прежде писалъ къ брату... и денегъ просилъ... Много ли присылали!..

— Видишь, братецъ, наши достатки... Съ чего было мнѣ посылать... Только что самъ то кое-какъ тащился... съ голоду не помиралъ... Тоже ребятишекъ ростилъ...

— Что же, развѣ моей-то частью не пользовался?... Вѣдь, надо думать, мы половинники съ тобой... Али нѣтъ?...

— А вотъ, братецъ, посмотри: много ли мы прибытковъ-то получаемъ... Вотъ поживешь — все увидишь... Да еще наши труды насъ кормятъ... А коли бы всю то нашу землю въ кортому отдать, въ чужія руки, такъ двадцати рублей напросишься... А я тоже, вѣдь, на первыхъ то порахъ посылалъ тебѣ...

— Посылали, посылали... И я посылала... подтвердила Наталья Никитишна.

— Посылали вы... родственники дражающіе... Пересылали ли въ годъ по пяти рублей?... Такъ вѣдь, на это собаку не прокормишь... Да ужь вы сомной объ этомъ не разговаривать... Много я всего перетерпѣлъ... Теперь отдохнуть хочу... Самъ своей головой до своего ранга дошолъ... Ну, не хочу стараго поминать... только теперь слѣдуетъ беречь меня и изъ моей команды не выходить... А то всю подноготную разшевелю... За всѣхъ за васъ я одинъ служилъ... Теперь пріѣхалъ къ вамъ на отдыхъ... Должны чувствовать... Такъ то братецъ—сестрица... Пошлите-ка за водкой... Что-то голова трещитъ и къ сердцу подступаетъ... Со мной, вѣдь, тоска. Вотъ уже лѣтъ восемь... Это меня армянка изъ ревности испортила... Ну да и много на службѣ пострадалъ... опять же раненъ... И съ домомъ своимъ въ разлукѣ жилъ... Теперь не могу безъ этого жить... Мнѣ теперь много не нужно, а косушку требуется... Да вы не бойтесь. Что переглядываетесь? .. Не все буду на ваши пить... Теперь въ дорогѣ издержался... деньги всѣ вышли... А вотъ изъ казначенства пенсіонъ получу, на свои стану пить... Али ужь и жалко стало?..

— Полно, братецъ, что ты... Сколько тебѣ угодно...

— То-то... У меня первое, чтобы повиновеніе было... Потому я заслужилъ своей кровью, самъ собой, одинъ... И характеръ въ себѣ имѣю свирѣпый, если кто какое препятствіе... Меня и начальство опасалось...

— Иванъ, бѣгавшій за водкой, возвратился съ пустыми руками и въ нерѣшимости переминался на одномъ мѣстѣ.

— Что же ты? Подавай... сказалъ Харлампій Никитичъ.

— Да не знаю какъ при васъ молвить то дяденька, чтобы не огнѣвались...

— Ну, говори...

— Да безъ денегъ-то, пожалуй, не дадутъ... А денегъ-то нѣтъ у насъ...

— Ты можешь мнѣ это говорить?... Къ тебѣ дядя въ гости пріѣхалъ, а ты не можешь для него на гривенникъ водки купить... Да ты бы рубашку съ себя снялъ да заложилъ... Ты знаешь кто у тебя, дядя?... Постой, погоди... На вотъ, есть... Харлампій Никитичъ вынулъ 30 копѣекъ, оставшіяся изъ принесенныхъ Натальей Никитишной, и нащупанныя имъ въ карманѣ.

— Поди, купи на всѣ... Да впередъ мнѣ несмѣть противорѣчить... Чтобы всегда было, когда спрошу... У меня такой нравъ... Получу пенсіонъ — расплачусь... А чтобы у меня всегда было... Я безъ этого жить не могу... Потому тоскую и привычку получилъ... Дорогой деньги вышли... а выпить требуется... Да я сапоги съ себя сниму, а себѣ удовлетвореніе сдѣлаю... А вы мнѣ стали препятствовать... Вы мужики, выходитъ... родственныхъ чувствъ не имѣете. Видите человѣка... Заслужилъ себѣ чинъ... Должны уважать... А еще моимъ жили сколько лѣтъ...

— Братецъ, да ты не безпокойся... Все будетъ по твоему приказу.

— Такъ, что же мнѣ много, что ли нужно... косушку-то?... Олухи...

— А вотъ что, братецъ, я тебя хотѣла спросить, вмѣшалась Наталья Никитишна, желая отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей. Давеча ты започивалъ... спросить-то тебя нельзя было... все ли имѣніе-то твое ямщикъ-то принесъ: всего одинъ узелокъ...

— Много было... да дорогой меня обокрали...

— Обокрали?... Какимъ же это манеромъ?...

— Такъ... И самъ не знаю... Вынули, значитъ... Украли, да и шабашъ...

— Ахъ ты, Боже мой... А много было?

— Мало ли было... Всѣмъ было вамъ гостинцы везъ... Да платья двѣ пары... Бѣлье разное... Много всего...

— И все украли?...

— Чисто...

— Вотъ Божеское-то насланіе...

— Что ты станешь дѣлать... Вотъ теперь новое платье еще надо шить... Наталья Никитишна искренно ему повѣрила и горевала.

Но Иванъ принесъ водки. Харлампій Никитичъ выпилъ и повеселѣлъ. Головная боль и раздраженное состояніе духа его прошли. Онъ нѣсколько времени разсказывалъ роднымъ о своихъ похожденіяхъ, и всѣ слушали его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, несмотря на то, что этотъ разсказъ былъ, и несвязенъ, и безтолковъ, и полонъ противорѣчій. Харлампій Никитичъ много нахвасталъ про себя, но ему вѣрили безпрекословно. И вся семья разошлась на этотъ разъ успокоенная и довольная, что Богъ возвратилъ ей такого заслуженнаго и почтеннаго родственника, который будетъ для нея и честью и поддержкой. На этотъ разъ изгладилось изъ души всѣхъ и первое непріятное впечатлѣніе отъ пьянства гостя: надѣялись, что, вѣдь, не каждый же день это будетъ. А съ дороги, и съ усталости, и съ прежняго горя, и съ радости, что воротился восвояси, могъ человѣкъ и закутить... А проспится—и пройдетъ...

На слѣдующіе за тѣмъ дни Харлампій Никитичъ уже объяснилъ себя окончательно.

— Харлампій Никитичъ былъ, что называется горькій. Онъ давно уже страдалъ этимъ недугомъ, и за него долженъ былъ разстаться со службой. Безрадостная, безпріютная, одинокая жизнь, безъ родственныхъ связей, безъ всякихъ нравственныхъ интересовъ, помогла развиться и укорениться въ немъ этой болѣзни. Врожденные, дикіе инстинкты природы его, ничѣмъ не останавливаемые, поддерживали въ немъ эту страсть: Харлампій Никитичъ не могъ уже существовать безъ водки. Мрачный отъ природы характеръ, при не возможности удовлетворить этой потребности, доводилъ его до крайней злобы, почти до бѣшенства. Весь остатокъ мыслительной способности его былъ направленъ на средства добыванія этого необходимаго для его жизни продукта. По выходѣ въ отставку, онъ шлялся нѣсколько времени по своимъ бывшимъ товарищамъ и знакомымъ, но мало по малу и тѣ стали отварачиваться отъ него. Харлампій Никитичъ вспомнилъ о домѣ, о родныхъ, и рѣшился возвратиться къ нимъ. Наполовину пѣшкомъ, наполовину съ возовиками совершилъ онъ свой дальній путь, истратилъ въ дорогѣ весь свой маленькій запасъ денькжонокъ, вещь за вещью продалъ и заложилъ все свое платье, но за тридцать верстъ передъ домомъ напялъ

пару лошадей, чтобы явиться на свою родную сторону приличнымъ образомъ, достойнымъ заслуженнаго поручика Осташкова, и не уронить себя съ разу въ глазахъ родныхъ и сосѣдей.

Пріѣздъ его совершенно нарушилъ порядокъ обычной жизни обитателей Охлопковъ. На другой же день Харлампій Никитичъ, опохмѣлившись сначала у брата, отправился въ гости къ сестрѣ. Александръ Никитичъ и Иванъ не пошли съ нимъ, и напомнили ему при этомъ о своей семейной враждѣ, жаловались на Никанора, разсказывали объ его жадности къ деньгамъ, о непочтеніи къ родителю, о намѣреніи отнять насильно всю землю. Обвиняя Никешу, главной виновницей и подбивательницей во всемъ этомъ, указывали Прасковью Ѳедоровну. Харлампій Никитичъ все это принялъ къ свѣденію и пошелъ въ гости къ сестрѣ, сильно предубѣжденный противъ Никеши и Прасковьи Ѳедоровны.

Наталья Никитишна, не смотря на рабочую пору, ради дорогаго гостя осталась дома и не пошла на работу. Все, что только было у нея въ домѣ, все, что только можно было достать на ея скудныя средства, все было приготовлено для угощенія братца. Самоваръ кипѣлъ на столѣ, среди твердыхъ какъ камень заварныхъ кренделей и красныхъ медовыхъ пряниковъ; въ печкѣ пылалъ огонь и жарилась курица, опара для блиновъ и яица для яичницы были на-готовѣ. Разумѣется не была забыта и ѳодка: Наталья Никитишна уже догадывалась, что безъ этого снадобья никакое угощеніе не было бы по мысли дорогому гостю.

Прасковья Ѳедоровна сохраняла по обычаю свой спокойный и важный видъ, но въ душѣ была не спокойна: соображая все то, что разсказывала дочь и Наталья Никитишна, она предчувствовала, что гостя, конечно, вооружили противъ нея и не ждала ничего пріятнаго отъ его посѣщенія, да и вообще отъ самаго его пріѣзда. Катерина уже чувствовала къ нему нѣкоторый страхъ и хотѣла было уклониться отъ новаго свиданія съ дядей подъ предлогомъ полевой работы; но тетка отсовѣтовала ей уходить, полагая, что дяденька обидится и разсердится еще больше, зато, что сама хозяйка не хотѣла его встрѣтить.

Наталья Никитишна, вся была поглощена стряпней и заботой угодить братцу, котораго столько лѣтъ не видала и въ живыхъ не чаяла. Впрочемъ она часто отрывалась отъ печки, чтобы взглянуть нейдетъ ли гость. Наконецъ Харлампій Никитичъ показался на улицѣ, и шолъ къ нимъ. Онъ еще не былъ пьянъ, и шолъ твердой поступью, забывши, что наканунѣ раз-

сказывалъ о своихъ ранахъ. Наталья Никитишна и Катерина засуетились и бросились на крыльцо встрѣчать гостя. Прасковья Ѳедоровна сдѣлала было тоже движеніе идти къ нему на встрѣчу, но удержалась и осталась въ избѣ, впрочемъ пересѣла на другое мѣсто, подальше отъ стола, поближе къ печкѣ. Харлампій Никитичъ вошелъ сумрачный, неласковый; Наталья Никитишна слѣдовала за нимъ, обливаясь радостными слогами.

— Ахъ гость дорогой, ахъ родный ты мой... Ну-ка, думала ли я, что доживу до этакой радости... приговаривала она, идя за нимъ.—Садись-ка, садись, батюшка ты нашъ, свѣтлое мое солнышко... Милости прошу... Посмотри-ка на наше житье-бытье.

Прасковья Ѳедоровна встала и молча поклонилась.

— А это кто? спросилъ Харлампій Никитичъ, садясь за столъ и указывая на Прасковью Ѳедоровну.

— Ахъ, батюшка... Это моя свахонька, Никешина тещенька, вотъ Катерины Ивановны маменька.

— Прошу не оставить вашимъ пріятнымъ расположеніемъ... проговорила Прасковья Ѳедоровна, какъ-то чинно и сдержанно.

Харлампій Никитичъ ничего не отвѣчалъ.

— Она, можно сказать, нашему Никешинькѣ свѣтъ дала и въ люди его пустила, продолжала Наталья Никитишна. Вотъ почитай на однѣ ея деньги и избу выстроили и обзаведеніе все сдѣлали... Чѣмъ прикажешь тебя, золотой, просить-то сначала: чайкомъ что ли, али водочки выкушаешь...

— Водки подай... Что-то такъ... все съ дороги-то... не хорошо...

— То-то, мой родной... Пожалуй-ка, выкушай... Вотъ такой грѣхъ Никанора-то Александрыча нѣтъ, да и не знаемъ гдѣ взять... Хозяина-то нѣтъ, а кабы онъ былъ все бы ужь лучше... Что мы дуры-бабы безъ него знаемъ... Онъ бы ужь лучше зналъ какъ тебя угостить... Тоже вѣкъ свой между господами живетъ. И какъ его любятъ господа... какъ почитаютъ!.. Ужасно какъ всѣ имъ довольны остаются, угодить что ли онъ умѣетъ... Всѣ на-перебой другъ противъ друга... Такъ и зовутъ, такъ и зазываютъ... Дома-то не дадутъ посидѣть... Катюша тамъ яичницу-то... да блинковъ-то пеки, а я вотъ чаю-то налью... Да не угодно ли еще водочки-то?.. Я подамъ... Сколько угодно... Кушай...

— Да ты поставь ее сюда... Какъ мнѣ фантазія придетъ, я и выпью..

— Сейчасъ, родной... сейчасъ... Не знаю, вѣдь, я... Не обычна этому... Пожалуй-ка на доброе здоровье... кушай... Да потрудилась бы ты Прасковья Өедоровна, разлила бы чай-то... ты къ этому сручнѣе... А я бы Катюшѣ-то помогла около печки-то... Горяченькихъ-то ему поскорѣе закусить, моему родному.

— Извольте... Отчего же... опять тѣмъ же чопорнымъ тономъ проговорила Прасковья Өедоровна, подсаживаясь къ самовару.

— Вы, видно, лучше брата-то... Александра живете? замѣтилъ Харлампій Никитичъ. У того самовара-то нѣтъ...

— Слава Богу живемъ... Жили и еще лучше, да вотъ только дѣтки-то насъ сминать стали... Ну, да благодаря Бога, да господамъ, двоихъ теперь пристроилъ Никаноръ-то Александрычъ къ мѣстамъ: одну барыня богатая въ дочки взяла, а другаго въ ученье отдалъ... Да ужь и самъ надумалъ въ науку идти... Сказывала я тебѣ вчера... Выучусь, говоритъ, на службу поступлю... Это ему господа все, благодѣтели, дѣлаютъ. Пожалуй-ка горяченкихъ-то блинковъ... съ яишенкой-то...

— Нѣтъ, у нихъ лучше!.. думалъ про себя Харлампій Никитичъ выпивая пятую рюмку и закуривая. Хотѣлъ всѣхъ съ разу огрѣть, да, видно, погодить... Угождаютъ...

— Коли самому хорошо, надо бы и отцу-то помогать, не оставаясь его въ старости, сказалъ онъ вслухъ.—Зачѣмъ онъ почтенія не оказываетъ... Я этого не люблю... Въ службѣ онъ не бывалъ... Не знаетъ...

— Ахъ, братецъ, и не грѣши: не слушай ихъ... Вотъ ты увидишь: онъ всегда съ полнымъ почтеніемъ къ родителю... А ужь отъ него, такъ онъ обиженъ... И обида вся выходитъ отъ брата Александра—черезъ Ивана... Онъ все подбиваетъ отца противъ нашего-то... Вѣдь, вотъ теперь и въ глаза, и за глаза скажу: вѣдь, первые-то годы Никеша-то жилъ одной Прасковьей Өедоровной... вѣдь, отецъ-отъ ничѣмъ ничего не далъ... Всѣмъ на ея кочтъ заводились... Опять же въ землѣ какую прижимку сдѣлали... Мы, вѣдь, пятой частью супротивъ ихняго-то не владѣемъ... А земля въ пустѣ лежитъ, либо Ванюшка-то на сторону отдаетъ, да деньги-то прогуливаетъ отъ отца потихоньку,

Вотъ, вѣдь, какъ... А мы въ обидѣ... своимъ добромъ не пользуемся...

— А я пользовался двадцать-то пять лѣтъ?... Много отъ васъ получалъ?.. И забыли, что братъ есть... прикрикнулъ Харлампій Никитичъ.—Вотъ я посмотрю, какое онъ мнѣ почтеніе-то будетъ оказывать... Коли Никаноръ въ обидѣ, я долженъ его наградить... если станетъ меня почитать и слушаться... А не будетъ почтенія оказывать... станетъ отбиваться: у меня берегись... Я не посмотрю, что къ господамъ ѣздитъ... Я самъ поѣду... Я люблю: у меня подтянись и стой... жди приказу... Приказъ получилъ... на лѣво кругомъ, маршъ... Справляй свое дѣло. Первое дѣло: знай дисциплину... Слушай команду... Будь справедливъ... Чести своей не роняй... Вотъ и будетъ офицеръ... Ты, баушка, это слыхала, али не знаешь? обратился онъ къ Прасковье Өедоровнѣ.

— Попало тебѣ въ лобъ-то... Солдафонъ ты я вижу не образованный... мелькнуло въ головѣ Прасковьи Өедоровны.

— Конечно я въ военной службѣ не была, отвѣчала она степенно; но понять васъ могу, потому выросла промежду господъ и на господахъ. Слыхала и военные разговоры, какъ въ военной службѣ служатъ...

— То-то... Смотри... значитъ, должна внушать... Я не люблю... Къ старшимъ и къ начальству, будь почтителенъ, родителей уважай...

— Я не знаю къ чему вы это говорите. А если на-счетъ Никанора Александрыча, такъ конечно, онъ теперь самъ въ возрастъ вошолъ и по своимъ знакомствамъ съ господами можетъ и самъ свои понятія имѣть; но только я вамъ скажу: я ему всегда старалась внушать, что онъ долженъ наипаче всего на свѣтѣ своихъ родителей почитать... Хотя я старуха не ученая и не граматная, но однако же довольно на своемъ вѣку жила и видала, что непочтеніе къ родителямъ, а также и къ старшимъ себя, ни до чего добраго довести не можетъ... Это я не только Никонору Александрычу, какъ моя дочь за нимъ въ замужествѣ, но даже и всякому готова сказать... потому съ опыта говорю...

— Погоди... много не говори... Я не люблю... ты меня слушай... что я скажу... Наталья, дай еще водки... Живо... Теперь я пріѣхалъ... значитъ заслуженный человѣкъ... поручикъ... Онъ, Никешка, меня долженъ уважать.... Я могу его наградить... Если онъ отъ отца обиженъ, я могу приказъ отдать...

я ему дядя, поручикъ Осташковъ... Онъ долженъ чувствовать... Я могу въ должность теперь... въ исправники... потому я раненъ... слабъ здоровьемъ... опредѣленіе могу получить... И васъ всѣхъ облагодѣтельствую... Доходы большіе у исправника... Куплю деревню... Могу!.. Ну и награжденіе выдамъ... Наталья... это курица?..

— Курица, батюшка, курица... Покушай-ка на доброе здоровье.

— Наталья... поди сюда... Я теперь заслуженный человѣкъ... Имѣю чины, медали... Уважаешь ты меня?..

— Ахъ, родной ты мой, да какъ же намъ всѣмъ тебя не уважать... Ты у насъ одинъ...

— Ну, хорошо... ступай... А ты уважаешь?..

Харлампій Николаичъ устремилъ свои воспаленные глаза на Катерину.

— Уважаю, дяденька... Какъ же можно...

— Ну, хорошо... А ты, баушка, уважаешь?..

— Какую же я имѣю возможность не уважать васъ? Первое, что вы...

— Ну, хорошо... молчать... Никешка долженъ уважать... Теперь я значительный человѣкъ... я раненъ... поручикъ Осташковъ... Вы меня уважаете... Братъ васъ обижаетъ... Я васъ хочу наградить... Я у васъ останусь... Къ брату я не пойду... съ вами буду жить. Онъ и меня обижалъ... не присылалъ денегъ... Я у васъ останусь... Ну, кладите меня спать...

Наталья Никитишна спѣшила уложить братца—и онъ тотчасъ же захрапѣлъ. Сбившись въ уголокъ женщины въ тихомолку разсуждали о намѣреніи гостя остаться у нить на житье. Наталья Никитишна выражала поэтому случаю совершенное удовольствіе, Катерина не знала радоваться ей, или огорчаться и вопросительно поглядывала на мать, а Прасковья Ѳедоровна разсуждала такимъ образомъ:

— Коли Харлампій Никитичъ при своемъ чинѣ, да будетъ содержать себя поумѣреннѣе, пойдетъ въ дворянскую компанію и получитъ должность—ну, такъ само собой, счастливъ Никаноръ Александрычъ... лестно ему будетъ и передъ господами, знакомыми на этакого дядю показать... Черезъ него и Никанору Александрычу въ господахъ пріемъ совсѣмъ другой будетъ.... А, коли, да избави Богъ и не къ осужденію будь сказано, Харлампія Никитича, коли онъ, да все этакъ будетъ зашибаться

хмѣлемъ, ну такъ, мать моя, родости вамъ будетъ не много... Вотъ помяните мое слово...

— Полно, Федоровна, вѣдь, это такъ чай, только съ дороги, да съ радости, что на свою родную землю ступилъ... Неужто ужь такъ таки и станетъ каженный день курить... возражала Наталья Никитишна. Вѣдь, тоже, онъ въ службѣ былъ, до большихъ чиновъ дошолъ, а этакого бы и въ службѣ держать не стали: давно бы выгнали...

— Ну, не знаю... А бываетъ, мать моя, всяко бываетъ... Извѣстно, дай Богъ, дай Богъ...

XI.

Проспавшись Харлампій Никитичъ не измѣнилъ своего намѣренія поселиться у Никанора; но, не желая обидѣть брата, сказалъ ему, что онъ будетъ жить въ обоихъ семьяхъ, чтобы никому не было завидно, и обѣщалъ Никешку покорить отцу. Александръ Никитичъ сначала было оскорбился тѣмъ, что братъ приравнялъ его къ сыну, который у него находится подъ гнѣвомъ, и къ бабамъ, съ которыми онъ ссорился, но, не зная еще матеріальныхъ средствъ брата, сомнѣвался—не слѣдуетъ ли ему радоваться, что онъ надумалъ избавить его отъ себя. Одного только боялся старикъ, какъ бы пріѣжій братъ не потребовалъ формальнаго раздѣла земли; но предполагалъ навѣрно, что семья Никеши имѣетъ эту цѣль, будетъ ухаживать за гостемъ и подбивать его на это. Семейная вражда вслѣдствіе этого обстоятельства готова была рагорѣться еще сильнѣе; но Александръ Никитичъ затаилъ до времени свой гнѣвъ.

Семья Никеши съ перваго же дня почувствовала всю тяжесть сожительства съ Харлампіемъ Никитичемъ. Въ теченіе недѣли онъ загонялъ бѣдныхъ женщинъ до того, что они не знали что имъ дѣлать, и стали въ совершенный тупикъ. Онъ то и дѣло требовалъ вина и напивался каждый день по нѣскольку разъ. Когда онѣ осмѣлились было заикнуться, что у нихъ нѣтъ денегъ на віно, Харлампій Никитичъ поднялъ такой шумъ, такъ ругался и бурлилъ, что Наталья Никитишна въ попыхахъ сама побѣжала въ Стройки занять денегъ, и купить водки, чтобы только унять грознаго братца. Съ Прасковьей Ѳедоровной Харлампія Никитича не взяли лады: ему не понравилась ея степенность и разсудительность; онъ безпрестанно придирался къ ней, не смотря на то, что она старалась от-

дѣлаться молчаніемъ: безпрестанно попрекралъ ее, что она холопка и испортила своей кровью фамилію Осташковыхъ. Гордая старуха оскорблялась и нѣсколько разъ собиралась уйти къ себѣ домой, но слезныя просьбы напуганной дочери ее останавливали.

Въ пищѣ Харлампій Никитичъ тоже прихотничалъ и каждый день требовалъ мяса, хотя семья Никеши, особенно въ его отсутствіе, считала для себя это кушанье непозволительной роскошью и довольствовалась молочной пищей. Маленькихъ дѣтей, Харлампій Никитичъ напугалъ до того, что они боялись при немъ войти въ избу и убѣгали прочь отъ него съ визгомъ и крикомъ, что очень забавляло пьянаго дикаря. Только и отдыхала семья въ тѣ минуты, когда гость уходилъ къ брату. Тамъ онъ очень подружился съ Иваномъ, который, воспользовавшись наклонностями дяди и самъ отчасти имѣя такія же, доставалъ гдѣ-то денегъ и кутилъ съ нимъ потихоньку отъ отца. Иванъ познакомилъ дядю съ нѣкоторыми веселыми ребятами въ Стройкахъ и водилъ его туда. Эти походы давали иногда семьѣ Никеши временный отдыхъ; но какъ только гость возвращался, въ домѣ подымался дымъ коромысломъ. Ни Александръ Никитичъ, ни Иванъ теперь уже не звали къ себѣ Харлампія Никитича и даже внутренно радовались, что онъ освободилъ ихъ отъ своего постояннаго пребыванія. Но Иванъ не забывалъ вооружать пьянаго дядю противъ Никанора и всей его семьи, и Харлампій Никитичъ, возвращаясь домой, иногда свирѣпствовалъ, несмотря на всѣ угожденія.

Никогда еще отсутствіе хозяина не чувствовалось такъ въ семьѣ Никеши, какъ въ эти тревожные дни: и въ полѣ-то все стало, и денегъ-то нѣтъ, и расходы не по силамъ, и надо всѣмъ этимъ точно бичь, посланный съ неба—дорогой гость, не жданный, не прошенный. Часто, собравшись въ кучку, въ слезахъ, разсуждали бѣдныя женщины, чтó имъ дѣлать и какъ бы отыскать Никанора Александрыча, чтобы повѣстить его о томъ, что дѣлается въ домѣ. Прасковья Ѳедоровна хотѣла было ѣхать къ Палёнову, чтобы отъ него узнать о Никешѣ. Харлампій Никитичъ, какъ нарочно объявилъ, что завтра или послѣзавтра онъ поѣдетъ въ городъ за жалованьемъ на ихней лошади вмѣстѣ съ Иваномъ—и лошадь не смѣли тронуть, хотя Харлампій Никитичъ и завтра и послѣзавтра только сбирался, но не ѣхалъ. Рѣшились командировать Катерину къ Палёнову пѣшкомъ, чтобы отыскать мужа, какъ вдругъ онъ явился самъ, совершенно неожиданно.

Никогда возвращеніе Никеши не приносило въ домъ его такой радости, какъ въ этотъ разъ, между тѣмъ какъ самъ онъ тоже въ первый разъ возвращался домой такой смиренный, такой сконфуженный, съ такимъ сознаніемъ своего ничтожества, съ такимъ разочарованіемъ во всѣхъ надеждахъ. Харлампій Никитичъ еще спалъ, когда Никеша робко и нерѣшительно подходилъ къ своему дому, не зная какъ объяснить домашнимъ, не роняя своего достоинства, причину бѣгства отъ Карѣева и преждевременнаго возвращенія домой. Его замѣтили въ окно и всѣ бросились изъ избы къ нему на встрѣчу. Катерина почти съ воемъ повисла у него на шеѣ, у старухъ лица были вытянутыя, печальныя, а Наталья Никитишна смотрѣла даже какъ будто была виновата въ какомъ преступленіи: она внутренно обвиняла себя въ томъ, что пригласила брата въ домъ племянника и тѣмъ внесла къ нему раззоренье. Никеша остолбенѣлъ отъ удивленія, смотря на все это непонятное для него смущеніе, и горе, и радость отъ его возвращенія.

— Да что у васъ подѣлалось? спросилъ онъ наконецъ съ испугомъ. Все ли въ домѣ здорово?

Женщины смотрѣли другъ на друга, не зная какъ ему отвѣтить.

— Да что такое?.. Пойдемте же въ домъ-отъ...

— Нѣтъ, родной, не ходи, сказала Катерина.

— Да что же такое?.. Скажете ли вы мнѣ...

— Дяденька твой пріѣхалъ... отвѣтила наконецъ Прасковья Ѳедоровна.

— Какой дяденька?

Тутъ ужь всѣ женщины заговорили въ одинъ голосъ, разсказывая каждая по своему и на перебой одна передъ другой такъ, что Никеша съ трудомъ наконецъ могъ понять въ чемъ дѣло.

— Вотъ напугали-то... совсѣмъ было съ ума свели... Думалъ и невѣсть что, сказалъ онъ. Такъ что́ что онъ дяденька: развѣ онъ долженъ буянить и даромъ опивать да объѣдать меня? Коли хочетъ по хорошему, такъ пожалуй живи... А то, вѣдь, можно и по шеямъ... Что мнѣ, что онъ офицеръ... Я самъ про себя живу, не про кого...

Никеша былъ отчасти радъ этому неожиданному обстоятельству, устранявшему необходимость объяснять семьѣ причину своего возвращенія и доставлявшему возможность показать сво-

имъ семейнымъ, что онъ хозяинъ ихъ и глава, безъ котораго они ничего не могли сдѣлать.

— У меня нѣтъ про него денегъ на водку... Коли хочешь—покупай на свои... А станетъ бурлить, я его уйму по своему...

— Полно, Никоноръ Александрычъ, да ты съ нимъ не связывайся... Онъ убьетъ... говорила Катерина. Ты посмотри-ка на него, какой онъ... Страхъ ужасть смотрѣть... Того и смотри, что зашибетъ...

— Ну еще кто кого... Я и караулъ закричу, храбрился Никеша.

— А по моему, Никаноръ Александрычъ, тебѣ съ дядей въ ссору вступать безъ нужды не годится, замѣтила разсудительно Прасковья Ѳедоровна: потому онъ тебѣ дядя, и офицеръ, человѣкъ старый и заслуженный... Можетъ, онъ видѣлъ, что мы женщины, такъ насъ и понималъ, что мы бабьей породы, и куралесилъ надъ нами: что, молъ, на нихъ смотрѣть, что онѣ могутъ сдѣлать?.. Ну, да мы бабы, бабы и есть... А ты мущина, можетъ тебя и посовѣстится... и послушаетъ... Ты съ нимъ въ ссору не входи, а со всѣмъ своимъ почтеніемъ разскажи ему, что ты человѣкъ бѣдный, ничего не имѣешь и самъ живешь милостями благодѣтелей, что тебѣ взять не изъ чего... Что-молъ я, дяденька, очень вамъ радъ, только что же, молъ, мнѣ дѣлать, коли нѣтъ у меня достатковъ... Радъ бы радостью вамъ всякое угощеніе сдѣлать, да вѣдь, молъ, не въ раззоренье же мнѣ идти со всей семьей... Такъ ты все добромъ, да лаской съ нимъ поговори. Ну, а коли и тебя не послушаетъ, станетъ буянить... Опять же ты вѣжливымъ манеромъ скажи ему, что-молъ, дяденька, я самъ не безъ защиты живу, что, дескать, меня всѣ здѣшніе господа любятъ и жалуютъ, и въ обиду не дадутъ. Вотъ мое какое мнѣніе... А тамъ какъ знаешь... А я бы такъ велѣла...

Всѣ согласились съ этимъ мудрымъ совѣтомъ и пошли въ избу.

На вопросъ, сдѣланный мимоходомъ: отчего Никаноръ Александрычъ такъ скоро и неожиданно воротился, онъ отвѣчалъ, что стосковался о домѣ и пришелъ понавѣдать. Этимъ отвѣтомъ не только удовольствовались, но и остались очень довольны.

Скоро проснулся и Харлампій Никитичъ, спавшій въ холодной свѣтелкѣ. Съ шумомъ вошолъ онъ въ избу, мрачный и свирѣпый съ похмѣлья.

— Водки!.. вскричалъ онъ, садясь на лавку.

— Здравствуйте, дяденька... проговорилъ Никеша, не совсѣмъ смѣло подходя къ грозному дядѣ.

— Кто ты такой? спросилъ Харлампій Никитичъ... Никешка что ли?

— Точно такъ-съ... Я вашъ племянникъ... Никаноръ Осташковъ... Здравствуйте, дяденька...

Никеша потянулся было, чтобы поцѣловаться.

— Ну, здорово... Погоди... Водки подай... голова болитъ...

Харлампій Никитичъ отстранилъ Никешу отъ поцѣлуя...

— Есть ли, тетенька водка-то?.. Подайте, когда есть...

Женщины засуетились и поставили на столъ остатки отъ вчерашней покупки. Харлампій Никитичъ тотчасъ выпилъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ онъ Никешу.

— Да тутъ, у знакомыхъ господъ...

— Меня твои бабы плохо слушались... Не уважали... Я этого не люблю... У меня слушать команду...

— Я дяденька съ полнымъ удовольствіемъ... Что угодно... Стало бы только нашихъ достатковъ... чѣмъ богаты тѣмъ и рады... А въ чемъ наши недостатки—ужь не взыщите...

— Ну, то-то смотри... Я человѣкъ военный... Люблю повиновеніе... Ты тутъ противъ отца... Смотри у меня... Я потачки не дамъ... Я по военному поверну...

— Помилуйте, дяденька... Я, кажется...

— Ну, молчать... Давай еще водки...

— Есть ли водка-то? спросилъ Никеша, обращаясь къ домашнимъ.

— Водка-то вся вышла... робко и нерѣшительно отвѣчала Катерина.

— Нѣту водки, дяденька... Вся вышла...

— Ну, сбѣгать поскорѣе... Зачѣмъ довели, что вся вышла... Говорилъ чтобы не переводилась... приказывалъ... Живо сбѣгать... Ждать не люблю...

— Сейчасъ, дяденька, пошлю-съ... Только денегъ у меня въ умаленьи... Денегъ пожалуйте...

— Что ты мнѣ можешь говорить... заоралъ Харлампій Никитичъ. Съ кѣмъ ты говоришь... Дядя,.. поручикъ Осташковъ... могу облагодѣтельствать... Этакъ ты почитаешь?... Ахъ ты... ты не знаешь...

— Что же дѣлать, дяденька... Радъ бы радостью, да денегъ нѣтъ-съ... Взять негдѣ...

— Молчать... чтобы сейчасъ было... Живо...

— Да нѣтъ-съ, дяденька... ужь извините, пожалуйте... Не дадите денегъ, такъ видитъ Богъ не на что намъ купить... Сами съ копѣйки на копѣйку скачемъ...

— Какъ?.. Что?.. Ты мнѣ грубить... Я кто? Сейчасъ поди винись...

— Да извините, дяденька... Вся вина наша въ томъ, что бѣдность наша... А только взять денегъ негдѣ, коли сами не пожалуете...

— Да я тебя... уничтожу... въ бараній рогъ согну... Поди сюда сейчасъ... я тебя прибью... сейчасъ поди...

— Вся семья Никеши стояла ни жива, ни мертва, ожидая грозы великой, но Никеша захотѣлъ себя показать передъ ней: каковъ онъ есть.

— Ну, нѣтъ ужь, дяденька: просимъ извиненія... Отъ побоевъ-то мы ушли... Спину я вамъ подставлять не намѣренъ... Харлампій Никитичъ разсвирѣпѣлъ окончательно.

— Такъ ты такъ .. Ты и со мной этакъ... Погодижь я тебя выучу...

Вооружившись чубукомъ онъ поднялся на Никешу съ угрожающимъ жестомъ. Женщины заверещали въ одинъ голосъ.

— Да что жъ ты драться что ли вздумалъ... вступился за себя Никеша. Я самъ не поддамся, только тронь... Я караулъ закричу... Сдачи дамъ...

— Ты смѣешь... Противъ меня... Офицеръ... Поручикъ Осташковъ... дядя твой... кричалъ Харлампій Никитичъ, наступая съ поднятымъ чубукомъ.

— Не тронь... Говорять, сдачи дамъ... Что мнѣ за дѣло, что ты офицеръ... Какой ты дядя, что пріѣхалъ въ мой домъ да раззорить меня хочешь... возражалъ Никеша, отступая.

— Батюшки, родные, отстаньте... кричали женщины...

— Кормилецъ ты мой... уговаривала Наталья Никитишна брата, стараясь удержать его за руку...

— Прочь, вѣдьма... вскричалъ поручикъ, опуская чубукъ на сестру.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ буянишь... Никеша бросился на дядю и вырвалъ у него чубукъ.

— Такъ я тебѣ награжденія не дамъ... наслѣдства лишу... Съ земли сгоню... Тфу вамъ, ракалія... Погодижь... я вамъ удружу... кричалъ обезоруженный поручикъ, направляясь къ

двери. Хотѣлъ благодѣтелемъ быть.. По міру пущу. Съ земли сгоню...

— Харлампій Никитичъ хлопнулъ дверью, оставя все семейство въ страшномъ смущеніи и направился къ брату.

— Что теперь будетъ съ нами... Пропали мы... сказала Наталья Никитишна. Бѣжать развѣ за нимъ... Не уклоняю ли какъ...

— Не надо... Пущай дѣлаетъ, что хочетъ... возразилъ Никеша. Не драться же ему дать и самъ дѣлѣ... Тамъ увидимъ, что дѣлать...

— Чтой-то ужь и пропадать... замѣтила съ своей стороны Прасковья Ѳедоровна. Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ... пословица говорится.

— Ну, мать моя, какъ съ земли-то сгонятъ, такъ куда мы дѣнемся...

— Ну еще сгонитъ, либо нѣтъ... за Никанора-то Александрыча и благодѣтели вступятся... Не дадутъ въ обиду... Вотъ еще можетъ и самъ въ службу поступитъ...

Но Никеша вдругъ упалъ духомъ и задумался: онъ вспомнилъ о своемъ бѣгствѣ, о неудачѣ въ ученьи, боялся, что это обстоятельство сильно повредитъ ему во мнѣніи его благодѣтелей: и уже раскаявался, что поссорился съ дядей, нажилъ въ немъ новаго врага въ семьѣ и потерялъ, можетъ быть, будущую свою поддержку.

— Что теперь будетъ!... повторялъ онъ мысленно вслѣдъ за Натальей Никитишной.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Съ мучительной тоскою случайно и некстати разхрабрившейся трусости ожидалъ Никеша послѣдствій ссоры своей съ дядей!.. Не мало его также безпокоила мысль и о томъ: какъ онъ будетъ оправдываться предъ своими благодѣтелями, что не только не выучился грамотѣ, но даже и бѣжалъ тайкомъ отъ своего учителя, какъ глупый и лѣнивый мальчишка убѣгаетъ отъ мастера, къ которому его отдали въ ученье. Какъ шальной ходилъ Никеша, думая свою горькую думу, и работа не только не спорилась, но даже валилась изъ его рукъ. Вся семья его была не въ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ ходили какъ пришибенные, всѣ точно ждали какой-то бѣды. Прасковья Ѳедоровна пробовала было успокоивать зятя, облагонадеживая его защитой и покровительствомъ благодѣтелей, но Никеша, въ отвѣтъ на ея успокоительныя рѣчи, или молчалъ или бранился, такъ что наконецъ и разсудительная Прасковья Ѳедоровна задумалась и припечалилась. Наталья Никитишна пыталась было забѣгать къ грозному братцу, въ надеждѣ умилостивить его смиреніемъ, повинной головой и слезами, но Харлампій Никитичъ такъ пугнулъ и обругалъ ее, что бѣдная старуха послѣ того и встрѣтиться съ нимъ боялась.

Харлампій Никитичъ послѣ описанной перепалки въ Никешиной избѣ отправился прямо къ брату—грозный, гнѣвный, съ проклятіями и угрозами. Онъ разсказалъ тамъ, что приколотилъ непослушнаго Никешку за непочтеніе, и что не только жить у него, но и видѣть его не хочетъ, что поселяется у брата, и все свое добро предоставляетъ Ивану. Александръ Никитичъ молчалъ, слушая брата; онъ уже успѣлъ составить о немъ несовсѣмъ выгодное мнѣніе и не ожидалъ большой радости отъ его сожительства; за то Иванъ торжествовалъ, сплетничалъ на брата и старался раздуть негодованіе дяди. Скоро они очень подружились другъ съ другомъ. Харлампій Никитичъ понялъ, что Иванъ готовъ быть его покорнымъ слугой, а Иванъ сообразилъ, что съ дядей ему будетъ гораздо веселѣе и привольнѣе жить. Ссылаясь на Харлампія Никитича, онъ то и дѣло оставлялъ работу. Онъ служилъ у дяди на посылкахъ, добывалъ для него водки, и нерѣдко напивался вмѣстѣ съ нимъ. На покупку вина, въ видахъ полученія дядею пенсіона, онъ занялъ у стройковскихъ мужиковъ денегъ. Часто между пьяными дядей и племянникомъ происходили такіе разговоры:

— Ванюшка, а Ванюшка...

— Чего, дяденька?

— Надо Никешку отдуть...

— Надо, дяденька...

— Я его отдую, шельму... До смерти забью ракалію... Онъ мнѣ неуваженіе... Онъ не знаетъ... Поручикъ Осташковъ... У-у... ракалія... У меня характеръ такой... Мнѣ повинуйся... У меня въ полку... стой смирно... Меня всѣ боялись... Я и тебя изобью, шельма, коли не будешь слушаться... Я тебя...

— Какъ можно, дяденька, неслушаться... Я, кажется, не Никешка... Всегда стараюсь васъ уважить... во всемъ...

— Ты чувствуешь... Я тебя за это награжу... Цѣлуй ручку...

Иванъ цѣловалъ.

— Ну... вотъ такъ... Ты долженъ понимать... я васъ всѣхъ превознесъ... Поручикъ Осташковъ... А вы всѣ мужики... Что вы знаете... Я васъ могу... Вы всѣ на моемъ хлѣбѣ выросли... на мой счетъ живете... Ты чувствуешь это, али нѣтъ?...

— Какъ можно не чувствовать, дяденька... Чувствую...

— Ну, выпей... Тебѣ я все предоставлю... А Никешка не чувствуетъ... Ну, хорошо...

— Онъ завсегда былъ озорникъ, и жена его озорница... А свекровь-то такая... упаси Боже... Халдей-старуха...

— Ну, я ихъ всѣхъ... Ты мнѣ только его поймай и подержи... Я его изъ своихъ рукъ... У меня будетъ понимать... я выучу...

— Да ужь и надо поучить... Больно ужь они зазнались со своими господами...

— Вотъ я самъ поѣду ко всѣмъ... Я ихъ всѣхъ отъ него разговорю... чтобы и не знали его... потому онъ... Ванюшка, хочешь въ военную службу?..

— Да, вѣдь, какъ бы, дяденька, не хотѣть; да, вѣдь, въ офицеры-то не попадешь...

— А ты старайся... Ну, становись во фрунтъ... Я тебя буду учить... Ну, стой... Руки по швамъ... Брюхо подобрать... Ну, въ три пріема... Ра-а-зъ, два-а... Носокъ не поднимай къ верху... Вытягивай... Ну... Ра-а-зъ,.. два-а... три-и...

Харлампій Никитичъ часто забавлялся такимъ образомъ, обучая Ивана маршировкѣ и военнымъ пріемамъ, сидя гдѣ нибудь въ тиши за сараемъ, между тѣмъ какъ работа въ полѣ стояла, и съ нею управлялась одна жена Ивана, лѣнивая, вздорная и сварливая баба, которую, впрочемъ, кулаки мужа усмиряли съ большимъ успѣхомъ.

Иногда Харлампій Никитичъ въ халатѣ и съ трубкою въ рукахъ выходилъ въ поле посмотрѣть, какъ Иванъ работалъ съ женою. Здѣсь, развалясь на снопахъ, онъ подзывалъ къ себѣ племянника, приказывалъ ему бросить работу и, какъ говорятъ, пересыпалъ изъ пустаго въ порожнее, покрикивая и понукая работать его жену. При встрѣчѣ съ Никаноромъ или кѣмъ либо изъ его семьи онъ обыкновенно ругался, кричалъ и грозилъ чубукомъ.

Такъ проходили дни. Александръ Никитичъ покушался было не разъ заговаривать о поѣздкѣ въ городъ за пенсіономъ, но Харлампій Никитичъ все еще не могъ отдохнуть и оправиться съ дороги. Однажды, порядкомъ подкутивши, онъ сталъ требовать, чтобы Иванъ добылъ еще водки. Но занятыя деньги всѣ вышли, а больше никто уже не вѣрилъ и въ долгъ не давалъ.

— Что, дяденька, дѣлать-то... Не добылъ денегъ-то... Нигдѣ... Никто не даетъ, говорилъ Иванъ, возвратившись послѣ неудачныхъ поисковъ.

— Достань, шельма, Ванюшка... закричалъ Харлампій Ники-

тичъ... Не раздражай меня... Пить хочу... Ты меня знаешь... Достань гдѣ хочешь...

— Да не знаю гдѣ достать-то, дяденька...

— Гдѣ хочешь достань... Заложи что-нибудь...

— Развѣ хлѣбъ на-корню продать...

— Хлѣбъ продай...

— Да, вѣдь, дешево дадутъ... убыточно очень...

— Тебѣ для дяди жалко... Ты мнѣ грубить... забыли?..

— Да нѣту, дяденька, не то... Я продамъ сейчасъ... А вотъ что я думаю: за что же Никешка всѣмъ добромъ будетъ владѣть... Теперь онъ твою часть долженъ тебѣ отдать... у него, почитай, цѣлая половина земли: онъ тебѣ непочтеніе сдѣлалъ, кормить тебя не захотѣлъ... За что же онъ будетъ твой хлѣбъ ѣсть?.. Должно теперь намъ у него этотъ хлѣбъ взять...

— Апробую... Цѣлуй руку... Все возьмемъ... только, чтобы сейчасъ водка была.:. Живо... Минуты не могу ждать... Требуется...

— Такъ я сейчасъ свою нежатую полосу продамъ... и водки предоставлю... А ты ужь смотри, завтра же съ нихъ свою часть стребуй...

— Ну, живо... На-лѣво кругомъ... Скорымъ шагомъ... Маршъ...

Къ полному удовольствію Харлампія Никитича, Иванъ скоро принесъ вина.

На другой день, чуть свѣтъ, Иванъ принялся возить на свое гумно съ полосы брата сжатую рожь... Въ то время, какъ онъ накладывалъ третью или четвертую телѣгу, его примѣтила Наталья Никитишна, которая, устряпавшись, шла въ яровое поле, помогать своимъ, которые жали ячмень, отъ жаровъ начинавшій сильно ломаться и сыпаться.

— Что ты обезпамятѣлъ, что ли: чужой-то хлѣбъ возишь... Это, вѣдь, чай наша полоса-то...

— Не ваша, а дяденькина... За вами еще никто ее не закрѣпилъ, отвѣчалъ Иванъ, хладнокровно продолжая дѣло.

— Да что ты, разбойникъ, въ умѣ ли?.. чай, нашъ хлѣбъ-то тутъ посѣянъ... Мы его и жали...

— Можетъ, дяденька сѣмяна-то вамъ отдастъ... Не мое дѣло... Велѣлъ возить—и вожу... Мой, говоритъ, это хлѣбъ... Перевези его къ себѣ на гумно... Я и вожу... Наталья Никитишна совершенно вдругъ упала духомъ: не знала что говорить, что дѣлать, слезы подступили у нея къ горлу, дыханіе перехватило... Нѣсколько минутъ она стояла молча, и точно безумная смотрѣ-

ла, какъ Матрена, жена Ивана, подавала снопы, а онъ укладывалъ ихъ на телѣгу,.. Господи, что же это?.. Ужь хлѣбъ отнимаютъ... смутно думала она. Какъ, ея кровавый потъ... плоды ея трудовъ, ея больной спины... хлѣбъ, о которомъ она молилась, на который надѣялась... и тотъ отнимаютъ,—мелькало въ тоскующей душѣ Натальи Никитишны.

— Батюшки... родимые... грабятъ! закричала она отчаяннымъ голосомъ, и, вопя и рыдая, бросилась бѣжать къ Никанору, который жилъ вмѣстѣ съ женою.

— Батюшки... Никешинька... хлѣбъ берутъ... хлѣба насъ лишаютъ... съ голоду помремъ, кричала она еще издали, запыхавшись и едва переводя духъ...

— Что такое? Что такое?.. съ безпокойствомъ спрашивали Никеша и Катерина, оставляя серпы.

— Иванка хлѣбъ нашъ къ себѣ возитъ... Подите... Бѣгите... Вонъ онъ стоитъ на переднихъ полосахъ...

И Наталья Никитишна съ воплями упала на землю.

Никеша и Катерина бросились бѣжать по указанію тетки. Они застали Ивана, выводящаго лошадь съ телѣгою, нагруженной снопами. Матрена шла сзади.

Никеша, взволнованный, раздраженный, въ бѣшенствѣ бросился на брата и схватилъ его за воротъ. Катерина также бесознательно схватилась за узду лошади и повисла на ней. Но Иванъ былъ гораздо сильнѣе брата: однимъ толчкомъ онъ отдернулъ его отъ себя и сшибъ съ ногъ. На Катерину напала Матрена: и во одно мгновеніе кички полетѣли съ ихъ головъ и невѣстки вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы. Иванъ на-силу рознялъ ихъ и растолкнулъ въ разныя стороны.

— Не дамъ моего хлѣба, не дамъ... кричалъ Никеша, вскакивая на ноги, и схватился за телѣгу. Его примѣру послѣдовала и Катерина, забывшая о кичкѣ и обнаженныхъ волосахъ.

— Пожалуй, не давай... И безъ даванья возьмемъ .. отвѣчалъ Иванъ, трогая лошадь, которая двинулась и повезла телѣгу, таща и уцѣпившихся за нее Никешу съ Катериной.

— Да что-жь ты, разбоемъ хочешь что ли взять?.. Я, вѣдь, въ деревню побѣгу: народъ собью... Помочи стану просить, говорилъ Никеша, опомнившись и видя, что ему не одолѣть ни Ивана, ни его лошади.

— Бѣги... свое беремъ, не нужно... Дяденька приказалъ:

онъ въ своей землѣ властенъ... А ты рукамъ воли не давай: еще коротки, не доросли... отвѣчалъ Иванъ.

— Батюшка, Никаноръ Александрычъ, я побѣгу... закричу мужичковъ... попрошу помочи... Батюшки, денной грабежъ... кричала Катерина. Никаноръ Александрычъ, ты иди за нимъ, а я въ деревню побѣгу, мужичковъ сбивать. И Катерина, позабывши стыдъ явиться передъ народъ съ обнаженной головой и растрепанными волосами, побѣжала въ деревенское поле. Но мужички ее слушали, окружа цѣлой толпой: иные покачивали головами, другіе посмѣивались, но никто не изъявилъ согласія вмѣшаться въ чужую, да еще семейную ссору; и только одна сердобольная баба подала Катеринѣ платокъ, со словами: да накройся, матка, простоволосая совсѣмъ.

Между тѣмъ Никеша, перебраниваясь съ братомъ, дошолъ вслѣдъ за нимъ до его гумна; тамъ опять изъявилъ было намѣреніе помѣшать ему сваливать рожь, но Иванъ только съ угрозой посмотрѣлъ на него да примолвилъ: не связывайся лучше... видѣлъ давеча...

Никеша согласился, что дѣйствительно ему связываться съ братомъ не по силамъ, пошолъ было объясняться съ отцомъ, но тотъ и говорить съ нимъ не захотѣлъ, а Харлампій Никитичъ изъявилъ желаніе побить еще непокорнаго Никешку.

— Такъ, что же это такое? Что же это... Живымъ помирать, что ли... Живымъ въ гробъ ложиться... говорилъ Никеша. Я коли къ предводителю пойду... Жаловаться буду... Это жить нельзя.

— Поди куда хочешь... Поди... Жалуйся!

— Жаловаться?.. Ты еще жаловаться.?.. закричалъ Харлампій Никитичъ, вооружаясь чубукомъ. Ты мнѣ грубіянить... Жалуйся же, а я тебя изувѣчу...

Никеша долженъ былъ убѣжать отъ вооруженнаго дяденьки. На дорогѣ къ дому, онъ встрѣтился съ возвращающейся изъ деревни Катериной.

— Что, батюшка? спросила она его уныло.

— Къ предводителю надобно ѣхать... Жалобу произнести... Защиты просить... Что будешь дѣлать... Это жить нельзя!

— Поѣзжай, батюшка, поѣзжай!

— Ну что, родимые, что? спрашивала Наталья Никитишна, охая и стоня, насилу дотащившаяся изъ поля домой, гдѣ послѣ воплей и слезъ она вдругъ почувствовала себя нездоровой,

точно какъ бы кто ее избилъ, или будто упала она съ большой высоты и разбилась.

— Ну что, родимые, отдали ли, разбойники?

— Нѣтъ, не отдаютъ, да и насъ-то избили... Къ предводителю сейчасъ поѣду.

— Охъ, поѣзжай, батюшка, поѣзжай... Охъ, моченьки моей нѣтъ... Всю утробушку, ровно верхъ дномъ поворотило... Охъ, силушки моей не стало... тошнехонько... Эки времена пришли... Поѣзжай, батюшка, поѣзжай, радѣльщикъ... неужто своей родимый хлѣбецъ уступать?.. Неужто ихъ своей кровью кормить... Охъ, батюшки мои... свѣты... О-охъ... Чувствуя себя совершенно больною, Наталья Никитишна, по обычаю всего русскаго люда, залѣзла на горячую печь, не смотря на то, что въ воздухѣ стоялъ жаръ страшный.

Никеша проворно собрался въ дорогу и отправился въ путь. Но прежде, чѣмъ ѣхать къ предводителю, онъ подумалъ сначала переговорить и попросить совѣта и защиты у своего ближайшаго благодѣтеля, Палёнова. Осташкову давно бы слѣдовало побывать у него, чтобы узнать о сынѣ, но онъ боялся явиться, не зная, какъ объяснить свое бѣгство отъ Карѣева, и потому откладывалъ поѣздку день за днемъ. Теперь онъ надумалъ оправдаться во всемъ неожиданнымъ пріѣздомъ и послѣдовавшими за тѣмъ притѣсненіями дяди. Къ тому же онъ не зналъ гдѣ въ настоящее время Рыбинскій: въ усадьбѣ своей, или въ городѣ; по его мнѣнію Палёновъ это долженъ былъ знать вѣрнѣе.

Изъ избы Александра Никитича увидѣли какъ потрусилъ Никеша на своей буркѣ.

— Видно къ предводителю жаловаться поѣхалъ, замѣтилъ Иванъ, только что пріѣхавшій съ поля обѣдать.

— Жаловаться... отозвался Харлампій Никитичъ... А пускай его, посмотримъ... Я еще и самъ съ предводителемъ-то поговорю... Что мнѣ?.. Я самъ дворянинъ и офицеръ... Что онъ мнѣ можетъ сдѣлать?.. Да кто у васъ предводитель?

— Помѣщикъ одинъ тутъ богатый... Рыбинскій прозывается.

— Да не изъ военныхъ ли онъ?

— Не знаю я его... Кто его знаетъ... отвѣчалъ Александръ Никитичъ.

— Стало быть изъ военныхъ, замѣтилъ Иванъ. Сказываютъ, живетъ очень ужь шибко, такіе пиры сводитъ, что шабашъ...

Это пѣсельники у него... Цыганъ держитъ... А въ картежь, сказываютъ, дуется... бѣда: по пятидесяти да по сту тысячъ за разъ проигрываетъ.

— Ну такъ изъ военныхъ... подтвердилъ Харлампій Никитичъ... А коли онъ изъ военныхъ и этакого духа человѣкъ... любитъ разгуляться... Это намъ съ руки... Значитъ, нашего сорта человѣкъ... Я могу съ нимъ подружиться... Коли онъ военный... онъ сейчасъ долженъ понять, что я за человѣкъ... потому мы, военные... другъ друга знаемъ... Что мнѣ можетъ Никешка сдѣлать... Я его уничтожу, шельму... Я его заставлю покориться!

— Да и на кого онъ жаловаться-то поѣхалъ съ дуру?.. На отца да на дядю роднаго... А развѣ кто можетъ родительскую волю снять съ сына?.. И развѣ не родителю показано и дать сыну и отнять что ему будетъ угодно, какъ Богъ на душу положитъ?

— Ванюшка!.. молодецъ!.. Подай водки... Поднесу тебѣ, шельма... Хорошо говоришь... умно... Подай водки!

Иванъ тотчасъ же исполнилъ приказаніе. Александръ Никитичъ не отказался также выпить.

— Испортили Никанора эти бабы, особливо эта халуйка окаянная... свекровь его... Втравила его въ господскую компанію, выучила тамъ тарелки лизать, да попрошайничать... Такую фанеберію въ голову парню вбила... Всякое почтеніе къ отцу потерялъ.

— Оттаскать ее нужно... за косы... отсыпать ей, шельмѣ, штукъ сотню... Будетъ умнѣе...

— Ужь куда ее бить, старую чертовку... Еле бродитъ... Отъ одного пинька издохнетъ... Злобы-то въ ней больно много, окаянной... Да какую важность соблюдаетъ,.. Поди-ка... Точно дворянка.

— Самъ виноватъ... Осрамилъ ты мою фамилію, что женилъ Никешку на холопкѣ... Какъ я теперича могу это переносить... Поручикъ Осташковъ, спросятъ вдругъ, а на комъ женатъ твой племянникъ?.. Что я теперь долженъ отвѣчать?.. Стыдъ принимаю изъ-за васъ... Мужики!..

— Ну, братъ, пожилъ бы ты на моемъ мѣстѣ... Какъ другой разъ нечего съ семьей-то перекусить... Тутъ позабудешь и о дворянствѣ... Вѣдь, думали, богата, жидовка...

— Да опять развѣ ты, тятенька, женилъ Никанора?.. Это все

тетенька Наталья... Ей очень хотѣлось отдѣлиться съ нимъ отъ насъ: вотъ она все это и смастерила... А ты тутъ ни при чемъ... Твоей воли Никаноръ-отъ мало и спрашивалъ.

— И то правда... Ослабъ я... Старъ сталъ... Изъ рукъ всѣ выбились...

— Ослабъ!.. Эхъ, меня не было... Я бы васъ всѣхъ... Въ бараній бы рогъ согнулъ... Всѣхъ бы выправилъ... Стой прямо... Ходи по стрункѣ... Гляди въ оба... Ванюшка... оказывай почтеніе... Цѣлуй у отца ручку... Вотъ такъ... Кланяйся въ ноги, каналья... Вотъ такъ... Теперь у меня цѣлуй ручку... Ну... Теперь въ ноги кланяйся... Вотъ какъ ихъ надо учить... Смотри какъ онъ у меня фрунтъ дѣлаетъ... Ну, Ванюшка... Руки по швамъ... Смирно!.. Вотъ... А ты что?.. Эхъ!.. Ты у меня Ванюшку въ военную службу отдай... Непремѣнно... Слышишь... Ты видишь меня?.. Можешь понять?.. Ну, и онъ такой же будетъ...

— А тятенька-то съ кѣмъ же останется, дяденька, какъ меня...

— Молчать... Ты со мной можешь разговаривать?.. Можешь, али нѣтъ? Говори.

— Какъ можно, дяденька... Никакъ нѣтъ...

— Ну, значитъ, и молчать... Ты знаешь меня, али нѣтъ?.. Отвѣчай...

— Какъ не знать.

— Ну, и молчать... Разговаривай, когда прикажутъ.

Весь этотъ день Харлампій Никитичъ пропьянствовалъ; но Иванъ, выспавшись послѣ обѣда, отправился доваживать къ себѣ на гумно братнину рожь. А на другой день утромъ онъ охлысталъ часть ея, и собранныя зерна тотчасъ же продалъ. Злорадствуя брату, онъ былъ очень дѣятеленъ и заботливъ, противъ обыкновенія.

II.

Между тѣмъ Никеша погонялъ своего бурка; но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ усадьбѣ Палёнова, тѣмъ тяжеле и тоскливѣе становилось у него на сердцѣ; онъ боялся и грозной встрѣчи съ благодѣтелемъ, который, вѣроятно, сердится на него за неуспѣшное ученье, и въ то же время безпокоился о томъ, что́ дѣлается дома. У заботливаго Николая Андреича рожь была уже

убрана съ поля и сложена въ многочисленныя скирды. При видѣ ихъ еще пуще заныло и заболѣло сердце у Осташкова.

— Эка хлѣба-то что... Эка сколько!.. Мнѣ хоть бы половину, такъ на всю бы жизнь богатъ... Какое половину,—хоть бы четверть... Да какая тебѣ четверть,—десятой бы доли было довольно...- думалъ Никеша, подъѣзжая къ усадьбѣ, и стараясь посторонними мыслями утишить тревогу сердечную. Эка сколько... За добродѣтель, видно, Богъ посылаетъ... Что не оставляетъ насъ бѣдныхъ, несчастныхъ... утѣшалъ онъ себя... Вѣдь, онъ добрый... Крикливъ, да отходчивъ... Покричитъ, поругаетъ... да и ничего, и обласкаетъ человѣка... Онъ ничего... Онъ добрый баринъ!

Въ это время въ сторонѣ за крестьянскими овинами Осташковъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ мужиковъ и между ними узналъ Аристарха Николаича. Они о чемъ-то горячо и съ жестами разговаривали. Никеша остановилъ лошадь, слезъ съ телѣги и пошолъ къ этой группѣ, чтобы разспросить земскаго о расположеніи духа Палёнова и узнать о сынѣ. Слова разговаривающихъ не доходили до его слуха, потому что они видимо сдерживали голоса, хотя говорили съ горячностью и сильно размахивали руками. Дѣло было въ томъ, что Аристархъ Николаичъ случайно выслѣдилъ и накрылъ трехъ барщинныхъ мужиченковъ, укравшихъ рожь съ барской риги, во время молотьбы. Аристархъ Николаичъ очень радъ былъ этому случаю, выгодному для него во всякомъ отношеніи: донесъ ли бы онъ барину о своемъ открытіи, или, если бы рѣшился съ мужиками на сдѣлку; вслѣдствіе этого онъ сильно ораторствовалъ и ломался надъ ними.

— Какъ же это вы, мошенники, рѣшились посягнуть на такой проступокъ? говорилъ Аристархъ Николаичъ, поправляя виски. Вѣдь, хлѣбъ—Божіе дарованіе и похищеніе его наиболѣе всякаго предмета къ удрученію человѣческой совѣсти приводитъ...

— Говорятъ тебѣ, Старей Николаичъ, не для воровства, а на зло только сдѣлали... отвѣчалъ молодой парень, коренастый, широкоплечій съ добродушнымъ и открытымъ лицомъ. Я тебѣ все дѣло говорю, какъ есть, на душѣ...

— Да ты не тыкайся... Я тебѣ не тыкалъ, значитъ, я могу теперь однимъ своимъ словомъ предъ бариномъ тебя оконфузить и къ большому оскорбленію произвести...

— Да ужь я скорбь-то получилъ, Старей Николаичъ... Я ужъ на то шелъ... Я ужь такъ и ребятамъ сказалъ: ну ужь, я говорю, ребята, примаю на себя... пусть его надо мной потѣшится.. а вы въ это время съ ворохомъ-то и управляйтесь... Вѣдь, я тебѣ... я вамъ, Старей Николаичъ, вѣдь, ужь по всей совѣсти докладываю.

— Да какъ же вы могли... какъ вы рѣшились посягнуть на этакое, можно сказать, посягательство... это оттого, что вы пьяницы, мерзавцы, воспитанія и чувствій не имѣете... При этакомъ строжайшемъ баринѣ вы осмѣлились на денное воровство.

— Горе взяло, Старей Николаичъ..

— Что ты мнѣ распространяешься: какое горе... просто мошенничество... воровство...

— Нѣтъ, погоди, Старей Николаичъ... Я тебѣ...

— Да ты не тыкайся... обращенія не забывай!

— Ну, не осуди... прости на томъ... Какъ же, Старей Николаичъ: ходитъ кажинную минуту, во всемъ досматриваетъ, шумитъ, кричитъ по-пусту, ворами да пьяницами ни за-что обзываетъ... Ну, горе и взяло... Что же, я говорю, ребята, что онъ задармо срамится, хоть бы и баринъ .. когда мы ни въ чемъ не причинны... Что онъ ходитъ, да досматриваетъ, ровно бурмистръ какой... Развѣ это барское дѣло... Давай, ребята, шутку сшутимъ надъ нимъ: изъ подъ носу украдемъ... Вотъ сказалъ... Не лгу... Я говорю: я его на себя чѣмъ ни-на-есть наведу... Онъ напустится... Я резоны стану говорить... Онъ разъярится, примется меня тормошить... Этимъ дѣломъ займется... а вы тѣмъ временемъ свое дѣло мастачь... Сколько Богъ подастъ... Вотъ, всю правду говорю... съ мѣста не сойти... Ну, и скорбь изъ-за того принялъ: потаскалъ онъ меня шибко... А я думаю себѣ: да ну бей, изъ рожи-то не что сдѣлаешь... А ужь по крайности шутку сшутимъ... Самъ смотрѣлъ—да не досмотрѣлъ... Тутъ былъ—да украли... А рожа ничего, рожа заживетъ... Что бита, что не бита... все одна... Изъ нея не шубу шить... А ужь покрайности на... Вотъ... Всю то есть тебѣ душу открылъ.

— Ахъ вы мошенники, мошенники... Что-жь я долженъ теперь дѣлать?.. Совѣсть моя не позволяетъ мнѣ это дѣло въ скрытіи оставить... А скажу, такъ вѣдь онъ васъ...

— Да что тебѣ, Старей Николаичъ, сказывать-то? отозвался

высокій худощавый парень съ плутоватыми, мрачно смотрящими изъ-подлобья глазами. Какъ бы ты къ этому дѣлу былъ приставленъ... ну, пущай такъ... А то тебѣ что?.. Видѣлъ да не видѣлъ... Что тебѣ насъ подводить?..

Аристархъ Николаичъ пріосанился и съ достоинствомъ подвилъ виски.

— Ахъ ты олухъ, олухъ... Мерзавецъ ты этакой... Потерянный ты человѣкъ...

— Что, мерзавецъ... Что, потерянный... бормоталъ худощавый парень, смотря въ сторону и почесывая затылокъ... Право... Вѣрно говорю...

— Вѣрно!.. Ты мнѣ это говоришь... Какія же твои понятія?.. Развѣ я не приставленъ отъ своего господина блюсти его добро... Развѣ я не долженъ денно и нощно стараться для его благополучія... Коли я рабъ его... и взысканъ, и почтенъ отъ него.

— Да что взысканъ да почтенъ... Развѣ не бьетъ тебя?... Вѣдь, таскаетъ же, чай... А мы много ли взяли-то, много ли у него убыло?... Тутъ четверти нѣтъ...

— Молчи ужь, невѣжа... А говорить, такъ говори деликатнѣй... Оболтусъ... А вотъ коли такъ ты говоришь, такъ несите за мной рожь, я васъ съ поличнымъ представлю... Невѣжи этакіе... неси за мной, коли такъ...

— Такъ что, неси, ребята!... что коли онъ и въ самъ-дѣлѣ... Ну, пущай постегаетъ... А мы, покрайности, ему всю правду откроемъ... Пущай знаетъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ стегать... отозвался, невольно поеживишись, маленькій щедушный мужиченка, тутъ же стоявшій. Что ужь путнаго: начнутъ стегать... Нѣтъ ужь вы, Старей Николаичъ, батюшка, подержи за собой... прости насъ... Рожь-то ужь, пожалуй, возьми себѣ, а насъ ослободи... Мы тебѣ вотъ какъ...

Мужиченка поклонился до самой земли, и примолвилъ, обращаясь къ прочимъ:—ну, что, ребята, поклонися ему... ну, что пути, и самъ-дѣлѣ, вѣдь, больно выстегаютъ...

— Выстегаютъ!... замѣтилъ Аристархъ Николаичъ съ достоинствомъ. Почемъ знать, можетъ который и подъ красную шапку угодитъ. . Нашъ этимъ не больно любитъ шутить .. Онъ правду да честность соблюдаетъ... А станетъ онъ переносить отъ васъ этакой развратъ... онъ найдетъ вамъ мѣсто... Вы подумайте: на что вы посягнули?... На воровство... и барина, своего господина, на посмѣяніе...

Этотъ резонъ, какъ видно, сильно подѣйствовалъ и на остальныхъ двоихъ ребятъ. Они струсили, смекнули что дѣло въ самомъ дѣлѣ можетъ быть плохо, и, почесывая затылки, стали просить Аристарха Николаича взять рожь себѣ и не говорить барину.

Въ это время къ разговаривающимъ подошолъ Осташковъ. Неожиданность его появленія нѣсколько смутила Аристарха Николаича.

— Что это вы, батюшка, Старей Николаичъ, подѣлываете? спросилъ Осташковъ, раскланиваясь съ земскимъ.

— А вотъ порядки разбираю... на счетъ хозяйственныхъ распоряженій... А вы къ намъ?...

— Да, Старей Николаичъ... что мой-то баловень?...

— Да особенной прилежности къ изученію науки не имѣетъ... А впрочемъ старательностію моею къ чтенію наклевывается...

— Неужто?... Неужто ужь въ книжку разбираетъ?...

— Не все въ точности... но понятіе показываетъ...

— Ахъ, благодѣтель...

— Старательности моей было много, потому какъ предъ вами, а наипаче того предъ господиномъ своимъ способы свои желалъ показать... Ну, выступайте теперь... тамъ у меня въ конторѣ съ птенцомъ своимъ повидайтесь... А я сейчасъ...

— А что Николай Андреичъ, какъ?

— На счетъ чего?

— Такъ, въ здоровьѣ своемъ... На меня не гнѣвны?

— Не слыхалъ... теперь отдыхаетъ... Подите, подождите меня... я въ минуту...

— Иду, благодѣтель, иду... Буду дожидаться...

— Тамъ подождите...

Аристархъ Николаичъ выждалъ когда Осташковъ отошелъ на приличное разстояніе, и продолжалъ переговоры съ мужиками. Эти переговоры кончились тѣмъ, что мужики господскую рожь отнесли къ себѣ, а Аристархъ Николаичъ положилъ въ свой кошелекъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, какъ штрафъ съ виновныхъ, и далъ обѣщаніе оставить ихъ вину за собою, не доводя до господскаго свѣдѣнія.

— Только изъ человѣколюбія дѣлаю... потому жалко человѣчества... заключилъ онъ, получивъ деньги и уходя отъ мужиковъ.

— Погоди, дьяволъ, намнемъ мы тебѣ бока... попадешься

когда нибудь съ бабами... дѣвочникъ окаянный... мазаные виски... дьяволъ!... говорили между собою молодые ребята, провожая его сердитыми взглядами, между тѣмъ какъ щедушный мужиченка шелъ вслѣдъ за нимъ и кланялся, упрашивая, чтобы онъ не покривилъ душой и не выдалъ ихъ...

— Ну что̀ тутъ: выстегаютъ... твердилъ онъ, поёживаясь.

Осташковъ не нашолъ въ конторѣ своего сына. На большомъ столѣ, загроможденномъ счетными книгами и тетрадями Аристарха Николаича, лежала азбука и рядомъ съ нею аспидная доска, исписанная какими-то каракульками; въ углу стояла кроватка, на которую кинутъ былъ войлокъ, старенькое ваточное одѣяло и грязная подушка; надъ нею на стѣнѣ висѣлъ новый, сшитый впрочемъ изъ стараго матеріала, сюртучекъ Николиньки... но его самого не было. Осташковъ подошолъ къ столу, взглянулъ на аспидную доску, съ улыбкою полюбовался на изображенныя на ней каракульки, въ которыхъ сердце ему помогло отгадать чистописаніе сына, взялъ въ руки азбуку, перелистовалъ въ ней нѣсколько листовъ, взглянулъ на обертку съ одной стороны и съ другой, и бережно положилъ на прежнее мѣсто. Подошолъ Осташковъ къ постели сына, пощупалъ рукою постель, поправилъ подушку—и ее также пощупалъ; снялъ съ гвоздя новый сюртучекъ, посмотрѣлъ на него съ лица, посмотрѣлъ съ изнанки, и опять повѣсилъ на прежнее мѣсто.

— Куда убѣжалъ, шельмецъ... думалъ Осташковъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Вотъ баловень: учитель ушолъ—и онъ убѣжалъ... Нѣтъ, видно, страха нѣтъ; видно, не очень въ строгости содержатъ... Дай Богъ здоровья Аристарху Николаичу... А все бы надо посѣкать, чтобы больше страха имѣлъ... лучше: не такъ балуется... Ну-ка, пострѣленокъ, ужь и читаетъ... а!... А я-то?... Ну, память лучше, память молодая... гдѣ же мнѣ за маленькимъ поспѣть... года мои ушли для того...

Пришолъ Аристархъ Николаичъ.

— Нѣтъ, баловня-то... мало, видно, стегаешь батюшка, Аристархъ Николаичъ... Видно, страху мало имѣетъ... дружелюбно говорилъ Осташковъ.

— Нравственность не внушена съ измалѣтства, это отъ васъ! отвѣчалъ земскій. Отъ меня онъ имѣетъ внушенія достаточныя... Но страху ему не внушено, и что̀ значитъ скромность и послушаніе къ ученію... Къ развратности имѣетъ наклонности большія: какъ чуть не досмотришь... и убѣжитъ сейчасъ... нѣтъ

этого, чтобы собственную свою пользительность понималъ, что̀ значитъ ученье...

— Молодъ еще, батюшка, глупъ...

— Нѣтъ, ужь это ваше воспитаніе было такое не на благородную позицію... Развращенность въ немъ вижу большую на счетъ манеръ, разговора, въ бережливости своего костюма, а также на счетъ чистоты рукъ... Съ дѣтства ему этого не внушено, а онъ, чтобы перенимать—понятія имѣетъ малыя, а мои внушенія забываетъ... и черезъ это самое теряетъ и во мнѣніи... Теперь вонъ господа также требуютъ его къ чаю и къ обѣду... и барыня въ обиду себѣ принимаетъ, что съ господскими дѣтьми онъ садится наряду и въ развращенномъ видѣ... также и насчетъ обращенія: не можетъ деликатность въ разговорахъ показать... и этакія слова, которыя самыя въ господскомъ обыкновеніи необыкновенныя, позволяетъ себѣ въ присутствіи произносить... что же можетъ быть изъ этого для господскихъ дѣтей пріятнаго?... Вотъ и обѣгаютъ... такъ, что барыня даже всякое обращеніе своимъ господскимъ дѣтямъ съ нимъ запретила... Ну, а изо-всего этого и для меня непріятность... потому какъ будто мало моего внушенія... непріятно!...

Аристархъ Николаичъ, съ выраженіемъ глубочайшаго неудовольствія на лицѣ, потрясъ головой и поправилъ виски. Осташковъ уныло опустилъ глаза въ землю.

— И сколько я для него своего безпокойства потерялъ, такъ это можно сказать, что не то, что за цѣлковый какой-нибудь...

— Аристархъ Николаичъ, Аристархъ Николаичъ, скорѣе, къ барину... перебилъ его вбѣжавшій комнатный мальчишка. Да скорѣе идите... гнѣвается...

— На кого?... торопливо поднимаясь и поправляя виски, спросилъ земскій.

— Да и на васъ... Вашего-то барченка садовникъ въ ранжереѣ поймалъ... фрукты тамъ воровалъ... Къ барину его привелъ.

Аристархъ Николаичъ, суетливо одергивая и застегивая сюртукъ, съ упрекомъ взглянулъ на Осташкова. Тотъ поблѣднѣлъ, и поднявшись съ мѣста, стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Пойдемте и вы вмѣстѣ... сказалъ Аристархъ Николаичъ, сдѣлавшій было нѣсколько шаговъ къ дверямъ, и вдругъ сообразившій, что, если теперь явится Осташковъ, такъ, можетъ быть,

весь гнѣвъ господина и обрушится на отца, а личность его, воспитателя, можетъ быть останется въ сторонѣ.

— Пойдемте же... повторилъ онъ настоятельно.

— Да ужь идти ли мнѣ теперь, Старей Николаичъ, робко спросилъ Осташковъ: не лучше ли послѣ, обождамши?..

— Чего же тутъ ждать? пойдемте. . Все равно... узнаетъ же что вы здѣсь... Послѣ еще хуже, пожалуй, разгнѣвается...

— Ахъ, Боже мой!... произнесъ Осташковъ съ глубокимъ, прерывистымъ вздохомъ. Ахъ, Боже ты мой истинный.. . что ты будешь дѣлать!... повторялъ онъ, вздыхая и неровнымъ шагомъ слѣдуя за Аристархомъ Николаичемъ

Не въ первый уже разъ Николинька., пользуясь отсутствіемъ своего наставника, совершалъ похожденіе въ господскій садъ, куда привлекали его и красная смородина, и вкусная малина, и соблазнительные румяные яблоки, но прежнія похожденія его кончались благополучно. Хотя онъ и похищалъ тамъ тайкомъ эти привлекательныя для его желудка вещи, хотя онъ пробирался въ садъ и изъ сада, какъ дикая кошка, озираясь и дрожа при каждомъ шагѣ,—но ему никогда не приходило въ голову, что онъ занимается воровствомъ. Пользуясь дома полной свободой, разгуливая по лугамъ и по сосѣднимъ чужимъ лѣсамъ, онъ свободно, вмѣстѣ съ деревенскими ребятишками, сбиралъ и ѣлъ землянику, малину и всякую другую ягоду, также свободно залѣзалъ онъ въ крестьянскихъ огородахъ на черемуху и рябину, обивая съ нихъ иногда еще вовсе зеленыя ягоды. Случалось, что какая нибудь сердитая старуха, оставшаяся дома за старостью и хворостью, въ то время какъ весь народъ изъ деревни уйдетъ на работу, въ поле, бывало, заприметя ребятишекъ въ огородѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего ополчится на нихъ, возьметъ въ руки ухватъ или кочергу и какъ воробьевъ разгоняетъ ребятишекъ изъ огорода; и какъ воробьи разсыплются они съ крикомъ и смѣхомъ, припрыгивая и поддразнивая старуху, и ждутъ только той минуты, какъ уйдетъ старая изъ огорода, чтобы снова напасть на него уже на зло ей, старой каргѣ, и вновь разсыпаться съ тѣмъ же смѣхомъ и гамомъ при новомъ ея появленіи. Бывало, и пожалуется старуха домашнимъ, когда они воротятся съ работы, что надсадили ребятишки, совсѣмъ огородъ раззорили, повадились за черемухой, ровно воробьи, пострѣлята.. пра, ровно воробьи... разá четыре шугала... а они опять, а они опять... Таки разбойники... и только улыбаются бывало

домашніе, слушая брюзжаніе старухи... И никто не скажетъ ребятишкамъ, что это не хорошо, что это-де воровство называется, когда безъ позволенія и противъ воли хозяина берутъ у него что нибудь... И какъ, бывало, старуха ни шугай воробьевъ-ребятишекъ, а ужь они обобьютъ ягоды еще въ прозелень... Другое дѣло что на грядкахъ посажено: тамъ огурцы, морковь, рѣпа, то овощь, то воровать не велятъ, то узнаютъ, что воровали, такъ пожалуй и батька вихоръ натрясетъ, и мамка лутошкой вздуетъ, а сердитой сосѣдкѣ попадешься въ руки,—такъ, пожалуй, и крапивы отвѣдаешь: какова она, матушка, хорошо ли кусается .. То другое дѣло, то трогать не показано, то батька съ мамкой садили; а это—ягода, Божья тварь, не сажено, не сѣяно, сама ростетъ... И Николинькѣ даже въ голову никогда не приходило, что онъ занимается воровствомъ, тайкомъ пробираясь въ садъ и потихоньку поѣдая тамъ ягоды и яблоки; а крался онъ туда, воровски западая въ кустахъ и спѣшно набивая ротъ всѣмъ, что попадалось подъ руку, потому, что ему не велѣно было вообще никуда выходить изъ конторы. По мнѣнію Аристарха Николаича, ему слѣдовало цѣлый день сидѣть за книгой или за чистописаніемъ, кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ въ господскомъ домѣ. Николинька совершенно былъ лишонъ свободы и всякаго развлеченія; а эти часы, когда его звали въ комнаты и, сажая гдѣ нибудь въ углу, подальше отъ господскихъ дѣтей, давали чашку чая, или, за общимъ столомъ, сумрачный лакей сердито ставилъ передъ нимъ тарелку съ кушаньемъ, и когда онъ видѣлъ передъ собою грозный образъ Николая Андреича, къ которому Николинька чувствовалъ паническій страхъ,—эти часы были чистой мукой для ребенка, и онъ тоскливо ждалъ той минуты, когда ему прикажутъ идти на свое мѣсто, въ контору, гдѣ Аристархъ Николаичъ тотчасъ же сажалъ его за книгу. Мудрено ли, что Николинька изловчился самъ себя освобождать на нѣсколько часовъ въ сутки и выучился искусно скрывать свои похожденія. И въ этотъ злополучный день онъ благополучно пробрался въ садъ и счастливо, никѣмъ не замѣченный наѣлся ягодъ до того, что даже зубы одрябли; но полнаго счастія, какъ извѣстно, въ жизни не бываетъ, и горе постигаетъ насъ именно въ ту минуту, когда мы меньше всего его ожидаемъ. Любопытство погубило Николиньку. Нѣсколько разъ онъ видалъ снаружи оранжерею и теплицу въ саду, но не бывалъ внутри; сильно захотѣлось ему поглядѣть,

что такое за этими стеклами. Оглядѣлся, прислушался—все тихо въ саду. Пошолъ, прокрался до дверей, опять прислушался, опять все тихо, толкнулъ дверь—отворилась, вошелъ, осмотрѣлся—и глаза разбѣжались... Такихъ яблоковъ онъ и не видывалъ... Невольно потянулась рука, сорвала персикъ, въ ротъ — ахъ, хорошо, вкусно... другой, третій... во всѣ карманы по штукѣ... Будетъ, пора и на мѣсто... Только бы къ дверямъ, а двери на-стежь и входитъ садовникъ... Николинька обмеръ, затрясся, задрожалъ, да дѣваться некуда... попался бѣдняжка!... На бѣду, садовникъ былъ въ ссорѣ съ Аристархомъ Николаичемъ, и притомъ человѣкъ характера зложелательнаго... Пускай бы ужь вихоръ надралъ, ну, лутошкой бы отстегалъ, пускай бы хоть съ крапивой познакомилъ, да только бы никому не сказывалъ — все бы легче было... Анъ нѣтъ, прямо повелъ съ поличнымъ къ Николаю Андреичу... Николинька было и верещать, и въ ноги кланяться, и изъ рукъ вырваться хотѣлъ, чтобы убѣжать, да спрятаться куда нибудь—ничто не помогло: и безжалостный садовникъ, да и сильный такой, взялъ за руку такъ крѣпко, что ни за-что не вырвешься, прямо привелъ его къ Николаю Андреичу и разсказалъ все, какъ было.

— Вотъ изволите говорить, что персиковъ мало: видно, ужь они не въ первый разъ... А усмотришь ли всякую минуту... я одинъ, а садъ-то у насъ, слава Богу, не малъ... заключилъ садовникъ.

Николай Андреичъ, какъ и слѣдовало ожидать, мгновенно вскипятился.

— Какъ, воровать... Я тебя пою, кормлю, одѣваю, учу... а ты у меня воровать... Дворянинъ... воровать... это хуже всего на свѣтѣ... Для дворянина воровство хуже убійства... кричалъ онъ, теребя за волосы и давая щелчки бѣдному, до безумія оробѣвшему Николинькѣ. Позвать ко мнѣ Аристарха...

— А ты чего смотрѣлъ? накинулся онъ и на садовника, по дорогѣ посылая ему внушительный жестъ рукою.

— Да я вотъ-съ его и поймалъ... отвѣчалъ садовникъ, упираясь... Гдѣ, мнѣ за нимъ смотрѣть... у него есть свой смотритель... Аристархъ...

— А отчего у тебя оранжерея не заперта?... Послать Аристарха... я тебя, мерзавецъ, мальчишка... я тебѣ дамъ воровать... Отчего у тебя оранжерея была не заперта?... Значитъ у тебя всѣ воруютъ... Не даромъ фруктовъ мало...

— Да, помилуйте, только что отошолъ на минуту... только вывернулся... а онъ и... Всякую минуту не назапираешься... Отъ вора и замкомъ не убережешься...

— Молчать... Ты радъ этому случаю... Что жь Аристархъ... Позвать его сюда... ты радъ теперь свалить съ себя... самъ больше всѣхъ воруешь... я тебѣ дамъ, скверный мальчишка... я тебя выучу воровать... Николинька весь съежился и трясся, какъ въ лихорадкѣ, тоскливо и жалобно озираясь.

Въ дверяхъ показался Осташковъ, сзади его умильно выглядывалъ Аристархъ, трепетной рукой оправляя виски.

— А—а... кстати... Входи-ка, входи... полюбуйся... въ воровствѣ пойманъ сынокъ-то... въ воровствѣ... Пойми ты это: дворянинъ уличенъ въ воровствѣ... чему вы его учили, что вы ему внушали?... Воровать у того, кто его кормитъ, воровать у своего благодѣтеля...

— Батюшка .. не училъ... пуще всего не училъ... пуще всего я этого опасаюсь... Я его разказню за это, по клочкамъ изорву... лепеталъ Осташковъ, съ грознымъ жестомъ подходя къ сыну...

Николинька при видѣ отца, сдѣлавшій было радостное движеніе, теперь опять оторопѣлъ и завизжалъ.

— Пожалуйста, только не при мнѣ... Можешь послѣ... гдѣ тебѣ угодно, только не при мнѣ... не безпокой меня... я и то измученъ, истерзанъ... это адъ, а не жизнь... А вотъ кого надобно учить... кричалъ Палёновъ, налетая на Аристарха. Вотъ эти виски поганые, виски... Тебѣ порученъ ребенокъ, такъ ты долженъ смотрѣть за нимъ... смотрѣть... учить его... внушать ему... внушать... шельма...

Аристархъ, послѣ каждаго господскаго слова и слѣдовавшаго за нимъ жеста, только поправлялъ виски.

— Да ты не поправляй виски-то... послѣ поправишь... Ты бы дѣломъ-то занимался, а не виски поправлялъ... Послѣ поправишь... послѣ... Вонъ!.. закричалъ наконецъ Палёновъ, выбившись изъ силъ и бросаясь въ кресло. Они меня просто уничтожатъ... Вонъ всѣ!..

Аристархъ выскользнулъ первый, за нимъ садовникъ. Осташковъ повлекъ за собою Николиньку.

— Осташковъ, крикнулъ вдругъ Палёновъ, когда остался одинъ въ кабинетѣ.

Осташковъ воротился.

— Не смѣй сѣчь сына... Онъ уже наказанъ довольно однимъ стыдомъ и страхомъ...

— Какъ можно, батюшка, Николай Андреичъ, да я его, кажется, запорю за это... что онъ могъ сдѣлать...

— Тебѣ говорятъ: не смѣй сѣчь... Я не хочу... Ты не умничай, а слушай, что тебѣ говорятъ... Въ дѣтяхъ бываетъ болѣзнь воровства... Тутъ надобно дѣйствовать внушеніями, нравственнымъ вліяніемъ, а не розгами... Теперь оставь его безъ вниманія... покажи видъ, что ты на него сердишься... не ласкай его... А ужо я его позову и сдѣлаю ему наставленіе... онъ, кажется, боится меня и уважаетъ... На него мои слова подѣйствуютъ лучше твоихъ розогъ... Дай же мнѣ только успокоиться... Садись...

— Ахъ, батюшка, благодѣтель вы мой... мнѣ васъ-то жалко... Измучили мы васъ совсѣмъ...

— Ничто столько, Осташковъ, не мучитъ человѣка образованнаго, какъ окружающее невѣжество... Это нашъ бичъ... наше несчастіе... Образованія, образованія... просвѣщенія... вотъ чего намъ нужно... Ну, что твое ученье... Ужь не выучился ли?..

— Полноте-ка, благодѣтель... Пришлось бросить...

— Какъ бросить?

— Да такъ... У меня въ дому несчастіе!

— Какое несчастіе?

— Да пригнали ко мнѣ домашніе... къ Аркадію Степанычу, ночью... Я такъ и уѣхалъ, даже и не простившись съ ними, не поблагодаривши за хлѣбъ-соль и за все ученье... Такая бѣда надо мной стряслася, что не знаю, чтó и дѣлать... Вотъ пріѣхалъ вашего совѣта да неоставленья просить... Не покиньте несчастныхъ, заступитесь...

Осташковъ бросился въ ноги Паленову.

— Ахъ, братецъ, я тебѣ говорилъ, чтобы этого не дѣлать... Не забывай, что ты дворянинъ...

— Батюшка, да какой я дворянинъ... Приходится съ голоду помирать...

Никеша разсказалъ всю исторію встрѣчи, ссоры съ дядей и ея послѣдствія.

— Такъ вотъ ужь до чего я дожилъ, благодѣтель: трудовой хлѣбъ отнимаютъ отецъ съ дяденькой... Научите вы меня, наставьте на разумъ: что мнѣ дѣлать?... Помогите въ моей бѣдѣ... кончилъ Никеша.

Палёновъ принялъ живѣйшее участіе въ его разсказѣ. Послѣ вспышекъ гнѣва и притомъ вполнѣ удовлетвореннаго, обыкновенно онъ дѣлался очень великодушенъ и чувствителенъ.

— Да это просто денной грабежъ! сказалъ онъ. Ты долженъ сейчасъ же ѣхать къ предводителю и просить его защиты. Онъ долженъ, онъ обязанъ вступиться за тебя... Это вопіющее дѣло... Неужели этотъ мерзавецъ, Рыбинскій, не приметъ въ тебѣ участія?... Но этого онъ не смѣетъ сдѣлать... Я тебѣ дамъ письмо къ нему, въ которомъ подробно объясню все твое положеніе и настоятельно буду требовать, чтобы онъ защитилъ тебя... Иначе я къ губернатору буду писать, всю губернію на ноги поставлю... до министра доведу это дѣло... Погоди, я сейчасъ же напишу къ нему оффиціальное письмо, какъ дворянинъ, а не какъ знакомый... Я такъ напишу, что онъ не посмѣетъ не вступиться за тебя...

И Палёновъ тотчасъ принялся за сочиненіе письма. Черезъ полчаса оно было готово.

— Осташковъ, слушай, что я написалъ.

Палёновъ сталъ читать:

Милостивый государь,

Павелъ Петровичъ,

Препровождаю подъ покровительство дарованной вамъ законами власти и поручаю вашимъ предводительскимъ обязанностямъ одного изъ нашихъ собратовъ дворянъ, бѣднаго, но честнаго человѣка, обиженнаго и притѣсненнаго деспотическими дѣйствіями его же родственниковъ. Я принялъ на себя трудъ изложить къ вамъ письменно его жалобу, во первыхъ, по его безграмотности, во вторыхъ, какъ дворянинъ, не безъизвѣстный во ввѣренномъ вамъ уѣздѣ, пользующійся нѣкоторою довѣренностію и уваженіемъ въ кругу своихъ собратій и, вслѣдствіе того, считающій своею священною обязанностію вступаться за своихъ меньшихъ братій, униженныхъ и притѣсненныхъ.

— Ну, далѣе я излагаю подробно всѣ обстоятельства: какъ пришелъ *дядя*, какъ онъ пьянствуетъ, буянитъ и какъ у тебя отняли хлѣбъ... Вотъ потомъ заключеніе...

Палёновъ продолжалъ читать: Изложивши предъ вами всѣ обстоятельства сего дѣла, я надѣюсь и увѣренъ, что ваше сердце *наконецъ*... (Осташковъ, замѣть это слово: я нарочно его вставилъ для намека на его равнодушіе къ дворянскимъ дѣламъ!) что ваше сердце наконецъ тронется сожалѣніемъ и вы, вспомня

возложенныя на васъ дворянствомъ обязанности, удѣлите нѣсколько изъ множества свободныхъ минутъ... (Понимаешь?) нѣсколько минутъ, чтобы защитить несчастнаго. Впрочемъ, считаю долгомъ предупредить васъ, что я во всякомъ случаѣ принимаю на себя защиту правъ дворянина Никифора Осташкова, буду его адвокатомъ (или по-русски: стряпчимъ), и если вамъ не угодно будетъ защитить его, то я обращусь съ просьбою за него къ высшимъ властямъ, которыя, надѣюсь, не откажутся вникнуть въ мои представленія, такъ какъ личность моя довольно извѣстна и репутація моя пользуется заслуженнымъ кредитомъ.

— И больше ничего... Тутъ подпись... Вотъ, возьми же это письмо и сейчасъ поѣзжай къ нему: онъ долженъ быть теперь въ городѣ... Слѣдовательно, тебѣ нечего и заѣзжать къ нему въ усадьбу. Что̀ онъ тебѣ скажетъ, тотчасъ же пріѣзжай и скажи мнѣ... Письмо написано не дурно и довольно внушительно... Посмотримъ, какъ онъ не вступится за тебя... Посмотримъ... Отъ него во всякомъ случаѣ заѣзжай ко мнѣ сказать... Дорогой до городу тебѣ придется покормить лошадь... Я пракажу тебѣ выдать мѣру овса на дорогу... Собирайся же... съ Богомъ...

Осташкову не совсѣмъ нравился тонъ письма Палёнова. Зная отношенія его къ предводителю, онъ не ожидалъ, чтобы это письмо могло принести пользу, но отказаться отъ него не смѣлъ, и съ благодарностью принялъ его и простился съ благодѣтелемъ. Передъ отъѣздомъ онъ зашолъ къ Аристарху Николаичу.

Николинька, всхлипывая и по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ надъ азбукой и плаксивымъ голосомъ читалъ по складамъ; въ углу на кроваткѣ его лежалъ Аристархъ Николаичъ, съ злобнымъ и недовольнымъ лицомъ, изрѣдка покрикивая на ученика. Робко вошолъ Осташковъ въ контору и конфузливо взглянулъ на Аристарха Николаича.

— Что, каковы пріятности долженъ я принимать изъ-за вашего?...

— Ужь не говорите, батюшка, Аристархъ Николаичъ... Кажется, мнѣ на васъ и глаза-то поднять совѣсть зазритъ... Этакая каналья... погубитъ онъ меня... Совсѣмъ зарѣзалъ... Этакая бестія... Воровать вздумалъ... Что вздумалъ... Воровать!..

Осташковъ подошолъ къ сыну и схватилъ его за волосы.

— Развѣ я тебѣ это дѣлать приказывалъ?... Приказывалъ я

тебѣ что-ли воровать?.. Было тебѣ отъ меня это позволеніе?.. а?..

Николинька визжалъ.

— Молчи... пострѣлъ этакой... убью...

— Ужь вы оставьте его... Не дѣлайте ему отвлеченія отъ занятій... Ужь я его подвергъ достаточному внушенію... Будетъ помнить... Надо было прежде внушать...

— И я, Аристархъ Николаичъ, своимъ дѣтямъ не потатчикъ... Я ему этого не внушалъ... Ужь что воровство... На что этого хуже... Да я бы его давеча, кажется, изорвалъ, кабы не остановилъ меня Николай Андреичъ... Ему не заблагоразсудилось... не приказалъ трогать... Я ужь, говоритъ, его довольно поучилъ... А какое довольно... Ужо, говоритъ, еще внушенія поговорю... Да что ему говорить... Его драть надо, мерзавца... Моли Бога за Николая Андреича, что онъ мнѣ помѣшалъ... я бы ужь надъ тобой потѣшился...

— Чтожь ему, завидно стало, что не велѣлъ сѣчь-то?... Все бы одному драться... а люди не смѣй... Нѣтъ, это много будетъ, что изъ за него непріятности получай, а его пальцемъ не тронь... Нѣтъ, я ему памяти приложилъ довольно... Мнѣ, пожалуй, тамъ запрещай...

— И покорнѣйше благодарю, батюшка, Аристархъ Николаичъ... Не жалѣйте его... Я ему не потатчикъ... И хорошенько его, чтобы помнилъ... А я его и знать не хочу, и вѣдать не хочу... Вотъ сейчасъ уѣду... Прощайте, Аристархъ Николаичъ...

— Вы куда же?...

— Да въ городъ... къ предводителю нужно...

— Я васъ выйду проводить...

Выйдя въ сѣни и притворивъ дверь въ контору, Аристархъ Николаичъ остановилъ Осташкова.

— Что же, неужели я долженъ изо всего этого однѣ непріятности получать?.. говорилъ онъ. Теперь вы видѣли, что я, можно сказать, терзанія принималъ изъ-за вашего сына, опять же сколько трудовъ къ обученію его положилъ и даже достигъ плодовъ... И что же изо всего этого, какая мнѣ отъ васъ благодарность?...

— Батюшка, Аристархъ Николаичъ, вижу я, и все это чувствую... Да какія у меня дѣла-то въ дому надѣлались... совсѣмъ въ раззоренье пришолъ... Затѣмъ и къ предводителю ѣду...

— Опять же все это до моей комплекціи не касается... А вы

мнѣ непремѣнно предоставьте пять рублей серебра... И то только ради вашей бѣдности...

— Пять рублей!... Да теперь хоть голову сними, Старей Николаичъ... Во всемъ домѣ копѣйки нѣтъ... Обождите...

— Я обожду... Но вы этотъ пунктъ имѣйте въ своемъ воображеніи... А то переносить побои и разныя непріятности изъ-за чужаго ребенка... и даромъ... это оскорбительно... хотя я и дворовый человѣкъ.. и, можно сказать, крѣпостной , но имѣю свое самолюбіе и даже честь...

— Пообождите, благодѣтель... только бы деньжонки случились... Я тоже совѣсть имѣю... Что въ силахъ... такъ неужели ужъ... Не за чужаго...

— То-то... вы этотъ сюжетъ не забывайте...

— Какъ можно забыть, Старей Николаичъ... Можно ли только это подумать... Только бы вотъ деньжонки навернулись... Прощайте пока, благодѣтель... Пора ѣхать-то мнѣ...

— Вы бы мнѣ теперь сколько нибудь... сколько можете...

— Ни копѣйки нѣтъ...Вѣришь истинному Богу , Старей Николаичъ... ни копѣйки нѣтъ за душой...

Осташковъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ земскаго; а Аристархъ Николаичъ, проводивъ его самымъ недружелюбнымъ взглядомъ, плюнулъ вслѣдъ ему, поправилъ виски и, войдя снова въ контору, началъ вымѣщать досаду на бѣдномъ Николинькѣ.

III.

На другой день рано утромъ Осташковъ пріѣхалъ въ городъ. Въ домѣ лѣсничаго господа еще спали. Осташковъ знакомымъ уже ему путемъ пробрался въ дѣвичью. Тамъ онъ засталъ Марью за вѣчной ея работой: мытьемъ и глаженьемъ.

— Здравствуйте, Марья Алексѣвна...

— Здравствуйте... Что вамъ надо?... Отъ кого вы?

— Не узнали , Марья Алексѣвна... Я Осташковъ... Сашенькинъ отецъ...

— А-а... не признала и есть... Что вы.. по̀-что?... Али дочку-то провѣдать?...

— Да, Марья Алексѣвна... И на дочку-то поглядѣть... Что она, какъ поживаетъ?

— У-у, надоѣла.. Баловень такая , не приведи Господи... Точно на ней на огнѣ все горитъ... Не поспѣваешь мыть да унивать... Ну ее... Шаловлива больно...

— Такъ вы бы, матушка, ее останавливали... Не давали шалить-то... А когда и за ухо, коли не слушается...

— Ну, ужь куда тебѣ тутъ за ухо... Сама барыня балуетъ... Остановы ни въ чемъ нѣтъ... Что хочетъ, дѣвчонка дѣлаетъ... Никогда къ мѣсту не посадитъ... А когда надоѣстъ, толкнешь, али вернешь,—такъ побѣжитъ, нажалуется: Маша, говоритъ, прибила .. Барыня гнѣвается... Нѣтъ, нечего, надоѣла... надоѣла...

— Непріятно мнѣ это слышать .. Что же, неужели и ученья никакого нѣтъ?

— Да учитъ ее барыня когда, это на языкѣ говорить... ну, и учитель поряженъ, въ книжку учитъ... Да мало... Что это за ученье... Востра больно... Ее бы надо хорошенько присадить... А то что: часа въ сутки не посидитъ за ученьемъ-то... А тутъ и мѣста не знаетъ... Нѣтъ, кабы моя воля была, такъ я бы ее за иголку присадила... Пускай бы къ шитью привыкала... Все бы лучше не баловалась...

— А спитъ еще она?... или ужь проснулась?...

— Проснулась... Вотъ сейчасъ послала Уляшку одѣвать ее...

— Нельзя ли мнѣ какъ ее поглядѣть?...

— Отчего нельзя... можно... Она, вѣдь, въ особливой комнатѣ спитъ... Пойдемте, я проведу, пока господа-то не встали... Вы съ ней и посидите... Да поговорите ей, чтобы не больно баловалась-то...

— Какъ не поговорить, Марья Алексѣвна, поговорю... Да не лучше ли сюда позвать. Какъ бы не прогнѣвались Юлія Васильевна, что я въ тѣ комнаты пойду...

— Да чтой-то... ничего... Чай, вѣдь, отецъ... не чужой кто...

— А Афанасія Ивановна спятъ еще?...

— Спятъ еще... Пойдемте...

— Пойдемте... Да вы мнѣ повѣстите, какъ кто изъ господъ проснется...

— Хорошо... Я-то забуду, пожалуй .. Вы Уляшкѣ накажите... Она лучше скажетъ...

У Останкова радостно сдѣлалось на сердцѣ, когда онъ, вслѣдъ за Машей, вошелъ въ свѣтлую, чистую комнатку, которую занимала его Саша, и услышалъ ея звонкій и веселый голосокъ. Она лежала на чистой, мягкой постелькѣ, за кисейнымъ занавѣсомъ, и что-то весело болтала съ Уляшкой, которая сидѣла у нея въ ногахъ.

— Вотъ Сашенькѣ видно что хорошо житье... мелькнуло въ головѣ у Осташкова. Слава Богу!..

— Чтой-то это за проказъ... И сама, сударыня, валяешься, и дѣвчонку до сей поры безъ дѣла держишь... говорила Маша, подходя къ постели.—А ты и рада, обратилась она къ Уляшкѣ, рада здѣсь головѣсничать съ ней... А вотъ какъ почну таскать, какъ почну... пострѣлъ этакой...

— Да что тебѣ за дѣло... отозвалась Саша капризнымъ голосомъ. Еще не смѣешь драться... Еще тебѣ мамаша не приказываетъ драться-то... Еще не смѣешь...

— А тебѣ вотъ не приказываетъ маменька съ Уляшкой-то якшаться .. Ты, говоритъ, барышня, а она дѣвчонка горничная... А ты все съ ней, да съ ней... безстыдница... И очень смѣю ее погнать отсюда...

— Да еще не смѣешь, не смѣешь... поддразнивала Сашенька. Еще какъ ты смѣешь мнѣ ты говорить... Еще я вотъ мамашѣ скажу... Она не приказываетъ тебѣ такъ говорить мнѣ... Я барышня, а ты дѣвка...

— Поди ты... какая стала бой... съ улыбкою думалъ Осташковъ, котораго за занавѣсомъ не было видно Сашенькѣ.

— Ну, а коли ты барышня, такъ по-барски бы и вела себя... А нечего тебѣ съ дѣвчонкой горничной болтаться... Вотъ погоди-ка, отецъ прiѣхалъ... Онъ тебя сократитъ... озорницу этакую...

Осташковъ заглянулъ въ кроватку дочери. Сашенька радостно вскрикнула , вскочила на ноги и бросилась на шею къ отцу. Осташковъ въ душѣ былъ такъ доволенъ и такъ счастливъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, что не только не въ силахъ былъ говорить строго и внушительно съ дочерью, но чуть не плакалъ отъ радости, смотря на веселое, розовое личико Сашеньки, которой, по его мнѣнiю, такъ хорошо и привольно было жить у своей благодѣтельницы. Онъ безмолвно и ласково отвѣчалъ на поцѣлуи дочери.

— Ну, видно и вы баловники порядочные... сердито проговорила Маша, смотря на эту сцену.—Чѣмъ бы хорошенько помуштровать дочку... А онъ, ну-ка ты поди, и растаялъ... Будетъ ли этакъ путь... Извѣстно, избалуется совсѣмъ... Ну, коли инъ, какъ хотите: и то дѣло... наплевать, не моя дочь... А ты поди... Дѣло, чай, есть... Что стала?.. Рада... обратилась она къ Уляшѣ.

— Такъ какъ же, Марья Алексѣвна, умываться еще над барышнѣ, возразила Уляша.

— Умываться... Такъ что же ты не подавала?.. Подавай сейчасъ... Вьюла поганая... Да у меня скорѣй приходить... Смотри, чтобы мнѣ опять за тобой не бѣгать... Смотри...

И Маша, погрозивъ пальцемъ Уляшкѣ и ударивъ ее слегка по лбу на память, вышла изъ комнаты. Уляшка сдѣлала ей вслѣдъ гримасу.

— Ты зачѣмъ же, Сашенька, такъ дѣлаешь... замѣтилъ наконецъ Осташковъ, собравшись съ духомъ и желая придать лицу строгое выраженіе. Зачѣмъ не слушаться Марьи Алексѣвны, когда она тебя дѣлу учитъ?.. Это не хорошо...

— Ну, вотъ, есть кого слушать... вмѣшалась Уляшка.

— Да, вѣдь, она, тятя, дура... И мамаша говоритъ, что она дура... Она, вѣдь, ничего не смѣетъ мнѣ сдѣлать: а мамаша не приказываетъ меня трогать... Она, вѣдь, съ поваромъ гуляетъ... Мнѣ Уляша сказывала: она знаетъ... А какія мнѣ мамаша платья нашила... чудесныя!... А какія она мнѣ конфеты даетъ... сладкія!...

— Тебѣ значитъ, здѣсь хорошо... И объ насъ позабыла, чай...

— Мнѣ только мамки, да бабки жалко... А мамаша мнѣ еще платье хочетъ сшить... хорошее... Вотъ вы не умѣли меня одѣвать, а мамаша умѣетъ... Она говоритъ, что вы все равно, что мужики... ничего не понимаете... ничего не умѣете дѣлать... А я, посмотри, какъ я умѣю никсенъ дѣлать... Посмотри... Саша соскочила съ колѣней отца на полъ и сдѣлала передъ нимъ реверансъ.

— Хорошо?... Мамаша говоритъ, что я хорошо никсенъ дѣлаю, что я буду хорошенькая и ловкая, что за мной будутъ ухаживать, когда большая буду... Она меня всему выучитъ, а вы ничего не знаете... Мамаша мнѣ всего даетъ, всего... а вы ничего не давали... Я теперь стала барышня... а тогда, дома, была уличная дѣвчонка... Показать тебѣ какія у меня платья есть?... показать?... Уляша, принеси поди мои платья, всѣ принеси...

— Полноте, барышня... умывайтесь, да одѣвайтесь, а то, вѣдь, мнѣ послѣ изъ-за васъ достанется отъ зелья-то... Мамаша, пожалуй, скоро встанутъ...

— Умывайся, Сашенька, умывайся... да одѣвайся поскорѣе... подтвердилъ Осташковъ.

Сашенька послушалась и стала, съ помощію Уляши, совершать свой туалетъ, шаля, рѣзвясь, прыгая и заливаясь веселымъ смѣхомъ. Осташковъ захлебывался отъ удовольствія, смотря на дочь, но безпрестанно останавливалъ ее, боясь, чтобы она своимъ смѣхомъ не разбудила Юлію Васильевну.

Но вскорѣ опять явилась Маша съ платьями для Сашеньки, прогнала Уляшку и стала оканчивать туалетъ счастливой дочки Осташкова. Когда она окончательно припомаженная, приглаженная, въ чистыхъ панталонахъ, въ коротенькомъ платьецѣ съ открытой шеей и голыми руками, подошла къ отцу и церемонно присѣла передъ нимъ, Никеша просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Встрѣться гдѣ на улицѣ—не узналъ бы, ни за что бы, кажется, не узналъ. . думалъ онъ про себя. И какъ это она такъ скоро набралась и переняла все это?... Впрямь, стала настоящая барышня...

— Что, тятя, нарядна ли? спрашивала Сашенька.

— Ужь очень нарядна... должна благодарить и почитать свою благодѣтельницу... отвѣчалъ Осташковъ. Только вотъ мнѣ непріятно, что ты Марьи-то Алексѣвны не слушаешь... да шалишь... Не шали, матушка, Сашенька, не шали и слушайся, когда тебя останавливаютъ добрые люди, да на путь наводятъ... Ну, одначе, я, Марья Алексѣвна, пойду, понавѣдуюсь, не проснулся ли Павелъ Петровичъ. . А коли не всталъ, такъ я тамъ, около кабинета-то и подожду.

— Пожалуй, подите... А ты не изволь ходить, сударыня, въ тѣ комнаты... сиди здѣсь... неравно еще какъ маменьку разбудишь... сказала Маша.

— Да, да, Сашенька, не ходи... подтвердилъ Осташковъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ былъ допущенъ къ Рыбинскому.

— А—а, Осташковъ... Что давно не видно?... Какими судьбами?... А я слышалъ, что тебя въ ученье отдали... Стало быть неправда... Или ужь курсъ кончилъ?...

— Нѣтъ, правда, батюшка, Павелъ Петровичъ, точно учился... только Богъ не привелъ выучиться...

— Что такъ?...

— Да помилуйте, батюшка благодѣтель до ученья ли мнѣ

было... Что у меня въ дому-то дѣлается .. Вотъ пришолъ вашей защиты просить... Окажите ваше милосердіе... защитите несчастныхъ...

Осташковъ прослезился.

— Что такое, братецъ?... Что такое?...

Осташковъ разсказалъ. Рыбинскій слушалъ разсказъ, улыбаясь.

— Однако этотъ дяденька твой, должно быть, изъ храбрыхъ военныхъ... должно быть человѣкъ интересный... Надобно съ нимъ познакомиться... Я этакихъ артистовъ люблю... Такъ съ утра до вечера пьетъ... безъ просыпа...

— Да уж рѣдко развѣ когда трезвый-то бываетъ... Все больше хмѣльной... И такой на всѣхъ на насъ страхъ напустилъ... Бабы-то боятся и изъ избы-то выдти...

Рыбинскій захохоталъ.

— Молодецъ... Вотъ артистъ...

— Чему же онъ смѣется-то?... подумалъ Осташковъ. Неужто это онъ и въ самомъ дѣлѣ не возьметъ мою руку, не вступится за меня?..

— Вотъ, батюшка, Павелъ Петровичъ, еще къ вамъ о моемъ дѣлѣ Николай Андреичъ Палёновъ письмецо прописалъ... сказалъ Осташковъ, подавая письмо. Не оставьте вы меня... Будьте отцы родные... Къ вамъ однимъ только моя и надежда...

— Что-то пишетъ сей мудрый мужъ... проговорилъ Рыбинскій, распечатывая письмо.

Читая, онъ то улыбался, то хмурился. Осташковъ съ замираніемъ сердца жадно слѣдилъ за нимъ глазами.

— Мг... дуракъ... сказалъ онъ, окончивъ чтеніе и бросая письмо съ презрѣніемъ.

— Ступай вонъ... обратился онъ вдругъ къ Осташкову.

Тотъ поблѣднѣлъ.

— Ступай вонъ... повторилъ Рыбинскій... Тебѣ отъ меня нечего ждать... Пусть тебя защищаетъ твой Палёновъ... А мнѣ некогда, да я и не хочу вмѣшиваться въ ваши дурацкія семейныя дрязги...

— Батюшка... батюшка... лепеталъ Осташковъ.

— Ну, что, матушка... Ты поѣхалъ просить защиты сначала къ нему... Онъ пишетъ, что взялъ тебя подъ свое покровительство... Ну, пусть и покровительствуетъ...

— Я не просилъ, батюшка, писать... Они сами... Я заѣхалъ только посовѣтоваться .. такъ... на-счетъ васъ .. узнать...

— Ну, пошелъ же совѣтуйся... Я ужь по тому одному ничего для тебя не сдѣлаю, что этотъ дуракъ... принимаетъ въ тебѣ участіе... На зло ему ничего не сдѣлаю. . Такъ ему и скажи... Онъ думалъ меня заставить что нибудь сдѣлать , угрожая своими связями... Ну такъ вотъ скажи ему какъ я его боюсь... Нарочно, нарочно... только потому, что онъ пишетъ, ничего не хочу для тебя сдѣлать... Да и какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ письмомъ отъ него... а?...

— Батюшка... Павелъ Петровичъ... благодѣтель... я... я думалъ, что...

— Пошолъ вонъ... Уродъ этакой... Дуракъ.., закричалъ Рыбинскій такъ грозно, что Осташковъ уже не смѣлъ болѣе возражать и поплелся къ дверямъ...

— Да не смѣть меня больше и безпокоить объ этомъ дѣлѣ. . Слышишь... Не смѣй на глаза показываться... говорилъ Рыбинскій вслѣдъ ему. Пусть этотъ дуракъ видитъ, что̀ значатъ для меня его слова... Пугать вздумалъ!... а?... Дерзости писать!...

Осташковъ постоялъ нѣсколько минутъ за дверями кабинета въ печальномъ раздумьи и нерѣшительности. Наконецъ онъ осмѣлился, опять пріотворилъ двери и тихо проскользнулъ въ кабинетъ. Рыбинскій перечитывалъ письмо Палёнова: на лицѣ его изображалось сильнѣйшее раздраженіе и негодованіе.

— Я тебѣ сказалъ или нѣтъ? спросилъ онъ съ досадой, увидя Осташкова.

Тотъ сталъ на колѣни.

— Послушай, я своими словами шутить не люблю... Ступай вонъ. . И если ты меня будешь еще безпокоить... Если ты мнѣ еще разъ покажешься на глаза... я... я тебя прямо приколочу.

— Батюшка... хоть побейте, да...

— Вонъ ! закричалъ Рыбинскій, и на этотъ разъ уже такъ внушительно, что Осташковъ, какъ испуганный заяцъ, въ одинъ скачокъ очутился за дверями.

— Какъ мнѣ быть? Что̀ мнѣ дѣлать?.. думалъ Осташковъ, стоя опять въ нерѣшимости за дверями кабинета. Вдругъ эти двери отворились и Рыбинскій позвалъ Осташкова. Надежда осѣнила его душу.

— Подожди... Я тебѣ сейчасъ дамъ письмо къ Палёнову, которое ты свезешь къ нему... сказалъ Рыбинскій, и, не прибавивъ больше ни слова, сѣлъ писать.

«Милостивый государь, писалъ онъ. Ваше неумѣстное вмѣшательство въ семейныя дрязги вашего меньшаго брата (какъ вы его называете), дворянина Осташкова, и послѣдовавшее затѣмъ еще болѣе неумѣстное письмо по этому поводу ко мнѣ, не заслуживали бы по настоящему ни вниманія, ни отвѣта. И если я беру трудъ отвѣчать вамъ, то единственно только для того, чтобы письменно объяснить вамъ, что подобное письмо можно бы счесть дерзостью, если бы оно было написано кѣмъ нибудь другимъ, а не вами, и что я нисколько не намѣренъ безпокоить себя разборомъ тѣхъ дрязгъ, которыя васъ такъ интересуютъ. И потому предоставляю вамъ полную свободу быть защитникомъ правъ вашего угнетеннаго брата и обращаться съ вашими представленіями къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ вы пользуетесь кредитомъ; а меня прошу на будущее время отъ нихъ избавить.»

— Вотъ возьми это письмо и сейчасъ же отправляйся съ нимъ къ Палёнову, говорилъ Рыбинскій, отдавая Осташкову письмо.

— Батюшка... благодѣтель... простите вы меня! нылъ Осташковъ жалобнымъ голосомъ.

— Я въ этомъ письмѣ дѣлаю распоряженіе по твоему дѣлу... Не смѣй же мнѣ надоѣдать больше... Ну, отправляйся сейчасъ... Тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего... Сейчасъ же поѣзжай, чтобы я тебя не видѣлъ...

Осташковъ не зналъ, что думать, хотѣлъ изловить и поцѣловать ручку Рыбинскаго, но тотъ не далъ и показалъ на дверь. Никеша вышелъ, не поспѣлъ даже зайти къ Сашенькѣ, и отправился въ обратный путь.

Сашенька, увидя по утру свою новую мамашу, разсказала ей, что у нея былъ ея тятя. Юлія Васильевна захотѣла видѣть его, но Осташкова уже не было: онъ уѣхалъ. Удивленная этимъ быстрымъ отъѣздомъ, она сообщила о немъ Рыбинскому, въ присутствіи Саши, и тотъ разсказалъ ей всю исторію своего свиданія съ нимъ и прочиталъ письмо Палёнова. Рыбинскій очень комично передразнивалъ Осташкова, и Юлія Васильевна весело смѣялась надъ нимъ; вмѣстѣ съ нею смѣялась надъ отцомъ и Сашенька.

— Какой тятька смѣшной! говорила она.

— И ты бы, дурочка, была такая же смѣшная, еслибы жила съ нимъ, а не у меня, отвѣчала Юлія Васильевна.

А между тѣмъ бѣдный Осташковъ тащился на своемъ усталомъ буркѣ, который такъ же, какъ и хозяинъ уныло опустя голову бѣжалъ и не могъ понять, зачѣмъ его гоняютъ взадъ да впередъ почти безъ отдыха.

IV.

Когда Осташковъ, пріѣхавъ къ Палёнову, разсказалъ ему подробно о своемъ свиданіи съ предводителемъ, и когда Николай Андреичъ прочиталъ привезенный ему отвѣтъ на его посланіе, бѣшенство овладѣло его душою.

— Я ему докажу... Я ему покажу!.. кричалъ Палёновъ, неистово теребя свой собственный хохолъ на головѣ, за неимѣніемъ подъ руками чужаго. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, пиналъ ногами мебель, бросалъ на полъ смятое въ комокъ письмо предводителя, топталъ его ногами, потомъ снова поднималъ, перечитывалъ, опять мялъ и бросалъ на полъ.

— Я ему покажу себя... Онъ меня узнаетъ... продолжалъ Палёновъ въ азартѣ. Я къ губернатору напишу... къ министру напишу... Я поставлю на своемъ... Я его выучу... Я это письмо буду вездѣ читать... На всю губернію его ославлю... Я его въ подлинникѣ къ министру представлю...

И онъ снова поднималъ и разглядывалъ роковое письмо.

— Какъ... Онъ рѣшается оскорбить дворянина... такого дворянина, какъ я... Онъ думаетъ, что это ему такъ пройдетъ... что я не съумѣю вступиться за себя... Нѣтъ, онъ увидитъ... онъ узнаетъ меня... Я на выборахъ осрамлю его... Я выведу на свѣжую воду всѣ его гадости...

— Что же мнѣ теперь съ своимъ-то горемъ дѣлать, батюшка, Николай Андреичъ?.. Вѣдь, приходится съ голода помирать... осмѣлился наконецъ проговорить Осташковъ, улучивъ минутку, когда Палёновъ умолкъ, и отъ усталости бросился на диванъ.—Не оставьте, благодѣтель, помогите... Теперь на васъ однихъ надежда... Безъ васъ придется пропадать...

Никеша со слезами поклонился въ ноги Палёнову.

— Не кланяйся, братецъ, не кланяйся, Осташковъ... Не терзай меня...

— На кого же мнѣ, батюшка, теперь надѣяться... Къ кому при-

слониться... Въ комъ защиты искать?.. Предводитель отъ меня отказывается... значитъ, ужь я долженъ живъ умирать... Значитъ, пропадать мнѣ приходится... Кто за меня теперь вступится?.. Кто защититъ меня съ малыми дѣтьми?..

— Я тебя защищу. . На меня одного надѣйся... Вели лошадей закладывать: я сейчасъ вмѣстѣ съ тобой поѣду къ тебѣ и постращаю твоихъ... Они должны меня послушаться...

— Ахъ, батюшка, благодѣтель... не оставьте... Велики ваши милости... Велико ваше для меня безпокойство...

— Ничего... ничего... поѣдемъ... Вели закладывать... Я покажу этому подлецу, что я и безъ него могу сдѣлать что захочу... А потомъ я пріѣду въ губернскій городъ... Непремѣнно губернатору покажу его письмо .. и разскажу какъ онъ исполняетъ свои обязанности... Вели же закладывать лошадей... Скажи, чтобы четверню въ коляску...

— Батюшка... Николай Андреичъ... осмѣлюсь я только доложить... Моя-то лошаденка очень пристала... не побѣжитъ за вашими...

— Да ты и не бери свою... Оставь здѣсь, пусть отдохнетъ... поѣдемъ со мной... А потомъ воротимся, тебѣ надобно будетъ опять ѣхать въ городъ... Я хочу твоего сына отдать въ уѣздное училище, такъ тебѣ нужно будетъ пріискать ему въ городѣ квартиру... За содержаніе я заплачу...

— Ахъ, батюшка...

— Ну, ну, не благодари... Послѣ... Я не Рыбинскій... Если я дѣлаю добро, такъ для добра, а не изъ самолюбія... Поди же, скажи тамъ... Да пошли ко мнѣ Абрама...

Съ чувствомъ гордости и самодовольствія подъѣзжалъ Никеша къ своей усадьбѣ, въ коляскѣ четверней, сидя рядомъ съ такимъ важнымъ бариномъ. Онъ былъ увѣренъ, что одно появленіе такого значительнаго лица произведетъ уже сильное вліяніе и даже наведетъ страхъ на его отца, дядю и брата, а его вмѣшательство въ ихъ дѣло заставитъ ихъ смириться и уступить. Лестно ему было также показаться на такой высотѣ предъ стройковскими мужиками, которые, по случаю праздничнаго дня, всѣ были дома и, видѣли путешествіе Никеши, кланялись проѣзжающему четверней серьёзному и важному барину, а Осташковъ, принимая эти поклоны отчасти и на свой счетъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ на нихъ. Изъ избы Александра Никитича также увидѣли этотъ торжественный поѣздъ.

— Видно, предводитель съ нимъ самъ пріѣхалъ, сказалъ Александръ Никитичъ. Ишь ты, разбойникъ, какъ за него вступаются... Подлизеня этакой!.. Да мнѣ что... хоть распредводитель будь... Я въ своемъ добрѣ хозяинъ... Мнѣ никто не судья...

— Такъ... люблю!.. подтвердилъ Харлампій Никитичъ. Что тебѣ опасаться... Держись за меня: я самъ съ нимъ поговорю... Я и полковому командиру не уступалъ... А у насъ за это строго взыскивается... ты не знаешь... Коли онъ имѣетъ власть насъ судить... пускай еще онъ съ Никешки взыщетъ... за непочтеніе къ родителю... Ты на его пожалуйся... И я тебя поддержу... Вотъ чѣмъ вздумалъ пугать... Что мнѣ предводитель!.. Меня предводитель еще долженъ почесть... потому я служилъ моему государю... получалъ раны... и заслужилъ... ты, Ванюшка, испугался что ли?

— Чего мнѣ, дяденька, изъ-за васъ съ батюшкой бояться... Ничего я не боюсь... Что́ онъ можетъ мнѣ сдѣлать, хоть бы и предводитель?

— Молодецъ... Люблю... Ничего не бойся, Ванюшка... и будешь военный человѣкъ... Мы и смерть видали, да не боялись... А испугаемся мы предводителя!.. Давай мнѣ, Ванюшка, сюртукъ; я пойду съ нимъ познакомлюсь... Я могу съ нимъ познакомиться и поговорить... Чтожь?.. могу... Погоди, Никешка, я тебя передъ нимъ отдѣлаю... Давай сюртукъ...

Харлампій Никитичъ поспѣшно одѣлся и отправился въ избу Никеши. Онъ вошелъ въ нее, никѣмъ незамѣченный, въ ту самую минуту, когда Палёновъ только что отдалъ приказаніе сопровождавшему его слугѣ позвать къ себѣ всѣхъ Осташковыхъ. Катерина въ это время хлопотала съ самоваромъ, а больная Наталья Никитишна, съ усиліемъ слѣзши съ полатей, чтобы принести жалобу Палёнову, съ позволенія его присѣла въ уголкѣ на лавку.

— Это кто такой? спросилъ Палёновъ, увидя входящаго поручика.

— Это дяденька-съ... вполголоса отвѣчалъ стоявшій около него Никеша.

— Господинъ предводитель, имѣю честь себя представить... Поручикъ Осташковъ, говорилъ Харлампій Никитичъ, расшаркиваясь. Позвольте познакомиться... Очень пріятно... Я наслышанъ, вы изъ военныхъ... Я тоже... одного поля ягода... По-

звольте познакомиться... И Харлампій Никитичъ протянулъ Палёнову руку.

— Я не предводитель... Я здѣшній помѣщикъ извѣстный впрочемъ всей губерніи и другъ съ губернаторомъ... Я Николай Андреевичъ Палёновъ... отвѣчалъ онъ, не подавая руки поручику.

— Очень пріятно... Позвольте съ вами познакомиться и представить себя... Я поручикъ Осташковъ, дядя вотъ этого разбойника, Никешки... Его надо поучить... что жь вы? Вашу руку... я желаю съ вами познакомиться...

— Вы должны были сначала узнать желаю ли я съ вами знакомиться... отвѣчалъ Палёновъ, начиная горячиться и обиженный смѣлостью поручика, протягивавшаго ему руку. Я пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы заводить знакомство съ пьяницами и буянами, такими, какъ вы...

— Какъ вы смѣете такъ говорить!.. я офицеръ... поручикъ... Служилъ моему государю... Я больной человѣкъ... Я раненъ... Я могу знакомство вести со всякимъ... Вы какой имѣете чинъ?.. Я сяду...

— Я знакомлюсь, мой любезный, только съ людьми порядочными, а вы пріѣхали сюда и только пьянствуете, буяните, и ссорите вашихъ родныхъ... Я вамъ говорю, что я извѣстенъ во всей губерніи и въ Петербургѣ знакомъ съ самыми важными вельможами... Здѣшній губернаторъ со мною друженъ и считаетъ за честь все для меня сдѣлать... Совѣтую вамъ быть со мной вѣжливѣе и вести себя посмирнѣе... Я съумѣю управиться съ вами... Такимъ буйнымъ людямъ вы знаете гдѣ мѣсто... Я пріѣхалъ сюда не знакомиться съ вами, а предостеречь васъ и вразумить, чтобы вы жили смирнѣе, поменьше пьянствовали и не обижали вашихъ бѣдныхъ родныхъ... Слышите вы?.. Уймитесь, а то будетъ плохо... Мнѣ стоитъ только сказать два слова губернатору, и васъ ушлютъ отсюда, какъ человѣка безпокойнаго...

— Я въ своемъ имѣніи... Какое вы имѣете право мнѣ говорить?... Я ничего не боюсь... Кто вы такой?.. Какой вашъ чинъ?.. Покажите мнѣ бумагу... Я могу прочитать?.. Гдѣ вашъ ордеръ?.. Покажите мнѣ его... А то я никуда не поѣду... Я тебя знать не хочу...

— Я тебѣ говорю, пьяница, говори со мной вѣжливѣе... закричалъ Палёновъ.

— Какъ ты можешь кричать?.. Я офицеръ... Покажи ордеръ... Кто меня можетъ взять? Я никуда не поѣду? Я въ своемъ имѣніи... Ты мой не начальникъ... Убирайся къ чорту... Ступай вонъ...

Палёновъ вспыхнулъ и начиналъ терять благоразуміе; но въ эту минуту вошли Александръ Никитичъ съ сыномъ: вниманіе Палёнова, сосредоточенное до сихъ поръ на одномъ противникѣ, было развлечено.

— Я съ тобой, грубіянъ, послѣ раздѣлаюсь... проговорилъ онъ, стиснувъ зубы, и обратился къ Александру Никитичу.

— И для такого пьяницы, для такого негодяя, котораго вотъ непремѣнно ушлютъ отъ васъ куда нибудь, потому что я непремѣнно попрошу объ этомъ губернатора, для этого человѣка, хоть онъ и братъ твой, ты, старикъ, гонишь и притѣсняешь сына, смирнаго и добраго человѣка, который у всѣхъ у насъ, на хорошемъ счету... Какъ тебѣ не стыдно! И слушаешь ты еще другаго негодяя, твоего младшаго сына, который, видно, пойдетъ по стопамъ своего дядюшки...

— Младшій-то сынъ, сударь, мой кормилецъ и поилецъ, отвѣчалъ Александръ Никитичъ. Онъ меня слушаетъ, а не я его .. Я ничего худаго отъ него не видалъ... А Никанора никто не притѣсняетъ и не гонитъ... Онъ отдѣленый сынъ, живетъ своимъ домомъ, своей семьей... что хочетъ дѣлаетъ, ни въ чемъ меня не спрашиваетъ... Чѣмъ же я его притѣсняю?

— Его бить надобно, учить... вмѣшался Харлампій Никитичъ. А Ванюшка у меня молодецъ... Я его въ обиду не дамъ... Ванюшка, принеси водки...

— Скажи, старикъ, этому скоту, чтобы онъ ушолъ отсюда, а то я его велю вытолкать...

— Меня вытолкать?.. Нѣтъ, руки коротки... Я въ своемъ имѣніи... Тебя я велю вытолкать... Ванюшка, вытолкай его...

— Эй, люди, закричалъ взбѣсившійся Палёновъ. Люди!..

Кучеръ и лакей, сидѣвшіе въ сѣняхъ, вбѣжали.

— Выведите отсюда этого пьяницу...

— Не смѣй... Ванюшка, ко мнѣ... Не смѣй меня трогать... Ванюшка, не выдавай...

— Вытолкайте же его... закричалъ Палёновъ на людей, которые стояли въ нерѣшимости. А, скоты!..

Николай Андреичъ схватилъ поручика за воротъ, приподнялъ его съ лавки, на которой онъ сидѣлъ, и кинулъ въ руки сво-

имъ слугамъ. Тѣ повлекли поручика вонъ, не смотря на его сопротивленіе, крики и ругательства.

— Какъ же ты, старикъ, говоришь, что не притѣсняешь его... продолжалъ Палёновъ, переведя духъ. Развѣ это не притѣсненіе, что ты отнялъ у него рожь, которая имъ была посѣяна и имъ же сжата...

— Да, вѣдь, это, сударь, мое отцовское дѣло: воленъ дать сыну, воленъ и взять... Пока живъ, земля-то моя.

— Да, вѣдь, ты самъ говоришь, что отдѣлилъ его?

— Да, не захотѣлъ со мной жить, такъ и живетъ своимъ домомъ... Вотъ и весь дѣлежъ... А землю я ему въ корень не отдавалъ. Не была мнѣ нужна, такъ владѣлъ... А стала нужна, опять за себя возьму...

— Да ты не имѣешь права этого сдѣлать...

— Отчего такъ?.. Гдѣ это писано?.. Я ему на землю бумаги не давалъ... Не бумагой, вѣдь, она за нимъ приписана...

— Да я тебѣ говорю, что ты не имѣешь права взять у него его хлѣбъ... Слышишь: я тебѣ это говорю... Ты долженъ хлѣбъ возвратить ему... И ты его отдашь!

— Нѣтъ, сударь, не отдамъ...

— Какъ не отдашь... Почему?

— А потому что не отдамъ... Не желаю... не заслужилъ... не стоитъ... Потому и не отдамъ.

— А если я тебѣ говорю, что ты долженъ отдать... Если я тебѣ приказываю?

— Да имѣете ли еще вы право приказывать-то... Я думалъ, вы предводитель, а, вѣдь, люди-то говорятъ, что вы не предводитель...

— Что жь изъ этого?.. Не сегодня, завтра и я буду предводителемъ... Меня дворяне давно объ этомъ просятъ, да я самъ не хочу... Я тебѣ говорю, старикъ, послушайся: отдай хлѣбъ, не бери землю у Никанора, а то хуже будетъ...

— Да что же худаго-то, сударь, будетъ?.. Худому-то быть не чему...

— Такъ ты не отдашь хлѣба?.. грозно закричалъ Палёновъ, выходя изъ себя.

— Не отдамъ... отвѣчалъ упрямый старикъ, смотря прямо въ глаза Палёнову?

— Не отдашь?

— Не отдамъ... За непочтеніе, да за то, вотъ, что онъ ѣз-

дитъ да славитъ обо мнѣ, да чужихъ людей съ отцомъ зоветъ судить... Ни за что не отдамъ...

— Эй, старикъ, ты со мной не шути... Судомъ заставятъ отдать, да еще велятъ за убытки заплатить, которые ты ему надѣлалъ...

— Отца-то заставятъ сыну платить?.. Пущай заставляютъ, коли кто этакую власть имѣетъ...

— Батюшка, отдай, смилуйся: я тебѣ въ ножки поклонюсь... сказалъ Никеша, выступая передъ отцомъ и кланяясь въ ноги.

— Нѣтъ, сынокъ, поздно... Ты на меня жаловаться ходилъ... Чужимъ судомъ хотѣлъ съ меня взять... Ну такъ и бери судомъ...

— Что жь ты, старый чортъ, и въ самомъ дѣлѣ, власти что ли надъ собой не признаешь?.. Что жь ты думаешь тебя заставить что ли нельзя... Чего тебѣ еще?.. Сынъ тебѣ кланяется, проситъ... Чего жь тебѣ еще хочется?.. Чтобы бороду я тебѣ вытаскалъ, что ли?..

— Нѣтъ, еще это нигдѣ не показано, чтобы у меня бороду таскать... Да что вы за судья и въ самъ дѣлѣ такой?... Кто васъ надо мной поставилъ?.. Что мнѣ, что ты богатъ, а я бѣденъ .. Я тебя не знаю, да и знать-то не хочу... коли ты къ бородѣ моей полѣзъ... Вотъ что...

Александръ Никитичъ повернулся и пошолъ къ дверямъ. Палёновъ совсѣмъ забылся отъ бѣшенства и бросился было на старика, но Иванъ загородилъ его собою и взглянулъ на грознаго судію такъ смѣло и выразительно, что тотъ въ минуту опомнился и остановилъ поднятую руку.

— Я вамъ дамъ... Вы меня вспомните... кричалъ имъ вслѣдъ сконфуженный Палёновъ.

— Ладно... насмѣшливо проговорилъ Александръ Никитичъ, затворяя за собою дверь.

Палёновъ сѣлъ на лавку и отдувался отъ попыховъ и волненія.

— Вотъ, батюшка, Николай Андреичъ, изволите видѣть каковы мои родители... Какъ мнѣ съ ними жить... жалобно говорилъ Никеша.

— Охъ, батюшки мои... Охъ, согрѣшили... Ой, спинушка... Ой, сердечушко... О-охъ... стонала Наталья Никитишна, увидѣвшая неудачу и залѣзая опять на ночь.

— Только васъ-то я, батюшка, напрасно обезпокоилъ... Вы-то для меня этакую себѣ муку только приняли...

— Это звѣри какіе-то, а не люди!.. говорилъ Палёновъ. На нихъ нужно палку, а не слова... Этакое невѣжество, этакая грубость...

— Ахъ, батюшка, Николай Андреичъ, то ли бы вы еще у насъ увидѣли... То ли еще бываетъ... Жить, вѣдь, нельзя, благодѣтель.., Что они меня, ужь теперь совсѣмъ съѣдятъ... и подавно... Живой въ гробъ ложись... Ахъ, ты Боже мой...

— Ничего, Осташковъ, не бойся... Я ужь коли сказалъ тебѣ, что защищу, такъ надѣйся на меня... Я ихъ проучу... Я покажу имъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло...

— Не оставьте, благодѣтель...

Никеша утиралъ слезы.

— Батюшка, не оставь... Совсѣмъ заѣли... присоединилась Катерина, тоже со слезами, кланяясь въ ноги Палёнову.

— Ужь не бойтесь, не оставлю... Нарочно, самъ лично поѣду къ губернатору...

— Благодѣтели вы наши!.. сказали въ одинъ голосъ Никеша и Катерина, куксясь, всхлипывая и цѣлуя руки Палёнова.

— Молитесь Богу, друзья мои, чтобы я... не отказался на будущіе выборы быть здѣшнимъ предводителемъ... Тогда будете покойны и счастливы... Несчастный всегда найдетъ во мнѣ защитника... говорилъ тронутый Палёновъ.

— Дай тебѣ, Господи, много лѣтъ здравія и всего, что твоя душа желаетъ за твои добродѣтели... проговорила Наталья Никитишна, слѣзая съ печи со стономъ и кряхтѣньемъ и также поклонилась въ ноги Палёнову. Не оставь насъ сиротъ...

Наталья Никитишна, захворавши вдругъ послѣ описанной исторіи съ отнятымъ хлѣбомъ, въ нѣсколько дней осунулась и захирѣла страшнымъ образомъ. До сихъ поръ бодрая и здоровая старуха, она казалась теперь совсѣмъ больной и разрушающейся.

— Полно, полно, старушка, полѣзай себѣ на печь... Богъ дастъ, все поправится... успокоивалъ ее, окончательно размягчившійся Палёновъ. Еще кланяться вздумала: смотри-ка какая ты хворая, еле на ногахъ держишься...

— Эхъ, родимый, укатали бурку крутыя горки... Недавно, вѣдь, я этакая-то стала... Они же, изверги, видно меня испортили... Вдругъ ничто приспичило... На полѣ сысталось... Съ Ванюшкина, видно, глаза... Либо ужь напустили что нибудь на меня съ вѣтра... Охъ силушки моей нѣтъ... Попортили, злодѣи...

— Полно, старушка, этого не бываетъ: не говори вздору...

— Думается, кормилецъ; думается, родимый... Вѣдь, съ этого самаго случая, какъ изъ-за хлѣбца съ Ванюшкой на полѣ поругалась... Съ того самаго раза ровно что въ меня вступило... Ну, ноетъ въ утробушкѣ... Нѣтъ моей силушки, да и на, поди...

— Да, батюшка, съ того самаго раза, какъ съ поля пришла въ тѣ поры, такъ въ себѣ и почувствовала... Да вотъ все хуже да хуже... подтвердила Катерина.

— Что же вы .. чайкомъ-то дорогаго гостя не подчуете... Охъ! замѣтила Наталья Никитишна... Охъ... А я, батюшка, опять на печь... Ужь не обезсудь... Въ теплѣ-то лежу, такъ ровно полегче... А ужь ноженьки не держатъ... Нѣтъ, не держатъ... Особливо, какъ что... раздумаюсь про горесть свою, али перемогусь... такъ и хуже... Охъ, ужь не взыщи...

— Поди, поди, старушка, ложись.

Наталья Никитишна опять залѣзла на печь.

Никеша съ Катериной начали угощать дорогаго гостя чаемъ, разсказывая о своихъ нуждахъ и жалуясь на свою горькую долю, прося защиты и помощи. Палёновъ обѣщалъ и то и другое.

Когда онъ опять вмѣстѣ съ Никешей отправился въ обратный путь, Харлампій Никитичъ, уже совершенно пьяный, сидѣвшій у избы брата вмѣстѣ съ Иваномъ, проводилъ ихъ хохотомъ и ругательствами. Палёновъ, въ отвѣтъ на это, выразительно погрозилъ ему пальцемъ, а Харлампій Никитичъ съ своей стороны показалъ ему чубукъ.

V.

Дня черезъ три послѣ описанныхъ происшествій Палёновъ рекомендовалъ Осташкова и Николиньку смотрителю уѣзднаго училища своего городка. Смотритель, маленькій кругленькій человѣкъ, съ гладко прилизанными волосами, съ рабски угодливымъ, подленькимъ выраженіемъ лица, но лукавыми и злыми зелеными глазками и краснымъ утинымъ носомъ, видимо считалъ за особенную честь посѣщеніе такого богатаго помѣщика, какъ Палёновъ, но старался сохранить достоинство и независимость главы мѣстныхъ педагоговъ, особенно предъ лицомъ будущаго свое воспитанника. Вслѣдствіе этого, раболѣпно и съ подобострастною улыбкою выслушивая слова Палёнова, важно раз-

валившагося на диванѣ, онъ мгновенно измѣнялъ выраженіе лица и внушительно хмурилъ брови при взглядѣ на Осташкова и его сына, стоявшихъ передъ нимъ. Ни въ одномъ изъ нашихъ сословій, и до очень ближайшаго къ намъ времени, не было такъ развито чиновничество со всѣмъ своимъ мелкимъ чванствомъ, самоуничиженіемъ и деспотизмомъ, какъ въ ученой братіи низшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеній. Ни одинъ губернаторъ на послѣдняго приказнаго земскаго суда, ни одинъ баринъ на своего лакея не смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ, съ такимъ сознаніемъ безотвѣтственной власти, какъ наставники на своихъ учениковъ; ни одинъ правитель канцеляріи, ни одинъ полковой командиръ не требовали такой субординаціи, не старались такъ запугать своихъ подчиненныхъ и не наслаждались столько страхомъ, внушаемымъ ихъ личностью въ подчиненныхъ, какъ смотрителя, инспектора и директора въ воспитанникахъ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. И, можетъ быть, нигдѣ во всемъ русскомъ царствѣ не заботились столько развивать идеи самоуничиженія, рабской безотвѣтной покорности и подлаго шпіонства, нигдѣ не чувствовался такой деспотизмъ власти, какъ въ этихъ разсадникахъ общественнаго образованія, какъ любили называть учебныя заведенія наши педагоги...

— Я васъ прошу обратить особенное вниманіе на этого ребенка, говорилъ Палёновъ, указывая на Николиньку. Отецъ его, правда, очень бѣдный дворянинъ, не имѣющій ни одной души... но онъ все-таки дворянинъ...

Смотритель съ презрѣніемъ взглянулъ на Осташкова и, закрывшись отъ Палёнова рукою, понюхалъ табаку.

— И я вамъ скажу еще болѣе: онъ дворянинъ весьма древняго и, вѣроятно, княжескаго рода... Слѣдовательно ваше училище должно считать за особенную честь принять въ свои нѣдра этого мальчика... Вѣдь, у васъ большею частію все простонародье...

— Конечно, наше училище общенародное называется, отвѣчалъ смотритель съ грустною, и въ тоже время любезною улыбкою, слѣдственно мы обязаны принимать и всякую чернь... Но мы стараемся облагородить свое заведеніе доброй нравственностью и поведеніемъ своихъ учениковъ, негодяевъ исключаемъ... И я, даже, стараюсь такъ, чтобы въ моемъ училищѣ было какъ можно меньше чернаго народа... даже если который мальчишка неопрятно и неприлично одѣтъ, такъ я не допускаю его въ

классы, пока не поправится... И могу сказать... благодаря Бога, у меня въ училищѣ есть дѣти даже изъ здѣшнихъ благородныхъ домовъ: вотъ дѣти здѣшняго стряпчаго, также секретаря изъ уѣзднаго суда, а они люди благородные, даже имѣютъ свои деревни... И я могу сказать, что у меня ученики всѣ больше изъ купечества... А этихъ, шушеру, которые изъ мѣщанишекъ, я всячески стараюсь искоренять, и держу изъ нихъ развѣ только такихъ мальчиковъ, которые отличаются добропорядочною нравственностію... и тихостію... Я вамъ долженъ сказать, что я, слава Богу, успѣлъ поставить свое училище на хорошую ногу... У меня даже нѣтъ ни одного учителя, который бы очень зашибался, и ужь у меня, избави Богъ... въ нетрезвомъ видѣ въ классъ не придутъ!.. У меня даже учителя всегда въ виц-мундирахъ посѣщаютъ классы...

— Ну-съ это прекрасно... Порядокъ и дисциплина вездѣ нужны... Хотя, конечно, свѣтъ образованія долженъ вездѣ распространяться, и слѣдуетъ стараться, чтобы онъ проникалъ во всѣ слои общества...

— Этого нельзя-съ... Нельзя этого допустить, чтобы всякій лѣзъ въ уѣздное училище... Тогда только запрудишь училище, а пользы не будетъ-съ, будетъ одно безобразіе... И опять надобно помнить, что не всякому нужно равное образованіе... Для дворянина нужно больше образованія, для купца поменьше, а для мѣщанина и еще поменьше... Этого не надобно упускать изъ вида. Напримѣръ, для чего мѣщанину или дворовому человѣку науки?.. Что онъ съ нимъ будетъ дѣлать?.. Ему достаточно выучиться читать, писать, да закону Божію... Вотъ съ него и довольно... А для этого приходское училище есть... А зачѣмъ же я уѣздное-то буду запружать этимъ народомъ?.. Развѣ только для того, чтобы благородные люди дѣтей своихъ гнушались отдавать?.. Повѣрьте: я это изъ опыта говорю-съ .. Нельзя-съ...

— Однако, позвольте: почему вы знаете, что и изъ этихъ сословій не можетъ выйти людей ученыхъ, людей замѣчательныхъ? Наша благословенная Россія очень богата талантами: они кроются во всѣхъ слояхъ общества... Да вотъ вамъ историческій примѣръ: Ломоносовъ... Изъ крестьянъ, сынъ рыбака. .

— Такъ, вѣдь, такіе люди родятся вѣками... Этакіе геніи нигдѣ не пропадутъ, они выбьются отовсюду... Позвольте васъ спросить: много ли Ломоносовыхъ-то?.. Да если мнѣ теперь

этого правила держаться и всякій народъ безъ разбора пускать въ уѣздное училище, ихъ столько налѣзетъ, что учителю некогда будетъ и уроковъ спрашивать... Помилуйте... Да и порядка никакого не добьешься... Никакой чистоты нельзя будетъ соблюсти... Нынче же первое отъ начальства требуется, чтобы порядокъ и чистота была въ казенномъ заведеніи... А теперь извольте сообразить: если я напущу къ себѣ триста человѣкъ всякаго-то сброда... да они, помилуйте, на ножищахъ одного сора натащутъ столько, что не выметешь... а въ грязные дни грязью такъ полъ натопчутъ, что и не промоешь... Здѣсь же у насъ въ городѣ тротуаровъ нѣтъ, улицы грязныя... А у меня всего одинъ сторожъ при училищѣ полагается... Чтожь онъ можетъ сдѣлать? Да эти мальчишки такой народъ, что они одной недѣлей всѣ лавки, всѣ парты изрѣжутъ и переломаютъ, всѣ стѣны такъ засалятъ, что на одни починки, да на подкраску всей расходной суммы не достанетъ, что на училище отпускается... Нѣтъ, помилуйте, этого нельзя... Конечно всѣ эти разсужденія очень прекрасны... Но надо все это изъ практики узнать сначала... Для чего же я стану-съ заведеніе-то свое ронять?.. Изъ-за сволочи, изъ-за черни, которая никогда ничему даже и научиться не можетъ... А если и выучатся чему, такъ все бросятъ и перезабудутъ послѣ... Нѣтъ-съ а я свое училище облагородить стараюсь... Вотъ-съ я не могъ ожидать той чести, что вы пожалуете, не приготовлялся... а неугодно ли обозрѣть училище на-счетъ порядка и чистоты... а также и на-счетъ ученья... Ни шуму, ни крику большаго въ классѣ не изволите услышать... Всѣ ученики пріучены такъ: какъ взойду я, или учитель, или кто изъ посѣтителей, сейчасъ всѣ встаютъ въ струнку, рѣшительно какъ солдаты... Въ одеждѣ— пристойность: не только диръ, заплаты или разныхъ рукавовъ на сюртукѣ не увидите... Ну, ужь въ приходскомъ этого достигнуть нельзя... потому тамъ все простонародье... Нѣтъ, я за свое училище покоенъ... Не угодно ли обозрѣть?.. Удостойте...

— Хорошо... съ удовольствіемъ... Такъ вы этого молодца ужь завербуйте къ себѣ и не забудьте, что я васъ прошу обратить на него особенное вниманіе...

— А онъ подготовленъ-съ?.. То есть можетъ читать и писать?.. Вѣдь, у насъ въ уѣздномъ училищѣ уже науки начинаютъ преподавать даже съ перваго класса...

— Да, онъ можетъ читать, хотя конечно не бойко, начинаетъ и писать... Да я вамъ скажу: и это удивительно... Вѣдь, онъ, учился не больше пяти недѣль... Правда, его училъ очень талантливый малый, мой конторщикъ, и руководствуясь особенной системой, которую я самъ изобрѣлъ и которую не дурно бы примѣнить во всѣхъ приходскихъ училищахъ... Впрочемъ объ этомъ я буду писать къ министру, съ которымъ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ...

Смотритель подобострастно улыбнулся и одернулъ на себѣ виц-мундиръ.

— Это дѣйствительно: рѣдкость большая, чтобы въ такое короткое время... подтвердилъ онъ.

— Ну-съ, такъ я надѣюсь, что онъ будетъ принятъ?.. спросилъ Палёновъ, вставая.

— Помилуйте, непремѣнно... За особенное удовольствіе ..

— Если онъ немного не бойко читаетъ и плохо еще пишетъ, такъ вы прикажите тамъ вашимъ учителямъ, чтобы они особенно имъ занялись... Видите ли: я отдаю его къ вамъ въ училище только на годъ... чтобы приготовить его для поступленія въ гимназію... Вы такъ его и приготовляйте...

— Очень хорошо-съ... А въ училище не угодно зайти?..

— Пойдемте, пойдемте...

— А вы подождите меня здѣсь... обратился смотритель къ Осташкову, уходя. Съ важностію прошелъ Палёновъ по училищу, внушительно поговорилъ съ учителями, далъ нѣсколько совѣтовъ о способѣ преподаванія, замѣтилъ необходимость дать уѣзднымъ училищамъ направленіе болѣе практическое, реальное, о чемъ обѣщалъ при свиданіи поговорить съ министромъ, также посовѣтовалъ измѣнить устройство классныхъ столовъ, зашелъ въ библіотеку, гдѣ стоялъ никогда не отпиравшійся шкапъ съ книгами, которыхъ никто не читалъ, похвалилъ порядокъ и чистоту, и, прощаясь съ смотрителемъ, сказалъ, что онъ отправляется въ губернскій городъ и тамъ, при встрѣчѣ съ директоромъ, почтетъ обязанностью отозваться объ училищѣ съ самой выгодной стороны, при чемъ смотритель какъ-то совершенно разцвѣлъ и, униженно раскланиваясь, даже помогъ Палёнову надѣть шинель, несмотря на то, что ее подавалъ сторожъ. Воротился смотритель домой къ Осташкову уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ: подобострастіе и униженіе исчезли съ его лица; на немъ выражались взамѣнъ того важность, недоброжелатель-

ство и какая-то язвительность во взглядѣ его злыхъ кошачьихъ глазокъ, за что ученики называли его обыкновенно эхидной.

— Ну... Такъ какъ же вы... дворянинъ, а крестьянъ не имѣете?.. спросилъ онъ Осташкова.

— Что дѣлать, батюшка... Прадѣды наши всѣ свои души поистеряли...

— Какъ же?.. Чѣмъ же вы существуете?

— Да чѣмъ?.. Землю имѣю, обработываю... А больше того благодѣтели не оставляютъ... Вонъ Николай Андреичъ, дай Богъ здоровья, первый благодѣтель... а также и другіе прочіе изъ господства...

— Мм... А въ службѣ не были?..

— Нѣтъ, батюшка, Богъ не привелъ... потому родители мнѣ грамоты не дали... темнымъ человѣкомъ оставили... Вотъ ужь дѣти, Богъ дастъ, въ службу пойдутъ... за меня... коли науку примутъ... Вотъ не оставьте, батюшка, этого... Желаю наслѣдовать его наукой...

— Коли не будетъ шалить, да будетъ начальство почитать и слушаться, такъ, можетъ быть, и выучится... Ну-ка ты, поди сюда ко мнѣ... Давай-ка мы тебя проэкзаменуемъ... На-ка, прочитай вотъ это...

Николинька едва могъ складывать слова.

— Худо... замѣтилъ смотритель. Не достаточно...

— А ну-ка въ чистописаніи... Напиши: благочиніе... благо-чи-ніе...

Но Николинька совершенно сталъ въ тупикъ... Онъ у Аристарха Николаича выводилъ только буквы и то плохо, до мудрости писанія цѣлыхъ изрѣченій онъ еще не дошелъ...

— Что же ты?.. говорилъ смотритель.

— Пиши... понукалъ Осташковъ.

Но Николинька былъ въ сильномъ затрудненіи и печально вертѣлъ въ пальцахъ карандашъ, не зная какъ приступить къ дѣлу.

— Очень худо... замѣтилъ смотритель.

— Что же ты не пишешь?.. Али опять упрямиться? Пиши, говорятъ... настаивалъ Осташковъ. Вѣдь, писалъ, батюшка, самъ видѣлъ... Видно, сробѣлъ что ли...

— Да нѣтъ, онъ и въ чтеніи весьма слабъ... По настоящему, его слѣдовало помѣстить въ приходское училище, но по просьбѣ Николая Андреевича, я его допущу и въ уѣздное... Но только

ради его просьбы... Вы такъ и передайте, что только для нихъ это дѣлаю... А мальчикъ слабъ, очень слабъ... Ты смотри... Ты у меня учиться... Не шалить, слушаться... А то смотри... Я шалуновъ не люблю... И наказываю больно...

— Хорошенько его, батюшка, коли станетъ шалить... Не жалѣйте...

— Не безпокойтесь... Мы шалуновъ исправляемъ... Ну, такъ съ завтрашняго дня въ классъ... Да гдѣ онъ будетъ жить, такъ накажите хозяину, или тамъ хозяйкѣ что-ли, чтобы за нимъ надзирали, и въ развращенномъ видѣ... тамъ изорваннаго, или невычищеннаго въ классы не отпускали... Я безобразія не люблю... Притомъ онъ изъ дворянъ будетъ числиться... Такъ чтобы по-дворянски себя и велъ... Смотри... берегись... заключилъ смотритель внушительнымъ голосомъ и погрозилъ Николинькѣ пальцемъ.

— Какъ можно... Долженъ стараться... остерегать себя во всемъ... Вотъ еще не знаю, батюшка, куда мнѣ его пристроить-то... Куда бы нибудь, къ какому хорошему человѣчку... На квартиру-то... Не изволите ли знать?..

— Ну, ужь я этого не знаю... Гдѣ-жь мнѣ этимъ заниматься... Поищите... Въ городѣ есть дома... Мѣщанка, можетъ быть, какая возьметъ, или приказный... Развѣ мое дѣло квартиры разводить, или указывать мальчикамъ... Глупо это и даже невѣжливо безпокоить этимъ смотрителя... Ступайте и кланяйтесь отъ меня Николаю Андреевичу... А завтра его въ классы...

Осташковъ извинился, что обезпокоилъ, и отправился вмѣстѣ съ сыномъ на квартиру Палёнова.

Кратчайшая дорога ему лежала по главной улицѣ городка, гдѣ стоялъ домъ, занимаемый лѣсничимъ, но Осташковъ сдѣлалъ нарочно обходъ, чтобы не пройти мимо этого дома: онъ боялся, чтобы его не увидѣли и не позвали къ Юліи Васильевнѣ: въ присутствіи Николая Андреича онъ не смѣлъ и вспомнить о лѣсничихѣ и Рыбинскомъ, и отложилъ свиданіе съ дочерью до его отъѣзда изъ города.

Палёновъ въ тотъ же день собирался ѣхать въ губернскій городъ, чтобы объясниться, какъ онъ говорилъ съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ о поступкѣ Рыбинскаго, и просить ихъ вмѣшательства въ пользу Осташкова. Передъ отъѣздомъ онъ далъ Никешѣ три рубля серебромъ и объявилъ, что

каждый мѣсяцъ онъ будетъ отпускать такую же сумму на содержаніе Николиньки.

— А къ Рыбинскому ты не смѣй являться до моего возвращенія, приказалъ онъ, уѣзжая. Можетъ быть, этотъ мерзавецъ узнаетъ , что я поѣхалъ объясняться съ губернаторомъ, струситъ и, чтобы предупредить меня, сдѣлаетъ какое нибудь распоряженіе въ твою пользу. Ты не смѣй являться къ нему ни въ какомъ случаѣ, хотя бы онъ даже вызывалъ тебя... Слышишь?.. я тебѣ приказываю...

— Слушаю, батюшка, Николай Андреичъ...

— Нѣтъ, надобно поубавить съ него спѣси... Ба, да что же я думаю! вскричалъ вдругъ Палёновъ, ударивъ себя по лбу.— Всего лучше тебѣ ѣхать со мною : ты самъ лично объяснишь все и губернатору, и губернскому предводителю... Собирайся, поѣдемъ...

Осташковъ перепугался.

— Какъ я буду жаловаться на своего предводителя... мелькнуло у него въ головѣ.—Да онъ меня съ лица земли сотретъ...

Палёновъ замѣтилъ его смущеніе и воспылалъ было гнѣвомъ.

— Ты чтожь?... Ты боишься?... Ты не надѣешься что ли на меня?... Мало я для тебя дѣлалъ?... Ты юлишь?... Ты продать меня хочешь?...

— Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ-съ... благодѣтель, нѣтъ-съ... Я не про то-съ, не на-счетъ того... Я вотъ про сынишку... Еще къ мѣсту-то онъ не пристроенъ... Куда мнѣ его-то дѣть...

— Ну, онъ здѣсь пока останется... Я скажу хозяину, чтобы онъ его кормилъ, пока до моего возвращенія... А тутъ ты пріѣдешь и найдешь ему постоянную квартиру...

Осташкову нечего было возражать. Хозяинъ постоялаго двора былъ позванъ и изъявилъ согласіе продержать Николиньку нѣсколько дней, замѣтивши, что ему все единственно кого ни кормить... Ямщиковъ кормитъ же... И мальчика можно.. Покой ему въ въ избѣ за перегородкой дастъ... Будетъ и тепло, и хорошо...

Такимъ образомъ, нечаянно, негаданно, Осташковъ съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился въ губернскій городъ, а Николинька помѣстился у хозяина постоялаго двора, у печки, за перегородкой.

VI.

Осташковъ первый разъ въ жизни въѣзжалъ въ губернскій городъ. Съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ малый ребенокъ,

смотрѣлъ онъ на все, что мелькало передъ его глазами и на каменную заставу при въѣздѣ въ городъ съ пестрымъ шлагбаумомъ и съ золотыми орлами на столбахъ, и на рядъ большихъ каменныхъ домовъ, вдругъ смѣнившихъ знакомыя лачужки и непрерывно потянувшихся съ обѣихъ сторонъ улицы, и на большія пестрыя вывѣски надъ магазинами, и на блестящія главы церквей, и на нарядныхъ барынь и офицеровъ въ раззолоченныхъ каскахъ, попадавшихся на встрѣчу... Все поражало и удивляло его: и непривычное для его глазъ движеніе, и еще болѣе непривычный шумъ отъ экипажей, проѣзжавшихъ по мостовой. Всѣ, кто ни встрѣчался Никешѣ, казались ему такими богатыми, довольными и счастливыми.

— Вотъ, видно, гдѣ житье-то, вѣчная масляница!... подумалъ про себя Никеша.

На другой день утромъ Палёновъ, припарадившись, какъ слѣдуетъ, поѣхалъ къ губернатору, приказавши и Никешѣ сопровождать себя.

— Я тебя беру на всякій случай... сказалъ онъ ему.—Меня губернаторъ, вѣроятно, приметъ въ кабинетѣ, а ты останешься въ пріемной. Смотри же: если тебя позовутъ, и губернаторъ станетъ что нибудь спрашивать объ Рыбинскомъ, отвѣчай откровенно и всю правду: говори все, что знаешь про него, ничего не скрывай... Отъ этого зависитъ все твое счастіе...

— Слушаю, батюшка... робко отвѣчалъ Никеша, и при этомъ вспомнилъ назиданіе другаго благодѣтеля, Карѣева: что бы для тебя человѣкъ ни сдѣлалъ, какъ бы ты ни былъ ему обязанъ, но коли онъ подлецъ, то такъ и говори про него, что онъ подлецъ... Ничего не скрывай: это обязанность честнаго человѣка...

Со страхомъ и трепетомъ прошолъ Никеша мимо солдата у подъѣзда, мимо жандарма въ антре и поднялся вслѣдъ за Палёновымъ по великолѣпной лѣстницѣ, остерегаясь ступить на разостланный, по срединѣ ея, коверъ. Еще съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ смотрѣлъ онъ на Палёнова, такъ спокойно и самоувѣренно шедшаго впереди его. Въ пріемной комнатѣ Палёновъ обратился къ какому-то офицеру съ серебряными шнурами на груди, котораго Осташковъ готовъ былъ принять за самого губернатора, и просилъ доложить о себѣ генералу. Офицеръ тотчасъ же отправился исполнять требованіе Палёнова, а онъ, сдѣ-

лавъ знакъ Осташкову, чтобы тотъ остался въ этой комнатѣ, пошолъ вслѣдъ за офицеромъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что его не заставятъ дожидаться.

— Нѣтъ, видно надо Николая Андреича крѣпче держаться... Онъ, видно, сильный человѣкъ, подумалъ Никеша, провожая его глазами.

Палёновъ дѣйствительно былъ тотчасъ же допущенъ къ генералу.

Губернаторъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, полный, коренастый, со строгимъ и нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ глазъ, съ коротко остриженными волосами, съ постоянно нахмуреннымъ челомъ и щетинистыми черными усами на лицѣ красно-кирпичнаго цвѣта, въ сюртукѣ на распашку, но съ эполетами, встрѣтилъ Палёнова привѣтливо, какъ знакомаго, но впрочемъ съ достоинствомъ. Чрезвычайно красивымъ и совершенно воинственнымъ жестомъ руки онъ указалъ ему кресло.

— Давно васъ не видать... сказалъ губернаторъ, опускаясь въ кресла передъ огромнымъ письменнымъ столомъ и потирая ладони рукъ, нѣсколько приподнятыхъ кверху. — Какъ поживаете?

— По немножку, ваше превосходительство.

— Вы теперь изъ деревни?

— Да, я прямо изъ деревни, ваше превосходительство.

— Сентябрь мѣсяцъ на дворѣ, а какая славная погода стоитъ... Каковы дороги?

— Дороги хороши, ваше превосходительство.

— А что, каковы нынче хлѣба?... хороши?

— Хлѣба нынче хороши... нельзя жаловаться...

— Въ деревнѣ лѣтомъ рай, замѣтилъ губернаторъ глубокомысленно.—Вы счастливы, господа помѣщики, что проводите это время въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ этихъ дрязгъ... пыли... А вотъ наше положеніе... Генералъ положилъ руку на кипу бумагъ, завернутыхъ въ сѣрую папку, съ надписью: къ докладу.— Не разгибая спины работаешь... Генералъ потянулся, выгибая уставшую отъ работы спину и вытягивая руки.

— Напрасно вы изволите называть, ваше превосходительство, деревенскую жизнь раемъ... Повѣрьте, и у насъ не избѣжишь тѣхъ же дрязгъ и непріятностей, что и въ городѣ... Гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и человѣческая глупость, и недоброжела-

тельство, и желаніе обидѣть слабаго... Вотъ я и изъ деревни, а-пріѣхалъ безпокоить ваше превосходительство?..

— А-а... вы по дѣлу... проговорилъ генералъ, и лицо его приняло еще болѣе строгое выраженіе.

— И по дѣлу очень серьёзному, ваше превосходительство.... касающемуся интересовъ всего дворянства нашего уѣзда, по дѣлу, которое...

— Извините: вы какого уѣзда?...

— Вышнерѣченскаго, ваше превосходительство... Я былъ однажды осчастливленъ посѣщеніемъ вашего превосходительства во время вашего проѣзда для ревизіи по губерніи.

— Какъ же, я очень помню... Но забылъ только немножко уѣздъ, въ которомъ вы живете.

— Это тотъ самый уѣздъ, ваше превосходительство, который имѣлъ несчастіе выбрать въ предводители дворянства... осмѣлюсь выразиться предъ вами прямо : негодяя и человѣка безнравственнаго, Рыбинскаго...

— Ахъ, Рыбинскій... безпокойный человѣкъ, это правда... И знаете: онъ, мнѣ кажется, немножко фатъ и либералъ...

— Этого мало еще сказать про него, ваше превосходительство.. Онъ не уважаетъ ни властей, ни законовъ нравственности, ни даже общественнаго приличія... Онъ...

— Но послушайте... Я слышалъ, онъ нынче лѣтомъ давалъ, говорятъ, великолѣпный праздникъ у себя въ деревнѣ... И онъ мѣтитъ, говорятъ, въ губернскіе...

— Не знаю, ваше превосходительство... Но я увѣренъ... по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что наша губернія не осрамится такимъ выборомъ... Ужь одинъ этотъ праздникъ, о которомъ вы изволили упомянуть , показалъ всѣмъ, что̀ это за человѣкъ... Онъ скандализировалъ все общество , показавши передъ всѣми публично свои отношенія къ женѣ нашего лѣсничаго... Entre nous soit dit, ваше превосходительство...

— Sans doute... А чтожь, развѣ хорошенькая?..

— Она недурна .. Но согласитесь, ваше превосходительство... каково же было положеніе дамъ , которыя имѣли неосторожность, или... ужь я не знаю, какъ это назвать... пріѣхать къ нему, какъ къ холостому человѣку... Притомъ, его образъ жизни... если вы позволите сообщить вашему превосходительству... Само собою разумѣется, я не хочу сплетничать. . но если общественная нравственность...

— Говорите, говорите... Губернаторъ долженъ все знать... Честный гражданинъ обязанъ откровенно высказывать ему все, что знаетъ... для пользы общей... Тѣмъ болѣе, что этотъ Рыбинскій мнѣ самому надоѣлъ... Онъ безпокойный человѣкъ... Я замѣчалъ это нѣсколько разъ изъ переписки съ нимъ по нѣкоторымъ дѣламъ.

— Очень радъ, ваше превосходительство, что вы изволите имѣть объ этомъ человѣкѣ здравое и совершенно справедливое понятіе... Но вы не изволите знать того, что̀ знаемъ мы, его сосѣди, къ несчастію, и о чемъ всѣ мы молчимъ, по нашей врожденной безпечности, хотя и возмущаемся... Я могу вамъ сообщить объ этомъ человѣкѣ страшныя, возмутительныя вещи...

Палёновъ началъ что-то разсказывать губернатору на ухо.

— И все это подъ видомъ любви къ пѣнію... заключилъ онъ вдругъ.

— Но, вѣдь, это... послушайте... Вѣдь, это дѣло такое, что если я велю произвести секретное дознаніе и если эти слухи оправдаются... вѣдь, я могу его далеко упечь... Вѣдь, это можно имѣніе въ опеку отдать...

— Что это не одинъ только слухъ, ваше превосходительство, въ доказательство этого я могу вамъ представить даже свидѣтеля, одного бѣднаго дворянина, Осташкова, который въ настоящее время здѣсь, въ вашей пріемной, который тоже страдаетъ черезъ Рыбинскаго, и по дѣлу котораго я и пріѣхалъ просить ваше превосходительство... Этотъ дворянинъ живалъ у Рыбинскаго по нѣскольку дней и онъ можетъ разсказать вамъ обо всемъ, какъ очевидецъ.

— Но вы увѣрены, что онъ не совретъ? Вѣдь, все-таки это дѣло щекотливое... Какъ бы то ни было: онъ предводитель...

— Въ этомъ-то я совершенно увѣренъ, ваше превосходительство... Скорѣе онъ не посмѣетъ всего сказать, потому что запуганъ имъ, какъ бѣдный человѣкъ... Да, можетъ быть, онъ даже и не понимаетъ настоящаго смысла всего этого... Но вы извольте спросить его такъ стороной, не прямо, поверхностно: есть ли у него пѣвчіе, какъ они живутъ, что дѣлаютъ... Вотъ въ этомъ родѣ..

— Мг... промычалъ генералъ задумчиво. — Впрочемъ мы это увидимъ; я поговорю съ правителемъ. Я полагаю, мнѣ неприлично входить въ личныя разспросы... А въ чемъ же его собственная просьба на Рыбинскаго?...

Палёновъ разсказалъ.

— Ну, такъ что же: пусть онъ подастъ мнѣ прошеніе, объяснивъ, что вотъ онъ обращался къ уѣздному предводителю, но тотъ не только не сдѣлалъ никакого распоряженія, но даже отказался войти въ разсмотрѣніе его жалобы...

— Онъ, ваше превосходительство, человѣкъ безграмотный.. Но, если позволите, я вамъ подамъ докладную записку, съ поясненіемъ всего дѣла, тѣмъ болѣе, что я самъ лично оскорбленъ дерзкимъ письмомъ Рыбинскаго, которое онъ прислалъ въ отвѣтъ на мое письмо къ нему по этому дѣлу.

— Чтожь, и прекрасно... Впрочемъ позвольте: что же мы будемъ дѣлать съ этой запиской? Вѣдь, я полагаю, мнѣ нельзя будетъ назначить по ней произвести слѣдствіе о поступкахъ предводителя Рыбинскаго?... Докладная записка... Это какъ-то не формально... Нѣтъ, ужь пусть лучше онъ подастъ прошеніе... Ну, за него можетъ кто нибудь подписаться по его безграмотности...

— Очень хорошо, ваше превосходительство.—А сверхъ того, я буду имѣть честь представить вамъ докладную записку съ приложеніемъ его письма, которое будетъ служить документомъ его прямаго отказа отъ исполненія его обязанностей и дерзкаго обращенія съ дворянами...

— Хорошо... Это будетъ сильнѣе и формальнѣе... Въ этой запискѣ вы помѣстите и то, что мнѣ разсказывали...

— А вамъ не угодно будетъ разспросить этого дворянина?

— Да это завтра, когда онъ мнѣ подастъ прошеніе... А сегодня, признаюсь, я немного усталъ... Да и нужно еще ѣхать...

Палёновъ поднялся съ мѣста.

— Извините, что такъ долго безпокоилъ, ваше превосходительство... Сдѣлайте милость: войдите въ положеніе этого несчастнаго... Если вы не защитите его, онъ, по милости нашего мудраго предводителя, долженъ умереть съ голода...

— Хорошо... Это все завтра разсмотримъ и подумаемъ, что можно для него сдѣлать... Я очень радъ поучить этого господина... Онъ мнѣ надоѣлъ...

Палёновъ сталъ раскланиваться.

— Прощайте... До свиданія... сказалъ губернаторъ, подавая руку.

Палёновъ вышелъ отъ него съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Останковъ, сказалъ онъ, выходя изъ губернаторскаго

дома и садясь въ экипажъ. — Губернаторъ далъ мнѣ честное слово все для тебя сдѣлать и уничтожить Рыбинскаго. Онъ даже благодарилъ меня, что я принялъ въ тебѣ участіе, какъ въ бѣдномъ дворянинѣ... Да онъ знаетъ, что я лично извѣстенъ министру и что мнѣ стоитъ только написать къ нему, такъ и онъ самъ...

Палёновъ многозначительно умолкъ и черезъ нѣсколько мгновеній примолвилъ съ достоинствомъ:—они знаютъ меня!... Тотчасъ по пріѣздѣ на квартиру, Палёновъ занялся сочиненіемъ прошенія отъ Осташкова и докладной записки. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и вездѣ кстати и не кстати разсказывалъ исторію Осташкова, описывалъ свое о немъ попеченіе и бранилъ Рыбинскаго. Губернскаго предводителя не было въ городѣ, о чемъ впречемъ Палёновъ не сожалѣлъ, потому что не ожидалъ отъ него особеннаго участія и энергіи. Губернскій предводитель былъ богатый и лѣнивый старикъ, смирный и добрый баринъ по природѣ, врагъ всякаго рода ссоръ и непріязненныхъ столкновеній. Хотя Палёновъ и зналъ, что онъ не любилъ Рыбинскаго, но былъ увѣренъ, что онъ не только не принялъ бы живаго участія въ намѣреніяхъ Палёнова, но сталъ бы даже отговаривать его отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія и, пожалуй бы, даже помѣшалъ ему.

На слѣдующій день Палёновъ опять былъ въ кабинетѣ губернатора съ докладной запиской, а Осташковъ въ пріемной съ прошеніемъ въ рукахъ.

Прочитавши записку и переговоривши съ Палёновымъ, губернаторъ приказалъ позвать въ одно и то же время Осташкова и правителя канцеляріи. Ни живъ, ни мертвъ предсталъ Осташковъ предъ лицо такого великаго человѣка, какимъ былъ въ его понятіяхъ губернаторъ.

— Подайте свою просьбу его превосходительству, сказалъ Палёновъ.

Дрожащею рукою подалъ Осташковъ губернатору сочиненіе Палёнова.

— Ты жалуешься на предводителя Рыбинскаго?.. спросилъ губернаторъ какимъ-то особеннымъ голосомъ, совершенно не тѣмъ, какой ему былъ данъ отъ природы.—Онъ тебя обидѣлъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ... пролепеталъ Никеша.

— Какъ нѣтъ?.. какъ нѣтъ?.. заговорилъ Палёновъ.—Что ты, Осташковъ... Онъ не хотѣлъ обратить вниманія на твою прось-

бу, онъ тебя прогналъ отъ себя съ крикомъ и угрозами, онъ чуть не прибилъ тебя... Ты самъ пишешь это въ просьбѣ... Какъ же не обидѣлъ?..

— Точно такъ... Ужь очень мнѣ это обидно... поспѣшилъ подтвердить Осташковъ.

— Il est sot... замѣтилъ губернаторъ, обращаясь къ Палёнову.

— Non... Mais en voyant votre excellence il tremble... отвѣчалъ Палёновъ.

— А ты, братецъ, не бойся... Говори со мной откровенно,— сказалъ генералъ милостиво и мягкимъ голосомъ.—Я поставленъ защищать обиженныхъ и наказывать только виновныхъ, слѣдовательно тебѣ нечего меня бояться... Ты бывалъ у Рыбинскаго въ домѣ?

— Бывалъ-съ...

— Весело онъ живетъ?

— Весело-съ...

— Что же у него, музыканты есть, пѣсенники?

— Есть-съ...

— И пѣсенницы?

— Точно такъ-съ...

— И живутъ тутъ у него въ домѣ?

— Точно такъ-съ...

— Что же эти пѣсенницы все изъ его горничныхъ?

— Точно, что изъ горничныхъ. А то цыганки...

— Ну, а много ли у него этихъ горничныхъ-то?

— Да довольно-съ. Дѣвушекъ восемь-съ...

— Скажи, пожалуйста... Какое у него веселье въ самомъ дѣлѣ... Этакъ веселится—и меня никогда не позоветъ въ гости... пошутилъ генералъ и самъ залился веселымъ смѣхомъ. — Ну, хорошо, братецъ, ступай... Я напишу Рыбинскому, чтобы онъ тебя не обижалъ... И хлѣбъ твой велю тебѣ отдать... Ступай съ Богомъ.

— Не оставьте, батюшка, ваше превосходительство... сказалъ Осташковъ, прослезившись, и поклонился въ ноги.

— Хорошо, хорошо... Все сдѣлаю, что можно... Ступай...

Палёновъ далъ знакъ Осташкову, чтобы онъ вышелъ.

— Вотъ по этому прошенію и по этой докладной запискѣ сейчасъ же сдѣлать распоряженіе о назначеніи слѣдствія о поступкахъ уѣзднаго предводителя Рыбинскаго... сказалъ губер-

наторъ, обращаясь къ правителю, который явился почти въ одно время и стоялъ въ ожиданіи приказаній.

— Сначала надобно объясненія потребовать, ваше превосходительство, замѣтилъ правитель.

— Я вамъ говорю: слѣдствіе назначить... Что тутъ разсуждать, когда я вамъ говорю опредѣленно... отвѣтилъ генералъ, недовольный, что ему возразилъ подчиненный, да еще въ присутствіи посторонняго лица.—Командировать старшаго чиновника Курбатова.

Правитель канцеляріи покорно преклонилъ голову и , молча, вышелъ.

— Ну-съ, мы теперь за этого господина примемся и воевать ему не дадимъ... сказалъ генералъ.

— И вы сдѣлаете, ваше превосходительство, великое благодѣяніе для цѣлаго уѣзда... Всѣ благомыслящіе и честные люди будутъ вамъ благодарны...

Палёновъ сталъ откланиваться.

— Прощайте, почтеннѣйшій Николай Андреичъ... Очень вамъ благодаренъ, что вы были со мною откровенны.

— Я, ваше превосходительство, исполнилъ только долгъ честнаго человѣка и гражданина.

— Каковъ у васъ исправникъ?..

— Про него я ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго...

— Говорятъ, не чистъ на руку...

— Ничего не могу вамъ сказать, ваше превосходительство... Можетъ быть и есть, но онъ человѣкъ бѣдный и смирный...

— Все же не слѣдуетъ очень лапу запускать... Вы мнѣ, пожалуйста, если что услышите, просто напишите, безъ церемоніи, прямо... Я намѣренъ все это искоренить... Я хочу, чтобы моя губернія была образцомъ...

— И будетъ, ваше превосходительство, при вашемъ мудромъ взглядѣ на вещи... Я считаю для себя за особенную честь довѣріе вашего превосходительства, и будьте увѣрены, что, если узнаю что нибудь такое, клонящееся ко вреду общественному, поставлю долгомъ довести до вашего свѣденія со всею откровенностью благороднаго человѣка...

— Пожалуйста... Прощайте... Намъ такихъ благомыслящихъ людей нужно, какъ вы... Будьте здоровы...

Палёновъ вышелъ на этотъ разъ отъ губернатора уже не только съ сіяющимъ лицомъ, но съ такой неприступной гордо-

стью во взорѣ, съ такимъ сознаніемъ своей силы и вліянія, что Осташковъ не осмѣлился съ нимъ заговорить, а Палёновъ, молча, утѣшаясь самонаслажденіемъ, перебиралъ въ умѣ своихъ враговъ, которыхъ онъ могъ бы уничтожить однимъ почеркомъ своего краснорѣчиваго пера.

Стоялъ ясный сентябрскій день. Все общество того городка, въ которомъ жила Юлія Васильевна Кострицкая, прогуливалось по городскому бульвару. Бульваромъ называлось небольшое пространство, огороженное деревянной рѣшоткой и усаженное аллеями тощихъ липъ и березокъ. По главной, т. е. самой широкой дорожкѣ, въ половину поросшей травою и засыпанной опадающимъ съ деревъ листомъ, прогуливались группами тѣ, которые носили въ городкѣ названіе дамъ и кавалеровъ, по боковымъ, меньшимъ, купечество и отчасти мѣщанство. Юлія Васильевна съ Сашенькой также гуляли на бульварѣ и, разумѣется, по главной аллеѣ. Сашенька нарядно одѣтая, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, шла нѣсколько впереди своей мамаши, которую сопровождало нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Саша скучала этой чопорной прогулкой, гдѣ ей не съ кѣмъ было поболтать, нельзя было свободно побѣгать, потому что приказано было идти впереди, но далеко не убѣгать и не отставать, вообще вести себя хорошенько, какъ прилично благовоспитанной и нарядно одѣтой барышнѣ, которую мамаша взяла съ собою на показъ для того, чтобы ею всѣ любовались, а не осуждали, чтобы всякой съ чувствомъ удивленія могъ говорить Юліи Васильевнѣ: это удивительно, какъ вы скоро ее выправили... Просто подумать нельзя, что мѣсяцъ назадъ привезена изъ деревни и взята изъ такого семейства!... А Юлія Васильевна съ приличной скромностью могла бы отвѣтить то, что она постоянно отвѣчала въ подобныхъ случаяхъ: «нѣтъ, вы бы посмотрѣли какъ только ее привезли ко мнѣ... Это было ужасъ взглянуть... Какъ держалась, какъ была одѣта... Вы себѣ представить не можете... И такая сальная, грязная дѣвочка, что до нея дотронуться было страшно!» Отъ скуки Сашенька посматривала по сторонамъ на гуляющій *народъ*. Вдругъ она весело вскрикнула и забывши свою степенность, которую до сихъ поръ сохраняла, бросилась прямо между деревьями въ боковую аллею и повисла на шеѣ у какого-то мальчика, не слушая голоса Юліи Васильевны, которая съ недоумѣніемъ кричала ей:

— Саша, Саша, что ты, съ ума сошла!..

Этотъ мальчикъ былъ Николинька. Оставшись одинъ, безъ всякаго надзора, онъ пользовался полною свободою и цѣлый день бродилъ по городу. Любопытство увлекло его и на бульваръ, гдѣ онъ, впрочемъ, по робости, не осмѣлился идти по той дорогѣ, гдѣ гуляли господа, а пробирался съ толпой менѣе нарядпаго люда, по боковымъ аллеямъ. Онъ давно уже замѣтилъ сестру и узналъ ее, не смотря на перемѣну наряда, но стоялъ въ недоумѣніи за деревомъ и посматривалъ на нарядную Сашеньку, не рѣшаясь подойти къ ней и заговорить, въ присутствіи господъ, съ которыми она гуляла. Послѣ перваго взрыва радости Саша услышала наконецъ сердитый голосъ Юліи Васильевны, которая должна была остановиться среди прогулки и служила предметомъ общаго любопытства.

— Поди сюда... строго сказала Юлія Васильевна, когда Саша наконецъ оглянулась на нее.

— Мамаша, это Николинька.., говорила Саша, идя къ Юліи Васильевнѣ и таща за собою брата, который не шолъ и упирался...

— Да поди же сюда... Оставь этого мальчика... Какой Николинька?...

— Братецъ Николинька... отвѣчала Саша не отпуская руку брата.

— Какой братецъ... Да поди же ты сюда ко мнѣ... Ахъ, какая ты дурная дѣвочка, непослушная... Я тебя любить не буду...

Сашенька послушалась, бросила руку брата и подошла къ мамашѣ.

— Это братецъ Николинька... оправдывалась она.

— Да кто бы ни былъ, какъ же можно, не спросясь, броситься бѣжать, по травѣ, прямо безъ дороги... Развѣ это можно!.. Развѣ это прилично?... Ты должна была сначала сказать мнѣ, спроситься... Я бы его подозвала къ себѣ... Мальчикъ, поди сюда...

Но Николинька дичился, не рѣшался подойти и прятался за дерево.

Эта сцена привлекла общее вниманіе, какъ нарушеніе заведеннаго порядка прогулки изъ одного конца аллеи къ другому и обратно съ приличнымъ развлеченіемъ пріятными разговорами...

Нѣкоторыя знакомыя дамы подошли къ Юліи Васильевнѣ, другія смотрѣли издали; на боковой дорожкѣ около Николинь-

ки тоже остановилась толпа простонародья, съ улыбкой и участіемъ слѣдя за сценой оригинальной встрѣчи брата съ сестрой. Вдругъ изъ этой послѣдней толпы выскочила худая, блѣдная, но красивая женщина, перебѣжала газонъ, раздѣлявшій двѣ аллеи, и встала передъ Юліей Васильевной.

— А меня ты узнала ли? я кто? спросила она ее, злобно сверкая впалыми, окруженными черной тѣнью глазами.

Юлія Васильевна взглянула, невольно вскрикнула и отшатнулась отъ нея къ стоявшимъ сзади дамамъ и кавалерамъ.

— А, узнала Парашку... Узнала разлучница... Вотъ я опять пришла... Много ли завезли... Насильно замужъ хотѣли выдать... Нѣтъ, за тысячу верстъ пришла... Убѣжала... мірскимъ подаяньемъ питалась, а тебя нашла...

Юлія Васильевна, опомнившись отъ перваго испуга и недоумѣнія, хотѣла уйти... Оторопѣвшіе, удивленные зрители не знали что́ дѣлать, и стояли въ недоумѣніи, но съ любопытствомъ...

— Врешь, не уйдешь... Теперь не уйдешь... вскричала Параша, хватая ее за бурнусъ.

— Защитите... Боже мой!.. Сумашедшая!.. закричала въ свою очередь Юлія Васильевна.

Одинъ изъ кавалеровъ бросился на Парашу, стараясь вырвать изъ ея рукъ бурнусъ Юліи Васильевны.

— Сумашедшая... Нѣтъ, не сумашедшая... Она барина у меня отняла, Павла Петровича... Онъ меня любилъ, а теперь ее любитъ... Они меня въ деревню заслали... Я дѣтей бросила, чтобы ее... говорила Параша, стараясь освободиться изъ рукъ кавалера, и какъ бы желая оправдаться въ глазахъ зрителей... Но тотъ же кавалеръ, наконецъ побѣдившій ее и спасшій Юлію Васильевну, не далъ ей кончить и сильнымъ толчкомъ уронилъ на землю...

— Держите ее, мерзавку... Не отпускайте... обратился онъ къ простонародью, и самъ бросился успокоить Юлію Васильевну. Народъ тотчасъ же окружилъ Парашу.

Этотъ господинъ былъ засѣдатель уѣзднаго суда, молодой человѣкъ, изъ очень глупыхъ, но очень неравнодушенъ къ хорошенькимъ, давно уже простиравшій виды на сердце Юліи Васильевны. Онъ былъ несказанно радъ, что имѣлъ случай показать такой геройскій духъ предъ своею возлюбленною и летѣлъ къ ней, чтобы сказать, что она внѣ опасности, и заслу-

жить улыбку благодарности; но, къ сожалѣнію, лишонъ былъ и этого удовольствія. Предметъ его обожанія находился въ обморокѣ: дѣйствительно или притворно—исторія умалчиваетъ — но Юлія Васильевна, тотчасъ по освобожденіи бурнуса изъ рукъ Параши, сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ шаговъ до ближайшей лавочки, вдругъ лишилась чувствъ. Засѣдатель нашелъ около нея только двухъ суетящихся дамъ и перепуганную, плачущую Сашу.

Прочія всѣ удалялись поспѣшнымъ шагомъ домой, иныя съ видомъ негодованія, покачивая головами, иныя съ двусмысленной улыбкой и даже смѣхомъ, но всѣ съ тайнымъ удовольствіемъ. Двѣ дамы, не измѣнившія Кострицкой и оставшіяся при ней, были—жена письмоводителя предводительскаго, котораго Рыбинскій, изъ личнаго самолюбія, старался возвысить въ общественномъ мнѣніи и сблизить съ обществомъ и одна очень веселая и очень добродушная вдова, помѣщица, безвыѣздно, ради скуки, какъ она говорила, проживавшая въ городкѣ.

— Что, дурно? заботливо спросилъ засѣдатель.

— Очень дурно-съ... Совсѣмъ безъ памяти, отвѣчала письмоводительша.

— Ахъ, Боже мой... Что же дѣлать... За спиртомъ развѣ сбѣгать въ аптеку...

— Ничего, пройдетъ... отвѣчала вдова. Она испугалась, бѣдненькая.

— Да, скажите, какая сумашедшая... Если бы не я, Богъ знаетъ что бы было... Ахъ, бѣдная Юлія Васильевна... Нѣтъ, я сбѣгаю... Велю хоть чтобъ лошади пріѣхали за ними...

— Да вотъ погодите... Приходитъ въ себя... замѣтили дамы въ одинъ голосъ.

Юлія Васильевна открыла глаза.

— Какъ вы себя чувствуете? съ участіемъ спросилъ засѣдатель.

— Ммѣ дурно... Что это такое со мной?.. Я ничего не помню... пролепетала Юлія Васильевна.—Душенька, проводите меня домой... сказала она, обращаясь къ письмоводительшѣ.

— Пойдемте... Пойдемте... И я васъ провожу... сказала вдова.

— Merci, beaucoup merci... томно сказала Юлія Васильевна, пожимая руку послѣдней.

— Позвольте и мнѣ вамъ сопутствовать?... спросилъ засѣдатель.

— Merci... отвѣтила Юлія Васильевна и ему, кидая внего благодарный взглядъ.

— О помилуйте... проговорилъ восхищенный этимъ взглядомъ засѣдатель... Позвольте предложить вамъ руку... Вамъ можетъ быть трудно идти... Вы такъ испуганы...

— Я, право, хорошенько не могу сообразить, что со мной было... говорила Юлія Васильевна, опираясь на руку молодаго человѣка.—Какая-то незнакомая женщина... сумашедшая, должно быть...

— Конечно, сумашедшая... подтвердилъ засѣдатель... Я насилу могъ сладить съ ней и оттащить отъ васъ... А я довольно силенъ: пять пудовъ одной рукой поднимаю...

— Точно́ сумашедшая-съ, вмѣшалась письмоводительша... Мнѣ мужъ сказывалъ даже, что у Павла Петровича была этакая сумашедшая женщина... Представится ей что нибудь и говоритъ сама не знаетъ какія слова...

Письмоводительша надѣялась этой хитрой выдумкой угодить Юліи Васильевнѣ, но той было непріятно, что она упоминала Павла Петровича и тѣмъ будто растолковывала весь смыслъ происшествія.

— Гдѣ же теперь эта женщина? спросила она.

— А я ее сшибъ съ ногъ и велѣлъ народу присмотрѣть за ней... Потомъ мы ее посадимъ въ полицію и разспросивши отправимъ въ сумашедшій домъ.

— Что же вы будете разспрашивать сумашедшую... Она сама не знаетъ что говоритъ...

— Полноте-ка, что вы... замѣтила вдова... Какъ вы будете распоряжаться крѣпостной дѣвкой безъ помѣщика... Отправьте-ка ее лучше къ Павлу Петровичу; онъ лучше самъ знаетъ какъ распорядиться...

— Разумѣется, всего лучше... подтвердила Юлія Васильевна.

— Впрочемъ, я не знаю... Это не мое дѣло... Моя часть судебная... Это ужь какъ хочетъ городничій съ исправникомъ. Я считаю себя счастливымъ только тѣмъ однимъ, что успѣлъ избавить васъ отъ непріятности...

Юлія Васильевна, молча поблагодарила засѣдателя взглядомъ, который зажогъ въ немъ всю кровь, и онъ со вздохомъ слегка прижалъ ея ручку къ своему боку.

— Вы бы шли и сказали вашему мужу, обратилась Юлія Васильевна къ женѣ письмоводителя,—чтобы онъ сейчасъ взялъ и

отправилъ эту женщину къ Павлу Петровичу... Да подъ присмотромъ, чтобы она какъ не убѣжала... А то она, пожалуй, зарѣжетъ кого нибудь...

— Слушаю-съ... Такъ я сейчасъ пойду, скажу ему...

— Да, подите... И вы бы, Иванъ Николаичъ, потрудились— сказали тамъ, чтобы ее сейчасъ же отправили къ письмоводителю Павла Петровича, а онъ ужь ее перешлетъ къ нему... А то я, право, боюсь... бросилась на меня, можетъ броситься и на другаго...

— Да, это справедливо... Я сію минуту...

— Вотъ я уже и у дома... Очень вамъ благодарна...

Юлія Васильевна протянула руку засѣдателю. Онъ и письмоводительша поспѣшно отправились исполнять приказаніе Кастрицкой.

— Я къ вамъ завтра непремѣнно пріѣду, добрая Настасья Львовна, обратилась она къ послѣдней провожатой, остановясь у воротъ своей квартиры.—А сегодня ужь не зову васъ къ себѣ... Право, такъ перепугана... Страшно нездоровится... Сейчасъ лягу въ постель...

— Ну, подите, подите... Богъ съ вами... Ну, какъ не разстроиться... Долго ли и захворать... Порядочный испугъ... До свиданія. Такъ завтра жду...

— Непремѣнно...

И пріятельницы разстались.

Всходя по лѣстницѣ, Юлія Васильевна строго запретила Сашенькѣ разсказывать кому нибудь въ домѣ о томъ, что случилось. До сихъ поръ Кастрицкая умѣла притворяться и скрывать все, что было у нея на душѣ; но придя въ свою комнату и оставшись одна, она вдругъ зарыдала и бросилась въ постель.

Не раскаяніе, но стыдъ, досада, боязнь толковъ и пересудовъ терзали ее душу. Но слезами не поможешь: она начала думать, что̀ ей дѣлать и ничего не придумала. Она рѣшилась написать обо всемъ къ Рыбинскому и послать это письмо съ Афанасьей Ивановной.

Письмо было въ минуту написано. Она просила въ немъ научить ее, какъ держать себя передъ обществомъ, что̀ дѣлать, что̀ говорить, если узнаетъ объ этой исторіи мужъ, или предупредить его и разсказать самой, назвавши Парашу сумашедшей... «Всего лучше, писала она въ заключеніе, пріѣзжай самъ: твое присутствіе закроетъ всѣмъ ротъ, при тебѣ не осмѣлятся

говорить и мужу... Своимъ пріѣздомъ ты успокоишь меня... Я совсѣмъ убита, растеряна... Мнѣ совѣстно глядѣть на людей... Вотъ до чего довела меня твоя любовь... Вотъ что значитъ любить человѣка, который не тебѣ одной принадлежалъ всю жизнь... Ахъ, Paul, ужасно положеніе женщины, публично опозоренной, оскорбленной... и кѣмъ же?... тою, которая нѣкогда была предметомъ обожанія любимаго человѣка... И кто же это, кто моя соперница?... Чье мѣсто я смѣнила въ твоемъ сердцѣ?... Мѣсто твоей рабы, твоей дворовой дѣвки... О, Боже мой!... стыжусь сама себя... стыдилась бы и твоей любви, если бы не любила тебя такъ сильно... Смотри, Paul, только твое постоянство, твоя вѣчная любовь ко мнѣ, могутъ заставить меня забыть всѣ эти страданія и утѣшатъ меня въ нихъ... Женщина обезславленная можетъ быть счастлива только любовью того, кто ее обезславилъ... На тебѣ, Paul, лежитъ теперь великая обязанность: пожертвовать всею твоею жизнью для женщины, которая по твоей милости потеряла свое доброе имя... И если мы когда нибудь разстанемся съ мужемъ, я навсегда принадлежу тебѣ... Пріѣзжай же скорѣе... Спасай и успокоивай свою Julie.»

Написавши письмо, Юлія Васильевна, отдала его Афанасьѣ Ивановнѣ, велѣла нанять потихоньку лошадей и ѣхать скорѣе въ усадьбу Павла Петровича, гдѣ онъ былъ въ то время и самъ.

— Скажи ему, чтобы онъ тотчасъ же мнѣ отвѣтилъ, и тотчасъ же возвращайся домой... Мнѣ нужно, чтобы ты въ ночь съѣздила туда и назадъ...

— Да что такое, барыня... Вы мнѣ только скажите: что сдѣлалось-то, а ужь я слетаю... Ничего, что ночку не посплю... Вы только разскажите мнѣ.

Афанасья Ивановна любила и умѣла служить влюбленнымъ, но требовала полной откровенности съ собою. Всякой таинственности со стороны людей, которыхъ оберегала, она не могла переносить и оскорблялась.

Юліѣ Васильевнѣ было некогда, да и не хотѣлось разсказывать о томъ униженіи, которое она перенесла отъ такой же горничной, какъ сама ея повѣренная, и потому она хотѣла отдѣлаться отъ Афанасьи Ивановны, ссылаясь на недостатокъ времени.

— Да ужь вы на-счетъ этого-то не безпокойтесь... Ужь одной минутой слетаю... А вотъ это выходитъ, барыня, что

вы отъ меня скрываетесь... Это ужь не хорошо... Все равно всю подноготную знаю да, кажись, не выдала васъ... Мнѣ ужь это очень обидно... Ужь этакъ-то и ѣхать скоро, скакать-то сломя голову, въ ночную пору, не захочется... Богъ съ вами... А, можетъ быть, еще я вамъ что и хорошенькое присовѣтовала-бы... Какъ знать... Можетъ быть, еще и не одинъ разъ пригожусь...

Юлія Ивановна принуждена была разсказать о своей несчастной прогулкѣ и о нападеніи Параши.

— Вѣдь, вотъ поди жъ ты... замѣтила Афанасья Ивановна, по окончаніи разсказа барыни. — Вѣдь, бываютъ же и изъ нашей сестры этакія неотвязчивыя... а?... Поди ты, даромъ, что не господская рожа... А по мнѣ что бы, кажись... Погуляла да и отстала... Свѣтъ-то не клиномъ сошелся... Не онъ одинъ на свѣтѣ... Развѣ только, что жизни-то прежней жалко стало лишиться... Ужь очень ей вольготно было жить-то; кажется, ни кого онъ такъ не любилъ, какъ ее... Мг... Поди жь ты... Ну, конечно, вамъ эта исторія непріятна... опять же при публикѣ... Да, пускай самъ, какъ знаетъ, разсудитъ... А вашего-то при этомъ не было?... Ивана-то Михайловича?...

— Нѣтъ... Я и боюсь, что онъ узнаетъ...

— Ну, такъ я вотъ что вамъ, барыня, какой совѣтъ дамъ... Вы теперь ложитесь въ постель, и если самъ пріѣдетъ, притворитесь, что почиваете... Такъ и пролежите до завтра, чтобы съ нимъ у васъ никакого разговора не было... А я къ утру-то предъявлюсь съ отвѣтомъ... Ужь будьте на этотъ счетъ покойны... Ужь надо какъ ни какъ дѣло поправлять... Ну, прощайте же, барыня... Къ утру меня дожидайтесь...

Юлія Васильевна нашла совѣтъ Афанасьи Ивановны благоразумнымъ, легла въ постель и не приказала будить себя, если уснетъ, а Ивану Михайловичу, если пріѣдетъ домой вечеромъ, велѣла сказать, что нездорова.

VIII.

Упавши на землю, Параша тотчасъ было вскочила и хотѣла снова напасть на свою жертву, но окружающая толпа остановила ее. Параша, сообразивши что ея покушеніе было бы безполезно, сѣла на траву на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла.

— Опять ушла, опять увернулась , говорила она съ бѣшен-

ствомъ, грозя рукою въ ту сторону, гдѣ была Юлія Васильевна.—Опять тебя у меня отняли изъ рукъ... И меня же за тебя прибили... Да ничего, все равно... Теперь всѣ узнали... И мужъ твой узнаетъ... Осрамила... осрамила змѣю... Теперь мужъ-то тебѣ задастъ... Не будешь больше съ нимъ любиться, разлучница... Что?... Попалась ты мнѣ...

Параша дико хохотала. Ея хохотъ, ея несвязныя рѣчи, ея полусумашедшій отъ бѣшенства и внутреннихъ страданій взоръ, ея блѣдность и худоба—все заставляло окружающихъ считать ее за сумашедшую. Всѣ, стоя вокругъ, смотрѣли на нее молча, съ состраданіемъ и отчасти со страхомъ. Параша наконецъ замѣтила, что она была предметомъ общаго любопытства.

— Что вы смотрите на меня, добрые люди... заговорила она, обращаясь къ народу и вдругъ зарыдала.—Посмотрите на меня, пожалѣйте меня... Вотъ что грѣхи-то съ людьми дѣлаютъ... Вотъ до чего грѣхи-то доводятъ... Вотъ теперь ужь куда меня дѣваютъ, куда зашлютъ... Въ Сибирь, чай... И дѣтокъ я своихъ не увижу... Во грѣхѣ я ихъ народила... За грѣхи свои ихъ потеряла... Сама бросила... Охъ, сама бросила... За тысячу верстъ пришла... Хотѣла ее злодѣйку погубить... Не этакъ бы я ее... Потѣшилась бы я надъ ней... Ядомъ бы отравила, али ножомъ хотѣла пырнуть... Да вотъ увидѣла здѣсь... сердце мое не вытерпѣло, не выждало времечка... Охъ тяжко мнѣ, тошно мнѣ... Что же вы меня никто не пожалѣете, люди добрые?.. Вѣдь, я жалостная, горькая... На роду мнѣ одно горе написано... Охъ, неволей, ребячей глупостью взялъ онъ меня отъ отца съ матерью, да и приворожилъ къ себѣ... Приворожилъ, да и бросилъ... вонъ ту полюбилъ, разлучницу... А я, вѣдь, лучше ея была... я, вѣдь, хорошая была, румяная, кровь съ молокомъ... Отъ нея я извелась, злодѣйка... черезъ нее этакая стала... Теперь негодна стала... Замужъ меня, замужъ выдать хотѣлъ, за стараго... А имъ бы смѣяться надо мной да тѣшиться... Вотъ же потѣшься теперь, варварка... Охъ, батюшки мои, тошнехонько мнѣ... Куда я угодила... Дѣтушки мои милыя, родимыя... крохотки мои... На кого я васъ покинула?.. изведетесь вы съ голода и холода, по чужимъ людямъ-мыкаясь... Проклянете вы меня, добромъ не помянете... Охъ, сердце ты мое, окаянное... Охъ, жизнь ты моя, горькая, распроклятая...

Параша припала къ землѣ и рыдала со стономъ. Нѣкото-

рые изъ зрителей прослезились, и молча переглядывались между собой...

— Вы бы, тетенька, прошеніе подали къ начальству, коли васъ обижаютъ... замѣтилъ одинъ мѣщанинъ. Можетъ бы начальство и вступилось бы за васъ...

Параша ничего не отвѣчала на этомъ совѣтъ: она даже и не слыхала его... Она дошла до того состоянія, когда человѣкъ весь сосредоточенъ въ самомъ себѣ, на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ; невольно говоритъ о нихъ, невольно высказываетъ все, что лежитъ на душѣ, но не видитъ, и не сознаетъ ничего окружающаго.

— Къ начальству? отозвался вмѣсто Параши другой мѣщанинъ. Къ какому начальству она бросится? Баринъ-то у нея самъ начальство... предводитель!

— Такъ что... развѣ надъ предводителемъ и нѣтъ никого большаго... кто нибудь да есть же... Губернаторъ, чай, больше его...

— Больше?.. Такъ что́, что больше? Онъ ему не подвластенъ...

— Нѣтъ, подвластенъ...

— Нѣтъ, не подвластенъ...

— Не спорь, не спорь... подвластенъ, вмѣшался старикъ мѣщанинъ; – губернаторъ... какъ можно... Ему вся губернія подвластна... Да это дѣло-то не такое... не до него касающее... Это надо къ архіерею подавать... Вотъ что... Потому это дѣло такое... совѣстное... И опять же тутъ грѣхъ... грѣховный соблазнъ... Значитъ, любовное сожительство, безъ закона... Вотъ что, мои любезные... И выходитъ: надо къ архіерею...

— Ну такъ что... Къ архіерею, такъ къ архіерею...

Но въ это время явился засѣдатель въ сопровожденіи какого-то отставнаго драбанта, вооруженнаго палочкой, который носилъ въ городѣ названіе десятскаго съѣзжей.

— Вотъ возьми ее... приказалъ засѣдатель.

Параша и не замѣтила ихъ прихода.

— Вставай-ка ты... пойдемъ... сказалъ ей десятскій, трогая ее своею палочкой.

Параша подняла голову и безсмысленно посмотрѣла на него.

— Ну что выпучила бельма-то? Вставай! повторилъ десятскій. —Эка неделикатная какая... Видишь: господа дожидаются...

— Ну, возьми же ее... подними... приказалъ засѣдатель.

— Эка почтительная какая... Еще подъ ручку ее принимай... пошутилъ десятскій, грубой рукой своей приподнимая Парашу. Подхватите, братцы, подъ другую-то... обратился онъ къ окружающимъ. Этакъ честнѣе будетъ.

— Ну, вотъ и пойдемъ, ровно, на гулянкѣ кавалеръ съ дамой... Ножку, сударыня, не зашибите... продолжалъ шутить десятскій, крѣпко подхватывая Парашу подъ руку и приготовляясь вести ее.

— Отведи же къ предводительскому письмоводителю, да сдай съ рукъ на руки... Пожалуй и записку возьми въ полученіи... говорилъ засѣдатель.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Да смотри: не вырвалась бы...

— Зачѣмъ, ваше благородіе, вырываться... Мы подушевно пойдемъ... во всей любви...

Толпа нѣкоторое время съ любопытствомъ провожала Парашу съ десятскимъ, который продолжалъ издѣваться на ея счетъ, возбуждая смѣхъ даже въ тѣхъ самыхъ, которые за минуту жалѣли о бѣдной плачущей женщинѣ. Параша шла за десятскимъ молча и какъ будто безсознательно.

У самыхъ воротъ квартиры письмоводителя она, впрочемъ, спросила десятскаго:

— Куда же меня отправятъ?

— А вотъ узнаешь, отвѣчалъ десятскій съ привычной полицейской таинственностью.

Параша знала письмоводителя. Въ былое время, до знакомства Рыбинскаго съ лѣсничихой, онъ даже заискивалъ ея расположенія: бывая въ усадьбѣ предводителя, всегда заходилъ къ ней, свидѣтельствовалъ ей свое уваженіе и убѣдительно просилъ осчастливить его домъ своимъ посѣщеніемъ, если Парасковьѣ Игнатьевнѣ какъ нибудь случится быть въ городѣ. По этому Параша тотчасъ узнала письмоводителя, какъ только десятскій привелъ ее къ нему. Письмоводитель напротивъ, смущенный невѣдѣніемъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Параши, затруднялся какъ держать себя съ нею, и считалъ благоразумнымъ на всякой случай отдѣлываться молчаніемъ.

— Куда же вы меня теперь отправите, Иванъ Кондратьичъ?... спросила Параша у письмоводителя.

— Въ усадьбу... лаконически отвѣчалъ письмоводитель.

— Къ барину?...

— Да...

— А оттуда куда?... Тамъ что со мной сдѣлаютъ?...

— Ужь этого я не знаю... это какъ будетъ угодно Павлу Петровичу...

Параша уныло опустила голову.

— Вотъ вы меня въ гости-то звали къ себѣ, Иванъ Кондратьичъ, сказала она черезъ нѣсколько времени съ горькой улыбкой.—Вотъ я и попала къ вамъ въ гости... Вотъ какая гостья... не нарядная...

Параша залилась слезами. Письмоводитель притворился какъ будто и не слыхалъ ея словъ. Онъ торопился отправить Парашу, чтобы скорѣе выйти изъ затруднительнаго положенія. Впрочемъ, желая выказать какъ можно больше усердія къ начальнику, и опасаясь, чтобы Параша не бѣжала съ дороги, онъ рѣшился самъ проводить ее. Скоро кибитка парой стояла у воротъ и онъ предложилъ Парашѣ ѣхать. Та повиновалась безпрекословно. Дорогою письмоводитель упорно молчалъ и былъ искренно радъ, что Параша съ своей стороны тоже не прерывала молчанія.

Рыбинскій еще не спалъ, и былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, когда ему доложили о пріѣздѣ письмоводителя. Нѣсколько часовъ назадъ онъ получилъ изъ губернскаго города письмо съ нарочнымъ отъ одного благопріятеля, губернаторскаго чиновника, который увѣдомлялъ его, что губернаторъ назначилъ надъ нимъ слѣдствіе по жалобѣ Осташкова и по доносу Палёнова, слѣдствіе о противозаконныхъ будто бы его дѣйствіяхъ и предосудительномъ вообще поведеніи. Рыбинскій былъ взбѣшонъ и разъяренъ, какъ левъ. Самолюбіе его и гордость были оскорблены.

— Какъ, надо мною слѣдствіе, надъ предводителемъ дворянства... И не потребовавши даже объясненія... думалъ онъ, скорыми шагами ходя по комнатѣ.—Посмотримъ... увидимъ... кто посмѣетъ пріѣхать съ дозоромъ въ мой домъ...

Благоразуміе совѣтовало ему принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, но самолюбіе подстрекало не уступать и вступить въ открытый бой.

Въ эти минуты раздумья и недоумѣнія засталъ его письмоводитель.

Иванъ Кондратьичъ былъ одною изъ тѣхъ ничтожныхъ и къ тому еще загнатыхъ и придавленныхъ натурокъ, которыя не

имѣютъ никакой личности, а будучи въ кожѣ чиновника, существуютъ дыханіемъ своего начальника, чувствуютъ его чувствами и мыслятъ его разумомъ. Изъ семинаристовъ, выросшій подъ строгой ферулой отца и воспитавшійся подъ гнетомъ семинарскаго деспотизма, онъ сохранилъ въ себѣ лишь одну самобытную способность къ мелкому плутовству, а за тѣмъ и мыслилъ, и чувствовалъ, и дѣйствовалъ такъ или иначе, всегда по приказанію начальства. Такихъ подчиненныхъ любятъ вообще начальники съ характеромъ настойчивымъ, упрямымъ и самовластнымъ. Рыбинскій тоже любилъ своего письмоводителя, какъ мастеръ любитъ хорошо смазанную, исправно дѣйствующую машину, или кучеръ хорошо выѣзженную, поводливую лошадь. Рыбинскій не помнилъ ни одной мысли, ни одного мнѣнія, высказаннаго письмоводителемъ, но онъ не помнилъ и ни одного своего приказанія, не исполненнаго съ буквальною точностью, ни одного движенія со стороны письмоводителя, которое не служило бы строжайшимъ исполненіемъ его собственнаго приказанія. Поэтому неожиданный пріѣздъ письмоводителя въ такое позднее время и безъ призыва очень удивилъ Рыбинскаго. Онъ не могъ себѣ объяснить этого иначе, какъ тѣмъ, что письмоводитель получилъ какія нибудь свѣдѣнія изъ губернскаго города, и поспѣшилъ сообщить ихъ ему. Онъ не хотѣлъ показать передъ нимъ, что эти извѣстія сколько нибудь его тревожатъ, и потому встрѣтилъ письмоводителя съ веселымъ и покойнымъ лицомъ.

— Ну что вы, Иванъ Кондратьичъ, я думаю, перепугались совсѣмъ... Думаете, что и Богъ вѣсть какая бѣда грозитъ мнѣ... сказалъ онъ при входѣ письмоводителя.

— Нѣтъ-съ... я не то, чтобы... А такъ какъ жена моя, по приказанію отъ Юліи Васильевны... Юлія Васильевна изволили приказать... Такъ я самъ лично поѣхалъ, чтобы въ сохранности представить...

— Такъ, видно, ужь и Юлія получила какія нибудь извѣстія... подумалъ Рыбинскій...

— Напрасно... это все пустяки... сказалъ онъ. Они увидятъ какъ я ихъ всѣхъ отдѣлаю... Ну, показывайте, что у васъ тамъ такое.

— Прикажете сюда привести?... я тамъ ихъ оставилъ подъ присмотромъ въ прихожей... до вашего приказанія... Я сейчасъ приведу-съ...

— Кого приведу?... что вы тутъ говорите?... Совсѣмъ спутался человѣкъ со страха...

Рыбинскій усмѣхнулся.

— Никакъ нѣтъ-съ... Парасковья-съ... Парасковья Игнатьев...

— Что такое Парасковья... Да что вы... что съ вами?... какая Парасковья?... Развѣ и она жаловалась?

Рыбинскій немного поблѣднѣлъ.

— Да говорите мнѣ толкомъ, прикрикнулъ онъ на письмоводителя.

Тотъ совсѣмъ оторопѣлъ.

— Парасковья-съ... въ городѣ... на бульварѣ-съ... Юлію Васильевну-съ .. даже и обидѣла... и такія слова говорила на вашъ счетъ-съ.... Онѣ и приказали ее представить къ вамъ-съ... для огласки-съ... чтобы не въ полицію-съ... какъ вы изволите приказать... Я и привезъ ее... для побѣга-съ... чтобы не могла бѣжать-съ...

Рыбинскій все-таки не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло, но смутно чувствовалъ, что случилось что-то не совсѣмъ пріятное... Онъ заставилъ письмоводителя опять пересказать подробно всѣ обстоятельства дѣла...

— Ахъ, дьяволъ дѣвка!.. вскричалъ онъ, выслушавъ письмоводителя и понявъ наконецъ всю неловкость, все безобразіе случившагося... Гдѣ же она... здѣсь?...

— Здѣсь-съ...

— Приведите ее ко мнѣ...

Письмоводитель вышелъ. Рыбинскій въ волненіи и бѣшенствѣ ходилъ по комнатѣ, посылая проклятія Парашѣ.

Между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ Параши мгновенно распространилась среди дворни и прихожая наполнилась лакеями и горничными. Параша сидѣла въ уголкѣ, опустивъ голову, ни на кого не смотрѣла, ничего не отвѣчала ни на вопросы, ни на насмѣшки. Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, выслушала она приказаніе идти къ барину, и молча пошла вслѣдъ за письмоводителемъ.

Рыбинскій, стиснувъ зубы и нахмуривъ брови, мрачно взглянулъ на свою прежнюю любовницу. Онъ едва овладѣлъ собою, чтобы не кинуться не нее. Ея худоба, страдальческое выраженіе лица, впалые, покраснѣвшіе отъ слезъ глаза не произвели на него никакого впечатлѣнія и нисколько не тронули его

сердца. Онъ видѣлъ передъ собой не любящую женщину, но злѣйшаго, хотя и презрѣннаго врага.

— Какъ ты попала въ городъ? спросилъ Рыбинскій, съ трудомъ выговаривая слова отъ душившей его злобы.

— Я убѣжала...

— Ты замужемъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ... я убѣжала до свадьбы...

— Мерзавцы!... вырвалось изъ устъ Рыбинскаго. Это привѣтствіе было послано туда, далеко, за тысячу верстъ, къ властямъ той деревни, гдѣ не умѣли присмотрѣть за Парашей и дали ей убѣжать.

— Ты зачѣмъ же убѣжала?... зачѣмъ пришла въ городъ?...

Параша подняла свои усталые глаза на Рыбинскаго и они вдругъ заискрились такой любовью и вмѣстѣ такой ненавистью, что Рыбинскій на одно мгновеніе долженъ былъ опустить свои. Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собою и смотрѣлъ на Парашу презрительно и злобно.

— Я тебя спрашиваю: зачѣмъ ты убѣжала изъ деревни и пришла въ городъ?... повторилъ онъ.

— Я дѣтей тамъ бросила... вашихъ дѣтей... сказала она медленно и твердо, продолжая смотрѣть на Рыбинскаго тѣмъ же взглядомъ.

Въ другое время онъ давно бы уже бросился на Парашу, но теперь, при настоящихъ обстоятельствахъ, при неблагопріятныхъ слухахъ изъ губернскаго города, онъ боялся дать себѣ волю и употреблялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собою.

— Моихъ дѣтей... проговорилъ онъ съ улыбкой... Но я тебя не объ этомъ спрашиваю... Я тебя спрашиваю...

— Вы меня спрашиваете: зачѣмъ я изъ деревни убѣжала, зачѣмъ я замужъ не пошла за немилаго, зачѣмъ я дѣтей бросила?... А вы зачѣмъ разлюбили меня?... зачѣмъ съ разлучницей связались?... Мнѣ бы пропадать, а ей бы тѣшиться да смѣяться надо-мной?... Погубить я ее, баринъ, хотѣла... Вотъ зачѣмъ я шла... да Богъ не привелъ... сердце не выждало... Да все равно... И то хорошо: ужь теперь весь городъ знаетъ про вашу любовь... Не любиться вамъ больше по прежнему...

Глаза Параши блестѣли не добрымъ огонькомъ. Она захохотала. Рыбинскій невольно вздрогнулъ и заскрежеталъ зубами.

— Вѣдьма этакая... чего ты добиваешься отъ меня?... Неужто ты думаешь, что тебя любить можно?...

— Гдѣ ужь меня теперь любить!... я стара, не хороша стала... Павелъ Петровичъ... любили... да еще какъ... лучше меня не было...

Параша вдругъ зарыдала.

— Ахъ, не въ добрый часъ вы меня взяли изъ скотной, Павелъ Петровичъ... не въ добрый, въ нехорошій часъ... Только бѣду вы нажили на свою и на мою голову... А какъ любила-то я васъ!...

— Молчать, дьяволъ... Еще разнѣжничалась... что, мнѣ ломать, что ли, себя для твоей любви, когда я тебя безъ отвращенія видѣть не могу, ты мнѣ противна стала... Понимаешь ли ты къ чему ты себя привела?.. Вѣдь, тебя слѣдутъ въ Сибирь сослать...

— Куда угодно... мнѣ все равно... Дѣтей только жалко...

— Жалко тебѣ, вѣдьма... Ихъ у тебя никто не отнималъ... сама бросила... Нѣтъ, ты думала бороться со мной... Вотъ я тебѣ покажу себя... я тебя образумлю... я тебя заставлю слушаться... Неотвязная любовь... дьяволъ этакой...

Рыбинскій кликнулъ письмоводителя и приказалъ запереть Парашу въ одну пустую комнату, пока онъ сдѣлаетъ о ней распоряженіе. Затѣмъ онъ сталъ обдумывать: какъ поступить съ нею. Онъ былъ въ большомъ недоумѣніи и не зналъ на что рѣшиться... Въ городѣ уже, вѣроятно, всѣ знаютъ и толкуютъ о всей этой исторіи. Если дѣйствительно наряжено слѣдствіе, это послѣднее обстоятельство всего больше можетъ повредить ему. Надобно непремѣнно скрыть концы. Рыбинскій думалъ, ломалъ голову и не разъ посылалъ проклятія не только Парашѣ, но и Юліи Васильевнѣ, и всему женскому полу...

Среди этихъ размышленій къ нему явилась Афанасья съ письмомъ Кастрицкой.

— Вотъ еще разсчетъ на вѣчную вѣрность, на рабскую неизмѣнность чувствъ, думалъ онъ, читая письмо Юліи Васильевны. Вѣдь, это удивительно... эти женщины... Самой опротивѣлъ мужъ черезъ годъ послѣ свадьбы, а отъ меня ожидаетъ вѣчной любви... А какая къ чорту любовь... просто скуки ради... Нѣтъ никого поинтереснѣе меня, вотъ и я хорошъ до времени... Нѣтъ, чортъ васъ дери... Съ этой любовью оскандализируешься такъ, что сдѣлаешься посмѣшищемъ всей губерніи...

Рыбинскій опять сталъ перечитывать письмо Юліи Васильевны. «Я старалась всѣмъ внушить, что она сумашедшая: можетъ

быть, этимъ удастся оправдаться и объяснить дѣло» читалъ Рыбинскій.

— Ну это, по крайней мѣрѣ, умно... думалъ онъ. Хорошо бы ее и въ сумашедшій домъ посадить, да теперь опасно: пожалуй, придерутся... И вдругъ свѣтлая мысль осѣнила его голову. Онъ приказалъ опять позвать къ себѣ Парашу и остался съ нею наединѣ.

— Послушай, Парасковья, сказалъ онъ ей. Ты любишь своихъ дѣтей... тебѣ жалко ихъ?...

— Что вы спрашиваете, Павелъ Петровичъ: развѣ я не мать?.. Мнѣ нельзя сказать, что они не мои дѣти... какъ вы говорите·

— А вотъ къ чему я говорю... я тебя не люблю и любить не могу... Но дѣтей мнѣ твоихъ жалко... они пропадутъ, погибнутъ безъ тебя... По настоящему, за твою вину тебя слѣдовало бы сослать на поселеніе... Но я не хочу губить тебя и особенно твоихъ дѣтей... Если ты любишь ихъ, ты должна ѣхать сейчасъ же опять въ деревню и выйти тамъ замужъ... Если же ты не согласна, то я тебя посажу въ сумашедшій домъ, потому что ты сумашедшая: бѣгаешь отъ дѣтей, бросаешься на женщинъ... врешь сама не знаешь что, чему нѣтъ никакихъ доказательствъ... Выбирай же любое: или замужъ, или въ сумашедшій домъ?

— Мнѣ теперь все равно... куда угодно... Только дѣтей отдайте...

— Тебѣ и отдадутъ дѣтей, если ты выйдешь за-мужъ... А сумашедшей не позволятъ держать при себѣ дѣтей... Ты пойми... Я могу все съ тобой сдѣлать... Но я не хочу тебя губить... для дѣтей... Ты уже отмстила мнѣ за себя... побереги же дѣтей...

— Отпустите меня къ дѣтямъ...

— И ты не убѣжишь опять?

— Нѣтъ...

— И будешь жить съ мужемъ?

— Буду...

Съ этимъ словомъ Параша громко зарыдала, бросилась къ ногамъ Рыбинскаго и прильнула къ нимъ, покрывая поцѣлуями. Что-то такое особенное, не бывалое: не то раскаяніе, не то состраданіе прокралось въ сердце Рыбинскаго.

— Ну, перестань... Дѣло кончено... Любви не воротить... Я самъ, можетъ быть, уѣду отсюда въ Петербургъ... А я тебѣ

вотъ что скажу... Если ты выйдешь замужъ и проживешь съ мужемъ годъ хорошо и какъ слѣдуетъ женѣ... не станешь дурачиться и выбросишь все изъ головы, даю тебѣ честное, благородное слово, что я тебя выпущу на волю со всѣмъ семействомъ... Ну, поди же съ Богомъ... Ну, ну, прощай...

Усталая, изтерзанная разнообразными впечатлѣніями дня, потрясенная наконецъ мыслью о вѣчной разлукѣ съ Рыбинскимъ и о возможности свиданія съ дѣтьми, Параша не могла встать съ пола: она почти лишилась чувствъ и по приказанію Рыбинскаго была выведена подъ руки изъ его кабинета.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, Параша, по прежнему, ѣхала въ дальнюю деревню Рыбинскаго. Сопровождавшимъ ее было послано строжайшее предписаніе, немедленно выдать Парашу замужъ за хорошаго жениха и по ея выбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рыбинскій строго наказывалъ наблюдать за нею и не спускать съ глазъ, а въ случаѣ, если она опять скроется, немедленно увѣдомить его съ нарочнымъ. Въ тоже время приказано было обходиться съ Парашей какъ можно ласковѣе и снисходительнѣе.

Успокоившись на-счетъ Параши, Рыбинскій написалъ нѣсколько строкъ Юліи Васильевнѣ, въ которыхъ совѣтовалъ ей быть покойной, и разсказать мужу, что ее напугала какая-то сумашедшая, которая оказалась принадлежащею Рыбинскому; на дняхъ онъ обѣщалъ и самъ пріѣхать въ городъ.

Ивану Кондратьевичу онъ объявилъ въ короткихъ словахъ, что противъ него составляется заговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе самъ губернаторъ, что, вѣроятно, будетъ присланъ чиновникъ для слѣдствія, или секретнаго дознанія; но что все это чистѣйшій вздоръ, не стоющій того, чтобъ на него обращать вниманіе, что онъ разобьетъ и сконфузитъ всѣхъ своихъ враговъ. Ивана Кондратьича онъ предупреждалъ, что на всѣ вопросы, съ которыми будетъ, можетъ быть, обращаться къ нему чиновникъ, онъ долженъ отзываться невѣдѣніемъ.

— Вы отвѣчайте имъ всѣмъ только одно, что вы ничего не знаете, и посылайте ко мнѣ... Пусть меня спрашиваютъ... А я знаю ужь, что мнѣ ндоабно будетъ писать... Я имъ покажу, что значитъ задѣвать меня... Пусть потребуютъ... Это не слыханное дѣло: назначать слѣдствіе надъ дворяниномъ, предводителемъ, по жалобѣ какого нибудь дурака и по доносу извѣстнаго враля, не потребовавши даже предварительно объясненія .. Я ихъ на этой штукѣ поймаю... Я все дворянство подниму на ноги... Пред-

водитель не простой дворянинъ... Да я и того не позволю оскорбить, если онъ моего уѣзда... Ну, поѣзжайте же домой... На Прасковью находятъ припадки сумашествія... Вы такъ и въ городѣ говорите объ этомъ.

— Это вчера моя жена первая-съ Юлію Васильевну надоумила... Такъ ей вдругъ въ голову пришло сказать... Съ ея словъ ужь и Юлія Васильевна стали такъ говорить.

— Что жь... Это совершенно справедливо... Я въ этомъ сегодня окончательно убѣдился... Еще не была ли она сверхъ этого и пьяна?

— Очень можетъ статься-съ!

— Очень можетъ быть... Да, вы свезите кстати вотъ эту записку къ Кастрицкому и отдайте ему ее завтра, утромъ, пораньше.

Рыбинскій писалъ къ лѣсничему: «Любезный другъ, Иванъ Михайлычъ. Вчера мой письмоводитель прислалъ ко мнѣ мою дѣвку, которая, въ пьяномъ видѣ или въ припадкѣ помѣшательства, которое на нее иногда находитъ, говорятъ, напугала до обморока добрѣйшую Юлію Васильевну. Извинись, пожалуста, передъ нею за меня, хотя я впрочемъ нисколько не виноватъ во всей этой непріятности, и успокой ее. Я хотѣлъ было отправить эту женщину въ сумашедшій домъ, но изъ состраданія къ ея дѣтямъ, которыя бы остались безъ надзора, отправилъ ее къ нимъ въ дальнюю мою деревню подъ надзоръ старосты. Притомъ эти припадки случаются съ нею рѣдко и вслѣдствіе продолжительнаго пьянства, которому она подвержена. Я бы и самъ пріѣхалъ успокоить Юлію Васильевну, но въ настоящее время никакъ не могу: пропасть дѣла и предстоятъ необходимые разъѣзды. Итакъ до свиданія. Твой Рыбинскій.

P.S. Вѣроятно, эта исторія сильно взволнуетъ глупыя головы нашихъ уѣздныхъ кумушекъ и возбудитъ сплетни, а потому, при случаѣ, объясни въ чемъ дѣло и достовѣрность своихъ словъ можешь засвидѣтельствовать какъ, документомъ, даже этимъ самымъ письмомъ моимъ.

Рыбинскій зналъ Ивана Михайлыча и былъ увѣренъ, что послѣ этого письма, онъ не захочетъ слушать никакихъ намековъ и разсказовъ о происшествіи на бульварѣ, а въ случаѣ надобности даже грудью отстоитъ предъ клеветниками безукоризненность отношеній Рыбинскаго къ его женѣ.

— Да, вотъ еще что: вызовите ко мнѣ Останкова, отца, что-

бы явился непремѣнно завтра, да напишите вызовъ заднимъ числомъ, дня четыре назадъ. Напишите, чтобъ онъ явился ко мнѣ для объясненія по жалобѣ на него сына его, Никанора Осташкова. Пошлите же сію минуту, чтобы завтра утромъ онъ былъ здѣсь... Ну, теперь все.

Распорядившись такимъ образомъ и почти совершенно успокоенный, Рыбинскій легъ спать и проспалъ на другой день долго. Когда онъ проснулся, ему доложили, что его дожидаются двое Осташковыхъ; отецъ и дядя Никеши. Харлампій Никитичъ самъ изъявилъ желаніе сопровождать брата, чтобы защитить его, въ случаѣ надобности, передъ предводителемъ, а кстати представиться ему и пожаловаться на оскорбленіе, нанесенное ему Палёновымъ. Рыбинскій тотчасъ же велѣлъ ихъ позвать къ себѣ. Александръ Никитичъ думалъ, что предводитель на него накинется, будетъ бранить и требовать, чтобы онъ возвратилъ сыну хлѣбъ; но вышло совсѣмъ напротивъ: Рыбинскій принялъ его очень ласково и покровительственно.

— Но я, вѣдь, вызывалъ только тебя, старикъ, спросилъ онъ: зачѣмъ же ты привелъ брата?

— Я самъ пожелалъ: такъ какъ я отставной офицеръ, и здѣшній дворянинъ... и по своей болѣзни не имѣлъ еще возможности явиться, то почелъ долгомъ представиться... Честь имѣю рекомендоваться, отставной поручикъ, Харлампій Осташковъ, здѣшняго уѣзда потомственный дворянинъ... Харлампій Никитичъ расшаркался. Онъ не былъ еще вполнѣ пьянъ и вслѣдствіе того могъ выражаться довольно ясно.

— Очень пріятно познакомиться, отвѣчалъ Рыбинскій съ улыбкою.—Вы, значитъ, пріѣхали сюда совсѣмъ, чтобы поселиться на родинѣ?..

— Точно такъ-съ... По своей болѣзни... И желаю служить по выборамъ... Окажите ваше милостивое содѣйствіе... Никешка негодяй, и онъ могъ меня оклеветать предъ вами, но я не такой... Служилъ честно и во всей справедливости... Не оставьте... такъ какъ ваше прокровительство и рекомендація много можетъ значить между дворянами...

— Ну, объ этомъ мы послѣ поговоримъ... отвѣчалъ Рыбинскій, смѣясь въ душѣ надъ поручикомъ,— а вотъ сначала: что ты мнѣ скажешь, старикъ, по жалобѣ твоего сына: онъ мнѣ жаловался, что ты отнялъ у него его хлѣбъ, который онъ посѣялъ?

— Точно-съ, отвѣчалъ Александръ Никитичъ. Да, вѣдь земля вся моя, и вотъ братцова, покамѣсть мы живы... А Никаноръ, вѣдь, еще не отдѣленъ бумагой... Онъ только теткиной долей можетъ владѣть... Какъ же онъ безъ спроса, силой взялъ, да засѣялъ нашу землю?.. Опять же вотъ братецъ пришолъ, а онъ, Никаноръ, не только чтобы принять дядю, но даже его выгналъ изъ дома и чуть не прибилъ... Кормить его отказался... А чѣмъ же я его буду кормить?.. Вотъ я и взялъ хлѣбъ, что́ онъ безъ спроса посѣялъ на братцовой землѣ... Разсудите великодушно, ваше превосходительство...

— Если все это такъ, то ты, по моему мнѣнію, совершенно правъ; а виноватъ кругомъ Никаноръ... Если бы онъ хотѣлъ отдѣлиться, то долженъ былъ просить объ этомъ законнымъ порядкомъ: тогда бы ему и выдѣлили узаконенную часть изъ всей родовой земли... А это, значитъ, онъ самоуправствовалъ, насильно присвоилъ... Каковъ однако!.. Я никакъ не ожидалъ, что онъ такой буянъ...

— Буянъ-съ, подтвердилъ Харлампій Никитичъ, большой буянъ... А все оттого, что не знаетъ дисциплины, не ученъ... Его бы въ военную службу, подъ ружье... Тамъ бы выдержали...

— А больше оттого, прибавилъ Александръ Никитичъ, что его вотъ господа побаловываютъ, принимаютъ, да жалуютъ: вотъ онъ и забралъ себѣ въ голову, что онъ все можетъ дѣлать... И отца ни во что не ставитъ, и знать не хочетъ... Сами изволите разсудить, ваше превосходительство: неужто бы я захотѣлъ обидѣть, кабы видѣлъ отъ него почтеніе, кабы онъ былъ сынъ почтительный... А то онъ вотъ обнадѣялся,—и знать меня не хочетъ... Чуть что вздумаетъ:—я, говоритъ, на тебя жаловаться пойду къ предводителю... Ну, поди, я говорю: я ни въ чемъ не виноватъ, такъ и господинъ предводитель не захочетъ даромъ обидѣть меня, бѣднаго человѣка... Вотъ и въ этомъ дѣлѣ... Видно, васъ-то не получилъ что ли дома въ тѣ поры, али ужь такъ, что, молъ, къ вамъ надумалъ послѣ идти, нажаловался господину Палёнову... Ну, пріѣхали они, покричали тамъ на меня... Да что же?.. Коли я ни въ чемъ не виноватъ, такъ что же можетъ мнѣ господинъ Палёновъ сдѣлать, хоть они и богатые люди, а я бѣдный человѣкъ... Коли я правъ, такъ долженъ въ своемъ стоять... Ну, покричали, постращали, да вѣдь, что же они могли со мной сдѣлать?.. Опять же, вѣдь, и господинъ Па-

лёновъ, хоть и богатый дворянинъ, да, вѣдь, не предводители же они: власти надо мной не имѣютъ...

— Такъ ужь Паленовъ и къ вамъ пріѣзжалъ?

— Какъ же-съ... пріѣзжали...

— И говоришь: кричалъ на тебя, стращалъ?

— Какъ же... И, Господи, какія были и угрозы, и крики... Въ Сибирь даже что-ли стращали сослать насъ съ братцемъ... А братца такъ даже обидѣли... побили.

— Какъ побили?

— Да-съ... обиженъ... Прошу защиты... Жалобу приношу... отозвался Харлампій Никитичъ.

— Какъ?.. Развѣ можно бить дворянина, и къ тому еще заслуженнаго офицера... Чтожь вы до сихъ поръ не пожаловались мнѣ?.. Что вы не подали прошенія?.. Подайте прошеніе... Я готовъ вступиться за васъ... Это моя обязанность... Я не позволю такого самоуправства въ моемъ уѣздѣ...

— Позвольте къ вамъ прибѣгнуть... Вы благородный человѣкъ... понимаете обиды.

— Подайте, подайте прошеніе... Какъ это можно позволить... На что это похоже!

— Не оставьте... какъ благородный человѣкъ...

— Извольте, извольте... Я готовъ сдѣлать для васъ все, что̀ могу... что̀ отъ меня зависитъ... Я даже представлю вашу просьбу губернатору... Сейчасъ же, по возвращеніи домой, напишите и подайте мнѣ.

— Благодарю васъ... Позвольте узнать: вы, вѣрно, служили въ военной службѣ.

— Служилъ... А что?..

— Сейчасъ можно видѣть по манерамъ военнаго человѣка... и по благородству чувствъ вашихъ.

— Это, мой любезный, ничего не значитъ... Палёновъ тоже служилъ въ военной службѣ... Ну, а ты, старикъ, по моему мнѣнію, совершенно правъ... и я ни къ чему принуждать тебя не могу... Вижу, что твой Никаноръ большой негодяй и сожалѣю, что напрасно потревожилъ тебя... А чтобы въ другой разъ сынъ твой не смѣлъ привозить разбирать ваши семейныя дѣла какихъ нибудь господъ, подобныхъ Палёнову, такъ въ прошеніи поясните и это, что Палёновъ взялъ на себя право вмѣшиваться въ пустое дѣло, кричалъ на васъ и угрожалъ ссылкою въ Сибирь, если вы не исполните его приказаній... Это все

не худо поставить на видъ... Пусть онъ объяснитъ: какое онъ имѣлъ право принимать на себя не принадлежащую ему власть... За это, вѣдь, строго взыскивается... Ну, прощайте... Мнѣ больше нечего съ вами дѣлать... Завтра, если меня не будетъ дома, прошеніе можете оставить человѣку...

— И насчетъ должности позволите надѣяться?.. спросилъ Харлампій Никитичъ.

— Ахъ, какъ же, помилуйте... Почту за особенное удовольствіе рекомендовать васъ дворянству на выборахъ... отвѣчалъ Рыбинскій, съ худо скрытой насмѣшкой.—Вамъ въ какую должность угодно балотироваться?...

— Желаю, если можно, въ исправники, или въ непремѣнные засѣдатели...

— А ну, что же... Очень пріятно... Вы, военный человѣкъ... вѣроятно, очень распорядительны, слѣдовательно, можете быть отличнымъ исправникомъ... Непремѣнно, непремѣнно... Почту за особенное удовольствіе рекомендовать васъ...

Харлампій Никитичъ вышелъ отъ предводителя съ торжествующимъ видомъ. Александръ Никитичъ былъ также неожиданно успокоенъ хорошимъ оборотомъ дѣла. Рыбинскій съ своей стороны былъ тоже радъ новому оружію въ своихъ рукахъ противъ Палёнова. Онъ теперь былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ надъ нимъ.

IX.

Рыбинскій теперь задумалъ приготовить и возбудить общественное мнѣніе дворянъ противъ Палёнова и противъ распоряженій губернатора, какъ бы посягающихъ на достоинство дворянскаго представителя. Съ этой цѣлію онъ въ тотъ же день поѣхалъ сдѣлать визиты нѣкоторымъ дворянамъ, своимъ сторонникамъ. Всѣ, кому онъ ни разсказывалъ о поступкѣ Палёнова, возмущались противъ него, а еще болѣе противъ распоряженій губернатора и выражали готовность защищать, если потребуется, своего предводителя. Рыбинскій, впрочемъ, никого не просилъ объ этой защитѣ и держалъ себя, по прежнему, съ достоинствомъ, а представлялъ все это, какъ обстоятельство немножко забавное, немножко возмутительное; онъ просилъ только обратить вниманіе, какъ онъ сконфузитъ своихъ враговъ и разобьетъ всѣ ихъ замыслы.

Между прочимъ онъ надумалъ заѣхать къ Карѣеву, который считался въ уѣздѣ за очень умнаго человѣка и котораго, вслѣдствіе этого Рыбинскому хотѣлось привлечь на свою сторону. Онъ засталъ у него Тарханова, который уже началъ приводить въ дѣйствіе свое весьма выгодное коммерческое предпріятіе: что-то такое покупалъ, что-то продавалъ, что-то строилъ и безпрестанно бралъ у Карѣева деньги, обольщалъ огромными барышами въ будущемъ. Всеотрицающій, но тѣмъ не менѣе суетный и мелочно-самолюбивый Аркадій Николаичъ, внутренно былъ очень доволенъ пріѣздомъ предводителя, который до сихъ поръ еще не бывалъ у него, хотя наружно, разумѣется, старался сохранить совершенное спокойствіе и даже равнодушіе къ такой неожиданной чести. Поговоривши о томъ о семъ, отчасти и поспоривши, Рыбинскій вдругъ спросилъ Карѣева:

— Скажите, пожалуйста: вы здѣсь единственный человѣкъ развитый и современный... какъ вы понимаете Палёнова?.. Вы къ нему, кажется, очень близки и коротко съ нимъ знакомы... Я здѣсь слышу о немъ весьма различныя мнѣнія; но большинство считаетъ его человѣкомъ большаго ума и громадной учености... какъ вы?

— Вы хотите моего откровеннаго мнѣнія?

— Разумѣется.

— По моему, это пошлѣйшій дуракъ, набравшійся книжныхъ фразъ, которыхъ онъ не въ силахъ пережевать, и выставляющій ихъ на показъ кстати и некстати... Я не могу себѣ представить человѣка смѣшнѣе того, который въ состояніи со вниманіемъ слушать болтовню Палёнова... къ этому можетъ быть способенъ развѣ какой нибудь идіотъ, Осташковъ... Вотъ въ его глазахъ, я полагаю, Палёновъ просто мудрецъ.

— Не даромъ они такъ сошлись, сказалъ Рыбинскій со смѣхомъ.—Я самъ признаюсь никогда не былъ о Палёновѣ высокаго мнѣнія, но я никакъ не ожидалъ, что онъ такой мелкій и пустой человѣкъ, какъ это недавно обнаружилось... Конечно, объ этомъ не стоило бы и говорить, еслибъ это не было кстати... Представьте, онъ занимается писаніемъ доносовъ... этимъ благороднымъ путемъ онъ надѣется заслужить расположеніе и милости предержащихъ властей... И на кого, какъ вы думаете, пишетъ онъ доносы и кому ихъ подаетъ?.. Вѣдь, этому повѣрить трудно; на меня, своего предводителя, онъ пишетъ доносы губернатору.

— Ахъ скотина!.. сказалъ Тархановъ.

— Дуракъ!.. произнесъ Карѣевъ.

— Но вы понимаете всю гадость и низость этого поступка... Вѣдь, этимъ онъ унижаетъ все дворянское сословіе... Вѣдь, онъ поднимаетъ руку на интересы, на достоинство того сословія, къ которому самъ принадлежитъ.

— Ну, это-то, по моему мнѣнію, еще бѣда не большая, еслибы онъ только унижалъ свое сословіе... Это пожалуй, было бы даже недурно...

— Какъ, что вы такое говорите? спросилъ съ удивленіемъ Рыбинскій.

— Я высказываю только свое искреннее убѣжденіе, съ которымъ вы, конечно, не согласитесь... Я нисколько не симпатизирую никакимъ сословнымъ преимуществамъ и бываю всегда очень доволенъ, когда ихъ нѣсколько унижаютъ... Но тутъ, въ поступкѣ Палёнова, есть кое-кто похуже униженія своего сословія... Это униженіе своего личнаго человѣческаго достоинства. Вотъ что меня возмущаетъ...

— Но послушайте: вѣдь, вы дворянинъ?

— Дворянинъ...

— Вы пользуетесь своими правами?

— Пользуюсь... по необходимости...

— Какъ по необходимости?... Значитъ, вы ими не дорожите?

— Нисколько...

— Значитъ, вы съ радостью бы отъ нихъ отказались?

— Съ величайшей...

— Я васъ не понимаю... И сами добровольно согласились бы отказаться отъ своей независимости, добровольно подчинились бы притѣсненіямъ полиціи и прочихъ властей...

— Совсѣмъ нѣтъ... Этому притѣсненію никто не долженъ подвергаться...

— Не долженъ... Не спорю... Но если это такъ существуетъ, если это такъ дѣлается... Зачѣмъ же вы-то, человѣкъ, принадлежащій къ такому сословію, которое нѣсколько освобождено отъ этого гнета, сами добровольно будете подставлять подъ него спину?..

— Потому, что я хочу жить одною жизнью со всѣмъ народомъ, я хочу повиноваться одинакимъ съ нимъ правамъ, чувствовать горе, если онъ его чувствуетъ и радоваться, если онъ будетъ радоваться... потому наконецъ, что наши льготы, наши

привилегіи ничѣмъ не заслужены, не пріобрѣтены моимъ личнымъ трудомъ, моими личными заслугами, и вслѣдствіе этого тяготятъ меня...

— Слѣдовательно, вы должны сочувствовать Палёнову, который своимъ доносомъ тоже посягаетъ на дворянскія преимущества и желаетъ подвергнуть представителя своего сословія губернаторскому преслѣдованію...

— Нѣтъ, напротивъ, я презираю Палёнова, какъ доносщика, потому что доносъ всегда гадокъ на кого бы и кому бы онъ ни былъ поданъ.

— Ну, я не стану спорить съ вами о вашихъ убѣжденіяхъ... Наука увлекла васъ впередъ меня... Я доволенъ уже тѣмъ, что вы называете настоящимъ именемъ поступокъ Палёнова и имѣете о немъ очень вѣрное мнѣніе... Признаюсь, я удивлялся, когда слышалъ отъ кого-то, что вы въ большой пріязни съ этимъ господиномъ... и даже считаете его достойнымъ быть предводителемъ дворянства...

— Это чистѣйшій вздоръ... Правда, я сходился съ нимъ, но для того, чтобы наблюдать и изучать его, какъ замѣчательное нравственное уродство... Но скажите, пожалуйста, въ чемъ же состоитъ его доносъ на васъ?..

— О, это-то всего интереснѣе... Онъ жалуется губернатору на мою безнравственность... на мои непозволительныя отношенія къ женщинамъ.

Рыбинскій засмѣялся.

— Ахъ, какая скотина... какой обскурантъ... Это удивительно, что̀ здѣсь за народъ! воскликнулъ Карѣевъ, пожимая плечами.

— А нашъ губернаторъ, по этому доносу, разумѣется, ничѣмъ не доказанному, говорятъ, назначилъ надо мною слѣдствіе...

— Удивительно, удивительно. Этакое уродство... Этакая тупость... говорилъ Карѣевъ съ негодованіемъ.

— Эге, голубчикъ, думалъ въ это время Тархановъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло... Ты струсилъ, ты боишься... Недаромъ ты началъ ѣздить по дворянамъ и заискивать... И въ споры не вступаешь... И соглашаешься... И не важничаешь... Стараешься поддѣлаться... Видно, и въ насъ нужда пришла.

— Да, я согласенъ съ Аркадіемъ Степанычемъ, сказалъ онъ вслухъ, что мы только чванимся, важничаемъ, а дѣла не дѣлаемъ... и даже гнушаемся дѣломъ... Вотъ писать доносы, такъ это ничего, это не унизительное занятіе, а предложилъ я этому

скважинѣ, Палёнову, участвовать въ нашемъ коммерческомъ предпріятіи, такъ, представьте, что отвѣтилъ: по моему мнѣнію, говоритъ, дворянину унизительно заниматься торговлей... Мг... скотина...

— Что это за коммерческае предпріятіе? спросилъ Рыбинскій.

— А вотъ мы предприняли съ Аркадіемъ Степанычемъ... одно лѣсное дѣло... чрезвычайно выгодная исторія... только не станетъ у насъ средствъ завести его въ широкихъ размѣрахъ... чтобы вдругъ все дѣло забрать въ лапы... И по неволѣ идемъ потихоньку, шагъ за шагомъ... а барыши впереди... А барыши будутъ, я вамъ скажу: по крайней мѣрѣ 200 на 100... Вотъ не хотите ли вступить въ коммерцію?.. Ваше участіе могло бы двинуть дѣло впередъ... А дѣло честное и вѣрное...

— Вы, вѣдь, Тархановъ, фантазёръ... Вы большой мастеръ высчитывать барыши на бумагѣ... да на дѣлѣ-то, говорятъ, не такъ выходитъ... отвѣтилъ Рыбинскій съ улыбкой.

Тархановъ обидѣлся.

— Я полагаю, сказалъ онъ, Аркадій Степанычъ, человѣкъ не безголовый, образованъ не меньше насъ съ вами и счетъ знаетъ... однако и онъ согласился, что дѣло вѣрное и пустилъ въ него свои деньги... Нѣтъ, вы ужь лучше признайтесь, что не далеко ушли въ этомъ отъ Палёнова: тоже чванитесь своимъ барствомъ и стыдитесь участвовать въ благородномъ коммерческомъ предпріятіи... Вы баре... Вамъ бы получать денежки даромъ, сидя покойно на печкѣ, не рискнувши ни копѣйкой своей... Вы все ждете, чтобы вамъ принесли, да поклонились: осчастливь, молъ, батюшка... Вотъ денежки принесъ, такъ прими... Нѣтъ ли свободнаго мѣста въ кошелькѣ?

Рыбинскій морщился.

— Я въ первый разъ еще слышу, чтобы меня ставили на одну доску съ Палёновымъ... проговорилъ онъ сухо и съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Да я и не ставлю васъ на одну доску... А какъ же, развѣ это не барское чванство своего рода: не знаете даже въ чемъ дѣло, а ужь говорите о немъ свысока, важничаете...

— Нѣтъ, дѣло дѣйствительно хорошо разсчитанное и должно принесть большія выгоды, вмѣшался Карѣевъ, чтобы нѣсколько смягчить непріязненное расположеніе своихъ гостей.

— Чтожь, если вы нуждаетесь въ деньгахъ, Аркадій Степанычъ, такъ я вамъ могу служить.

— Да мы не взаймы у васъ просимъ, а предлагали вамъ, какъ благородному человѣку, участвовать въ нашемъ дѣлѣ, чтобы отчасти капиталомъ, отчасти своимъ кридитомъ, расширить наше предпріятіе... А занять-то подъ проценты и на вексель мы вездѣ можемъ и безъ васъ...

— Какъ же вамъ не стыдно, Тархановъ... Кто жь вамъ говоритъ про проценты и векселя... я просто предлагаю Аркадію Степанычу деньги, въ случаѣ надобности... какъ это водится между благородными людьми...

— Очень вамъ благодаренъ... Вы очень любезны... сказалъ Карѣевъ.

— Помилуйте, стоитъ ли объ этомъ говорить...

— Нѣтъ, а вы вотъ что лучше... Денегъ намъ вашихъ не нужно... А тутъ есть не далеко ваша лѣсная пустошь, которая никакой пользы вамъ не приноситъ... Продайте намъ ее подешевле, а денегъ подождите... Вотъ это будетъ благородно съ вашей стороны...

— Объ этомъ нужно поговорить съ прикащикомъ... Я, признаюсь, не имѣю даже понятія объ этой пустоши.., Но, впрочемъ, я не отказываюсь и отъ продажи..:

— Ну, вотъ за это спасибо!.. А денегъ-то вы намъ дадите, въ случаѣ надобности... Ужь коли сами обѣщали, такъ дадите...

— Полноте, Дмитрій Ивановичъ, замѣтилъ Карѣевъ. Ужь вы слишкомъ безцеремонно разсчитываете на любезность Павла Петровича...

— Э, полноте..: Вы не знаете этого человѣка, а я знаю...- Онъ, благороднѣйшее существо... Ужъ коли захочетъ быть другомъ, такъ будетъ... На него тогда опирайся, какъ на каменную стѣну.

— А вы что за существо, Тархановъ: то сравниваете меня съ Палёновымъ, то называете благороднѣйшимъ существомъ...

— Ну, ну, не сердитесь... Я пошутить только хотѣлъ, подразнить васъ... Развѣ я васъ не знаю... Слава Богу, сколько лѣтъ знакомы. Но я представляю себѣ положеніе Палёнова, когда онъ, послѣ всѣхъ своихъ происковъ противъ васъ, останется въ дуракахъ!

— И конечно останется, подтвердилъ съ увѣренностью Рыбинскій.

— Вотъ будетъ рваться-то и бѣситься!.. Просто съ ума сойдетъ.

— Однако послушайте, господа, сказалъ Карѣевъ. Ему надо дать хорошій урокъ, на выборахъ, чтобы онъ зналъ, что доносчики нетерпимы въ порядочныхъ обществахъ.

— По моему зазвать его въ гости, да выпороть хорошенько своимъ судомъ: больше онъ ничего не стоитъ, замѣтилъ Тархановъ. Да такъ выпороть, чтобы и самъ вѣкъ помнилъ, да и дѣтямъ заказалъ доносы писать...

Всѣ усмѣхнулись.

— Ну, ужь это слишкомъ, сказалъ Карѣевъ.

— Да что же съ нимъ?.. разговаривать что ли?..

— Ну, полноте, господа, возразилъ Рыбинскій, онъ будетъ наказанъ уже тѣмъ, что останется въ дуракахъ, во вторыхъ тѣмъ, что имъ будетъ гнушаться все порядочное общество... Пусть онъ наслаждается драгоцѣнной пріязнью губернатора... А ужь какъ онъ къ нему ни поддѣлывайся, губернаторъ не можетъ же заставить выбрать его въ предводители... А, вѣдь, это цѣль всей его жизни...

— Неужели онъ мѣтитъ въ предводители?..

— Какъ же... Въ этомъ всѣ его мечты...

— Черняками его!.. черняками, голубчика... вскричалъ Тархановъ. Просить, кланяться, чтобы удостоилъ принять на себя это званіе... а потомъ на вороныхъ и прокатить... Вотъ это будетъ потѣха...

Рыбинскій молча и скромно улыбался.

— Однако, господа, прощайте, сказалъ онъ. Мнѣ еще надобно въ городъ ѣхать отгрызаться отъ этой стаи, которую напустилъ на меня Палёновъ... Мнѣ, ей-богу, эта исторія доставляетъ истинное удовольствіе, и я отчасти благодаренъ Палёнову... По крайней мѣрѣ нѣсколько оживилъ нашу монотонную жизнь: есть о чемъ говорить, есть съ чѣмъ бороться... А то просто тоска начинала одолѣвать...

— Ну вотъ теперь наше дѣло пойдетъ, лишь бы только онъ сдержалъ свое слово, сказалъ Тархановъ, оставшись наединѣ съ Карѣевымъ. А струсилъ, голубчикъ, видимо струсилъ... Видно, Палёновъ таки ловко его задѣлъ... Ну, да ничего... Я отчасти даже благодаренъ Палёнову за это... Потише будетъ, очень ужь важничать началъ... Не подступайся... Чортъ не братъ...

— Полноте, Дмитрій Иванычъ, какъ вамъ не стыдно оправдывать Палёнова, замѣтилъ Карѣевъ. По моему, Рыбинскій очень неглупый и порядочный человѣкъ... Правда, онъ немножко от-

сталый, и баринъ въ душѣ, но все-таки онъ недосягаемо выше всей прочей здѣшней сволочи.

— Да я не оправдываю Палёнова... Разумѣется, это гнусно... Я говорю только къ тому, что у Рыбинскаго была замашка поважничать своимъ предводительствомъ...

— Вы сами виноваты, господа... Вы сами дѣлаете изъ этого званія Богъ знаетъ что... Сами балуете человѣка: по неволѣ онъ важничаетъ... А вотъ посмотрите: пріѣхалъ онъ къ человѣку независимаго образа мыслей, какъ я... онъ совсѣмъ другой... И тѣни нѣтъ той важности, которую онъ напускаетъ передъ другимъ... Видитъ, что тутъ ничѣмъ не удивитъ, что тутъ уважаютъ въ немъ только человѣка, а не предводителя, вотъ онъ сейчасъ и становится просто человѣкомъ... Неразвитость здѣшняго общества балуетъ людей... Нѣтъ, онъ еще порядочный человѣкъ... Онъ сейчасъ видитъ гдѣ какъ надо держать себя... Я мало зналъ его...

— Да, разумѣется... Я противъ него ничего не скажу... Онъ славный малый, — сказалъ Тархановъ, а самъ про себя подумалъ: дуракъ ты, дуракъ! онъ и знать-то тебя не хотѣлъ до сихъ поръ, пока ему не понадобилось доброе мнѣніе дворянъ... Очень ему нужно, что ты человѣкъ независимаго образа мыслей! Ты говорить умѣешь, хоть и вздоръ говоришь, задоръ въ тебѣ есть, да лишній шаръ въ твоихъ рукахъ: вотъ ты и сталъ ему нуженъ... Однако надо къ нему съѣздить и совершить купчую поскорѣе, ковать желѣзо пока горячо... А пустошь великолѣпная... Купивши ее, тотчасъ же можно продать купцамъ, а деньги въ оборотъ...

— Вы думаете онъ дорожитъ, что ли, предводительствомъ, продолжалъ Карѣевъ. Ему нужна только широкая, независимая жизнь... Я знаю эти натуры... А ему еще даютъ и власть и почетъ... Отчего же не взять, коли даютъ?.. А и потеряетъ— повѣрьте, жалѣть не станетъ... Посмотрите: онъ ни къ кому не поддѣлывается, ни за кѣмъ не ухаживаетъ; онъ всегда въ оппозиціи и со всѣми губернскими властями въ ссорѣ... Это мнѣ чрезвычайно нравится въ немъ, и все это говоритъ въ его пользу... И его непремѣнно надо бы выбрать губернскимъ предводителемъ вамъ, господа дворяне, которые такъ дорожите своими сословными преимуществами... Онъ былъ бы отличный вамъ защитникъ... Ужь онъ не далъ бы дворянъ въ обиду... Никому бы не уступилъ... Будьте увѣрены...

— Разумѣется, разумѣется... соглашался Тархановъ, думая совсѣмъ о другомъ.

X.

Между тѣмъ уѣздный городокъ былъ въ сильномъ смятеніи. Во всѣхъ домахъ дамы только и говорили, что о происшествіи на бульварѣ: обсуждали его со всѣхъ сторонъ, оцѣнивали всю безнравственность поведенія лѣсничихи, признавались другъ другу, что связь ея съ предводителемъ давно была каждой извѣстна, совѣщались о томъ, какъ держать себя съ нею; и рѣшили, что теперь, когда все дѣло обнаружилось, совѣстно быть даже знакомою съ такой женщиной, что у нихъ есть дочери, которыя отъ сближенія съ такою особою могутъ заразиться и потерять нравственность, что ея надобно стараться избѣгать. Никто не хотѣлъ вѣрить, что Параша сумашедшая: всѣ были увѣрены въ противномъ, каждая видѣла ее своими глазами; оказались даже такія дамы, которыя имѣли случай *говорить* съ ней и убѣдились, что въ ней нѣтъ даже и признаковъ помѣшательства; что она несчастная, презрѣнная женщина, но очень хорошо и благоразумно разсуждаетъ; что она не была пьяна, какъ увѣряетъ съ-глупа Иванъ Михайлычъ, который не видитъ, что́ дѣлается у него подъ носомъ, или, можетъ быть, нарочно видѣть не хочетъ изъ своихъ собственныхъ выгодъ, потому что Рыбинскій постоянно ему проигрываетъ въ карты; да вѣдь всякому наконецъ извѣстно, что лѣсничій даже всю провизію получаетъ изъ деревни предводителя. Что Параша не была пьяна— въ этомъ тоже нѣтъ никакого сомнѣнія. Она даже никогда и вина въ ротъ не брала. Что она сумашедшая, что она была пьяна—это чистѣйшій вздоръ, выдумка!.. Да и во всякомъ случаѣ эта выдумка ни къ чему послужить не можетъ: она не можетъ быть ни резономъ, ни оправданіемъ. Ну, предположимъ даже, разсуждали дамы, предположимъ, что эта несчастная, презрѣнная дѣвка дѣйствительно сумашедшая, или пьяная: ну, что-жь изъ этого? Все-таки она говорила слова, которыя что нибудь да значатъ... Отчего же она не бросилась ни на меня, ни на васъ, а прямо на нее, отчего же она въ сумашествіи или въ пьяномъ видѣ не говорила чего нибудь другаго, а именно указывала на связь лѣсничихи съ предводителемъ?... Ахъ, Боже мой, да кому же наконецъ это не извѣстно, кто же изъ насъ этого не знаетъ? рѣшили дамы. Но такой афронтъ, такой

публичный скандалъ... Вѣдь, она бить ее хотѣла, вѣдь, еслибы не отнялъ ее Иванъ Николаичъ, она непремѣнно бы ее избила, можетъ быть, даже до смерти бы убила... да и непремѣнно бы убила... и по дѣломъ!.. Но только какъ же быть знакомой съ подобной женщиной... Можно ли ее послѣ всего этого принимать къ себѣ!..

Сначала мужское поколѣніе городка отдѣлывалось молчаніемъ, или выражалось неопредѣленно и смутно относительно этого запутаннаго обстоятельства; а мужья, нѣкоторымъ образомъ зависящіе отъ предводителя, даже заступались за Юлію Васильевну, говорили, что мало ли что̀ случается въ жизни; что, по происшествію на бульварѣ, ничего рѣшительнаго нельзя сказать объ отношеніяхъ Юліи Васильевны къ Рыбинскому; что сумашедшей женщинѣ мало ли что̀ можетъ прійти въ голову; что Юлія Васильевна, дама добрая, веселая и любезная, у которой такъ пріятно бывать и проводить время, что наконецъ, еслибы и дѣйствительно что и было между ею и предводителемъ, такъ кому какое дѣло, кто кому судья?.. не осуждай, да не судимъ будешь... И изо всего этого выводили такое заключеніе, что лучше это дѣло забыть, или оставить такъ, какъ будто его вовсе не было, не огорчать понапрасну Юлію Васильевну и не прекращать съ нею пріятнаго знакомства. Но на третій день послѣ событія на бульварѣ, пріѣхалъ изъ губернскаго города Палёновъ. Узнавъ о случившемся, онъ пришолъ въ неописанное восхищеніе и тутъ же объявилъ, что Рыбинскій пропалъ, что надъ нимъ наряжается слѣдствіе, и сегодня же или завтра пріѣдетъ чиновникъ отъ губернатора, для производства слѣдствія, и что это бульварное происшествіе тоже будетъ собщено губернатору, присоединится къ слѣдствію, какъ сильнѣйшее доказательство противъ Рыбинскаго, и окончательно погубитъ его. Какъ только это извѣстіе дошло до слуха мужей, защитниковъ Юліи Васильевны, въ туже минуту образъ мыслей ихъ измѣнился: она сдѣлалась въ ихъ глазахъ преступной, погибшей женщиной, не заслуживающей никакого уваженія, знакомство съ которой даже постыдно для ихъ женъ;—и послѣднимъ дано было торжественное приказаніе держать себя подальше отъ нея, или разрѣшеніе дѣлать съ преступницей, что̀ сами знаютъ... Въ этотъ же день опять стояла ясная погода; опять, по обычаю, было гулянье на бульварѣ; Юлія Васильевна, успокоенная письмомъ Рыбинскаго, мѣрами, которыя онъ принялъ относительно

Параши, наконецъ тѣмъ, что мужъ ея не обратилъ особеннаго вниманія на происшествіе, рѣшилась также отправиться на бульваръ,—отчасти для того, чтобы показать передъ публикой, что она нисколько не сконфужена, отчасти для того, чтобы посмотрѣть какое впечатлѣніе произвелъ на общество этотъ несчастный случай. Правда, съ нѣкоторою внутреннею робостію, но съ лицомъ совершенно веселымъ и спокойнымъ, вступила она на бульваръ въ сопровожденіи Сашеньки... Но увы! она никакъ не ожидала того пріема, который ей сдѣлаютъ... Дамы отъ нея торжественно отворачивались, не отвѣчали на ея поклоны, или, небрежно кивая головой, смотрѣли на нее съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Добродушной вдовы на бѣду не было на бульварѣ, а Юлія Васильевна не взяла предоторожности пригласить ее съ собою.

Какъ ни была бойка и самоувѣренна лѣсничиха, но такое, публично выраженное, общее пренебреженіе ее озадачило и уничтожило. Едва удерживая слезы, которыя душили ее, она только ради приличія прошла раза два аллею одна одинешенька, стараясь придавать лицу презрительную мину при встрѣчѣ съ дамами, но не въ силахъ была долго выносить этой неравной борьбы—и отправилась домой.

На улицѣ она встрѣтила засѣдателя, своего поклонника, который тоже отправлялся на гулянье. Онъ подошолъ къ ней.

— Вы слышали? спросилъ онъ таинственно съ какимъ-то озабоченнымъ и даже нѣсколько глубокомысленнымъ выраженіемъ лица.

— Что такое?

— Очень большая непріятность для Павла Петровича...

— Да что же такое?

— Надъ нимъ наряжено секретное слѣдствіе о его противозаконныхъ дѣйствіяхъ и безнравственномъ поведеніи.

Юлія Васильевна вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Какое же это безнравственное поведеніе... Что это значитъ?.. Въ чемъ же его обвиняютъ?.. Что онъ такое сдѣлалъ?.. спрашивала она, едва переводя духъ.

— Какъ мнѣ вамъ это объяснить... Это довольно затруднительно высказать предъ дамою... потому о такихъ предметахъ въ дамскомъ обществѣ говорить не принято... даже невозможно... но только очень, очень можетъ быть непріятно для Павла Петровича, если все это будетъ открыто...

— Да что же такое?.. Скажите мнѣ, пожалуйста, прямо... Не стѣсняйтесь... Я не дѣвушка...

— Вотъ видите: будто бы онъ... Но нѣтъ, не могу, рѣшительно не могу... Я никогда съ дамами не говорилъ о такихъ вещахъ... а тѣмъ болѣе съ вами... Можетъ быть, вы узнаете современемъ все, но только не отъ меня... А я вамъ только одно скажу, что вы жестоко ошибались въ этомъ человѣкѣ... Онъ не заслуживалъ...

Засѣдатель не договорилъ.

— Чего? спросила Юлія Васильевна и краска досады покрыла ея лицо.

— Вы сами знаете... сказалъ со вздохомъ и съ упрекомъ въ голосѣ засѣдатель.

— Я васъ не понимаю... проговорила Юлія Васильевна и въ голосѣ ея звучала досада.

— Понимаете, Юлія Васильевна... произнесъ засѣдатель опять со вздохомъ и потрясая головою.

— Пожалуйста, не говорите со мною загадками; говорите прямо, чтобы и я могла прямо отвѣчать вамъ.

— Я вамъ только одно скажу, Юлія Васильевна, что вы отвергали людей вамъ искренно преданныхъ... и, можетъ быть, даже такихъ, которые жизни своей не пожалѣли бы для васъ... чему уже и были доказательства... еще очень недавно и не далеко отсюда, на бульварѣ... и предпочитали этимъ людямъ человѣка... безнравственнаго, дурнаго, о которомъ наконецъ узнало даже правительство... и назначаетъ надъ нимъ слѣдствіе... Вотъ я вамъ довольно прямо сказалъ... Неужели вы и теперь не понимаете?..

— Я понимаю только одно, что вы говорите что-то такое, оскорбительное для меня... на что̀ я вамъ не давала никакого повода и чего никому не позволю... Прошу васъ: оставьте меня...

— Я, оскорбительное... Я... вамъ... лепеталъ озадаченный засѣдатель. Я всегда... Я никогда, Юлія Васильевна... кромѣ благоговѣнія... кромѣ восторга...

— Я вамъ повторяю: оставьте меня съ вашимъ благоговѣніемъ и восторгомъ... Я не нуждаюсь въ нихъ...

— Но вы забываете, Юлія Васильевна... чѣмъ вы мнѣ обязаны... Безъ меня... васъ можетъ быть... Никто не хотѣлъ вступиться за васъ... Одинъ я...

— Какъ вамъ не стыдно хвалиться передъ женщиною пустой услугой, которую вы ей оказали... которую вы обязаны были оказать, если вы порядочный человѣкъ... Но порядочный человѣкъ никогда не станетъ напоминать объ этомъ женщинѣ... Я васъ благодарила за услугу, которую вы мнѣ сдѣлали... Чего-жь вы еще хотите отъ меня?..

— Если бы вы понимали меня, Юлія Васильевна... Если бы вы знали, что̀ я чувствую... вы не говорили бы такъ... вы пожалѣли бы этого человѣка, который... который...

— Который, случайно оказавъ женщинѣ ничтожную услугу, считаетъ себя вправѣ говорить ей оскорбительныя вещи и ожидать отъ нея какого-то особеннаго вниманія, котораго она никому не оказываетъ, кромѣ своего мужа... Стыдитесь... Вы мнѣ смѣшны... Вотъ мой домъ... Прощайте...

И Юлія Васильевна отвернулась отъ засѣдателя и быстро вошла въ ворота, оставивъ у нихъ своего поклонника, прежде нежели онъ успѣлъ снять шляпу, чтобы поклониться.

— Ахъ, ты, чортъ тебя возьми... проговорилъ засѣдатель, поправляя шляпу и съ остервенѣніемъ потрясая тросточкой, которою былъ вооруженъ. Погоди жь ты... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ...

И онъ отправился на бульваръ сплетничать на-счетъ предмета своего поклоненія.

Юлія Васильевна, придя домой, плакала до истерики. Она посылала даже проклятія Рыбинскому за то, что онъ не ѣдетъ утѣшить ее и успокоить. На слѣдующій день Рыбинскій явился. Юлія Васильевна была несказанно обрадована его пріѣздомъ, но ей все какъ-то не удавалось остаться съ нимъ на-единѣ. Рыбинскій какъ будто умышленно избѣгалъ этого. Въ присутствіи мужа онъ очень много извинялся предъ Юліей Васильевной за Парашу и выразилъ надежду, что она не обращаетъ на это вниманія и что это обстоятельство не такъ напугало ее, чтобы потревожить ея драгоцѣнное здоровье. Юлія Васильевна пристально вглядывалась въ лицо Рыбинскаго, чтобы прочитать на немъ что нибудь, ловила его взгляды, чтобы узнать хоть изъ нихъ что̀ лежало у него на душѣ, но лицо Павла Петровича было совершенно весело и покойно, а въ глазахъ его Юлія Васильевна не могла изловить никакого особеннаго выраженія, какъ будто Рыбинскому нечего было сказать ей, нечѣмъ подѣлиться.

— А что это, дружище, на тебя за напасть? спросилъ Ка-

стрицкій въ присутствіи жены. Слышалъ ли ты? Здѣсь съ часа на часъ ждутъ слѣдственной коммиссіи надъ тобою... Вчера и на меня здѣшніе скоты смотрѣли какъ-то особенно, точно я соучастникъ въ твоихъ преступленіяхъ... Зная наши дружескія отношенія, не хотѣли сказать мнѣ въ чемъ дѣло, но видимо всѣ ждутъ тебѣ какой-то бѣды... Слышалъ ты что или нѣтъ? .

— Давно знаю, и смѣюсь надъ всѣмъ этимъ... Здѣшняя сволочь воображаетъ, что коли губернаторъ прогнѣвался на кого, такъ и пропалъ тотъ человѣкъ... А вотъ я посмотрю, что-то они тогда заговорятъ, когда я разобью всѣ эти козни, да еще потребую отъ губернатора удовлетворенія: какъ онъ смѣлъ оскорбить предводителя дворянства: назначилъ надъ нимъ слѣдствіе, не имѣя достаточныхъ доказательствъ кромѣ жалобы дурака Осташкова и доноса какого нибудь подлеца Палёнова.

— Какъ, развѣ Осташковъ на тебя жалобался?

— Какъ же...

— Ахъ, мерзавецъ... Да за что же?

— Чортъ его знаетъ... Не знаю хорошенько... что я не исполнилъ что ли его просьбы и приколотилъ его... какъ онъ приходилъ просить... Помнишь?

— Ахъ, каналья этакой... Да, вѣдь, это было у меня въ домѣ, слѣдовательно я свидѣтель... Ха, ха, ха!.. Каковъ!.. Что Юлія Васильевна, что благодѣтели... Отогрѣли змѣю на сердцѣ...

— Ну, да что, объ этомъ не стоитъ говорить... Это его подбилъ Палёновъ... Но вотъ что всего интереснѣе — это доносъ Палёнова...

— Да въ чемъ же онъ, въ чемъ состоитъ?

— Пойдемъ въ кабинетъ: я тебѣ разскажу... При Юліи Васильевнѣ неловко: въ такихъ преступленіяхъ онъ меня обвиняетъ... И вѣдь, что всего забавнѣе: они покрываютъ это, вѣроятно, тайной, а меня давно обо всемъ увѣдомили...

Рыбинскій вышелъ подъ руку съ Кастрицкимъ, а Юлія Васильевна опять осталась въ невѣдѣніи и безпокойствѣ... Ее мучило любопытство и почему-то ревность. Съ досады она готова была заплакать. Въ это время къ ней прибѣжала Сашенька, веселая и счастливая, какъ всегда. Юлія Васильевна съ досадой оттолкнула ее отъ себя.

— Поди прочь, сказала она ей: твой отецъ мерзавецъ, ябедникъ... Онъ написалъ жалобу на своего благодѣтеля, на Павла Петровича. Поди вонъ отсюда... Не надоѣдай мнѣ.

Удивленная и испуганная Сашенька вышла изъ гостиной тихими шагами. Въ умѣ ея, какъ будто врѣзались слова, что отецъ ея мерзавецъ, ябедникъ. Она побѣжала разсказывать объ этомъ Уляшкѣ, которая помогла ей уразумѣть эти слова.

Цѣлый день Юлія Васильевна искала случая остаться на-единѣ съ Рыбинскимъ, но случай, какъ на зло, не представлялся. На другой день, однако, она улучила удобную минуту, когда мужъ ушолъ куда-то и вошла въ кабинетъ къ Рыбинскому. Онъ что-то писалъ.

— Послушай, Paul, сказала она съ упрекомъ, садясь возлѣ него. Ты нынче просто бѣгаешь отъ меня...

— Съ чего это ты взяла, Юлія: ты видишь какъ я занятъ...

— Но, мнѣ кажется, прежде всѣхъ занятій тебѣ слѣдовало бы успокоить меня... Ты знаешь, что я вынесла въ эти дни по твоей милости... Ты долженъ бы былъ бросить всѣ твои дѣла и подумать прежде всего обо мнѣ...

— Ну, извините, Юлія Васильевна, вы меня должны знать... Вамъ должно быть извѣстно, что я не способенъ на такое самоотверженіе, чтобы бросать всѣ свои дѣла при подобныхъ обстоятельствахъ, когда на картѣ поставлена моя честь и мое самолюбіе... Я не мальчикъ, а сорокалѣтній мущина... И я никакъ не ожидалъ, чтобы вы стали требовать отъ меня подобныхъ пожертвованій... Я слыхалъ, что любящія женщины не способны на такія эгоистическія требованія...

— Paul, я вижу, ты начинаешь охладѣвать ко мнѣ... Я тебѣ начинаю такъ же надоѣдать, какъ Парашка...

— Если женщина упорно держится за какую нибудь фантазію, такъ эта фантазія наконецъ начинаетъ казаться ей дѣйствительностью... Это вещь извѣстная... Ты постоянно думаешь только о томъ, что я долженъ охладѣть къ тебѣ, и вотъ уже тебѣ начинаетъ казаться, что я охладѣлъ въ самомъ дѣлѣ... Но это скучно, Юлія... Я тебѣ говорилъ нѣсколько разъ, что живу только для настоящей минуты, въ будущее никогда не заглядываю и никогда не ручаюсь за него... Повѣрь мнѣ, что если я къ тебѣ охладѣю, такъ ты не въ силахъ будешь удержать меня никакими упреками... Независимость для меня дороже всего...

— Но ты подумалъ ли когда нибудь о томъ, что будетъ со мною, если ты разлюбишь меня...

— Не думалъ и не хочу думать...

— Я умру, либо сойду съ ума, сказала Юлія Васильевна сантиментально.

— Ахъ, Юлія, признаюсь тебѣ откровенно: вотъ подобными фразами ты можешь охладить меня. Я люблю жизнь, веселье, радость въ лицѣ женщины... Сантиментальность и нытье не въ моемъ вкусѣ: онѣ мнѣ противны.

— Но ты забываешь, Paul, что я по твоей милости оскандализирована предъ цѣлымъ обществомъ: отъ меня всѣ отворачиваются, мнѣ не кланяются... меня оскорбляютъ публично по твоей милости...

— Погоди вотъ немножко: дай мнѣ только побѣдить моихъ враговъ—и, повѣрь—къ тебѣ возвратятся и уваженіе, и вниманіе общества... Я знаю этотъ мірокъ.

— Ну, а если этого не случится?.. Каково будетъ мое положеніе?.. Ты только подумай объ этомъ...

— Но послушай, Юлія... Чего же ты наконецъ хочешь отъ меня?

— Побольше любви и вниманія... Дай мнѣ наконецъ увѣренность, что я не игрушка твоя на одну минуту, что ты никогда меня не бросишь...

— Никогда!.. каково словцо!.. И это говоритъ женщина, которая была влюблена въ своего мужа, а потомъ возненавидѣла его... Вѣдь, ты тоже давала ему клятвы въ *вѣчной* любви... А велика ли была эта вѣчность?..

— Но онъ никогда такъ не страдалъ за меня, какъ я за тебя; я никогда не чувствовала такой обязанности постоянно любить его, какъ долженъ ты чувствовать теперь, послѣ всего что случилось... Наконецъ я не знала, что онъ сдѣлается такимъ пьяницей и такъ охладѣетъ ко мнѣ...

— Ну, почему же ты знаешь, что я не утрачу нѣкогда всѣхъ своихъ достоинствъ въ твоихъ глазахъ?.. Вотъ тебѣ начинаетъ представляться, что я охлаждаюсь въ чувствахъ къ тебѣ... Слово-то, вѣдь, какое выдумали: насилу выговоришь!.. Ну, слѣдовательно и ты должна охладѣть...

— Ты шутишь, ты смѣешься надо мной, Paul...

Юлія Васильевна заплакала.

— Браво, ужь и слезы на сцену... Нѣтъ, Юлія Васильевна, пожалуйста... Мы начинаемъ вести себя, какъ мальчишки. Кончите это, если не хотите сами испортить нашихъ отношеній...

— Ну, ну... Изволь, я успокою тебя: не стану ни плакать,

ни говорить тебѣ о томъ, что́ чувствую, что́ меня мучитъ, только не переставай любить меня. . Юлія Васильевна обвила руками его шею.

— Ну вотъ такъ лучше; только дай мнѣ время... Нужно писать, да того и смотри—кто нибудь войдетъ...

— Что же ты мнѣ не разскажешь, въ чемъ состоитъ доносъ на тебя? .

— Э, мой ангелъ, это мерзость, о которой не стоитъ говорить... И слуха твоего сквернить не хочу...

— Ты опять что-то скрываешь отъ меня... Тебѣ совѣстно мнѣ признаться... Вѣрно, есть въ этомъ доносѣ правда?

Рыбинскій нахмурился. Эта продолжительная бесѣда на одну и ту же тему надоѣла ему; привязчивость Юліи Васильевны дѣлалась ему противна, но онъ сдержалъ себя, чтобы не сказать чего нибудь слишкомъ грубаго.

— Правда или нѣтъ — это все равно, сказалъ онъ довольно сухо, только совѣститься и скрывать мнѣ нечего, потому что это извѣстно всему городу; и если тебя мучитъ любопытство, то ты можешь узнать все отъ перваго встрѣчнаго... Но я тебѣ повторяю, что́ не хочу оскорблять твоего слуха, передавая тѣ мерзости, въ которыхъ меня обвиняютъ... Ну, однако поди, пожалуста, Юлія... Мнѣ некогда... Да и право, мужъ войдетъ... Нехорошо...

— Ну, ну, уйду... Только не сердись и поцѣлуй меня...

Никогда Юлія Васильевна не была такъ противна Рыбинскому, какъ въ эту минуту, и никогда онъ не цѣловалъ ее такъ холодно, какъ въ этотъ разъ.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ противно, думалъ онъ, провожая глазами Юлію Васильевну: эта исторія становится серьёзна и скучна... Женщинѣ благо начать, а тамъ ея упрекамъ, ея требованіямъ и конца не будетъ... Нѣтъ, видно надобно какъ нибудь кончить... Она начинаетъ играть въ очень опасную игру... Пожалуй, затянешься такъ, что послѣ и выхода не будетъ... А Юлія Васильевна въ то же время думала: нѣтъ, нѣтъ, онъ сталъ не тотъ, онъ видимо отдѣлывается фразами, отшучивается... Онъ намѣренъ бросить меня... Я ему надоѣла... Надобно наблюдать за нимъ и не выпускать изъ рукъ...

XI.

Грозные слѣдователи пріѣхали и слѣдствіе надъ Рыбинскимъ началось. Хотя слѣдствіе это производилось по секрету и слѣдователи всѣ свои дѣйствія покрывали непроницаемой тайной, но въ городѣ все было извѣстно еще до ихъ пріѣзда, а таинственностью своихъ дѣйствій слѣдователи утѣшали только сами себя, потому что каждый ихъ шагъ, каждая строка, выходившая изъ подъ ихъ, покрытаго мракомъ, пера, въ ту же минуту становились общимъ достояніемъ. Этому много способствовалъ самъ Рыбинскій, нарочно оглашавшій все, что слѣдователи особенно желали бы скрыть. И напрасно ретивые слѣдователи, воодушевленные лично имъ высказаннымъ желаніемъ губернатора, старались отыскать обстоятельства, которыя могли бы обвинить Рыбинскаго: онъ вездѣ выходилъ чистъ и правъ. Самъ онъ давалъ на всѣ запросы слѣдователей письменныя объясненія очень ловкія, опредѣленныя, написанныя тономъ умѣреннымъ, скромнымъ, но съ достоинствомъ. На запросъ относительно побоевъ, будто бы нанесенныхъ Рыбинскимъ Осташкову, онъ отвѣчалъ съ ироніей, что хотя губернатору должно быть извѣстно, что подобныя жалобы не имѣютъ никакого значенія и силы, если не подтверждены свидѣтельствомъ постороннихъ лицъ, которыхъ Осташковъ не указываетъ, и хотя его превосходительству не слѣдовало бы даже принимать подобной бездоказательной просьбы, а не только назначать по ней слѣдствіе; и хотя отвѣтъ обвиняемаго подобнымъ образомъ можетъ быть опредѣленъ заранѣе, но онъ считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать, что онъ никогда не билъ Осташкова и въ то же время заявить, что онъ оскорбленъ довѣріемъ, которое его превосходительству угодно было дать такой бездоказательной клеветѣ, и полагаетъ, что и все дворянство уѣзда, удостоившее его избранія въ свои предводители, сочтетъ себя оскорбленнымъ въ его лицѣ. На запросъ о жалобѣ Осташкова, что онъ не захотѣлъ принять участія въ притѣсненіяхъ, нанесенныхъ ему его отцомъ и дядей, Рыбинскій отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ только допустить вмѣшательства въ это дѣло Палёнова, который безъ всякаго права и безъ всякаго основанія осмѣлился обратиться къ нему, предводителю, съ письмомъ, наполненнымъ неумѣстными и оскорбительными

выраженіями, а что онъ не оставилъ просьбы Осташкова безъ вниманія—и это гг. слѣдователи могутъ видѣть изъ того, что на другой же день былъ посланъ вызовъ къ отцу Осташкова, по которому онъ и явился; выслушавши же его объявленія Рыбинскій нашолъ, что, въ предѣлахъ данной ему власти, онъ не могъ взять на себя права рѣшить это дѣло, требующее судебнаго разбирательства, хотя и считаетъ отца Осташкова совершенно правымъ, а жалобы на него сына неосновательными. При этомъ, какъ доказательство вздорнаго характера Палёнова, Рыбинскій представилъ прошеніе на него, поданное къ нему Александромъ Никитичемъ. Разспросы и розыски слѣдователей по указаніямъ Палёнова также ни къ чему не повели. Никто не могъ запретить Рыбинскому держать у себя хоръ пѣвчихъ, а на безнравственность его отношеній къ своимъ горничнымъ никакихъ уликъ не оказалось. Когда было получено отъ губернатора предписаніе присоединить къ слѣдствію свѣдѣнія, полученныя губернаторомъ о Парашѣ, всѣ полагали, что предъ этимъ обстоятельствомъ Рыбинскій наконецъ станетъ въ тупикъ и запутается; но онъ объяснилъ, что Параша, вслѣдствіе дурнаго своего поведенія, и наклонности къ пьянству, доводившему ее до припадковъ бѣшенства, была отправлена имъ, для исправленія, въ дальнюю вотчину, подъ надзоромъ старосты, вмѣстѣ съ незаконно-прижитыми дѣтьми, что она бѣжала оттуда и въ пьяномъ видѣ поймана здѣсь въ городѣ и привезена была къ нему, что вслѣдствіе изъявленнаго ею раскаянія и желанія выйти замужъ за одного изъ крестьянъ той вотчины, она вновь отправлена имъ туда, и что если раскаяніе ея было искренно и она не измѣнила своему намѣренію, то, вѣроятно, въ скоромъ времени, а можетъ быть уже и теперь, вышла замужъ, согласно собственному своему выбору и желанію. Давши это объясненіе Рыбинскій въ то же время послалъ нарочнаго въ ту губернію, гдѣ находилось имѣніе, куда отправлена была Параша; этому нарочному была вручена довольно значительная сумма денегъ, часть которой онъ долженъ былъ отдать Парашѣ, какъ приданое на ея свадьбу, а остальное употребить по усмотрѣнію, въ случаѣ, если, по требованію слѣдователей, Параша будетъ подвергнута допросу и будетъ давать неблагопріятныя для Рыбинскаго показанія.

По мѣрѣ того, какъ слѣдствіе шло такъ благопріятно для Рыбинскаго, лица городскихъ чиновниковъ, при встрѣчѣ съ нимъ

расцвѣтали, улыбки ихъ дѣлались умильнѣе и поклоны почтительнѣе; а дворяне — благопріятели Рыбинскаго — приходили въ большее и большее негодованіе противъ губернатора и Палёнова. Карѣевъ разъѣзжалъ по уѣзду и возмущалъ дворянъ: онъ предлагалъ послать губернскому предводителю письмо за общимъ подписомъ, съ требованіемъ вступиться за честь напрасно оскорбляемаго, всѣми уважаемаго предводителя и довести объ этомъ до свѣдѣнія министра. Письмо это было дѣйствительно написано и послано. Къ этому времени возвратились въ губернскій городъ и слѣдователи, съ печальными лицами и съ полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Оставалась одна надежда — на показаніе Параши; но когда оно пришло, губернаторъ съ досадою увидѣлъ, что и въ немъ нѣтъ ничего, что́ могло бы служить къ обвиненію Рыбинскаго. Губернскій предводитель сначала не рѣшался исполнить требованіе дворянъ и ограничился только тѣмъ, что заявилъ его сконфуженному губернатору. Но, по окончаніи слѣдствія, торжествующій Рыбинскій самъ явился къ нему, объявилъ, что онъ посылаетъ жалобу министру на незаконность и оскорбительность дѣйствій губернатора, и требовалъ, чтобы онъ съ своей стороны сдѣлалъ то же, такъ какъ вызываемъ былъ къ этому общимъ голосомъ дворянъ. Нерѣшительный и миролюбивый старикъ долженъ былъ уступить и согласиться. Черезъ нѣсколько времени по городу разнесся слухъ, что губернаторъ получилъ изъ Петербурга запросъ по дѣлу Рыбинскаго, а вслѣдъ за тѣмъ строжайшее замѣчаніе за неосмотрительность и незаконность дѣйствій. Рыбинскій сдѣлался героемъ всего губернскаго общества, которое было вообще недовольно губернаторомъ. Къ величайшему неудовольствію послѣдняго, Рыбинскій взялъ отпускъ и нарочно поселился въ губернскомъ городѣ, гдѣ безпрестанно давалъ обѣды и балы, не приглашая на нихъ губернатора и охотно разсказывая при всякомъ случаѣ о его неудачномъ нападеніи. Палёновъ былъ совершенно уничтоженъ и упалъ духомъ. Онъ замѣчалъ, что большинство дворянъ его оставило, или смѣется надъ нимъ почти въ глаза. Даже партія его единомышленниковъ разстроилась: даже маленькій генералъ замѣтилъ ему, что онъ увлекся; что если бы онъ держалъ Осташкова на приличной отъ себя дистанціи, дѣлалъ бы ему благодѣянія, но не позволялъ бы ему забываться и не принималъ участія во всѣхъ дрязгахъ его жизни, то ничего бы этого не случилось.

— Помилуйте, наше ли съ вами дѣло возиться съ этимъ народомъ... Всякій долженъ знать свое мѣсто... Ну, нуждается человѣкъ — дать ему денегъ и то немного... А потомъ ступай вонъ... Вѣдь, вотъ я самъ тоже благодѣтельствовалъ ему, но дальше и ничего... Увлеклись, увлеклись, батюшка... увлеклись до униженія... заключилъ генералъ съ важностію.

Палёновъ чувствовалъ, что даже его собственная партія не считаетъ его болѣе способнымъ быть предводителемъ. Онъ упалъ духомъ до такой степени, что даже не рѣшился ѣхать на выборы, а когда узналъ, что Рыбинскій большимъ числомъ голосовъ избранъ въ губернскіе предводители, даже сдѣлался боленъ отъ бѣшенства, и, выздоровѣвши, объявилъ женѣ, что не можетъ болѣе жить здѣсь и предложилъ переѣхать въ Москву, или Петербургъ. Жена съ радостью согласилась, и черезъ мѣсяцъ послѣ того усадьба Палёнова опустѣла.

XII.

Никеша, обрадованный сначала приказаніемъ губернатора возвратить отнятый у него хлѣбъ, что полиція тотчасъ и объявила Александру Никитичу, первое время по возвращеніи изъ города съ торжествомъ посматривалъ на домашнихъ и съ важностью разсказывалъ давно всѣмъ извѣстную исторію о его свиданіи съ губернаторомъ. Александръ Никитичъ обѣщалъ исполнить губернаторское приказаніе, возвратить хлѣбъ взятый у Никеши, но объявилъ, что до своей смерти онъ не дастъ Никешѣ земли и что никто его къ этому принудить не можетъ. Никеша храбрился передъ отцомъ и дядей, и семейная вражда возрастала. Прасковья Ѳедоровна торжествовала и безпрестанно твердила Никешѣ:

— А что, Никаноръ Александровичъ, говорила ли я тебѣ, что только держись за господъ—и не будешь оставленъ... А скажи-ка: кто тебя въ эту компанію ввелъ... Не холопка ли свекровь... То-то, мой милый дружокъ, вотъ до чего дошолъ: съ губернаторомъ удостоился говорить, въ комнатахъ у него, въ самомъ кабинетѣ былъ...

Но не смотря на это торжество, въ душѣ Никеши не было покойно. Со страхомъ и трепетомъ думалъ онъ о томъ, что

осмѣлился подать жалобу на такого человѣка, какъ Рыбинскій. Онъ не смѣлъ даже объ этомъ сказать и своимъ домашнимъ и внутренно сѣтовалъ на Палёнова, что онъ ввелъ его въ этакое дѣло.

— Ну, тягались бы между собой, думалъ онъ, а меня-то зачѣмъ въ отвѣтъ поставили... Ужь Павелъ Петровичъ дойдетъ меня, ужь я знаю, что дойдетъ... Опять же онъ и благодѣтель мой: Сашеньку взялъ на воспитаніе... Ай, не хорошо дѣло... Никеша боялся даже ѣздить и къ дворянамъ, опасаясь встрѣтиться тамъ съ Рыбинскимъ. Навѣщалъ только одного Палёнова; но каждый разъ замѣчалъ, что Николай Андреичъ становится все мрачнѣе, и съ нимъ какъ будто не такой какъ прежде. Живя въ своихъ Охлопкахъ и никуда не показываясь, онъ не зналъ, что́ дѣлается въ городѣ и не подозрѣвалъ о слѣдствіи, которое производилось надъ Рыбинскимъ.

Между тѣмъ наставала зима. Никеша зналъ, что приближаются выборы и отправился къ Палёнову напомнить объ его обѣщаніи—попросить о помѣщеніи сына въ гимназію на дворянскій счетъ. Онъ засталъ Палёнова раздражоннымъ до высочайшей степени. Никеша робко поклонился. Палёновъ не обращалъ на него вниманія.

— На выборы не изволите ли собираться? осмѣлился онъ спросить послѣ продолжительнаго молчанія.

— Убирайся, братецъ ты... Не ходи ко мнѣ, не показывай своей рожи, которая только раздражаетъ меня...

— Батюшка, благодѣтель... Простите вы меня: въ чемъ я провинился передъ вами?..

— Пошолъ вонъ, говорятъ тебѣ... закричалъ на него Палёновъ. Я изъ за-тебя, скота, сдѣлался общимъ посмѣшищемъ: мнѣ показаться никуда нельзя по твоей милости... И вздумалъ въ самомъ дѣлѣ принимать участіе въ этакихъ скотахъ... На выборы ѣхать... На выборы... Пошолъ вонъ... Не надоѣдай.

Никеша печальный вышелъ и сталъ разспрашивать дворню о причинѣ барскаго гнѣва. Абрамъ Григорьичъ, страдавшій больше всѣхъ отъ этого гнѣва, только ругнулся вмѣсто всякаго отвѣта на вопросъ Никеши. Аристархъ Николаичъ, какъ секретарь своего господина, знавшій въ чемъ дѣло, объяснилъ ему, что Николай Андреичъ вздумалъ было сверзить Рыбинскаго, да сила не взяла, значитъ комплекціи своей не выдержалъ — и остался

при одномъ стыдѣ... Дворянство все за Рыбинскаго стало, а не за нашего. Вотъ и буйствуетъ...

Никеша, совершенно обезкураженный, воротился домой. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣхалъ было къ Палёнову, но его даже и не допустили къ нему, а потомъ онъ узналъ, что Палёновъ уѣхалъ въ Москву, а Рыбинскій выбранъ губернскимъ предводителемъ.

Никеша сунулся было къ нѣкоторымъ прежнимъ своимъ благодѣтелямъ, но всѣ его встрѣчали бранью, укорами и насмѣшками, никто не хотѣлъ слушать его оправданій; о милостяхъ и неоставленіяхъ нечего было и говорить. Пріунылъ бѣдный Осташковъ. Нужда его стала сильно допекать, а на бѣду и Наталья Никитишна все хирѣла съ той самой поры, какъ ее огорчило похищеніе хлѣба.

Никеша подумалъ дѣйствовать черезъ Юлію Васильевну, чтобы она вымолила ему прощеніе у Рыбинскаго. Къ тому же и дѣтокъ надо было провѣдать: надо было пристроить какъ нибудь Николиньку, который, съ отъѣздомъ Палёнова, остался безъ покровителя, и за квартиру его не было плачено мѣсяца за два. Но въ городѣ Никешу встрѣтило новое нежданное горе. Съ отъѣзда въ губернскій городъ Рыбинскій вдругъ прекратилъ всѣ сношенія съ Кастрицкой: онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы оборвать связь, которая начала тяготить его. Какъ ни ухищрялась Юлія Васильевна, какія ни принимала мѣры, чтобы опять сблизиться съ Рыбинскимъ, ничто не удавалось. Ни письма, ни личный пріѣздъ въ губернскій городъ, ничто не помогло. Съ отчаяніемъ увидѣла Юлія Васильевна, что она оставлена. И снова нужда поселилась въ ея роскошную квартиру и снова начались ссоры и взаимные упреки между ею и мужемъ. Сашенька уже становилась въ тягость. Ею не только не занимались, она была въ загонѣ, и проводила все время въ дѣвичей съ Уляшкой, обносилась, оборвалась, не смѣла входить къ постоянно сердитой мамашѣ, часто даже обѣдала въ дѣвичей и не разъ получала тукманки отъ Маши. Уляшка объяснила ей, что вся эта перемѣна произошла отъ того, что пока барыня любилась съ Павломъ Петровичемъ, такъ всего у нихъ было много, была она и весела, и добра; а теперь разлюбилъ ее Павелъ Петровичъ — и ничего у нея не стало, и сама сдѣлалась такая невеселая, да сердитая.

Юлія Васильевна не захотѣла и видѣть Осташкова, а его позвалъ къ себѣ Иванъ Михайлычъ и, пьяный, грубо объявилъ ему, чтобы онъ бралъ дочь назадъ, что онъ ужь хотѣлъ было отослать ему ее, да кстати самъ пріѣхалъ, что она надоѣла ему и женѣ, и они не могутъ больше ее воспитывать.

Залился было Никеша слезами, упалъ на колѣни, хотѣлъ просить, но Иванъ Михайлычъ вытолкалъ его вонъ, повторивши, чтобы онъ увезъ дочь и погрозивъ ему въ противномъ случаѣ просто вытолкнуть ее на морозъ. Саша обрадовалась отцу и бросилась къ нему на шею, но онъ сурово оттолкнулъ ее отъ себя и съ грустью замѣтилъ, что Сашенька не была уже нарядная барышня, какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Онъ послалъ дочь къ Юліи Васильевнѣ проститься, надѣясь, что авось либо она сжалится надъ ребенкомъ. Юлія Васильевна допустила къ себѣ названную дочку, обняла ее, поплакала надъ ея головою, вспомня, что она была свидѣтельницею ея счастливыхъ дней, но когда Саша тоже заплакала, велѣла ей уйти и собираться ѣхать съ отцомъ. Осташкова видѣть не согласилась, но велѣла Машѣ отдать Сашенькѣ всѣ ея платья, и прибавила ей еще два своихъ старыхъ теплыхъ капота.

Николиньку Осташковъ нашолъ не въ училищѣ, а на базарѣ, торгующаго калачами. Мѣщанка калачница, къ которой онъ отданъ былъ на квартиру, цѣлыхъ два мѣсяца не получая за него никакой платы, сначала не знала что́ съ нимъ дѣлать, а наконецъ надумала употреблять его для собственныхъ послугъ. Цѣлый мѣсяцъ уже онъ не ходилъ въ училище: хозяйка нашла, что ему нечего попусту шляться туда, коли и денегъ за него не платятъ, видно не по его рылу наука; а смотритель училища, который сначала былъ очень внимателенъ къ нему, со времени паденія Палёнова счелъ себя освобожденнымъ отъ обязанности заботиться о Николинькѣ. Толкнулся было Никеша къ смотрителю съ жалобой на хозяйку, но онъ съ важностію объявилъ, что это не его дѣло, а что онъ съ своей стороны даже не хочетъ и имѣть въ училищѣ такого мальчика, за котораго не платятъ деньги на квартирѣ, и который, будучи благороднаго происхожденія, торговалъ на базарѣ калачами.

— Онъ у меня сидѣлъ на одной лавкѣ съ благородными дѣтьми, которыя видятъ у себя дома одни хорошіе примѣры...

сказалъ онъ. Какъ же я пущу къ нимъ мальчишку, который шляется по базарамъ, насмотрѣлся и наслушался тамъ Богъ знаетъ чего... У меня благородныя дѣти отдѣлены отъ прочихъ, они составляютъ свою компанію, вашъ былъ съ ними, и теперь общество его можетъ быть для нихъ заразительно... Да и опять же я вижу — вамъ нечѣмъ его содержать... Нѣтъ, извольте, извольте его взять отъ меня... Я его исключаю изъ училища.

Усадивши ребятишекъ въ сани и оплакивая свою горькую долю, потащился Никеша домой. Смирно сидѣли дѣти въ саняхъ, прижавшись другъ къ другу, радуясь свиданію послѣ долгой разлуки, довольные, что возвращаются домой, и молча поглядывали другъ на друга, не смѣя говорить, чтобы не разсердить мрачнаго и унылаго отца, который изрѣдка обращался къ нимъ съ бранью, какъ будто они были въ чемъ виноваты.

— Вотъ опять нахлѣбники, опять васъ корми, ворчалъ Никеша, сердито взглядывая на дѣтей.

Неожиданное возвращеніе дѣтей обрадовало въ первую минуту мать и бабушекъ, но Никеша крупнымъ словомъ оборвалъ эту радость и горькія слезы смѣнили ее, когда Никеша объяснилъ причину возвращенія.

— Что я теперь буду дѣлать... Куда я дѣнусь... Чѣмъ мнѣ кормить этакую ораву?.. говорилъ Никеша въ мрачномъ отчаяніи.—Благодѣтелей я потерялъ, землю у меня отняли... Что мнѣ дѣлать теперь?.. Куда голову приклонить?.. Съ голоду помремъ теперь... И вся семья, молча, уныло, притаивъ дыханіе, слушала эти страшныя слова. Скоро другая семья Осташковыхъ узнала о бѣдахъ, постигшихъ Никешу; но ничье сердце не тронулось его несчастіемъ. И въ той избѣ было не радостнѣй... Иванъ спился съ кругу, въ компаніи Харлампія Никитича, и началъ воровать отъ отца, закладывать одёжу... Харлампій Никитичъ, правда, ужь не буйствовалъ по прежнему... Александръ Никитичъ узналъ наконецъ, что пенсіонъ братца такъ ничтоженъ, что его, пожалуй, не станетъ ему и на водку, и подъ часъ огрызался на брата... Надежда получить должность кончилась тѣмъ, что Рыбинскій выгналъ отъ себя Харлампія Никитича, когда онъ вновь явился къ нему пьяный, съ просьбой объ опредѣленіи... Онъ былъ уже въ то время губернскимъ предводителемъ, и пріѣзжалъ на недѣлю въ свою усадьбу.

— Пьяницамъ у меня нѣтъ мѣста, сказалъ онъ. Подите вонъ... Какъ вы не умѣли понять, что я шутилъ, обѣщая рекомендовать васъ дворянамъ...

Послѣ этого случая и Иванъ потерялъ къ дядѣ всякое уваженіе, такъ что иногда даже, подъ пьяную руку, колачивалъ его.

Несчастіе Никеши не только не трогало, но даже утѣшало его родныхъ.

— Пускай посмирится, говорилъ Александръ Никитичъ. Больно ужь зазнался... За непочтеніе къ отцу Богъ наказываетъ... Пускай-ка попробуетъ съ холопками-то своими, каково своей спиной хлѣбъ заработывать...

— Да что ему, батюшка, тужить-то: у него свекровь богата... Прокормитъ... поддерживалъ его Иванъ. А встрѣчаясь съ братомъ, иногда даже поддразнивалъ его: что каковъ господскій-то хлѣбъ?.. Теперь у кого на хлѣбахъ?.. Свекровь, холопка, что ли кормитъ?.. Никеша обыкновенно ничего не отвѣчалъ и проходилъ молча, отворачиваясь отъ брата. Иванъ провожалъ его нахальнымъ смѣхомъ.

Правду, видно, говоритъ пословица, что бѣда бѣду родитъ. Всѣ несчастія Никеши окончательно сломали послѣднюю его надежду, его неутомимую работницу, Наталью Никитишну: она потеряла всякую силу, стала неспособна ни на какую работу, сохла и чахла. Вмѣсто прежней неутомимой, заботливой, всегда веселой работницы, лежала на печи сухая, сгорбленная старушонка, и только кашлемъ, оханьемъ да стономъ напоминала о своемъ существованіи, которое становилось въ тягость и ей самой и окружающимъ...

Прасковья Ѳедоровна также измѣнилась: куда дѣвался умъ и разсудительность... Она уже не только не смѣла наставлять Никешу на-разумъ, но боялась его... Отдавала послѣднія крохи, чтобы поддержать семью, но этихъ крохъ у ней у самой уже было немного, и едва ставало на собственное пропитанье...

Никеша не сдѣлался ретивымъ и заботливымъ человѣкомъ, послѣ всѣхъ передрягъ, которыя послала ему судьба: онѣ не исправили его отъ лѣни и бездѣйствія, къ которымъ пріучила его жизнь съ благодѣтелями. Онъ не терялъ надежды вновь пріобрѣсти расположеніе старыхъ или найти новыхъ милостивцевъ,

и то и дѣло шлялся то въ ту, то въ другую господскую усадьбу, прося подаянія... А между тѣмъ нищета наложила свою тяжолую руку на его несчастную семью...

Алексѣй Потѣхинъ.

Н-2 88

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS